САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

СОЛДАТ УДАЧИ

Джон Маддокс Робертс

ПРИЗОВОЙ ТОМ! Список победителей Хайборийской викторины!

МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
КИММЕРИЯ
ХАЛОГА
СТЕПИ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ДЕБРИ ПИКТОВ
БРИТУНИЯ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
НЕМЕДИЯ
Галлоран
Велитриум
Танасул
Бельверус
Нумалия
Султанапур
Тарантия
Шадизар
КОРИНФИЯ
ЗАМОРА
Карпашские горы
Аренджун
КХИТАЙ
остров Железных Идолов
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
ЗИНГАРА
АКВИЛОНИЯ
ТАУРАН
Шамар
Ианта
ОФИР
Хоршемиш
Акит
Кордава
ХАУРАН
Агрипур
Эрук
ХОРАЙЯ
Самарра
остров Ксапур
Барахские острова
Мессантия
Асгалун
ШЕМ
АРГОС
Замбула
Шангара
Хорезм
ВЕНДИЯ
Кутхемес
Кеми
Лукхур
Птейон
СТИГИЯ
Сухмет
остров Сиптаха
Алкменон
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
Кассели
ПУНТ
ИРАНИСТАН
ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
Ксутал
Кешла
Ксухотл
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
ЗЕМБАБВЕ
Черный остров
С
З
В
Ю

КТО НЕ С НАМИ,
ТОТ ПРОТИВ НАС !

КОНАН
КЛУБ

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

СОЛДАТ УДАЧИ

Джон
Маддокс
Робертс

Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
Санкт-Петербург
1995

ББК 84.7 США
М 13

John Maddox Roberts

Conan the marauder. Copyright © 1987 by Conan Properties, Inc.
Conan the rouge. Copyright © 1991 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ – зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Маддокс Робертс Дж.

М13 Солдат удачи: Романы / Перевод с англ. – СПб.: Терра–Азбука, 1995. – 496 с.

ISBN 5-7684-0019-2

В сборник вошли два романа одного из самых талантливых писателей нового поколения.

© 1995 «Азбука» – «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0019-2

Завершается год, завершилась «Хайборийская викторина», и нам захотелось сделать подарок всем Вам, дорогие читатели. Независимо от того, принимали Вы участие в викторине или нет, выиграли или не выиграли. Вот Вам книга, где вместо привычного одного романа Вы найдете два. И два каких! Мы выбрали лучшее, что было в нашем редакционном портфеле.

Выход этой книги не означает, что «Конан» снова меняет свой формат. Просто время от времени мы будем публиковать в отдельных томах большого формата произведения тех авторов, которые внесли наибольший вклад в «сагу о великом воителе». Надеемся, что эта новость обрадует коллекционеров.

По нашему мнению, первым из тех, кто заслуживает подобного «большого» издания, является Джон Маддокс Робертс. Этот молодой американский писатель вдохнул в «сагу» новую жизнь, обогатил ее оригинальными сюжетами. На сегодняшний день он просто лучший из того поколения писателей, что пришло на смену Спрэгу де Кампу и Лину Картеру.

Кроме того, в этой книге Вы найдете нулевой выпуск «Вестника Конан-клуба», будущее которого целиком зависит от Вас.

Читайте только то, что Вам нравится.

Всего доброго.

Редакция фантастики
издательства «Азбука».

Дикая орда

РОМАН

Глава 1

Позади были холмы. Их даже можно было назвать горами, если сравнить с жалкими бугорками Запада. А за холмами вздымались уже настоящие горные хребты. Покрытые вечными снегами кряжи громоздились ярус за ярусом, казалось, они простираются без конца — до высочайшей точки мира, горы Пайярам, Столпа Богов.

Впереди же раскинулась степь. Безбрежное раздолье трав тянется от моря Вилайет до легендарного Кхитая и от северной границы Вендии до сосновых лесов на далеком Севере. Рек здесь немного, и летом они по большей части пересыхают. Сухой сезон в степи длится мучительно долго — в эту пору достаточно удара молнии или беспечной неосторожности случайного путника, чтобы увядшие, жухлые травы превратились в океан пламени. Кроме кочевников, мало кто забредал в степные просторы, однако на юге равнину пересекали древние караванные пути, связывающие западные и восточные страны. А на перекрестьях старинных дорог, там, где всегда найдется вдосталь воды, протянули к небу узорчатые башни и сверкающие золотом купола великие торговые города: Лакаш, город Серебряных Врат, славный золотых и серебряных дел мастерами; Маликта, где торговали драгоценными камнями, жемчугом и нефритом; Бахроша — город благовоний и пряностей; блистательная Согария, где кхитайские шелковые нити окрашивали красками из Вендии и с далеких островов Восточного Моря, а после ткали из них чудесные ткани.

Не спеша продвигаясь по бескрайней степи на запад, Конан-киммериец как раз размышлял о всяческих сокровищах и соблазнах, что скрываются за высокими стенами богатых городов. Великое множество раз жадный до всего нового и необычного варвар слушал сказки о прославленных степных твердынях — у козацких костров, в пещерах хималейских горцев и на залитых звездным светом палубах стремительных галер Красного Братства. Наверняка все эти разношерстные бандюги, рубаки и головорезы только и мечтали, чтобы пограбить сонные твердыни разжиревших торгашей. Но степь так широка, что лишь опытные караванщики, хорошо подготовившись к походу, могли лелеять надежду преодолеть

огромные расстояния между городами. А о том, чтобы после такого пути еще и вести осаду, и речи быть не могло.

Однако неугомонный киммериец, влекомый неукротимой жаждой странствий и приключений, варварским своим нутром чуял — он еще попадет в роскошные степные города и хорошенько тряхнет их. А пока что он собирался назад, в западные королевства. Он достаточно пожил в горах среди свирепых дикарей, теперь его манили разноязыкие, многолюдные города Гипербореи. Наверняка какие-нибудь из них ведут сейчас войну, а значит, опытный боец вроде него без дела не останется.

Как обычно, киммериец путешествовал верхом и налегке. На широком, с серебряными заклепками поясе висел ильбарский клинок, прямой, длинный, острый как бритва, в искусно сработанных ножнах из дубленой кожи, со стершейся от времени костяной рукоятью. Короткий кривой кинжал заткнут за пояс. Могучий торс и широченные плечи варвара защищала кольчуга легкой туранской стали, покрытая серебром, чтоб не ржавела. Щитки из такой же стали прикрывали шею, а на свою густую черную шевелюру Конан нахлобучил рифленый шлем. Таскать по степной жаре тяжелые сапоги и плотные кожаные штаны смысла не имело. Поэтому киммериец ограничился простой набедренной повязкой и сандалиями. В притороченном к седлу колчане был короткий лук из дерева и рога и стрелы с оперением из орлиных перьев.

Конан на ходу обдумывал маршрут. Через несколько дней он достигнет южных берегов моря Вилайет — этот край никак не поделят Туран и Иранистан. Там он встретит своих старых друзей — козаков, и отдохнет в их шатрах у костров. Потом предстоит пересечь земли Турана, где киммерийцу отнюдь не улыбалось попасть под горячую руку стражникам царя Ездигерда. Впрочем, бояться нечего. Человеку, правившему племенами афгулов, не составит труда уйти от не слишком многочисленных и довольно неуклюжих туранских всадников.

Размышляя примерно таким образом, Конан час за часом продвигался на запад. К задней луке седла у него были привязаны завернутые в плащ запас провианта на несколько дней, нехитрое походное снаряжение и огниво. В основном же киммериец добывал пищу охотой. Одно его тревожило — он лишился запасной лошади. Второй скакун пал от укуса ядовитой змеи в самом начале странствия. Пеший же путник обречен в степи на мучительную смерть. Но, привыкший к невзгодам и тяготам бродячей жизни, киммериец не унывал — он постарается сохранить лошадь, пока не добудет еще одну. А случись что по дороге — ну что ж, небольшое расстояние он сумеет протопать и пешком.

На рассвете шестого дня пути Конан проснулся с первым лучом солнца, собрал пожитки и затоптал угли небольшого костра.

Киммериец вознамерился было уже вскочить в седло, но тут его орлиный взгляд уловил еле заметное движение на далекой линии горизонта. Глаза не такие зоркие, как у киммерийца, никогда не разглядели бы крохотные темные силуэты пяти всадников на фоне багрового щита восходящего солнца. Рядом со всадниками остроглазый варвар разглядел группу свободных лошадей. Степные воины всегда так поступают: отправляясь в набег, берут с собой сменных скакунов. Прежде чем тронуться в путь, Конан предусмотрительно натянул на лук тетиву и развязал на колчане крепкие тесемки, чтобы оружие можно было легко выхватить в любой момент. Может, пришельцы ничего худого не замышляли. Но настоящий воин каждое мгновение должен быть готов к схватке, иначе долго он на свете не протянет. Конан спокойно направил коня по намеченному давеча маршруту — на запад. Удирать теперь уже не имело смысла: незнакомцы заметили его, и, если они пустятся в погоню, уйти все равно не удастся. Его конь скоро устанет, а враги пересядут на свежих лошадей...

Солнце медленно катилось по голубой небесной тверди. Конан время от времени останавливался, чтобы дать коню передохнуть, а заодно оглядеться и понаблюдать, что там поделывают преследователи. К полудню всадники стали вдвое ближе, но, когда Конан в очередной раз остановился, незнакомцы пропали из виду. Конан пожал плечами, подумав, что, может, загадочные наездники вовсе не за ним гнались. Однако же тетивы с лука не снял.

Когда же солнце стало клониться к закату, Конан приметил по левую руку от себя какое-то движение. Он обернулся: двое всадников приближались к нему. Конан развернул было коня вправо, но увидел, что и с этой стороны к нему скачут трое. Оставалось двигаться прямо вперед. Стараясь уйти от преследователей, он дал коню шпоры и пустил его резвой рысью.

Как это им удалось так ловко обойти его с флангов? Этот вопрос вертелся у киммерийца в голове, пока он судорожно пытался оторваться от погони. Наверное, им хорошо знакома эта часть степи. Земля здесь совершенно ровная, но с небольшим уклоном. Должно быть, они прятались за невысокими откосами, пока не подобрались вплотную. А теперь они гнали жертву вверх по склону. Скоро конь устанет, и тогда... С кем это довелось столкнуться? Когда преследователи приблизились, Конан увидел, что трое из них одеты в кожаные доспехи, а на двух других нет ничего, кроме набедренных повязок и войлочных сапог до колен. Позади у каждого воина висела кривая сабля, а к седлам были приторочены луки, гораздо большие по размеру, нежели у Конана.

Гирканийцы! Судя по высоким остроконечным шапкам со свисающими полями, они принадлежали к одному из западных

племен. Прямо на глазах у киммерийца один из всадников легко и непринужденно перепрыгнул с уставшей лошади на свежую, прихватив с собою лук и колчан со стрелами. Говорили, что гирканийцы — лучшие в мире наездники, и только сейчас Конан по-настоящему убедился в этом.

Теперь он знал, от кого удирает. Да что толку? Вряд ли степняки стали бы терять целый день ради одного уставшего коня. Поживиться у Конана нечем — это они могли бы заметить. Значит, просто любопытство, охота забавы ради? Ладно, пусть теперь догоняют, они дорого заплатят за эту забаву.

Когда бока у скакуна стали раздуваться, как кузнечные меха, а с губ полетели клочья пены, Конан решил, что не стоит загонять бедное животное до смерти. Иначе потом придется тащиться пешком. Оглянувшись, он не нашел поблизости никакого маломальски пригодного укрытия. Конан понял, что настала пора действовать. Он достал лук, как можно сильнее натянул тетиву и, развернувшись в седле, пустил стрелу в ближайшего из преследователей.

У степняка имелся небольшой щит вендийской стали, на гирканийский манер отделанный по краям каким-то мехом. Но пока стрела Конана летела к цели, кочевник, особо не торопясь, поднял щит и успел отразить выстрел.

Киммериец прицелился еще раз — во всадника без доспехов. Степняк с такой же презрительной легкостью уклонился от стрелы. Блеснув, стрела полетела еще в одного, но он просто пригнулся, пропуская ее мимо.

— Кром! — прорычал Конан. По сравнению с этими парнями его старые приятели-козаки в конном бою выглядели бы просто детьми. Но почему гирканийцы сами не бьют стрелами? Все ясно: Конан нужен им живым. Киммериец мрачно усмехнулся. Прежде чем они притащат его на какой-нибудь невольничий рынок, он оставит им на память парочку хороших зарубок! Конан придержал коня и вытащил меч. Какими бы непревзойденными наездниками и прославленными лучниками степняки ни были, про их успехи в рукопашной схватке киммерийцу слышать что-то не доводилось.

— Подходите, потолкуем один на один! — крикнул Конан. Он попробовал пальцем лезвие ильбарского клинка. — Вот этой штукой я вам мозги-то прочищу!

Всадники быстро окружили киммерийца, впрочем держась пока на почтительном расстоянии. Кочевники крутили в руках какие-то странные штуковины, — крутили так быстро, что нельзя было толком рассмотреть. Конан не стал терять времени, разгадывая маневры противника. Если кто-то из них подберется поближе, он все равно увидит, какую именно пакость степняки при-

готовили. Во всяком случае, одно преимущество у Конана было: гирканийцы хотели взять его живым. У киммерийца же в отношении врага такие милосердные намерения отсутствовали.

Один из всадников издал гортанный крик. Что-то длинное и тонкое просвистело у Конана перед глазами и накрепко обвилось вокруг рук и груди. Теперь понятно — это аркан! Конан повел могучими плечами, ожидая, что аркан лопнет, но он только сильнее врезался в мышцы прямо под короткими рукавами кольчуги.

Киммериец неловко попытался перерезать веревку ножом, но другой всадник молниеносно выхватил длинную плеть и с размаху ударил Конана по правому запястью. А в это время остальные степняки набросили еще несколько петель. Глубоко вздохнув, Конан попытался вырвать ручку кнута из седельной сумки, но тут еще одна петля захлестнула шею. Глаза у варвара налились кровью — он последний раз попытался порвать путы. Увы, веревки были не толще мизинца, но покрепче любого каната. Три вражеских коня одновременно рванулись, и Конан грохнулся наземь. Последнее, что он увидел, прежде чем потерять сознание, была кривая ухмылка под вислыми усами на роже одного из гирканийцев.

Конан очнулся в сумерках, когда последние бледные лучи солнца мерцали на горизонте. Варвар обнаружил, что лежит на левом боку и левая рука изрядно затекла. В голове звенело, будто где-то рядом лупили в вендийский боевой гонг. В глотке пересохло так, что трудно было дышать. Он попытался сглотнуть слюну, но не смог — горло распухло. Конан попробовал пошевелиться, но это оказалось непросто — он лежал со связанными вместе запястьями. Узел был тугой, но не настолько, чтобы нарушилось кровообращение. Эти бандюги понимали, что никто не купит безрукого и безногого раба.

Конан неуклюже сел. И увидел, что степняки не удосужились связать ему ноги. Понятно: куда бы он ушел в степи? Из одежды на Конане остались лишь набедренная повязка и сандалии. Это тоже вполне понятно... Вдруг где-то сзади послышались голоса. Конан обернулся, чтобы рассмотреть говорившнх.

Четверо гирканийцев сидели у костра и жарили на вертелах мясо. В нескольких шагах от каждого была привязана лошадь. Пятый гирканиец, наверное, караулил остальных скакунов, а может быть, повел их на водопой. Степняки тихо переговаривались, временами негромко смеялись, не обращая на пленника ни малейшего внимания. Конан почувствовал соблазнительный запах жаркого, и в животе у него заурчало.

— Эй, ты! — крикнул Конан. Язык, на котором говорили степняки, отдалено напоминал иранистанский. Конан подумал, что они, может быть, поймут наречие приграничных торговцев. — Ты,

папаша длинноусый, у тебя детишки в кого пошли, в деревенского шамана? Ты меня кормить-то собираешься или надеешься с барышом продать мой скелет?

К киммерийцу сразу повернулись четыре бандитские рожи. Конан заметил, что кожа у степняков изначально белая, только сильно потемнела на солнце да продубилась на горячем ветру. У двоих кочевников были голубые глаза. Рыжеволосый степняк, который теперь снял доспехи, встал и подошел к киммерийцу. Кривые ноги и косолапая походка выдавали в нем человека, всю жизнь просидевшего в седле. На нем был плащ из тонкого войлока и неизменная шапка, из-под которой сзади свисали тонкие косы ниже плеч.

— Не дело, чтобы неповоротливая вендийская обезьяна так разговаривала с благородными всадниками Гиркании. Заткнись, трахаль волосатых баб, которые лазают по деревьям. Может, завтра я кину тебе обглоданную кость. — Он пнул Конана ногой в челюсть. Киммериец повалился на спину.

Кочевник залился смехом и не заметил, как Конан подтянул ноги к груди, откатываясь назад. Потом перекатился вперед, резко распрямил ноги и изо всех сил ударил гирканийца в живот. Тот с присвистом охнул и, перекувырнувшись, покатился по земле, сшибая все на своем пути. Степняки только хохотали над незадачей своего приятеля, убирая с его пути свою снедь.

Гирканиец с трудом поднялся на четвереньки, хрипло дыша и схватившись за живот. Он бросил на Конана дикий, бешеный взгляд. Отдышавшись, кочевник выпрямился и заковылял к Конану, на ходу доставая зловещего вида кривой нож.

— Из тебя и раба-то стоящего не выйдет, — ухмыляясь, произнес он. — А может, с тебя шкуру снять? Мне как раз нужны уздечка и седло.

Конан посмотрел гирканийцу прямо в глаза:

— А ты перережь веревки, тогда посмотрим, кто кого. Горная жаба будет попроворнее тебя!

— Веревки перерезать? — искренне изумился гирканиец. — Да какой же дурак будет давать преимущество тому, кого хочет убить?

— Видно, правду говорят — у гирканийцев ни чести, ни мужества, что уж с ними говорить! — отозвался Конан. Он копил силы для нового прыжка. По крайней мере успеет перегрызть глотку этому дикарю, прежде чем подоспеют остальные.

— Убери нож, Торгут, — послышался чей-то голос.

Гирканиец отступил на шаг и тотчас спрятал клинок в ножны. Конан скосил глаза на сидящих у огня, чтобы посмотреть, кто остановил разгневанного бандита. Это был явно человек, привыкший, чтобы ему беспрекословно повиновались. Мужчина с черными усами и жидкой бородкой поднялся с места и подошел

к киммерийцу. На вид он мало отличался от остальных степняков, но Конан заметил, как блестят его золотые кольца и браслеты. Войлочный плащ кочевника украшал орнамент с изображением каких-то сказочных чудовищ. Должно быть, он из младших командиров своего клана, а в этой шайке — главный. Он без опаски присел на корточки перед Конаном. Два раза один и тот же прием не сработает.

— Откуда ты, раб?

Конан с вызовом глянул на гирканийца:

— Что-то я не вижу здесь рабов. Ты к кому обращаешься — к этим бабуинам у костра или к тому простофиле с больным брюхом, что прячется у тебя за спиной?

Командир нетерпеливо оборвал его:

— Парень, не надо показывать свой норов. Мы им уже полюбовались. Не испытывай мое терпение. Так откуда ты?

— Из Киммерии, — поворчал Конан. Он уже показал степнякам, на что способен. Теперь они могут его убить, но пытаться унизить больше не посмеют.

— Никогда не слыхал, — удивился вождь, — твое оружие и доспехи из Вендии и Турана или с пограничных холмов.

Конан взглянул на груду доспехов у костра, рядом с тем местом, где только что сидел черноусый командир.

— А вы откуда — из Кхитая или Иранистана?

— Слушай внимательно, — голубые глаза степняка пристально смотрели на Конана, — мы гирканийцы. Мы — воины из славной орды ашкузов. Идем навстречу верховному вождю Бартатуе. Он собирает кланы и малые отряды для похода, которого свет еще не видел. Бартатуя разослал приказы: всем, кто придет для похода, привести с собой пленников из низших народов. Уж не знаю зачем. Может, он дарует им жизнь — тогда и ты выживешь. Но если будешь вести себя так, как сегодня, — точно не выживешь.

Конан пожал плечами и сказал, как будто делая одолжение:

— Ну хорошо, я пойду с вами. Я воин, это мое ремесло. Может, ваш Бартатуя найдет мне применение получше, чем рабский труд.

Гирканийцы разразились резким, пронзительным смехом.

— Ты держишься в седле хуже десятилетнего ребенка, — проговорил тот, кому досталось от Конана. — А стреляешь и того хуже.

Конан чуть не зарычал от обиды, вспомнив, как легко эти разбойники догнали и пленили его.

— Если б мы схватились на мечах, я изрубил бы вас на корм шакалам, — процедил он. — Есть и другие приемы боя, кроме стрельбы из лука в конном строю.

— Нам эти глупости ни к чему, — ответил степняк, — мы это уже проходили. Против нас выступали целые армии городских

псов. Они строились прямыми рядами или колоннами и пытались подобраться поближе, чтобы достать нас копьями и мечами. Мы только смеялись им в лицо и стреляли, а потом подходили, чтобы вынуть стрелы из мертвых тел.

— Но если вы такие могучие и непобедимые, отчего вы до сих пор не завоевали весь мир?

Кочевник пожал плечами:

— Зачем нам мир? У нас есть безбрежная степь и Предвечное Небо. — Он молитвенно сложил руки, и все остальные кочевники последовали его примеру. Конан понял, что командир только что назвал имя их божества.

— Города? — продолжал черноусый. — Их хорошо грабить. Какая еще от них польза? Мы — свободные люди. Что нам за радость собирать налоги или дни напролет следить за селянами, погоняющими волов, чтобы не дать им обвести нас вокруг пальца? — Он скривился от отвращения. — Ни за что! В страхе и ужасе держат наши непобедимые орды князей мира. Брать с них дань — наше исконное право. Они дают нам золото, шелка, благовония, а мы до них охочи. И это правильно, что презренные городские крысы трудятся, чтобы дать нам все это. Потому что хозяева мира — мы!

Остальные гирканийцы встретили слова командира одобрительным гулом.

— Дайте мне коня, — прервал восторги степняков Конан, — луна не успеет смениться, как я стану лучшим наездником, чем любой из вас. Дайте мне ваш лук, и я за то же время заткну за пояс любого гирканийца. Нет такого воинского искусства, которым бы я не овладел. Не придумали еще!

Кочевник поднялся и холодно глянул на киммерийца:

— Мы прибудем к Бартатуе через несколько дней. У тебя будет время показать свои способности. Как тебя зовут, чужестранец?

— Конан.

— Знай, что я — Бория из клана Голубого Оленя племени ашкузов. Я — полусотник, и в пути я тебя испытаю. Если все, что ты здесь наболтал, не пустые слова, я узнаю это прежде, чем мы прибудем к Бартатуе. Я с удовольствием замолвлю за тебя словечко. А уж там — как каган решит, так и будет.

— Глупости, — фыркнул тот, кого называли Торгутом, — какой толк великому Бартатуе от этой городской обезьяны и свиноеда? — Степняк бранился, стараясь при этом держаться подальше от ног Конана.

— Не твоего ума дело, Торгут, — отрезал Бория, — помыслы великого кагана недоступны простому всаднику. Уж не вздумал ли ты оспаривать мое решение?

Торгут коснулся лба тыльной стороной ладони:

— Я не хотел проявить непочтительность, командир. — Он взглянул на Конана с неприкрытой ненавистью.

— Смотри у меня! — Бория повернулся к воинам, сидевшим у огня: — Дайте пленнику сушеного мяса из его седельной сумки.

Затем он вновь обратился к киммерийцу:

— Мы выходим завтра на рассвете. Путь предстоит нелегкий. Ты его, может, и не переживешь. Мне дела нет. Когда мы вернемся в лагерь, я буду знать о тебе больше.

Командир гирканийцев отошел, и один из воинов, от плеч до колен покрытый татуировкой всевозможных страшилищ, бросил Конану несколько полосок сушеного мяса. Киммерийцу пришлось потянуться и ухватить мясо зубами. Бория назвал его пленником, а не рабом. Может, это и добрый знак... Конан отбросил прочь досужие вымыслы и с жадностью принялся рвать жесткое мясо.

— Воды, — попросил он, расправившись с едой.

Кочевники не обратили на просьбу никакого внимания. Бория закончил обгладывать кость и что-то проговорил степняку, щеголявшему замысловатой татуировкой. Тот порылся в седельной сумке, вытащил мелкую чашу, плеснул в нее из бурдюка и подал Конану. Киммериец чуть поморщился от мерзкого запаха, но привередничать было не в его правилах. На долю отважного варвара выпадали и не такие испытания.

В чаше оказалась не вода, а кислое молоко, овечье, конское, коровье или козье — Конан не знал, да и не желал знать. Степняки жили в основном за счет своих стад и доили самок любых домашних животных. Киммериец заметил, что чаша сделана из верхней части человеческого черепа. Неуклюже скорчившись, он опустошил этот жуткий сосуд. Стянутые петлей руки нещадно болели, но, когда опустилась ночь, Конан все же попытался уснуть. Его беспокойный сон то и дело прерывали укусы насекомых, но все равно рассвет настал слишком быстро.

— Не будем нагружать коня твоей тушей, — усмехнулся Бория, затягивая аркан вокруг шеи Конана. — Вы, городские и деревенские крысы, привыкли ходить пешком. Так что не зевай, а то упадешь, и тебя поволокут по земле.

Гирканийцы вскочили в седла и рысью пустили коней на восток. Конан бежал рядом с запасными лошадьми и старался не отставать, подстраиваясь к шагу самого медлительного скакуна. Если высокомерные всадники рассчитывают увидеть, как он, задыхаясь, волочится по земле, долго им придется ждать! Как истинный киммериец, Конан был неутомим в беге и легко мог поспеть за лошадью.

Все утро гирканийцы время от времени оборачивались и каждый раз таращили глаза при виде Конана, бегущего рысью вро-

вень с лошадьми: аркан не натянут, дыхание свободное. Для степняков, которые никогда не проходили пешком более нескольких шагов, кроме как по крайней нужде, казалось невероятным, что человек может быть таким неутомимым. Конан же способен был бежать легкой рысью хоть целый день: для киммерийского горца бегать так же естественно, как дышать.

Но когда Торгут сам взял аркан у другого всадника, Конан понял, что его ждут тяжелые минуты.

— Кажись, нашему пленнику наскучило так медленно бежать. Пусть поупражняется — это его развлечет. — С этими словами гирканиец пришпорил коня, и тот перешел на галоп.

Аркан натянулся. Конан побежал во всю мочь. Он был готов к чему-нибудь в таком роде. Рысью он мог бежать, как конь. Но при такой скорости... Когда гирканиец погнал коня быстрым галопом, Конану пришлось напрячь все свои силы, чтобы не упасть. Пот заливал глаза, варвар тяжело дышал. Он еще не выдохся, но это могло случиться в любое мгновение.

Остальные всадники ехали вровень с ними, со смехом и криками одобрения наблюдая за забавным состязанием. Сквозь мелькающую перед лицом высокую траву Конан поймал холодный, оценивающий взгляд Бории... Дотянуться до аркана и попытаться перегрызть его? Вряд ли получится — никогда прежде не встречал киммериец таких тонких и вместе с тем прочных веревок. И потом, тогда ему просто накинут на шею еще одну петлю.

Торгут оглянулся и увидел, что Конан не отстает. Кочевника аж перекосило от злости. Он хлестнул своего коня короткой плетью. Конан сделал глубокий вдох и побежал на пределе сил — лишь бы аркан не натянулся и не повалил его на землю. Со связанными руками трудно поддерживать равновесие, даже при всей невероятной ловкости варвара. Земля здесь неровная; если он упадет — в лучшем случае обдерется, а вернее всего, либо задохнется, либо сломает шею. Бория, возможно, будет недоволен, но Торгут явно воспылал к киммерийцу ненавистью. Что для такого дикаря выволочка от командира в сравнении с радостью мести!

Теперь у Конана появилась цель. Он искал камень, бугор, дерево — что угодно — в качестве точки опоры. Если уж суждено ему умереть, он хотел доставить себе последнее удовольствие, прихватив с собой Торгута. И вот киммериец заметил то, что искал. Совсем рядом замаячило дерево — большая редкость в степи. Низкорослое, сучковатое, согнутое ветром, чуть побольше куста. Но Конан знал, что ствол его, иссушенный, устоявший на степных ветрах, необыкновенно крепок. И еще он почуял, что удача на его стороне, — за день пути по степи попадается не более четырех-пяти чахлых деревьев.

Когда они приблизились, Конан увидел, что Торгут собирается объехать дерево справа. Киммериец свернул влево, чтобы обогнуть дерево с другой стороны, — тогда аркан зацепится за ствол, и... Бория, скакавший следом, крикнул: «Торгут!» — но было уже поздно. Конан обежал дерево кругом, веревка обмоталась вокруг ствола.

Торгут только и успел, что оглянуться. Аркан, обмотанный вокруг запястья, круто дернул его, и кочевник на полном ходу вылетел из седла. Он со смачным хрустом шлепнулся на землю, воздух со свистом вылетел из глотки. Усмехаясь, Конан обогнул дерево и направился к степняку. Остальные гирканийцы сдержали коней и развернулись, но им было не нагнать Конана. Киммериец молниеносно, как рассерженный барс, подскочил к Торгуту и обеими ногами ударил степняка в грудь. Тот замычал от страшной боли. Конан упал на колени. Торгут сдавленно хрюкнул. Ребра у него жалобно всхлипнули.

Конан вскочил на ноги и собирался прыгнуть Торгуту на лицо, когда сзади подъехал Бория. В руке у командира был ненатянутый лук. Тяжелым, гибким оружием из дерева и рога он с размаху, изо всей своей недюжинной силы, ударил Конана по макушке. Это было все равно что шарахнуть увесистым молотком. Кровавая вспышка мелькнула перед взором киммерийца, и поверженный варвар повалился поперек бесчувственного врага.

Глава 2

Двое всадников остановились на вершине земляного вала. Отсюда открывался вид на небольшую плодородную равнину, где, словно драгоценность на подушке из зеленого шелка, лежала великолепная Согария. Вокруг расстилалась высохшая степь, но здесь вода творила свое великое чудо: маленькая долина цвела. Множество караванов сходились сюда: ведь эти места издавна славились шелком, который в Согарии был так же дешев, как в Вендии хлопок или в западных королевствах — лен.

— Скоро ударят в гонг, моя госпожа, — проговорил человек, в котором по плоскому лицу и узким глазам можно было узнать гирканийца из восточных племен, известных своими ужасными набегами на Кхитай. — Они закроют ворота на ночь. — Он сплюнул на землю. — Они всегда так поступают, эти горожане. Мало что со страху обнесли себя стенами, так еще и запираются на все засовы, что даже свежий воздух не проходит. Тебе не попасть туда до утра.

— Я знаю, как выглядят города, Баязет, — нетерпеливо заметила женщина, — и найду куда войти. Не будем терять времени.

Они направили коней вниз, с насыпи. Не было нужды понукать усталых животных. Наоборот, их приходилось удерживать от неосторожных шагов на крутой тропе: скакунам не терпелось спуститься туда, где они уже учуяли воду.

Мужчина был облачен в обычную одежду степного кочевника, хотя сейчас, из-за летней жары, он снял с себя все, кроме широких штанов и высоких мягких сапог. За поясом у него торчал кинжал. Пика, лук и меч — приторочены к седлу. Для гирканийского воина все равно, сам он несет оружие или его конь.

Женщина с головы до лодыжек укутана в сплошное черное порывало, в котором была лишь пара отверстий для рук и узкая прорезь для глаз. Но и эту небольшую прорезь прикрывала тонкая сетка, так что лица вообще не разглядеть. Башмаки и перчатки скрывали то, что не было упрятано под покрывалом.

Приближаясь к городу, всадники проехали мимо загонов, где содержались верблюды, лошади и быки прибывающих караванов. Ближе к воротам раскинулись лагеря самих караванщиков, которые либо прибыли уже после закрытия городских ворот, либо просто предпочли переночевать за стенами города. Вокруг дымных костров звучали языки разных народов: караванщики в вечерней прохладе беседовали и рассказывали истории, то и дело обмахиваясь веточками от ночных насекомых. Женщина спешилась и протянула поводья Баязету.

— Я вернусь за час до рассвета. Возьми коней и отведи их попить воды и пощипать травки. И смотри не налакайся — слабость степняков к горячительным напиткам вошла в легенду.

— Как прикажешь, госпожа.

Баязет увел лошадей, а женщина побрела вдоль костров. Караванщики не обращали на нее ни малейшего внимания, словно она была невидимой. Женщина под покрывалом — просто собственность какого-то мужчины, ничего более.

Между кострами расхаживали и другие женщины, а также мальчики, да и взрослые мужчины, явно пришедшие не с караванами. Женщины по большей части были без покрывал и промышляли торговлей. Торговали всем на свете: едой, вином, безделушками, а иногда и собой. Были здесь гадалки, писцы, музыканты, скоморохи, и все они наперебой предлагали утомленным караванщикам товары и развлечения, а также некоторые услуги, запрещенные в стенах города.

Женщина двинулась к истоку этой красочной реки, а именно к небольшой, размером с обычную дверь, калитке, прорезанной в огромных деревянных городских воротах. Под маленьким фонарем сидел, опираясь на копье, одинокий страж. Он пропускал в

город всякого, кто показывал ему свинцовую печать с особой отметкой. Женщина под покрывалом подошла к воину, как только поблизости не оказалось свидетелей.

Страж обратился к ней, не скрывая любопытства:

— Могу ли я помочь тебе, госпожа?

— Мне нужно войти в город, — ответила она.

— У тебя есть пропуск?

В руке у женщины появился пропуск, открывающий любые врата: в свете фонаря блеснуло золото. Стражник быстро осмотрелся по сторонам, удостоверившись, что рядом никого нет. Золотой исчез у воина в кошельке. Резкий кивок головы указал на город. Женщина шагнула в ворота и растворилась в темноте.

Хондемир стоял на своем высоком балконе, изучая звезды. На мраморных перилах было установлено замысловатое устройство из хрусталя и бронзы.

Маг пристально смотрел в длинную, обращенную к небу трубу, настраивая прибор тонкими, гибкими пальцами. Наконец он выпрямился и перешел к столу, где окунул перо в чернильницу и отметил на тонком пергаменте точный день и час, когда кровавая планета войдет в Дом Змея.

Тут его внимание привлек какой-то звук, донесшийся снаружи, и чародей выглянул на улицу, перегнувшись через перила. Здесь, в самой богатой части города, где жил Хондемир, редко разгуливали по ночам. В свете фонарей, которые свисали с шестов через каждые несколько шагов, он увидел фигуру, закутанную в плащ и приближающуюся к воротам его дома. Хондемир узнал ночного путника по уверенной легкой поступи. Чародей дернул за шнурок звонка, и сразу же появился слуга.

— Там, за воротами, госпожа. Впусти ее и сразу же проводи сюда. Потом принеси вино и что-нибудь закусить.

Слуга отвесил глубокий поклон и удалился. Спустя несколько минут в дверь постучали.

— Входи!

Слуга с поклоном впустил женщину и ушел. Как только дверь закрылась, женщина дернула за кайму своего покрывала и скинула его, распустив по обнаженным плечам гриву густых черных волос.

— Я думала, задохнусь в этой штуке, — сказала она. — Приветствую тебя, Хондемир.

— Приветствую тебя, Лакшми, — ответил маг.

Женщина чертами лица была похожа на северную вендийку из высших каст. Ее фигура, несмотря на малый рост, таила в себе ту сладострастную грацию, которой пронизаны храмовые скульптуры загадочной Вендии. Когда покрывало скользнуло на

пол, стало видно, что на Лакшми ничего нет, кроме узкой шелковой набедренной повязки и сапог до колен. Красота молодой женщины была ослепительна, но особенно поражала совершенная, с оттенком слоновой кости белизна кожи, постоянно и тщательно защищаемой от солнца и ветра и смягчаемой душистыми маслами.

— У меня мало времени, — проговорила Лакшми, стягивая перчатки. — Великая орда Бартатуи выходит в ближайшее время, до новолуния.

— Я это уже знаю, — важно заметил Хондемир. — Все предсказали звезды. А также духи, с которыми я беседую.

Прекрасные глаза вендийки взглянули на мага с нескрываемым цинизмом.

— Вы, волшебники, всегда пытаетесь представить все так, как будто вам открыто далекое будущее. Но я бы побилась об заклад, что от твоих шпионов из плоти и крови больше толку, чем от духов. А иначе зачем тебе я?

Уголки тонких губ Хондемира дрогнули в еле заметной улыбке.

— Видишь ли, мои посланцы приносят некоторую пользу, подтверждая то, что мне уже известно. А тебе ведь можно найти и другое применение... — Он сделал шаг вперед и обнял ее.

Лакшми положила руку чародею на грудь и насмешливо взглянула на него:

— А разве твои мудрейшие наставники не учили тебя, что если ты будешь потакать похоти, то сильно истощишь волшебные силы?

— Говорили, — ответил он, — это один из немногих предметов, в которых они плохо разбираются. — Тут колдун отпустил женщину: скрип осторожно открываемой двери оповестил о появлении слуги. Лакшми спряталась за дверную створку; слуга поставил на низкий столик поднос с корзиной и вышел.

Вендийка взяла кубок, протянутый Хондемиром, и медленно обошла комнату, любуясь обстановкой. Она не стеснялась своей наготы — совсем как младенец.

— Хорошо снова оказаться в приличном месте, — промурлыкала она. — У гирканийцев совсем нет вкуса к роскошной жизни. Все, что им нужно, — хорошие кони и вино в непомерных количествах. — Лакшми потрогала шкатулку из душистого сандалового дерева, выложенную изнутри мамонтовой костью.

— Некоторые из них, — заметил Хондемир, — знают толк в прекрасных женщинах.

Она пожала гладкими плечами, и ее алебастровые груди соблазнительно качнулись.

— Женщины для них только боевые трофеи. Бартатуя ценит меня лишь потому, что силой отобрал у Кухлага, своего злейшего

врага. Когда его люди смотрят на меня, они вспоминают, что великий Бартатуя собственными руками убил Кухлага и захватил его женщину. — Она собрала в горсть вышитую занавеску и поднесла ее к лицу, вдыхая аромат пропитавших ее благовоний. Потом она принялась наматывать на себя ткань. — Ты не представляешь, что это значит — жить среди убогих шатров и обходиться без самых простых радостей жизни. — Она уронила портьеру и, подойдя к подносу, выбрала жареное мясо на вертеле, щедро приправленное пряностями и обернутое виноградными листьями.

Лакшми читала по глазам и дыханию Хондемира точнее, чем маг — по звездам.

— Первой жертвой Бартатуи должна стать Согария, из-за ее важного стратегического положения между Востоком и Западом. Вокруг нет других городов, чтобы прийти на помощь, а сама Согария давно изнежилась и разжирела. Целое поколение не ведало войн.

— Но у города крепкие стены. И амбары полны зерна. Даже если дикарь объединит племена, как смогут люди, которые только и умеют, что стрелять из лука на полном скаку, победить такой город?

— Да, он дикарь, — ответила Лакшми, бросив пустой вертел и взяв засахаренный финик, — но отнюдь не дурак. У него есть на сей счет кое-какие планы. Победа над Согарией послужит для войска степняков хорошей школой. Сам же Бартатуя собирается стать покорителем стран и народов.

— Турана, например? — спросил Хондемир.

— Сначала он хочет покорить Кхитай, потом — повернуть на запад. — Подведенные угольком глаза женщины внимательно следили за выражением лица чародея.

— Орда двинется на Туран, — прошептал Хондемир. — Не сойти мне с этого места!

Лакшми подошла к нему и острым ноготком провела по вышитому на мантии колдуна золотому дракону.

— Пока это не входит в планы Бартатуи, — лукаво проговорила вендийка.

— А об этом позаботимся мы с тобой. — Хондемир вновь попытался обнять красотку. На этот раз она с силой оттолкнула его.

— Не так быстро, колдун. Бартатуя прикончил моего прежнего хозяина, чтобы завладеть мной. Ты должен сделать то же самое. Я буду принадлежать победителю, не меньше. Если хочешь, чтобы я была твоей, убей Бартатую и подчини себе его войско.

Хондемир глубоко, прерывисто вздохнул:

— Ты высоко себя ценишь, женщина. Радуйся, что ты нужна мне для воплощения моих планов! — У чародея закружилась голова от гнева и вожделения одновременно.

— Мне надо идти, — бросила Лакшми, подбирая покрывало и перчатки, — Бартатуя верит, что я каждые шесть лун на десять дней ухожу из лагеря, чтобы совершить кое-какие религиозные обряды. Я должна вернуться в его шатер не позже, чем через пять дней. А не то мне придется отвечать на некоторые неприятные вопросы... Теперь быстро объясни мне, что я должна для тебя сделать.

Когда роскошное тело молодой прелестницы скрылось под покрывалом, чародей почувствовал, что снова может собрать разбежавшиеся мысли.

— Чтобы добиться настоящей победы, я прежде всего должен завладеть душой и помыслами Бартатуи. Для этого, как минимум, необходимы... гм... частицы, недавно взятые с его тела. Они укажут подвластным мне духам... дорогу.

— Какие такие частицы?

— Волосы, ногти, кусочки кожи и... — чародей замялся — ну, то, что легче всего собрать его наложнице.

— Ладно, ты это получишь, — ответила Лакшми так просто, будто маг просил принести овощей с рынка. — А теперь мне пора! Мы встретимся вновь уже на Курганах Спящих. Прощай. — Лакшми вышла, прошуршав по полу покрывалом.

Хондемир налил себе еще кубок вина. Он думал о том, как опасна была бы эта женщина, если бы он, одержав победу, действительно приблизил ее к себе. Но с подобным безумным шагом можно повременить. Скоро он ее получит. И что куда важнее, скоро он подчинит себе Бартатую и его орду и поведет степняков на Туран, против царя Ездигерда. Мысль о долгожданном отмщении оправдывала в глазах чародея все опасности: игра стоила свеч.

Возвращаясь к городским воротам по тихим ночным улочкам, Лакшми думала вовсе не о том, как совладать с похотливым колдуном. Она всегда удивлялась, насколько легко мужчины позволяют управлять и играть собой. Если женщина красива, умна и безжалостна, то она может подчинить своей воле самого могущественного мужчину в мире. Как просто убедить могучего воина, что, завоевав красотку, он становится героем вне сравнения! Даже дети и то умнее.

С того дня, как обнищавшие, голодные родичи продали ее бродячему торговцу, Лакшми постигла искусство превращения своей беспомощности в могущество. Когда из худенького ребенка Лакшми превратилась в прекрасную женщину, она осознала сущность своего превосходства над блудливыми мужиками.

Торговец баловал ее, доставал ей самые дорогие украшения и посылал к опытным куртизанкам учиться искусству доставлять

мужчинам блаженство. Ее, правда, куда больше занимали их рассказы о тех безрассудствах, на которые пускались сильные и могущественные мужи, теряя волю от одного присутствия умелых обольстительниц.

Торговец мечтал, что Лакшми принесет ему счастье. Когда-нибудь он привезет ее в один из великих городов и продаст богатому господину, а может, и самому царю. Когда торгаш решил, что время настало и Лакшми достигла расцвета своей красоты и привлекательности, он посадил ее в закрытый паланкин, водрузил его на спину верблюда и снарядил караван в летний дворец царя в прекрасной северной долине Кангра.

Совсем еще юная Лакшми быстро заскучала в душном ящике, качающемся в такт мерной походке верблюда. Однажды днем, услышав тревожный шум снаружи, красавица отодвинула занавеску — поглядеть, что случилось. Она оказалась лицом к лицу с начальником стражи каравана — свирепым гирканийским воином. Его узкие глаза округлились при виде молодой богини.

В тот же вечер она услышала голоса спорящих мужчин. Один из них принадлежал торговцу. Он то и дело переходил на отчаянный крик, который внезапно оборвался хриплым стоном. Лакшми испугалась, когда занавеска резко отдернулась и из-за нее показался гирканиец. Он был на коне. Сильные руки кочевника вытащили девушку из паланкина и перебросили через седло. Когда степняк поскакал прочь, Лакшми успела увидеть торговца. Он лежал в луже крови, слепо уставясь в небо.

О смерти глупого торгаша она не горевала. Для него девушка была лишь чем-то вроде домашнего животного, породистой лошади. Однако красавица получила ценный урок: мужчины убивают друг друга, чтобы обладать ею. Грубая сила гирканийского воина ее не привлекала. Ей нужен был человек, командующий тысячами таких воинов.

Месяца не прошло, как предводитель отряда из двадцати кочевников убил ее похитителя и взял Лакшми себе. Она быстро выучила язык степняков и вскоре убедила этого мелкого вождя — как убеждала и всех последующих своих хозяев, — как важно беречь ее красоту от разрушительного действия степного ветра. Жены и старшие наложницы вдруг обнаруживали, что их выселили из лучших шатров. У Лакшми появились враги, но недолог был их век. Среди искусств, которым обучили Лакшми старые куртизанки, было приготовление настоев, вызывающих страсть, дрему... или смерть. Когда лагерь степняков навещали жрецы или философы, Лакшми беседовала с ними сквозь тонкий занавес. Так узнавала она о владетельных особах, о войнах и браках, изменяющих границы и заново перераспределяющих могущество стран и народов. Но когда проповедники или философы говори-

ли о таких вещах, как сострадание, милосердие или совесть, тщеславная красотка пропускала эти пустопорожние бредни мимо ушей.

Всякий раз, когда вождь более высокого ранга посещал ее очередного хозяина, Лакшми находила повод показаться гостю на глаза. Ни один гирканиец не отдаст своей женщины другому, кем бы тот ни был. Так что бой был неизбежен. И Лакшми уходила к новому господину, потихоньку уже присматривая следующего.

Конец третьего года странствий по степи Лакшми встретила в шатре Кухлага, безмозглого и жестокого степняка, предводителя таких же кровожадных дикарей. И вот однажды Кухлага навестил Бартатуя.

Бартатуя был вождем небольшого племени ашкузов. Лакшми знала его историю, знала, как еще мальчишкой он возглавил свое племя после смерти отца и собрал все разбросанные семьи ашкузов в единое войско. Силой и посулами он убедил более мелкие племена присоединиться к своей орде. Стоило Лакшми лишь раз увидеть молодого, крепко сбитого вождя ашкузов, как она поняла, что перед ней человек могущественный и удачливый.

Чтобы завоевать Бартатую, красотка превзошла саму себя в хитрости и бесстыдстве. Весь вечер Лакшми слушала, как Бартатуя пытался убедить Кухлага вступить с ним в союз и создать великую орду, пред которой никто не устоит. Кухлаг лишь высокомерно рассмеялся и назвал молодого вождя выскочкой. Он снизошел бы до того, чтобы принять на себя роль верховного правителя, а Бартатуя мог бы стать младшим вождем — после того как Кухлаг выделит лучшие места своим сыновьям и племянникам. В гневе Бартатуя выскочил из шатра.

Лакшми выяснила, куда Бартатуя поведет коней на водопой, и пробралась туда чуть загодя. Гирканийцы моются лишь в парных банях, их поверья запрещают осквернять реки и ручьи. Но на вендийцев этот запрет не распространяется. Так что когда Бартатуя подошел к реке, он был как громом поражен, увидев Лакшми по колено в воде, прикрытую только ниспадающими черными волосами. Притворившись удивленной и смущенной, плутовка постаралась выдать ему свое имя и имя человека, которому принадлежит.

В эту ночь спор между Кухлагом и Бартатуей перешел в драку. Желая показать свое дружелюбие, Бартатуя пришел безоружным. Не переставая кричать на него, Кухлаг схватил меч и выгнал молодого вождя из шатра; Бартатуя бросился к своему гнедому. Людей Бартатуи было гораздо меньше, чем воинов Кухлага, но ни один гирканиец не вмешается в смертельный поединок между вождями. Разрешив Кухлагу посопротивляться ровно столько, чтобы все убедились, что старый вождь не был немощ-

ным и слабым, Бартатуя вырвал у него меч и голыми руками сломал старику шею.

Все видели, что бой вышел честным, и совет младших вождей племени Кухлага согласился перейти под начало Бартатуи. Ближайшие родственники убитого вождя разбежались, радуясь, что остались живы. И главное, Лакшми обрела мужчину, о котором мечтала. Он был жесток и безгранично тщеславен. Но при этом достаточно умен, чтобы выслушивать добрые советы, пусть даже от своей наложницы. За год она стала руководить им почти во всех делах, знала все его далеко идущие планы. И главное — Лакшми солгала Хондемиру о тех чувствах, что питал к ней Бартатуя. Вождь ашкузов без памяти любил очаровательную вендийку.

Глава 3

Небольшой отряд под началом Бории подъехал к огромному лагерю кочевников на пятый день после стычки с киммерийцем. Конан был крепко привязан к седлу, но по крайней мере теперь ехал на коне, а не бежал с арканом на шее. Могучие руки великана-варвара были намертво прикручены к туловищу, а лодыжки плотно стянуты под конским брюхом. Озверевший от крепкой киммерийской трепки, Торгут всю дорогу требовал, чтобы Конану перерезали глотку и выпустили кишки, но Бория наотрез отказался убивать ценного раба. Может, Торгут и смог бы каким-нибудь образом привести свои угрозы в исполнение, но богатырь варвар так основательно помял степняка, что тому оставалось лишь бросать на киммерийца злобные взгляды. Да морщиться от боли в сломанных ребрах, с трудом удерживаясь в седле и баюкая на перевязи поврежденную руку.

— В нашем лагере вольготная жизнь у тебя кончится, горная обезьяна, — шипел от бессильной ненависти Торгут, содрогаясь всем телом: даже говорить степняку было трудно.

Конан, пропустив мимо ушей злобствования кочевника, тем временем оглядывал опытным взором лагерь. Воинский бивак гирканийцев протянулся вдоль небольшой речки на много лиг и разделен был на два примерно равных крыла: верхнее и нижнее. В верхнем крыле пестрели горбатые шатры гирканийцев. Ниже располагались огромные загоны для лошадей другого домашнего скота. Конан заметил, что овец и коров в загонах немного, всего лишь столько, чтоб хватило на прокорм войска. Остальные стада скорей всего гуляли по летним пастбищам, где за ними приглядывали женщины и мальчишки. А здесь, у реки, расположились основные боевые силы гирканийцев.

Отряд миновал большую группу степняков, упражнявшихся в стрельбе из лука по неправдоподобно далеким мишеням. Некоторые воины были пешими, но большинство сидело верхом. Наиболее умелые метали стрелы на полном скаку, а некоторые даже вполоборота. Конан, увидя искусных лучников, ругал самого себя самыми грязными словами, припомнив, как бахвалился давеча у костра, обещая за месяц выучиться орудовать луком не хуже воинов-кочевников.

Киммериец весьма приблизительно был осведомлен о нравах и обычаях гирканийских племен, но люди, собравшиеся сейчас в лагере, мало походили друг на друга. Кочевники, одетые кто по-кхитайски, кто на туранский или иранистанский манер, очевидно, обитали близ границ тех стран, у которых переняли манеру одеваться. Сами степняки особым процветанием ремесел похвастаться не могли. Умели разве что делать грубые стеганые одежды из кожи, меха и войлока, чтобы спасаться от зимних холодов. Роскошные же ткани, предметы из металла, даже луки и седла — все это сработано мастерами из пограничных со степью городов и селений.

Выходцы из западных земель отличались в основном светлыми шевелюрами, голубыми глазами и затейливой, густой татуировкой по всему телу. Кочевники с Востока — коренастые, с плоскими лицами, раскосыми глазами и жиденькими бородками. Гирканийцы ценили силу, но, в отличие от других народов, высокий рост у них не был в чести. Степняки считали, что всадник в любом случае великан по сравнению с пешим, как бы высок тот ни был.

Боря приостановил коня и что-то спросил у проходящих мимо воинов. Те указали куда-то вверх по течению реки. Боря дал команду двигаться дальше, и вскоре отряд подъехал к огороженный яме, вырытой в самом центре гирканийского бивака. Яма была футов двадцати в глубину, с ровными стенами и узким скатом для спуска. Вокруг ямы медленно разъезжали всадники с натянутыми луками, лениво переговариваясь. На дне ямы было полно народу. Боря подтолкнул Конан к стражнику со шрамом, стоявшему рядом с писцом-кхитайцем. Писец сидел за складным столиком, заваленным перьями, кубиками сухих чернил и свитками бумаги.

— Будь осторожен с этим парнем, — предупредил Боря, — для деревенщины он очень крутой.

Воин посмотрел на Конана с подозрением:

— Здесь и не с таких крутизну сбивали. А этот, видать, строптив, — он оценивающе оглядел стягивающие Конана веревки, — вы его так скрутили, что хватило бы и на троих.

Боря с помощью своих воинов осторожно освободил Конана от пут. Веревки глубоко впились в тело. Киммериец, с трудом подавив стон, вытянул онемевшие руки, чтобы восстановить крово-

обращение. Потом заглянул в яму, посмотрел на копошащихся внизу людей и повернулся к стражнику:

— Не теряйте напрасно время, этот свинарник не для меня. Ведите лучше прямо к Бартатуе.

Стражник в изумлении вытаращился на киммерийца, затем обернулся к Бории:

— Надо было предупреждать, что он не только бешеный, но и чокнутый.

— Ты надсмотрщик, — ответил Бория, ухмыляясь, — делай с ним что хочешь. Только не советую поворачиваться к парню спиной. — Тут все воины Бории (кроме Торгута, разумеется) засмеялись, развернули коней и поспешили на поиски соплеменников.

Надсмотрщик нахмурился и покачал головой.

— Все они там, на Западе, чокнутые. — Он покосился на Конана: — Скажи писцу, кто ты и откуда, раб.

— Я Конан из Киммерии.

Бритоголовый кхитаец взял перо, послюнил его и потер о кубик сухих чернил.

— Для меня твое имя — пустой звук. И о стране такой я ни разу не слыхал. — Кхитаец двумя быстрыми росчерками записал какие-то непонятные слова.

— Что это означает? — спросил Конан.

— На моем языке это значит: высокий черноволосый инородец. Зачем рабам, жизнь которых так коротка, вообще нужны имена?

— А ну-ка в яму, раб! — рявкнул стражник, ударив Конана по руке витым хлыстом. Киммериец обернулся и посмотрел на степняка так, что воин попятился назад, а рука его потянулась к рукояти меча.

«Прикончить кочевника, что ли? — пронеслось в голове у киммерийца. — Лошадей здесь полно. Выхватить у надсмотрщика меч и прирезать гада его же собственным оружием! Плевое дело...»

Если бы Конан находился сейчас в плену где-нибудь в другом месте великой Хайбории — он так бы и поступил. Но сейчас это не имело смысла. Степняки нашпигуют его стрелами прежде, чем он покинет пределы лагеря. «Я стану похож на дохлого дикобраза, а лошадь меткие кочевники оставят невредимой», — подумал Конан, развернулся и нехотя побрел к спуску в яму.

Киммерийцу уже случалось бывать в загонах для пленных, и он по горькому опыту знал, что ждет его там, на дне. Когда рослый варвар спустился вниз, всего несколько лиц обернулось навстречу новоприбывшему невольнику. На физиономиях пленников застыло выражение беспредельной подавленности и тупой покорности коварной судьбе. Происходящее вокруг, казалось,

нисколько не заботило этих людей. Большинство безмолвно сидело или лежало, уставившись в землю. Будь это беспомощные женщины или дети, гордый киммериец, может, и пожалел бы их. Но в невольничью дыру угодили здоровые, сильные мужики! И никто из них не то что не пытался вырваться, но даже не возмущался своей незавидной долей. Таких, с позволения сказать, «смельчаков» Конан вообще не считал за людей.

Хотя, кто знает, здесь могут оказаться парни и покрепче духом. Наверняка в каком-нибудь углу собрались ребята, в ком еще не окончательно угасла жажда вольной жизни... Конан принялся внимательно осматривать огромную яму, пока не разглядел небольшую группу мужиков, о чем-то оживленно, размахивая руками, беседующих. Если люди спорят, значит, они еще живы. В тени одной из высоких земляных стен сгрудилось около сотни крепко сбитых мужчин. Когда киммериец подобрался к ним поближе, они повернули головы, чтобы рассмотреть новичка. Конан увидел, что пленники принадлежат к самым разным племенам и народам. В некоторых физиономиях угадывались знакомые Конану черты, другие выглядели чуждыми и дикими.

— Я — Конан, киммериец по рождению и воин по духу. Кто из вас знает, зачем гирканийским псам понадобилось столько пленных?

Вперед выступил огромный дородный детина. На его бандитской роже явственно были написаны презрение и вызов. Особой сообразительности тут не потребовалось, ясно и так — у громилы чешутся кулаки. Когда на людей надевают рабское ярмо и долго втаптывают в грязь, они волей-неволей сбиваются в стаи, как гиены. И, точь-в-точь как в стае гиен, незваный пришелец должен прежде всего разобраться, кто тут вожак.

— Чего это ты наезжаешь с идиотскими вопросами, чужестранец? — прорычал хмурый здоровяк Конану. Громила был одет в бурые домотканые лохмотья, и Конан признал в нем селянина из Иранистана. Наверняка бывший раб. Сбежал от хозяина в горы и прибился к какой-нибудь шайке разбойников.

Киммериец упер огромные кулаки в бока, откинулся назад и впервые за много дней от всей души расхохотался.

— Чужестранец? Да я не вижу здесь и дюжины людей одного племени. Кто здесь не чужестранец?

Как и другие наглые мордовороты, привыкшие измываться над слабыми, иранистанец не мог снести откровенной насмешки. С нечленораздельным воем он протянул к киммерийцу свои волосатые ручищи.

Конан хладнокровно шагнул навстречу и резко ткнул противника левым кулаком в живот, а правым молниеносным ударом залепил в челюсть. Громила рухнул на землю, как вол на бойне.

Конан спокойно перешагнул через неподвижное тело и как ни в чем не бывало произнес:

— Теперь, ребята, расскажите мне, зачем этим гирканийским жеребцам понадобилось столько рабов?

— Точно не известно, — подал голос вендиец, у которого уши еще кровоточили в тех местах, откуда жадные степняки с мясом вырвали золотые серьги, — но говорят, эти собаки задумали осаждать город, а мы должны будем копать землю и таскать лестницы.

— Ну тогда понятно! — кивнул Конан. — А иначе на что им столько крепких мужчин?

Теперь киммерийцу стало понятно стремление кочевников нахватать как можно больше невольников. Степнякам было не свойственно содержать большое количество рабов, но раз они вознамерились воевать, да еще вести осады, — тогда другое дело. Конан уже успел повидать за свою достаточно короткую жизнь немало великих штурмов и осад и поэтому прекрасно представлял, какие требуются усилия для этой нелегкой воинской работы. Надо рыть землю, вести подкопы, тесать дерево и камень, ворочать тяжести. Такие занятия не для благородных всадников-стрелков, до этого они никогда не снизойдут. И потом, любой затяжной штурм уносит сотни жизней. Только в некоторых, самых цивилизованных армиях осадные работы поручают специально обученным воинам, защищенным особым снаряжением, щитами и доспехами. В основном же полководцы гонят на неприступные стены толпы рабов или селян. Пусть уж гибнут низкорожденные, никчемные людишки, трудясь над осадными башнями или таская длинные лестницы.

— Да, на такой работе виды на будущее невеселые, — проговорил Конан, — хорошо, если выживет сотая часть. А поскольку мы гирканийцам больше ни для чего не нужны, оставшихся перебьют, чтобы не кормить зря.

Утвердительное мычание большинства собравшихся доказало Конану, что не ему первому открылась безрадостная перспектива предстоящей бойни.

— Твоя правда, — буркнул мужик с лихим козачьим чубом. — Гирканийцам не нужны нерабы. Они берут в плен разве что несмышленых детишек, чтоб воспитать их, перекроив на свой лад. Иногда степняки берут хорошеньких девок — в наложницы. Но взрослых мужчин, особенно воинов, они попросту убивают. Кочевникам без надобности покоренные народы, им нужны только новые пастбища для стад.

Конан поскреб щетину на подбородке: киммерийцу уже несколько дней не доводилось бриться.

— Этот Бартатуя действует наперекор обычаям степняков. Он собирается захватить город, и, наверное, большой, поскольку согнал столько рабов для осады. Если бы ему нужна была только

дань, он просто объехал бы разок вокруг городских стен и изложил свои требования. Но он готовится воевать всерьез. Думаю, двинется в поход не позже чем через месяц.

— С чего это ты взял? — удивился вендиец.

— Пока меня вели сюда, я ушами-то не хлопал, а хорошенько осмотрел лагерь. Собралась огромная орда, по крайней мере по пять лошадей на каждого воина. А у знати — побьюсь об заклад — скакунов по двадцать у каждого. Травы не так много, лето было засушливое. Кочевники должны вот-вот выступить, а не то среди коней начнется падеж.

— А ты не врешь, что ты воин? — спросил козак. Он поднялся с того места, где сидел на корточках, что-то рисуя на земле. — Я — Рустуф, из днерских козаков. — Он протянул шершавую грязную ладонь, и Конан пожал ее. Козак усмехнулся, показав дыру от выбитого зуба — в дюйм шириной. На козаке красовался широкий, отделанный металлом кожаный пояс и лохмотья, оставшиеся от мешковатых шаровар. Обувка отсутствовала, козак расхаживал босиком.

— Я хорошо знаком с запорожцами. Случилось даже быть у них гетманом.

— Запорожцы — трусливые собаки, — усмехнулся Рустуф, — но все же самый захудалый козак лучше, чем все хайборийские племена, вместе взятые.

Конан знал, что козаки — это не клан и не племя в истинном смысле. Скорее многоязычный сброд, состоящий из конных отрядов беглых каторжников, воров и прочих отбросов общества, объединенных храбростью, любовью к странствиям и свирепым, независимым нравом. Козачьи ватаги различались по названиям рек и прибрежных островов моря Вилайет, где разбивали на зиму лагерь. Занимались козаки в основном лихими разбойничьими набегами, а порой и служили в регулярных конных войсках под флагами различных королевств и княжеств.

— Скажи-ка, козак, — поспешил сменить тему Конан, — прикидывал ли кто из вас хотя бы примерный план побега?

Рустуф скривился, как от зубной боли:

— Интересно, куда ж нам бежать? Гирканийцы соорудили этот свинарник лишь для пущей острастки! Ну выберемся мы, к примеру, отсюда — и окажемся в голой степи, где нас в два счета накроют. Даже если б нам и удалось захватить лошадей и оружие — посмотри на этот сброд! — Он широким жестом обвел толпу безразличных ко всему невольников. — Тупые скоты, да и только! Будь на их месте настоящие мужчины, еще оставалась бы какая-то надежда. Из пяти сотен кому-нибудь и повезло бы... А эти шакалы... Большинство из них и в седле-то сидеть как следует не умеет. Куда с ними в побег рваться!

— Так я и думал, — разочарованно вздохнул Конан. — Но выход все равно должен быть... В одиночку, ночью...

В это мгновение раздался барабанный бой, и рабы лениво поднялись на ноги. У края ямы появились степняки с большими кожаными мешками; мешки перевалили через край — в яму. Пленники, внезапно оживившись, резво столпились вокруг отвратительных куч объедков. И сразу же пошла отчаянная дележка и грязная ругань из-за лучших кусков.

Конан и Рустуф подошли к ближайшей куче и оттолкнули сцепившихся в драке пленников. Конан поднял огрызок плоской круглой лепешки из грубой муки пополам с мякиной — пища для самого занюханного раба. Конан с трудом заставил себя проглотить кусок.

— А вода здесь есть? — осведомился он.

— Перед заходом солнца нас поведут к реке небольшими группами, под охраной, — откликнулся Рустуф. — Там можно будет лечь на брюхо и лакать прямо из реки, как корова.

— Тогда вся надежда лишь на то, что поход не за горами, — заметил Конан, — иначе мы здесь все передохнем на таких харчах.

Козак отвел киммерийца в относительно свободный угол загона, и они вдвоем уселись на землю — доедать всухомятку отвратительные черствые лепешки.

— Есть один способ уйти отсюда... — после долгого молчания проговорил Рустуф.

— Ну-ка продолжай! — вскинулся киммериец.

— Бартатуя любит устраивать на своих пирах состязания. Он заставляет пленных воинов развлекать гостей.

Перед Конаном мгновенно забрезжила призрачная тень надежды.

— Борьба? Кулачный бой? Или с оружием?

— По-всякому, — ответил козак, — хозяин любит поглазеть на хорошую драку. И считает, что его командирам тоже полезно понаблюдать да поучиться.

— А бьются до смерти?

— Дерутся, пока один не победит. А жив или нет побежденный — это Бартатую не заботит. — Рустуф выковырял из своей лепешки небольшой камешек и отшвырнул его в сторону. — Я хотел было вызваться для таких боев. Случалось уже, что особо отличившихся в поединке Бартатуя зачислял в свое воинство. Лучше уж быть солдатом, чем рабом. И сражаться под началом такого человека не стыдно. Завоеватель есть завоеватель, даже если это и гирканийский пес.

— Ну так почему же ты на это не решился? — искренне удивился Конан.

— Есть одна загвоздка, — нехотя буркнул козак, — от этого даже такому воину, как я, становится не по себе.

— Что же именно?

— Я разговаривал с рабами, которым разрешено прислуживать на пирах. Бартатуя обычно устраивает потеху, когда к нему присоединяется какой-нибудь новый союзник. Часто, если кто-то заслуженно побеждает в таком поединке на радость зрителям, они желают продлить удовольствие и заставляют биться вновь...

— И выставляют против него нового противника, — закончил фразу Конан.

— Точно! Иногда смельчака ждет пять-шесть схваток подряд. Даже величайшего бойца может одолеть посредственный, но полный свежих сил воин.

— Это, между прочим, — заметил киммериец, — еще и способ убрать из толпы невольников возможных бунтарей.

Рустуф, усмехнувшись, кивнул:

— Вот и мне так кажется... Пока, во всяком случае, очень мало кто удостоился чести быть принятым в гирканийскую орду.

— Да, шансы не велики, — подытожил Конан, — но это все же лучше, чем постыдное ярмо. Кстати, как отбирают людей для поединков?

Козак рассмеялся:

— Да ты, я вижу, не трус! Подожди, вечером нас поведут на водопой — к тому времени мы все и выясним.

— А если нас поставят друг против друга? — неожиданно спросил Конан.

— Ну тогда посмотрим, кто из нас лучше бьется, — ответил Рустуф, хлопнув киммерийца по плечу.

Конан лежал на животе, впервые за этот трудный, бесконечно долгий день утоляя жажду. Невольников подвели к реке чуть ниже по течению от лагеря. Но принимать выгодное положение в расчет смысла не имело — все равно на много лиг вокруг другого источника живительной влаги не отыскать. Напившись досыта, киммериец присоединился к толпе рабов, поджидающих, когда за ними явятся стражники. Конан расположился позади Рустуфа с таким видом, будто никогда в жизни даже словом не обмолвился с козаком.

— Марш в конуру, собаки! — рявкнул степняк-надсмотрщик, щелкнув бичом. — Живее шевелите лапами! Другие тоже хотят пить!

Рабы побрели обратно к яме. Конан и Рустуф остались стоять. Когда надсмотрщик грозно двинулся в их сторону, Рустуф неожиданно поскользнулся на ровном месте, споткнулся и сильно толкнул киммерийца. Тот рухнул прямо на подошедшего степ-

няка. Гирканиец что-то невнятно прорычал и хлестнул Конана бичом:

— Смотри себе под ноги, падаль!

— Еще никто не посмел безнаказанно хлестать меня бичом, — грозно воскликнул киммериец. И прежде чем пораженный надсмотрщик пришел в себя от удивления и гнева, Конан прыгнул и схватил кочевника за горло. Вырвав у гирканийца бич, киммериец что есть силы вмазал тяжелой рукояткой степняку по башке. Бил Конан с дьявольским расчетом: стальные мышцы варвара могли развалить котелок кочевника, как гнилую тыкву, но сейчас Конан лишь оглушил гирканийца. Убить стражника — значит навлечь на себя праведную ярость остальных степняков.

Надсмотрщик, точно куль с мукой, повалился к ногам киммерийца. Тут на помощь поверженному товарищу поспешили еще несколько степняков, на ходу обнажая мечи.

Когда первый гирканиец, размахивая клинком, подлетел к месту стычки, Рустуф играючи выставил свою босую, заскорузлую от грязи лапу, и... стражник проехался носом по земле. Козак вырвал у поверженного врага оружие и легонько тюкнул гирканийца эфесом в затылок. Следующий кочевник, вне себя от ярости, попытался полоснуть Конана кривой саблей по шее. Киммериец мгновенно перехватил на подлете руку противника, неуловимым движением подцепил воина за пояс, вскинул над головой и мощным броском отшвырнул подальше. Потом спокойно поднял выбитую из рук кочевника саблю. Вот теперь можно встретить остальных гирканийцев доброй сталью!

Противник ждать себя долго не заставил — слева, с мечами наголо, спешили двое кочевников. Конан с радостным азартом прыгнул им навстречу. Степняки, конечно, бесподобные лучники, но рубиться в пешем бою они как следует не умели. Ловкий варвар уже успел это приметить. Он без труда парировал неуклюжие атаки степняков и уже уложил одного ударом плашмя в висок. Другой с бранью попытался подступить к киммерийцу вплотную и дотянуться до глотки строптивого варвара. Но Конан метко пнул кочевника ногой в солнечное сплетение. Раскрыв рот, как рыба на воздухе, незадачливый воин согнулся пополам от боли. Киммериец в полсилы рубанул противника ребром ладони по шее.

Затем Конан обернулся и посмотрел, каковы успехи Рустуфа. Козак боролся еще с двоими стражниками. Киммериец бросился козаку на помощь, взяв на себя одного степняка. Но схватка продолжалась недолго: их окружил целый отряд всадников.

— Взять! — крикнул командир отряда. Сражающиеся подались назад и опустили оружие. Конан видел, что в него нацелена дюжина стрел, луки натянуты до предела.

— Бросай оружие! — приказал командир гирканийцев. Пленники угрюмо подчинились. Суровый кочевник подъехал поближе.

— Значит, любите подраться? Ну так мы подыщем для вас кое-что поинтереснее рабского загона. — Он обернулся к лучникам: — Отведите их к Большой Ограде.

Парочку распоясавшихся невольников погнали в центр бивака. Там находился большой участок, огороженный огромным занавесом, который защищал от резких, горячих степных ветров. Занавес в пятнадцать футов высотой был украшен замысловатым орнаментом. Над ним на шестах возвышались штандарты гирканийских вождей: рога, конские хвосты и черепа животных. Властный гирканиец толкнул пленников за ограду. Внутри огороженного пространства расположилось около двадцати больших шатров; у входа в каждый виднелся особый штандарт. Перед самым большим из шатров торчал особенно приметный, высокий шест. Его венчали рога яка, а вниз свешивалось девять конских хвостов. «Должно быть, это и есть шатер Бартатуи», — решил Конан.

Поодаль от шатров, возле самой ограды, степняки соорудили нечто вроде решетчатого загона. Внутри этой странной клетки в землю было вкопано множество крепких столбов, и на каждом висела шестифутовая цепь, заканчивающаяся ошейником. Конан насчитал двадцать пять человек, уже прикованных к столбам; оставалось еще несколько свободных ошейников.

— Хорошо, что вам так не терпится подраться, — заметил надсмотрщик. — У нашего вождя сегодня вечером большой пир, а гости уж больно любят смотреть на поединки. Топайте сюда!

Выбора у пленников не было. Сзади застыли конные лучники, готовые пустить в дело свое смертоносное оружие. Только когда ошейники намертво сомкнулись на шеях Конана и Рустуфа, стражи опустили луки и отправились по своим делам.

— Итак, пока нам везет, — отдышавшись, проговорил Рустуф, — хотя цепь с ошейником не многим лучше, чем яма для рабов.

Конан подергал цепь — крепкая. Богатырь варвар подошел к столбу и навалился изо всех сил. Столб стоял крепко. Он был не только глубоко вкопан, но и закреплен у основания крестовиной. Даже у такого силача, как Конан, кишка тонка вырвать столб из земли.

— Кстати, компания подобралась тоже подходящая, — кисло усмехнулся Рустуф.

Конан с интересом посмотрел на соседей. Это были сплошь дюжие мужики, все в шрамах, но, видать, бывшие разбойники и пираты. Из них так и перла наружу свирепая сила и тупая самоуверенность. И ничего больше!

Прикованный к ближайшему столбу детина явно принадлежал к какому-то неизвестному Конану племени. Может быть, он с Востока?

— Кто ты? — спросил Конан пленника на языке кочевников.

— Смерть твоя, вот кто, шакал!

Да, парень слов зря не тратил! Конан оставил попытки поговорить с тупоголовым, злобным невольником. Киммериец присел на землю и прислонился спиной к столбу. Надо использовать отпущенное время и как следует отдохнуть. Сегодня вечером предстоит тяжелая работа...

Глава 4

Хондемир всматривался в магическое зеркало, наблюдая там картины, растолковать которые по плечу лишь одному колдуну. Загадочные, нечеловеческие лица появлялись и говорили с чародеем, не издавая при этом ни звука. Наконец Хондемир взмахнул рукой, как бы отпуская диковинных собеседников. Зеркало прояснилось, и маг положил его на место, в сундук.

Из башни неподалеку послышался крик часового, возвещающий, что через час городские ворота закроются. Как раз в этот время колдуну предстояла одна важная встреча. Надо успеть подготовиться! Хондемир облачился в свою лучшую мантию, надел лучший воротник, расшитый золотом и драгоценными камнями. Потом расчесал свою раздвоенную бороду и водрузил на голову высокий шелковый тюрбан, усыпанный драгоценными камнями. Надо было отдать должное чародею — он был высок и хорошо сложен. Черты лица явственно выдавали в нем чистокровного туранского аристократа. Такой человек всегда займет подобающее место при любом дворе хайборийских царств.

Хондемир слегка потянул за шнурок звонка. Тут же появился слуга.

— Пусть паланкин ждет меня у ворот через полчаса, — распорядился чародей. Слуга поклонился и выскользнул исполнять приказание. Хондемир не стал брать с собой никаких магических инструментов. Отцы города и так хорошо знают его могущество.

Пока паланкин несли по шумным улицам, маг любовался красотами большого торгового города. Согария и впрямь великолепна. Общественные здания сплошь из белого мрамора, а жилые дома — немногим хуже. Мало кто из горожан был по-настоящему беден: основу согарийского благоденствия составляла караванная торговля, а не урожаи из поместий зажиточной знати.

С балконов и плоских крыш спускались ветви плюща: как и другие жители жарких южных стран, согарийцы высоко ценили зелень. Здесь было вдоволь цветов, а пестреющие на солнце богатые ткани только добавляли городу красок. Улицы Согарии вымощены тесаным камнем, на каждом шагу плещутся фонтаны.

Дворец князя Амира Джелайра стоял на вершине холма и был окружен садами. В тенистых, прохладных рощицах на все лады щебетали заморские птицы. Блеск их роскошного оперения затмевал даже красоту ярких, неувядающих цветов. Хондемиру нравилось все это великолепие. Но еще больше грела ему душу мысль, что скоро у него самого будут точно такие же сады и дворцы.

Носильщики опустили паланкин на гладкие камни широкого двора, где рассыпал сверкающие брызги большой фонтан; вода в источнике была подкрашена и смешана с благовониями. Офицер дворцовой стражи низко поклонился Хондемиру и провел колдуна в просторный княжеский зал.

У стен на подушках восседали знатнейшие люди Согарии. Высокие окна свободно пропускали свет и воздух, а пол был покрыт великолепным мозаичным изображением географической карты: торговые города обозначались драгоценными камнями, а названия окрестных земель выложены обсидиановыми буквами.

Хондемир занял свое место и хранил молчание, пока другие негромко совещались. Он знал, что среди этих людей есть и судьи, и чиновники, и военные. Некоторых из присутствующих он не узнал, — ничего странного, ведь он не так давно живет в городе и круг его знакомых пока довольно узок.

Когда вошел Амир Джелайр, все собравшиеся земно поклонились. Князь — дородный мужчина средних лет — явно был чем-то обеспокоен. Коротко ответив на приветствие, он присел на невысокую скамью.

— Я собрал вас здесь, — без предисловий начал князь, — поскольку беда, которую мы давно предвидели, может вскоре подкатиться к стенам города. Я желаю, чтобы все услышали речь великого мага Хондемира. Он явился к нам из Турана и желает помочь нам в этот тревожный час.

Джелайр подал знак, и Хондемир поднялся.

— Ваше высочество, досточтимые господа! Большинство из вас меня знает. Вы любезно оказали мне гостеприимство, когда я был изгнан из своего отечества узурпатором, царем Ездигердом. Я считаю Согарию своим городом, и нависшая над ним угроза беспокоит меня так же глубоко, как вас.

Искушенный в придворной жизни не меньше, чем в магии, Хондемир понимал, как важно подсластить слова медом лести.

— Когда ваш князь впервые заподозрил, что гирканийские дикари замыслили что-то против Согарии, он призвал меня сюда, чтобы я мог предоставить в ваше распоряжение магические силы. Я к вашим услугам, достопочтенные господа! — Слушатели вежливо зааплодировали колдуну. — Мои источники из потустороннего мира подтвердили самые худшие опасения. Дикарь Бартатуя собрал такие полчища кочевников, каких еще свет не видывал. Не пройдет и тридцати дней, как орда подкатит к городу.

При этих словах присутствующие заволновались. Один из них, по одежде — военачальник, поднялся и произнес:

— Можем ли мы доверять вашим предсказаниям? Пока у нас нет никаких точных сведений, кроме рассказов бродячих торговцев. Они подтверждают только, что орда действительно собирается. А уж пойти кочевники могут и на Маликту, и на Бахрошу.

Многие присутствующие в княжеском зале согласились с доводами военачальника.

— Блистательный воитель, — с притворным смирением ответствовал Хондемир, — я должен искренне заверить, что мои источники несравнимо надежнее каких-то бродячих оборванцев.

— А какая разница? — заявил вельможа с регалиями судейского чиновника. Тюрбан вельможи украшала жемчужина величиной с детский кулак. — Если этот дикарь захватит один торговый город — рано или поздно он возьмет все. Первыми мы будем или последними, роли не играет! Степняки все равно доберутся до Согарии.

Туранец поклонился судье:

— Именно так, мудрейший. Когда гирканийцы седлают коней, лучше не ждать набега. Если уж они пустят коней галопом, то не остановятся. Они окажутся у городских стен прежде, чем вы получите первые вести с пограничных рубежей.

Амир Джелайр повернулся к придворному, очень похожему на него самого чертами лица, только помоложе:

— Брат мой, как комендант города, ты должен проследить, чтобы склады были полны зерна и чтоб в Согарию пригнали вдосталь скота.

Затем князь обратился к другому сановнику:

— А ты, главный оружейник, проследи, чтобы все оружие было в порядке и мы могли раздать его горожанам, если возникнет нужда.

Хондемир подавил мрачную усмешку, представив, как разжиревшие купцы и неповоротливые ремесленники сражаются против воинов Бартатуи.

— Все эти приготовления благородны и уместны, государь мой, — произнес колдун, — но в моем распоряжении имеется ору-

жие, которое принесет вам гораздо большую пользу. Простите мне эти слова, — он поклонился в ту сторону, где сидели военные, — но ваши воины хоть и храбры, как львы, но провели всю свою жизнь охраняя город и гоняясь за разбойниками в долине. Со времени правления вашего отца Согария не ведала настоящих войн.

— Я твердо верю в твою великую силу, — сказал Амир Джелайр. — Поведай же нам о своих планах.

— На что нам колдовство? — вмешался рослый военачальник в золотой кирасе. — Разве стены Согарии обветшали? Разве эта неумытая нелюдь и раньше сюда не являлась? Стрелами великую крепость не возьмешь! Мы будем потешаться над степняками, стоя на стенах, а они там внизу пусть брызжут от злобы слюной, пока не сдохнут. В конце концов они найдут какую-нибудь жертву послабее — пойдут грабить небольшие селения да беззащитные караваны.

— Вождь Бартатуя разбирается в военном деле гораздо лучше, чем его предшественники. — заметил Хондемир. — Он собрал великое множество рабов для осадных работ. Ваши стены подкопают, валы возьмут приступом с помощью осадных башен. Даже если штурм не увенчается успехом, вашу землю разграбят, прилежащие села разорят. Вы лишитесь постоянного дохода, ибо караваны будут обходить Согарию стороной. Городу долгие годы не оправиться после столкновения с ордой.

— Мудрые речи, — согласился князь. — Что же ты предлагаешь?

— Я знаю способ повернуть орду в другую сторону. А затем, когда она окажется далеко от Согарии, я заманю ее в ловушку и вызову самого могущественного из демонов. И он сотрет степняков с лица земли.

— Ты и вправду можешь это сделать? — В голосе князя прозвучал легкий испуг и одновременно благоговение.

— Я не терял бы здесь времени, — откликнулся туранец, — если б полностью не посвятил себя колдовским искусствам. Много часов провел я в городских архивах, роясь в древних рукописях, повествующих о степных племенах. В одной из них я нашел любопытную притчу.

В княжеском зале повисла напряженная тишина. Все внимали Хондемиру, затаив дыхание, как дети на ярмарочной площади слушают искусного сказителя.

— Столетий пять назад, когда Согария входила в состав Ильбарской Твердыни, город также страдал от набегов кочевых племен. В это время Ильбарской Твердыней правил царь Карун, воинственный властелин. Он собрал огромное войско и пустился в погоню за кочевниками. Много дней он преследовал неулови-

мых всадников, но те ускользали от царя, лишь дразня властелина. Иногда всадники поворачивали назад, приближались на один полет стрелы, поднимали луки и осыпали преследователей градом смертоносных жал. А потом опять мчались вперед, далеко в степь. И царь Карун не мог их настигнуть.

Наконец Карун окончательно разгневался и отправил к гирканийцам посланца. Тот передал степнякам слова царя: «Почему вы, гирканийцы, убегаете от меня? Вернитесь и сразитесь с нами, мы вас не боимся. Дайте нам бой, дабы весь мир не потешался над вашей трусостью».

Предводитель кочевников ответил так: «Зачем нам сражаться сейчас для твоего удовольствия? Это нужно тебе, царь, а не нам. Мы и так уже разграбили вашу страну, захватили ваши сокровища и ваших женщин. Если ты хочешь почувствовать всю силу гирканийской ярости, можешь найти могилы наших предков — они здесь, поблизости. Только тронь их, и мы сразу же примчимся и сразимся с тобой, вот увидишь».

Но, — продолжал Хондемир, — царю и его войску не хватало воды и съестных припасов. Вместо того чтобы искать затерянные в степи могильники, ильбарситы благоразумно повернули к дому.

Колдун как бы случайно прошелся по мозаичному полу, шагая прямо по торговым городам и продвигаясь в степь, к северу.

— Я считаю эту историю весьма важной вот почему. Из нее следует, что у этих неутомимых степных всадников есть одно место, которое они считают неприкосновенным. Это могильники. Для степняков они священны, и, чтобы защитить их, они бросят любое дело, прервут любой набег. Я специально вызвал бесплотных духов степей и повелел им найти гирканийские могильники. И сегодня они принесли мне весть о том, что поиски увенчались успехом. Духи нашли святилище степняков... здесь. — Колдун указал на пол рядом с туфлей. Этот участок мозаики был выложен ровным желтым топазом.

Амир Джелайр наклонился, чтобы рассмотреть получше.

— Голодная Степь! Да там наверняка ничего нет, кроме человеческих костей, побелевших от солнца.

— И все же... Именно там обрели вечный покой предки Бартатуи и его племени. Это место они зовут Курганами Спящих. Дайте мне кавалерийский полк и еще кое-что, и я заманю туда орду. А уж там мрачные чудовища, коих я призову на помощь из глубин Мироздания, разорвут жалких степняков в клочья. Даже само имя Бартатуи забудется навсегда!

— Кавалерийский полк, — задумчиво проговорил воин, который и прежде сомневался в предложениях колдуна. — Глупо отсылать столько людей из города, когда мы так в них нуждаемся.

— Но если Хондемир прав, — возразил князь, — может, нам и не понадобится защищать город.

— Ты сказал, что это место священно для Бартатуи, — подал голос брат князя, — но пойдут ли другие племена и кланы вслед за ним на защиту могильников?

— Не важно, — махнул рукой Хондемир. — Главное, что сам Бартатуя поспешит вместе со своими ашкузами. Без него остальное войско развалится на небольшие отряды и станет не так опасно. Племенные вожди не настолько тщеславны, чтобы замахнуться на большую осаду без руководства верховного владыки.

— Тысячу воинов я, может, и смогу выделить, — произнес Амир Джелайр, — но это плохая защита от целого гирканийского войска.

— Более чем достаточно, государь, — заверил князя Хондемир. — Дело в том, что я выяснил еще кое-какие обстоятельства. К тому времени как кочевники нас догонят, мы подойдем уже к самим Курганам Спящих. А у дикарей полно странных суеверий. Например, им запрещено ездить верхом близ Курганов. Более того, на могильниках они не смеют стрелять из лука. Пешие, вооруженные лишь мечами и пиками, эти варвары — все равно что необученный сброд. Дайте мне хороших бойцов под началом опытного командира, и степняки нам не страшны, сколько бы их ни было.

— Звучит разумно. Что скажете, советники?

Многие вельможи охотно согласились, другие — лишь скептически качали головами.

Неожиданно князь кое о чем вспомнил:

— Добрый Хондемир, ты упоминал, что тебе понадобится еще нечто помимо кавалеристов. Что именно?

— О, совсем немного. Что может понадобиться в пути? Шатер, в котором я мог бы заниматься на остановках своим искусством, кое-какая утварь... ну и еще одна мелочь.

— Что же? — спросил князь.

— Видишь ли, государь, вызвать потустороннее существо — это не то что воина или слугу нанять. Нужно выполнить очень сложные обряды. Поскольку весь ритуал будет вершиться от твоего имени, хорошо бы присутствовать лично тебе. — Князь посмотрел на колдуна с тревогой, но Хондемир упредил возражения, сделав успокаивающий жест: — Конечно, я не собираюсь просить тебя покинуть город в разгар подготовки к осаде. Подойдет любой твой родич. Лучше всего — кто-то из твоих детей.

Амир Джелайр побледнел и приподнялся со скамьи:

— Один из моих сыновей? Да разве я могу перенести разлуку с кем-то из них?

— Я не сказал «сын», государь. Сойдет и дочь.

Князь, успокоившись, уселся на место.

— Дочь? Это другое дело. У меня их несколько. Ишкала — старшая. У нее трудный характер. Я давно уже утратил надежду найти для нее подходящего мужа. Можешь взять ее с собой.

— Прекрасно, государь. Если в дороге ничего не случится, дочь вернется к тебе цела и невредима. А теперь, повелитель, коль скоро вы приняли мой план, твои воины и твоя дочь должны быть готовы к походу на рассвете десятого дня, считая от сегодняшнего.

— Да будет так! — громко возвестил князь. — Что ж, с делами мы разобрались, теперь можно и отобедать.

Поздно вечером, когда Хондемира доставили в его особняк, он мысленно праздновал победу. Князь оказался человеком легковерным, да и не привык Джелайр к таким сложным вопросам. А впрочем, будь он тверже и недоверчивее, Хондемиру все равно скорее всего удалось бы склонить его на свою сторону. Ведь план и в самом деле был хорош, и говорил чародей правду... Кроме одной небольшой детали: чем он на самом деле собирался заняться, достигнув Курганов Спящих.

А в это время, пока Хондемира несли домой с роскошного княжеского пира, в другом уголке Согарии еще одно веселое, шумное застолье не собиралось заканчиваться. В одной из харчевен, окружавших городской базар, гуляла компания молодых людей. Обычно базарные харчевни обслуживали заезжих торговцев, но эту облюбовали для себя городские повесы: не сумевшие разбогатеть мастера-ремесленники, художники, ученики писцов и звездочетов, а также самые отпетые сынки согарийской знати.

За одним столиком в этот поздний час было особенно шумно. Люди, сидевшие за ним, были очень молоды. Кувшин с вином уже обошел стол не один круг, и его не раз уже доливали. В компании особенно выделялся один юноша. Говорил он очень красноречиво, несмотря на то что язык у него уже порядком заплетался.

— Друзья, мы живем во времена упадка, — вещал восторженный юнец. — Людям нашего времени ни до чего нет дела, кроме денег. Они покупают дворцы и драгоценные побрякушки, обжираются и пьют вино...

— Что же плохого в деньгах, Мансур? — со смехом спросил его товарищ. — Что худого в дворцах и в изящных творениях ювелиров?

— И что плохого в том, чтобы есть и пить вино? — подхватил другой гуляка. — А сам ты сейчас чем занимаешься? — Все за столом захохотали.

— Есть вещи более важные, — ответил тот, кого звали Мансуром. Он был едва ли не самым молодым в компании — за плечами у него вряд ли наберется и восемнадцать безоблачных лет. Одежды у юноши особой роскошью и изяществом не отличалась, не в пример его компаньонам, однако и в лице, и в повадках сквозило явно благородное происхождение. Был он строен, высок и хорош собою. На щеках пробивалась каштановая бородка. Трактирные служанки нет-нет да и бросали на юношу лукавые взгляды. Но Мансур, казалось, не обращал на откровенные призывы девиц никакого внимания.

— Какие же вещи важнее, а, Мансур? — воскликнул один из парней. По тону его было понятно, что такие шутливые перепалки — не редкость между собутыльниками.

— Слава! И приключения! И вечная любовь! Где в наше спокойное время услышишь звон мечей, свист стрел, воинственные кличи доблестных воинов?

— Ну, если слухи правдивы, этого мы скоро дождемся, — заметил тот, что был постарше. Но Мансур не обратил внимания на эти слова.

— Как доказать своим друзьям и своей возлюбленной, что ты мужчина, если не великими подвигами? — настаивал он.

— Давай-ка поподробней! — одновременно воскликнули его друзья.

— Так получилось, — продолжал юноша, — что у меня с собой кое-какие стихи, которые я сочинил именно по этому поводу, — он порылся за пазухой, — постойте, где же они, должны быть тут. — Наконец Мансур обнаружил у себя за поясом футляр, в котором писцы обычно таскают свои нехитрые инструменты. Однако футляр был пуст.

— О боги, мы обречены, — воскликнул один из парней. — Мансур собирается читать нам свои стихи! — Послышались стоны и проклятия.

— Перед таким испытанием нужно подкрепиться! — провозгласил другой, в очередной раз наполняя кубок.

— Есть вещи, которые человеку не вынести, — заметил юноша в манишке без рукавов: такие носят подмастерья зодчих. Он выхватил из-за пояса кинжал и приставил острие к груди, будто собираясь покончить с собой.

Мансур не обращал на приятелей внимания. Он извлек свиток со стихами из-за голенища сапога.

— Вот они где! Слушайте меня внимательно, друзья! Когда-нибудь вы будете рассказывать своим детям, что вам читал стихи сам Мансур Альяша.

Прижав одну руку к сердцу, а другой держа свиток, Мансур начал декламировать:

Где вы, времена отцов могучих,
Боевые кличи, звон мечей,
Где герои — не бывает лучших —
Доблестней, храбрее, горячей?
Ваши мышцы — из отборной стали,
Взором — соколы, душою — львы,
А сегодня мы другими стали,
Нет сегодня подвигов, увы!
Вас страшились гордые туранцы
И свирепые сыны степей,
Жалкие отродья — бухрошанцы —
Вас запомнят до скончанья дней...

Товарищи Мансура откинулись в изнеможении, словно их одолела неизлечимая хворь. А тот, что изображал самоубийцу, дернул вдохновенного поэта за рукав.

— Мансур, твои стихи прекрасны, но мы-то хотим, чтобы ты рассказал нам о своей возлюбленной.

— Ах, — вздохнул юноша, — она прекрасна. Но ее божественное имя не смеет сорваться с моих уст. Оно не предназначено для чужих ушей. — Мансур снова свернул рукопись и отложил ее в сторону.

— Что за тайна вокруг какой-то девчонки? — удивленно спросил юноша в тюрбане звездочета. — Уже две недели ты стонешь и плачешь по ней, а мы так ничего и не знаем. Может быть, девчонка вообще не стоит таких страданий. — Он наполнил кубок Мансура, надеясь, что вино развяжет влюбленному поэту язык, хотя едва ли в этом была необходимость.

— Я дал клятву, — доверительно сообщил Мансур, — что никогда не открою ее имени. Иначе последствия будут ужасны для нас обоих.

— Ха-ха! — засмеялся «самоубийца». — Кажется, я оказался прав! Она замужем! Жена какого-нибудь толстопузого купца развлекает Мансура в роскошных покоях, пока муженек подсчитывает барыши. Обычная история!

— Берегись! — крикнул поэт, схватившись за меч у пояса. — Ты оскорбляешь имя моей госпожи!

— Мы ничего не можем сделать с ее именем, потому как оно нам неизвестно!

Мансур успокоился.

— Увы, оно должно оставаться тайной моего сердца. Она слишком высокородна, чтобы подобные мне даже глаза на нее поднимали. Один лишь я и осмелился. Мы поклялись друг другу в любви, но наша любовь обречена из-за разницы в положении.

Друзья были в восторге: наконец-то Мансур заговорил о таинственной незнакомке.

— А ты ее опиши, Мансур, — лукаво попросил один из них. — Любой талантливый поэт сумеет так описать свою возлюбленную, что остальные легко смогут ее представить, даже не зная имени.

— Волосы ее, друзья мои, черны, как полуночное небо...

— Да вряд ли во всей Согарии найдутся волосы другого цвета, — разочарованно протянул лукавый собутыльник Мансура.

— Кожа ее бела, как восходящая луна...

— А поточнее нельзя, Мансур? — попросил «самоубийца».

Вдруг поэта словно осенило:

— Подождите! Я знаю, как рассказать вам о ее несравненных качествах.

Он потянулся к другому сапогу и извлек скатанные в трубку бумажки.

— Как раз сегодня я посвятил ей стихи. Эта безделица, пока еще черновик, всего-то двести девяносто семь строк. Я...

Мансур поднял взгляд и увидел, как последние из его друзей спешно — кто в дверь, кто в окно — выскакивают из харчевни. Юноша смущенно оглядел опустевший стол. Потом сел и с горя осушил полную чашу вина.

— В наше время не осталось ни мужества, ни чести, — пробормотал он, — ни любви к поэзии. — Тут он огляделся, ища поддержки, как раз вовремя, чтобы заметить хозяина. Судя по всему, трактирщик вознамерился получить плату. Мансур понял, что настало время спешно уносить ноги.

Вылетев на улицу, он резвой рысью направился в сторону княжеского дворца, по пути размышляя о превратностях своей судьбы. Как всякий поэт и философ, он понимал, что обречен всю жизнь сносить насмешки товарищей. И в любви ему тоже не на что было рассчитывать, поскольку лишь самая необыкновенная, самая прекрасная дама могла тронуть его сердце. И Мансур нашел такую, нашел в своем родном городе. Но она, как и следовало ожидать, принадлежала к очень высокому роду; юноше из бедной рыцарской семьи нечего и мечтать о подобной возлюбленной.

Как и все честолюбивые юнцы, Мансур был слишком горд, чтобы служить при дворе мальчиком на побегушках, и слишком беден, чтобы иметь какие-нибудь выгодные связи. Кое-как он зарабатывал уроками фехтования в школе мастера Накшафа. Дело это нехитрое — учить балбесов-переростков основам боя. Однако все, что связанно с оружием, Мансур считал чуть ли не священным. Сейчас юноша мог гордиться своим мастерством. Он еще мальчиком упросил отдать его в фехтовальную школу. Сначала

старый учитель пренебрегал им, но потом принял, а приняв — высоко оценил. В конце концов старик сделал Мансура своим помощником и даже намекал, что, может быть, когда-нибудь способный молодой боец займет его место.

Мансур на ходу вытащил клинок и провел сложную атаку, — провел безупречно, хоть пребывал сильно под хмельком. Вооружен был юноша туранской саблей, с одной стороны острой как бритва и слегка искривленной. Тонкий и легкий туранский клинок в умелых руках превращался в смертоносную молнию. Мастер Накшаф заставил Мансура освоить в совершенстве все известные типы клинков, но эту легкую саблю юноша полюбил больше всего.

Он направился к задней стене дворца и отработанным движением спрятал саблю в ножны. Мансур разыскал место, где по стене вилась старая виноградная лоза, кривая, толстая и шишковатая. Юноша оглянулся; переулок, по которому он шел, был пуст. Ни один караульный не показывался на стене. Довольный, что его не видят, Мансур принялся карабкаться наверх.

«Вот еще одна примета упадка, — думал он, — подобной живой "лестнице" позволяют расти прямо на дворцовой стене». То, что это упущение дворцовой стражи как раз и позволяет ему видеться с возлюбленнной, отнюдь не уменьшало праведный гнев Мансура. Взобравшись наверх, он спрыгнул в маленький дворик. Было тихо. Он прошел мимо бассейна в середине дворика и вышел на веранду — на таких в жаркое время прячутся от солнца знатные дамы. Осторожно ступая по покрытому замысловатым орнаментом мрамору, юноша еще раз огляделся и страстным шепотом позвал: «Ишкала!». Он ждал затаив дыхание. Каждый раз, когда Мансур проникал сюда, он понимал: в один прекрасный день вместо возлюбленной может появиться десяток свирепых княжеских воинов.

— Мансур? — стройная фигурка появилась в дверях, расположенных за мраморной оградой. Мансур, не помня себя от радости, бросился вперед и обнял возлюбленную.

— Госпожа моя, любимая моя, как я тосковал по тебе с тех пор...

— Мансур! Ты опять пьянствовал со своими дружками! От тебя несет, как будто ты ночевал в винной бочке.

— Мне нужно было выпить, чтобы забыться, любовь моя, а иначе мысли о тебе затмевают все на свете. И если бы долг чести повелел мне обнажить меч, я бы...

— Прекрати эту болтовню, — прошептала девушка, — случилось нечто ужасное.

Мансур мгновенно протрезвел.

— Тебя с кем-то обручили?

— Немногим лучше. Этот страшный туранский колдун сегодня вечером был при дворе. Я, как обычно, спряталась за троном, чтобы послушать, о чем они говорят. Скоро начнется война!

— Война! — В голове у Мансура тут же возникли сияющие картины великих сражений, где он покроет себя неувядающей славой.

— Колдун Хондемир говорит, что может предотвратить войну.

— Какая жалость, — разочаровано протянул Мансур.

— Он собирается отправиться в поход в далекую пустыню и там сотворить какое-то ужасное колдовство, дабы уничтожить кочевников.

— Из-за этих колдунов мы окончательно утратили воинскую честь, — возмущенно фыркнул Мансур.

— Все намного хуже. Хондемир сказал, что для этих чар ему нужна я.

— Ты? Может, лучше объяснишь все с самого начала?

Княжна поведала влюбленному поэту о том, что услышала из своего укрытия.

— Сегодня вечером, — рассказывала девушка, — ко мне подошел командир дворцовой стражи и объяснил, что я должна подготовиться к долгому походу. Нас будут сопровождать Красные Орлы. Колдун обещал, что мне от его чар ничего не сделается, но я не так доверчива, как мой отец. Я сердцем чую — проклятый туранец хочет обрушить на город злобные силы.

— Я этого не позволю, — вскинулся разгневанный Мансур. — Я потребую у князя аудиенции.

— Любимый, дворцовая стража тебя даже на порог не пустит, — вздохнула княжна. — Я должна подчиняться отцу, даже если он поступает глупо.

— Я не могу остаться в стороне! — воскликнул в отчаянии Мансур. — С тех пор как мое сердце бьется в такт с твоим... с той минуты, как рука судьбы толкнула меня перелезть через дворцовую стену и найти тебя... когда глаза мои... — Мансур еще некоторое время продолжал в том же духе.

По правде говоря, дело обстояло несколько прозаичнее. Просто в один прекрасный день, несколькими неделями раньше, юноша гулял с дружками поблизости от дворца. Приятели-то и подбили Мансура взобраться на стену. Он принял вызов, залез наверх, цепляясь за виноградную лозу, и только повернулся, чтобы отвесить поклон, как вдруг потерял равновесие и упал во внутренний двор, прямо на цветущий душистый куст. Когда у юного смельчака перестало кружиться в глазах, он обнаружил, что пред его взором стоит чудесное видение, настолько прекрасное, что он и вообразить ничего подобного был не в силах. Но сейчас Мансур уже подзабыл далеко не героические подробности знакомства

с княжной, сам поверив в ту сказку, что придумал для своей возлюбленной.

— Ты должен уйти, — втолковывала юноше Ишкала. — Охранники-евнухи сейчас начнут обход. Ты должен обо мне забыть. Если я вернусь из похода — хорошо. Если нет, найди другую подругу. — Последние слова девушка произнесла уже сквозь слезы.

— Я придумаю что-нибудь, любимая, — пообещал Мансур. — Не знаю пока что, но обязательно придумаю. И буду всегда рядом с тобой!

В глубине двора послышался размеренный лязг доспехов — это шел стражник. Влюбленные бросились бежать. На прощание поцеловав княжну, Мансур подбежал к стене и на этот раз спустился не по виноградным ветвям, а по обычной лестнице.

Потом он уныло бродил по саду рядом с дворцом. Как ему исхитриться, чтобы оказаться рядом с любимой? Ведь он так нужен ей в этот трудный час. Мансур решил было пойти к дому Хондемира и вызвать мага на поединок. Но куда там! Несомненно, этот негодяй прибегнет к каким-нибудь бесчестным колдовским приемам... Мансур бросил взгляд на серебристый лунный серп, видневшийся меж двух высоких деревьев. Бедный страдалец решил сочинить стихи в честь Ишкалы, сравнив ее красоту с красотой луны. Эта мысль показалась ему весьма оригинальной...

Утром несчастный поэт очнулся от жуткой головной боли и страшного звона в ушах — шумело, словно он лежал на берегу бурного моря. Мансур со стоном сел и увидел, что несколько работников сосредоточенно подстригают живую изгородь, не обращая ни малейшего внимания на растянувшегося в кустах пьянчужку. Он попытался припомнить события последней ночи. Сначала кто-то непочтительно отозвался о его стихах. Потом — Ишкала! Ее слова пронеслись в памяти огненным смерчем. Что-то надо делать! И зачем он вчера так нализался! Мансур с трудом поднялся на ноги и, пошатываясь, вышел из сада.

Когда юноша очутился в городских кварталах, в глаза ему сразу бросились столь непривычные для Согарии тревога и напряжение. Люди сновали туда-сюда, чиновники сообщали какие-то важные новости, повсюду маршировали вооруженные солдаты. Город готовился к войне. В любое другое время Мансур бросился бы в самую гущу событий, ведь именно об этом он мечтал долгие годы! Но теперь он мог думать только об Ишкале и той ужасной судьбе, которая ей грозила. Мимо проскакал эскадрон ярко одетых кавалеристов, и тут в голову Мансуру пришла замечательная мысль. Не потрудившись даже зайти домой, чтобы умыться, он поспешил к южным воротам. Там, за городскими стенами, огромное пространство было занято загонами для боевых лошадей и казармами согарийского гарнизона.

Несколько раз спросив дорогу у спешащих куда-то солдат, Мансур наконец добрался до широкого плаца. Там упражнялись несколько боевых отрядов. Судя по выправке, это настоящие профессионалы. Их остроконечные шлемы венчали воинственные плюмажи из красных перьев. Мансур безошибочно узнал прославленных Красных Орлов, отборную княжескую кавалерию. Юноша отыскал взглядом наблюдающего за маневрами офицера и подбежал к нему.

— Я — Мансур Альяша, сударь. Желаю вступить в ряды Красных Орлов.

Офицер только усмехнулся в усы.

— Теперь, когда война на носу, многие захотят вступить в войско. С какой это стати мне принимать тебя в лучшее кавалерийское подразделение Согарии? Судя по одежде, едва ли кто-то из знатных людей окажет тебе протекцию.

— Да, у меня нет связей при дворе, — гордо проговорил Мансур, — но я отлично владею клинком. — Он выхватил саблю и молниеносно провел несколько сложных фигур.

— Неплохо, парень! — заметил явно изумленный офицер. — Я вижу, ты долго и успешно учился. Только вот незадача — всадники не пользуются легким оружием. А вот удержишь ли ты настоящий боевой клинок? — Он извлек свой собственный меч и протянул Мансуру. Оружие было длинным и широким, лезвие загнуто сильнее, чем сабля Мансура. Длина и вес таковы, что мечом можно рубиться сидя в седле.

Мансур возблагодарил богов за то, что старый Накшаф научил его обращаться и с таким оружием. Он знал, как рубить кавалерийской саблей: проще и мощнее, чем легким мечом.

— Отменно! — похвалил офицер. — А верхом ездить умеешь?

— Умею, — уверено ответил Мансур. Он и впрямь неплохо ездил верхом, хотя специальных кавалерийских навыков ему недоставало.

— Ну так иди вон туда, там собираются салажата. Набирают новое войско для защиты города, и, коли поспеешь, тебе достанется конь.

— Нет, — настаивал Мансур, — я хочу быть Красным Орлом.

— Послушай, парень, — нахмурился офицер, — в Красные Орлы так просто не попасть. Многие готовы были служить простыми солдатами, но их не брали, хотя это были опытные воины. Принимают только самых достойных. Иди послужи где-нибудь в другом месте. Через несколько лет наберешься боевого опыта, тогда и приходи к нам.

Мансур повернул прочь. Все надежды рухнули. Оставалось найти какой-то другой способ последовать за Ишкалой в Голодную Степь.

Глава 5

На закате прикованным к столбам пленникам принесли поесть. Раб поставил деревянную тарелку и кувшин с водой между Конаном и Рустуфом. Козак и киммериец с жадностью набросились на еду. Им дали хлеб, не такой мерзкий, как днем, сыр, а главное — вдоволь копченого мяса.

— По крайней мере, с едой здесь получше, чем в яме, — заметил Рустуф. Он подхватил кость с приличным шматом мяса и аж заурчал от удовольствия.

Конан тоже принялся поглощать пищу, хотя и не так остервенело, как козак. Впервые за много дней великану варвару наконец довелось как следует набить желудок.

— Что ж, перед казнью всегда хорошо кормят. Но смотри не увлекайся. С переполненным брюхом какой из тебя боец? — С этими словами киммериец поднял кувшин и отхлебнул. Там оказалось вполне сносное вино, чуть разбавленное водой.

— Э-хе! — прошамкал Рустуф с полным ртом баранины. — Наши-то товарищи не так осторожны!

Действительно, остальные невольники хватали пищу, как голодные шакалы, ссорясь из-за лакомых кусков, и уже давно бы передрались, если б не цепи.

Когда трапеза подошла к концу, в загон проскользнул нежданый посетитель. Это была женщина, так задрапированная покрывалом, что виден был лишь краешек ее лица. Сопровождал незнакомку главный надсмотрщик. На пленных женщина глядела, как смотрит на скотину рыночный барыга. Каждый, к кому она приближалась, вставал, давая рассмотреть свое тело.

Лишь Конан сделал вид, что не заметил ее, когда она подошла.

— Ты! — крикнул надсмотрщик. — Встань перед госпожой!

Конан стряхнул прилипшие к губам крошки.

— Он что, глухой? — спросила женщина. — Или не знает нашего языка?

— Да все он понимает, — ответил надсмотрщик. — Просто строптив не в меру. Воин, который привел его сюда, говорил: этот парень и связанный ведет себя так гордо, как иным свободным не снилось. — Он похлопал Конана по плечу плетью: — Встань, герой! Сегодня вечером у тебя будет где показать свою храбрость.

Конан медленно поднялся во весь свой богатырский рост. Женщина придирчиво оглядела киммерийца: скользнула взглядом по мощным, будто свитым из дубовых корневищ, ногам, по широченной груди, по стальным буграм мускулов. Потом странная незнакомка обошла Конана вокруг, отмечая тихими вздохами

многочисленные шрамы киммерийца и восхищаясь его могучей статью. Она ткнула Конана в солнечное сплетение своим маленьким пальчиком. Палец так и отскочил, будто угодил не в тело человека, а в ствол дерева. Наконец женщина посмотрела киммерийцу прямо в лицо.

— Умыть и хорошо выбрить, — бросила она властно надсмотрщику, — должно получиться очень прилично. — Затем обратилась к Конану: — Как ты сражаешься, чужестранец?

— Лучше всего мечом, но могу и любым другим оружием — секирой, палицей, пикой, кинжалом. Я — воин.

— Должно быть, твои соплеменники тебя таковым и почитают... А голыми руками драться можешь?

— В кулачном бою мне далеко еще до совершенства, — просто ответил варвар.

Конану хватило и небольшой прорехи в балахоне женщины, чтобы понять — перед ним несравненная красотка. А по уверенной, грациозной походке можно было догадаться о ее фигуре.

— А ты забавный, раб, — заметила лукаво незнакомка, — вечером будешь еще забавнее. — Она обернулась к надсмотрщику: — Дай ему все, что нужно для мытья и бритья. Он первым выйдет сражаться на глазах у моего господина. — С этими словами женщина отправилась дальше.

Рустуф ухмыльнулся Конану:

— Да, ты уже привлек к себе внимание! Только к добру ли это? Может, тебе предстоит самая длинная ночь. А может, и самая короткая...

Бартатуя пировал в роскошном шатре. Сегодня в лагерь прибыли два вождя-союзника со своими воинами и многочисленными рабами. Бартатуя угощал гостей диковинными, непривычными для кочевников лакомствами — заморскими винами и пряностями, птицей, которая не водится в степи, даже рыбой из бахрошских водоемов: посыльный доставил ее, еще живую, в кожаных бурдюках с водой. Надо показать суровым степным каганам неведомые для них радости жизни, чтобы вдохновить их перед походом на богатые города.

— Слухи о твоем гостеприимстве не преувеличены, вождь ашкузов, — говорил каган с обветренным, похожим на старый пергамент лицом. Узкие глаза степняка неотрывно наблюдали за десятью вендийками, что прикрывали наготу лишь бусами с драгоценными каменьями. Прелестные наложницы исполняли перед гостями гирканийского предводителя один из тех сладострастных танцев, которыми так славится далекая Вендия.

— Мне приятно разделить с друзьями все, что у меня есть, — отвечал Бартатуя. — Если что-то здесь тебе понравилось, скажи

мне и это будет твоим. Хочешь взять к себе в шатер одну из этих танцовщиц? Бери. Их специально отбирала и обучала моя собственная наложница, которую я с боем взял у Кухлага. — Он с умыслом напомнил важным гостям, как убил великого вождя голыми руками на глазах у его всадников. Такие подвиги только укрепляли репутацию воинственного честолюбца.

— Щедрость твоя известна, — подал голос другой вождь, помоложе. — Но нам непонятна твоя затея со штурмом Согарии. Зачем такая толпа рабов? Что нам с ними делать?

— Да! — воскликнул старый вождь с продубленным степными ветрами лицом. — В чистом поле мы всегда побеждали городских крыс. Но когда они запираются в свои каменные стены, мы плюем на них и уходим. В чем наше преимущество? Скорость и несравненные луки. А если мы потащим за собой рабов, нам придется плестись шагом...

— Слушайте же меня, я вам объясню.

Каган ашкузов был очень высокого для гирканийца роста; у него были длинные руки и широкие плечи лучника. Родом Бартатуя происходил из западных гирканийцев — зеленоглазый, с каштановыми волосами, заплетенными во множество косичек. Лицо его, привлекательное на чисто восточный лад, от природы было светлым, только сильно загорело под жгучим степным солнцем. Завитки татуировки украшали его щеки, делая внешность еще более внушительной и свирепой. Хотя лет кагану было не больше тридцати и он мог считаться слишком молодым, чтобы возглавлять такое огромное войско, от него исходила какая-то аура власти и могущества, как от всех подлинно великих вождей. Бартатуя отхлебнул глоток вина и начал:

— Через несколько дней мы выступаем в поход. Рабы нам не понадобятся, пока мы не приступим к осаде. Так что им необязательно идти вместе с основным войском. Их пошлют вперед первыми, с небольшой охраной. А через несколько дней выступит конница со своими вождями. Они обгонят пеших рабов у границы согарийских земель.

Вожди закивали, соглашаясь с такой тактикой.

— Первый этап, — продолжил Бартатуя, — будет очень похож на привычные нам набеги. Небольшие отряды захватят каждый по несколько деревень или небольших крепостей. Наша задача — разорять согарийские земли и наводить страх. Но при этом важно не убивать больше, чем необходимо.

— Почему же? — спросил один из вождей, тот, что постарше. У гирканийцев издревле повелось поголовно вырезать побежденных.

— Потому что они нам нужнее живыми, нежели мертвыми. Когда селяне увидят, что их дома и укрепления в опасности, они

снимутся с обжитых мест и кинутся в одном и том же направлении.

— Прямо в Согарию! — воскликнул молодой вождь.

— Совершенно верно, друг мой, — с искренним одобрением сказал Бартатуя, — мы их туда погоним, как овец. Они будут набиваться за стены, пока город не раздуется, как бурдюк с вином. Беглецы станут пожирать городские припасы, занимать место и возбуждать злобу горожан. Каждый новый беженец облегчает нашу задачу!

— Но вскоре горожане поймут, как глупо пускать столько лишних ртов, и закроют ворота.

Бартатуя беззаботно махнул рукой:

— Ну так мы сами приспособим их к делу. Например, используем на осадных работах. К тому времени мы как раз окружим город, подойдут пешие рабы, и мы сможем начать штурм.

— Воистину хитроумный план! — похвалил старый воин. — На мой клан можешь рассчитывать.

Молодой вождь с жаром подхватил его слова.

Бартатуя остался доволен. Его планы простирались еще дальше, чем просто захват отдельного города, но он не хотел забивать простым вождям головы такими сложными вещами. В любом случае надо сперва один сезон побыть верховным вождем отдельных племен, а потом уж вся орда признает его владыкой, Учи-Каганом. Дай только кочевникам почувствовать вкус добычи — и они сами станут требовать, чтобы Бартатуя вел их в новые походы. Тем временем он обдумает свои планы — они заходят куда дальше, чем он говорит сейчас вслух!

Да, его помыслы таковы, что эти вожди, сидящие рядом в шатре, и представить себе не могут. Еще мальчишкой Бартатуя жадно слушал рассказы странников о дальних землях, о великих городах. Он совершал набеги на приграничные области этих богатых, цивилизованных стран и видел, как слабы и медлительны чужеземные войска, какой в них царит беспорядок. Завоевать все эти державы, все без исключения, завладеть всеми сокровищами мира — вот о чем мечтал Бартатуя. Сначала он повергнет в прах великий Кхитай, потом — Вендию, а после, может быть, Туран и мерцающие вдали королевства Запада. Потом — волшебную Стигию и те земли к югу от Стигии, о которых он знал лишь понаслышке. Странствующие мудрецы говорили, будто люди там черного цвета, а слоны еще больших размеров, чем в Вендии.

Бартатуя твердо верил: ничто не остановит его конных лучников, если они сплотятся под властью единого правителя. Сила воли и природный ум позволили ему свершить многое. Теперь же к его услугам была помощь и советы наложницы Лакшми — прекрасной и безжалостной женщины. План взятия Согарии был во

многом делом ее рук. Да и сама мысль о том, чтобы перекрыть торговые пути между Востоком и Западом, принадлежала ей. Со временем весь мир будет под пятой кагана, но сейчас важно прибрать к рукам все товары, а главное — все сведения, которыми обмениваются великие державы. Тогда по своей воле он сможет либо держать в страхе многочисленные княжества и царства по обе стороны торговых путей, либо, наоборот, усыпить их бдительность.

Мысли Бартатуи вернулись к происходящему в шатре. Будущее будущим, а пока надо всеми возможными средствами укрепить союз с другими каганами.

— На сегодня, — объявил Бартатуя, — у нас припасено особое развлечение. Я отобрал самых строптивых пленников, из тех, что умеют владеть оружием. Мы стравим их друг с другом. Вы позабавитесь, а заодно и поглядите, как привыкли сражаться наши враги.

Эти слова вызвали оживление. Вошли рабы и внесли большие корзины, полные оружия. Вендийские танцовщицы разбежались, звеня золотыми украшениями. Ковры, на которых вендийки танцевали, свернули. В шатре установилось молчание.

— Введите первую пару! — приказал Бартатуя.

Ввели двух мужчин в цепях. Первым шел киммериец. Вторым был тот злобный детина, с которым Конан пытался разговориться в загоне для бойцов.

— Вот этого я знаю, — сказал Бартатуя, — он победил в первом поединке несколько дней назад. А вот тебя, — обратился он к Конану, — вижу впервые. Кто ты, раб?

— Я Конан из Киммерии. Я не раб, а воин. — Он скрестил руки на широкой груди и хмуро оглядел собравшихся в шатре. Конан вновь был чисто выбрит; ведра воды и грубой тряпки хватило, чтобы смыть дорожную грязь и пот. На бронзовой коже киммерийца, специально смазанной маслом, плясали отсветы факелов.

— Не раб, говоришь? Но раз на тебе ошейник, ты — мой раб.

— Нет, — ответил Конан, — это значит, я — твой пленник. А это совсем другое дело. — Ни в свободной, гордой стати великана варвара, ни в его глазах, сверкающих голубым пламенем, как льды на горных вершинах, не было ни толики раболепного преклонения.

— У него острый язык, — проворчал один из степняков, вытаскивая кинжал, — позволь мне заколоть его, каган.

Конан смерил кочевника недобрым взглядом.

— Лучше бы ты окунул свой кинжал в чашу с соусом, воин, — произнес киммериец.

— Это еще почему, раб? — презрительно спросил тот.

— А потому, — сказал Конан, — что если ты сунешься с ним ко мне, я заставлю тебя его сожрать.

Шатер буквально затрясся от громового хохота, а воин с кинжалом бросился на Конана, и лишь повелительный жест Бартатуи сдержал степняка.

— Нет, — проговорил каган, — свободный человек не может драться на равных с рабом. Ты меня развлек, человек из Киммерии. Посмотрим, умеешь ли ты что-нибудь еще, кроме болтовни. — Он подал знак стражнику, и обоим пленным расстегнули ошейники.

— Первая схватка будет без оружия, — объявил Бартатуя. — Начинайте.

Как только прозвучал приказ, дюжий невольник с Востока ринулся вперед. Со скоростью, для его телосложения невероятной, он скользнул к Конану и провел хлесткий удар ногой в лицо. Киммериец же по-прежнему стоял, повернувшись к Бартатуе, и даже не глядел на своего противника. Любой другой после подобной сокрушительной атаки давно бы уже валялся со сломанным позвоночником. Но мускулы и нервы киммерийца сработали молниеносно: вражеская ступня просвистела в воздухе там, где мгновение назад еще находилась голова Конана. А великан варвар уже отступил на три шага в сторону. Вторая атака сразу же последовала за первой — удары будто бы слились в единое движение. Не успела правая нога врага коснуться земли — левая устремилась к солнечному сплетению киммерийца. Конан мягко блокировал открытой ладонью, и потерявший равновесие противник по инерции вылетел прочь с площадки для состязаний.

И сам удар, и мастерская защита Конана были встречены одобрительным ревом. Киммериец не отрывал внимательного взгляда от столь ретивого врага. Противник застыл перед Конаном в низкой стойке, выставив вперед правую ногу и прижав кулаки к груди, как бы держа щит. Судя по всему, этот восточный боец владел каким-то сложным видом единоборства без оружия и привык с помощью своего искусства легко побеждать неопытных воинов.

Конану на все эти замысловатые стойки и приемы было наплевать. Неважно — с оружием или без. Из-за жестко заученных правил боя воин привыкает действовать по готовому шаблону и теряется в неожиданной ситуации. Сам киммериец привык полагаться только на силу, опыт и чутье.

— Подходи, чужестранец, — издевался восточный боец, — встреть свою смерть от руки Цонг Ха. Я уже прикончил десятки недоносков вот этим руками и ногами. Не бойся, я сделаю это быстро, без мучений.

Конан усмехнулся. Парень рассчитывал свалить его одним внезапным приемом, а теперь, когда фокус не прошел, ему приходилось укреплять свое пошатнувшееся мужество хвастовством.

— А я и не собираюсь мучиться, — ответил Конан, — Попляши-ка для нас еще!

Цонг Ха зарычал и кинулся вперед. Он провел ложный выпад, будто хотел поразить Конана в коленную чашечку, а на самом деле выбросил вперед, словно копье, правую руку с полусогнутыми пальцами. Такой удар мог запросто выбить глаза и сломать нос.

Враг, конечно, действовал быстро, но Конан — еще быстрее. Он успел перехватить запястье противника. Пальцы Цонг Ха были уже в дюйме от глаз киммерийца. Вывернув руку противника, Конан изо всей мочи рванул ее вниз. Лицо Цонг Ха исказила гримаса, кости затрещали, сухожилия лопнули. Он попытался дотянуться до Конана другой рукой, но варвар с легкостью отбил и этот удар. А потом сам стукнул противника локтем в висок.

Цонг Ха повалился на землю, и слугам пришлось оттащить прочь бесчувственное тело. Конан, довольный победой, позволил себе слегка расслабиться. В адрес могучего варвара сыпались лестные реплики, но вряд ли кто-нибудь из присутствующих вникал в тонкости единоборства без оружия. Получающие оружие чуть ли не с рождения, гирканийцы считали кулачные схватки детской забавой.

— Следующий поединок пусть будет с оружием, каган, — попросил вождь, щеголявший татуировкой в виде зубастых драконов.

— Выбирай любое, — Бартатуя взглянул на Конана и изящным жестом указал на стоящий рядом низкий столик. На нем все еще было полно яств и вина. — Отлично дерешься, киммериец. Давай подкрепись перед следующим боем.

— Зачем? — спросил Конан — Я что, выгляжу усталым?

Бартатуя хлопнул себя по бедру, весьма удивленный:

— Никогда не видел такой наглости! Ты доставляешь нам редкостное развлечение. Какое оружие ты выберешь?

— Меч, — Конан бросил взгляд на корзину, высматривая подходящий клинок.

— Ну так будешь драться пикой! — велел Бартатуя. Гирканийцы раскатом хохота встретили этот своеобразный царский юмор.

— Все едино, — пожал плечами Конан и взял тонкую вендийскую пику. Длиной в семь футов, она была сделана из упругого ясеня. С одного конца у пики десятидюймовый, острый как бритва наконечник; с другого — стальной шар величиной с детский кулак. Копьем Конан владел с ранней юности и мог даже считаться знатоком копейного боя. Но пика — не самое любимое оружие киммерийца. Да и трудно сражаться ею здесь, в шатре, на ограниченном пространстве.

Ввели второго противника — тощего и мрачного туранца.

— Выбирай оружие, — велел Бартатуя. Туранец порылся в корзине и вернулся на свое место с длинной саблей в одной руке и небольшим круглым щитом — в другой. Щит был дюймов двадцати в диаметре, с четырьмя железными чашами спереди.

— Начинайте, — приказал Бартатуя.

Туранец слегка наклонил корпус и мягким шагом стал подбираться к Конану, держа щит чуть впереди, чтобы успеть отразить выпад пики. Будь Конан вооружен мечом, туранец поднял бы щит выше, поскольку смертоносный удар клинка мог быть нацелен в непокрытую шлемом голову. Но для пики главная мишень — туловище. Туранец это прекрасно понимал.

Конан попробовал поразить противника в горло. Это был хитрый и неожиданный выпад, но туранец ловко отразил его краем щита, в ответ молниеносно рубанув саблей киммерийцу по бедру. Конан, прервав атаку, резко отпрянул назад. «Что за условия для боя!» — мелькнула у него гневная мысль. В умелых руках пика — оружие смертоносное, пригодное для самых разных приемов, но только если достаточно места для маневра. Другими словами, в бою она полезна, прежде всего, когда сражаешься целым отрядом, плечом к плечу с другими ратниками. Перед лицом сплоченного войска копьеносцев бессильна даже кавалерия.

Вдобавок туранец вооружился не только саблей, но и прихватил щит. Он мог атаковать одной рукой, а другой — защищаться. Теперь противник наступал, стараясь зацепить клинком ноги киммерийца. Щит же он по-прежнему высоко не поднимал, уверенный, наверное, что пика Конана до его головы не достанет.

Конан решил разубедить его в этом. Ухватив пику ближе к середине древка, он замахнулся, будто собирался пригвоздить ступню противника к земле, а когда тот опустил щит, обрушил тяжелый стальной шар туранцу на макушку. Туранец, однако, успел избежать удара, мгновенно вскинув щит вверх наподобие черепашьего панциря.

Оба воина двигались с большой осторожностью: каждый успел распознать манеру боя другого, понять, что перед ним — противник опытный и опасный. Правда, Конан не забывал и другого: его цель — не только выжить, но и произвести впечатление на Бартатую. Схватка обещала затянуться надолго. Конан не сомневался в своей победе, но нужно принять в расчет и публику. Кофиты, аквилонцы или отчаянные рубаки-ваниры с увлечением следили бы за поединком двух мастеров, так по-разному вооруженных, долго прощупывающих и изучающих друг друга, прежде чем сойтись в смертельной схватке. Но толпе степняков-наездников подобное зрелище скоро наскучит, а Конан этого не хотел. Поэтому он намерено сменил тактику. Пока что преимущество

противника заключалось в том, что он выбрал оружие как для нападения, так и для защиты. Прошедший сотни кровавых стычек варвар знал, как с этим справиться. Когда туранец предпринял очередную атаку, киммериец отпрянул чуть назад, словно застигнутый врасплох. Затем вцепился зубами в пику примерно посредине древка и, поднажав, переломил пополам.

— Он сдается! — возмущенно заорали кочевники. — Он сдался на милость победителя и сломал свое оружие! Прикончи его!

Но Конан отнюдь не собирался сдаваться. В левой руке он сжимал часть пики с наконечником, в правой — тыльный край древка со стальным шаром. Теперь у него имелось короткое колющее копье (такие встречаются у кушитских племен) и легкая палица. Это, конечно, не настоящая булава, но ее вполне хватит, чтобы размозжить голову незащищенному шлемом противнику. Конан скользнул вперед и выбросил копье на нижнем уровне. Враг тут же отреагировал и опустил щит. Тогда Конан замахнулся, чтобы нанести туранцу удар палицей по голове. Противник явно забеспокоился. У Конана появилось неожиданное преимущество: прямо в разгар схватки он умудрился сменить и оружие, и тактику боя. Это выводило из равновесия куда сильнее, чем ранение или увечье.

Туранец понимал, что надо спешить. Для гирканийцев в этом поединке он безусловный фаворит. Но он был опытным воином и не мог недооценивать противника. Здесь, в шатре кочевников, он встретил врага такого опасного, с какими ему прежде дело иметь не доводилось. Оставалось надеяться только на силу клинка и крепость щита.

Издав леденящий кровь воинственный клич, он ринулся в атаку и попытался одним ударом раскроить Конану череп. При этом он сознательно приоткрыл бок — теперь противнику проще простого садануть ему пикой по ребрам. К таким рискованным приемам воин привык. Но Конан не воспользовался столь соблазнительной возможностью. Вместо этого он со змеиной ловкостью скользнул на колени и волчком крутанулся по земле. Туранец по инерции рванулся вперед и упал. Прежде чем он успел подняться, над ним уже возвышался великан варвар. Молниеносный удар стальным шаром в локтевой сустав парализовал руку, и туранец выронил саблю. Другой удар, в плечо, сделал бесполезным щит. Конан перекатил врага на спину и приставил копейное жало туранцу к горлу.

— Убей его, — велел Бартатуя, когда смолкли восторженные вопли.

Конан отвел оружие и дал знак своему поверженному противнику, чтобы тот убирался поскорее из шатра. Когда туранец вышел, Конан обратился к кагану ашкузов:

— Зачем?

— Как это зачем? — опешил Бартатуя. Лицо его побагровело при виде неповиновения. — Какой же воин оставляет в живых побежденного врага?

— Когда на меня нападают ни с того ни с сего, — рассудительно ответил киммериец, швырнув обломки пики обратно в корзину, — я убиваю без колебаний! Но зачем убивать прекрасного фехтовальщика, который и бился-то со мной только потому, что оба мы — пленники вождя, любящего потешные поединки?

Пока ошеломленный Бартатуя приходил в себя, киммериец подошел к нему и сказал:

— А теперь я воспользуюсь твоим предложением и немного подкреплюсь. Этот бой был тяжелее, чем первый. — С этими словами он налил полный кубок вина и залпом осушил. Потом взял горсть изюма и кинул себе в рот. Гирканийцы уставились на варвара, как будто в шатре возник демон из преисподней.

Бартатуя разразился веселым смехом:

— Этот человек превзошел все ожидания. Такую дерзость прощают только придворному шуту. Пойдешь к нам в шуты, Конан?

— Я — воин, — повторил киммериец. — Дай мне работу воина, и ты узнаешь, чего я стою. А шуты — те, кто использует людей не по назначению.

Несколько мгновений стояла мертвая тишина. Наконец Бартатуя промолвил:

— Хорошо... Только это еще нужно доказать. Ну, что будем делать, друзья мои?

— Он говорит, будто неплохо владеет мечом, — подал голос старший из двух вождей, сидящих по обеим сторонам от Бартатуи. — Пусть докажет это! Дай ему меч и выстави против него другого фехтовальщика.

— Да будет так! — сказал Бартатуя. — Иди и выбери себе меч, чужеземец.

Конан подчинился. В корзинах было много мечей из разных стран. Варвар предпочитал длинные прямые клинки, которыми сражаются северные племена, но кочевники принесли лишь восточные, кривые. Наконец Конан отыскал вендийский меч с прямым клинком. Рукоять, конечно, коротковата для здоровенной лапы киммерийца, но можно обхватить ее поудобнее, заведя большой палец за гарду. Клинок широкий, но легкий и немного изогнутый. В настоящей битве Конан вряд ли бы стал сражаться таким мечом. Но если теперешний противник без доспехов, вполне можно попробовать...

— Введите следующего! — крикнул Бартатуя.

В шатер вошел Рустуф. Он не стал тратить время на цветастую брань и отборные проклятия, а сразу пошел к корзине и вернулся с кривым иранистанским мечом. Лезвие было заточено

лишь по одному краю, гарда овальная и плоская. Длинную рукоять можно держать как одной, так и двумя руками.

— Начинайте, — приказал Бартатуя.

Бойцы повернулись друг к другу. Рустуф тут же повел сложную атаку, нанося удары то сверху, то снизу. Конан ловко отбивал их, потом контратаковал. Рустуф отступил, чтобы расширить пространство для боя, и отражал удары широким основанием клинка. Иранистанский меч был не слишком-то приспособлен для такой техники защиты, но хороший фехтовальщик всегда управится с любым клинком.

Конан широким шагом пошел в наступление и сделал резкий выпад — прямо в голову козаку. Рустуф успешно парировал и нацелился Конану в грудь. Киммериец уже привычно отражал выпады снизу, сам при этом атакуя по верхнему уровню. Но тут Рустуф ударил совсем низко и зацепил киммерийца по колену, пролив первую в этом сражении кровь.

— Ха! — ухмыльнулся козак. — Я не такой беспомощный пацан, как те двое, а, киммериец?

— Береги дыхание, козак, — коротко бросил Конан.

Они снова принялись за дело, и некоторое время под звон клинков двигались то в одном, то в другом направлении в пределах отведенного им пространства. Каждый из бойцов то отступал, то переходил в наступление. Один раз Рустуф прижал Конана к столу, и клинки скрестились у горла киммерийца. С нечеловеческим усилием Конан оттолкнул козака и... мечи вновь замелькали в воздухе, как языки сцепившихся насмерть змей.

Шатер наполнился одобрительными возгласами. Снаружи протиснулась еще группа степняков — поглазеть на диковинное зрелище. После обмена особенно сокрушительными ударами Рустуф отбросил свой меч и на ходу подхватил другой — предыдущий был так зазубрен, что походил на пилу.

— Готовься к смерти, киммериец! — с этим криком козак кинулся в яростную атаку.

Он теснил варвара назад, пока тот не повалился прямо на яства, фрукты и корзины с вином, стоящие перед Бартатуей. Рустуф налетел на упавшего противника, свирепо размахивая мечом. Конан поймал запястье врага и вывернул руку, отведя от себя оружие. Потом вскочил, проволок козака по шатру и сам прыгнул на него. Обеими руками он прижал свой клинок к горлу Рустуфа,

— Сдавайся, собака!

— Руби, будь ты проклят, — прорычал козак. — Я еще ни у кого не молил пощады!

Конан повернулся к Бартатуе:

— Каган, я прошу тебя сохранить жизнь этому человеку. Он замечательный фехтовальщик и пригодится тебе в твоей армии.

Бартатуя был так возбужден превосходным поединком, что как-то не вспомнил: ведь в двух предыдущих поединках Конан не спрашивал у него разрешения...

— Хорошо. Пощади его. — Гирканийцы приветствовали великодушие кагана.

Конан выпрямился, расправил могучую грудь.

— Выставишь против меня еще кого-нибудь?

— Нет. Ты сегодня и так хорошо поработал. И надо признать, отлично себя показал. Ты больше не раб и не пленник. Я назначаю тебя полусотником в моей собственной орде. Ты доволен?

— Доволен, государь, — ответил киммериец. Он оглядел шатер и увидел, что все присутствующие глазеют на него. Им понравилось, как варвар бился. Но принять чужака за равного — совсем другое дело. Конан их вполне понимал. Бартатуя — прирожденный полководец, и для него ничто не имеет значения, кроме воинской доблести. Но не для его соплеменников. Ни один чужак, как бы искусен он ни был, никогда не станет ровней гирканийцу. Придется вести себя поосторожнее!

— Чего ты хочешь от меня? — спросил Бартатуя. — У тебя будут лошади, доспехи, оружие, всего вдоволь. Что еще тебе нужно?

— Мой государь щедр. — Конан чуть склонил голову, понимая, что пора пустить в ход дипломатию. — Я хотел бы, чтобы два моих последних противника служили у меня под началом.

— Как хочешь, — ответил каган. — А еще что?

— Я попросил бы гирканийский лук. И чтобы опытный наставник научил меня им пользоваться.

— Что? — усмехнулся Бартатуя — Такой искусиый боец — и до сих пор не умеет стрелять из лука?

— Я думал, что умею, — просто сказал киммериец, — пока не увидел, как стреляют твои люди.

— Вот видите, — Бартатуя всем показал на Конана, — этот человек не хвастун. Он владеет всеми боевыми приемами наших врагов, но понимает, что ему есть чему поучиться в стрельбе из лука. Хорошо бы все были так же честны. Иди, киммериец, мы продолжим разговор завтра.

Конан вежливо откланялся и удалился. Бартатуя проводил его одобрительным взглядом. Из-за возвышения, где сидел каган, вслед Конану посмотрела еще одна пара глаз. И смотрели они куда менее доброжелательно.

Снаружи Конан отыскал Рустуфа и присел рядом с ним.

— Сработало так, как мы задумали.

Козак почесал небритый подбородок:

— Хорошо, что все позади. Когда ты долбанул меня на двадцать третьем выпаде, я не сумел увернуться. Клянусь Матерью

Дождя, я чуть концы не отдал... А если б ты не убрал ногу в последней схватке, я бы тебе ребро до кости разрубил.

— Все сработало. Давай не будем беспокоиться о том, что могло случиться. Нам надо было, чтобы все выглядело натурально, как будто взаправду. Теперь мы — в войске у кагана, будущее в наших руках.

— Эх, — вздохнул Рустуф, — хорошо бы оказаться на коне, да с добрым мечом у пояса, да в широкой степи. Чтоб носиться по ней где душе угодно.

— Вот слова настоящего козака! — проговорил Конан. В отличие от гирканийцев, привязанных к своим стадам и пастбищам, козаки были вольными наездниками — и ничего больше. Любому козаку, одержимому любовью к странствиям, часто приходилось разъезжать по степи в одиночку — в поисках приключений.

Потирая отбитый локоть, к ним подошел туранец:

— Я слышал, ты пощадил меня, чтоб я вступил в войско кагана. Это правда?

— Если захочешь, — пожал плечами Конан, — но нерадивых воинов мне не нужно.

— Ты что думаешь, я останусь в невольничьей яме или прикованным к столбу в загоне для бойцов? Я пойду с тобой! И... спасибо тебе, — он протянул Конану руку, — меня зовут Фауд.

Появился слуга с ключом и снял с бойцов ошейники. Воины последовали за ним к новому жилищу.

Глава 6

На следующее утро Конан проснулся в шатре, который делил с Рустуфом и Фаудом. Шатер был круглым; куполообразную крышу поддерживал внутренний каркас. Не видно ни веревок, ни кольев, вбитых в землю. Однако киммериец слыхал, что такие шатры сохраняют устойчивость даже в самый сильный ветер. Конан отодвинул входной полог и вылез наружу. Как раз в это мгновение несколько степняков раскладывали на земле близ шатра груды оружия и доспехов и подводили к коновязи лошадей.

— Это для тебя и твоих товарищей, — проговорил один из воинов. — У тебя будет еще девять сменных лошадей, а у твоих людей — по пять. Когда захочешь посмотреть на них, я покажу загон, где стоят кони твоей полусотни.

Конан осмотрел трех скакунов и выбрал себе самого рослого и сильного жеребца. Седла на всех трех лошадях были одинаковые — простые толстые войлочные попоны. Широкие кожаные петли служили стременами. Доспех по росту Конан подобрать

себе не смог и взял на заметку, что не худо бы отыскать Борию и попросить назад свои кольчугу и шлем. Вендийский меч, которым киммериец сражался накануне, тоже оказался здесь. Конан повесил оружие на пояс, а кроме того, взял кинжал с широким лезвием. Еще тут было множество так любимых кочевниками войлочных шапок, прикрывающих шею и уши, но Конан их игнорировал. Зато весьма обрадовали его мягкие сапоги с загнутыми острыми носками. И еще он взял просторную рубаху с длинными рукавами.

Были здесь даже кое-какие украшения. Конан выбрал пару широких браслетов, сделанных из какого-то светлого сплава, с изображением сражающихся орлов. Убедившись, что наконец-то выглядит не как пленный оборванец, а соответственно своему новому чину, киммериец приступил к осмотру луков. Их было по два на каждого воина. Лежало оружие в расшитых цветной тесьмой колчанах. Конан вытащил один лук и принялся внимательно рассматривать.

Дуга без тетивы выглядела весьма внушительно. По устройству лук походил на те, к которым Конан привык. Лучники из Кофа, Турана и Шема пользовались почти такими же, только этот раза в полтора толще и гораздо мощнее. Конану не терпелось взять оружие на стрельбище и испробовать, но пока имелись дела поважнее. В груде оружия Конан приметил аркан. Точно таким же киммерийца пленили степняки. Что ж, надо прихватить и аркан! Эту штуку необходимо освоить, чтобы больше не попадать в дурацкие переделки...

Конан вернулся к шатру.

— Вставайте, лентяи! Дел невпроворот!

Зевая и потягиваясь, из шатра вылезли оба сотоварища. Рустуф вытаращил глаза:

— Да ты изменился в лучшую сторону, с тех пор как я тебя в последний раз видел. — Тут он вылупил глаза еще больше: — А это что? Добыча? Мы ведь только еще собираемся сражаться!

— Одевайтесь и берите оружие, — буркнул Конан. — Я хочу глянуть на своих новых подчиненных.

— Ну вот, ты уже заговорил как командир, — посетовал Рустуф, натягивая сапоги. Он выбрал иранистанскую стеганую куртку, в которую между слоями ткани вшиты стальные пластины. Стоячий воротник надежно защищал шею и затылок. Фауд тоже нашел себе оружие и доспехи по вкусу. Все трое оседлали коней.

— Как приятно снова чувствовать себя воином, — произнес Рустуф с видом человека, вновь обретшего согласие с окружающим миром.

— Не думай, что это так просто, — предупредил Конан. — Гирканийцы вообразили, будто они — властители мира. И им не по

нутру придется верховодство чужеземца. Нам надо будет ежедневно доказывать, что мы не лыком шиты.

— Это не трудно, — отмахнулся Рустуф. — На самом-то деле козаки — вот кто подлинные властители мира! Я заставлю кочевников считаться с этим.

Бравые вояки последовали за слугой к одному из дальних участков близ границы гирканийского бивака. Возле небольшого костра сидело несколько степняков. Другие бродили поодаль. Воины пили и беседовали. Никто и ухом не повел, когда появились трое чужеземцев.

— Это твоя полусотня, господин, — сообщил слуга.

— Пока еще нет, — пробормотал Конан, — но будет моею. — Он спешился и подошел к гирканийцам. Зычный голос варвара ударил по барабанным перепонкам степняков, как камень, выпущенный из катапульты: — Встать, когда к вам подходит командир!

Кочевники чуть вздрогнули и посмотрели на чужака с любопытством. Один нехотя поднялся на ноги и встал лицом к лицу с Конаном.

— Почему это мы должны подчиняться чужестранцу?

— По двум причинам, — пророкотал Конан. — Во-первых, я самый сильный и самый умный из вас. Во-вторых, и это главное, такова воля великого кагана. Если вы и впрямь не хотите мне подчиняться — попробуйте убить меня. Может, некоторые из вас и останутся после этого в живых. Но тогда им придется убить еще и Бартатую, потому что он не тот человек, чтобы так просто спустить неповиновение.

Степняк, стоящий перед Конаном, отступил на шаг назад.

— Мы не хотели тебя обидеть, командир, — смутился он. И повернулся к сидящим позади: — Вы слышали, что сказал командир полусотни? Встать! — Воины поднялись, хотя и не спеша, но и без вызывающей медлительности.

— Так-то лучше, — одобрил Конан. — Слушайте меня. Я — Конан из Киммерии. Я сражался во многих битвах под знаменами разных полководцев. Я служил во всех чинах, от простого пехотинца до капитана. Я умею командовать людьми и знаю, как уберечь солдат от бессмысленной гибели. Я никогда не прикажу вам того, чего не стал бы делать сам. Я справедлив, если мне беспрекословно подчиняются. Такого командира, как я, у вас никогда не было. Вы должны стать лучшей полусотней во всей орде. Постарайтесь для меня, а я постараюсь для вас. Клянусь Кромом, богом моего племени, а также Предвечным Небом. — Тут он воспроизвел жест, который перенял от Бории. Степняки ответили Конану тем же жестом.

Киммериец расхаживал среди воинов и внимательно разглядывал их. Судя по лицам и по одежде, кочевники принадлежали

к самым разным племенам. Конан спросил у степняка, который попытался вначале бросить ему вызов:

— Какой у вас боевой порядок?

— Нас прислали сюда вчера вечером, командир, и еще не разделили на десятки. Мое имя Гаюк, я буду твоим знаменосцем, — он указал на небольшой шатер неподалеку, увенчанный конским черепом и парой расставленных в обе стороны рогов яка. Концы рогов были посеребрены, с них свисали два черных конских хвоста.

— Сегодня, — сообщил Конан, — я проверю, как каждый из вас ездит верхом и стреляет. Потом разделю вас на десятки и каждой назначу командира. А сейчас сходите в загон и позаботьтесь о своих конях. Впредь я не хочу видеть вас в такое время слоняющимися без дела. С восходом солнца, после завтрака, — ухаживать за лошадьми. Потом — боевые учения. Через час я проверю ваших коней. Чтобы все были вычищены, и горе тому, кто захочет увильнуть от работы.

Воины отправились выполнять приказ. В душе степняки были возмущены, что чужестранец учит их ухаживать за лошадьми, но вслух ничего не сказали.

— А ты умеешь командовать, Конан, — заметил Рустуф, когда они остались наедине. — Думаю, у тебя нам придется попотеть.

Конан обернулся к Фауду:

— Сумеешь распорядиться отрядом всадников?

— Наверное, смогу. Если степняками вообще можно командовать, — хмуро отозвался туранец. — Они ведь не имеют и малейшего понятия об армейской дисциплине! Десятники должны следить, чтобы их люди находились на нужном месте в нужное время. Они отмечают сигналы кагана и ведут бойцов туда, куда им прикажут.

— А как подают сигналы?

— Днем — флажками, ночью — фонарями.

— Они что, сражаются по ночам?

— Редко. Но иногда приходится совершать ночные переходы, чтобы утром застать врага врасплох. Во время переходов они пускают коней в галоп, часто меняя конвой. При таких ночных маршах очень важно поддерживать порядок, поэтому впереди войска едут сигнальщики с цветными фонарями.

— В смелости гирканийцам не откажешь, — нехотя признал Рустуф.

— Давайте посмотрим, каких лошадей нам выделили — предложил Конан.

Они подъехали к загонам и обнаружили, что скакунов им каган дал первоклассных. Степняки, с постными рожами, усердно драили лошадей. Ребята явно не приучены к такой работе. Но ничего, под тяжелой рукой киммерийца быстро насобачатся...

Конан решил завернуть на стрельбище. Там киммериец приметил знакомую фигуру. Это был Бория.

— Колесо счастья крутится так, что невозможно предсказать, — обратился к Конану воин, несколько дней назад захвативший его в плен. — Ты был моим пленником, а теперь ты мне ровня. Кстати, я принес тебе это, — он вытащил из дорожной сумки кольчугу киммерийца. — Я бы вернул коня и шлем, но увы, их я уже продул в кости.

— Ничего, я и этим доволен.

— Как поживают бродяги, которых тебе выделили под начало? Ими ты тоже доволен?

— Пока не очень, — признался Конан, — но я из них сделаю кое-что путное. Скажи-ка, Бория... прошлой ночью каган сказал мне, что даст людей из своей собственной орды. Но мои воины — точно не ашкузы.

Бория рассмеялся. Конан заметил, что гирканийцы во всем находят нечто забавное.

— Каган сказал правду. Но он берет в орду всех, у кого нет другого командира. Некоторые воины изгнаны из своих племен, другие уцелели, когда их отряды были разбиты наголову.

— Впрочем, не важно, — махнул рукой Конан. — Мне доводилось командовать парнями с весьма темным прошлым. Это не значит, что из них не выйдет хороших солдат. — Киммериец расстегнул пояс и принялся напяливать кольчугу. Потом вновь подпоясался.

— Скажи-ка мне, — спросил он, одернув кольчугу и удостоверившись, что она хорошо сидит, — ждать ли мне каких-то пакостей от твоего воина, Торгута?

— Торгут очень зол и вряд ли тебя забудет, — нахмурился Бория. — Но если он нападет на тебя, то в открытую. В спину он не ударит.

— Это все, что я хотел спросить.

— Ну тогда успехов, киммериец. Вообще-то тебе повезло. Но команда досталась — не позавидуешь! — Бория с резким смешком поскакал прочь.

Конан вытащил лук и подозвал своего знаменосца:

— Гаюк, мне нужно потренироваться. Посмотри, как я стреляю, и отметь все ошибки, если таковые будут.

— Сначала, — пустился в объяснения Гаюк, — наставь тетиву. Можно сделать это одному и вручную, но лучше воспользоваться особым снарядом. Или попросить товарища помочь. Каган выделил тебе лук, рассчитанный на двух человек. Сам он справляется с луком для троих. Снаряд этот, чтобы натягивать лук, должен быть в твоем колчане. Сейчас я научу тебя им пользоваться.

— Дай-ка я сам сперва попробую, — решительно сказал Конан. Он зацепил нижний конец лука левой лодыжкой и наступил на него. Взявшись за верхний конец, киммериец приналег на лук бедром и согнул оружие. Многослойное дерево, из которого был сделан лук, затрещало, когда Конан вдел тетиву в верхний паз.

Гаюк заметно удивился:

— Ты очень силен, командир. Мало кто может так легко согнуть гирканийский лук.

Конан отошел на шаг и большим пальцем тронул тетиву. Шелковый шнур затрепетал, как струна лиры. На всякий случай Конан нашел роговое кольцо и надел его на большой палец, чтобы не пораниться о тонкую и прочную жилу.

— Запомни, когда дуга согнута и в нее вдета тетива, дерево очень напряжено и может треснуть. Поэтому нельзя оставлять лук натянутым больше двух часов подряд. Вот зачем у тебя всегда будут два лука. На случай тревоги всегда держи один натянутым, а другой — ослабленным. В холодную погоду всегда согревай лук, перед тем как согнуть и вдеть тетиву, а не то он потрескается.

— Гирканийцы сами мастерят себе луки? — полюбопытствовал Конан.

— Нет, мы не умеем. Дуга состоит из нескольких слоев дерева, склеенных вместе. Они должны годами выдерживаться в специальных формах. Большинство луков сделано в селениях на севере Кхитая, у границы со степью. Есть деревни, где единственное занятие жителей — изготовлять луки для кочевников. Я видел мастерские, где в огромных деревянных формах выдерживаются сотни таких луков. Мы же не можем таскать их с собой во время наших странствий. Кхитайским мастерам повезло: они у нас под защитой, ни один полководец не осмелится их потревожить.

В это время гирканийские стрелки во всю лупили по отдаленным мишеням. Они закидывали стрелы так высоко, словно охотились на птиц.

— Сперва, — советовал Гаюк, — попробуй вон ту мишень, — он указал на ветошь, болтающуюся на шесте в сотне шагов от них, — на ней у нас учатся стрелять мальчишки.

Конан выбрал стрелу и положил ее на тетиву. На Востоке стрелу кладут с правой стороны лука, а на Западе — с левой. Если стрелять по-восточному, можно выиграть время, поскольку не нужно тянуться к стреле через дугу.

Конан загнал тетиву между большим пальцем, на котором было роговое кольцо, и указательным. Медленно, стараясь почувствовать напряжение лука, варвар стал натягивать тетиву, пока оперение стрелы не коснулось его уха. Тогда он отпустил тетиву и проводил взглядом стрелу, пролетевшую высоко над мишенью.

— Ты не учитываешь величины лука, — объяснил Гаюк. — Когда мишень так близко, надо держать оружие пониже.

Близко! Лучшие лучники на Западе гордились бы, попав с такого расстояния. Конан попробовал еще, и на сей раз стрела задела верхний край мишени. Проделав с десяток выстрелов, киммериец уже попадал точно в центр.

— Ты начинаешь чувствовать лук, — заметил Гаюк, — теперь попробуй с двухсот шагов.

К тому времени когда солнце вошло в зенит, Конан с трехсот шагов чаще попадал по мишени, чем промахивался. Гаюк был поражен столь быстрыми успехами чужестранца.

— На сегодня хватит, — проговорил наконец Конан, ослабляя лук. — Завтра я начну тренироваться в стрельбе на скаку. А теперь собирай людей, и мы разобьем их на десятки.

Следующие несколько часов Конан наблюдал, как его воины скачут верхом и показывают всевозможные приемы и трюки. Любой гирканиец мог стоять в седле на полном скаку, многие стояли на голове или на руках. Большая часть умела стрелять из-под лошадиного брюха или из-за холки, обхватив бока коня ногами. Каждый мог на полном ходу расседлать коня и перенести седло, оружие и все пожитки на другого скакуна.

По совету Гаюка Конан разделил отряд на пять десятков так, чтобы наиболее искусные в стрельбе и верховой езде равномерно распределились между отрядами. Рустуф и Фауд получили в подчинение по десятку. Еще двумя десятками назначили командовать опытных воинов. Последний же десяток Конан взял себе, назначив Гаюка своим помощником.

Когда показавшийся таким длинным день стал клониться к закату, киммериец обратился к своим воинам:

— То, как вы держитесь в седле и стреляете, мне понравилось. Но в бою приходится сталкиваться и кое с чем другим. Завтра, после учений на стрельбище, мы хорошенько потренируемся с мечом и пикой. Все мои люди должны овладеть этим оружием.

Ответом послужили тоскливые взгляды, но никто не протестовал вслух. Гирканийцы не очень-то высоко ценили меч и пику: их использовали, только чтобы добивать поверженных врагов, на которых жалко тратить стрелу.

Едва киммериец отпустил своих бойцов, как невдалеке показалась одинокая фигура незнакомого всадника. Все гирканийцы были превосходными наездниками, но этот степной воин буквально сливался с конем в некое единое целое. Киммериец нисколько не удивился, признав во всаднике самого Бартатую. Каган не позаботился взять с собой охрану, да и оружия у него не было, кроме разве что кинжала за поясом.

— Приветствую тебя, каган, — сказал Конан.

— Приветствую тебя, киммериец. Слышал, ты успешно вступил в должность.

— У тебя всюду есть глаза и уши, каган, — заметил Конан.

Бартатуя усмехнулся:

— Слепой и глухой каган никому не нужен. Никогда нельзя об этом забывать... Приходи сегодня вечером ко мне в шатер. Я буду пировать со своими вождями. Мне нужно будет кое-что с тобой обсудить.

Каган развернулся и поскакал прочь, предоставив Конану гадать, с какой это стати могущественный властитель оказывает такую честь простому полусотнику.

Пир в тот вечер оказался поскромнее, чем накануне. Вожди расселись вокруг помоста Бартатуи. Конан нашел себе местечко с краю стола; спиной он опирался о каркас шатра. Еду подавали если и не экзотическую, то во всяком случае обильную, и Конан жевал с аппетитом. Но пил он умеренно: слишком неустойчиво пока его положение в гирканийском воинстве, чтобы позволить себе расслабиться.

Он понимал, что соседи вовсе не склонны общаться с ним, презренным чужестранцем. Впрочем, бывалому варвару не привыкать к такому положению. И Конан воспользовался вынужденным одиночеством, чтобы повнимательнее рассмотреть общество, где волей судьбы оказался.

Он заметил, что люди, схожие по облику, одежде и вооружению, держатся кучно и стараются не смешиваться друг с другом. Объединяла их, похоже, лишь верховная власть Бартатуи. Обычаи также были несходны друг с другом. В одной компании жадно набрасывались на горячее мясо, в другой — от такой пищи с отвращением отворачивались. Некоторые покрывали лицо и тело обильной татуировкой, у других такого в заводе не было.

Внимание Конана привлекла одна из таких групп. Это были степняки с длинными, заплетенными в косички волосами. Бороды они чисто брили или выщипывали. Костюмы их представляли собой удивительную смесь лохмотьев, украшений и, как киммериец с удивлением заметил, обрывков женских нарядов. Они были увешаны костями животных и амулетами. Многие принесли с собой барабаны, флейты и трещотки.

Конан без особого труда распознал, что это за братия. Наверняка шаманы, колдуны и целители, жрецы диких, темных культов. Место, которое они занимали за столом, было не самым почетным, но Конан и этому не удивился. Мало у каких народов, известных киммерийцу, между жрецами и царями не было соперничества и борьбы за власть.

Когда пир уже близился к завершению, к Конану подошел слуга и тихо сказал:

— Каган просит тебя остаться, когда другие уйдут, господин.

Вскоре гости стали покидать шатер, многие нетвердо держась на ногах. Некоторых даже приходилось нести. Пьянство было настоящим бичом степных кочевников, и именно поэтому Конан считал особенно важным сохранять трезвую голову, пока находится среди них. Вскоре гости разошлись, и в шатре остались только Конан и Бартатуя.

— Подойди сюда, киммериец, — позвал каган, — садись.

Конан сел на подушку рядом с вождем и взял предложенный хозяином кубок. Вдруг он заметил легкое движение позади помоста, где сидел Бартатуя. Кто-то прятался за шелковой занавеской, ведущей в покои кагана.

— Вчера вечером я увидел, что ты хороший боец. Сегодня ты показал себя еще и способным командиром. Это хорошо. У тебя сильные руки и сильная воля. Но сила разума для меня важна не меньше. Раз ты теперь мне служишь, я хочу воспользоваться и твоей головой.

— Я понял, каган, — кивнул Конан. — Что ты хочешь услышать?

— Ты много путешествовал по западным странам?

— Я побывал во всех странах Запада, забирался также и далеко на юг. Я плавал и по Морю Запада, и по морю Вилайет. С детских лет я странствую и никогда не сидел на одном месте больше нескольких месяцев. Душа моя тоскует по новым приключениям.

— Хорошо. Я хочу услышать побольше о дальних странах. Раньше мне о них рассказывали в основном бродячие торговцы. Они все знают о купле-продаже, знают, какие короли собирают самые обременительные налоги, какие чиновники больше всего склонны к мздоимству. Все это полезные сведения, но, когда я хочу выяснить, как в этих странах устроено войско, какие гарнизоны стоят в крепостях, как даются командные должности — по заслугам или за происхождение, от рассказчиков мало толку. Теперь ты знаешь, как сражается моя орда. В каких землях на Западе это нам пригодится?

Конан на некоторое время задумался, мысленно рисуя карту знакомого ему мира. Мало кто в его время так много путешествовал.

— Страны к западу от моря Вилайет и к северу от Стикса — Коф, Шем, Коринфия, Офир и более мелкие княжества — населены в основном пастухами. Замора, Бритуния и Немедия — то же самое. Там мало рек, есть широкие равнины... В этих землях ваше боевое искусство сослужит добрую службу. Но дальше, за Немедией и Офиром, лежат Аквилония, Пуантен, Зингара и Аргос. Они перерезаны широкими реками, там много горных хреб-

тов с глубокими долинами. Страны эти плотно заселены, там есть большие города, и в каждом своя крепость или замок. Думаю, что там твоему войску придется трудно.

— А к югу от Стикса? — спросил Бартатуя.

— Ну, во-первых, Стигия. Ни один полководец в здравом уме не станет с ней связываться. Это родина колдунов и царей-жрецов, которые поклоняются древнему богу-змею Сэту. К югу от Стигии лежат Черные Королевства. Там твои всадники станут беспомощны, как дети.

— А что, черные люди такие свирепые? — удивился Бартатуя.

— Достаточно свирепые, но их немного. И главная беда не от них. Сама земля там враждебна — дремучие джунгли, такие густые, что часто приходится ножом прорубать себе дорогу. И непрерывные дожди. Все вещи из ткани и кожи быстро гниют от избытка влаги, люди умирают один за другим, а кони и того быстрее. Если ты сунешься туда со своей ордой, через шесть месяцев лишишься половины войска и всех лошадей. Покорить эти страны можно, только набрав войско из местных жителей.

— Такие вещи полезно знать заранее, — отметил каган. — Пройдет еще некоторое время, прежде чем я пойду походом на западные страны. Но рано или поздно до этого дойдет дело. К тому времени у меня будет, кроме конницы, армия пехотинцев, набранная в покоренных странах. У меня будут самые искусные инженеры из Кхитая, со своими осадными машинами и военными хитростями. А уж когда я пойду на Черные Королевства, я соберу такое огромное войско, что даже если половина погибнет от болезней — хватит второй.

Конан отпил вина.

— Если я правильно понял, ты задумал завоевать весь мир?

— Да, я сделаю это, — просто ответил каган.

Конан внимательно вглядывался в лицо этого странного человека. Нет, в глазах Бартатуи не было безумного блеска. То, что он станет властелином мира, для него так же само собой разумелось, как ежедневный восход солнца над степью.

— Я родился в мире, где царит беспорядок. Человечество разделено на безумное множество народов и царств, которые попусту ссорятся меж собой. А управляют ими глупцы. У них одно достоинство — высокое происхождение. Как будто царственность в людях можно вывести путем отбора, как резвость у лошадей или тучность у скота.

— Я тоже никогда не видел большого толку в родовой знати, — согласился Конан. — У киммерийцев все равны. И каждый мужчина — воин. Родовые вожди носят имя рода, но военным предводителем становится тот, кто отличится в деле, — будь то вождь или пастух.

— У нас почти так же. Как же можно мириться с этой бессмыслицей? Если одни Предвечные Небеса осеняют землю, то и царь над ней должен быть один. И моя судьба — стать этим царем. А тому, кто поможет мне, неплохо заживется в моем новом царстве. — Бартатуя мечтательно зажмурился, затем продолжил: — Сначала мне пришлось объединить мелкие степные племена. Это была нелегкая задача. Ты же видел, какие они разные и как недолюбливают друг друга. Одни едят конину, другие считают этот святотатством. Рыжеволосые будини — величайшие в мире пьяницы, а герулы, которые покрывают себя зеленой татуировкой, говорят, людоеды. Сколько сил потребовалось, чтобы собрать таких строптивых людей в одно войско!

— По-моему, им нравится воевать под твоим началом, — вставил Конан.

— Да. Как только я дарую им большую победу и большую добычу, они будут моими и забудут свои пустяковые ссоры, потому что так повелел я. Я стану Учи-Каганом, верховным повелителем, — первым за многие поколения степных вождей.

Каган откинулся назад. На мгновение установилась тишина.

— Ну ладно, — нарушил молчание гирканиец, — перейдем к делам дня сегодняшнего. Ты умеешь читать на каких-нибудь языках Запада?

— Не велик я грамотей, — буркнул Конан. Потом добавил: — Но все же могу читать на нескольких наречиях. Лишь глупцы уверяют, будто от книг мужчина слабеет.

— Мудрые слова. Читаешь ли ты по-турански?

— Я служил в Туране в офицерском чине. А там нельзя стать офицером, не умея читать.

Каган достал из-за пазухи небольшой свиток:

— Мои воины перехватили это ранней весной у гонца, скакавшего из Хоарезма в Согарию. Гонец погиб, а никто из моих приближенных не умеет читать по-турански. Переведи.

Конан развернул документ и начал читать. Он быстро вспомнил буквы, хотя уже прошло немало времени с тех пор, как он в последний раз имел с ними дело.

— Это послание от царя Ездигерда к его восточному союзнику, князю Туранскому. В нем говорится, что царя очень беспокоит местонахождение некоего туранского колдуна, изменника и смутьяна по имени Хондемир, учинившего предательский заговор против Ездигерда и бежавшего из страны, когда мятеж провалился. Если он объявится где-то во владениях князя, то царь просит арестовать его и выдать царским посланцам, дабы они доставили его в Туран для суда и наказания. Дальше идут обычные пожелания. — Он вернул свиток Бартатуе. — Выглядит так, будто это послание по нескольку раз переписывали писцы, меняя только име-

на адресатов и названия стран. Потом его рассылали во все соседние державы.

— Значит, Ездигерд тоже не ладит со своими жрецами, — пробормотал себе под нос каган.

Конан промолчал. Воевать под началом кагана — одно, а уж встревать в его ссору с шаманами...

— Согария — наша ближайшая цель, — громко заговорил Бартатуя. — С нее начнется завоевание мира. Ты не догадываешься, почему я выбрал именно ее, а, киммериец?

— Как и все города на караванных путях, — пожал плечами Конан, — Согария очень богата, там есть чем поживиться.

— Верно, — согласился Бартатуя. — А еще?

Конан призадумался:

— Такие города не привыкли к войне, их довольно легко покорить. Твоим людям придется научиться вести осаду.

— И это тоже, — кивнул Бартатуя. — А еще — это самый западный из торговых городов. Через него с Востока на Запад проходит большая часть товаров. И все сведения — тоже. Когда я двинусь походом на запад, я смогу заранее распустить там любые слухи о себе и своем войске.

Конан понимающе хмыкнул. План был удивительно глубок для простого вождя кочевников. Наверняка Бартатуя — помимо собственных недюжинных способностей — пользовался советами кого-то поопытнее в таких делах.

— Чем же я сейчас могу быть тебе полезен?

— До начала похода осталась пара дней, так что ты подтяни своих воинов. Потом я пошлю тебя с набегом в согарийские владения. Кроме самого города, там есть только деревни и маленькие крепости со своими гарнизонами. Ты должен взять несколько крепостей и устрашить население. Надо, чтобы люди из разоренных селений сползались в Согарию. У меня есть на их счет кое-какие планы.

Каган беспокойно заерзал на подушках, будто ему не терпелось приступить наконец к завоеваниям и одержать свои первые победы.

— Теперь иди. Всегда будь готов к бою. И помни, что мой глаз повсюду следит за тобой, киммериец.

Конан встал и поклонился. Уходя, он вновь заметил слабое движение ткани за спиной Бартатуи. Когда киммериец ушел, Лакшми вынырнула из-за занавеси.

— Зачем ты тратишь столько времени на простого полусотника, мой господин? — Она сбросила просторные одежды, и сейчас на ней не было ничего, кроме набедренной повязки и украшений. Лакшми села у ног Бартатуи и запустила свои пальцы в его длинные, черные как смоль волосы.

— Он забавный человек... Пришел из далекой страны, о которой я хочу узнать побольше. А еще он умен, в отличие от большинства этих грубых скотов, которыми я командую. И потом, он обязан своим положением только моей милости. Друзей у него здесь нет. Он не опасен.

— Все же тебе не стоило посвящать в свои планы простого искателя приключений. — Она повернула голову и потерлась о его руку.

— Я не делаю из них никакого секрета, — сказал каган. — Какой в этом смысл? Мудрые и осторожные цари и без того укрепляют оборону страны. А слабые дураки не обратят внимания, даже если я прямо объявлю, что хочу покорить их царства. Характер человека — это его судьба. Глупец умрет глупой смертью, как бы его ни предупреждали.

— Ты мудр, господин мой, — проговорила Лакшми, — но самыми сокровенными планами тебе следует делиться только со мною.

Каган немного подумал.

— А что ты думаешь о послании Ездигерда к Амиру Джелайру — про этого колдуна... как его — Хондемира? Это может нам как-то пригодиться?

Лакшми безмятежно пожала плечами:

— Не знаю как. Мы ничего не знаем о том, как связан этот колдун с Ездигердом. Да и неизвестно, где он — в Согарии или где-то в тысяче лиг от нее.

— Значит, это бесполезно? Жаль.

— Как я уже многократно говорила тебе, господин мой, любое знание полезно. Когда-нибудь ты убедишься в этом.

— Ладно, хватит деловых разговоров, — улыбнулся Бартатуя. — Я бы сейчас занялся кое-чем поприятнее. — И он заключил наложницу в могучие объятия.

Глава 7

— Веревку, — объяснял Гаюк, — плетут из конского или же человеческого волоса. Говорят, что лучшая веревка получается из волос врага. На одном конце делают петлю и продевают сквозь нее другой конец веревки. Так получается аркан. Первое, чему надо научиться, — это управляться с арканом. А потом — забрасывать его на дальние расстояния.

Конан вполуха слушал «арканный» урок Гаюка, то и дело бросая взгляды на своих воинов, обучавшихся ратной премудрости. Половина из них под началом Рустуфа упражнялась с меча-

ми, отрабатывая удары на здоровенных тыквах, посаженных на кол. Остальные учились у Фауда владеть пикой. Фауд когда-то служил в отряде улан туранской кавалерии, и в бою на легких пиках ему не было равных.

— Работайте, конееды, работайте! — яростно гремел Рустуф. — Незачем разрубать врага с плеч до поясницы! Рассеките на три дюйма ему глотку — и все, он мертвец. Да и потом, с вашими мечами это гораздо проще.

Конан попытался забросить аркан быстрым, незаметным движением, как учил Гаюк. Веревка скользнула в воздухе, петля расширилась и захватила намеченную киммерийцем коновязь. Крутанув запястьем, он сорвал петлю и отдернул аркан.

— Теперь попробуем движущуюся мишень, — сказал Гаюк. — Вот тот раб на коне, к примеру... — Но тут Гаюк осекся, поскольку слуга-наездник спешил к ним с каким-то срочным делом. Всадник поравнялся с Конаном, дернул поводья и крикнул:

— Каган требует тебя к себе в шатер, полусотник.

Конан направился в сторону высокого штандарта, украшенного девятью белыми конскими хвостами. Бартатуя сидел возле большого шатра, окруженный младшими командирами и полусотниками. Конан поприветствовал кагана.

— Сегодня, — объявил Бартатуя, — мы выступаем в поход. Каждому из вас выделяется укрепление или участок земли с прилегающими деревнями — они даются вам на разграбление. Помните: резни не устраивать, разве что если вам окажут стойкое сопротивление. Но и осторожничать сверх меры не надо: городские заморыши должны усвоить, что мы непобедимы. Нельзя, чтобы они считали нас трусами или неженками. Если увидите, что у них что-то на уме, — убивайте без разговоров.

Каган указал на небольшую группу конников с черными перьями на шлемах, под штандартом, украшенном орлиными крыльями.

— Разведчики как раз вернулись из согарийских земель. Каждому отряду будет придан в помощь один разведчик — они поведут вас к назначенным местам. Теперь идите — получите участки действий и подробные распоряжения. Двинетесь в путь сегодня до заката.

Вернувшись к своему отряду, киммериец увидел, что воины уже приготовились к походу. Как всегда в военных лагерях, известие о начале кампании распространилось со скоростью степного ветра.

— Куда мы направляемся, капитан? — с улыбкой спросил Рустуф.

— Маленькая крепость под названием Кульм, на берегу реки, возле северной границы согарийских земель, — ответил Конан.

— Сколько с нами пойдет народу?

— Только мы одни.

— Всего пятьдесят человек на целую крепость! — невесело усмехнулся козак.

— Каган хочет испытать нас. — Конан повысил голос, обращаясь к всему отряду: — Выступаем через час. Пусть каждый соберет своих лошадей и нужный припас на дорогу.

Воины переговаривались между собой, думая, уж не сошел ли с ума их командир. Но они уже привыкли держать такие мысли при себе. Степняки упаковали все свое имущество, включая одежду, и на скорую руку приготовили еду. Когда солнце стало клониться к закату, отряд киммерийца двинулся в путь. Вместе с ним лагерь покинула половина войска. Около часа полусотни всадников шли вместе, а потом двинулись каждая к своему месту назначения. Каждый отряд вел разведчик с черным пером на шлеме.

Солнце уже готово было опуститься за горизонт, когда разведчик, ехавший впереди Конана, свернул налево, и киммериец со своими людьми последовал за ним. Несколько минут полусотня конников молча продвигалась по сумеречной степи.

Конан наконец-то почувствовал себя полностью свободным. Вот так воевать было по сердцу отважному варвару: под началом отдельная команда, он сам себе голова. Нет над ним ни надоедливых командиров, ни царедворцев, во все сующих свой нос. В регулярных армиях такое не часто встретишь!

Когда совсем стемнело, они сделали привал. Нестись галопом ночью — лишний риск, каган этого не любит. Они и без этой крайней меры сумеют обрушиться на врага внезапно. Разведчик доложил, что Кульм меньше чем в двух часах пути. Гарнизон охраны не выставил. Раз никто не следил за ними, Конан разрешил развести несколько маленьких костров, чтобы приготовить ужин. Несколько воинов отправились собирать хворост, остальные расселись кругом и предались дикой игре — обычному развлечению в походах. У степняков имелись бурдюки с темным кобыльим молоком — ничего крепче киммериец не разрешал.

Конан и Рустуф сидели у костра. Воины принесли им мяса, как только оно зажарилось.

— Значит, наш каган желает стать царем всего мира? — ворчал козак. — Только вот есть и другие, кто лелеет подобные планы!

— Он ближе, чем другие, к этой цели, — ответил Конан. — Только понимает ли он, как велик мир? У него много всадников, но, чтобы обскакать вокруг света, и их маловато.

Козак почесал в затылке:

— Ну, если он двинется на Запад, у него будет подмога. Козаки пойдут с ним против Турана. Коф и Шем — тоже, а может, и Офир с Коринфией. Вряд ли страны Запада забудут свои распри и объединятся против гирканийцев.

— Я тоже так думаю, — кивнул Конан. — Но каган сначала собирается завоевать Кхитай, а потом Вендию. А эти страны так обширны, что ему потребуется лет десять, а то и больше, прежде чем он сможет начать войну на Западе. А к тому времени все может измениться. Надеюсь, что та война будет для Бартатуи счастливой, — если он, конечно, доживет.

Всадники уже часа два двигались шагом. Солнце окрасило степь предрассветным багрянцем, и разведчик-проводник остановил отряд. Он указал на небольшую возвышенность впереди.

— За холмом, — проговорил воин, — вы сразу увидите крепость.

— Ждите все здесь, — приказал Конан Гаюку.

И понесся вверх по склону холма. Потом остановил коня и спешился, не доезжая до вершины. Киммериец прошел еще десяток шагов, затем лег на землю и последние несколько ярдов прополз на животе. Прямо под холмом расположилась крепость; она была построена в изгибе мелкой речушки, скорее даже ручья. Ручей порос тростником и камышом; он огибал холм и протекал как раз мимо того места, где Конан оставил своих людей.

На другом берегу, рядом с крепостью, проходила узкая дорога. Конан заметил облачко пыли, появившееся вдалеке и движущееся в сторону крепости. Сами укрепления выглядели не слишком-то впечатляюще: простая глинобитная казарма вмещала гарнизон человек в триста. Стены футов в пятнадцать, не выше. Защитного рва и вовсе нет. Это был скорее всего не настоящий оборонительный рубеж, а просто опорная точка, чтобы высылать вдоль границы конные патрули.

Облачко пыли тем временем отметило появление отряда конников. Ехали они без особой спешки. Было их человек пятьдесят, вооруженных массивными пиками, в золоченных латах, с разноцветными перьями. Они въехали в крепостные ворота, и те со скрипом затворились за ними.

Конан уже собирался возвращаться обратно, когда увидел другое облачко пыли, совсем маленькое, появившееся на дороге с другой стороны — противоположной той, откуда прискакал вооруженный отряд. Это одинокий конник. И летит он во весь опор. Должно быть, гонец. Интересно, что за весть он несет?

Конан все так же, на животе, отполз прочь с гребня холма и прыгнул в седло. Люди его были слишком далеко, чтобы он мог позвать подмогу. Поэтому киммериец, недолго думая, на глазах у

удивленных воинов во весь опор ринулся вниз по ближайшему склону. Здесь он оставался вне поля зрения защитников крепости. Рассудив, что расстояние слишком велико и нет нужды таиться, Конан перемахнул отрог холма. Теперь он был на другом склоне.

Конь киммерийца без труда перебрался через ручей. Животному хотелось сделать остановку и попить воды, но Конан направил его на дорогу. Вестник несся галопом, Конана отделяла от него сотня-другая шагов. На голове всадника было что-то вроде тюрбана, украшенного многочисленными желтыми перьями. Он поймал взгляд великана варвара, выехавшего на середину дороги и ставшего у него на пути.

— Дорогу посланцу князя! — закричал всадник, сдерживая лошадь. — Отойди в сторону, парень, или княжеский гнев падет на тебя. Становиться на дороге у княжеского посланца — за это полагается смерть!

Глаза вестника расширились, когда он понял, что перед ним чужеземный воин, вооруженный большим луком, какие носят кочевники. Пришпорив коня, он попытался проскочить мимо.

Киммериец устремился в погоню. «Охота» была недолгой — конь вестника устал. Достав из седельной сумки аркан, с которым еще вчера упражнялся, Конан сделал широкую петлю и, как учил Гаюк, кинул скользящим движением. Меткая, как стрела, петля упала вестнику на голову и затянулась у него на груди. Конан изо всей силы дернул веревку.

Гонец, как пробка из бутылки, вылетел из седла и с грохотом шлепнулся на землю. Конь незадачливого наездника пробежал несколько шагов с пустым седлом и остановился. Конан подошел к лежащему на земле пленнику: парень на пару минут вырубился, но в общем-то особо не пострадал. Хотя мог! Конан поднял сумку гонца и достал из нее цилиндрический футляр из золоченой бронзы. Вот что так спешно вез этот несчастный!

В футляре был свернутый лист пергамента. Развернув его, Конан увидел неизвестные ему письмена. Проклиная все на свете, он положил пергамент обратно в футляр, сел на коня, а лошадь вестника взял под уздцы. Самого пленника он перекинул через седло и направился обратно к отряду.

Когда Конан появился из-за холма, Рустуф встретил киммерийца довольной улыбкой:

— Хорошо, что ты жив-здоров, Конан. Гирканийцы прямотаки обалдели от твоего исчезновения. Пошли уже разговоры, будто ты предал кагана и переметнулся к согарийцам. Для нас с Фаудом дело могло принять дурной оборот.

— С меня хватит, если мне будут подчиняться, пока я в лагере, — отмахнулся Конан. — А хранить мне верность, пока я отсутствую, — это уж слишком! Таких вещей требовать нельзя.

— Кого это ты нам приволок? Пленного?

— Гонец. Княжеский посол, — объяснил Конан. — Только вот письмо, что он вез, я прочесть не могу.

— Ну да мы и без письма разберемся, что к чему, — уверил его Рустуф.

Гирканийцы рады были видеть пленника и предвидели славную забаву.

— Прежде всего посмотрим, как будет вести себя этот человек, — приказал Конан. — Если он нам поможет, то вреда причинять ему не стоит.

Гирканийцы крайне удивились такому странному добросердечию, но им хотелось угодить своему командиру. Вскоре согариец пришел в себя. Он озирался с таким удивлением и страхом, будто вокруг собрались не люди, а некие кровожадные чудища.

— Послушай, парень, — проговорил Конан. — Ты мой пленник. Я хочу задать тебе несколько вопросов. Говори свободно и честно, и тебе не сделают ничего дурного. Будешь врать или запинаться — мои люди потолкуют с тобой. Они большие мастера развязывать языки.

Пленник тяжело вздохнул:

— Спрашивай, что тебе надо. Знаю я мало, большого толку тебе от меня не будет.

Конан усмехнулся:

— Это уж предоставь решать мне. Знаешь ли ты, какую весть нес?

— Я ехал к командиру кульмского гарнизона. Должен был сообщить ему, что степные кочевники вторглись в согарийские пределы. Только для вас это едва ли новость.

— Точно! А были особые распоряжения для командира?

— Сражаться до конца и лучше умереть, чем уступить пядь согарийской земли.

— Так всегда говорят, — хмыкнул Рустуф. — Покажите-ка мне солдата, который принимает эту блажь всерьез.

Что-то в рассказе гонца смутило Конана.

— Когда князь Согарии узнал, что кочевники идут на его страну?

— Три дня назад город стал готовиться к осаде. Меня послали предупредить о нападении три крепости. Кульм — последняя.

«Похоже, — подумал Конан, — что гирканийцы не так быстры и неуловимы, как о них говорят. А может, предатель — в самом войске кагана? Предатель, знавший, что первый удар будет нанесен именно по Согарии...» Киммериец оставил свои подозрения при себе.

— Велик ли кульмский гарнизон? — вновь обратился он к пленнику.

— Да такой же, как в других княжеских крепостях. Кавалерийский эскадрон, человек двести пятьдесят.

Конан прекрасно знал, что такие вот испуганные пленники всеми силами стараются сохранить свое достоинство. Поскольку этот парень как бы ничего и не выдал, кроме обычных сведений, он, в собственных глазах, вроде и не совершил предательства.

— А командир — опытный воин?

— Он сын придворного сановника. Впрочем, как и многие командиры в нашей армии. — Пленник сообщил об этом, как о чем-то само собой разумеющемся и незначительном.

— Свяжите его, — приказал Конан. — Я еще поговорю с ним.

Во взгляде пленника сквозило явное облегчение. Степняки покрепче скрутили согарийца.

Конан окинул взглядом ландшафт. Там, где ручей огибал левый склон холма, росли невысокие деревца. Киммериец отметил их про себя и обратился к воинам:

— Идите вон на тот склон, нарубите там коротких кольев и насобирайте несколько охапок тростника. Только осторожно, не попадитесь на глаза согарийцам. Теперь — быстрее.

Кочевники, не веря своим ушам, пошли выполнять приказ. И конечно, они опять подумали, что их чужестранец-командир — чокнутый.

В полдень гирканийцы обогнули холм и переправились через ручей. Через несколько минут они были уже возле стен крепости. Их встретили звуки горна и барабанный бой; ворота были заперты. Киммериец бесстрашно подъехал к крепости и остановился в пяти шагах от стены.

— Командир крепости! — прокричал Конан. — Вызываю вас на переговоры!

Вскоре на стене появилось несколько воинов. Один из них, в золоченых доспехах, с пышным плюмажем на шлеме, крикнул:

— Кто вы? И что все это значит?

— Бартатуя, вождь ашкузов и законный государь всего мира, приветствует вас, — как можно громче заорал Конан. — Мой господин пришел занять свое законное место как правитель Согарии и других городов по караванному пути. Я капитан Конан, родом из Киммерии, предлагаю вам сдаться перед лицом превосходящих сил. Примите мои условия — и вам сохранят жизнь.

Наступило молчание. Тем временем стрелок на стене, явно недостаточно дисциплинированный, чтобы дожидаться приказа, натянул тетиву и стал целиться в Конана. Рустуф рявкнул короткую команду — произнес одно слово, и десяток кочевников вскинули луки. Согарийский стрелок свалился со стены и с глухим звуком упал в песок на глазах у защитников крепости. Десяток стрел пронзили бедолагу насквозь, будто его доспехи были сделаны из бумаги.

Конан продолжал невозмутимо восседать в седле, словно ничего не случилось.

— Жду вашего ответа.

— Неужто вы всерьез? — воскликнул командир. — Вы величаете себя капитаном, а на деле у вас под началом, я вижу, всадников пятьдесят или того меньше. Как же вы хотите, чтобы я уступил такому незначительному отряду?

Конан криво усмехнулся: он понял, что победил. Командир отнюдь не отказывался сдаться, он лишь не хотел уступать крепость малочисленному врагу.

— Это лишь мои телохранители, — крикнул Конан. — Я пришел сюда в их сопровождении, чтобы дать вам возможность сдаться достойным образом, как подобает. Вот моя армия!

Головы всех согарийцев повернулись туда, куда указал киммериец. На холме, откуда Конан наблюдал за крепостью, можно было ясно различить нескольких всадников. Они ехали по пологому левому склону, переводили коней через высокий гребень и, спускаясь по правому отрогу, пропадали из виду в зарослях тростника на берегу ручья.

Конан видел, как шевелятся губы защитников крепости: они считали своих врагов. А тем будто конца не было: чем больше их пропадало в зарослях, тем больше появлялось на левом склоне.

— Сейчас они напоят коней и станут лагерем в условленном месте на берегу. Я это говорю, чтобы у вас было время выйти и встретить нас с боем в чистом поле, прежде чем мы подведем осадные машины. Я вижу, вы горды и все как один готовы умереть за своего князя, хоть он и не удосужился предупредить вас об опасности. А нас короткая битва избавит от скучной работы — штурмовать вашу крохотную крепость завтра поутру.

— Не надо так торопиться, капитан! — откликнулся командир крепости. — В сущности, это ведь и не крепость в полном смысле слова. Так, опорная точка, чтобы выслеживать жалких разбойников, что бродят здесь по степи. Наше настоящее дело — защищать Согарию. Если вы позволите нам вернуться в город и участвовать в его обороне вместе с основными силами... что ж, я рассмотрю ваши условия.

— Отлично! — ухмыльнулся Конан. — Вы должны все одновременно сложить оружие. Лошади, припасы, оснастка — все остается в крепости. Да, и дорогие вещи тоже. Каждый может взять с собой один плащ, пару штанов и пару обуви. Перед уходом всех обыщем, так что, надеюсь, никто не попытается унести на себе что-нибудь лишнее. Не забудьте — я бы мог вас и вообще без одежды оставить. И еще кой без чего! Мои ребята, знаете ли, собирают на память человеческие...

— Я принимаю ваши великодушные условия, капитан Конан! — с чувством воскликнул командир. — Мы сдаемся!

Не успели спустить лестницы, а защитники крепости уже слезали со стен, натыкаясь на ходу на собственные мечи и копья. Несколько минут спустя ворота открылись, и безоружные согарийцы стали выходить поодиночке. Конан выделил десять воинов, чтобы обыскивать сдавшихся врагов. Тем временем остальные его люди сидели верхом, держа луки наготове.

— Вы одержали легкую победу, капитан, — заметил командир гарнизона, глядя, как его люди отправляются в дальний, утомительный путь к Согарии. — Не думайте, что дальше будет так же просто. Согария сильна, стены ее укреплены на случай нападения степных дикарей. Сегодня мы сочли за лучшее избежать кровопролития. Но Согарии вам не взять никогда!

— Если там будут такие же воины, как вы, — я предчувствую славную битву! Доброй вам дороги. Коли поторопитесь — успеете в город, прежде чем начнется осада.

Когда последняя группа защитников крепости темной точкой пропала на горизонте, Конан кивнул Фауду, и туранец дунул в свой серебряный охотничий рог. Через несколько минут появился Гаюк. Он с довольной улыбкой ехал верхом, держа под уздцы часть запасных коней. Воины бросились ловить остальных. К седлу каждой лошади было прикручено чучело — солдатский плащ, набитый тростником и вздетый на крепкую палку. На поясе такого «бойца» висел меч. Гаюк без устали водил эту процессию кругом — от вершины холма к подножию, превращая полусотню в многотысячное войско.

— Сработало, командир! — радостно воскликнул Гаюк.

— Капитан! — напомнил один из гирканийцев. — Капитан Конан! Он сам так себя назвал!

Степняки радовались, как дети, будто нашли в песке разноцветный камешек.

— Пойдем посмотрим, что за добыча нам досталась, — приказал Конан.

В крепости они нашли горы оружия, добрых коней, запасы еды, полные тюки разной одежды и утвари. Комнаты коменданта были богато обставлены. Среди прочего добра незадачливый согариец оставил золотой столовый прибор и немало украшений из жемчуга.

— Тащите все во двор, — распорядился Конан.

При свете факелов кочевники погрузили добычу на захваченных лошадей.

— Делить трофеи будет каган, — объяснил Конан. — Мы сами можем воспользоваться только едой и питьем. Кто припрячет себе что-нибудь из добычи, того убью на месте.

В полночь отряд уже был готов к обратному переходу.

— Капитан, — сказал Гаюк, — мы тут захватили вдоволь вина. Может, выпьем понемногу в честь победы?

— На обратном пути врагов не намечается, — рассудил Конан. — Выдай каждому по бурдюку вина. Но если кто нажрется так, что свалится с коня, — подбирать не станем. Пусть ковыляет пешим ходом.

Конан отлично знал: сама мысль о пешем путешествии настолько пугала степняков, что они поневоле будут сдерживать свои аппетиты. Для того чтобы разрушить крепость, у киммерийца не было ни подходящих орудий, ни достаточного количества людей. Поэтому он ограничился тем, что облил маслом и поджег деревянные ворота. При свете этого небольшого костра отряд степняков двинулся в путь.

Сразу же по возвращении в лагерь Конан поспешил доложить о своем успехе. Орда двигалась к Согарии. Впереди гнали рабов. С каганом наступала примерно половина всего войска, и новость о хитрости Конана распространилась мгновенно. Лагерь сотрясался от хохота воинов, отдыхавших у костров после дневного перехода.

Бартатуя был изумлен.

— Всем бы моим командирам такую смекалку! — сказал он. — Подумать только — взяли крепость со всеми потрохами, а у нас — вообще никаких потерь?

— Один из трофейных доспехов пострадал, когда мы подстрелили лучника, — поправил Конан. — И еще в десятке Рустуфа сломано три лука.

— Редко полусотник так быстро становится полутысячником, — проговорил Бартатуя.

— Да еще начальником осадных и земляных работ, — прибавил седой вождь, на лице которого была вытатуирована стилизованная фигурка орла. Все гирканийцы считали легкую победу, достигнутую ловкостью и обманом, делом почетным. Им чужды были рыцарские обычаи западных народов.

Бартатуя внезапно прервал веселье и заговорил суровым и серьезным тоном:

— Следующее поручение, Конан, будет посложнее. Сегодня твои люди отдохнут. Завтра ты возьмешь их и отправишься на юго-восток. Князь Согарии ждет подкрепления от своего родича, сатрапа Бахроши. Он просит большой отряд конников, и сатрап, уж конечно, ему поможет. Ты устроишь засаду на караванной тропе и перебьешь бахрошцев. У тебя под началом будет, разумеется, уже пять сотен.

— А их сколько? — спросил Конан.

— Не меньше тысячи тяжеловооруженных конников.

Конан кивнул. Два к одному — плохое соотношение, когда имеешь дело с таким войском.

— Будет исполнено, каган.

На обратном пути киммериец заметил женщину под черным покрывалом, которая отбирала пленников для потешных боев. Теперь он знал, что ее зовут Лакшми и что она — наложница кагана. Женщина как будто собиралась заговорить, и Конан почтительно приветствовал ее:

— Добрый вечер, госпожа.

— Ты сделал стремительную карьеру, чужестранец, — проговорила Лакшми.

— Каган щедро вознаграждает верную службу, — сказал Конан. — Я не обману его доверия.

— Смотри же, не обмани. Мое расположение снискать не так легко. Каган — человек доверчивый, он не понимает, что за покорной улыбкой может таиться измена и что верная служба порою — первый шаг к предательству.

Киммериец почувствовал, как кровь приливает к лицу, но сумел сдержать себя.

— Если кто-то замышляет зло против кагана, — сказал он, не повышая голоса, — я убью его. Или ее.

Женщина зашипела, как стигийская змея, которой наступили на хвост. Киммериец понял, что задел ее за живое. Лакшми направилась прочь, ее черные покрывала всколыхнулись, и Конан ощутил тяжелый запах благовоний. Оказывается, не только в цивилизованных странах встречается странная особенность — чем ближе к правителю, тем больше ненависти и интриг.

Глава 8

— Не доверяй ему, господин мой, — нашептывала Лакшми.

— Я доверяю человеку, показавшему свою доблесть на поле брани, — ответствовал каган. — Не более того. Что он выиграет, если будет мне неверен? Кто наградит его лучше, чем я? Где он возвысится быстрее, чем на моей службе? Не мечтает же он отнять у меня власть и стать Учи-Каганом! — Он сам рассмеялся подобной мысли. — Может, кто-то из моих приспешников и подумывает об этом, но уж не Конан. Он знает — гирканийцы никогда не признают в чужестранце повелителя.

Лакшми отлично знала это. Потому-то магу Хондемиру и приходилось прибегать к таким опасным чарам, чтобы подчинить себе волю кагана. Знала наложница и другое: временами ее хозя-

ин терял здравомыслие, и тогда можно было играть на его страстях. Лакшми поставила перед Бартатуей столик и наполнила вином чашу. Правитель более искушенный заметил бы откровенную фальшь, сквозившую в движениях красотки. Но гирканиец видел только белое точеное тело, оплетенное жемчужными нитями и лишенное иных одежд.

— Однако есть нечто принадлежащее тебе. Он желает и может это отнять, — проговорила Лакшми, подавая кагану чашу.

Бартатуя гневно свел брови:

— Что же это?

— Твоя наложница.

— Он кому-то посмел сказать...

— Конан никому ничего не говорил, — перебила она. — Но он смотрел на меня как взбесившийся жеребец: все и так было понятно.

Каган откинулся назад и отпил из чаши.

— Смотреть и хотеть дозволено каждому. Не больше. Сейчас этот человек мне нужен. Потом посмотрим.

— Твое благополучие — единственное, что заботит меня, господин мой, — сказала Лакшми. Мерзавка осталась довольна: семя упало в плодородную почву и непременно прорастет.

Той же ночью, чуть попозже, вендийка незаметно выскользнула из шатра Бартатуи. Каган храпел богатырским сном, так что удрать большого труда не составило. Когда женщина добралась до границы лагеря, ее окликнул часовой.

— Это я, Баязет, — отозвалась Лакшми. Воин по имени Баязет давеча сопровождал ее в Согарию. Некогда он служил Кухлагу и в глубине души недолюбливал кагана. Лакшми исподволь привлекла его к себе ласковым обращением и подарками, и сейчас этот человек был всецело в ее власти.

— Я ненадолго уйду из лагеря. К рассвету вернусь.

— Хорошо, госпожа моя, — ответил воин и поклонился, когда вендийка вложила ему в ладонь золотое кольцо.

Лакшми осторожно двигалась в потемках, пока не расслышала глухой бой бубнов и визгливый посвист флейты. Женщина спустилась в ложбину. Там, у небольшого костерка, сгрудились шаманы и самозабвенно наяривали свою дикую, пронзительную музыку.

Вокруг костра в безумном танце прыгали двое: один — в оленьей шкуре, в нелепой шапке с ветвистыми рогами и блестящими копытцами; другой — безбородый отрок в женском платье. Лакшми удивленно смотрела на танец, становившийся все более разнузданным и непристойным. Когда пляска закончилась, вендийка вошла в освещенный круг.

Шаман с бубном взглянул на Лакшми. Волосы у него были как спутанная паутина, а зубы — сплошь гнилые пеньки.

— Зачем ты нарушила наше таинство, госпожа?

— У меня к вам дело, — молвила Лакшми. — Есть человек, который с каждым днем все больше подчиняет кагана своей воле. Я хочу положить этому конец. — Никогда бы хитрая наложница не стала напрямую интриговать против Бартатуи с этими омерзительными извращенцами, но сейчас цель требовала любых, пусть даже самых гнусных средств.

— Кто это? — спросил дряхлый шаман.

— Чужестранец, Конан. За несколько дней он из раба превратился в полусотника, а потом — в полутысячника. Его честолюбие не знает предела, и я желаю покончить с ним.

Старый шаман хмыкнул:

— Смерть — вот конец любым честолюбивым помыслам, будь ты обычный искатель приключений или сам каган.

— Ни слова о кагане, — оборвала его Лакшми. — Сейчас речь идет о киммерийце. Можете вы избавить меня от варвара?

Старик пискляво — словно птица, подавившаяся зерном, — засмеялся:

— Вряд ли найдется человек, от которого мы бы не в силах были избавиться! Мы общаемся с миром духов. Нам открыты пути грядущего, мы умеем распознавать, кто наводит злые чары. И сами наводим такие чары. Да я зашвырну этого выскочку-чужестранца во тьму, откуда он явился.

— Хорошо. Я щедро вознагражу вас. — Лакшми повернулась и собралась уходить.

— Как ты вознаградишь нас? — шаман лукаво прищурился.

Вендийка медленно обернулась:

— Золото, серебро, жемчуг...

— Железо и камни для нас ничего не значат, — с глубоким презрением поморщился шаман. Он переглянулся со своими подельниками, и Лакшми вдруг почувствовала, как от собравшихся вокруг исходит волна отвратительного, сладострастного жара.

— Что вам нужно? — твердо сказала вендийка.

— Есть таинство, — прошептал старик; голос его шелестел, как ветер в сухой траве. — Великое таинство, обновляющее наши силы. Оно свершится очень скоро. Для него нужна женщина. Такая, как ты, госпожа моя. Многие испугались бы взять на себя женскую роль в этом обряде, но ты смела, ты пойдешь на все, чтобы сохранить свою власть. — Он говорил тихим, заговорщицким голосом. Лакшми бросила взгляд на женоподобного мальчика — на его раскрашенном лице лежала печать неизбывного зла. По ту сторону костра маячил человек-олень, его странное одеяние блестело в отсветах пламени.

— Хорошо, — кивнула она. — Избавьте меня от чужестранца, и я поучаствую в вашем таинстве.

Как только Лакшми ушла, бубны и флейты вновь завели свою безумную песню. Если семя подозрения, посеянное в душе Бартатуи, не даст всходов, шаманы сделают свое дело. Проще было бы нанять обыкновенного убийцу, но Лакшми сомневалась, что удастся подговорить какого-нибудь степняка выступить один на один со свирепым, непобедимым киммерийцем. У вендийки всегда имелся запасной план на случай провала: иначе действовать слишком рискованно. План касался Конана и Бартатуи. Кстати, и Хондемира тоже.

Конан во главе пяти сотен всадников ехал по разоренной войной земле. Каждые несколько лиг им попадались дымящиеся пепелища сожженных деревень. Дороги кишели беженцами, тащившими узлы со спасенным скарбом.

— Никогда не пойму селян, — говорил Рустуф. — Почему, когда нападают на их деревню, они хватают свое барахло и бредут невесть куда? С чего они взяли, что идут в безопасное место?

Конан объявил привал — пускай лошади отдохнут, да и дорога освободится от толпы жалких беженцев. Степняки хотели было проложить себе путь мечами, но Конан напомнил им приказ кагана — избегать резни.

— Не знаю, — откликнулся Конан на реплику козака. — Может, оттого, что мы жжем деревни.

— Да разве долго построить новую хижину? Останься они у себя — были бы живы и здоровы. Войско пройдет, и тогда в деревне можно было бы раздобыть еду. А они все как один устремились туда, где наверняка подохнут от голода или заразы: в осажденный город.

— Они боятся, что их ограбят, — заметил Фауд.

— А уж это вовсе глупость, — скривился Рустуф. — Их уже ограбили. Пока они у себя в деревне, отнять у них нечего. А так они тащатся по дорогам, несут всю свою кладь на хребте, и ее ничего не стоит поддеть на копье, даже не слезая с лошади. Они тупо ползут к тем, кто грабит их каждый день, — к местным заправилам. Деревенских дурней заставят горбатиться на оборонных работах, а когда продовольствия останется только для воинов и придворных, выгонят на все четыре стороны.

Конан пожал плечами:

— Не знаю. Селяне всегда так поступают во время войны. Я в навозе никогда не ковырялся. И не собираюсь... Ладно, пора ехать.

Гирканийцы двинулись дальше, то и дело разгоняя плетками испуганных селян. Временами мимо проходили другие отряды

степняков — гирканийцы спешили огнем и мечом утвердить свое господство в согарийских землях. К вечеру отряд киммерийца миновал разоренную область — теперь Великий Путь был относительно свободен. Судя по тому, что говорили разведчики о дороге на Бахрошу и о расстоянии до этого города, Конан не ожидал появления вражеского войска раньше завтрашнего дня, а может, и послезавтрашнего. И все же многоопытный киммериец послал разведчиков — на случай, если враги появятся внезапно. На войне ничего нельзя исключать.

Сейчас, когда опустошенные земли и испуганные толпы беженцев остались позади, главной заботой Конана было найти хорошее место для засады. Переговоров не предвидится. А значит, придется действовать с удвоенной осторожностью, прибегнув к какой-нибудь уловке или обманному маневру. Конану приказано было неожиданно напасть на бахрошцев и отбить у них всякую охоту впредь воевать со степняками. Как раз это киммериец и собирался сделать.

К вечеру он выбрал подходящую позицию. Великий Путь здесь начинал медленно подниматься в гору и проходил между двух остроконечных холмов, лежавших симметрично, как женские груди. Дальше дорога выходила на равнину и двадцать лиг тянулась по ней до самой Бахроши.

Конан вместе со своими десятниками и полусотниками осмотрел пространство вокруг холмов и дорогу за ними — в поисках места для битвы. Остальным воинам было приказано разбить лагерь, держать коней наготове, чтобы по тревоге вскочить в седла. Костры разводить не стали, чтобы случайно не выдать себя.

Перед закатом все приготовления были закончены, отданы последние распоряжения на случай внезапного нападения противника. Сложных маневров не предполагалось, но строгий боевой порядок был необходим, дабы не так сильно ощущалось численное превосходство врага. Гирканийцы лишь усмехались, когда им говорили, что врагов будет больше в два раза. Что ж, презрительная усмешка бесстрашного воина лучше, чем тягостное, мрачное ожидание неуверенного в себе бойца. Все зависело от сатрапа Бахроши: от его отношения к Согарии и особенно от того, сколько войска он в силах послать на помощь соседу, когда и на его землю вот-вот нападут.

Наутро, часа через два после восхода солнца, разведчики донесли, что бахрошская кавалерия на подходе. Через час она появится в пределах видимости.

— Вы сосчитали их? — спросил Конан.

— Нет, господин, — сказал главный разведчик. — Ты приказал нам не показываться им на глаза, поэтому мы держались на рас-

стоянии. Могу сказать, что их наверняка больше тысячи — больше, чем ожидалось.

— Каждому из вас дан приказ, — обратился Конан к командирам, — и все вы знаете сигналы. Займите позиции и ждите врага. Может быть, их будет больше, чем мы думали. Неважно — тактика остается прежней.

С двумя сотнями воинов Конан отправился на холм, ограждавший дорогу с севера. Рустуф с другими двумя сотнями занял позицию на южном холме. Еще сотня, во главе с Фаудом, осталась на месте — в пятистах шагах от ложбины.

Два главных отряда вряд ли были заметны подступающим бахрощцам. Конан остановил коня близ вершины холма. Рядом находился Гаюк. Знаменосец держал короб, полный маленьких цветных флажков. Конан терпеливо ждал.

— Они идут, командир, — проговорил Гаюк.

Войско сатрапа приблизилось, и Конан со своей удобной позиции смог на глаз прикинуть силу врага. Киммериец едва сдержал готовое сорваться с губ проклятие, увидев, какая длинная и широкая колонна наступает на них.

— Три тысячи по меньшей мере! А нас — пятьсот. Шесть к одному, разорви их Кром!

Гаюк пожал плечами и усмехнулся:

— Какая разница, командир? Уж по шесть-то стрел у каждого из нас в колчане найдется!

Конан засмеялся и похлопал знаменосца по плечу:

— Вот мы какие! Кто одолеет таких героев! Ну, приготовься и достань флажки.

В голове бахрошской колонны, шагах в пятистах, самое большее, от основных сил, шагал отряд авангарда. Конан понял, что это — счастливый миг удачи. В армиях цивилизованных стран авангард редко отрывался от главной колонны, а когда передовые отряды наступают на таком малом расстоянии — в этом вовсе нет никакой пользы. Авангард гирканийских всадников уходил от орды на часы, бывало, на дни пути, связываясь с ней только через разведчиков. Для действительно сильной кавалерии та засада, что затеял Конан, — что слону булавка.

Вслед за авангардом пылило войско. Конан только дивился, слушая, с каким шумом движется армия: конные барабанщики, флейтисты, горнисты, музыканты с бубнами и трещотками и даже с серебряными конскими копытцами. Лошади бахрощцев сплошь с разноцветными попонами и узорной упряжью — ребята будто на парад собрались, а не на битву. Сатрап Бахроши явно хотел произвести впечатление на своего собрата-правителя.

Гаюк с неподдельным изумлением взирал на вражеское войско.

— Они и впрямь стоящие воины, командир?

— Некоторые — да, — ответил Конан. — Пусть тебя не вводит в заблуждение весь этот шум и блеск. Я знавал весьма сильные войска, что идут на бой с песнями и музыкой. Буссонийские горцы, например, так гремят своими трубами, что волосы дыбом встают. Или рыцари Пуантена — они берут с собой на битву парней с лютнями, и те так наяривают, будто сейчас все в пляс пустятся. Только они и дерутся не хуже, чем на лютнях брякают.

— Коли ты говоришь, значит, так и есть, — с сомнением произнес знаменосец.

Они замолчали, когда враг подошел поближе. Наконец авангард въехал в ложбину между холмами.

— Красный флажок, — приказал Конан.

Гаюк поднялся на гребень холма и резко взмахнул флажком над головой. Сотня Фауда вскочила в седла и не торопясь подъехала к дороге — на вид обычные охотники. Они подождали несколько минут и выехали на дорогу, как раз когда авангард бахрошцев, линия за линией, потянулся из-за холмов.

Конан строго-настрого приказал не пускаться в бегство, прежде чем враги не вылезут достаточно далеко. Слишком быстрое отступление будет выглядеть подозрительно: бахрошский полководец может заподозрить ловушку.

Тем временем противник заметил в ложбине гирканийцев. От колонны отделились два всадника и во весь опор понеслись назад — скорей всего доложить о непредвиденном препятствии. Они с трудом объехали в узкой ложбине музыкантов и наконец пробились к человеку с пышными усами и бакенбардами, облаченному в богатые доспехи. Он отдал громогласный приказ и вскинул церемониальный жезл, украшенный жемчугами. Всадники вернулись к авангарду, который начал выстраиваться у выхода из ложбины. Конан отметил, что маневр был проведен достаточно искусно. Эти люди не пустозвоны, хоть и обставляют свое наступление с нелепой пышностью и хвастовством.

Воины под началом Фауда буквально заерзали в седлах. Беспокойство и нетерпение наездников передалось и чутким скакунам. Лошади под седоками нервно перебирали копытами, словно вот-вот готовы были сорваться вскачь. Фауд выкрикивал бессмысленные приказы, будто подстрекая готовых взбунтоваться степняков. Наконец несколько конников не удержались и пустили стрелы в подступающих бахрошцев.

Послышалась резкая команда бахрошского командира. Коротко завыла боевая труба. Воины передового отряда все как один сорвались с места, копыта скакунов в унисон простучали по земле. Первый ряд опустил копья. Приблизившись к гирканийцам, воины прикрылись щитами.

Степняки Фауда стояли твердо, так что Конан уже стал беспокоиться, не протянули ли они время сверх нужного. Наконец кочевники повернулись и пустились в бегство. Многие наездники на скаку оборачивались и пускали стрелы в наседающего врага. На первый взгляд эти выстрелы казались паническими и бессмысленными, но Конан заметил, что каждая стрела укладывает тяжеловооруженного бахрошского всадника наповал.

Киммериец надеялся, что враги в погоне за бегущими гирканийцами потеряют голову, но был готов и к такому вот спокойному, планомерному преследованию. Он знал: величайшая глупость — рассчитывать на безрассудство противника. Когда враг только появился в поле зрения, Конан мог примерно определить их число по количеству боевых знамен. По подсчетам киммерийца выходило, что ложбину миновала половина бахрошской армии.

— Черный флажок! — рявкнул Конан.

По этому сигналу цепь гирканийцев, воин за воином, обогнула холмы. Степняки расположились на склонах, в полусотне шагов выше бахрошцев, и внезапно разом пустили вниз стрелы. Среди воинов сатрапа началась свалка: одни пытались прорваться вперед, другие — вернуться назад, только бы вырваться из ложбины. Некоторые попробовали подняться вверх по склону, навстречу нежданно атаковавшему врагу, но, не успев сделать и двух шагов, поймали стрелу в лоб или в брюхо.

Спустя несколько минут ложбина превратилась в кипящий котел. Гаюк, по команде Конана, вскинул желтый флажок. Гирканийцы скатились со склонов и пустились вслед за бахрошцами, изо всей мочи улепетывающими из ложбины. Степные воины врезались в тыл отступающей армии и обрушили на растерянного и испуганного врага сплошной ливень стрел.

Часть степняков сумела обойти колонну противника и ударить по врагу с обоих флангов. Еще один отряд кочевников перегородил дорогу бахрошскому авангарду. Вражеских солдат, а также несчастных музыкантов перебили практически без сопротивления. К гирканийцам присоединился вернувшийся отряд Фауда. Некоторые бахрошцы еще пытались контратаковать или по крайней мере прорваться на степные просторы, но все попытки были бесполезны. Стрелы сыпались градом, разили воинов и коней, пробивали доспехи, как тонкую паутину.

Гирканийцы, не теряя времени, понеслись назад, но не стали пробиваться через заваленную человеческими телами ложбину. Отряд всадников опять разделился. Они обогнули холмы и обрушились на остатки бахрошского воинства, все еще пытавшегося вырваться из западни. Конан видел, как степняки окружают бахрошцев, подобно щупальцам гигантского спрута. Противник пы-

тался перестроиться из походного порядка в боевой — это лишь увеличило сумятицу и замешательство в бахрошских рядах.

Гирканийцы пролетели вдоль вражеской колонны, осыпая беспомощных солдат градом стрел. С противника уже было довольно: по двое, по трое воины сатрапа вырывались из схватки и пускались наутек. Некоторые степняки кидались в погоню за дезертирами, немилосердно разя беглецов меткими стрелами.

— Белый флажок, — приказал Конан.

Увидев этот сигнал, конные лучники прекратили погоню и вернулись. Конан оценил положение. Победа получилась воистину блестящей, но киммериец особой гордости не испытывал. Сколько бы бахрощев не полегло на поле боя, это были всего лишь неповоротливые горожане. В сражении со степняками они все равно что безоружные дети. Конан знал толк в битвах, но не любил резни.

Когда киммериец спустился с холма, кочевники уже бродили меж грудами трупов, вытаскивая стрелы, снимая с мертвецов доспехи, оружие и все более или менее ценное. В воздухе висел густой запах крови. Над мертвецами уже вились рои мух. В небе зловеще кружили стервятники — спутники любой битвы.

Рядом с киммерийцем ехал Рустуф, полный какой-то несвойственной ему важности.

— Твой план сработал, — проговорил он. — Но не мужское это дело — так сражаться.

— Да, — кивнул Конан. — Лучше лицом к лицу, меч к мечу. Когда мы станем лагерем у стен Согарии — тут-то нам и придется солоно. Осаждать крепость, не неся потерь, — такого я еще не видывал. И одними стрелами города не возьмешь.

Лагерь кочевников расположился всего лишь в двух днях пути от Согарии. Киммериец и его пять сотен всадников торжественно въехали в лагерь и швырнули перед большим шатром кагана свою добычу. Конан приказал воинам разбить палатки, а сам отправился к кагану с рапортом. Вся подступы к жилищу предводителя были завалены трофеями других отрядов. Повсюду шныряли повозки, развозившие добычу.

Отдав рапорт, Конан пошел посмотреть место своей ночевки. Он увидел, что у его палатки толпятся воины. Они возбужденно переговаривались, на их лицах читался откровенный страх, с которым они не могли совладать. Киммериец поразился: что могло так напугать степняков? В любом случае это недобрый знак.

— Что стряслось, Рустуф? — спросил он.

— Эти дурни разбили твою палатку, — ответил тот, — потом заиялись своей. И... посмотри сам.

Козак распахнул полог. В землю был воткнут шест, с него свисал кожаный ремень, на котором болталось что-то непонят-

ное. Конан подошел поближе. Птичьи перья, лапки и клювы, какие-то травки и косточки... Были и творения рук человеческих — цветные веревочки и обрывки кожи.

Киммериец с отвращением плюнул:

— Ну и к чему вся эта дрянь?

— На тебя наложили заклятие, командир, — отозвался Гаюк. — Это заклятие шамана. Если его не снять, ты можешь погибнуть. Все твои дела пойдут прахом, ты заболеешь и скоро умрешь. — Остальные кочевники согласно кивали и что-то бормотали под нос, со страхом поглядывая на киммерийца.

— Что? — гневно переспросил Конан. — Люди, одолевшие врага, который был в шесть раз многочисленнее, дрожат от страха перед какой-то связкой отбросов! — Он глянул на степняков, но они отводили глаза. — Что это за шаман?

— Мы не видели, командир, — сказал Гаюк. — Шаманы могут сделать себя невидимыми. Но в этом лагере никто не может заниматься магией без разрешения Данакана.

— Где этот старый гнилозубый урод? — заорал киммериец. — Я сверну ему цыплячью шею...

Ответом послужило гробовое молчание. Выругавшись, Конана подошел к ближайшему костру, взял горящую головню и поднес ее к подвешенному на ремне узелку. Тот задымился. Вдруг волосы на голове у варвара встали дыбом: узелок начал извиваться и корчиться. Эти гнусные корчи шли откуда-то изнутри узелка. Наконец вспыхнул ремень. Узелок упал на землю и стал раскрываться, словно диковинный цветок. Оттуда показался гомункулус — с крыльями летучей мыши, черный, как полночное небо, ростом в два фута. Уродец зашипел на варвара, обнажив два ряда крохотных острых зубов. Гомункулус был совершенно лысый, глаза — как два сверкающих уголька. Гаденыш, словно чародей — в плащ, кутался в клубы едкого дыма. Гирканийцы, трясясь от страха, попятились.

Уродец завопил истошным голоском и бросился на киммерийца. Конан выхватил меч и разрубил маленького демона надвое. Меч прошел сквозь гомункулуса так легко, будто он был из дыма. Но две разрубленные половины сразу же срослись вместе, и враг в прежнем обличье вновь скрючился перед Конаном. Варвар рубанул еще, на этот раз — хлестким, зигзагообразным ударом. И пока куски маленького чудовища опять срастались, поддел на меч и швырнул в огонь все еще дымящийся узелок.

Крылатый гомункулус громко зашипел и закрутился волчком. Когда остатки узелка догорели, уродец изошел вонючим дымком и сгинул.

— Обычный призрак, ничего особенного, — презрительно фыркнул Конан. — Трюк балаганного фокусника, не страшнее зубочистки.

— Нет, командир, — пробормотал Гаюк. — Это был улу-бек. Дух воздуха. Он повинуется шаманам. У шаманов большая власть над духами.

— Вы прямо как дети неразумные, — усмехнулся Конан. — Ваши шаманы просто шуты гороховые. Держат вас в страхе дешевыми фокусами! — Конан чувствовал, что напрасно тратит слова, вразумляя степняков. Уговаривать их без толку. Когда человек верит во что-то сверхъестественное, никакие доводы, и даже опыт на собственной шкуре, не переубедят его.

— Идите спать, — приказал киммериец. — На сегодня представление окончено.

Мало-помалу, переговариваясь друг с другом, степняки разошлись. Рустуф и Фауд двинулись за Конаном в шатер. Они уселись на войлочную кошму, скрестив ноги. Фауд протянул Конану чашу с вином, и киммериец наконец промочил глотку, пересохшую за день изнурительной схватки и дальнего перехода.

— Завтра, — сообщил он, — я разворошу все это шаманье гнездо. Бартатуя меня поддержит. Они ему тоже давно поперек горла стоят.

— Толковая идея, — согласился Рустуф. — Но покажи мне такого колдуна, который не талдычит всем встречным-поперечным, что, если он умрет, на них падет страшное проклятие?

— Так и есть, — кивнул Фауд. — Спроси ребят-степняков: они как один скажут, что, если шаман умрет насильственной смертью, несчастья падут на всю орду. Шаманам приходится так защищаться — у них много врагов. Если ты открыто против них выступишь, кочевники тебя попросту пристукнут.

— Но как мне держать в узде своих воинов, если они считают, что я — заклят и обречен? Почему эти тупорылые вонючки взъелись на меня? Разве я причинил им какой-то вред?

Конан на мгновение помрачнел. Он и прежде, в лучшие времена, ненавидел чародейство, но уж совсем унизительно было страдать от таких презренных людишек.

— Думаю, — проговорил он, — пора нанести этим пустобрехам ответный визит.

— Долго ходить не придется, — сказал Рустуф. — Если я не ошибаюсь, поблизости слышны шаманские бубны.

Все трое встали и бесшумно выскользнули из шатра. Барабаны стучали негромко. Но, судя по всему, шаманы устроили свое действо совсем неподалеку. Конан с дружками подкрался поближе и увидел, что несколько степняков сидят кружком вокруг костра. Ближе к огню расположился старый шаман Данакан, рядом с ним — женоподобный мальчик. Мальчик легко постукивал пальцами по бубну, представлявшему собой череп с отрубленной макушкой, затянутый человеческой кожей. В глаз-

ницах черепа были серебряные слитки, и они зловеще поблескивали в свете костра.

— Горе всем вам! — завывал старикан, обращаясь к собравшимся. — Не к добру каган возвысил раба-чужестранца. Это человек без роду без племени. Его предки не погребены в освященном месте в степи. Его боги — не наши боги. Духи бескрайней степи прогневались. Они принесут град и грозу, если вы будете следовать за чужестранцем. Придет степной пожар, окутает дымом Предвечное Небо. Не подобает вам...

Внезапно голос шамана оборвался: на плечо опустилась чья-то весьма тяжелая рука. Это была здоровенная ручища варвара. Шаман попытался сбросить ее, но железные пальцы бывалого фехтовальщика впились ему в загривок и стали понемногу сжиматься. Дикая боль пронзила тощую шею старика. Потом хватка немного ослабла.

— Дружище Данакан, — задушевным голосом произнес киммериец, — между нами, кажется, возникло недоразумение. Я желаю одного — служить кагану сколько в моих силах. А если я неумышленно прогневал ваших богов, скажи мне, пожалуйста, как я могу принести им мои извинения. Ты большой чародей, ты единственный напрямую говоришь с духами. И уж конечно сможешь стать посредником между мной и богами.

Шаман попытался встать, но пальцы у него на шее вновь сжались и он не мог даже шевельнуться.

— Может, — просипел он, — что-то и удастся сделать. Силы мои велики, и духи слушаются меня.

— Отлично! — рявкнул Конан. — Что ж, пойдем поговорим наедине. Какая может быть вражда между двумя отличными парнями вроде нас с тобой?

Конан переложил руку на плечо старикана и слегка тряхнул его.

— Да, — выдавил Данакан, пытаясь освободиться от медвежьих объятий варвара, — поговорим наедине, чужестранец.

Конан улыбнулся своим воинам:

— А теперь идите спать, завтра нам опять выступать в поход — таков приказ кагана. Мы с этим добрым шаманом потолкуем и все уладим.

Степняки явно успокоились, но мальчик с бубном продолжал дрожать от страха. Варвар смерил его таким взглядом, от которого кровь точно должна была застыть в жилах. Мальчик покачнулся, закатил глаза, бубен выпал из рук, и подручный шамана рухнул в траву.

— Он, кажется, впал в священный сон, — пояснил Конан. — Беседует с духами. Не будем его будить, чтобы духи не прогневались.

Киммериец отвел Данакана к краю лагеря, где стояли часовые. Тут Конан легким толчком сбил старика с ног. Шаман вскочил с земли и принялся выкрикивать гортанным голосом какие-то проклятия, указывая рукой на Конана. Киммериец хлопнул его ладонью по спине. Шаман, прежде чем упасть, пролетел несколько шагов, гремя всеми своими бусами и амулетами.

— Кто? — коротко спросил Конан. — Кто подкупил тебя? Кто заплатил тебе, чтобы ты наложил на меня заклятие? Если это не твоя затея, отвечай — чья?

— Проклятый чужестранец! Ты умрешь... — глаза старика вылезли из орбит.

Конан достал из ножен меч и молниеносным ударом рассек на старике одежду. Клочья грязной хламиды полетели во все стороны. Посыпались священные амулеты и костяные бусы. Шаман сжался от ужаса. Однако тщедушного тела клинок не коснулся.

— Вот так может развалиться и твоя тушка, колдун, — проговорил Конан. — Я могу разрубить надвое твое заячье сердечко. Думай, пока я не ударил по-настоящему!

— Это была вендийка, — сдавленным голосом произнес Данакан. — Наложница кагана пришла к нам. Она жаждет твоей смерти.

— Значит, тайные убийства — по вашей части, — усмехнулся Конан. — Бедным мастеровым заказали работенку! Так чем же я не угодил вендийской шлюхе?

Шаман пожал плечами:

— Она ревнива. Ты достиг слишком больших высот — и слишком быстро. Каган привечает тебя, а ей не нравится, когда он благоволит к кому-то кроме нее.

— Ну так я и с ней потолкую. Надеюсь, девка будет так же сговорчива, как и ты. Я знаю, что твои жалкие чары вреда мне не причинят. Думаю, что ты не настолько глуп, чтобы пытаться отравить меня. Прежде поразмысли. Самый сильный яд не убьет здорового мужчину меньше чем за несколько часов. Как только у меня заболит живот, я приду и пристукну тебя — и всех твоих поганых собратьев-шаманов заодно. Теперь иди и благодари судьбу, что я сегодня добрый.

Возвращаясь к себе в шатер, Конан праздновал победу: больше шаман его не потревожит. Хорошо, что он взял дело в свои руки, а не стал впутывать Бартатую. Ведь нить вела, как оказалось, прямо в шатер кагана! Конан покачал головой. Царь, жрец, наложница... Из подобного треугольника так просто не выберешься! В дикой степи плетутся такие же мерзкие козни, как и во дворцах цивилизованных стран.

Рустуф и Фауд спокойно сидели в шатре, опустошая бурдюк с вином.

— Ну как? — полюбопытствовал Рустуф.

— Под конец он проявил здравомыслие. И все же не худо нам троим с этого дня держать под боком быстроногих скакунов.

— Я тоже так думаю, — ответствовал Рустуф.

Глава 9

Багровый шар солнца тяжело опустился в серое марево далеких степных облаков. Ворота Согарии закрылись последний раз, чтобы распахнуться вновь лишь тогда, когда последний степной воин исчезнет с согарийской земли. Под звуки труб и удары гонга закрылись тяжелые створки, и огромный засов вошел в железные скобы. Изнутри ворота заложили камнем. Оставили только несколько маленьких проходов, через которые могли выехать один-два всадника, — такие воротца легко было защитить от внезапного нападения.

На вершине стены горожане, призванные на оборону крепости, стояли плечом к плечу с солдатами, державшими наготове кипящее масло и метательные снаряды — достойную встречу недругам. А часовые с самых высоких башен тревожно вглядывались в степь — не покажется ли орда.

В конце концов с одной из башен раздался крик. На вершине невысокого хребта на западе появилась колонна всадников. Потом с юга, на крутой склон, выехал другой отряд, побольше. Но взоры согарийцев были устремлены на север: бесчисленные конники стояли на обрыве, обозначавшем границу степной страны.

Бесчисленные наездники-дикари представляли собой жуткое зрелище, но те из горожан, кто был поумнее и поопытнее, знали, что это еще не самое худшее. Настоящая опасность — невинные с виду толпы рабов-землекопов. Им под силу медленно, скрытно подкопать стены Согарии, наполнить землей рвы, построить лестницы...

Многие согарийцы гадали, что стряслось с отрядом Красных Орлов, покинувших город несколько дней назад во главе с туранским колдуном Хондемиром.

А Хондемир в это время пересекал Голодную Степь. Эта безжизненная земля, где очень редко попадались источники живительной влаги, вполне заслужила свое имя. В согарийском обозе имелось фуражное зерно; не будь его, лошади каждый день разбредались бы на многие версты в поисках корма, и на это уходили бы часы.

Княжна Ишкала ехала в шатком экипаже, печальная и испуганная. Кто знает, какая участь ей уготована? Если только безрассудный влюбленный, Мансур, не попытается спасти ее. Княжна слишком хорошо знала юношу, чтобы поверить, что он покорно, как было приказано, сидит в Согарии и ждет ее возвращения.

Неспокойно было у нее на сердце. Хондемир — человек надменный и холодный. А разговаривая с княжной, он едва давал себе труд соблюдать необходимые правила вежливости. Каждую ночь из его шатра доносились странные звуки. По утрам колдун выпускал голубя, к ноге которого был привязан маленький запечатанный футляр. Каждый вечер прилетала другая птица, и ее немедленно доставляли в шатер чародея. Никто не знал, что за вести носят эти голуби. Птица-вестник — отнюдь не диковинка. Но как они находят дорогу к движущемуся каждый день войску?

Ишкала высунулась в окошко и помахала рукой капитану Джеку, командиру эскорта. Доблестный офицер подъехал к повозке княжны и отдал честь коротким серебряным хлыстом.

— Да, госпожа?

— Капитан, что вы думаете об этом туранце, Хондемире?

— Думаю, госпожа? — Он нахмурился, будто речь зашла о чем-то бесконечно далеком. — Что я могу о нем думать? Я получил приказ сопровождать Хондемира туда, куда ему угодно будет направиться. Это я и делаю.

— Конечно, — нетерпеливо перебила княжна. — Я понимаю, что вы обязаны повиноваться приказам моего отца. Но, надеюсь, от вас не ускользнуло, что Хондемир посылает почтовых голубей и получает ответы?

Капитан тревожно огляделся:

— Я плохо разбираюсь в колдовстве, госпожа. Пока он не замышляет ничего против князя, я в его дела не вмешиваюсь.

Ишкала молча откинулась на сиденье медленно ползущего экипажа и задернула занавеску. Княжна выросла в прекрасном дворце, и окружавшая ее сейчас обстановка была непривычна. Экипаж — это еще роскошь в сравнении с тем, как приходилось путешествовать остальным согарийцам. В дорогу, к сожалению, нельзя было взять ни одной служанки. И княжну тяготило скорее одиночество, нежели отсутствие расторопной прислуги. Ишкала была девушкой покладистой и не капризной, вполне могла снести трудности дальнего странствия, только вот поболтать было не с кем.

На шестой день пути Ишкала услышала резкие крики солдат, звуки труб и барабанный бой. Много раз наблюдавшая прежде за боевыми учениями, княжна отлично знала, что зов трубы — это тревога. Знак, что враг в пределах видимости. Здесь, в глухой

степи, тревога не может быть учебной, солдаты всерьез выстраивались в боевые порядки.

— Что случилось? — спросила Ишкала у Джеку, когда тот подъехал к ее экипажу.

— Дикари, госпожа, — ответил офицер. — Оставайтесь на месте. Мы прикроем вас.

Девушке уже доводилось слышать жуткие истории о кочевниках-гирканийцах, и сейчас ей не верилось, что даже самые храбрые из согарийских воинов смогут надежно защитить от безжалостных степных убийц. Княжна взобралась на козлы повозки, заняв место рядом с возницей. Неподалеку расположился капитан Джеку и его офицеры. Красные Орлы выстроились в четыре ряда. По приказу капитана воины опустили пики в направлении врага.

— Что толку стоять здесь и дожидаться, пока посыплются вражеские стрелы, — рассуждал капитан. — Как только они приблизятся на расстояние выстрела — идем в атаку.

— Стойте! — послышался голос Хондемира. Чародей спешным шагом подошел к Джеку. — Это не гирканийцы.

— Да? — откликнулся капитан, метнув на чародея яростный взгляд. — А кто же это, почтеннейший?

— Это союзники, мои земляки из Турана. Мы уже не на согарийских землях, капитан.

— А почему они присоединились к нам именно здесь? Князь не давал мне на сей счет никаких распоряжений. Это непорядок.

— Порядок, непорядок, только мне эти люди нужны. Почему — пусть вас не заботит. Достаточно того, что это союзники. Они, в случае необходимости, помогут нам против степняков. Надеюсь, вы сможете удержать своих солдат от неподобающих выходок?

Лицо Джеку потемнело, как грозовая туча.

— У моих солдат дисциплина образцовая, сударь. Будьте уверены. Надеюсь, и вы удержите в узде этих туранцев, если они действительно подчиняются вам. У нас с Тураном много лет мир, так что ссориться солдатам вроде бы не из-за чего. И все же, когда мы вернемся в Согарию, мне придется доложить об этих... особых обстоятельствах.

— У князя не будет оснований для беспокойства, — сказал Хондемир.

Туранцы находились сейчас на расстоянии полета стрелы и никаких враждебных намерений не выказывали. Они неторопливо подъехали к согарийской колонне ярдов на десять, потом по приказу своего командира остановились. Группа всадников отделилась от туранского отряда и поскакала прямиком к Хондемиру.

— Долгих лет жизни, господин! — издалека поприветствовал чародея один из воинов. — Я и мои товарищи прибыли, дабы сопровождать вас к месту назначения...

— Довольно, Буламб, — прервал его Хондемир. — Пусть твои люди присоединятся к нашим достопочтенным союзникам, согарийцам. Мы идем в одно место в глубине засушливой равнины. Это недалеко отсюда.

Человек по имени Буламб взглянул на Джеку и его офицеров; во взгляде его сквозила оскорбительная ирония.

— Всегда рад встретить... союзников. Жду ваших приказаний.

— Отлично. За час до заката мы разобьем лагерь. Зайди сегодня вечером в мою палатку, — ответил Хондемир.

Туранцы отдали салют и повернули коней назад.

Сейчас Ишкале представился случай разглядеть чужестранцев поближе. Одежда, оружие и упряжь действительно были туранскими. В воинском деле княжна понимала немного, но, кажется, чужаки уступали Красным Орлам и выправкой, и дисциплиной. Они не одевались в какую-то определенную военную форму, не носили знаков различия и больше напоминали самых обыкновенных разбойников, чем настоящих солдат. Численностью туранские всадники на первый взгляд не превосходили, их было примерно столько же, сколько и согарийцев.

Чужаки притащили за собой достаточно внушительный обоз. Они предусмотрительно захватили вдоволь провизии, фуража и бурдюков с водой. Но все равно согарийцы смотрели на незваных пришельцев косо, как всегда глядят настоящие воины на ополченцев, особенно если те так сильно похожи на бандитов.

Ишкала вернулась в экипаж. Увидев скачущего мимо капитана Джеку, княжна вновь позвала его:

— А теперь, капитан, что вы думаете про туранского колдуна?

Лицо капитана вытянулось. Он пытался побороть рвущийся наружу гнев.

— Это уже что-то невообразимое! Мало того что он затащил нас в эту глухомань, когда наш город в опасности. Так он еще привел в наш лагерь это... туранское отребье! Не беспокойтесь, госпожа, ваш отец обо всем узнает!

Мансур стоял, опершись на копье, и мрачно смотрел, как враги скапливаются у стен Согарии. Осада вызывала у юноши лишь одно всеобъемлющее чувство — скуку. Меч и старую кольчугу Мансур взял в городском арсенале, а шлем выиграл в кости у часового. Заняв свой пост на городской стене, юноша был в боевом настроении. Это случилось две ночи назад. Возбуждение от новизны происходящего прошло в первую же ночь.

Мансур пытался сложить стихи, где слышался бы звон оружия, ржание боевых коней, голоса серебряных горнов и барабанный бой. Только, к сожалению, здесь, под Согарией, ничего подобного не происходило. За день выпало лишь одно происше-

ствие — мимо пролетела вражеская стрела. Степняки забавлялись, стреляя наугад в укрытых за стенами защитников. А по ночам слышно было, как гирканийские рабы-землекопы подкапывают стены.

А из самой крепости доносилось тяжкое зловоние — слишком много людей и животных скопилось в городе. «Об этой стороне войны древние поэты не писали», — уныло подумал юноша. Осада может продлиться недели, а то и месяцы... Эта мысль была невыносима. Мансур был убежден, что он заслуживает лучшего. Он страстно мечтал сразиться с врагами Ишкалы и вызволить ее. Но как ему теперь избежать бесславной смерти от скуки, как догнать и спасти свою любимую?

Внезапный шум внизу привлек внимание юноши. Он приложил ухо к проему между двумя щитами из толстых прутьев, сооруженными на крепостной стене для защиты от стрел. Шум доносился из одного из проходов в заложенных воротах, — кажется, сейчас он был открыт. До ушей донесся глухой стук копыт. Потом этот стук растаял где-то вдали, и наконец Мансур услышал, как вновь закрываются створки прохода. Вернувшись на пост, юноша заметил своему напарнику:

— Еще одного гонца послали искать подкрепление. Как ты думаешь, многие ли минуют живыми вражеские рубежи?

— Держу пари, что нет, — ответил старик ветеран, снова призванный князем на службу.

— Но если кочевники перехватывают наших гонцов, — рассуждал Мансур, — почему они не приводят их к стенам и не показывают нам — дескать, смотрите, какие вы простофили?

— Эти дикари — не дураки, — ответил старый воин, сжимая узловатыми пальцами копье. — Мы не знаем, кого они пленили, а кого нет. Им это на руку. И потом — если у нас опустятся руки, мы перестанем посылать гонцов, то у степняков не будет пленных. Как же им тогда добывать сведения о положении в городе?

Мансур кивнул. В голове его начал вызревать план.

— Гонцы, должно быть, бравые ребята. Хорошо бы с ними потолковать — люблю храбрецов. Не знаешь, где их можно отыскать?

— Парни из Отряда Гонцов обычно торчат в таверне «Усталый всадник», что у кавалерийских казарм, — ответил старик.

В полночь Мансур сменился. Он отправился не домой, а в таверну «Усталый всадник». Улицы были заполнены беженцами, лежавшими вповалку прямо на мостовой. Мансур спотыкался в потемках — масло в городе экономили, горело лишь несколько уличных фонарей.

Найти трактир оказалось нетрудно: у входа стояла наготове дюжина лошадей. Теперь это стало редким зрелищем. Но здесь, у

трактира, лошадей не запускали в загон: вестник должен быть готов в любую минуту по срочному приказу вскочить в седло и поскакать куда велят.

Внутри трактира особого веселья не наблюдалось. Посетители что-то ели и пили по углам, тихо переговариваясь между собой. Мрачная обстановка осажденного города не располагала к тому бесшабашному разгулу, каким всегда отличались городские кабаки. Мансур приметил, что на столе в центре зала, за которым сидело несколько мужчин, лежит шлем с желтыми перьями Отряда Гонцов. Эти люди никогда не бывали по-настоящему в увольнении. Даже сейчас они при оружии — том легком оружии, которое необходимо на их требующей скорости и подвижности службе.

Вскоре Мансур нашел то, что искал. В углу он увидел одинокого воина, мрачно глядевшего на дно своей пустой чаши. Мансур хорошо понимал, что это за человек и в каком он положении: парень, видно, пропивает все, что зарабатывает. Деньги кончились, а взаймы ему больше не дают. Мансур прошел к его столику.

— Извините, сударь, — сказал юноша.

Солдат посмотрел на него налитыми кровью глазами:

— Что? Кто ты? Посыльный из дворца с очередным безумным приказом? Дурацким распоряжением для ребят, которые одни только и приносят пользу городу, пока не свернут себе шеи...

Мансур пропустил мимо ушей воркотню усталого солдата. Она означает лишь, что гонец уже прилично нализался, а это только облегчало Мансуру задачу.

— Простите, что нарушаю ваш отдых, — начал Мансур, — но я наслышан о парнях из Отряда Гонцов. Мне доставит честь, если вы позволите мне угостить вас чашей-другой вина. А я буду рад послушать про ваши подвиги. Я поэт и собираюсь сложить эпическую поэму про войну с дикарями.

При упоминании о выпивке гонец заметно оживился.

— Некому будет слушать твои вирши, когда все закончится, ну да ладно — садись... Да, мы лучший отряд во всем войске, все как один — крутые ребята на отборных скакунах. И вот это, — он показал на золотой футляр, висевший у него на поясе, — наша защита в любой дружественной стране. Встречаюсь я, к примеру, с каким-нибудь расфуфыренным герцогом... Конь мой устал, жрать охота, да и горло промочить... Я запросто могу потребовать, чтоб он отдал мне свою лошадь! Все, что он сможет, — это пожаловаться потом князю!

На столе появился кувшин крепкого вина; Мансур щедро наполнил чашу гонца и скупо — свою.

— Рассказывай еще, — потребовал он.

Часа два гонец занимал Мансура рассказами о своих подвигах. В конце концов он истощился и стал повторяться. Наконец он начал клониться вперед и точно долбанулся бы лицом о стол. Однако Мансур поддержал его и помог встать на ноги.

— Пора тебе возвращаться в казарму, дружок, — сказал он. — Дай-ка я помогу тебе.

Никто не шевельнулся, видя, как Мансур чуть не на руках вытаскивает пьяного хвастуна из таверны. Видно, другие гонцы не больно любили этого парня. Мансур и не думал вести его в казарму; вместо этого он зашел в проулок, отделяющий таверну от внутренней стены городских укреплений. Здесь он снял с незадачливого гонца форменную одежду Отряда и надел ее на себя. Только меч и кинжал он оставил свои — такое оружие не было форменным, каждый подбирал его себе по вкусу.

Торопясь, Мансур осмотрел коней, привязанных у таверны. Ему не хотелось, чтобы кто-то из гонцов заметил его сейчас. Наконец он увидел вырезанное на одном из седел имя своего собеседника. Он отвязал лошадь и повел ее под уздцы. Отойдя немного от таверны, он вскочил в седло и осторожно поскакал по переполненным беженцами улицам.

У северных ворот малочисленная стража, увидев желтое перо, учтиво поклонилась всаднику.

— Вторая депеша сегодня? — спросил начальник стражи. — Куда держите путь, господин гонец?

— Сами знаете куда, — с нарочито уверенным видом ответил Мансур.

— Конечно, — кивнул стражник. — В самом деле. Сейчас откроем ворота. Скачите как можно быстрее, а то не минуете заставы дикарей до темноты. А теперь спешитесь, пожалуйста...

— Спешиться? — в замешательстве переспросил Мансур.

— Ну да, должны же мы закутать копыта вашего коня. Здесь у стены сплошные камни, лошадь будет слышно на полмили.

— Конечно, — ответил Мансур, — у меня все в голове перемешалось. Трудно привыкнуть к мысли, что Согария осаждена.

Юноша надеялся, что его легкомысленный тон усыпит подозрения, и все же он чувствовал себя беспокойно, пока часовые надевали на копыта его коня чехольчики из плотно сплетенной соломы.

Наконец они закончили; он вновь забрался в седло и стал ждать, когда они откроют проход в воротах. Лошадь ступала неуверенно, пытаясь сбросить непривычную «обувь». Медленно, стараясь производить как можно меньше шума, они выехали за крепостную стену. Его нервы были напряжены, как струна, и он вздохнул с облегчением, лишь когда все любезности были позади и проход в воротах закрылся.

Он видел вдалеке невысокие костры гирканийского войска. Несколько минут он неподвижно сидел верхом, прислушиваясь; потом двинулся на северо-запад. Мальчиком он часто бывал на дальней ферме, на краю принадлежащих городу возделанных земель, — хозяин фермы был его родичем. Сейчас ферма, конечно, разрушена; но он помнил, что земля там рассечена руслом пересохшей реки. По нему-то и можно будет незаметно пройти мимо вражеских постов.

Через час он был там, где когда-то находилась эта ферма. Осталось найти сухое русло — путь к свободе. Он следил сейчас за дорогой даже больше, чем за стуком копыт своего коня. И тут внезапно слева раздался человеческий голос — его окликали:

— Кто ты? Какого отряда?

Мансур с трудом понимал слова, произнесенные на варварском степном наречии. Ему не хотелось пускаться наутек, прежде чем он найдет лощину, и он не был готов к погоне. В ужасе он стал вспоминать все, что слыхал о кочевниках. Вроде бы они изрядные пьяницы... Мансур намеренно покачнулся в седле и попытался запеть старую пастушью песню.

— Я спросил тебя, кто ты! — резко прозвучал тот же голос. Мансур услышал, как застучали копыта двух лошадей.

— Еще один пьянчужка, — с отвращением произнес другой голос. — Дурачина, каган тебе за это задницу оторвет.

Чья-то рука вцепилась в левое плечо Мансура и грубо повернула юношу.

— Да это не...

Но не успел кочевник закончить фразу, как Мансур выхватил меч и с размаху ударил. Клинок вошел в щеку врага и разнес челюсти. Мансур с трудом вытащил меч из черепа гирканийца. Другой степняк устремился на юношу с пикой. Мансур отступил и пропустил врага чуть вперед; затем левой рукой внезапно преградил степняку дорогу древком копья, а правой тем временем полоснул мечом по горлу — так точно, как только может ударить человек, годами осваивавший фехтование. Гирканиец почти бесшумно выпал из седла.

В нескольких шагах от места неожиданной схватки Мансур легко отыскал русло реки. Он с трудом сдерживал радостный вопль. Двумя ударами сразил двух врагов! Какие стихи можно сложить, будь только побольше времени! Юноша пришел в восторг от мысли, что к концу этой войны с гирканийцами он наверняка превратится в непобедимого воителя и все будут с почтением уступать ему дорогу. В столь приподнятом настроении Мансур не слезал с седла всю ночь, упрямо продвигаясь вперед.

К рассвету город был уже далеко, и Мансур рискнул выехать из лощины. Окинув взглядом окрестности, он убедился, что, ско-

рее всего, давно миновал вражеские рубежи. Он стал шарить взглядом по расстилавшейся вокруг равнине. Рано или поздно вернейший из любовников найдет дорогу, протоптанную тысячью копыт...

К полудню Мансур сумел отыскать тропу, по которой ушли Красные Орлы. Тут проезжала его возлюбленная, Ишкала! Да, это повеселее, чем сходить с ума от тоски на стенах осажденного города! То, что по возвращении его наверняка ожидает виселица, не очень беспокоило пылкого поэта. Что-нибудь к тому времени уж наверняка изменится, кривая вывезет. Во всяком случае, Мансур собирался вернуться в родной город прославленным героем, этакой живой картинкой древних легенд.

Гораздо хуже другое: дорожные припасы оставляют желать лучшего. У Мансура имелся большой бурдюк воды и сумка сушеных фруктов и обжаренного зерна. Воды хватит на несколько дней, но если придется делиться с конем — самое большее дня на два. Надо найти ручей или источник — а в солончаковой степи это дело не простое. Ну да ладно! Боги всегда заботятся о героях, приходят им на помощь.

Мансур как-то упустил из виду, что большинство героев баллад заканчивают свой путь в могиле. Причем явно раньше срока.

Глава 10

Конан достиг ставки кагана после полудня, когда солнце уже миновало зенит и на землю легли длинные тени от закрепленных на шестах человеческих черепов и конских хвостов. День выдался тяжелым. Каган поручил киммерийцу оценить, насколько надежна осада, велика ли надежда на успех, и расследовать случившиеся несчастные происшествия. Как человек, не принадлежащий ни к одному клану, Конан лучше других мог рассудить спорящих между собой воинов из разных племен.

В помощь ему разрешено было взять образованного пленника. Тот должен был разъяснить ему устройство городских укреплений; Конан также воспользовался случаем, чтобы усовершенствовать свои познания в местном наречии. Для таких, как он, странников легкость в освоении языков — немалое преимущество.

Конан спешился, отдал поводья слуге и прошел в шатер. Каган был окружен старшими командирами. Он как будто не заметил киммерийца, но Конан знал, что Бартатуя не упускает ничего, что происходит рядом с ним. Перед каганом стояла модель города, изготовленная искусным пленником; здесь были и городские стены, и постройки внутри них.

— Конан, — спросил Бартатуя, закончив другие разговоры, — как обстоит дело с постройкой осадных машин?

— Плохо, — ответил Конан. — На всей согарийской территории не найти настоящего леса. Деревья есть только во фруктовых садах — плодовые деревья, орех, оливы и так далее. Деревья небольшие, и древесина по большей части для дела непригодна плодовые деревья слишком мягкие, а оливковое дерево хоть и твердое, но такое жирное, что достаточно нескольких зажженных стрел — и вся наша осадная башня превратится в столб огня. Да и потом, если мы вырубим плодовые сады, это разорит город.

— А нам какая забота, что они там в городе загнутся? — спросил надменный военачальник с лицом, сплошь покрытым татуировкой в виде сплетающихся змей.

— Это разорит город, принадлежащий кагану, — ответил Конан, пристально посмотрев гирканийцу в глаза. Тот отвернулся, что-то бормоча под нос.

— Для того чтобы укрепить подкопы, это дерево тоже плохо подходит, — продолжал Конан. — А камни мы тоже использовать не можем — все постройки, выходящие в степь, из глиняных кирпичей. Настоящие обтесанные камни есть только внутри города. Тараны не сделать по той же причине — нет хорошего дерева.

— Я не знал, что для осады так важно дерево! — сердито сказал каган. — Что же ты предлагаешь, киммериец?

— Есть три возможных пути, — сказал Конан. — Первый — каменный таран. Рядом с городом есть карьеры. Необтесанных камней там с избытком. Под прикрытием из ивовых прутьев можно соорудить таран высотой с сами стены. А потом все войско разом идет на штурм... Это верная победа, но слишком медленная и трудная, и притом много рабов погибнет.

Бартатуя небрежно махнул рукой:

— Ну, это неважно. Рабов у нас много. Еще что?

— Можно построить лестницы. На это дерева хватит. Хотя без осадных башен могут быть большие потери... Это самый опасный способ штурмовать укрепленный город, особенно когда стены такие высокие. Третий путь — сидеть здесь и ничего не предпринимать. Голод и заразные болезни заставят горожан сдаться. Только вот потом зараза может перекинуться на нас!

— Ты забыл о четвертом пути, — возразил каган. — Можно найти предателя в городе, и он откроет нам ворота.

Конан мог предположить, что об этом зайдет речь.

— Это не по моей части, каган. Если у тебя есть в городе свои люди, которые готовы проделать это, — замечательно. Но вот в чем беда: согарийские ворота сейчас заложены камнем, оставлены только маленькие проходы. Через них все равно много воинов не пройдет.

Бартатуе не хотелось больше терять время на разговоры.

— Ну так построим таран. — Он повернулся к стоявшему рядом невысокому человеку. Конан узнал его — это был кхитаец, с которым он познакомился в караване по пути в Согарию. Тот был представлен Конану как строительный инженер и направлен в его распоряжение для осадных работ.

— Сможешь построить? — спросил его каган.

— Покажите мне карьеры и дайте рабов, — сказал кхитаец, — тогда построю.

— Ну так дело сделано, — ответил Бартатуя. — Остается вот что... — Он повернулся к киммерийцу: — Эти два парня, которых сегодня нашли мертвыми, — что скажешь об этом, Конан?

— Их убил гонец, выехавший из города прошлой ночью, — ответил Конан. — У тел их найдены следы от копыт, укутанных в солому. Тот, кто убил их, отменно владеет мечом. Ударил так, как и мне было бы не стыдно. Его следы идут по сухому руслу и дальше на северо-запад. Точно неизвестно, куда он направляется, так что преследовать его смысла нет.

— Отлично, — сказал Бартатуя. — Все равно ему некуда будет возвращаться, если твои люди как следует поработают. Еще новости есть?

— Одна довольно странная, — ответил Конан. — Мой полусотник, козак Рустуф, был в дозоре на северо-западе. Он нашел след от по меньшей мере тысячи конников. Судя по всему, они вышли за день или за два до того, как мы окружили Согарию. Скорее всего они идут в пустынную местность, называемую Голодной Степью.

Конан поразился впечатлению, которое произвели его слова на некоторых из присутствующих военачальников. Он заметил, что все, кого так поразило это сообщение, принадлежали к одному с Бартатуей племени, к ашкузам.

— Голодная Степь! — закричал от неожиданности один из них. — Ведь это...

— Обсудим позже, — с ледяным взглядом оборвал его Бартатуя.

«Интересно, — подумал Конан, — что бы все это могло значить?»

— Все уходите, — прибавил каган, — кроме киммерийца. Распоряжения вы получили.

Остальные вышли из шатра; многие перед уходом кивнули Конану. Он раскланялся в ответ. Зачем ссориться с этими людьми? Они живут кланами, не угодишь одному — наживешь толпу врагов. Уж таковы они, гирканийцы. Что ж, он знавал людей похуже.

— Налей-ка вина, Конан, — сказал каган.

Конан наполнил две чаши из позолоченного кувшина и подал одну своему повелителю. Каган глотнул вина и произнес:

— Ты говорил мне, что Киммерия — страна каменных гор, Конан?

— Так и есть, каган, — ответил тот, не понимая, к чему Бартатуя клонит.

— Думаю, киммерийский парень с детства умеет карабкаться по скалам, или нет?

— Сущая правда. Мне частенько приходилось карабкаться по отвесным скалам — когда разорял птичьи гнезда или овцу охромевшую искал... Или когда шли в засаду на волчье логово.

— Великолепно, — ответил Бартатуя. — Я хочу, чтобы ты сегодня забрался на стены Согарии и посмотрел, что там внутри происходит.

Он должен был знать! Это в духе кагана — осыпать человека милостями, а потом послать на верную смерть. У любого гирканийца найдутся родственники, соплеменники, которые возмутятся, если с ним так обойдутся, а за чужака кто заступится? Он не спорил.

— Будет сделано, каган. Что именно надо разведать?

Бартатуя указал на одну из построек на модели города:

— Во-первых, дворец князя. Город переполнен беженцами, так что, если ты заберешься на стену, дальше ты легко сможешь незамеченным пробраться к самому дворцу. А если ты заберешься внутрь и найдешь хорошее убежище, ты сможешь подслушать кое-что очень для меня ценное.

Конан задумался: понимает ли этот человек, насколько опасно, смертельно опасно его поручение? Должно быть, понимает, но для него это не важно. Человеческие жизни — только разменная монета в его игре, а ставка — власть. А уж его, Конана, жизнь и вовсе никакой цены не имеет.

— Что еще? — сухо спросил он.

— Силы защитников. Хорошо бы подсчитать годных для дела лошадей в их конюшнях. Ну и каков их боевой дух, конечно. Но это уж в следующий раз.

— Что ж, в следующий так в следующий. А пока, каган, мне нужно как следует подготовиться к этому разу.

— Иди, — ответил Бартатуя, переводя взгляд на макет города. — Подожди...

Киммериец повернулся:

— Да, каган?

— Смотри не предай меня.

— Это же безумие, Конан, — воскликнул Рустуф. Они сидели в своей палатке. Фауд стоял на страже. — Не делай этого! Возьмем лучше хороших лошадей — и айда отсюда. Осада эта продлится не один месяц, и, когда все кончится, здесь нечем бу-

дет поживиться, кроме горсти углей. Послушай, у меня кое-что припасено на крайний случай, и еще я немного выиграл в кости. Найдем себе хорошую армию и определимся на службу — не к такому безумцу, который готов сжечь целый мир, чтобы завоевать его. Я хочу служить в войске, где ценят действительно стоящие вещи: добычу, женщин, доброе вино.

— У меня тоже есть кое-какие припасы, — ответил киммериец, натягивая кольчугу. — Но не в моих это привычках — бегать от своего командира. Если он меня обманет — другое дело, но этот-то до сих пор обходился со мной неплохо. Я был простым пленником, а теперь — в высоком чине.

— Но ведь он посылает тебя на верную смерть! — возмутился козак.

Конан пожал плечами:

— Какой полководец не посылает своих людей в опасные места? Будь это причуда или ненужная жестокость — меня здесь уже не было бы. Но это не так. Ему нужно знать положение дел в городе, а для этого нужен человек, умеющий лазить по отвесным стенам и знающий языки. Это можно понять. И я не думаю, что это такая уж верная смерть. Меня так просто не убьешь.

Рустуф только руками развел:

— Ну, Конан, твоя храбрость и верность слишком далеко тебя заводят!

Конан стоял у основания городских стен и смотрел вверх. Его пальцы нащупали трещину между двумя массивными серыми камнями, и он стал карабкаться. Тот, кто вырос не в киммерийских скалах, никогда не сумел бы взобраться на эту стену. Годы, проведенные им в качестве вора в богатых городах, так изощрили искусство Конана, что для него такая отвесная стена была все равно что удобная лестница.

В чем настоящая загвоздка — это чтобы никто тебя не увидел и не услышал. Он надел черную рубаху и вымазал лицо сажей. Чтобы избежать шума, он не взял с собой никакого оружия, кроме кинжала. Сандалии он, карабкаясь по стене, подвесил на шею и по пути то и дело останавливался, прислушиваясь к любому шуму сверху.

Вечер он провел, осматривая стену, и наконец нашел участок, где стражников было меньше всего, да и те были довольно небрежны. Как он предположил, это потому, что стена здесь выше всего и выходит снаружи к крутому обрыву. Никакой серьезной атаки с этой стороны не ожидалось, поэтому здесь вполне хватало нескольких сонных часовых, да и те следили в основном за дальними постами гирканийцев.

Приблизившись к вершине стены, он остановился. Прямо над ним стоял стражник с пикой, переговаривавшийся с находящимся в отдалении товарищем. Внезапно справа на стену обрушился целый сноп горящих стрел, и часовой закричал от неожиданности. Одна из них отскочила от крепостной стены и вонзилась в его щит.

Явно нарушая устав, часовой покинул свой пост и отправился посмотреть, что же случилось. Судя по поведению, это был ополченец; настоящие солдаты лучше подготовлены к таким неожиданным нападениям.

Не теряя времени, Конан напряг свои тренированные мускулы и ловким тигриным движением перемахнул через парапет. Опустившись на вершине стены, он на мгновение скорчился, чуть не потеряв равновесия. Справа от него пролетело еще пять стрел. Он приказал своим людям стрелять еще несколько минут, после того как он заберется на стену. Слева, совсем неподалеку, он увидел лестницу, ведущую вниз, в город; он легко подкрался к верхней ступеньке и стал спускаться. На полпути он остановился, услышав голоса наверху.

— Они больше не стреляют, — сказал часовой.

— Что-нибудь загорелось? — спросил начальственный голос.

— Нет, — ответил второй голос. — Будем объявлять тревогу, сударь?

— Не стоит, — произнес командир. — Это они так, пугают. Хотят потрепать нервы. А почему это вы оба не на своих постах, мошенники? А ну марш по местам, не то на заре выпорю!

Конан усмехнулся. Он знал, как это бывает, когда опытному воину приходится командовать необученными новобранцами. Он нырнул в ветвящиеся городские кварталы. На улицах было много народу; по большей части эти люди лежали прямо на земле, укутавшись в плащи и куртки, пытаясь уснуть в ожидании нового дня, неотличимого от других дней осады.

Шум падающей воды привлек его внимание. Вода падала из облепленного ракушками кувшина, который держала девочка-богиня, в мраморный бассейн. Он наскоро смыл сажу с лица и рук.

Теперь он мог передвигаться более открыто. Он не боялся привлечь к себе внимание. Город был переполнен людьми, многие из них были иноземцами-караванщиками, а уж на гирканийца Конан мало походил. Задолго до рассвета он почти уже достиг княжеского дворца.

Его остановил призывный шум, доносившийся из таверны. Он вошел в низкую дверцу, раздвинул шелковую завесу и оказался в небольшой комнате. Посетители были по большей части иноземцами, караванщики из самых разных стран. Было и несколько здешних. Даже для богатой Согарии такое убранство

было необычно роскошным — стены из отличного, изящно отделанного камня, мебель из редкого дерева. Везде были развешаны образцы прекрасной вышивки, которой был прославлен этот город.

Служанка поставил на стол перед ним тарелку с хлебом, плодами и сыром, и еще он заказал чашу вина. Он заметил, что голода здесь пока что не ощущается. На вертеле жарилось мясо — но после всего предыдущего это уже не удивляло. При осаде лучше главное — сохранить до конца зерно и фураж для скота. Свежие фрукты, зелень, оливы — это уж как получится. Под конец остается разве что сыр, сухие бобы, горох, ячмень — если, конечно, все это не сожрут крысы. Судя по всему, Согария еще далека от того, чтобы сдаваться на милость победителя! Город выдержит осаду еще не одну неделю. Может, конечно, у этой роскоши есть и другое объяснение... Ну, на то он и здесь, чтобы разобраться в этом!

Вошло несколько вооруженных молодых людей; их простая одежда плохо шла к этому богато обставленному месту. Они окинули взглядом таверну, ища свободные места, и с подозрением взглянули на Конана. Без спросу сев за его стол, они жестом подозвали служанку.

Один из них обратился к киммерийцу:

— Ты на вид парень здоровый. Почему не воюешь, не защищаешь город, а?

Конан решил прикинуться простачком:

— Я нездешний. Плохо знаю по-вашему.

— Гнать вас всех надо! — сказал другой молодой человек. — Сидите в нашем городе, хлеб едите, а как воевать — так нет.

— Оставь-ка посетителя в покое, — перебила его служанка. — Знаешь, в чем разница между ним и тобой? Он за себя платит, а вас, дармоедов, велено кормить бесплатно, пока вы носите форменную одежду с цветами города.

— Ну и правильно, — ответил юный герой, — мы, понимаешь, жизнью рискуем, защищая вас, слабосильных. Принеси-ка нам лучшей жратвы и лучшего вина!

— Еды — пожалуйста, а за вино платите. Князь хочет, чтобы у вас были силенки для боя, а не чтобы вы нажирались как свиньи. Платите или пейте воду.

— Воду! — закричал парень с обвислыми каштановыми усами. В голосе его было выражение неподдельного ужаса. — Я слышал, что осада — это настоящий ад, но чтобы такое...

Конан протянул им кувшин.

— Я угощаю, — сказал он.

В то же мгновение молодые воины стали его лучшими друзьями.

— Я всегда говорил: хорошее это дело — привечать в нашем городе иноземных гостей! — произнес усатый.

Они налили себе вина, и все сошлись, что иноземец — парень что надо. Конан понимал, что дружелюбие это кончится вместе с вином. Они болтали между собой, особенно не обращая на него внимания: ведь он чужестранец, какое ему дело до местных новостей?

— Слышал, что говорят? — спросил один. — Тот парень, что напоил гонца и ускакал из города на его лошади, — думают, что это был Мансур.

— Я всегда от него ожидал чего-нибудь этакого, — ответил другой. — Хвалился, хвалился, стишки писал про войну и подвиги, а как представился случай показать себя в деле — сразу же дал ноги.

— Да нет, едва ли он струсил, — сказал усатый. — Дурак — это да. А трус — нет, он не из таких. Он небось выдумал невесть что — пробраться в самое логово к этим гирканийцам и своими руками прикончить их царя, например.

— Да уж, — сказал другой. — Пуститься в одиночку через вражеские посты — это на трусость не похоже. При всем своем хвастовстве, при всех своих жутких виршах Мансур — лучший во всем городе боец на мечах, это надо признать.

— Какая разница! — отозвался первый. — Трус он или герой, сгинул-то он наверняка, дурачок несчастный.

Конан припомнил следы от копыт в соломенных чехлах и раны от мастерских ударов мечом на телах убитых гирканийских воинов.

— Повод выпить, — сказал один из согарийцев. — Помянем павшего товарища! Есть еще что-нибудь в кувшине?

Другой опустил усы в кувшин:

— Пуст, как голова бедняги Мансура. Эй, чужестранец...

Но когда он поднял глаза, Конана как не бывало.

Он пробирался дальше — ко дворцу. Сейчас народ начнет просыпаться; можно будет невзначай услышать кое-что интересное. Осада только началась, люди еще возбуждены и болтливы. Им еще предстоит научиться терпеливо сносить унылую бесконечность долгих осадных дней.

Он пересек общественный сад, полный жалких беженцев, разбивших здесь свои шатры и палатки. Да, прав был Рустуф. Если осада протянется долго, ничего хорошего этих людей не ждет. Скоро они пожалеют, что не остались у себя в деревнях.

Опытным взором Конан окинул невысокую дворцовую стену. На первый взгляд — вскарабкаться нетрудно. Камни большие, круглые, неровно отесанные, поросшие плющом. Наверху он не заметил стражи. Понятно: большая часть стражников защищает

городские стены и вернется ко дворцу, только если враг войдет в город.

В плане дворец был асимметричен. За столетия достраивалось великое множество новых крыльев и пристроек, поэтому в здании было предостаточно углов и выступов. Смешавшись с толпой, он подошел поближе в поисках нужной щели, за которую можно зацепиться. Наконец он снял сандалии и повесил их себе на шею.

Быстрый, как ящерица, Конан вскарабкался на стену. Через несколько мгновений он был наверху и, лежа на животе, глядел вниз. Его зоркие глаза и тонкий слух не упустили бы ни стражников, ни прогуливающихся придворных, ни любовников, ищущих уединения. Но все было тихо. Он пополз вдоль стены, ища ту часть этого беспорядочного сооружения, где глава города ныне распоряжается его обороной.

Он миновал комнаты слуг, казармы дворцовой охраны, источавшее благоухание помещение гарема. В восточном крыле он набрел на сооружение с толстыми стенами и высокими, узкими окнами, спасающими от жары, что неистовствовала в окружающей город полупустыне. В этом здании горел свет. В кровле было отверстие – световое и для стока дождевой воды. Конан заглянул туда: под ним была зала Совета, и как раз сейчас там шло заседание.

На одном из сводов здания, примыкавших к стене, на которую он только что вскарабкался, были выступы, и он осторожно ступил на покатую крышу, следя, чтобы черепица не скрипнула под ногой. Он собирался добраться до конька крыши и склониться над одним из широких боковых окон. Но пожалуй, сверху он увидит больше... Он прополз по изгибающейся кровле к световому отверстию и заглянул в него.

В середине комнаты был прямоугольный стол. Конану видны были лишь колени сидящих в ряд людей; очевидно, такие же люди сидели напротив, на другом краю стола. Они были, сколько мог заметить Конан, одеты в шелка, а на некоторых были золоченые доспехи. Да, это важные особы. Значит, он попал туда, куда хотел. Они как раз обсуждали, сколько лошадей осталось в городских стенах.

– Спор-то из-за выеденного яйца, государь. – Голос принадлежал человеку в доспехах. – Дело не в самих животных. Мы же всегда употребляем их в пищу: они слишком плодятся. Загвоздка в том, что на нескольких лигах набилось вне всякой меры двуногих тварей!

Раздался шум одобрения; подзадоренный им, воин продолжил:

– Никого не хочу обидеть, государь, но на что в осажденном городе столько лишних ртов! Не только боеспособные мужчины,

но и женщины, дети, чужестранцы, от которых нет помощи при обороне...

— И сверх того, государь, — сказал другой человек, судя по голосу постарше, — в этом нет никакого толку. Если осада продлится дольше одной луны, им придется несладко.

— Господа, — сказал человек, сидевший с другого края стола, — что же мне прикажете делать? Я обязан защищать мой народ! Как я могу закрыть перед ними ворота Согарии, когда они всю жизнь платили мне налоги? Как могу я прогнать добравшихся сюда караванщиков? Ведь тогда они повезут свои товары в другие города и не будут больше торговать с Согарией. Я хочу, чтобы о нашем благословенном городе повсюду шла добрая слава — и на Западе, и на Востоке, чтобы все знали, что нет для купца места в мире безопаснее! Без караванов мы умрем, как виноградник без воды.

Учтивый шепот отдал должное мудрости этой речи.

— Сверх того, — продолжал тот, кто, как понял Конан, и был князем, — вы слишком уж беспокоитесь. Со дня на день я жду известия от мага Хондемира о том, что он достиг своей цели, и вскоре дикари будут в полном замешательстве.

— Он идет уже не первый день, государь, — сказал вооруженный советник, — а мы еще не видели ни одной его ученой птички с письмом. Тысяча конных воинов, Красные Орлы ушли из города, как раз когда мы так в них нуждаемся. Все, чтобы достичь Голодной Степи, где якобы есть какой-то Город Курганов. Не верю я этому туранскому фигляру, государь!

— Довольно, — оборвал его князь. — Я принял решение, ваше дело — повиноваться. А теперь поговорим о займе, который мы дадим этим несчастным крестьянам, чтобы они смогли восстановить свои дома и усадьбы.

Конан поднялся на ноги. Большая часть услышанного была ему непонятна, но он был убежден, что узнал нечто очень важное. Он помнил, как потрясен был каган и другие ашкузы при известии о походе в Голодную Степь. Теперь есть более точное место: Город Курганов, что бы это ни было.

Несколько минут спустя он вновь был на улицах Согарии. Вот почему согарийцы не позаботились о кое-каких обычных для осады вещах. Этому князю помогает Хондемир, так сказать по колдовской части... Он помнил это имя из туранского послания, которое каган дал ему прочесть. Какая между всем этим связь — непонятно, но он пришел сюда собирать сведения, а не обдумывать их. Он поспешил к ближайшей городской стене.

Когда Конан вернулся в лагерь, каган был в отлучке — он проверял отдаленные посты. Солнце уже взошло, и Конан зашел в одну из полевых кухонь, где позавтракал, потом поглядел на

своих подчиненных, на их обычные боевые учения. Убедившись, что все в порядке, он отправился в свой шатер, надеясь наконец-то выспаться.

Рустуф разбудил его после полудня:

— Вставай, Конан. Каган ждет твоего доклада.

Конан сел и потянулся.

— Он его не услышит еще несколько часов. А до этого мне придется сидеть на пиру с его свитой, которая даже не удостаивает меня вниманием. И только когда все уйдут, я смогу отчитаться перед каганом. Почему бы ему не позвать меня прямо тогда, когда он сможет выслушать меня наедине?

— Может, — предположил Фауд, — он считает, что ты украсишь собой его пир.

Конан запустил в туранца зловонной попоной; тот еле увернулся.

Как он и думал, ему пришлось высидеть весь долгий пир, пока каган беседовал с более важными персонами из своего окружения, выслушивал доклады военачальников и кхитайского инженера. Тот довольно долго рассказывал о строительстве из земли и щебня опорных стен для тарана. По его самым осторожным подсчетам, эти работы под стрелами врага будут стоить жизни не меньше пяти сотням рабов ежедневно. Каган счел эту цену приемлемой.

Вожди гирканийской орды, чей опыт в каменотесном деле ограничивался устройством загородки вокруг лагерного костра, с трудом понимали его специальный язык.

Им приходилось сидеть молча, с трудом смиряя гордыню; едва ли они понимали, чего хочет каган; а он хотел, чтобы осада Согарии стала для них школой, чтобы они научились чему-то для будущих войн.

Конан ждал, подавляя зевоту. Он ел много, пил умеренно и все ожидал, когда придет его очередь докладывать. Наконец пир закончился, Бартатуя отпустил своих гостей и киммериец остался с ним наедине.

— Итак, Конан, — сказал каган, когда все остальные ушли, — что ты выяснил в Согарии?

— Теперь ясно, почему они... — Но кончить он не успел: рядом зазвучали удары бубнов, перемежающиеся мерными завываниями и высокими, дикими взвизгами флейт.

— Что там такое? — буркнул Бартатуя.

У входа в шатер появилась мрачная фигура гнилозубого Данакана. Старик тарахтел своими трещотками и рассыпал по всему шатру какой-то розовый порошок. Сгорая в огне факелов, он ослепительно вспыхивал и выделял отвратительный запах.

— Что такое, шаман? — спросил Бартатуя.

— Каган, мне вместе с моими собратьями-шаманами удалось раскрыть заговор, направленный против тебя. Мы искренне желаем, чтобы ты был в полном здравии, а сегодня вечером, как нам стало известно, некто здесь, в лагере, посягнет на твою жизнь. Последуй за нами, и с нашей помощью ты узнаешь, кто бы это мог быть.

Бартатуя, сдвинув брови, посмотрел на старика:

— Только учти, шаман: мне нужны улики. Если ты вздумаешь оклеветать верного мне человека, прощайся со своей поганой башкой.

Шаман усмехнулся и кивнул:

— Не бойся, каган, улики будут. Наши боги не обманывают.

По пути к выходу из шатра каган обернулся к Конану:

— Киммериец, оставайся здесь. Я все же хочу выслушать твой отчет. Надеюсь, этот старый пустозвон много времени не отнимет.

Подождав несколько мгновений, Конан опустился на кожаный диван, набитый шерстью. Левой рукой он потрогал свой меч. Мало ли что замышляют эти шаманы, надо быть готовым ко всему.

Его лучший конь ждал на дворе, но он опасался, что не успеет прихватить седельную сумку с провизией, если и впрямь придется спасаться бегством.

— Я вижу, ты по-прежнему в чести, варвар...

Конан вздрогнул. Этот голос донесся из-за занавеси у него за спиной. Конан встал на ноги; вендийка подошла и стала рядом с ним. На шее у нее красовалось ожерелье с огромным дымчато-красным рубином, и такой же рубин мерцал у нее на поясе. Бедра ее окружала серебряная цепочка, и с нее свисала юбка из дорогого черного шелка. Ноги до самых пят увиты цветными лентами, на лодыжках блестели золотые браслеты.

Конан поклонился:

— В этом лагере, госпожа, зваться варваром не стыдно. А если я в чести, то лишь благодаря моей верной службе кагану и его щедрости.

— Ты осторожный человек, киммериец, — сказала она. — А я-то считала тебя безмозглым рубакой. Нет, кажется, ты не таков. Мы с тобой плохо ладили, Конан. Не лучше ли нам помириться? Ты служишь кагану как воин. А я служу ему не только своей любовью, но и советами. Что же нам ссориться друг с другом? Это вредит только нам самим.

— Я тоже не вижу в этом смысла, — произнес Конан. — Мне недосуг участвовать в придворных склоках. Я солдат, о большем не мечтаю. Да и как могу мечтать, ведь гирканийцы не любят иноземцев, в лучшем случае — терпят.

— Это мудро, — ответила вендийка. — Человек должен знать предел своих возможностей... Но должен знать и на что он способен. — Она подошла к нему поближе; благовония ударили ему в ноздри. Он внезапно насторожился.

— Ты осторожен, Конан, — сказала она. — Ты как будто ни о чем и не думаешь, кроме верной службы кагану... Какой бы придворный из тебя вышел!

Она налила из сосуда кагана две чаши и подала одну Конану. Тот пригубил вина.

— Надеюсь, что нет, госпожа. У меня нет вкуса к дворцовым интригам. Я-то думал, что у гирканнийцев такого не водится. Оказалось — и здесь есть...

— Вот как, — сказала она, подойдя к нему так близко, что он почуял запах ее пота. — Есть царь — всегда найдутся люди, служащие ему, извлекающие выгоду из его власти. Такие люди всегда на ножах друг с другом. Мудрецы знают, кому из них достается победа...

— Мне это неинтересно, — ответил Конан. — Пусть каган награждает меня за мои деяния на поле брани.

— Да, — сказала она, — ты не из тех, кто пользуется в своих целях чужой властью. Ты, как огромные тигры восточных лесов, силен и одинок. Я похожа на тебя, Конан, во многом похожа, но оружие у нас разное. — Внезапно она обвила руки вокруг могучей шеи киммерийца.

Конан был ошеломлен. Да, соблазнительной наложнице удалось разбудить его страсть, но еще в большей степени — опасения. Если его застанут в таком положении с женщиной кагана, это — верная смерть.

Лакшми запустила нетерпеливые пальцы в черную шевелюру киммерийца. Другой рукой она разорвала цепочку у себя на груди. Ожерелья попадали, обнажились соски; наконец женщина, смеясь, резким движением сбросила юбку, висевшую на унизанном жемчугами пояске.

— Ах ты вендийская сучка! — Конан оттолкнул Лакшми от себя.

Она упала на солому, расстеленную на полу рядом с диваном.

— Что ты делаешь! — Он хотел ударить ее, но внезапно почувствовал головокружение. Он вспомнил, как она провела рукой по его шее. Эта женщина отравила его! Он потянулся к мечу, но почувствовал, что руки не слушаются его.

— Господин мой! — закричала вендийка. — Спаси меня!

Конан обернулся и увидел, что у входа в шатер стоит каган. Рядом с ним топтался Данакан.

Старик непристойно хохотал.

— Видишь, каган? Вот об этом я и предупреждал. Чужестранец ненавидит нас. Сейчас, напившись, он пожелал завладеть твоей женщиной.

— Каган, — начал Конан, чувствуя, что язык еле ворочается во рту. — Я не...

Но удар кулака Бартатуи поверг его наземь. Скорчившись, он лежал на ковре, безмолвно проклиная себя за доверчивость. Он увидел, как каган вынимает кинжал и заносит его над ним; но тут шаман вцепился в руку Бартатуи:

— Нет, господин мой, нет. Не убивай его пока. Он нужен мне.

— Зачем, шаман? — спросил правитель. Его лицо все еще было искажено яростью.

Шаман склонился над Конаном и нежно провел узловатой рукой по его каштановым волосам.

— Предстоит одно таинство, для которого нужна жертва... Это должен быть сильный человек, чтобы он не умер быстро. Этот иноземец протянет дольше, чем любой ваш пленник.

— Отдай его шаману, господин мой, — прошипела вендийка. Будто бы в припадке застенчивости, она вновь прикрыла обнаженную грудь золочеными обручами и бедра — черным шелком. — Он обманул твое доверие, а ведь ты сделал его из раба своим приближенным, удостоил своего благоволения! Он не заслужил легкой смерти.

— Хорошо, Лакшми, — сказал каган. — Шаман, он твой. Не хочу его больше видеть.

Данакан издал высокий гортанный клич, и в шатер вошли двое мальчишек. Они несли что-то вроде деревянного хомута. Хомут, по форме напоминавший перевернутую подкову, надели Конану на шею, а руки кольцами прикрепили к его боковым брусьям.

Конан наконец-то мог шевелить ногами, но язык все еще его не слушался. Слуги шамана дернули ярмо и заставили его подняться. Бартатуя подошел к киммерийцу вплотную.

— Я бы сделал тебя одним из главных военачальников, Конан, — сказал он. — Когда-нибудь, когда я создам свою империю, я мог бы сделать тебя царем под моей рукой. Теперь я вижу — глупо доверять человеку чужой крови. Надо было оставить тебя рабом. Для тебя это было бы лучше. Ты мог прожить дольше и умер бы более приятной смертью.

Конан пытался заговорить. Он хотел описать кагану предательство его наложницы и шамана. Но из горла его вырвалось лишь нечленораздельное мычание.

— Прочь с моих глаз! — с отвращением приказал каган.

Шаманы поволокли Конана в ярме прочь из шатра. Охрана в ужасе глядела, как великий воин, спотыкаясь, идет по лагерю,

подгоняемый кнутом Данакана. Разум его только начинал отходить от отравы, данной Лакшми. Но гнев и ненависть жгли его сильнее всякой отравы.

В конце концов рабы Данакана заставили Конана встать на колени. Он понял, что они уже не в лагере. Он попытался приподнять голову, зажатую ярмом. Рядом с ним был неоструганный кол; где-то неподалеку горел большой костер.

— Можешь пока отдохнуть, — сказал Данакан. — Я хочу, чтобы ты встретил смерть в полном сознании. Когда луна будет в зените, мы начнем таинство. Даже самые сильные из наших жертв не выдерживали его до конца!

Конан упал лицом в землю и погрузился в беспамятство.

Он проснулся от нестерпимой боли в плечах и в запястьях. Вокруг играла устрашающая музыка. Он открыл глаза и увидел странные создания, пляшущие вокруг костра. Пламя было какого-то неестественного цвета. Танцующие двигались так быстро, а их одежды были столь причудливы, что он не мог разобрать, каков смысл их танца.

Он разглядел Данакана и юношу в женской одежде. И еще он увидел Лакшми. Вендийка была обнажена, и, должно быть, она-то и была главной участницей этого зловещего таинства. Может быть, это все еще сказывалось зелье, но некоторые из ее движений показались ему не только бесстыдными, но попросту физически неисполнимыми.

Наконец музыка затихла, и безумные твари окружили Конана. Ярмо повернули и дугу его закрепили на вершине кола. Теперь Конан висел на собственных запястьях. Он попробовал пошевелить пальцами, но они затекли.

Данакан выступил из круга; рядом с ним была Лакшми. Морщинистое тело старца и алебастровая кожа вендийки лоснились от пота и притираний. Оба были забрызганы кровью, но Конан не понял чьей, да и не хотел понимать.

— Ты готов, чужестранец? — зловеще усмехаясь, спросил Данакан.

— Он в сознании, — воскликнула наложница. — Он готов для нашего таинства! — Ее улыбка, казалось, принадлежала не человеческому существу.

Конан совладал с собой. Больше у него нечего отнять. Оружие и одежду с него сняли, осталось только нижнее платье. Одним ударом ноги он мог бы переломить шею и шаману, и этой женщине, только вот лодыжки его были прикручены к колу.

— Пора начинать, — с улыбкой произнес шаман. — Боги ждут.

Помощники подали старику кривой нож с причудливо изогнутым концом, и он взметнул его перед глазами Конана, а между

тем женщина запустила пальцы под одежду жертве... Но внезапно Конан увидел, как все присутствующие замерли.

Из правой глазницы шамана торчало ястребиное перо, которым украшались гирканийские стрелы. Окровавленный наконечник торчал с другой стороны черепа. Кровь и мозг обрызгали тело старого шамана, и он беззвучно свалился на землю. Женоподобный юноша с завыванием упал на бездыханное тело.

Второй шаман трясся в предсмертной судороге — стрела попала ему в грудь. Юноша в женской одежде вскочил, взял нож из рук мертвого Данакана и бросился на Конана; пена выступила в углу его искривленного рта.

Но в этот момент что-то сверкающее, серебристое мелькнуло около его глотки. Юноша, широко раскрыв глаза, поднес руку к шее — но в это мгновение из нее хлынул фонтан крови, забрызгавший все кругом.

Юноша упал и затих, как лошадь, напоровшаяся на кол. Его убийца стер кровь со своего кривого меча.

— Как всегда, в центре событий, Конан? — спросил Рустуф.

Козак вложил меч в ножны и кинжалом перерезал веревки, которыми был скручен Конан. Он увидел и Фауда: тот, сидя верхом на ловкой кобыле, всаживал свою пику между лопаток убегающего шамана.

— Вы не упустили вендийку? — с трудом выговорил Конан.

— Погоди, — сказал Рустуф. Он достал из-за седла топорик и разрубил цепь, которой было приковано к ярму одно из запястий киммерийца. — Мы все еще в опасности, Конан. Нет, я не убил ее, и теперь она будет думать только о мести.

Он разрубил другую цепь, и Конан упал бы на землю, не подхвати его Рустуф.

— Конечно, — продолжал козак, — попытайся она проделать со мной то, что чуть не проделала с тобой, я бы только и мечтал о том, чтобы разрубить ее нежное тельце на мелкие кусочки. Так что я тебя понимаю! Но увы — она ускользнула, ускользнула, как змея.

Фауд вернулся, ведя здорового жеребца — это был любимый конь Конана. Двое друзей помогли ему забраться в седло, и Рустуф закрутил поводья вокруг его онемевшей руки.

— Теперь надо лететь как ветер, — сказал Рустуф. — И уйти от погони. Каган непременно пошлет ее. Наш путь — на северо-запад.

— Почему северо-запад? — спросил Конан. Ему было больно говорить.

— Потому что в этом направлении сегодня небо багровое и темное. Я знаю приметы. Это предвестие песчаной бури. Если мы сами выдержим ее, она занесет наши следы.

Фауд поскакал за ними вслед, закрутив поводья на левой руке. Конан превозмог боль в одеревеневших членах и погнал коня галопом.

— Такую услугу, ребята, никогда не забывают! А теперь — в путь!

Глава 11

Ишкала сидела в своем шатре, погруженная в раздумья. Две ночи назад достигли они своей цели — безжизненной Голодной Степи. Пестрая колонна всадников — сейчас их было тысячи две — достигла жалкой речушки, в которой воды к вечеру едва хватало, чтобы напоить коней. Земля была здесь такой ровной, что взгляду не на чем было остановиться, и человек терял всякое разумение о том, где он находится, и начинал блуждать вслепую. Только по солнцу, луне и звездам можно было определить направление.

Они слепо повиновались распоряжениям туранского мага Хондемира, и он безошибочно вывел их сюда, к Курганам Спящих. Это было священное место клана ашкузов, здесь покоились великие вожди степняков. Край шатра был приподнят, чтобы *внутрь лился свежий воздуха, и княжна с ужасом глядела на* окружавшую ее равнину. Да, неуютное место!

Высокий глиняный вал окружал выжженное поле, уходившее на много акров вдаль. Все оно было заполнено курганами. Некоторые были в человеческий рост, но большинство раза в три-четыре выше. А кое-какие возвышались на восемьдесят, а то и больше футов над степной равниной.

На многих курганах были шесты, на которых красовались черепа людей и животных и конские хвосты, раскрашенные в разные цвета. На многих были знамена из разноцветного шелка, по большей части старые и сгнившие. Шесты были не из дерева, как те, что носят кочевники в походах, но из прекрасной бронзы. Везде валялись кости — человеческие и лошадиные. Иногда можно было увидеть скелет воина верхом на скелете коня — как будто готовы прямо сейчас сорваться в бой.

— Страшновато, да? — спросил голос рядом с ней.

Ишкала обернулась. И увидела Хондемира.

— Жуткое место, — проговорила княжна. — Это сделали живые дикари в память о дикарях мертвых. Лучше бы нам быть подальше отсюда.

— Но увы, наше дело еще не закончено. — Днем раньше маг обошел Город Курганов, делая что-то вроде зарисовок. Этим вече-

ром он отправил еще двух птиц-вестников. — Подождите еще немного, пока я совершу чары, необходимые для спасения нашей прекрасной Согарии.

— Что ж, желаю успеха, — сказала она. — Я хочу одного — поскорей отсюда убраться. — Она взглянула на огромный курган рядом с шатром: — Неужто это действительно построили дикари?

— Да, — подтвердил он. — Хоть кочевники и не любят ручной работы, для мертвых повелителей они смиряют спесь. Когда умирает кто-то по-настоящему великий, они захватывают и приводят сюда побольше рабов, чтобы насыпать курган на славу. Прошлой ночью я говорил с духами здешних мест и узнал многое о их прошлом. Город курганов древен, сами ашкузы даже не знают, насколько древен.

Он указал рукой на усыпальницы:

— То, что мы видим, — это самые последние захоронения, в основном последних двух тысячелетий. Но здесь были куда более старые курганы, только годы сровняли их с землей. Это место пропитано магическими силами. Обычному человеку эти силы не почуять, но настоящий маг распознает их без труда.

Она задрожала — и не потому, что внезапно подул степной ветер.

— Я не люблю таких вещей.

— Когда восстанавливали стену вокруг курганов, — продолжил он, видя, что она молчит, — эти люди месяцами совершали налеты на приграничные города, захватывая в рабство всех, кого могли. Это было сто пятьдесят лет назад. Они захватили двести тысяч пленных и погнали их сюда. Больше половины погибло от голода в пути. Многие погибли при работах. А когда стену восстановили, гирканийцы принесли всех выживших в жертву богам и так сохранили тайну этого места.

— Я могу в это поверить, — сказала Ишкала. — Дикари не считают за людей тех, кто не принадлежит к их народу.

Он криво усмехнулся:

— К своим они не более милосердны. — Он указал на дальний холм высотой в три человеческих роста: — Это усыпальница могущественного кагана. Он погиб в бою далеко отсюда, тело его сохранили в целости с помощью трав и доставили сюда. Вместе с ним закопали всех его жен и наложниц и пятьдесят лошадей.

А потом взяли пятьдесят молодых воинов, все — добровольцы. Для каждого воина и его коня сделали специальную раму. Потом лошадей убили, и трун каждой лошади пронзили колом; колы эти установили на раму так, чтобы копыта висели в нескольких дюймах над землей. После этого задушили воинов, тела их тоже проткнули кольями и установили эти колья так, чтобы отточен-

ный конец входил в отверстие в том коле, на котором висел конский труп. А после воинам вложили в руки оружие, на коней надели попоны, и оставили их охранять сон повелителя. Так поступили с пятьюдесятью юношами из хороших семей. Разве это не знак высшего племени, племени завоевателей?

— Я вижу, ты восхищаешься ими, колдун! — воскликнула пораженная княжна.

— Конечно, — ответил он. — Когда-то мои предки, туранцы, были таким же племенем, диким и безжалостным, и не испытывали к побежденным ничего, кроме презрения. Но с годами мы ослабели духом, переняли обычаи завоеванных народов. Да, эти гирканийцы жестоки, но они не отравлены цивилизацией. Они уважают лишь силу: силу оружия и силу магии. Они гордятся тем, что у них есть человеческие жертвоприношения. Они готовы истреблять иноплеменников тысячами, только чтобы расчистить себе место. Такой народ может потрясти мир.

— Так не дадим им сделать это! — сказала княжна.

Эту ночь Ишкала провела без сна. В лагере было шумно. Согарийские Красные Орлы вполголоса переговаривались у костров. Они были смущены и подавлены мрачным местом, куда завела их судьба, — чудовищными конными скелетами, огромными царскими курганами...

А эти гнусные туранцы, расположившиеся поодаль, были не так смирны. Может, они были более привычны к приключениям, а может, просто не так почтительно относились к смерти, но только курганы не произвели на них такого уж устрашающего впечатления.

Некоторые смельчаки даже пытались разрыть курганы, чтобы поживиться драгоценностями, но после нескольких часов непривычного труда их сморило.

Ишкала встала с постели и оделась в самое темное из своих платьев, а на голову накинула черное покрывало. Она не знала, с чем ей придется столкнуться, но ей не хотелось привлекать к себе внимание. Она погасила свечу и выскользнула из шатра. Согарийцы, погруженные в свои разговоры, не заметили ее.

Она сама не знала почему, но ей хотелось выяснить, чем заняты туранцы. Все, что происходило с ней после отъезда из города, казалось бессмысленным. Зачем она понадобилась магу для его колдовства? Зачем присоединились к ним туранские воины?

Она шла осторожно, стараясь не споткнуться о бесчисленные человеческие кости, белевшие в лунном свете. Она знала: это лишь бездыханные останки, но ей казалось, что они замышляют злое. Она шла вдоль курганов и вздрагивала при взгляде на вы-

сокие шесты, увенчанные человеческими черепами. Ей рисовалась страшная картина — призрачная орда всадников: каганы былых времен со своими задушенными наложницами и посаженными на кол конями...

И как будто в согласии с этими мыслями, она натолкнулась на деревянную раму, поддерживающую лошадиный скелет, как будто живущий своей загробной жизнью. Она ненароком задела кол, и конский череп ткнулся ей в лицо; а обернувшись, она увидела рядом другой череп, человеческий, в старомодном заржавевшем шлеме.

Она поспешила прочь от этих жутких стражей и подошла к кургану, который они охраняли, месту последнего успокоения Учи-Кагана прежних поколений. И тут она услышала шум туранского войска. Повсюду горели костры — жгли степные кустики и кизяки, собранные на окрестной равнине. Она слышала — Джеку говорил в своей ставке, что эти туранцы могут выжечь все пригодное топливо в округе за несколько дней.

Она обошла туранский лагерь, послушала их грубые песни... По пути она наткнулась на что-то валяющееся на земле и увидела, что это труп. На мертвеце была туранская одежда, и в боку его была глубокая рана. При лунном свете заметен был след от крови. Видно, туранцы не сочли своего товарища достойным погребения.

Она пыталась разобраться — где же в этом лагере командиры? Может, ей удастся услышать что-то полезное. Она не очень-то верила в магические силы Хондемира и надеялась добыть свидетельства, что все эти силы — обман. Тогда ей, может быть, удастся уговорить Джеку прервать это безумное путешествие и вернуться в город.

Она нашла наконец богато украшенный шатер поодаль от остальных. Она нашла святилище Митры — латунную чашу, в которой дымилось какое-то смолистое вещество. Рядом горел костер, и вокруг него сидело несколько человек. Все — туранцы, но, судя по одежде и обхождению, высокородные, не похожие на неотесанных силачей. Но и у них во взгляде и в манерах была резкость, необычная для изнеженной знати. Ведь эти люди были изгнанниками, хлебнувшими лиха.

— Еще недолго, друзья мои, — сказал один. Ишкала узнала в нем Буламба, военачальника, который приветствовал Хондемира, когда две колонны встретились. — Скоро кончатся тяжкие годы изгнания и мы вновь станем вождями, как нам подобает.

— Завидую твоей вере в колдовство, — ответил другой туранец. Борода его была выкрашена в малиновый цвет — отличительный признак поклонника Митры из северного Турана.

— А ты не веришь, Румал? — спросил его Буламб.

— Я верю в Господа Митру и в мое право быть властителем в Султанапаре. Колдун показал уже свою силу, когда поднял восстание против узурпатора Ездигерда. — При упоминании ненавистного имени все сплюнули. — Тогда, два года назад, нас разбили и мы бежали кто куда. Я иду за ним, потому что у нас нет другого претендента на престол, но слепо верить в него я не обязан.

— Ты мог бы быть потверже духом, — возразил Буламб. — Два года назад мы вынуждены были действовать, не подготовившись как следует. Перебежчики предали нас, и чары Хондемира не успели подействовать. Колдовство требует времени больше, чем военная кампания. Да вот кстати, разве не его чары спасли нас тогда от царского войска? Кто будет со мной спорить?

— Это правда, — сказал седой человек в дорогих доспехах. — Они бы накрыли нас между Джебайльскими горами и Озером Слез, если бы могучий волшебный дух не пронесся над их спящим войском. Ни один человек не смог встать на ноги утром, и две тысячи воинов умерли за десять дней. Это была жестокая магия, но именно она позволила нам уйти от погони.

— И с тех пор жить, как голодные бродяги, — буркнул краснобородый Румал.

— Это скоро кончится, — пообещал Буламб. — Здесь, в краю призраков и могущественных духов, наш господин сделал то, чего не устраивал ни один маг уже тысячи лет. С помощью этих чар мы получим подкрепление, о котором можно только мечтать, и с победой войдем в Аграпур! — Его черные глаза наполнились почти безумной, фанатической верой. — Мы вернем себе прекрасные города и плодородные земли, земли нашего народа, откуда нас изгнали. Наш господин Хондемир отдаст нам в руки тех, кто издевался над нами, кто пытал нас, и мы убьем их, мы сами будем пытать их, закуем их в цепи, как рабов, — что захотим, то и сделаем!

Тирада Буламба вызвала всеобщее оживление, и даже те из туранцев, кто, казалось, совсем пал духом, несколько воспряли. Раб поднес каждому туранского вина в украшенных жемчугом чашах.

Пока они вели между собой речи, полные алчности и жажды мести, Ишкала ускользнула.

Вот теперь у нее есть что сказать капитану Джеку! Каким-то образом — она не до конца понимала, как именно, — Хондемир собирается вернуть себе туранский престол. Какое это имеет отношение к осаде Согарии, она понять не могла, но одно она знала точно — в планы ее отца вовсе не входит ссориться с царем Ездигердом. Безумные планы Хондемира надо разрушить.

— Куда направляешься, милашка?

Ее сердце ушло в пятки: кто-то грубо схватил ее за руку. Она обернулась: это был уродливый, осповатый туранец. От него несло вином. Она потянулась, чтобы откинуть покрывало, и туранец плотоядно улыбнулся. А когда он увидел ее красоту, его косые глазенки округлились.

— Ну и ну! Я-то думал — кто-то шпионит у нас в лагере, я и поймаю, отличусь... А тут — такая добыча!

Он поволок ее к костру. На нее уставились десятки пьяных глаз, полных вожделения.

— Глядите, ребята, — сказал схвативший ее туранец, — чем я, Хазбал, поживился!

Он сорвал с нее темное покрывало, выставив на всеобщее обозрение ее побледневшие от страха прелести. На ней осталась лишь короткая рубашка из бледного полотна, в которой она спала.

— А ну отпустите меня, вы, туранские свиньи, — закричала она. — Я княжна Ишкала, и Красные Орлы от вас места мокрого не оставят...

Туранец захохотал, обнажив редкие гнилые зубы. Остальные подхватили его смех.

— Княжна, говоришь? Думаешь, для нас это много значит? Да плевали мы на то, кто твой папаша. Княжна так княжна, и с княжной позабавимся. Семь бед — один ответ!

Он вцепился в ее рубашку и разорвал ее от шеи до талии.

— А не жирно ли для такого, как ты, Хазбал? — спросил толстый бритоголовый туранец, поднимаясь на ноги. Пояс этого человека был перехвачен богатым кушаком, лицо и мускулистый торс изборождены шрамами. — Я беру ее себе, по праву командира.

— Вот как, Камчак? — оскалился Хазбал. — Думаешь, если я воюю в твоем отряде, ты и добычу мою можешь отнимать? Ладно, бери девчонку, но только после того, как я сам позабавлюсь.

Бритоголовый побагровел:

— Вздумал спорить со мной, ты, червяк? Да я тебя в порошок сотру!

Хазбал толкнул Ишкалу в толпу ухмыляющихся разбойников. В мгновение ока ее запястья и лодыжки стянули веревками.

— Попридержите свои сучки, пока я не разберусь с этим ублюдком! — крикнул им Хазбал, доставая из ножен заточенный обоюдоострый кинжал.

— Да уж, потанцуем-ка на пару, дружок, — ответил Камчак. — После таких упражнений еще приятнее будет заняться кое-чем повеселее. — Он достал точно такой же кинжал и ринулся на Хазбала, подпрыгивая на своих толстых голых ногах.

— Побереги-ка дыхание, немного тебе еще осталось, ты, мешок свиного сала! — закричал Хазбал и попытался ударить противника кинжалом.

Но Камчак, несмотря на тучность, был ловок и легко увернулся от удара, отклонившись назад. Затем он нанес ответный удар сбоку; он метил Хазбалу в глотку, но не попал и только отсек у противника мочку уха. Увидев кровь, он довольно улыбнулся:

— Первый настоящий удар — мой!

— Мой будет последним, — ответил Хазбал с такой же широкой улыбкой. Его кинжал, блеснув в пламени костра, прочертил в воздухе подобие буквы Х, заставив Камчака легко отклониться назад. Тем временем кинжал Хазбала с размаху вошел в его выставленное вперед бедро.

Из ноги брызнула кровь, но Камчак успел ответить: его клинок ударил в плечо атакующего врага и провел багровую черту до самого локтя.

Противники разошлись, чтобы перевязать раны и подготовиться к новой схватке. Зрителям явно доставлял удовольствие этот кровавый поединок двух мужчин за право первым обладать прекрасной пленницей.

Наконец улыбки исчезли с лиц бойцов. Они вновь схватились за кинжалы и стали кружиться друг вокруг друга, извиваясь, как хищные звери. Каждый хотел ударить первым. Они уже забыли о женщине, ими овладела другая страсть — страсть к убийству. Хазбал подкрался и замахнулся, целясь Камчаку в брюхо. Тот прикрылся левой рукой, но кинжал Хазбала обогнул ее и стал скользить к шее великана.

Но этот маневр не обманул Камчака. Кинжал Хазбала не успел достичь его глотки: он резко отклонился вправо, схватил врага за пояс и вонзил кинжал ему в живот, трижды для верности повернув лезвие. Лицо Хазбала исказила гримаса; Камчак вынул кинжал из раны — при этом раздался чавкающий звук — и рассек врагу шею за ухом. Хлынул фонтан крови; кровь попала в костер, где собралась в зловонное облачко.

Злобно ухмыляясь, Камчак отирал с клинка кровь поверженого врага и принимал поздравления товарищей, которые не без заискивания расхваливали его мастерство фехтовальщика и с преувеличенным восторгом похлопывали его по плечу.

Ишкала с ужасом смотрела на нависшую над ней великанскую тушу. Торс Камчака, влажный от пота и крови, зловеще блестел при свете костра. Правая рука, которой он только что отер свой меч, была красна от крови. Не обращая внимания на свое раненое бедро, он склонился над женщиной, полный вожделения.

— Начнем же, — прошептал он, разрывая жемчужный пояс Ишкалы и привлекая ее к себе.

Ее затошнило от его смрада, но она подавила позыв к рвоте и собрала дыхание для самого громкого в своей жизни крика. Кто-нибудь да услышит!

— Стойте!

Это произнес чей-то негромкий голос — и сразу наступила полная тишина. Даже на губах у Ишкалы замер крик. Хондемир вошел в освещенный костром круг, и самых заядлых головорезов охватила дрожь.

— Отпустите ее, — приказал он.

Воины, окружавшие Ишкалу, разошлись, оставив княжну наедине с насильником.

Она думала, что тот подчинится приказу Хондемира, но туранский командир явно не настроен был это делать. Он только что завоевал эту женщину в рукопашной схватке, что же ему отдавать ее какому-то чародею!

— Отпустить ее? — Голос Камчака поднялся до визга. Он дернул головой, обрызгав Ишкалу слюной и потом. — Я своими руками добыл эту женщину, Хондемир. Раздобудь себе своим колдовством что-нибудь другое или бери нож и сражайся за нее, как Хазбал! — Он что было мочи обхватил грудь Ишкалы, так что она чуть не задохнулась.

— Нож, говоришь? — спросил Хондемир. — Хорошо, будет тебе нож.

Маг поднял руку, и с его ногтей брызнули разноцветные лучи. Он быстро задвигал пальцами — Ишкала и думать не могла, что человеческие пальцы способны выделывать подобное. Зрелище было таким захватывающим, что она и не заметила, как ручищи, держащие ее, разжались.

Камчак застыл на месте; в его лице и телодвижениях чувствовалась слабость и неуверенность. Он потянулся к поясу, достал из ножен кинжал, поднял его и вдруг застыл. Ишкала подумала, что он собирается напасть на мага, и сама не знала, кому из этой парочки она скорее желает смерти. Но туранец смотрел на свой кинжал так, будто видел его впервые. А когда он занес руку с лезвием, его глаза расширились от ужаса, и Ишкала поняла, что тело этого человека больше не повинуется его воле. Странно медлительным движением Камчак развернул кинжал острием к себе и обеими руками обхватил рукоятку.

Колдун продолжал свои манипуляции; Ишкала увидела, как Камчак подносит лезвие к собственному животу и, с выражением безумия на потном лице, начинает вонзать его в свою плоть. Когда кинжал коснулся тела, он пронзительно взвизгнул и продолжал визжать, пока лезвие погружалось в его тело. Крови было

совсем мало — как от обычного пореза. Потом он повернул лезвие и стал вскрывать себе грудную клетку.

Кинжал скользил, и постепенно стало обнажаться месиво из крови и внутренностей. В какой-то момент нож наткнулся на грудную кость — и каким-то чудом двинулся дальше, к гортани. К тому времени, когда Камчак наконец свалился в костер, подняв столб искр и зловонного дыма, разрез достиг щёки.

Наступило молчание. Не слышно было ничего, кроме потрескивания костра. Все с ужасом смотрели на мага, боясь пошевелиться.

Хондемир стоял неподвижно, опустив руки, но глаза его все еще гневно блестели. Рядом с ним теперь стоял Буламб, привлеченный шумом.

— Что случилось, господин мой? — спросил он.

— Небольшое нарушение дисциплины, — ответил маг. — Надеюсь, больше таких прискорбных случаев не будет.

— Не допустим, господин мой, — уверил его Буламб.

— Княжна, — приказал Хондемир, — следуйте за мной.

Ишкала повиновалась: она только что видела, каково спорить с этим колдуном. Хладнокровный туранец подал ей покрывало, и княжна с магом пошли прочь от костра.

Они миновали лагерь и вышли к открытой площадке у земляного вала, где маг разбил свою палатку. Молча он вошел внутрь, и княжна кротко последовала за ним. Внутри палатка была обставлена на удивление богато: столики, накрытые прекрасными скатертями, ковры, украшения на стенах. Дымилась маленькая жаровня; несколько изящных бронзовых ламп освещали шатер. Здесь было много книг и пергаментов и несколько странных, тонкой работы инструментов из серебра, бронзы и хрусталя, инкрустированных жемчугом и золотом. Это, видно, и были колдовские приспособления Хондемира. Княжна с удовлетворением отметила, что здесь не было ни духов, ни призраков — никаких сверхъестественных явлений.

— Итак, княжна, что вы делали в туранском лагере поздней ночью? — Колдун глядел сурово, но Ишкала старалась не дать запугать себя.

— А почему мне здесь не быть? Я — принцесса королевской крови, и я не обязана объяснять свои действия никому, кроме моего отца. — Она надеялась, что ее надменность поможет скрыть страх.

Хондемир одарил ее насмешливой улыбкой:

— И все равно это была с вашей стороны чистейшей воды глупость. Этим людям до вашего сана нет никакого дела. Для вас это могло закончиться очень скверно. Нет уж, госпожа моя, не надо со мной играть высокомерную царственную особу. У ва-

шего странного поступка может быть лишь одно объяснение: вы шпионили за нами. Что же вы хотели выяснить в туранском лагере?

— Шпионила? Какой может быть шпионаж среди союзников? У таких друзей, как мы, Хондемир, не может быть друг от друга никаких секретов.

— Не испытывайте мое терпение, Ишкала, — ответил колдун. Он поднял руки, и его пальцы начали светиться.

— Я хотела узнать, что мы здесь собираемся делать, — поспешно сказала она. Конечно, это не было ответом на заданный вопрос. Она решила вернуться к прежнему, полному холодного достоинства тону. — Из разговоров ваших туранских бродяг я поняла, что вы собираетесь вернуть себе туранский престол. Я знаю, что моему отцу это неизвестно. Сейчас, когда город осажден гирканийцами, нам меньше всего нужна война с Тураном. Вы не должны использовать нас в своих безумных планах, маг, какую бы службу вы ни обещали нашему городу!

Хондемир повел холеной рукой:

— Разве я прошу у Согарии какой бы то ни было поддержки в моих притязаниях на туранский престол? Конечно же нет! Пожалуйста, княжна, успокойтесь, и мы обсудим это, если желаете. — Он наполнил кубок вином и подал ей, затем указал на лежащую на полу подушечку, приглашая ее садиться.

— Объясните же, — сказала она.

— Мой спор с узурпатором Ездигердом не разрешен, но я не прошу Согарию принять мою сторону в гражданской войне. Я — законный наследник туранского престола. Моя мать, княжна Конашахр, была первой женой короля Йилдиза Туранского. Через несколько месяцев после моего рождения разные политические соображения заставили его изгнать мою мать и взять новую жену, дочь северного сатрапа, в чьей поддержке он нуждался для защиты трона. Эта женщина — мать Ездигерда. Она не хотела, чтобы кто-то стоял между ее сыном и престолом, поэтому она приказала задушить мою мать, и меня тоже, хотя я был тогда всего лишь двухлетним ребенком. Знал ли об этом Йилдиз — не могу сказать. Он был человек слабовольный и легко поддавался на уговоры жен и советников. — Колдун заглянул в чашу, как бы читая в ее глубине свое грядущее. — Но меня не убили. Среди посланных на это дело был один дальний родич моей матери. Ее он спасти не сумел, но ему удалось убить своих сообщников прежде, чем они достигли детской. Он укрыл меня на родовых землях, в пустынях на севере Самары. Родственники вырастили меня; я изучил искусство Истинной Власти. А потом, в один прекрасный день, наша семья была обвинена в измене, родовые земли конфисковали, лучших юношей забрали на службу в части, пред-

назначенные для самоубийственных заданий в безнадежных войнах.

Когда Ездигерд взошел на трон, эти гонения продолжились, пока от всего рода не осталось несколько запуганных стариков, уединенно живущих в своих замках в пустынных местах... и меня. Я поклялся использовать темные искусства, которыми я овладел, чтобы вернуть себе трон, а нашему роду — достойное положение. Я сотру самую память об узурпаторе, лжецаре Ездигерде!

— Понятно, — сказала княжна. Она не могла поручиться за истинность только что выслушанной истории, как, впрочем, и безоговорочно отвергнуть ее. Она была достаточно умна и опытна, чтобы знать: стоит появиться новому царю на троне, как грибы из-под земли, появляются другие претенденты; и каждый из неудачливых царских сыновей и братьев готов поклясться в справедливости своих притязаний.

— Прекрасно. Таким образом, вы понимаете, что моя встреча с моими сторонниками не имеет ничего общего с тем, что я делаю на службе у вашего отца. Я лишь воспользовался случаем, чтобы провести в моих войсках кое-какие перемены, не привлекая внимания Ездигерда. Тем не менее наши силы удваиваются — если на нас, паче чаяния, кто-то нападет.

— Весьма мудро, Хондемир, и весьма предусмотрительно.

Ей не хотелось, чтобы эти слова прозвучали саркастически. Хондемир выглядел удовлетворенным, но поведение его было не слишком почтительным. Здесь есть о чем подумать... Похоже, магу попросту все равно, что она расскажет отцу. Не значит ли это, что она уже ничего не сможет рассказать? Ее охватила внезапная дрожь.

— Зачем я здесь вам нужна?

Маг провел рукой в воздухе, и на кончиках его пальцев на миг появилось радужное свечение.

— Просто... связующее звено, дорогая моя. Я работаю для вашего достопочтенного отца. Поскольку сам он не может присутствовать при главном таинстве, мне требуется... помощник, близкий ему по крови. Сыновья нужны ему при защите города. Остается его старшая дочь. Не бойтесь, дитя мое. Вы понадобитесь мне на короткое время, для одного недолгого, но важнейшего этапа таинства. А потом гирканийской угрозы больше не будет и вы сможете отправляться куда пожелаете.

Ишкала не уверена была, что слова мага не содержат если не прямой лжи, то по крайней мере второго смысла. Она могла поручиться в одном: ей грозила серьезная опасность.

— Ну и когда же, — спросила она, — это ритуал начнется? Мне не терпится вернуться домой.

— На пятую ночь, считая от сегодняшней, — сказал Хондемир, — выйдет луна, звезды займут нужное положение, и тогда можно начинать. И никаких хлопот с гирканийцами у вас больше не будет.

— Прекрасно, Хондемир, — произнесла она самым царственным тоном, на какой только была способна. — Жаль, что вы раньше мне все это не объяснили. Тогда можно было бы избежать всех недоразумений этой ночи...

— Недоразумений? — отозвался Хондемир, подняв брови. — Каких недоразумений?

Возвращаясь сквозь непроглядный мрак в свою палатку, Ишкала ясно чувствовала: опасность велика. Где-то сейчас Мансур? Как раз в этот момент сорвиголова был бы как нельзя кстати — при всей своей нерасчетливости...

Глава 12

Конан проснулся от резкого толчка — поводья киммериец намотал на руку, и когда лошадь сильно дернулась, что-то, видимо, почуяв, варвар тут же позабыл про сон. Он вскочил с земли и потянулся к рукоятке меча. Что напугало животное?

Как и предвидел Рустуф, песчаная буря помогла им уйти от погони гирканийцев, но при этом они потеряли друг друга. Когда ветер улегся, Конан не увидел ни воинов кагана, ни своих товарищей. Он провел несколько часов в тревожном сне, готовый при первом появлении гирканийцев подняться и вскочить в седло.

На востоке забрезжило, и в лучах рассвета Конан увидел одинокого всадника. Может, это Рустуф или Фауд, а может, отбившийся от отряда гирканиец? Конан решил дождаться этого человека. Если это враг, все равно от одного воина убегать нет смысла.

Когда всадник приблизился, Конан увидел, что незнакомец облачен в форменную одежду согарийского гонца. В глаза сразу бросились желтые перья и легкое вооружение.

Всадник выглядел удрученным; он печально ехал, опустив глаза, а тем временем его конь неторопливо ступал по высохшей земле.

Интересно, что парню здесь понадобилось?

— Привет! — гаркнул Конан, когда всадник подъехал поближе. Тот — как заметил киммериец, очень молодой человек — посмотрел на варвара с неподдельным изумлением.

— Кто ты? Неужели дикарь? — проговорил юноша.

— Самый лучший из всех, какие только бывают, — усмехнулся киммериец. — А что ты делаешь здесь, в чистом поле? Кому тут нужны твои срочные вести?

— Я не гонец. Я Мансур Альяша, поэт и герой. Я собственноручно убил двух гирканийцев — двумя ударами.

Так это тот сумасшедший поэт, о котором говорили вчера солдаты в таверне! Конан улыбнулся: всякий юнец после первой победы считает себя величайшим воином в мире. Вспыльчивый и самолюбивый мальчик, кажется, воспринял усмешку киммерийца как вызов.

— Вижу, ты мне не веришь. Не раздражай Мансура-великого, чужестранец. Меня учили лучшие согарийские фехтовальщики. Ты, конечно, из караванных охранников и считаешь себя воином, но не равняй себя с такими, как я.

Он грозно взглянул на Конана, но впечатление от этого взгляда несколько портил косо сидящий на голове юноши шлем.

— Нет, — ответил киммериец. — Я служил в десятке армий, во всех чинах — от копьеносца до капитана. Я командовал боевым флотом в Море Запада и на море Вилайет. Я воевал во всех странах к западу от Кхитая. И я убил, как-никак, побольше двух воинов, и парни эти совсем не плохо управлялись с мечом.

— Что ж тогда великий воитель делает среди степи на одной-единственной кобыле? — саркастически спросил Мансур.

— До сего дня я был командиром в орде Бартатуи, у гирканийцев. Произошло недоразумение, и мне пришлось бежать. В данный момент...

— Бартатуя! — воскликнул Мансур. — Ты служил проклятым кочевникам! Ни один враг Согарии не останется живым там, где появляюсь я, Мансур Альяша! — Юноша спешился и выхватил меч.

— Я больше не...

Но киммериец не успел закончить фразы, как юноша напал на него. Проворчав под нос отборное ругательство, Конан нехотя достал свой собственный меч. Чего ему сейчас не хватало — так это драться посреди голой степи с придурочным молокососом. В собственных силах варвар ни на мгновение не усомнился, но он по опыту знал — даже самого опытного и могучего воина может ранить какой-нибудь ретивый юнец, а в таком заброшенном месте и легкая рана нежелательна.

Мансур провел отвлекающий маневр, якобы намереваясь поразить врага в колено: он рассчитывал резко изменить направление и внезапно нанести удар в горло. Киммериец легко распознал этот прием: таким штучкам учат зингарские фехтовальщики, в расчете на кривые восточные мечи. Он шутя отбил атаку и с раз-

маху шлепнул паренька по голове ладонью. Мальчишка упал, шлем у него свалился.

— Первый урок, — назидательно проговорил киммериец, — никогда в открытом бою не стремись делать слишком длинных выпадов. Если промахнешься — не успеешь принять защитную стойку. Ты так далеко отставил колено, что я мог бы размозжить его рукоятью меча.

— Я запомню, — буркнул Мансур. Красный как рак, он поднялся с земли. — А теперь защищайся! — И юноша обрушил на ухмыляющегося варвара шквал ударов, так что Конану пришлось слегка потрудиться, чтобы отразить яростную атаку парнишки.

Юноша быстр и ловок — киммериец отметил это, однако ему еще очень далеко до могучего, искушенного в ратном деле варвара. Несколько раз за время поединка Конан без труда мог убить юношу, но почему-то ему не хотелось этого делать. Может быть, Конан вспомнил самого себя в ранней молодости... Впрочем, он и сам был отнюдь не стар. Киммериец исчислял свой возраст не количеством прожитых лет, а победами в битвах.

Мансур быстро выдохся. Он вновь попытался ударить Конана в коленную чашечку, сбить с ног и так закончить бой. Но не тут-то было. Конан резко отвел ногу, и меч юного согарийца проткнул лишь пустоту. Подавшись слишком сильно вперед, парнишка потерял равновесие, и киммериец несильным пинком отправил его на землю.

Согариец по-змеиному извернулся. Он был ослеплен болью, кровь текла по его лицу. Когда юноша утихомирился, Конан шагнул к нему и подобрал его меч. Затем он подошел к коню бедолаги поэта. Животное пощипывало жесткую, сухую траву и не обращало на киммерийца никакого внимания. Конан заметил притороченный к седлу кожаный бурдючок. Там оказалось желтое согарийское вино, разведенное водой. Славное питье для человека, дышавшего всю ночь степной пылью!

— Есть у тебя какая-нибудь еда? — спросил Конан. — Жрать хочется!

— Немного обжаренного зерна и сухих фруктов в седельной сумке, — промямлил Мансур. Теперь он сидел на земле, держась за голову. Она больше не кровоточила, но зато на ней вскочила огромная, как раз достойная героя шишка. Коснувшись ее рукой, Мансур вздрогнул от боли. — Где это ты выучился так драться?

Конан с удовольствием бросил в рот горсть зерна, смочил горло вином.

— Лучше, чем ничего, — проговорил он. Подойдя к Мансуру, все еще со страдальческим видом сидящему на земле, Конан протянул ему бурдюк: — Пей, полегчает.

Мансур сделал большой глоток.

— Да, как-то жить стало полегче... Ты куда направляешься, чужестранец?

— Вообще-то на запад, через Туран и дальше. Кочевники взяли меня в плен, и в конце концов я оказался в войске Бартатуи. Сейчас каган скорее всего собирается украсить моим скальпом свой штандарт. Так что самое время продолжить прерванное путешествие.

Мансур отпил еще вина.

— Я покинул мой город, — сказал он, — чтобы отыскать мою возлюбленную, княжну Ишкалу. Много дней назад ее увез из дворца туранский чародей Хондемир. В сопровождении эскорта из тысячи Красных Орлов движутся они в северо-западные степи по загадочному приказанию князя. Но я кожей чувствую, что что-то здесь не так. Нельзя верить этому колдуну. Я отыщу Ишкалу и увезу ее обратно в Согарию.

Хондемир... Это имя показалось Конану знакомым. Он помнил письмо, которое он переводил для Бартатуи. Царь Ездигерд настоятельно разыскивает этого колдуна, обвиняемого в измене и других преступлениях. А разве он не слышал это имя вчера ночью в разговорах советников согарийского князя? Конан не любил магов, но этот, видать, человек способный!

— И ты так вот и идешь по их следам?

— Нет, — ответил Мансур. — В бурю я потерял следы. Вообще-то найти след тысячи всадников — это и городскому школяру под силу. Но буря уничтожила большинство знаков, а я не охотник, чтобы отыскивать следы лошадей в густой траве.

— Поедем вместе, — сказал Конан. — Я бывал разведчиком и следопытом, и охотиться мне доводилось. Следы тысячи всадников я отыщу даже после бури.

— Замечательно! — воскликнул Мансур. — И поможешь мне отбить Ишкалу?

Конан немного подумал.

— Может быть... Скажу точно, когда сам во всем разберусь.

— Ее отец щедро наградит тебя! — сказал Мансур, забыв, что как раз отец-то и послал Ишкалу в Голодную Степь с магом.

— Я не собираюсь возвращаться в Согарию, — ответил Конан, — по многим причинам. Во-первых, я совсем недавно возглавлял вражеский рейд на согарийские земли. А я еще не встречал ни одного правителя, которому дочка была бы дороже крепости. Во-вторых, князю не понравится, что кто-то вмешивается в миссию этого мага, какова бы она ни была.

— Тогда зачем же ты берешься помочь мне? — спросил Мансур.

— Я кое-что слыхал об этом парне, Хондемире. Он враг короля Ездигерда. Возглавлял мятеж... Если я привезу его живьем в Туран или хотя бы его отрубленную башку, Ездигерд сменит гнев на милость и мы с ним потолкуем как два старых добрых приятеля.

— Для человека, у которого нет даже бурдюка вина и сумки с провизией, — заметил Мансур, — ты вращаешься в высоких сферах. Такие могущественные цари, как Бартатуя и Ездигерд, жаждут твоей крови. Немногие могут похвастаться подобным!

— Если бы только они... — невесело вздохнул Конан. — Ладно, не будем терять время. Ты готов?

— Думаю, да, — ответил Мансур, потирая ушибленную голову. — Но шлем я еще не скоро смогу надеть. Как бы то ни было — в путь. Сердце мое пребудет в печали, пока я не увижусь с Ишкалой.

— Желудок мой пребудет в печали, пока я не увижу в своей руке кусок чего-нибудь съедобного.

— Как же нам отыскать Хондемира и его эскорт? — гнул свое Мансур, проглотив грубую насмешку варвара.

— Прежде всего найдем ручей, — сказал Конан. — Тысяча лошадей выпивает довольно много воды, а ручьев в этой сухой степи немного. Там, где вода, — там и всадники.

Когда они двинулись в путь, уже совсем рассвело. Киммериец почти не отрывал взгляда от земли. Любому городскому лежебоке степь показалась бы безжизненной, но Конан знал, что это не так. Степь полна жизни. Здесь, конечно, нет буйного раздолья трав и густых зарослей кустарника, в которых можно укрыться от хищников. Однако степные звери гораздо меньше лесных и двигаются быстрее. Многие выползают из нор, только когда опускается непроглядная ночная темень. Но все они погибли бы без воды... Наметанный глаз варвара читал степную грамоту, как старый рыночный писец — каракули полуграмотного торговца, решившего отправить церемонное письмо далекой родне. Киммериец отлично знал: если на земле много следов диких животных, значит, ручей неподалеку.

Наконец Конан подал Мансуру знак. Оба натянули поводья. Норовистые лошади останавливаться не желали. Раздув ноздри, они рвались вперед, на северо-запад.

— Постой-ка, — пробормотал киммериец и потянулся за луком, висевшим у него справа за спиной.

— Что, враги? — встрепенулся Мансур.

— Лучше, — ухмыльнулся Конан. — Обед.

Юноша посмотрел в указанном направлении, но сначала так и не смог ничего разглядеть. Потом ему показалось, что на дальнем холме вроде бы движется какое-то темное пятнышко. Впечат-

ление такое, будто соринка в глаз попала или мелькнула перед взором качаемая ветром ветка дерева.

— Что это? — спросил Мансур. — Неужели животное? — Рот юноши непроизвольно наполнился слюной.

— Что-то вроде антилопы, — ответствовал Конан. — Наверное, целая семья отправилась на водопой. Потому-то наши лошади и не хотели останавливаться. Они чуяли воду. Я сам ощущал ее близость последнюю пару лиг. — Киммериец выбрал стрелу с широким оголовком — охотничью. — Жди здесь, — приказал он юноше.

И резко пустил лошадь быстрым галопом. Животное, почти обезумевшее от запаха воды, охотно повиновалось. Ближе к протоке трава стала гуще, и конские копыта ступали по ней почти бесшумно.

Выехав на пригорок, Конан увидел у ручья небольшое стадо низкорослых антилоп с ветвистыми рогами. Антилопы несколько мгновений стояли абсолютно неподвижно, словно охваченные столбняком, а потом припустили врассыпную.

Антилопы делали огромные прыжки, и уследить за ними было трудно. Но киммериец успел выбрать мишень в первое мгновение, когда животные еще стояли в замешательстве. Это был маленький жирный самец. Конан натянул лук в то мгновение, когда животное резко метнулось вправо. Когда варвар спустил тетиву, антилопа делала пятый по счету прыжок. Стрела точно угодила в цель, и раненое животное кувыркнулось на землю.

Подстреленный самец пару раз сильно дернулся и наконец затих. Конан опустил оружие и погладил меж ушей своего коня.

— Непростая была задачка, приятель, — с улыбкой проговорил киммериец, точно лошадь была внимательным слушателем. — Гаюк мог бы мной гордиться.

Когда несколько минут спустя появился Мансур, Конан уже свежевал антилопу.

— Здесь у воды кусты растут погуще, — бросил киммериец юноше. — Иди-ка наломай сухих веток для костра.

Час спустя они уже сидели у весело потрескивающего огня. Желудок Мансура громко урчал, когда ноздрей касался аромат готовящейся трапезы. Но в то же время юного поэта терзали угрызения совести.

— Не вижу в наших делах особого героизма, — бормотал Мансур. — Прохлаждаемся, вместо того чтобы искать следы Красных Орлов...

— Брось ворчать, парень! — спокойно заметил Конан. — Мы заморили бы коней, да и сами бы загнулись от голода. А здесь вдоволь травы и воды для лошадей. И нам нашлось чем заку-

сить. Теперь-то мы легко отыщем отряд. Они были здесь несколько дней назад. Примет предостаточно. Они, должно быть, шли вдоль этого ручья.

Мансур огляделся. Он-то никаких примет не видел...

— Правда?

Юноша заметно приободрился.

— Скоро все наши мечты сбудутся!

— Не радуйся раньше времени, — одернул Мансура киммериец Конан. — Вызволить твою даму сердца, если она окружена тысячью вооруженных людей, — нелегкая задача. Не говоря уже о чародее, у которого на девчонку совсем другие виды.

— Все равно, — не унывал Мансур, — ведь мы с тобою герои, разве найдется дело, что нам не по силам?

Конан пожал плечами и принялся снимать с деревянных шампуров готовые куски мяса.

— Не могу пока что разделить твое бодрое настроение, но, может быть, когда наемся...

Мансур засунул руку под одежду и достал свиток пергамента.

— Тебя надо подбодрить, Конан. Можно, я почитаю тебе героические стихи?

— Стихи? — Конан от неожиданности повторил последнее слово. Суровые песни своего племени киммериец впитал с молоком матери, но поэзия цивилизованных народов редко приходилась варвару по вкусу.

Мансур начал:

Тому, кто искусно владеет мечом,
Кому в этой жизни отрада —
Сражаться с жестоким врагом-палачом
Во славу родимого града,
Любые невзгоды ему нипочем
И ласки красавиц — награда.
На поясе меч, и колчан за плечом —
О будущем думать не надо...

На следующее утро они двинулись по следам Красных Орлов. Когда солнце уже стояло в зените, Конан спешился и, склонившись, стал пристально разглядывать ему одному понятные приметы. На лице киммерийца появилось выражение полнейшего замешательства.

— Что-нибудь случилось? — забеспокоился Мансур.

— Здесь они соединились с другим отрядом, примерно таким же по численности.

— Еще согарийцы? — спросил Мансур. — Или ты думаешь, что на них напали кочевники?

— Ни то ни другое. — Конан нахмурился. — Кони подкованы на туранский манер. У некоторых на поводьях пряжки, как у туранских наездников. И стычки никакой не было. Мирно соединились два отряда.

Он вновь вскочил в седло, и оба всадника проехали еще немного вперед. Потом киммериец опять попридержал коня и что-то тихо зашептал. Внимательный взгляд варвара отыскивал на земле какие-то особые знаки.

Юный же согариец мог различить лишь бессмысленное скопление еле заметных конских следов.

— Смотри-ка, — проговорил громко Конан. — Они не совсем соединились, две колонны продолжают ехать на расстоянии десяти шагов друг от друга. Это может означать, что у них хорошая дисциплина. А может — что они не совсем доверяют друг другу.

— Не понимаю, зачем согарийской кавалерии встречаться в таких диких местах с туранцами, — покачал головой Мансур.

— Здесь много непонятного, — ответил Конан. — Значит, надо действовать осторожно. Это не кавалерия Ездигерда, хотя некоторые лошади подкованы как в регулярных кавалерийских частях. Туранская кавалерия идет двумя колоннами, и высылают вперед по движению и на фланги охрану. А эти шли врассыпную, как придется. Среди них есть кавалеристы, но это, должно быть, дезертиры.

Два всадника продвигались по степи, естественно, быстрее, чем отряд тяжеловооруженных солдат, и вскоре зоркий киммериец наткнулся на свежий след. Дорога пошла понемногу вверх, и путешественники вскоре оказались среди невысоких холмов.

— Не нравится мне здесь что-то, — буркнул Конан.

Мансур огляделся. Все было как прежде, разве что дорога шла то на подъем, то вновь под уклон...

— Почему?

— Трава слишком жухлая... Кусты какие-то уродливые... — ответил киммериец. — И небо вроде бы не того цвета. Колдовством тут попахивает, вот что.

— Тогда у тебя нюх почувствительнее моего, — сказал Мансур. — Может, ваша первобытная впечатлительность способствует этому. И потом, вам чаще приходится воевать со всякими сверхъестественными противниками. И что ты думаешь — здесь впрямь стоящее колдовство?

— Должно быть, — кивнул Конан. — В конце концов, мы преследуем колдуна! Но я чувствую: дело в самом этом месте. Мне уже приходилось испытывать подобное. И это всегда случалось в зачарованных, странных местах. Где-то тут рядом — иные миры...

Мансур примолк, подавленный этой необычной для сурового варвара тирадой. Да, могучему киммерийскому воину довелось повидать такое, что другим и не снилось!

— Мир наш древен, — продолжал Конан, — куда древнее, чем в самых диких фантазиях могут представить себе завзятые мудрецы. Я бывал в непролазных джунглях Юга, и в снежных горах, и в бесплодных пустынях, где сохранилось кое-что от древних времен. В этих местах можно встретить постройки из странного зеленого камня — целые города. Я встречал племена — человеческие и получеловеческие, в других краях исчезнувшие еще до того, как поднялись к небу башни Ахерона и Атлантида блистала золотыми шпилями среди морских волн. Я был на острове, где бронзовые статуи живут подобием человеческой жизни.

До Мансура стало доходить, что Конан — совсем не тот тупой, грубый дикарь, которым он считал его. Теперь юноша слушал, раскрыв от удивления рот.

— Я слыхал от странствующих книгочеев, что мир окутан чародейством, словно гигантской сетью. А в каждой сети есть узлы, где нити пересекаются и сплетаются воедино. Бывают такие места, где соединяются несколько нитей... Ну, как оружейник, когда делает кольчугу, в несколько рядов кладет железные кольца. В таких местах колдовская сила страшно усиливается.

Кроме нашего есть еще и другие миры. Они далеки, как звезды. Но там, где переплетается много линий, они становятся ближе. Я чувствую, что мы приближаемся к такому месту. И оно недалеко.

— Храни нас Митра, — прошептал Мансур, глубоко содрогнувшись. — И храни он мою бедную Ишкалу, где бы она ни была.

Конан и Мансур спешились и ползком добрались до вершины холма. Лошадей они оставили на берегу ручья; береговой склон здесь был чуть выше человеческого роста. Они резко повернули к западу, и сейчас солнце садилось как раз у них за спиной — поэтому их труднее было заметить.

— Хорошо, что здесь холмистая местность, — сказал Конан. — На равнине они увидели бы нас за пол-лиги.

— Я всегда верил, — воскликнул Мансур, — что боги приходят на помощь к героям! — Он пытался ползти в траве так же ловко и бесшумно, как Конан, но в силах был только неуклюже извиваться, сдирая кожу на локтях и коленях.

— Тогда я, наверное, никудышный герой, — проворчал киммериец, — поскольку со мной бог всегда обходился круто. Ладно, хватит пустых разговоров. Мы на вершине холма. Не поднимай

головы! Зоркий человек разглядит нас здесь даже на фоне заката.

Они осторожно, стараясь не обнаружить себя, взглянули на то, что за холмом. Высокий земляной вал ограждал огромный, неправильной формы участок степи, сплошь покрытый курганами. Одни из них были выше, другие — поменьше, некоторые — воистину невероятных размеров. Внутри огороженного валом пространства располагались два разных военных лагеря. Один состоял из одинаковых, стоящих рядами палаток, посредине — шатер командира. Другой был беспорядочным скоплением палаток самых разных размеров и обличий — от сооружений из накинутых на колья старых плащей до изысканных складных домиков. Многие шатры лепились прямо на вершинах курганов. Над маленькими кострами вились дымки.

У входа в огороженный участок было устроено два загона для лошадей. Еще киммериец и Мансур заметили близ вала группу воинов в туранских одеждах. Солдаты пытались подстрелить диких гусей — птицы с началом лета перелетали на север, гусиный клин как раз появился в небе.

— Что это за место? — спросил Мансур.

— Могильники, — ответил Конан. — Здесь покоятся великие вожди былых времен. Подумай, сколько нужно труда, чтобы соорудить эдакое!

— Какой народ хоронит здесь своих мертвых?

— На многих курганах — гирканийские знаки. Должно быть, здесь лежат степные каганы.

— Но что здесь делает Хондемир? — удивился Мансур. — И зачем эти туранцы? Я погляжу, что между двумя отрядами особой любви не наблюдается. Красные Орлы разбили свой лагерь так далеко от туранцев, как только могли.

— Трудно сказать, — отозвался Конан. — Смотри-ка лучше, где разбил себе палатку этот маг... Вдалеке от всех. Судя по всему, он замышляет какое-то нешуточное колдовство. Ведь это такое — я говорил тебе — колдовское место. А туранцы... Хондемир участвовал в заговоре против Ездигерда. Может быть, туранцы — союзники чародея.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился Мансур. — И как мы узнаем, где они прячут Ишкалу?

— Сегодня вечером, попозже, — сказал Конан. — Я проберусь в лагерь и выясню все, что надо.

Мансур посмотрел на варвара, открыв от изумления рот:

— Прокрасться в лагерь? Здесь же две тысячи воинов, и все охраняют колдуна и Ишкалу. Да ты и впрямь бесстрашный! Мне придется идти с тобой, а то Ишкала подумает, что я уступаю тебе в храбрости.

— Мансур! — нахмурился Конан. — Две тысячи воинов — это не шутка, не говоря уж о таком могучем колдуне, как Хондемир. Но есть одна мысль, которая внушает мне гораздо больший страх.

— Что может испугать такого героя, как ты? — спросил Мансур.

— Я боюсь, что мне придется еще одну ночь напролет слушать твои стихи.

Глава 13

За день осадная башня поднялась выше городских стен. Отряды специально отобранных рабов трудились под палящими лучами солнца; но вот зазвенел медный гонг, и сверху обрушился град метательных снарядов. Для защиты строителей были подготовлены особые укрытия из кожи и других материалов, но вскоре эти жалкие сооружения превратились в ничто под непрерывным потоком камней, дротиков и стрел. Рабы так и полегли на месте — кто прямо на землю, кто в щебень, использовавшийся при строительстве как наполнитель между каменными глыбами. Стоял знойный день, и запах трупов мгновенно распространялся и в городе, и в лагере гирканийцев.

Бартатуя смотрел на происходящее с удовлетворением. Работы идут в точности по плану кхитайского инженера, и убыль рабов — в пределах намеченного. Если так пойдет, их должно хватить до конца строительства.

У него на глазах упавший с башни дротик сбил с ног раба. Покалеченный человек упал на груду тел, а на его место надзиратель, с головы до ног закованный в латы, сразу же поставил другого. Такие надзиратели со всех сторон окружали башню, и кроме доспехов их защищали широкие прямоугольные щиты, изготовленные рабами.

У основания башни стояло несколько конников — их целью было отстреливать рабов, которые попытаются сбежать со строительства. Эти воины сидели в седлах с натянутыми луками, жадно оглядывая местность. Выстрел по беглецу был желанным развлечением в скуке осадных будней.

— Не по душе мне такая война, — сказал вождь, сидевший на коне рядом с Бартатуей. Его смуглое, косоглазое лицо было изборождено шрамами. — Когда человек не может ездить верхом и стрелять по врагу, он не чувствует, что его предки рядом с ним. Так воевать, — он презрительно указал рукой на осадную башню, — это все равно что пахать землю!

— Но если мы хотим вести большие войны, — ответил Бартатуя, — придется и этому выучиться. Ничего! Вот когда возьмем этот город и поживимся всем, что там есть, — наши воины забудут, как скучали, осаждая его. В этом городе, — он указал на стены Согарии, — сокровищ побольше, чем все наши людн могут вообразить. Золото и жемчуг, шелка и пряности, и прекрасные женщины — все для тех, кто силен и смел, — иди и бери! Почему всем этим должны владеть городские заморыши, если у нас вдоволь сил, чтобы взять это?

На суровом лице второго вождя расцвела широкая улыбка. Вот такие речи гирканийцы понимали!

— Ага, каган, уж когда все это будет в наших руках, всю скуку как рукой снимет, это точно! И все же — принюхайся, какой запашок идет от башни, да и из города тоже? Это запах смерти. Если чума начнется в городе — это не наша забота, а если у нас в лагере? В открытой степи, где воздух и вода чистые, нам такие вещи не страшны. А здесь, среди этой вони, мы за половину луны потеряем половину наших людей!

Бартатуя озабоченно кивнул:

— Мудрые слова, друг мой! Сегодня ночью я пошлю рабов, чтобы они облили тела убитых маслом и подожгли. Так мы расчистим себе место для работы, а весь дым уйдет в город. Если там начнется мор, мы узнаем об этом — они будут перекидывать трупы через стены. Если это будет действительно страшная зараза... — Он подумал несколько мгновений, потом пожал плечами: — Что ж, придется сжечь город. Это лучше, чем дать чуме распространиться среди нас. После пожара уцелеет еще немало золота. И потом будут еще другие города.

Узкие глаза второго воина блеснули.

— Нет нужды в таких крайних мерах, Учи-Каган. Позволь рассказать о том, как поступил мой достопочтенный прадед, когда брал город Хонг-Ну, в северном Кхитае. Дела шли примерно так же, как здесь, и в конце концов в городе начался мор. Конечно, никому из города не позволяли подойти к гирканийским силам — ни мужчине, ни женщине, немедленно стреляли.

Через некоторое время старейшины города запросили мира. Мой предок приказал жителям немедленно покинуть город и унести своих мертвых с собой. Они прошли пол-лиги; там их окружили конные лучники. Потом он послал рабов в город, посмотреть, не остался ли там кто живой или мертвый. Потом этих рабов послали туда же, где находились горожане. И всех их расстреляли из луков с безопасного расстояния. Потом орда прождала полную луну, пока утварь и вода не перестанут нести в себе заразу, и войско чума так и не затронула. Разве это не умный выход из положения?

Бартатуя от души расхохотался и похлопал собрата-кагана по плечу:

— Если бы все мои друзья давали столь же разумные советы! Вот так точно мы и поступим, если дело дойдет до мора!

Его сердце радостно билось. Совет был хорош, но особенно хорошо было обращение. Этот человек назвал его Учи-Каганом — верховным вождем! Впервые один из его сподвижников называл его так, и сподвижник этот был самым сильным из каганов Востока. Выходит, его признали величайшим военачальником всех гирканийцев! Конечно, должно пройти еще некоторое время, прежде чем они поймут, что и в мирное время он должен быть их верховным владыкой. Прежде, правда, такого не бывало. У них и понятия такого нет — верховный царь. Значит, появится. Уже появляется. Он посмотрел на осадную башню и улыбнулся. Предвечное Небо дало им понять, что он, Бартатуя, — его возлюбленный сын!

Кхитайский мастер подъехал к ним верхом на верблюде. Лошадь кагана фыркнула, испугавшись зловонного животного, но он удержал ее, натянув поводья. Кхитаец был всего лишь инженером, но он был ценным человеком, и Бартатуя подумывал уже создать под его началом особый корпус инженеров и мастеров земляных работ для будущих войн.

— Приветствую тебя, каган, — воскликнул кхитаец.

— Приветствую тебя, Сун Цзи. Осадная башня строится в срок, как ты обещал. Я доволен.

— Вся моя жизнь — к услугам моего кагана, — ответил кхитаец. В устах кого-то другого эти слова звучали бы раболепно, но кхитаец даже в это мгновение выглядел высокомерным. Цветистая учтивость была лишь привычкой, свойственной его племени.

Но кагану не было дела до того, смирно или важно ведет себя его слуга, — лишь бы дело было!

На мгновение он с грустью вспомнил Конана. Он бы сделал из него такого воина, которому, кроме самого Бартатуи, не было бы равных в мире. Этот Конан стал бы генералом, главнокомандующим, правителем царства. Может быть, даже его, Бартатуи, другом. Почему же он позволил себе такое — напасть на женщину кагана? Другое прегрешение он бы ему простил — почти всякое. Но это...

— Сейчас работа пошла хорошо, каган, — продолжил Сун Цзи, — у рабов, тех, что уцелели, уже есть опыт, и за ночь мы могли бы хорошо продвинуться, если у нас будет освещение. Это позволит ускорить первый штурм города.

Бартатуя взглянул на горы трупов по обеим сторонам осадной башни:

— Хорошо, мастер, будет тебе свету столько, что хватит всей вашей команде.

Его косоглазый спутник залился хохотом.

Костер из трупов бросал кровавый отблеск на стены Согарии. Облако зловонного черного дыма поднималось над осадной башней, рассыпая темно-красные искры. Прекрасный город ныне походил на ад, как его описывают некоторые философы и религиозные секты.

Бартатуя и его приближенные любовались на это зрелище, стоя близ главного шатра. Многие пили вино из золотых кубков и из вражьих черепов. И защитники Согарии тоже глядели на рабов-каменщиков и землекопов, освещенных пламенем горящих трупов, стоя на крепостных стенах и посылая бесполезные проклятия грозному врагу.

— Эта осада обессмертит твое имя, Учи-Каган! — воскликнул татуированный военачальник рода будини.

— Зрелище неплохое, — заметил Бартатуя, — но я хочу прославить себя делами еще более славными. Когда другие города узнают про участь Согарии, они будут посговорчивее.

— Куда мы дальше, Учи-Каган? — спросил вождь герулов. Зеленая змея, вытатуированная у него на лице, загадочно мерцала в багровом свете костра.

Бартатуя молча улыбнулся. Его люди уже мечтают о новых походах!

— Мои планы я пока сохраню при себе, мой друг, — сказал он. — Но это будет скоро. Долго мы здесь не задержимся. Только возьмем свою добычу. Рабы доставят трофеи в место, которое выберу, в глубине степи, у большого озера. Там я построю столицу, которой свет еще не видел. Воины всех гирканийских племен смогут приходить туда и наслаждаться всем, что с боем взято в дальних походах, плодами всех стран мира!

Все одобрительным гулом встретили эту новую идею вождя. Бартатуя знал — все они сейчас у него в руках. Они пойдут за ним в огонь и воду, его воля для них — закон.

— Моя столица, — продолжал он, — будет не просто торговым городом для всяких земледельцев и пастухов, купцов и ремесленников. Нет! Это будет место, куда весь мир привезет свою дань великому племени воинов, величайшему под Предвечным Небом. А кроме воинов, не будет в этом городе никого. Разве что немного рабов, лучших в мире, у которых будет только одна забота — услужить получше своим хозяевам, гирканийцам.

Одобрительный гул перерос в дикие крики восторга. Гирканийские вожди уже заранее любовались чудесным миром, порожденным фантазией их верховного предводителя. Сейчас они

вправду поверили, что вскоре станут хозяевами мира и что их Учи-Каган, Бартатуя, приведет их к этой победе.

— К столу, друзья мои, — прибавил каган. — Нас ждет пир, а впереди — многие годы пиров, побед и славы.

С радостным шумом они вошли в шатер. Рабы наполнили их блюда, налили в чаши вина и сейчас покорно стояли у стен, ожидая приказаний. Скоро весь мир будет так же смиренно служить им! Простые гирканийские воины станут вождями, вожди — царями, а Учи-Каган — богом.

С такими веселыми мыслями поднял Бартатуя свой кубок — череп в золоченой оправе. И, поднося его к устам, он чувствовал, что держит судьбу мира в своей деснице.

И вдруг в шатре наступило молчание. Бартатуя поднял глаза. Маленькая птица летала у свода шатра. Гости перешептывались, гадая, что таится в этом знамении. Бартатуя нахмурился — нелепый случай грозит разрушить его триумф!

Птица на вид была обычным голубем, но, подлетев к месту, где сидел Бартатуя, она замерла и стала вращаться на месте, как колибри. Внезапно птица стала менять свое обличье. Воины нахмурились и схватились за оружие. Другие потянулись к амулетам и стали шептать оградительные заклинания.

Бартатуя спокойно тянул вино из черепа. Над ним выросла человеческая фигура. Это был мужчина в странной формы плаще, в тюрбане, с раздвоенной бородой. Внутри фантома Бартатуя мог сейчас различить очертания дрожащей птицы.

— Каган гирканийской орды, Бартатуя из племени ашкузов, — произнес гулкий голос, — знай, что я — великий маг, Хондемир из Турана. Ныне я занял твой Город Курганов с большим конным отрядом. Если ты хочешь спасти священные гробницы твоих предков, иди и прими бой с нами, или мы сровняем их с землей. Если ты не веришь мне, смотри, что принесла птица. Иди и сражайся с нами, или навсегда будешь заклеймен как трус и святотатец!

При этих словах фантом стал рассеиваться и птица упала мертвой на стол перед каганом. Военачальники встали на ноги и начали возбужденно переговариваться. Особенно смущены были те, кто происходил из рода ашкузов.

— Каган, — прошептал ашкузский предводитель, — что это может значить? Неужто эта нечистая тварь и впрямь заняла священные земли наших предков?

Бартатуя поднял руку, и все затихли.

— Я знаю кое-что об этом Хондемире. Это бродяга, который разыскивается царем Ездигердом Туранским за измену. Без сомнения, он нашел приют в Согарии. Это хитрость, чтобы спасти город. Колдун знает, что лишь одно может заставить нас снять

осаду — нападение на наши святые места. Это пустая угроза, ничего больше.

— Однако, — ответил вождь герулов, — конная колонна покинула город перед началом осады. Они пошли на север; все знаки говорят об этом. И они не вернулись.

Бартатуя держался все так же невозмутимо, но в глубине души он был встревожен. Он посмотрел на птицу, лежащую перед ним. Он медленно снял и раскрыл футляр с посланием, прикрепленный к лапе голубя. Лучше бы сделать это в одиночестве, но сейчас он не сможет уединиться от своих соратников, не вызывая подозрений. Внутри был лист пергамента. Каган развернул его. Пергамент был самый дорогой и тонкий, какой только бывает. Он был почти прозрачен и так тонок, что лист длиной в четыре человеческие ладони поместился в крохотном футляре, привязанном к голубиной ноге.

Заглянув в пергамент, Бартатуя побледнел.

— Это правда, — сказал он наконец. — Это карта пути, по которому колдун шел в Город Курганов. Здесь даже отмечено местоположение самых больших гробниц, чтобы мы знали наверняка, что он был там.

В шатре началась неразбериха.

— Что будем делать, каган? — наперебой кричали все. От Бартатуи не ускользнуло, что титул «Учи» куда-то исчез.

— Осаду придется снять, — сказал он. — Произошло нечто ужасное, и это сейчас важнее всего. Прикажите седлать коней и скакать немедленно. У нас будет время вернуться и снова осадить город, когда мы убедимся, что предкам ничто не угрожает.

— Но моя башня! — воскликнул кхитаец. — Они же разберут ее за это время. А когда мы вернемся, у нас уже не будет достаточно рабов, чтобы сложить новую.

— Эй, — отозвался покрытый зеленой татуировкой герул. — Моим людям это не понравится. Они несли в этой войне потери, а теперь их лишают добычи, потому что вы идете спасать свое священное место. Так не пройдет!

На глазах Бартатуи рушился союз, стоивший стольких сил. Рушилось его положение Учи-Кагана. Если он хотел спасти свою грядущую империю, он должен был показать силу, и сделать это прежде, чем вожди уйдут из его шатра.

— А ну молчите! — взревел он. Все замолкли, и он продолжил негромким голосом: — Думаете, это всего лишь случайная заминка на пути к всемирному владычеству? Наши предки испытывают нас, они хотят убедиться в нашей верности! Они хотят знать, что ради наших возлюбленных мертвых мы готовы отказаться от всего на свете, и мы должны доказать им это.

Согария — всего лишь один город. Я дам вам целый мир! Как-то этот колдун Хондемир узнал наше единственное уязвимое место: что мы готовы отказаться от любых целей, прервать любое дело, чтобы защитить места упокоения наших возлюбленных предков. Больше подобное не повторится. Когда мы начинали эту осаду, я собирался поступить с согарийцами мягко — пощадить тех, кто сдастся на нашу милость, будет платить дань и признает меня своим правителем, но теперь все будет иначе. — Он взглянул на вождей, которые сидели молча, подавленные и потрясенные его страстным напором. — Я клянусь духами предков и Предвечным Небом, что когда мы возьмем Согарию, всех, кто останется в живых, — мужчин, женщин, детей, — всех босиком, через степь, погоним к Курганам. Там они восстановят разрушенные курганы и построят новые для тех, кто погиб в этой войне. А потом они будут распяты там же, в Голодной Степи, прямо на Курганах Спящих, и их души будут охранять наших мертвых во веки веков. Так весь мир узнает о том, что бывает с осквернившими священные места гирканийского племени.

Он был доволен тем мрачным весельем, которое вызвали его слова у слушателей. Он сумел повернуть их негодование против Хондемира, Согарии и негирканийского мира в целом. Его путь к мировому господству все еще был открыт.

— А теперь идите к своим воинам и прикажите седлать коней. Мы отправляемся через час!

Когда вожди покинули шатер, наложница кагана выскользнула из укрытия за троном, где она, как обычно, с ведома повелителя слушала его беседу со сподвижниками.

— Дела плохи, господин мой, — сказала Лакшми. — Если бы не твой быстрый разум и смелая речь, наши планы могли бы превратиться в руины.

— Да уж, — мрачно ответил он, — чуть до этого не дошло. Как этот колдун узнал наши погребальные обычаи? Как нашел он дорогу в Город Курганов? — Каган снял с колышка доспехи и стал надевать их.

— Этот туранец — большой чародей, — ответила Лакшми. — Кто утаит секрет от такого, как он? Может, ему сказали духи воздуха, что летают повсюду над степью, видят все, что под небом. Спроси своих шаманов.

Бартатуя криво улыбнулся:

— Жаль, конечно, что киммериец ушел от наказания, но даже бегством своим он сослужил мне услугу. Он и два его дружка перебили половину этих пустозвонов. А спрашивать их о настоящем колдуне — это все равно что у шакала допытываться о льве.

— А как ты справишься с этим чародеем, когда мы доберемся до Города Курганов? — спросила она, стараясь увести разговор от ночи бегства Конана. Она жила в постоянном страхе, что кто-то из выживших шаманов проболтается и выдаст ее роль в ночном таинстве. Она подумала, как бы отравить их всех разом.

— Не знаю, — сказал он. — Его боевые силы можно в расчет не принимать, хотя, если Город Курганов и впрямь у него в руках, он может многое натворить.

— Что именно? — спросила она. Она-то хорошо знала ответ. Но нельзя, чтобы у Бартатуи возникло хоть малейшее подозрение, что она как-то связана с Хондемиром.

— Не важно, — ответил каган. — Мы перебьем этих чужестранцев, чего бы это нам ни стоило. А теперь приготовься. Предстоит тяжелый путь. Сейчас мне не до твоей белоснежной кожи.

— Не думай о таких мелочах, господин мой, — ответила она. — У меня одна забота — чтобы ты сохранил свое положение как Учи-Каган гирканийских орд.

Собираясь в дорогу, Лакшми чувствовала удовлетворение: она была удачливой заговорщицей, все ее усилия приносили плоды. Лишь одна мысль нарушала ее спокойствие: что поделывает киммериец?

Глава 14

Мансур зачарованно и недоуменно смотрел, как Конан готовится к ночной вылазке. Киммериец запас несколько головешек от костра и теперь соскребал с них сажу — тончайший черный порошок. Сажу эту он смешал с растопленным жиром антилопы и полученное вещество размазал по лицу, рукам и торсу.

— Уж не думаешь ли ты, что я тоже буду мазаться этим отвратительным месивом, — сказал Мансур, морщась.

— Если хочешь идти со мной в лагерь, парень, — придется! — ответил Конан. — По крайней мере, есть надежда, что нас не накроют. Надо действовать незаметно, как пикты. А грязь... Грязь вода с песком отмоет за пару минут. Раны лечить дольше, а смерть — это вообще навсегда. К тому же у тебя почти не будет оружия — только меч и кинжал. Смотри, чтобы они не гремели.

Не без содрогания Мансур начал размазывать мерзкую грязь по лицу и рукам. К его изумлению, ощущение было не таким уж отвратительным. Он даже почувствовал, будто принимает участие в каком-то древнем воинском ритуале, в цивилизованных

странах давно забытом. Юноша посмотрел в маленькое зеркальце и улыбнулся: белые зубы блеснули на перепачканной физиономии. Он на самом деле почувствовал прилив ярости.

Конан поймал его взгляд и предупредил разошедшегося юнца:

— Не думай, что сумеешь с ними справиться и умыкнуть свою Ишкалу у них из-под самого носа. Пока нам нужно просто выяснить, что к чему. А вот когда выясним, сколько у них сил, каковы их планы и хорошо ли ладят друг с другом два лагеря, — вот тогда и решим, что делать.

Мансур был разочарован, хотя понимал: Конан знает, что говорит. И все-таки он продолжал мечтать о том, как вырвет Ишкалу из лап врага, прикончит колдуна, с боем пробьется из лагеря, а там — бешеная гонка по степи, не разбирая дороги. Он даже начал слагать длинную эпическую поэму, прославляющую великий подвиг.

Они пустились в путь, как только стемнело. Забравшись на вал, Конан дал команду остановиться.

— Подождем здесь, пока они не напьются. Они сейчас пируют — слышишь, какой там шум, — объяснил киммериец.

— Почему мы здесь, на туранской стороне? — спросил Мансур. — Ведь Ишкала сейчас почти наверняка в лагере Красных Орлов.

— Она нам пока не нужна, — ответил Конан. — Она сейчас более или менее в безопасности среди своих согарийцев. А вот колдун, конечно же, с туранцами. Кроме того, Красные Орлы выставили часовых, а те свое дело знают туго. Скоро большая часть туранцев перепьется и уснет. Колдуны творят свои заклинания в основном по ночам. Это самое подходящее время, чтобы нагрянуть к магу в гости.

— Прекрасно, — вздохнул Мансур, — но у меня больше нет сил терпеть...

— Терпение — это качество, которое должен воспитывать в себе каждый воин, — посоветовал киммериец, — чрезмерная жажда битвы погубила больше солдат, нежели трусость.

Мансур уже устал от занудных поучений варвара.

— Истинные подвиги совершаются по вдохновению, а не по расчету! — воскликнул он.

— Учись у меня, — ухмыльнулся киммериец, — может, проживешь подольше. Я за свои знания заплатил высокую цену. Раны, цепи и рабство — вот чего стоила мне учеба. Если поумеришь пыл — сложишь больше стихов для своих земляков.

Ворча, Мансур все же присел, прислонившись спиной к поросшей травой насыпи. Снизу доносился шум пиршества — грубая брань вперемежку с разнузданным хохотом. Юноша прикрыл глаза.

Согарийский поэт-герой проснулся, почувствовав, как сильная рука варвара трясет его за плечо.

— Проспишь, величайший из воинов, — услышал он насмешливый голос киммерийца, — пора спускаться. Держись поближе ко мне и не произноси ни звука, что бы ты ни увидел. Если понадобится кого-нибудь убить, предоставь это мне. Я могу это сделать тихо. Держи меч в ножнах и не вытаскивай его, пока я не достану свой. А теперь пошли.

Мансур вновь подивился осторожности Конана. Варвар двигался через вражеский лагерь быстро, беззвучно ступая босыми ногами. И еще у него была сверхъестественная способность обходить препятствия в темноте. Мансур никогда раньше не думал, что такая змеиная ловкость, умение бесшумно двигаться тоже входит в число неотъемлемых качеств настоящего воина. Ему казалось, что эти качества приличествуют дикарям, живущим в каких-то далеких, забытых богами дебрях. Но каким бы варваром ни был этот Конан, он знает и умеет многое!

Мансур всегда считал, что, кроме храбрости, воину надо только как следует выучиться владеть мечом, копьем, пикой и скакать верхом. Но теперь до него стало доходить, что рядом с этим варваром все воины мира — просто жалкие любители. Он рад был, что ему тоже удается ступать бесшумно. Хотя туранцы у костров слишком увлечены своей пьяной болтовней, чтобы вглядываться в окружающую их темноту.

Да и чего им было бояться? Они посреди пустой степи, никаких врагов на сотни лиг. Любого, кто бы ни приблизился, они бы заметили издали, и у них было бы время подготовиться к встрече. К тому же они расслабились от еды и вина. Некоторые из них напились до бесчувствия; другие забавлялись игрой на музыкальных инструментах. В ночи слышался свист флейт, барабанный бой, бренчание струн.

Конан остановился шагах в десяти от самого большого шатра и подал Мансуру рукой знак — лечь ничком на землю. Мансур подполз к киммерийцу; тот прошептал:

— Делай, как я.

Конан снял пояс с мечом и закинул ножны за спину. Кинжал он заткнул за кожаный браслет на левой руке. Теперь оружие не мешало ему, и он пополз к шатру. Мансур последовал за ним, и, что его особенно порадовало, ему удавалось двигаться так же ловко, как Конану.

Из шатра слышались неразборчивые голоса. Конан протянул руку и просунул пальцы под стенку шатра. Осторожно, по дюйму, он стал приподнимать ткань. Желтый свет из открывшейся внизу щели осветил вымазанные черным лица киммерийца и согарийского поэта.

В шатре сидело на подушках несколько человек. Теперь их разговор стал прекрасно слышен.

— Господин мой Хондемир, — донесся чей-то голос, — мы хотели бы знать ваши планы. Наши люди день ото дня все больше ссорятся друг с другом, и, если мы их чем-нибудь не займем, боюсь, что войско вконец разложится. Да и согарийцы беспокоятся. Княжна Ишкала что-то уж слишком часто беседует с капитаном Джеку. Они, кажется, подумывают о том, чтобы разобрать шатры и возвращаться в свой осажденный город.

— Будь спокоен, Буламб, — раздался в ответ другой голос, принадлежащий, видимо, самому Хондемиру, — еще день, и все изменится. Завтра еще до заката наши люди перестанут маяться бездельем. А согарийцы раздумают возвращаться. Дело в том, что завтра эти курганы окружит гирканийская орда, по силе превосходящая нас раз в сорок.

Послышались испуганные возгласы, но тот, кого звали Буламб, резко одернул собравшихся:

— Послушаем, что хочет сказать наш повелитель!

— Друзья мои, в чем сила гирканийцев? Я вам скажу. В их непревзойденном искусстве верховой езды, в легкости на подъем и — в прекрасной стрельбе из лука. Что они без этого? Просто толпа грязных, суеверных, немытых дикарей. В степи они всегда были хозяевами, но никогда прежде им не удавалось объединиться, чтобы идти походом на оседлые народы.

И все это потому, что вожди их так же тупы и лишены воображения, как последний бродячий кочевник. Если они нападают на города и деревни, то лишь затем, чтобы пограбить и захватить рабов. Когда им случается занять кусок земли, они не обрабатывают его, а вырезают жителей и превращают пашни и виноградники в пастбища для своих коз. В руках настоящего завоевателя такая орда была бы полезным орудием...

— Но я слышал, что их каган, Бартатуя, отнюдь не безмозглый тупица.

— Может, и так, — подтвердил Хондемир, — кажется, он очень способен, по крайней мере для гирканийца. Но у меня припасено кое-что, о чем он и не подозревает: у меня доверительные отношения с его наложницей!

После короткой тишины заговорил тот, кого звали Румал:

— Господин мой, меня радует, что вы так хорошо устроились в изгнании, но я не вижу, как...

— Да избавит меня Митра от таких олухов! — воскликнул Хондемир, враз утратив хладнокровие. — Да какое мне дело до ее прелестей! Для того чтобы приобрести над противником магическую власть, надо подобраться к нему поближе, а кто может быть ближе его любовницы?

Конан и Мансур разглядели сквозь щель ноги колдуна. Он расхаживал по шатру, объясняя приближенным свои планы — те, в которые он считал нужным их посвятить.

— Когда гирканийская орда подойдет к Курганам Спящих, наложница кагана перебежит сюда и присоединится ко мне. Она принесет то, что даст мне власть над гирканийским царьком.

— Все это прекрасно, — послышался голос, принадлежащий пожилому человеку, — но как же мы тем временем совладаем с гирканийской ордой? Сорок к одному — это и в обычных условиях не подарок. Но здесь, без крыши над головой и городских стен, — это самоубийство. Земляной вал долго не выдержит, и наши воины погибнут под стрелами прежде, чем начнется настоящий штурм.

— Я выбрал это место, — ответил Хондемир, — не потому, что здесь удобнее колдовать. Я уже говорил вам, как примитивны и суеверны эти степные кочевники. Это место окружено всевозможными табу. Согласно их варварской религии, ни один гирканиец не вправе скакать верхом в пределах Курганов. Более того, никому из них не дозволяется пускать стрелы в сторону священного места. Ну что, вы все еще их боитесь?

Присутствующие еще некоторое время обдумывали услышанное.

— Может быть, — вымолвил один, — мы сможем некоторое время сдерживать их, пеших и без луков. Наши собственные лучники их правилам не подчиняются, а летучая кавалерия настигнет кочевников, с какой бы стороны они ни подошли. Сколько времени это должно продолжаться?

— Очень недолго, — сказал Хондемир, — я не собираюсь проливать много крови. Я вызову великие Силы, и если наложница принесет мне то, что обещала, тогда душа Бартатуи будет в моей полной власти. Он, как марионетка, станет выполнять все, что я пожелаю. Меня дикари не послушаются — ведь я не из их племени. Но они будут повиноваться Бартатуе, а им буду управлять я. После похода на торговые города они собираются захватить Кхитай. Кто знает, по силам ли кагану одолеть эту обширную страну... Но он может завоевать Туран, и вот туда-то я и прикажу ему направить свою орду.

Колдун помолчал, чтобы удостовериться, что его слова произвели должное впечатление. Не услышав возражений, он закончил:

— Вот в этом и заключается мой план. Мы дадим кочевникам завоевать для нас Туран, они будут проливать кровь, а мы пожнем плоды их победы. Когда я буду на троне, а Ездигерд в цепях, я прикажу Бартатуе увести свою орду в Кхитай или Вендию,

а может, в Черные Королевства к югу от Стигии — не все ли равно? Свое дело они уже сделают, Туран будет в наших руках.

Теперь послышались громкие крики одобрения. Казалось, присутствующие пришли в восторг от закрученной колдуном интриги.

— Смелый план, мой господин, — сказал Румал, — но только смелые люди могут завладеть волшебными силами и применить их. А что же княжна? Она-то здесь зачем? Да еще с охраной?

— Ну, это пустяки, — объяснил Хондемир, — чтобы вызвать Силы, я должен совершить жертвоприношение. По сложным и не очень понятным причинам, связанным с историей и генеалогией, особенно полезно бывает принести в жертву царскую или княжескую дочь. А охрану я попросил для того, чтобы приумножить наши ряды и подчеркнуть важность своей миссии. Красные Орлы примут на себя главный удар степняков. Пока я не подчиню Бартатую своей воле, согарийцы понесут основные потери, а наше войско мы сможем уберечь.

При упоминании о судьбе, уготованной Ишкале, Мансур чуть не вскочил на ноги и не бросился в шатер с мечом наголо. Но тут что-то тяжелое онустилось юноше на затылок и удерживало его до тех пор, пока он не уткнулся лицом в траву. Когда он затих, Конан убрал свою пятерню и дал сигнал уходить прочь от шатра.

— Ишкала! — исступленно шептал Мансур по дороге. — Мы должны пойти в лагерь согарийцев и предупредить ее, немедленно! Нет, надо увести ее!

— Увести? — переспросил Конан. — Ну-ну. Она окружена толпой стражников.

— Тогда по крайней мере расскажем Красным Орлам, что их ждет. Их же точно так же, как Ишкалу, еобираются принести в жертву безумным фантазиям Хондемира!

Конан склонился к нему:

— Тише, идиот! Перебудишь всю их банду! Мне плевать на Красных Орлов, и твоей княжне я не присягал. Еще несколько дней назад я командовал набегами против Согарии. Твой князь сдерет с меня кожу на городской площади, даже если я спасу всю его семью из шатра самого кагана. Ты что думаешь, для него дети важнее подвластных земель?

— Неправда, киммериец! — с жаром возразил Мансур. — Нас встретят в Согарии как освободителей.

— Зато как нас поблагодарят туранцы! И потом, допустим даже, что тебе удастся убедить командира Красных Орлов вернуться вместе с Ишкалой в Согарию, — что дальше? Они столкнутся в открытой степи с гирканийской ордой, и от них за несколько минут мокрого места не оставят!

— Тогда давай убьем Хондемира, — предложил обезумевший от отчаяния Мансур.

— Ага, ты уже начинаешь соображать, — отозвался Конан. — Я сам об этом подумывал, когда шел сюда. Но тут есть одна незадача. Скоро нагрянут гирканийцы. В магию этого Хондемира я не особо верю, но без нее лагерь уж точно долго не продержится, даже если степняки будут пешие и без луков. Стоит прикончить колдуна, и среди туранцев, которые уже знают о приближении гирканийского войска, начнется паника. Ребята кинутся отсюда в открытую степь, а там их без труда перебьют.

— А нам какое дело до туранских висельников? — огрызнулся Мансур. — Пусть себе подохнут!

— И твою Ишкалу будет защищать от верной смерти только горстка Красных Орлов. Я уже видел, что бывает, когда тяжелая кавалерия из больших городов встречается даже с маленьким отрядом гирканийских конных лучников. А против такой орды... Они им даже развлечения не доставят.

— Я не отдам свою любимую на этот гнусный дьявольский обряд! — воскликнул Мансур, пытаясь схватиться за меч. Он с минуту ощупывал свой пояс, пока не вспомнил, что меч висит за спиной. Он неуклюже потянулся за ним, но так и не смог извлечь и в конце концов стал отвязывать ножны.

— Тише, — Конан поднял руку. — Кто-то идет. — Киммериец закинул руку за плечо и достал клинок так же легко и быстро, будто он висел у него на бедре. Мансур мысленно поклялся, что, если останется жив, непременно овладеет и этим приемом. Наконец, подвесив меч на прежнее место, юноша извлек оружие из ножен и встал, насторожившись.

К ним приближались мерцающие огни факелов.

— Я слышал их где-то здесь! — вещал грубый мужской голос. — Они говорили шепотом на чужом наречии.

— Может, согарийские шпионы, — ответствовал другой. — Припрем-ка этих глупцов к насыпи, а потом поджарим на медленном огне. Это будет хорошая забава. Огонь быстро язык развязывает.

Когда факелы приблизились, стало видно, что туранцы идут тремя отрядами. Сейчас они смыкались, чтобы загнать добычу к земляному валу — подальше от согарийского лагеря. Мансур ожидал, что Конан бросится в темноту, но тот стоял на месте.

— Не пора ли нам уходить?

— Ты же хотел стать героем, а? — усмехнулся Конан. — Так ты думаешь, что с этими сопляками ты справишься лучше, чем со мной?

Варвар продолжал удивлять Мансура.

— Не сомневаюсь, — ответил он.

— Хорошо. Тогда давай прикончим нескольких, прежде чем уходить. Это невежливо — явиться в гости и ничего не оставить на память.

Мансур понятия не имел, почему это его товарищу, такому осторожному, вдруг захотелось подраться. Но ему-то только это и нужно было! Сердце юноши пылало от предельных отчаяния и гнева. Со свирепым ликованием он поднял меч. Наконец-то он сразится с врагом! Те двое, которых он убил по пути из Согарии, не в счет. Да и слишком быстро это произошло, чтобы доставить настоящее удовольствие. А этот бой будет поувлекательнее.

Один факел приходился на трех-четырех человек. Лишь подойдя вплотную к Конану и Мансуру, воины сообразили, что лазутчики, которых они ищут, — прямо перед ними.

— О Митра! — выдохнул одноглазый в зеленой безрукавке. — Кто эти чернокожие кушиты?

Тот, кто держал факел, подался вперед и, издевательски прищурившись, вгляделся в черные лица:

— Думаю, это дикарь с Севера и мальчишка. Может, мазать физиономию черной краской — это новая восточная мода. Скоро мы все будем так ходить.

— Скоро вам вообще ничего не понадобится! — гаркнул Конан по-турански. — Но если вам так приспичило узнать, кто я такой, спросите кого-нибудь из ваших дезертиров. Может, они слышали про Конана из Киммерии.

Те, к кому он обращался, переглянулись и пожали плечами.

— Здесь нет дезертиров, — подал голос еще один воин с факелом, — мы — честные разбойники, а ведет нас великий Хондемир.

— Мы зря теряем время, — перебил одноглазый. — Хватайте наглеца и тащите к костру побольше. А то чересчур уж много шпионов шляется по лагерю.

Коренастый туранец угрожающе замахнулся на Конана увесистой, шипастой булавой. Но меч киммерийца описал широкую дугу так быстро, что туранец так ничего и не успел разглядеть. Конан разрубил его от плеча до пояса. Отклонив клинок чуть в сторону, могучий варвар как бы ненароком вспорол живот другому противнику. В мгновение ока тихий уголок лагеря превратился в кошмарное кровавое побоище.

Мансур сразу же кинулся в самую гущу свалки. Его противник достаточно ловко отбил два выпада, прежде чем меч юного поэта полоснул его по горлу. Разбойник свалился на землю, судорожно хватая ртом воздух и обливаясь кровью. Еще два туранца, орудуя кривыми саблями, потеснили Мансура, и ему пришлось уйти в глухую защиту.

Конан стряхнул с меча ошметки вывороченных кишок и тут же с разворота раскроил череп подскочившему бандиту. На мгновение киммериец отвлекся, чтобы коротким тычком могучего кулака сбить с ног подбиравшегося сзади туранца. Потом он ринулся на помощь Мансуру. Юноша с трудом отбивался от двух дюжих головорезов. Завидев несущегося берсерка-северянина, туранцы на миг прекратили бой. Потом, как по команде, что есть мочи пустились наутек. Другим воякам тоже не хватило духу продолжать схватку, и они спешно ретировались, надеясь вернуться с подкреплением.

Конан обернулся к Мансуру — как раз вовремя. Юноша пронзил мечом последнего противника. Мансур с восторгом окинул взглядом поле боя, должно быть уже сочиняя стихи о собственных подвигах.

— Пошли! — коротко бросил Конан.

Мансур посмотрел на него отсутствующим взглядом, как будто в изумлении. Но когда послышался шум пробуждающегося лагеря, взгляд его прояснился.

Конан и Мансур побежали к земляному валу. Их преследователи потеряли след, ослепленные собственными факелами. Тем временем киммериец и его товарищ взбежали по поросшему травой склону вала и остановились наверху. Мансур разглядел широкую улыбку на перепачканном лице варвара.

— Пусть это послужит тебе уроком, — объяснил тот, — если преследуешь человека в темноте, оставайся в темноте сам, не то ничего не увидишь. Люди берут с собой факелы не потому, что огонь помогает в поисках, а потому, что с ними они чувствуют себя увереннее.

— Я запомню, — кивнул Мансур.

Они сбежали по дальнему склону и направились к своим скакунам.

Враги вслед не кинулись, однако наверху вала можно было различить цепочку воинов с поднятыми факелами.

— Стоило ли рисковать? — переведя дыхание, спросил Мансур. — Почему тебе вздумалось с ними подраться? Мы же не так сильно подчистили их ряды!

— У них в лагере и так много секретов и двурушничества, — пояснил Конан, — а Хондемиру кажется, что он всем этим управляет. Я и подумал: не грех будет подсунуть ему нечто новенькое и загадочное. Это подорвет его самоуверенность и посеет сомнения среди его людей.

— И только ради этого ты готов был драться при таких невыгодных условиях? — восхищенно спросил Мансур.

— Почему невыгодных? — пожал широченными плечами Конан, счищая с меча кровь.

С первыми лучами солнца капитан Джеку уже сидел перед своим шатром. Слуга протянул ему чашку горячего травяного чая, и командир Красных Орлов как раз делал первый глоток, когда со стороны туранского лагеря показалась процессия. Во главе ее шествовал сам Хондемир, а следом топали Буламб и Румал. Остальные были младшими командирами туранского войска. Вид у них был не слишком дружелюбный, можно даже сказать — враждебный.

— Приветствую вас, господин Хондемир, — произнес Джеку. — Выпейте чаю. Я надеюсь, вы пришли сказать мне, что уже раскинули свои чары и мы можем покинуть это мрачное место.

— Вы хорошо знаете, что я пришел не для этого, — холодно ответил колдун. — Шестеро моих людей погибли прошлой ночью от рук шпионов из вашего лагеря.

— Да неужели? — усмехнулся в усы Джеку. — Только я не посылал никаких шпионов. Это неблагородно. Ваши люди просто подрались между собой, по своему обыкновению, и кого-то убили. А чтобы избежать наказания, состряпали байку о моих шпионах. — Тут он покосился на кончик собственного длинного носа. — Если у вас предусмотрены какие-то наказания за драки. Послушайте моего совета, вздерните парочку — остальным будет хороший урок. И сделайте милость, не беспокойте меня рассказами о проделках вашей шайки дезертиров и беглых каторжников.

— Это были шпионы, — настаивал Хондемир, — и явились они от вас. А откуда еще? Из голой степи, где и дорог-то нет? Один из них назвался Конаном из Киммерии.

Джеку иронически хмыкнул:

— Всего двое? Они прикончили шестерых ваших людей и ушли невредимыми? Понятно, почему вы думаете, что это наши люди. Судя по всему, эти парни — настоящие воины. — Лицо капитана вмиг стало серьезным, и он пристально посмотрел на туранцев. — Киммерия! Страна из сказок, которые рассказывают бродячие песенники! Ни один чужеземец сроду не служил у Красных Орлов, да и согарийцев мы берем не всех без разбору. А теперь, — капитан позабыл про учтивость и перешел на «ты», — убирайся со своими нелепыми обвинениями к своим туранским подонкам. И разбирайся поживее со своей магией. Все! Я потерял терпение! Завтра на рассвете Красные Орлы уходят, а уж ты со своим сбродом сам решай — присоединяться к нам или нет.

Человек по имени Буламб сделал шаг вперед:

— Ни один чужеземный напыщенный осел не смеет так разговаривать с нашим владыкой! — Он взялся за рукоять кинжала.

— Что-что? Владыкой? — Джеку поднял руку. — Оглянитесь, собаки.

Туранцы оглянулись и увидели по крайней мере сорок согарийских гвардейцев с луками на изготовку: тетива натянута, оперение стрелы касается уха.

— Если я опущу руку, — сказал Джеку, — вас изрешетят стрелами. Мои люди это умеют. Можешь опробовать свои чары, колдун, но я что-то не слышал о такой магии, которая действовала бы быстрее, чем летящая стрела.

— Ты нас не убьешь, — спокойно отозвался Хондемир, — ни ты, ни твои люди, ни ваши стрелы. И вы не уйдете отсюда завтра на рассвете.

— У меня устала рука, колдун, а чай остывает. Не испытывай мое терпение.

Нахмурившись, Хондемир повернулся на каблуках и зашагал прочь. Когда процессия отошла на достаточное расстояние, гвардейцы Джеку опустили луки и положили стрелы обратно в колчаны.

На лицах согарийцев читалось легкое разочарование.

Капитан, вновь улыбаясь, прихлебывал крепкий травяной настой. Он был уверен, что колдун — мошенник. Джеку мог со спокойной совестью возвращаться в Согарию и доложить, что князя надули и что тот, кого считали великим волшебником, на самом деле — обыкновенный заговорщик, один из множества претендентов на трон Турана...

Он приступил к составлению рапорта. Конечно, нужно будет изложить все подипломатичнее, чтобы не вышло, что князь, поверивший Хондемиру, — полный идиот. Вину свалить на какого-нибудь советника рангом пониже или придворного. В общем, трудновато придется...

— Он лжет, господин мой, — прошипел Буламб, когда компания туранцев вернулась к своим шатрам. — Лазутчики приходили из согарийского лагеря! Давай придем с большими силами и заставим этих гнусных чужестранцев выдать убийц!

— Они всего лишь бесполезные отбросы, — добавил Румал. — Но терпеть от них обиды невыносимо. Мы не можем позволить этим жителям ничтожного городишки считать, что они могут безнаказанно угрожать величайшему в мире властителю!

— Нет, друзья мои, — сказал Хондемир, — с этим наглым псом мы не сегодня завтра разберемся. А сейчас не время вносить раскол в войско. Еще до рассвета здесь будут гирканийцы. Нам остается только проглотить обиду и подумать об отмщении — когда придет срок. — Он обернулся к Буламбу: — А этот, как его, Конан из Киммерии... Ты справлялся о нем у солдат?

— Да, ваше величество. Кое-кто говорит, что они уже слышали это имя, но никто его раньше не встречал. Кажется, несколько

лет назад в войске вашего незабвенного батюшки был офицер, которого так звали. Потом произошел какой-то скандал, и он как-то столкнулся с узурпатором Ездигердом. — Тут все подчеркнуто сплюнули.

— А мне тут один сказал, — вступил в разговор рыжебородый Румал, — что это имя можно найти в ежегодном списке лиц, находящихся в розыске. Он сказал, что запомнил его из-за размеров обещанного вознаграждения: тысячу золотых и производство на следующую должность по службе.

— Что же этому злодею здесь понадобилось? — вслух подумал Хондемир. — Может, он поступил на службу к согарийцам, чтобы избежать гнева узурпатора. Неважно. Мы хорошенько проверим Красных Орлов — когда в них больше не будет нужды, и тогда найдем его. И дружка его тоже. А сейчас нам есть о чем подумать.

— Но люди недовольны, — заметил один из командиров. — Им не нравится, когда союзники приходят и убивают их.

— Ну и что, — презрительно процедил Хондемир, — каждую ночь в потасовках их гибнет больше.

— Но это чужестранцы, — возразил другой командир.

— Довольно! — рявкнул Хондемир, рубанув воздух рукой. — Надо заняться подготовкой к обороне лагеря. Сейчас собираемся в главном шатре.

— Ну и что теперь? — спросил Мансур у киммерийца. — Кажется, все спокойно. Что будем делать?

Они сидели рядом на холме, глядя сверху на Курганы Спящих.

Солнце светило в спину, так что они могли особенно не опасаться, что их заметят. А если враг подойдет сзади, они издалека услышат его по стуку копыт и успеют спрятаться.

— Ничего, — ответил Конан. — Отдыхать. Скоро появится гирканийская орда — тогда станет не до отдыха.

— Гирканийцы, — произнес Мансур. При этом слове кровь стыла у него в жилах. — А что мы будем делать, когда они появятся?

— Поиграем с ними в кошки-мышки. Авось повезет. Мы окажемся между молотом и наковальней: попадем к гирканийцам — нас немедленно убьют, к туранцам — то же самое. Но я постараюсь добиться аудиенции у Бартатуи. Если получится, еще можно выиграть.

Киммериец поднялся и смахнул прилипшие к одежде соломинки.

— Ты освободишь свою княжну, а я раздобуду голову Хондемира, чтобы оправдаться перед Ездигердом. Все это зависит от

того, смогу ли я побеседовать с Бартатуей прежде, чем его опять одурачит проклятая шлюха.

— Мы ввязались в большую игру, а ставка — жизнь, — заметил Мансур.

— Это и значит — быть настоящим героем, — отозвался Конан.

Глава 15

Гирканийское войско неслось по степи, как грозовая туча по небу, окутывая тьмой все на своем пути. Штандарты с конскими хвостами дрожали на ветру. Был слышен лишь стук копыт да редкие отрывистые выкрики командиров, отдающих приказы своим десяткам, полусотням, сотням, полутысячам и тысячам.

Кочевники останавливались, только чтобы напоить коней. Спали прямо в седлах, передавая поводья товарищу. Все, кроме коней, одежды и оружия, степняки оставили на попечение рабов. Шатры, боевые трофеи и прочее добро — все это доставят следом, на вьючных животных. Всего за два дня добралось войско от Согарии до Курганов Спящих.

Вперед вышли шаманы. Они трясли своими костяшками и били в бубны, моля у предков, богов и Предвечного Неба погибели для врагов и милости для гирканийского войска. Они громко завывали, некоторые кружились в диком танце, потрясая амулетами. С того времени как Конан с приятелями пустил шаманам кровь, ряды безумных шарлатанов вновь успели пополниться.

Воины молча смотрели на шаманские ритуалы. Дело предстояло серьезное, и они не веселились, как перед обычной битвой. Здесь не будет ни добычи, ни особой славы — только бы очистить святое место и страшно отомстить врагам-святотатцам.

Перед войском и пляшущими шаманами стоял одинокий скакун — крепкий быстроногий жеребец. Бартатуя вышел вперед и одним махом оседлал жеребца. На лице кагана застыла маска лютой ярости.

Он надел шипастый шлем кхитайской работы, по краям отороченный роскошным черным мехом. Потом взглянул на Курганы, и воины с боевыми криками и поднятыми штандартами поскакали к валу.

Рядом с Бартатуей ехало еще несколько вождей. В их глазах сверкала такая же ярость, как и у предводителя орды.

— У них там два разных войска, Учи-Каган, — сообщил тысячник-ашкуз. — Смотри, они стоят поодаль друг от друга. Те, кто одеты получше, — это согарийские Красные Орлы. Остальные —

какой-то сброд. Видно, присоединились к Орлам совсем недавно. Туранцы, если я правильно разобрал их значки.

— Они и есть, — кивнул Бартатуя. — Хондемир сам оттуда родом. Только больше он своей родины не увидит. Интересно, — обернулся он к подчиненным, — что они здесь делают?

— Какая разница? — пожал плечами вождь восточных степняков, тот, что давал советы на случай мора. — Всех перебьем! Их дело умрет вместе с ними, что бы они ни задумали.

— Хорошо бы все же выяснить, — сказал Бартатуя, — потому что, не ровен час, когда-нибудь в будущем другие люди задумают что-то в таком же духе. Второй раз скакать сюда мне недосуг. Нет уж, оставим кого-нибудь в живых и выпытаем.

— Только не Хондемира! — воскликнул каган будини, трогая амулет на шее. — Проклятие умирающего колдуна пострашнее обычных чар. Его надо убить быстро.

— Ну так и быть по сему, — согласился Бартатуя, — хотя мне будет жаль, если Хондемир умрет быстро и легко.

— Ничего, мы им еще припомним, — ощерился вождь с востока. — Будет день — мы возьмем и Туран. Тут-то мы покараем туранцев за подлость их сородичей!

— И согарийцев тоже, — прибавил вождь герулов. — Подумать только — поганая нога согарийского воина коснулась гирканийских святынь! Хорошо, что курганы нашего племени далеко в северных степях, их не так-то просто отыскать.

— Да уж, — откликнулся Бартатуя, — Согария заплатит... Я обещал. Город сровняем с землей, на его месте будут пастись овцы. Никто не уцелеет — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок. Камни сбросим обратно в каменоломни и засыпем землей. Сады вырубим. Поля зарастут травой. Через много лет чужестранец спросит: «Где же та Согария, о которой поют в песнях?» — и никто не сможет показать ему места.

Остальные одобрительно загудели. Это была настоящая месть, как понимали ее гирканийцы.

— Когда атакуем, Учи-Каган? — спросил вождь с Востока. Он прищурясь посмотрел на солнце. — Еще не поздно...

— Нет! — ответил Бартатуя. — Мы не успеем подготовить воинов. Здесь будет битва, к которой они не приучены. Многие ли из нас в своей жизни сражались на мечах и пиках в пешем строю?

— Ну так нападем ночью, — сказал каган герулов. — У нас будет несколько часов, чтобы отдать нужные приказы. В темноте согарийцы и туранцы не смогут использовать свое преимущество в рукопашном бою.

— Нет уж! — воскликнул каган будини. Он решительно покачал головой, так что его каштановые косы откинулись назад. — Только не ночью! Иначе мы, будини, с вами не пойдем. Если

воин убит ночью и у него нет коня, его душа не сможет добраться до плодородных лунных пастбищ. Если зрящая во тьме конская душа не пронесет душу всадника через бездны, она так и сгинет во мраке! Сражайтесь днем, если рассчитываете на будини.

Бартатуя сжал зубы — он решил ничего не говорить до срока. «Вот опять, — думал он, — союз племен рушится из-за несходства обычаев, из-за воспоминаний о старинных распрях».

— Атаковать будем днем, — проговорил он в конце концов. — За ночь люди и кони отдохнут, а мы успеем обдумать план битвы.

— Но лошади нам в бою не понадобятся! — возразил герул.

«Вот это, — подумал Бартатуя, — самое тяжелое в участи Учи-Кагана. Надо уметь приспосабливаться к чужому способу мыслить. Недостаточно самому продумать поход или битву. Нет, придется объяснять очевидные вещи тем, чья служба сейчас нужна».

— Эти люди, — сказал он, — сейчас смотрят на нас так же, как мы на них. Они видят наше численное превосходство. В любой миг они могут пуститься в бегство. Наши кони скакали два дня и две ночи без отдыха, а у них лошади — свежие, выгулявшиеся на могилах наших предков. — Бартатуя сурово посмотрел на своих полководцев. — Если они попытаются уйти, сегодня или будущей ночью, им придется прорываться через наш строй. На усталых лошадях мы их можем не догнать, лучше пустить в ход стрелы. Помните — эти люди знают путь к Курганам Спящих. Ни один враг, ни один! — не должен уйти живым и унести с собой тайну.

— Ясно! — хором ответили вожди.

Гирканийские воины разбивали маленькую палатку — только такой шатер удалось взять с собой в стремительной скачке от стен Согарии. Хозяйка шатра, закутанная в черный плащ, стояла рядом.

Лакшми ступала неловко, каждый шаг давался ей с трудом. Никогда еще ей не приходилось скакать сорок восемь часов подряд. Тело превратилось в комок боли. Такое ощущение, что ее долго били прутьями и пытали на дыбе. Нежная кожа на бедрах и ягодицах теперь стала сплошной ноющей ссадиной.

Пожалуй, месяца притираний и освежающих ванн не хватит, чтобы восстановить былую красоту! Но не это беспокоило сейчас Лакшми. Она долго ждала этой минуты, долго готовилась к ней. Теперь ловко заверченная интрига должна принести ощутимые плоды. В ближайшие часы все решится...

Предстоит самое сложное. Конечно, измученное тело молило об отдыхе, но времени на отдых нет. Там, на Курганах, скрывает-

ся Хондемир. Надо встретиться с ним, узнать, далеко ли он продвинулся в своем колдовстве. От этого зависят ее действия в ближайшие несколько часов.

Притязания Лакшми были просты и одновременно необъятны. Ей хотелось править миром! Она могла бы вершить это через Хондемира или через Бартатую. Учи-Каган, казалось бы, обладал всем необходимым: дикий воин, мечтающий покорить вселенную и обладающий для того достаточной волей и даром правителя. И средство для битвы у него подходящее — лучшие конники и стрелки в гирканийской степи. А главное — необузданная любовь к прекрасной наложнице делала кагана послушным орудием в умелых руках.

Но опыт подсказывал Лакшми: власть над таким мужчиной уменьшится, как только начнет увядать красота. Вендийке нужен был союзник, который поможет укрепить влияние на Учи-Кагана, и союзником этим был Хондемир. Колдун силой своей магии хочет получить власть над Бартатуей, а сам он во власти Лакшми — такой же беззащитный перед ее красотой, как сам каган. Она не должна порывать с колдуном, пока не выведает все его секреты. А уж там карты будут у нее в руках. Сделав Учи-Кагана и Хондемира своими рабами, она станет через них управлять всем миром. Она не будет зависеть от своей красоты, которая всегда была для нее лишь орудием. Красота — вещь преходящая, ее ценят только слабодушные глупцы. Власть — единственная стоящая вещь, и Лакшми собиралась собрать в своих руках всю власть, какая только есть в мире.

Когда палатка была готова, хозяйка вошла внутрь — поесть и подготовиться к ночной прогулке. Она была слишком опытна, чтобы ставить все на одну карту. Если колдун потерпит поражение, она должна остаться любовницей Бартатуи. Появится другой колдун, и он откроет ей тайну вечной власти над душой царя. К тому времени она будет женой величайшего правителя вселенной, и ей придется защищать свое положение от соперниц помоложе.

В шатре было жарко, и Лакшми вынула из-под своего черного плаща защитные подушечки. В дороге они отчасти спасали кожу, но сейчас стало уж слишком жарко. Лакшми позвала слуг — на большинстве из них были лишь набедренные повязки и дорожные сандалии.

Красотка потребовала воды. Слуги принесли от источника несколько кожаных бурдюков и закрытую флягу. Вода, конечно, тепловатая и мутная, но здесь, в глухой степи, даже такая — величайшая роскошь. Умываясь, Лакшми обдумывала свои действия на ближайшую ночь: во-первых, выпытать у Бартатуи планы атаки Курганов; во-вторых, когда совсем стемнеет, надо по-

пытаться встретиться с Хондемиром. Дальше планы строить нельзя — все зависит от того, что скажет колдун.

Закончив свой походный туалет, Лакшми отерла лицо шелковым полотенцем и надела легкую одежду. Жемчужными нитями она не опоясалась — во время ночного визита к Курганам они могут наделать слишком много шума. Под набедренную повязку женщина спрятала кинжал в тонких бронзовых ножнах. По краям лезвие было тупым, зато острие отточено, как игла, и смазано змеиным ядом из Кхитая. Однажды, для пробы, Лакшми кольнула им верблюда. Животное умерло в считанные минуты. Таких орудий у хитрой красотки было предостаточно; они возмещали ее относительную физическую слабость.

Навестив все кланы и племена, объяснив им расстановку сил в завтрашней битве, Бартатуя прошел в шатер к своей возлюбленной. Лакшми разложила перед ним скудное походное угощение — лепешки, сыр и сушеные фрукты.

— Как ни печально, господин мой, — вымолвила она, — это все, что я могу тебе предложить. Конечно же, это не трапеза, достойная Учи-Кагана, будущего правителя мира.

Он сел рядом с любимой наложницей, восхищаясь, как всегда, ее неземной красотой, на которой как бы и не сказался долгий и тяжелый путь.

— Неважно. Я всегда делил все тяготы со своими людьми. А сейчас показать им, что я — один из них, что я не пользуюсь особыми привилегиями, когда предстоит настоящая битва. Мне это не в тягость. Когда я объединял племена в единый народ, единое войско, мне доводилось целые дни проводить без пищи. Степь — хозяин суровый и беспощадный. Кто не сумеет приспособиться к ней, долго не протянет. Завоюем чужие земли — все, что создали другие, будет нашим, а пока надо терпеть. Это отличная школа, и она хорошо нас закалила.

— Но ведь это будет нетрудная битва, да? — спросила Лакшми. — Что может горстка воинов против величайшего войска в мире?

— В каком-нибудь другом месте — ничего, — сказал Учи-Каган. — Будь это обыкновенная битва, мы забросали бы этих шакалов стрелами и вдоволь посмеялись бы. Но старые законы запрещают нам стрелять возле святилища. Придется оставить коней и луки и биться пешими. А у многих моих людей даже щитов нет, и меч для них — только орудие, чтобы добить убегающего врага, если жалко стрелы. Латы у нас легкие, а у некоторых племен и вовсе никаких нет. У согарийцев же — отличные стальные кольчуги. И у туранцев тоже. — Учи-Каган покачал головой. — Нет, мы, конечно, победим. Иначе быть не мо-

жет — нас больше, и наш боевой дух выше, ведь мы защищаем могилы предков. Но цена! Мы никогда не были многочисленным народом, как другие. Наша сила не в числе, а в скорости и в искусной стрельбе из лука. В этой стычке — лучше сказать, в этой битве — погибнет много, много отменных стрелков, которые были бы бесценны в настоящей войне. И при этом мы не завоюем ни пяди земли! Так нелепо, так бесполезно, и все из-за этого проклятого колдуна!

— Ну, — заметила Лакшми, — тебе нечего бояться, если ты сохранишь свое положение среди гирканийского народа. В конце концов, твои воины возьмут себе жен и наложниц в завоеванных племенах. Они народят множество сильных сыновей взамен тех, что полягут здесь. Господин мой станет единственным правителем под Предвечным Небом. Ни один колдун не сможет это оспорить. Это испытание, которое послали тебе боги, дабы ты показал свое боевое искусство всему миру. — Она наполнила вином и подала кагану его любимый череп-кубок. — Как же ты собираешься действовать?

— Вал, — сказал Бартатуя, — это не крепостные стены. Можно атаковать в одном месте, а можно — сразу по всему фронту. Но если мы слишком растянем наши ряды, мы только усилим преимущества врага. Придется покрыть очень большой участок земли до того, как противник окажется в пределах досягаемости наших стрел.

— А почему не атаковать ночью? Они не так быстро заметят вас...

— Это было бы неплохо, — нахмурился каган, — да вот в чем беда — многие племена не могут сражаться ночью из-за своей веры.

«Да, Хондемиру эти сведения пригодятся», — подумала Лакшми.

— Значит, атака будет на рассвете — и в одной точке?

— В двух. Курганы возводились в соответствии со сторонами света. Север — дурная сторона, оттуда приходят злые духи. Вход на Курганы — с юга. На рассвете мы подъедем к северному склону настолько близко, насколько можно, потом спешимся, чтобы атаковать. Но основные силы сосредоточатся на юго-востоке. Когда враги большей частью отойдут к северному валу, с юга мы нанесем главный удар. Если этот план будет удачен, мы сможем одержать победу, хотя и с большими потерями.

— Если войском командует мой господин, — льстиво проворковала Лакшми, снова наполняя чашу, — поражение невозможно.

Вскоре Бартатуя покинул шатер, сказав Лакшми, что проведет остаток ночи с вождями и командирами. Для них, объяснил он, важно видеть своего правителя накануне битвы. Лакшми умело

разыграла отчаяние. Но как только каган ушел, она с облегчением вздохнула и стала готовиться к собственному ночному путешествию.

Прикрыв лицо черным плащом, Лакшми выскользнула из шатра. Никто не заметил ее — все внимание было привлечено к Курганам. Учи-Каган приказал — никто из врагов, узнавших тайну священного места, не должен пройти гирканийские посты живым. Лакшми двинулась вдоль раскинувшегося бивака степняков.

Неожиданно из ночного сумрака выступил человек в темной одежде:

— Я здесь, госпожа.

— Ты сделал все, что нужно, Баязет?

— Да, госпожа. Здесь есть ход, неподалеку. Я добился, что мой командир поставил меня именно на этот пост. Если ты будешь идти тихо, тебя не заметят и ты подойдешь к самому валу.

— Молодец, — сказала она. — Скажи мне, Баязет, а тебе-то, как другим, не обидно, что иноземцы осквернили святое место? — Если у этого человека есть сомнения, надо знать это сейчас. Лучше убить его, пока он ее не предал.

— Я не ашкуз, — ответил воин, вспыхнув. — Мне нет дела до святынь Бартатуи и его племени. Я только хочу отомстить за своего господина, Кахлага, предательски убитого Учи-Каганом. — Этот титул Баязет произнес с особым сарказмом.

— Отлично, — ответила Лакшми. — Смотри не забудь об этом.

Они так были заняты своим делом, что не заметили: вслед за ними к проходу на Курганы проскользнули еще два темных человеческих силуэта.

Сонные часовые мгновенно вскочили на ноги, увидев приближающиеся к ним черную, похожую на призрак фигуру. Они подняли пики. Незнакомец откинул покрывало — это была прекрасная молодая женщина.

— Скажите своему господину, что Лакшми здесь, — проговорила красавица.

Часовой позвал командира.

— Господин Хондемир велел пригласить вас, госпожа, — сказал он. Его серебристый шлем блестел при свете факелов. — Я отведу вас к нему.

Они прошли по притихшему лагерю. Даже отпетые бродяги, пришедшие по зову Хондемира, в ночь перед большой битвой не бражничали. Командир привел женщину к подножию огромного кургана. Окинув взглядом высящиеся вокруг могильники, Лакшми увидела, что этот курган — величайший из всех.

— Теперь надо забраться наверх, — сообщил командир. — Господин Хондемир на вершине. Наши люди трудились там весь день, помогая ему в его приготовлениях. После заката он запретил подниматься наверх всем, кроме вас, когда вы придете.

Лакшми кое-как сумела вскарабкаться на вершину кургана, который оказался даже огромней, чем представлялось снизу. Ноги у красотки и так устали от долгой скачки, теперь же молодая женщина чуть не падала от изнеможения. Однако нельзя показываться на глаза Хондемиру в мгновения слабости. Лакшми постояла немного на месте и собралась с силами. А потом двинулась вперед твердой, уверенной походкой, хотя все тело, с головы до пят, нестерпимо ныло.

— Я здесь, Хондемир, — проговорила она спокойно и решительно.

— Я вижу, — ответил маг. Выглядел он необычно: красный плащ, пропитанный кровью кхитайских драконов, серебряные и золотые нити, короткий покров из кожи, снятой триста лет назад с принцессы из Заморы, плененной и принесенной в жертву туранским магом.

— Ты принесла то, что мне нужно?

— Да, этого должно хватить. — Она достала из-под полы плаща шелковую сумочку и маленький стеклянный сосуд. Хондемир взял все это у нее и повернулся к небольшому сооружению, находившемуся на кургане, рядом с высоким металлическим шестом, на котором при лунном свете красовались раздуваемые ветром конские хвосты и скалился череп какого-то неведомого животного.

Сооружение напоминало маленький алтарь, сделанный из дерева и кожи. По углам алтаря свисали ремни, украшенные странными рисунками, похожими на те, что красовались на плаще Хондемира. Лакшми смотрела в восхищении — здесь сосредоточились такие колдовские силы, каких она и вообразить себе не могла. Фигурки, изображенные на ремнях, казалось, диковинным образом извивались и корчились прямо у нее на глазах.

Вокруг кургана Лакшми увидела огни туранско-согарийского лагеря. Дальше в степи мерцали бесчисленные костры гирканийской орды. Их было столько и горели они так ярко, что у женщины перехватило дыхание.

— Вот почему ты не позволяешь своим людям подниматься сюда ночью, — сказала она. — Да, такое зрелище и сильного человека приведет в отчаяние!

— Есть и другие причины, — ответил Хондемир. — Сейчас это место уже укрыто чарами. Никому не позволено ступать сюда, кроме меня, тебя и княжны Ишкалы. Звезды уже на положенных местах. Луна в нужной фазе, и все светила сфокусированы в

этом месте. Завтра ночью я получу великую Силу. Когда я рассеку священным кинжалом грудь княжны и вырву ее трепещущее сердце, все наши планы осуществятся. Каган будет в моей власти, Лакшми. Когда отгремит битва и утихнет вызванная ею неразбериха, я буду подлинным полководцем сильнейшего в мире войска, а вскоре стану царем Турана. — Он благосклонно улыбнулся: — А ты, дорогая, разделишь со мной трон. Конечно, не в качестве царицы. Туранцы никогда не признают своей царицей вендийскую куртизанку. Ты будешь моей главной наложницей.

— Разумеется. — Женщина улыбнулась так соблазнительно, как только могла. — Не мне мечтать о положении царицы, да и не хочу я все время торчать на виду. Однако я надеялась, что уже сегодня смогу принять участие в твоем таинстве. До завтрашней ночи ты можешь не дожить. Гирканийская орда в ярости, они никогда не простят, что иноземцы осквернили их святое место. Даже без коней и луков они в состоянии вас всех перерезать.

Чародей вновь высокомерно улыбнулся:

— Не беспокойся. Мои бойцы опытны и лучше владеют оружием, чем гирканийцы. Да и не всем степнякам есть дело до святилища. Только каган и его ашкузы почитают Курганы Спящих. Сейчас кочевники, может, и храбрятся, но только чтобы показать кагану свою верность. А когда они останутся завтра в поле пешие, когда им придется драться на мечах, — тут они будут не так храбры. Конным и с луками им цены нет. А пешие, с мечами, они больше похожи на тупое стадо.

Лакшми вспомнила резкие слова Баязета.

— Может, ты и прав.

— Да, прав. И я буду царем Турана. Это судьба.

В этот момент, глядя на него, стоящего на вершине кургана в причудливых и величественных одеждах, Лакшми готова была в это поверить.

— Я выпытала у Бартатуи план завтрашней битвы, — проговорила она. — Ты выслушаешь меня?

— Пойдем в шатер. Расскажешь подробности моим командирам.

Они спустились с кургана. Туранских командиров Лакшми не боялась: Бартатуе они ее не выдадут. Если Хондемир просчитался и завтра победят гирканийцы, ни одного врага в живых не останется. Даже если кто-то уцелеет и будет допрошен, хитрая наложница сумеет позаботиться, чтобы пленник умер раньше, чем проговорится об измене.

Они миновали костер. У огня сидели несколько воинов, тихо беседуя, правя и смазывая оружие. Почти бессознательно, под влиянием инстинкта и привычки, Лакшми прислушалась к их словам.

— Вот идет хозяин, — сказал один, пробуя на ощупь острие длинного кривого кинжала. — Он сказал, что ночью дикари нападать не будут. Похоже на то.

— Да, — отозвался сардонический голос, — уж надеюсь, Конан-киммериец нынче ночью не заявится.

Лакшми почувствовала, как ледяные щупальца сжимаются вокруг ее сердца. Она с трудом понимала грубый диалект туранских бродяг, но знакомое имя схватило ее за горло, как гирканийский аркан.

— Конан! Киммериец! Откуда твои люди знают о нем? — воскликнула Лакшми негромко, но страстно.

Хондемира как молнией ударило.

— Конан из Киммерии? Почему это имя тебя так взволновало?

— Скажи мне! — взмолилась женщина.

— Ну... это просто последняя кровавая байка... Прошлой ночью этот парень забрался в наш лагерь. Что-то разнюхивал здесь. С ним был еще второй, но тот назвать себя не удосужился. Их попытались схватить, но Конан расшвырял наших воинов, как лев — гиен. Он уложил десятерых, а потом исчез невесть куда. Вот из него и сделали пугало, наполовину для шутки конечно.

— Как он выглядел и откуда пришел? — Лакшми решила, что рассказанное Хондемиром правдой быть не может.

— Те, кто уцелел, говорят, что он огромного роста, с черными волосами до плеч, а глаза — серые, по крайней мере так им показалось при свете факелов. Он был измазан черной краской, чтобы не опознали в темноте. Я думаю, он из согарийского лагеря. Хотя их командир утверждает, что у них такого нет. Ну врет, конечно. Откуда ему еще взяться? Не из голой же степи! А ты откуда его знаешь?

— Это мой враг, — медленно проговорил женщина. — Выскочка, который втерся в доверие к кагану. Он совал нос, куда не надо, и я подстроила ему ловушку, чтобы спасти себя и укрепить мои отношения с шаманами. Его привязали голым к столбу и уже занесли над ним нож для жертвоприношений... Но дружки освободили наглеца, и они все вместе ушли от погони. — Лакшми поежилась, хотя ночь была теплая. — Это он. Все приметы совпадают. Рост, глаза, волосы... Я припомнила, что он мазался черной краской, когда ходил на разведку по приказу кагана. Кроме того, он несравненный боец на мечах. Ничего странного, что твои бродяги не справились с ним.

Хондемир пожал плечами:

— Ну и что. Он мог примкнуть к согарийскому отряду. Предложить службу капитану Джеку, в том числе в качестве шпиона. Не бойся, сейчас он не опасен. Если после битвы он уцелеет,

я отдам его тебе на забаву. Не стоит огорчаться по таким пустякам!

— Хорошо, если так, — вздохнула Лакшми. — Может, это просто совпадение. — Чувство тревоги, однако, не отпускало ее. — Идем в шатер! Мне надо успеть в гирканийский лагерь до рассвета.

— Зачем? — спросил Хондемир. — Оставайся со мной. Ты сделала все, что необходимо, и теперь я наверняка смогу получить власть над разумом и душой Бартатуи.

— Нет, я должна вернуться. Кто знает, вдруг что-то изменится в их планах? — На самом деле Лакшми не до конца верила в успех туранского мага.

Он опять пожал плечами:

— Твое дело. Может, это и лучше, если ты отсидишься во время боя в безопасном месте и присоединишься к нам потом. — Он посмотрел на полную луну, висевшую в небе подобно огромному черепу. — Ну а завтра после заката все будет кончено.

Глава 16

— Самое главное, — наставлял Конан, — не открывай рта, какие бы мучения ни раздирали тебя. Что бы ни болтали гирканийцы, что бы ни грозило твоему городу или твоей стране — делай, что я сказал, или умрешь.

— Я запомню, — ответствовал Мансур. В его душе царили одновременно страх и радостное возбуждение. Они — в самом сердце вражеского лагеря! Дело опасное — но героическое! Какие стихи можно будет написать, когда все кончится...

— Хорошо, — кивнул Конан, похлопав юношу по плечу. — Подумай, какую потерю понесет поэзия, если с тобою что-то случится!

Пробираясь в лагерь мимо гирканийских постов, они заметили две человеческие фигуры; одна из них была закутана в черный плащ. Мансур не обратил на нее внимания, но Конан хмуро усмехнулся, когда существо в черном плаще исчезло из виду.

Среди кочевников, одетых и вооруженных весьма пестро — всякий клан и род на свой обычай и манер, — Конан и Мансур не привлекали к себе особого внимания. Они избегали освещенных мест, а при лунном свете лиц было не разглядеть. Конан искал самый большой костер и вскоре нашел его. Подобравшись поближе, киммериец узнал в сидевших у костра самого Бартатую и его военачальников.

— Приветствую тебя, каган, — произнес Конан, вступая в освещенный круг.

Человек, сидевший у ног Конана, обернулся и фыркнул:

— Это Учи-Каган, ты, невежа... — Тут сидевший разглядел лицо Конана, и у него отвисла челюсть. — Во имя Предвечного... — Он вскочил на ноги, сжимая рукоять меча.

Десятки жадных рук разом вцепились в гиганта-варвара. Киммериец не сопротивлялся: это значило бы верную смерть.

— Стойте! Не убивайте его! — рявкнул Учи-Каган. Конана держали все той же мертвой хваткой. Бартатуя подошел к варвару вплотную. — Не думал я снова увидеть тебя, киммериец. — Он повернулся к Мансуру: — А это кто? Одет по-согарийски.

— Он немой, Ба... Учи-Каган. Прибился ко мне в степи. Скорей всего караванный погонщик. Последний раз останавливался в Согарии, отсюда и платье.

Степняки удивленно таращились на Конана и его спутника. Они рады были бы перерезать им глотки, но сам правитель, казалось, имел другое мнение по поводу непрошеных гостей.

— Что ж, Конан, — процедил Бартатуя. — Поговорим наедине. Отпустите его.

Тут же загремел хор протестующих голосов.

— Нет, господин мой! — выскочил вперед каган герулов. — Это ловушка. Чужеземец хочет убить тебя.

Бартатуя коротко рассмеялся:

— Он прошел незамеченным в трех шагах от места, где я сидел. Неужели он не мог вогнать в меня нож прежде, чем кто-нибудь из вас дернулся?

— Если хотите, возьмите мое оружие, — подал голос Конан. — Я не причиню кагану вреда.

— Не дурачь нас, шакал, — огрызнулся вождь будини. — Каган — мужчина крепкий, но твою силу мы все знаем. Тебе ничего не стоит свернуть шею любому.

— Ну так свяжите мне руки, — невозмутимо отозвался киммериец.

— Нет, — отмахнулся Бартатуя. — Думаю, он хочет сказать что-то важное. — Каган повернулся к своим людям: — Возьмите у него оружие и следуйте за нами на небольшом расстоянии. — Он обратился к Конану: — Я любознателен, но не глуп. Идем со мной. Твоему товарищу дадут еды и вина.

Они отошли от костра на несколько шагов; отсюда были хорошо видны огни на Курганах. За повелителем последовало несколько степняков — ладони их по-прежнему покоились на рукоятях мечей.

— Признаю, — начал разговор Бартатуя, — я поторопился приговорить тебя к смерти. Особенно, — тут он улыбнулся, — когда

узнал, сколько поганых шаманов ты отправил на тот свет. — Он вновь принял серьезный вид. — Но что за глупость ты натворил! Зачем ты напал на мою женщину? Я и сейчас мог бы тебя прикончить за это!

— Вот как раз о твоей женщине я и хотел бы сейчас поговорить.

— Вот как? — голос кагана был устрашающе тихим и мягким.

— Она тебе изменила.

Учи-Каган повернулся к Конану. Сейчас он походил на взбесившегося быка.

— Изменила? С тобой?

— Не так изменила, как ты думаешь, — спокойно продолжил Конан. — С Хондемиром.

— Говори быстро, киммериец, — приказал Бартатуя. — Твоя жизнь сейчас подвешена на тоненьком волоске!

— Моя жизнь уже не раз висела на волоске, — усмехнулся варвар. — Со мной случалось такое, что лучше забыть об этом и никогда не вспоминать.

Киммериец немного помолчал, а потом коротко рассказал Учи-Кагану о событиях той злополучной ночи. Рассказал, как Лакшми его оклеветала, как участвовала в сладострастных шаманских плясках.

На лице Бартатуи проступила гримаса неподдельной муки, но Конан даже бровью не повел, будто собирался свалить кагана правдой наповал.

Киммериец рассказал о своем бегстве и о песчаной буре, о том, как нашел Мансура. Он только утаил, кем является юноша на самом деле. В конце концов киммериец передал те слова, что услышал в лагере Хондемира прошлой ночью. Некоторое время Учи-Каган не мог раскрыть рта.

— Конан, — произнес он в конце концов сиплым голосом, — если ты лжешь, то тебя ожидает такая смерть, какой еще не ведал ни один человек. Столетия спустя будут рассказывать страшные сказки про гибель Конана-киммерийца.

— Я не лгу, каган, — просто ответил Конан. — Или теперь надо говорить Учи-Каган?

— Каган... Хороший титул, — прохрипел Бартатуя. — Нет более славного под Предвечным Небом. Учи-Каган — это так, бахвальство победителя. Не знаю почему, Конан, но в глубине души я тебе верю. Твои слова ранят меня больнее вражьих стрел, но в них есть жуткий отзвук правды. И все равно мне трудно поверить. Может быть, я отдал ей свое сердце, потому что всегда мечтал о женщине, которую смогу полюбить. Но я верю тебе, поскольку давно хотел иметь настоящего преданного друга.

У киммерийца от таких слов слегка дрогнуло сердце.

— Если хочешь убедиться в моей правоте, Бартатуя, — твердо сказал он, — пойди сейчас в шатер к своей женщине. Пробираясь сюда, я видел, как она направляется к Курганам. С ней был еще один воин. Она несла Хондемиру то, что нужно ему для колдовства.

На некоторое время Бартатуя опять потерял дар речи.

— Теперь, — промолвил он после долгого молчания, — даже если я завоюю мир, сладость победы будет отравлена горечью измены. Мое блаженство было бы полным, как у богов, обитающих близ Предвечного Неба. Но сейчас я опозорен этой женщиной, опозорен своей мужской глупостью и доверчивостью. Я был марионеткой их кхитайского балагана, меня дергал за нитки укрывшийся за ширмой раб. В ослеплении я чуть не убил моего единственного друга! Эта презренная женщина вела меня за собой, как слабосильный мальчишка — смирного вола.

— Бартатуя, друг мой, — сказал Конан, — ты не первый мужчина, которого обманула красивая женщина. И, уж конечно, не последний.

— Но многие ли из этих людей, — проворчал Учи-Каган, — мечтали о всемирном престоле? А я мечтаю о нем. Что позволено обычному человеку — запретно для Учи-Кагана. Что ж, идем обратно и поговорим с моими вождями. Скоро мы атакуем Курганы Спящих, и все эта суета вокруг подлой шлюхи не имеет большого значения. Лакшми и Хондемир в моих руках. Два крыла моего воинства пойдут в атаку, как запланировано. Возьмешь на себя команду одним из них? Я знаю, что плохо наградил тебя за службу, но все еще можно поправить.

— Я бы взялся, каган, — отозвался Конан, — но пойдут ли твои люди за мной? Мы с тобой — люди одной закваски, хоть ты — гирканиец, а я — киммериец. Но степнякам недостаточно будет моего слова, чтобы признать меня снова одним из своих полководцев.

Бартатуя пожал Конану руку:

— Идем со мной, друг. Все будет хорошо. Я знаю, как подтвердить истинность твоих слов, как доказать предательство Лакшми. Утром поведешь моих всадников в бой. И да не будет под Предвечным Небом второго, после Бартатуи, Учи-Кагана, кроме Конана из Киммерии!

Звезды еще сверкали на небе, когда Лакшми вернулась с Курганов Спящих. Вокруг шумел пробуждающийся лагерь: воины завершали последние приготовления к битве. Женщина ощутила удовольствие при мысли о том, что́ она скоро сотворит с этим грязным стойбищем кочевников.

Вскоре она переселится в роскошный дворец в центре красивого и богатого города. Рабы будут выполнять каждое ее пожелание, и величайшие люди мира будут валяться у ее ног, домогаясь благосклонного взгляда. А кто воссядет на трон, это все равно — хоть Хондемир, хоть Бартатуя, или кто-то другой, кого Лакшми выберет. Со временем всем станет ясно, у кого в руках настоящая власть.

Она уже начала мысленно строить свой дворец. Размеров — неописуемых, башни — до облаков. Отделка — золото и жемчуг. Одежда — сплошь из тончайших шелков. А рабы — самые красивые... Но тут чьи-то пальцы мертвой хваткой схватили размечтавшуюся наложницу за предплечье.

— Мы снова встретились, госпожа моя!

Перед Лакшми возвышался грозный варвар из Киммерии.

— Ты... — прошипела женщина. — Когда Хондемир сказал... — Она внезапно оборвала фразу: «Не ровен час, могут услышать!» — Когда мой господин увидит тебя, его гневу не будет предела! Как ты пробрался сюда, предатель? Еще один заговор против кагана?

— Ты, кажется, потеряла самообладание, Лакшми, — оскалился довольно киммериец. — Я уже разговаривал с Учи-Каганом. Теперь он знает все. Пожалуй, он знает все главные подробности твоей измены. Какой человеческий ум в силах вообразить коварство такой прельстительной змеи, как ты?

— Что за ложь ты влил ему в уши? — Она говорила сейчас намеренно громко, рассчитывая, что в темноте наверняка таятся какие-нибудь досужие слушатели. — Учи-Каган слишком доверчив. Он видит, что человек храбр в бою, и не думает, что этот воин лелеет честолюбивые помыслы. Ты изменник!

Лакшми поняла, что киммериец тащит ее в широкий освещенный круг перед костром. А потом вспомнила про кинжал под набедренной повязкой. Нет, еще не время! Она, может, еще сумеет выпутаться из этой передряги: язык у нее хорошо подвешен и каган ее любит.

— Слова тебе не помогут! — гремел Конан. — Учи-Каган не так доверчив, как ты думаешь. Услышав мое свидетельство, он потребовал доказательств. Он получил их!

Теперь вендийка разглядела у костра множество мужчин. В центре, у огня, стоял Бартатуя. У ног его валялись три шамана, связанные, как телята перед клеймлением.

Другие шаманы стояли на коленях, с руками, связанными за спиной, лица их были искажены от ужаса. В руках Учи-Каган сжимал кинжал, забрызганный кровью почти до рукояти. Острие кинжала дымилось, в воздухе висел запах паленого человеческого мяса.

Когда Бартатуя глянул на Лакшми, женщина онемела от ужаса. Лучше бы ей воспользоваться отравленным клинком, пока была возможность! Ее острый ум помутился. Какая ложь спасет ее теперь от гнева Бартатуи?

— Эти пустозвоны, увешанные амулетами, — проговорил каган, — сообщили нам много интересного. Правда, сначала они пугали нас гневом богов, но испытание горячим железом развязало их языки и освежило память. Итак, кажется, имела место церемония, на которую меня не пригласили. А ты удостоилась такой чести и проявила немалое усердие.

— Я знала, что они замышляют против тебя, каган, — пролепетала Лакшми. — Я хотела разведать их планы.

— Да, разведка в ночное время — твое любимое занятие. Где ты нашел ее, Конан?

— Рядом с Курганами есть небольшой овраг, — ответствовал киммериец. — Один из часовых помог ей пройти туда незамеченной.

— Арестуйте этого человека, — приказал Бартатуя стоящим рядом с ним воинам — От него узнаем, нет ли еще предателей.

— Как быть с женщиной, Учи-Каган? — спросил вождь с Востока, чье лицо было покрыто многочисленными рубцами и шрамами.

— Легкой смерти ей не дождаться! — сказал Бартатуя и посмотрел на Лакшми каменным взглядом: — Ты могла стать женщиной властелина мира. Чего тебе не хватало?

Она ничего не ответила, только стояла опустив глаза.

— Девка плела интриги против тебя, — заметил Конан, — потому что такова ее гнусная суть. Она не может отвечать добром на добро. Скорпион, если возьмешь его в ладонь, непременно укусит — вот так и она. Точно так же предала бы она и Хондемира, и любого другого. Даже сейчас, стоя перед твоим судом, она лихорадочно строит планы, чтобы избежать своей участи.

— Убить стерву — и дело с концом, — предложил каган герулов. — А то уже светает, пора выступать.

Бартатуя положил руку на эфес меча и несколько мгновений смотрел на Лакшми. Потом отпустил оружие.

— Нет, — сказал он. — После битвы, когда мы восстановим могильники, — вот тогда она умрет. И все узнают, что значит обманывать доверие Учи-Кагана. Отвести ее в шатер и приставить часового. Убежать ей отсюда некуда, но смотрите, чтоб она не покончила с собой и не ускользнула от возмездия!

Два крепких воина увели Лакшми. Она не в силах была говорить и не могла поднять глаз. Свидетели думали, что от стыда, но они ошибались. Женщина прятала улыбку. Она останется наедине с часовым, а часовой — просто мужчина. Мужчины были

для нее послушными игрушками. Она уже знала — сегодня она не умрет, и мысли ее вновь обратились к предстоящему царственному великолепию.

— Вернемся к более важным вещам, — сказал Бартатуя, когда изменницу увели. — Будини и герулы на рассвете предпримут первую атаку. Они ударят с северной стороны. Мы дадим защитникам вала время собрать в одном месте большую часть своих сил. Затем все остальные ударят с юга. Во главе этой атаки будет Конан. Конан, есть у тебя что сказать, прежде чем мы разойдемся?

Конан стоял перед вождями.

Шаманы все еще валялись на земле, но киммериец не обращал на них внимания.

— Хорошо бы, если б у меня было время подготовить воинов к битве. Но что мечтать о невозможном! Запомните: у противника есть кони и луки и ему-то ничто не мешает ими пользоваться. Туранцам как лучникам до вас, конечно, далеко, но стрелять они умеют. Да и в любом случае расстояние будет невелико, а доспехи на степняках легкие. В тесном строю любая стрела найдет свою цель.

Главное — двигаться так быстро, как только возможно. Чем скорее перейдем к рукопашной, тем лучше. У врагов есть мечи, щиты и пики. Они хорошо владеют ими. Избегайте поединков на мечах. Используйте численное превосходство — три или четыре воина на каждого противника. Старайтесь выбить у них щит и рубите по горлу. Будет много неожиданностей, но это лучше, чем рухнуть зарезанным без всяких неожиданностей.

Рассудительная речь киммерийца отрезвила вождей. Они стали хмуро расходиться — каждый к своим бойцам.

— Как быть с этими, Учи-Каган? — спросил воин, охранявший связанных шаманов.

Бартатуя обернулся:

— С грязными ублюдками? Прикончи их. С этого дня каждого шамана, который ступит в мой лагерь, — убивать на месте.

Он повернулся и направился к войскам, а стражник тем временем стал методично резать шаманам глотки.

Конан подал знак Мансуру, и они отошли в сторону.

— Мансур, — сказал Конан, когда они были уже достаточно далеко. — Теперь можешь говорить, но тихо.

— Там, в лагере, мои братья, согарийцы! Черт с ними, с туранцами, но Красные Орлы... Я не могу стоять и смотреть, как их убивают.

— Тогда, — киммериец недоуменно пожал плечами, — считай, что они мертвы. Степняки вряд ли кому-нибудь дадут уйти. Даже если кто-то из солдат вырвется отсюда, гирканийцы догонят его

и убьют. Они ступили на освященную землю... Лучше уж — быстрая смерть в бою. Так подобает умирать воинам.

— Но они охраняют Ишкалу! — запротестовал Мансур.

— Это уж наша забота, — ответил Конан. — Я буду на Курганах первым. И сделаю все возможное, чтобы найти твою девчонку и вытащить из мясорубки. Может, под шумок, вам двоим и удастся сбежать.

— Нет! — возразил Мансур. — Я умру с моими братьями!

Конан вздохнул:

— Я боялся этого. Значит, такова судьба...

Не говоря больше ни слова, он занес над Мансуром свой огромный кулак и тюкнул юношу по голове. Тот свалился на землю, как куль с овсом. Киммериец проверил его дыхание, потом вскинул юношу на могучее плечо и отнес парнишку к оврагу. Там он связал Мансура на всякий случай. Пусть побудет тут в безопасности до конца битвы...

Уже светало, когда два воина отвели Лакшми в шатер. Мерзавка к тому времени состряпала план бегства, решив действовать напористо и быстро. Она присмотрелась получше к своим сторожам. Обычные кочевники-ашкузы, не похожие на таких ярких людей, как Бартатуя и Конан. С этими будет полегче.

У входа в шатер женщина обернулась к своим стражам:

— Вы, конечно, пройдете со мной... Как иначе вы будете следить, чтобы я не убила себя?

Воины последовали за ней.

Палатка была небольшой, и стражи оказались совсем рядом с соблазнительной вендийкой.

— Разве это не приятнее, чем биться в рукопашной? — кокетливо спросила она. — Разве мое общество хуже вражеских мечей?

— Молчи, женщина, — хмуро отозвался один из часовых. — Мы здесь, чтобы сторожить тебя, а не болтать попусту.

— Но вы же меня не обыскали, — притворно забеспокоилась Лакшми. — Ведь я же могла спрятать оружие!

Она сбросила на пол черный плащ. В глазах у степняков вспыхнул огонек похоти. Наложница кагана стояла перед ними в одной набедренной повязке и сандалиях. Никогда прежде они не видывали подобного зрелища.

— Разве я не хороша? — лукаво вопрошала Лакшми, показывая свое шелковистое тело. — Я вендийская куртизанка, воспитанная в особой школе. Я знаю сотни способов доставить мужчине блаженство, о котором простые солдаты и мечтать не могут.

Она прошлась мимо обалдевших воинов, вздымая грудь, как будто предлагая себя и одновременно сама млея от наслаждения. Стражников словно удар хватил.

— Кстати, мы не закончили обыск.

Лакшми сбросила сандалии и стала разматывать набедренную повязку; шелковая ткань соскользнула на землю. А плутовка успела ловко подхватить кинжал и спрятать его в ладони.

— Вот, — проговорила она. — Я нага. Я ничего не прячу. Но если хотите убедиться, можно подойти поближе. — При этих словах она сама шагнула навстречу стражникам.

Один из воинов осторожно коснулся рукой ее потрясающе белой кожи. Взметнулось смертоносное жало. На ладони у стражника остался тонкий порез. Еще через секунду острие оцарапало щеку другого воина. Оба степняка не сразу пришли в себя от замешательства: слишком быстро соблазн превратился в опасность.

— Эй! — воскликнул один. Воин потянулся к мечу; и тут лицо его исказилось от удивления и ужаса: он почувствовал, что дотянуться до рукоятки меча стоит ему огромных усилий. Он попытался что-то сказать своему товарищу, но язык не слушался.

Лакшми смеялась, глядя на двух здоровенных мужиков, которые один за другим свалились на землю и корчились в агонии. Они извивались, будто изнутри их терзали стальные крючья, глаза вылезли из орбит, пальцы судорожно хватали воздух.

— Вы что, и впрямь вздумали, что можете обладать мной? — со смехом говорила коварная вендийка, переступая через умирающих, дразня их своей наготой. — Простая солдатня не смеет наслаждаться прекраснейшей женщиной мира, прекраснейшей, а вскоре — и самой могущественной. Мужичье вроде вас годно лишь на то, чтобы умирать по моей прихоти.

Женщина продолжала смеяться, пока два кочевника, последний раз конвульсивно дернувшись, не отошли в мир иной.

Лакшми быстро оделась. Выглянув из палатки, она увидела, что поблизости никого нет. Все на местах, готовятся к бою. Лакшми поспешила туда, где были привязаны лошади.

Конан стоял впереди войска. Степняки расположились в сухом русле реки на юго-востоке от Курганов. Позиция для атаки киммерийцу особо-то не нравилась. Воины лежали на брюхе, набившись, как сельди в бочке. Жалкое подобие боевых порядков растянулось на сотни шагов. До защитного вала далековато. На таком пространстве легче легкого получить стрелу в кишки. Но другого пути нет! Другого места, где столько воинов могли бы подойти к валу незамеченными с самого большого кургана, не было.

Помимо кольчуги и шлема, Конан прихватил и щит — самый большой, какой только смог подобрать. Не меньше двух футов в

поперечнике, щит был отменно укреплен полосками вендийской стали. Такая надежная защита позволит в полную силу орудовать мечом.

Со стороны Курганов послышался шум. Зазвенели трубы, застучали барабаны, зацокали копыта.

— Они начали! — воскликнул Бартатуя, стоявший рядом с Конаном.

— Подождем еще несколько минут, — отозвался киммериец. Его воины заметно забеспокоились, вслушиваясь в шум боя.

— Не трогаться с места до приказа! — приказал Конан. — Иначе — верная смерть!

Сам он внимательно прислушивался к звукам движущихся войск. Когда шум переместился в северном направлении, киммериец вышел вперед и поднял щит.

— Вперед! — взревел великан варвар.

Степняки с кровожадным кличем двинулись за киммерийцем. Прикрывшись щитом, Конан устремился к склонам могильника. И вдруг топот сотен ног позади стал глуше. Конан обернулся. Гирканийцы порядочно отстали от своего предводителя.

— Вперед, сукины дети! Живее! — заорал варвар во всю глотку. — Вам что, жить надоело?!

Многие степняки делали жалкие попытки бежать так же резво, как могучий киммериец. Конан изрядно приуныл, увидев, что большинство кочевников никогда в своей жизни нормально не бегали. Мало кому из них доводилось протопать хотя бы пару сотен шагов. Они бы выглядели забавно, если бы им не грозило оказаться под градом вражеских стрел.

До безумия медленно степняки приближались к валу. На вершине маячил один-единственный часовой. Но когда кочевники подобрались к валу шагов на двести, часовой затрубил в серебряный рог, и на валу мгновенно появились воины. Туча стрел обрушилась на гирканийцев.

Конан сгруппировался на бегу, как только мог, и прикрылся щитом. Он слышал свист стрел, крики падающих воинов...

— Быстрее, Кром вас раздери! — рычал он.

Степняки продолжали свое неторопливое движение, и Конан почувствовал, что сердце его готово вырваться из груди. Нет, так он не привык воевать! Конан видел, как многие воины, в одеждах различных гирканийских племен, отстают. Вперед рвались только одни ашкузы...

Когда кочевники подкатили к валу вплотную, воины наверху тут же изменили угол обстрела. Внезапно за спинами защитников появился ряд конников. Они принялись разить стрелами степняков прямо поверх голов своих пеших товарищей. В результате стрелы посыпались гуще.

Конан нахмурился, видя потери гирканийцев. А ведь они еще не убили ни одного врага!

— Теперь все на вал! — прокричал он. — Еще несколько шагов, и нам будут не страшны их луки.

И в этот момент гирканийцев оглушил стук копыт. Справа и слева от наступающих кочевников появились Красные Орлы. В таком бою преимущество на стороне тяжелой конницы. Согарийцы рубили легковооруженных врагов, как облачка дыма. Мечи и копья вздымались и опускались, расплескивая кровь, кромсая плоть и дробя кости. Стрелы, словно диковинные змеи, вгрызались в ряды гирканийского воинства. Тяжелые, шипастые палицы вышибали из человеческих голов липкие ошметки мозга. Копыта разгоряченных схваткой лошадей хлюпали в месиве из крови и разрубленного мяса. Кое-кому из степняков удавалось подсечь сухожилия согарийских скакунов и добить упавшего всадника. Но по большей части сражение превратилось в беспощадную бойню. Беспомощных пехотинцев топтали, рубили, кололи.

Две линии всадников врезались в толпу кочевников, пытающихся пробиться ко входу на Курганы. Тут резня была особенно жестокой. Конные согарийцы секли гирканийцев, как серп пшеничные колосья.

Конан вышиб очередного врага из седла и повернулся к Бартатуе, который сражался с воином, скатившимся с раненой лошади.

— Дело плохо! — прохрипел киммериец. Учи-Каган извлек кинжал из тела убитого врага. — Надо отступить и перегруппироваться, — пояснил Конан. — Так они нас всех перебьют!

— Да, — согласился Бартатуя.

Вражеская стрела чуть не ужалила кагана в лицо и впилась в горло стоящего рядом степняка. Воин рухнул, с губ его скользнула струйка крови.

— Назад! — громовым голосом прокричал Бартатуя. И подал сигнал к отступлению бьющимся поблизости воинам.

То же самое сделал и Конан. Постепенно, линия за линией, гирканийцы стали отходить. И еще многих степняков отыскали стрелы согарийцев.

Конан отступал, по-прежнему прикрываясь щитом. Одна стрела оцарапала варвару бедро, другая задела лодыжку. Только изощренное боевое мастерство да лучший, чем у других кочевников, доспех, спасли киммерийца от верной смерти.

Оказавшись вне досягаемости вражеских стрел, кочевники расстроили боевые порядки и разбились на небольшие группки. Учи-Каган с отчаянием и гневом смотрел на покинутое поле брани.

— Каковы потери?

— Тысячи. А у них — хорошо, если сотня погибла. Может, сто пятьдесят. — Конан оглядел притихших воинов, усевшихся на землю. — И по крайней мере каждый третий ранен, многие — серьезно.

Они вновь соединились с северным крылом войска. В этих отрядах кочевники пострадали меньше, поскольку подступали к склонам не с такого дальнего расстояния, да и защищен северный вал был хуже.

Встретиться с тяжелой кавалерией гирканийцам не довелось. Выслушав донесения вождей, Бартатуя отвел Конана в сторону.

— Они знали! — зло проговорил каган. — Они знали, что атака с севера — только уловка. Они хорошо подготовились, выставили стрелков и конников именно к южному проходу. А тяжелая кавалерия стояла у западного и восточного краев вала, готовясь окружить нас, как только мы минуем линию пеших защитников. — Он помолчал. — Это Лакшми. Ведьма побывала прошлой ночью на Курганах и разболтала врагам весь мой план атаки. Как долго удастся скрывать это от остальных вождей? Кто станет уважать правителя, доверившего важнейшие секреты рабыне-чужестранке?

Конан ничего не ответил. Когда Баратуя попросил совета, как организовать еще один штурм, киммериец вновь промолчал. Каган же продолжал злобствовать:

— Среди погибших — столько ашкузов, моих соплеменников! Именно на них держалась вся моя власть! А теперь придется начинать все сначала — восстанавливать разрушенный союз, который основан именно на вере в мою непобедимость!

Конан увидел, что самоуверенный властитель, каким всегда выглядел Учи-Каган, превратился в простого человека, снедаемого сомнениями.

— Скажи же мне, Конан, как я могу спасти положение?

— Прежде всего — ничего не предпринимать до конца дня, — невозмутимо предложил киммериец. — Пусть люди отдохнут и соберутся с силами, помянут убитых друзей и родичей. А на закате мы снова атакуем. Для тех, кто боится сражаться в темноте, света будет еще достаточно.

Киммериец и каган глянули на вал. Враги ходили среди брошенных на поле тел, добивая раненых и вытаскивая из трупов стрелы.

— Они собрали все силы у этого прохода, — продолжил варвар, — а мы разобьемся на четыре группы и ударим сразу с четырех сторон. Жертв будет много, но такого, как сегодня, уже не случится. У врагов не хватит ни сил, ни оружия. А если б твои

воины бегали порезвее, потери можно было бы еще уменьшить. Но это, увы, невозможно.

— По крайней мере спасем свою честь, — хмыкнул Бартатуя. — Что бы потом ни случилось.

— Об этом будет время позаботиться, — сказал Конан. — Может, придется отложить кампанию до следующего года. Достаточно одной победы и хороших трофеев, чтобы твои воины полюбили тебя, как прежде. Потери можно возместить — подрастут новые, молодые бойцы. А это — ценный опыт. Теперь ты знаешь, как защищаются другие народы, когда ты вырезаешь их под корень и у них нет пути к отступлению.

Учи-Каган криво усмехнулся:

— Хорошо, что не нуждаюсь в утешении! От тебя его не дождешься.

Конан пожал плечами:

— Я никогда не чувствовал в нем нужды, зачем же оно тебе? Тем, кто создан для власти, незачем жалеть друг друга.

— Это правда, — кивнул Бартатуя. — Что ж, идем подбодрим людей...

Но тут нечто новое привлекло его внимание. К поросшему травой валу, прямо к ведущему на Курганы проходу, промчался чей-то конь. На скакуне несся некто в черном плаще.

— Эта ведьма опять здесь! — воскликнул Бартатуя. — Да сгниет она заживо!

— Хватит с нее, — ответил Конан, — если в ее прекрасное тело попадет ловкий лучник.

Но увы, эта надежда оказалась тщетной — Лакшми невредимой достигла Курганов.

— Ладно, — проскрипел Бартатуя, — там я ее и прикончу. Только бы не исчезла до конца сражения! Легкой смерти она не дождется... Ну идем, дела не ждут.

Глава 17

Солнце уже лизнуло земной окоем, когда Хондемир приготовил все необходимое для таинства. Эта мрачная волшба была посложнее всего, что колдуну приходилось делать прежде. В удаче он не сомневался — его вера в собственные силы была беспредельна.

Рядом с ним на алтаре распростерлась княжна Ишкала со связанными руками. Утром, пока Красные Орлы сражались с гирканийцами, колдуну ничего не стоило послать нескольких воинов за княжной. А потом согарийцы были заняты приготовле-

ниями к новому сражению. Некому было проверить, как себя чувствует дочь князя.

В багровых лучах заката видна была гирканийская орда, разделившаяся на четыре отряда. Когда солнце онустилось за линию горизонта, все четыре крыла степного воинства двинулись на штурм.

— Они опять атакуют! — воскликнула Лакшми. Одетая лишь в набедренную повязку, она стояла у алтаря, помогая Хондемиру в последних приготовлениях. Мерзавка собственноручно, с дьявольской усмешкой на устах, сорвала с согарийской княжны одежды и повалила ее на алтарь. Время от времени Лакшми сладострастно пошлепывала лежащую девушку, как комнатное животное.

— Не важно, — отмахнулся Хондемир. — Через несколько минут они увидят нечто, что вышибет из них воинственный дух. Давай начинать.

Держа перед собой магический жезл, колдун начал петь, кидая в пламя алтаря предметы, которые Лакшми по очереди подавала ему. Постепенно небо над алтарем стало менять цвет. Глаза Ишкалы наполнились ужасом, но закричать она не могла — во рту у нее был кляп. Лакшми погладила княжну по голове и прошептала какие-то утешительные слова. Тем временем Хондемир занес над ней свой кривой нож.

— Когда они поймут, что побеждены, — объяснял Бартатуя воинам, — кто-нибудь попробует пробиться. Внутри Курганов ездить верхом нельзя. Я уже выделил тысячу воинов на самых быстрых конях, чтобы преследовать тех, кто попытается уйти в степь. Вы слышали слова Конана. И помните, что случилось сегодня утром. Идите так быстро, как только сможете. Стрелять будут не так сильно, как с утра, и кавалерийской атаки не будет: им не поспеть в четыре места разом. Теперь по местам. Как только солнце окрасит степной ковыль, мы атакуем!

Войско разделилось на четыре крыла, и каждый двинулся к намеченному загодя месту. Даже теперь, после кровавой бойни, унесшей тысячи жизней, воинство степняков было так велико, что не каждый воин расслышал слова Учи-Кагана. Командиры отрядов доносили до бойцов суть приказа. Степняки вновь воспряли духом, они опять жаждали крови святотатцев и готовы были умереть за поруганные могилы предков.

Конан и Бартатуя плечом к плечу готовились к атаке. Опять предстояло нападать с юга, у большого прохода. Бартатуя решил идти в бой впереди войска вместе с киммерийцем. Тогда степняки не дрогнут и не отступят. Не смогут же они бросить своего Учи-Кагана одного врагам на расправу?

Они крепко сжимали мечи, и блики солнца играли на хищной стали клинков. На горизонте полыхало кровавое зарево заката. Когда последний луч солнца вспыхнул над степью, Бартатуя поднял руку.

— Вперед! — закричал Учи-Каган.

Крик предводителя отозвался в рядах воинов. Несколько мгновений спустя его подхватили в трех других отрядах.

Конан устремился вперед легкой рысцой. Бартатуя, шедший рядом, изо всех сил старался не отстать от богатырской поступи варвара. Через некоторое время Конан оглянулся, чтобы посмотреть, сохраняют ли воины боевой порядок. Степняки наступали четырьмя неровными, далеко отстоящими друг от друга линиями. Ближе к валу это расстояние сократится. Если кочевники смешаются в одну бесформенную толпу, при вражеской контратаке они просто начнут давить друг друга и станут легкой мишенью, не успев даже воспользоваться мечами.

Свистнули первые стрелы. Как и предвидел Конан, смертоносный ливень был не таким густым, как в прошлой битве. Да и гирканийцы действовали уже не так беспомощно, как прежде, вроде бы научились кое-как пользоваться щитами. Многие заранее надели доспехи попрочнее, сняв их с убитых и раненых.

Когда наступающие были в ста шагах от вала, раздался стук копыт — еще одна конная атака. Красные Орлы летели вдоль склона, разбившись, по своему обыкновению, на два крыла. Вот они в двух местах атаковали гирканийские ряды! Но сейчас сделать это было уже не так просто. Как только кони врезались в боевые порядки степняков, в воздухе мелькнули арканы. Кони и люди, захваченные петлями, валились на землю, где их легко добивали.

Конники падали один за другим. Увязая в кровавой сутолоке, они становились легкой целью для аркана. Кавалерийская атака захлебывалась. Растерянные всадники, лошади без седоков, истекающие кровью раненые сбились в бесформенную толпу.

С леденящим душу боевым кличем киммерийцев Конан ринулся прямо сквозь вражеский строй к проходу в Курганы. Противник выстроился теперь в три ряда, прикрывая проход. На близком расстоянии Конан мог не опасаться стрел и действовать более стремительно.

Туранец с пикой наперевес кинулся на киммерийца, но короткий взмах меча лишил его и пики, и руки. Другой пытался достать неукротимого варвара саблей, но киммериец отразил выпад, потом краем щита ударил атакующего в лицо и рубанул упавшего воина по ребрам, пробив кольчугу и развалив тело практически пополам. Брызнула кровь, выползли на траву дымящиеся кишки.

Тысяча гирканийцев, с пронзительными воплями и завываниями, атаковала туранское войско. Конан мельком увидел, как воин, вцепившись голыми руками в щит соперника, пытается сбить того с ног. Туранец вонзил нападающему гирканийцу меч в живот, но мгновение спустя упал сам — кочевник, умирая, впился зубами в глотку врагу.

Битва не на жизнь, а на смерть кипела на подступах к Курганам. Кровь все больше заливала редкую степную траву, все выше громоздились груды изрубленных тел.

Не желая увязать в этой бойне, Конан перепрыгнул через мертвые тела, по-кошачьи ловко изогнувшись, встал на ноги и двумя ударами сокрушил двух воинов — справа и слева от себя. Потом огляделся: вокруг раскинулись Курганы Спящих. Бартатуя последовал за киммерийцем, степняки тоже постарались не отстать от своих свирепых предводителей. Завидя наседающего врага, туранцы отступили в беспорядке. Вот теперь начнется настоящая резня!

Пока пьяная от крови орда крушила все вокруг, Конан пустился в погоню за туранцем, оседлавшим лошадь и попытавшимся улизнуть незамеченным. Чтобы бежать быстрее, Конан бросил щит и спрятал в ножны меч. В конце концов, туранец все равно нужен живым...

Всадник направлялся в самое сердце Курганов. Ему пришлось обогнуть невысокий погребальный холм. Конан быстро перебрался через могильник поверху и оттуда кинулся туранцу на плечи. Секундная борьба — и вот уже беглец простерся на траве. Глаза воина вылезли из орбит от ужаса, когда великан варвар приставил ему к горлу клинок.

— Хочешь жить — говори быстро, — прохрипел киммериец. — Где Хондемир и согарийская княжна?

— Там! — указал туранец. — На самом большом кургане! И вендийка там же. Они творят великую волшбу!

Конан посмотрел в ту сторону, куда указывал палец воина.

— Кром! — прорычал киммериец.

Он вскочил на ноги и огляделся, не обратив внимания, как улепетывал чудом спасшийся туранец. Взгляд Конана скользнул вверх, по склону высокого холма. И внезапно гнев и ярость варвара сменились ужасом.

Солнце уже зашло, в небе появились звезды. Но над большим курганом висело кипящее черное облако. В середине оно мерцало так ярко, что кровь в сравнении с этим пламенем могла показаться прозрачной водичкой. Звуки битвы умолкли. Ужасное зрелище наполняло страхом, куда большим, чем просто страх смерти.

Внутри красного пламени ворочалось НЕЧТО — большое, нелепое, бесформенное и... чернее черного.

— Что это? — спросил чей-то голос рядом с Конаном.

Киммериец обернулся и увидел Бартатую. Учи-Каган был весь заляпан вражеской кровью, но сам, кажется, не пострадал. Взгляд его был также обращен к вершине большого кургана.

— Там колдун, — рассерженно прошипел Конан. — Затеял, гад, жуткие чары. Он может вызвать из другого мира тварь, которая убьет нас всех. И Лакшми там, рядом с ним.

Лицо Учи-Кагана исказилось от гнева.

— Он занимается своим нечистым ремеслом на могиле основателя моего рода! Идем, Конан, кровь еще должна пролиться!

Бартатуя принялся остервенело карабкаться на курган. Конан последовал за ним. Пока они взбирались по крутым травянистым склонам холма, облако стало еще чернее, а красное свечение — ярче. Из кокона внутри кровавого пламени полезло странное существо: пара огромных глаз, окутанных сетью огромных щупальцев, — огромное неуклюжее головоногое, покрытое подобием чешуи.

Курган окутал странный запах — так пахнет на дне древнего высохшего моря. Существо раздирало кокон, пробиваясь в мир живых. Когда Конан и Учи-Каган достигли вершины, они увидели две человеческие фигуры, чернеющие на фоне багрового неба. Третье человеческое существо лежало перед ними навзничь. В поднятой руке одного из стоящих — того, что повыше, — блестел кинжал.

На мгновение рука с клинком задержалась, и в эту секунду Конан извлек меч из ножен и с размаху нанес удар.

Лакшми в мерцающем свете следила за кипящей битвой.

— Быстрее, колдун! — торопила вендийка. — Или скоро у тебя не останется армии, чтобы с триумфом войти в Аграпур.

— Еще немного, — успокоил ее Хондемир. Несколько минут он произносил про себя древние заклятия, которые не смог бы выговорить человеческий язык. — Еще одна небольшая формальность, и наши гости будут у меня в руках.

Лакшми задрожала, когда чудовище возникло в небе над курганом. Она не знала, бог это или демон, но ОНО источало зловещую, чуждую силу. Девушка, лежащая на алтаре, застыла в ужасе, когда существо обрело свои чудовищные очертания. Глаза княжны закатились, она потеряла сознание, лишь на миг представив ожидающую ее участь.

— Сейчас! — воскликнул Хондемир с дьявольским восторгом на лице. — Я вырву ей сердце, и Хозяин Тьмы станет моим слугой. А Бартатуя и вся его гирканийская орда превратятся в рабов! — Он поднял нож, и как раз в это мгновение демон разорвал остатки магического кокона.

Колдун склонился над обнаженной девушкой на алтаре. Достаточно одного глубоко разреза под левой грудью; потом надо быстро засунуть в рану руку и одним рывком извлечь еще бьющееся сердце — и подать его порождению преисподней, что явилось сюда по зову.

— Тебе, Хозяин Тьмы! — возопил колдун, и в это мгновение за спиной у него раздался какой-то шум.

С криком триумфа чародей занес клинок над жертвой. И вдруг застыл в недоумении — оружие не повиновалось ему. Мгновение спустя Хондемир понял, что у него больше нет правой руки. Его глаза расширились от ужаса — кровь хлынула из обрубка на обнаженное тело Ишкалы. И вслед за этим щупальце чудовища обвилось вокруг колдуна.

Лакшми в отчаянии глядела, как изувеченный Хондемир поднимается в воздух, увлекаемый исчадием черной бездны, которое сам же и вызвал. Наконец щупальце остановило свое плавное движение и застыло над штандартом с конским черепом — символом ашкузов. Чудовище неторопливо отправило визжащего дурным голосом чародея в упрятанную под клубками щупальцев пасть.

Лакшми обернулась. Перед ней стоял Бартатуя.

— Любимый мой! — в отчаянии закричала перепуганная вендийка. — Это Хондемир во всем виноват! Проклятый маг заколдовал меня! Но теперь все кончено, разум вернулся ко мне! Пойдем скорей отсюда.

Крепкие ладони кагана сомкнулись на хрупкой шее прекрасной наложницы. Сильные пальцы лучника, не хуже веревки палача, сжали женщине горло. Лакшми закинула голову, задыхаясь. Лицо Бартатуи оставалось суровым и отрешенным. Наверное, кагану потребовалась вся его неукротимая воля, что бы вот так, собственноручно, задушить ту, которую он столь страстно любил. Однако ни искры сожаления не промелькнуло в холодных глазах степняка. Его хватка не ослабевала ни на мгновение. И все же каган не мог заставить себя сделать последнее усилие.

Лакшми судорожно трепыхалась. Отчаянным рывком подлая вендийка сумела-таки дотянуться до набедренной повязки. Она кончиками пальцев вытащила отравленный кинжал, перехватила рукоять и вонзила клинок кагану в бедро. Бартатуя сначала не понял, что произошло. Потом весь выгнулся от страшной боли, захрипел — то ли молитву, то ли проклятие — и рухнул на землю, так и не разжав хватки, увлекая за собой Лакшми. Вендийка тщетно пыталась разорвать намертво сцепившиеся пальцы, но каган, даже приняв жуткую смерть, оставался неумолим. Вдруг Лакшми заметила, что рядом с ней стоит еще кто-то. Это был

киммериец. Конан, ее злейший враг, теперь был ее последней надеждой, и Лакшми протянула руки, моля о помощи.

Конан оторопело уставился на поверженного кагана. Потом перевел взгляд на Лакшми. Догадка осенила киммерийца: гнусная вендийская шлюха каким-нибудь подлым способом сумела убить гирканийского вождя! Вот дрянь! Потаскуха, что не стоит и одной золотой монеты, прикончила великого воина. Да еще теперь тянет свои грязные лапки с мольбой помочь. У великана варвара, конечно, хватило бы сил разжать мертвые ладони Бартатуи. Но Конан лишь с сожалением посмотрел на погибшего друга. И смачно плюнул вендийке в лицо. Потом он молча перешагнул через Лакшми, подошел к алтарю и принялся разрезать путы, которыми была связана несчастная Ишкала.

В это время в темнеющих небесах безобразное чудовище пожирало останки злополучного чародея. Это был достойный конец самонадеянного претендента на туранский престол.

Конан вскинул залитое кровью тело девушки на плечо и стал спускаться вниз по склону. Оглядываться киммериец не стал. Ему что-то очень не хотелось вновь заглянуть в остекленевшие, выкатившиеся глаза прекрасной вендийки.

Внизу царила полная неразбериха; воины не знали, бежать ли им или продолжать сражение. Чудовище, кажется, удовлетворилось чародеем и залезло обратно в свое облако. Конан снял плащ с одного из мертвецов и завернул в него Ишкалу. Потом киммериец неторопливо направился прочь от Курганов.

В укромном месте, в овраге, Конан нашел Мансура. Поэт по-прежнему лежал на земле, крепко связанный.

— Спокойно, — проворчал киммериец, разрезая веревки. — Теперь нам с тобой надо уносить ноги, и побыстрее. Бартатуя мертв. И вендийка тоже.

— А Ишкала? — воскликнул Мансур.

— Вот она. Я завернул ее в плащ. Девчонка твоя отделалась легким испугом. Скоро придет в себя. А нам неплохо бы найти лошадей. Сейчас здесь начнется полный кавардак, и мы, может быть, сумеем улизнуть незамеченными.

Они выбрались из оврага и принялись спешно разыскивать коней. Вокруг было полно воинов, но на киммерийца и его спутников никто не обращал ни малейшего внимания. Многие гирканийцы выбирались из Курганов, унося на руках раненых товарищей. Особо безнадежных надо было водрузить в седла, чтобы они не умерли ночью пешими. После пережитого ужаса степняки выглядели будто пьяные.

Конан нашел коней в том месте, где они с Мансуром оставили их. Рядом стояла лошадь с дорожными припасами и запасные кони. Сев верхом и положив бесчувственную Ишкалу на седло

Конану, они услышали за спиной пронзительный стон. Это был погребальный плач степняков.

— Кто-то набрался храбрости подняться на большой курган, — объяснил Конан. — Они нашли тело Бартатуи. Теперь они не скоро оправятся. Пора ехать.

На пятый день изнурительной скачки по степи маленький отряд Конана приметил вдалеке на юго-востоке двух всадников.

— Кто это? — испуганно спросила Ишкала. Княжна путешествовала одетая в запасную рубаху Конана. Босые ноги девушки были черны от степного загара. Из плаща, в который завернул ее Конан по пути с Курганов, она сделала себе некое подобие капюшона.

— Пока не подъедем поближе, не поймем, — сказал киммериец. — Два человека — это не опасно.

Они двинулись дальше, и вскоре лицо Конана озарила улыбка: он узнал тех, кто скакал им навстречу.

— Видишь, Фауд, — прокричал Рустуф своему напарнику. — Я говорил, что с киммерийцем какая-то жалкая песчаная буря не совладает! Как дела, Конан?

— Отлично. В том смысле, что я жив и относительно здоров.

— Мы с Фаудом собрались в западные земли, — сообщил Рустуф. — Хочу найти своих братьев-козаков, а Фауд мечтает вновь увидеть башни Аграпура.

— Я поеду с тобой, — проговорил Конан. — Степняки поймали меня как раз по дороге на запад.

— Нет, Конан, — встрял в разговор Мансур, — ты должен ехать с нами в Согарию! Князь примет тебя с честью. Ты получишь земли, богатства, а также достойный пост в нашем войске.

Киммериец покачал головой:

— Не хочу я больше связываться со всякими правителями. А особенно с вашим князем. Он наверняка не забыл, как я разорил его крепость. Нет уж, пойду на запад. Такова моя судьба.

Перед тем, как попрощаться, Мансур отвел Конана в сторону.

— Спасибо тебе, — сказал юноша. — Как жаль, что я не участвовал в последней битве. Я так и не сумел освободить Ишкалу.

— Ручаюсь, что ты не станешь посвящать ее в такие мелочи, — ухмыльнулся киммериец. — А уж в твоих стихах вся эта история точно будет выглядеть по-другому. Ты не первый поэт, которого я встречаю.

Когда юные согарийцы отъехали прочь, три воина повернули коней на запад.

— Бартатуя погиб, — сообщил Конан.

— Никто не бессмертен, — философски заметил Рустуф. — Многие мечтали покорить мир — а находили только быструю гибель.

— Бартатуя мог хотя бы попробовать, — проговорил Конан. — Это был великий человек, может быть величайший, кого мне довелось знать. И погиб из-за обыкновенной шлюхи.

— Все равно, — пожал плечами козак. — Не думаю, что мне понравился бы мир, где только один правитель. Прежде всего, такой царь стал бы больше всего печься о том, чтобы в казну налоги поступали без перебоев. Нет, мне нравится, когда много маленьких царей и маленьких войн. Это мир, где парни вроде нас могут раздобыть себе какую-нибудь завалящую корону.

Воины засмеялись и направили своих коней дальше на закат, по бескрайней зеленой степи.

Город негодяев

РОМАН

Посвящается
Эдгару Боггсу,
Джерри Холлу,
Родни Роберсон
и их подружкам
в знак признательности
за интеллектуальную поддержку
и героические поступки

Глава первая

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Кожаный игорный стаканчик со шлепком опустился на стол. Видавшая виды столешница была залита вином, изрезана ножами и хранила отметины сотен драк и потасовок. Кстати, рука, что сжимала стаканчик, принадлежала отнюдь не изнеженному франту. Могучее запястье охватывал широкий бронзовый браслет, украшенный кораллами, — браслет служил одновременно и украшением, и защитой.

Стаканчик перевернулся, выпали четыре кости. На каждом из кубиков было свое изображение: змея, собака, череп и кинжал.

— «Бродяга»! — выкрикнул чей-то голос.

Этим словом называли самый неудачный бросок.

— Ты проиграл, киммериец!

— Ублюдки! — прорычал неудачливый игрок. Ругательство прозвучало в адрес кубиков из слоновой кости. — Клянусь Кромом! Пусть будут прокляты эти костяшки вместе с той скотиной, из которой их вырезали!

Выигравший — человек с острым лицом и коротко подстриженными рыжими волосами — жадно загреб горсть монет, среди которых в свете факелов блеснуло несколько золотых немедийской чеканки. Рыжеволосого вряд ли можно было назвать нищим — на его шее сверкало не меньше десятка золотых цепочек, пальцы унизывали кольца с роскошными самоцветами. Однако парень этот не купец и не рыночный барыга, а всего лишь азартный игрок, к которому благоволит капризная фортуна.

— Я продулся до последнего медяка! — заявил проигравший, мрачно заглядывая внутрь стаканчика. Однако подвоха не наблюдалось, поверхность была ровной. И кости тоже особого подозрения не внушали — вполне добротно сделанные костяшки. Значит, игра велась честно, насколько вообще слово «честность» применимо к подобным вещам. Да и парень, увешанный золотыми побрякушками, явно мастак в своем деле. Кроме того, рыжеволосый прекрасно понимал, с кем имеет дело. Опасно обманывать свирепого великана-киммерийца. Все равно рано или поздно какой-ни-

будь несчастливый случай вывернет кошелек ловкого игрока, оставив без гроша.

Конан поставил стаканчик на стол и, откинувшись, прислонился спиной к резному деревянному столбу. Мысли его были заняты одним — как разжиться деньгами. Заработок, который он только что спустил, был получен в ходе небольшой военной кампании, когда один пограничный сатрап восстал против короля Немедии. Кампания прошла молниеносно. Цитадель непокорного сатрапа пала, добыча оказалась богатой, а потери — небольшими.

С набитыми кошельками наемники вернулись сюда, в Бельверус, и остановились в харчевне «Меч и Посох». По мере того как товарищи Конана проигрывали, они покидали харчевню один за другим и отправлялись на поиски новой работы. В настоящий момент остались всего двое — Конан и рыжеволосый воин, которого звали Ингольф. Деньги проигравших перекочевывали в кошель к Ингольфу, и теперь он единственный, кто мог купить себе вдоволь жратвы и выпивки.

— У тебя остался меч, — заметил Ингольф. — Не хочешь еще раз попытать счастья?

Конан коснулся рукой клинка в кожаных ножнах. Это был длинный прямой меч, рукоять которого увенчивалась яблоком из простой стали. Именно такие мечи, без лишних украшений, и любил Конан.

— Нет. Именно этой штукой я и надеюсь еще заработать себе золотишка.

Ингольф пожал плечами:

— Дело твое. Ладно, давай уж поставлю тебе последнюю кружку эля, прежде чем ты отправишься на поиски удачи.

По традиции эту любезность оказывали проигравшему. Конан кивнул.

Служанка, которая принесла эль, последние пару дней усиленно вертела задом, оказывая могучему киммерийцу недвусмысленные знаки внимания. Однако теперь, когда у Конана в кармане лишь ветер гулял, хитрая девка не одарила варвара даже улыбкой. Зато вокруг Ингольфа она выплясывала так, будто он был ее старым возлюбленным, нежданно-негаданно возвратившимся с войны.

Как и стаканчик для игры в кости, пивная кружка тоже была сделана из кожи. Швы в кружке промазаны пахучей смолой, чтобы не пропускала влагу.

Откинувшись к столбу, подпиравшему крышу трактира, киммериец засунул большой палец за свой широкий пояс, усеянный заклепками, поднес кружку ко рту и отхлебнул. Безрукавка оставляла открытыми крепкие руки. Шея могучего варвара напоминала перевитые якорные канаты. Потрепанные штаны и оторочен-

ные мехом сапоги, уже давно верой и правдой служившие Конану и изрядно поношенные, теперь вместе с мечом составляли единственное имущество киммерийца. Несколько дней тому назад он проиграл лошадь и седло, лук и стрелы, копье, щит и даже кинжал. Но все это ничего не значило для Конана. Ему нравилась такая жизнь. Он знал, что всегда сможет найти способ подзаработать воинским искусством. До тех пор, пока с ним его меч и его мастерство, все остальное — дело наживное.

Он поставил на стол полупустую кружку и огляделся — не улыбнется ли ему удача где-нибудь здесь. Однако перспектива была малообещающей. Час был поздний. В очаге тлели одни угли. Несколько припозднившихся завсегдатаев «Меча и Посоха» пили и лениво играли в кости. Большинство из них были старыми ветеранами, чьи лучшие дни давным-давно миновали. За одним из столов в одиночестве сидел человек в шелковой одежде, с шелковой лентой на голове. Этот шелк отливал странным фиолетовым цветом. Конан заметил, что незнакомец пристально рассматривает его. Но киммериец не собирался обращать внимание на этого «шелкового» франта. Конан не желал иметь никаких дел с человеком, который вырядился в тряпки такого цвета.

Харчевня представляла собой обычный солдатский кабак. Стены увешаны разнообразным оружием, по углам торчат деревянные бюсты знаменитых немедийских полководцев былых времен. На многих из них остались отметины. Похоже, что они служили мишенями в те дни, когда уважаемые посетители состязались в метании кинжалов. Служанки могли сравниться в привлекательности с деревянными генералами. Конан допил свой эль и встал. Подхватив меч, киммериец повесил клинок на пояс.

— Счастливо оставаться, Ингольф. Возможно, когда-нибудь мы с тобой еще встретимся. Может быть, разнообразия ради мне повезет в игре так же, как везло на войне в прошлый раз.

Рыжеволосый кивнул:

— Воюют много, а хороших воинов мало. Я уверен, мы еще встретимся.

Они пожали друг другу руки. И никто из них не обмолвился о том, что следующая встреча могла произойти на поле битвы, где бывшие приятели сойдутся в смертельной схватке. Это подразумевалось само собой. Бывалый наемник о таких пустяках не вспоминает.

Конан прошел мимо столов и, поднявшись по ступенькам, выбрался на улицу. Как обычно, выходя из освещенного помещения в ночную темноту, он сразу отступил в сторону, прислонился спиной к стене и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Обыкновенным людям для этого требуется несколько минут. Конану хватило и секунды. Конан прекрасно понимал, что для того,

чтобы погибнуть, достаточно как раз этих нескольких секунд. И чаще всего эта неприятность случается с теми, кто слепо шагает вперед. На улице было тихо, только поскрипывала вывеска наверху. Вдалеке Конан различил свет. Это один из городских факелов, что установлены здесь на каждом углу. Ночная стража была обязана постоянно поддерживать их горящими. На самом деле если хотя бы один из четырех факелов горел в ночное время — это было уже очень хорошо.

Конан слегка напрягся, когда еще один посетитель вышел из харчевни. Человек этот стоял прямо под вывеской и всматривался в темноту. Сперва в одну сторону, потом в другую, будто искал кого-то. Спустившись со ступенек, он замер, затем еще раз огляделся. У него был настороженный вид. Похоже, он боялся чего-то, потому что быстро пошел в сторону горящего факела. Бесшумно Конан двинулся следом за ним. Человек спешил. Он шел, то и дело оскальзываясь. Остановившись под факелом, он снова осмотрел улицу. Меч Конана со свистом вылетел из ножен.

— Меня ищешь?

Незнакомец резко повернулся и расширил глаза, когда увидел, что лезвие меча направлено ему в горло. Как Конан и предполагал, это оказался тот самый тип в шелковых фиолетовых одеждах.

— Спокойно, спокойно! — пробормотал незнакомец торопливо, выставив вперед руки, чтобы показать, что в них ничего нет. — Конéчно, я искал тебя. Но только чтобы поговорить, а не ограбить! — Он говорил тихо и с придыханием.

Конан улыбнулся при мысли, что ему ничего не стоило бы отрезать мужские стати у этого человечка, едва достающего ростом ему до груди. А этот коротышка еще объясняет Конану, что вовсе не собирался его грабить.

— Ясное дело, что ты не хотел ничего дурного. Не то моя судьба была бы ужасной. — Затем уже совершенно другим тоном Конан рявкнул: — А теперь говори, чего ты хочешь!

— Я нечаянно подслушал твою беседу с тем столь удачливым наемником, там, в харчевне. Как я понял, ты солдат удачи. И сейчас у тебя нет ни работы, ни денег.

— Ага. Ни того ни другого, — подтвердил Конан. — Только не считай меня таким дерьмом, которое согласится идти в услужение такому, как ты!

Тяжелые веки с длинными ресницами опустились. Человечек вспыхнул:

— Ты не так меня понял. Я хотел нанять тебя для одного дела. Это подходящее дело для сильного, умелого и отважного воина. А ты ведь как раз таков, а?

— Да, я такой, — согласился Конан. Не глядя, он кинул меч в ножны. — Почему же тогда ты не подошел ко мне там? — И он мотнул своей черноволосой головой в сторону «Меча и Посоха».

— Дело мое секретное, требует большой конфиденциальности. Я не мог говорить об этом там, где другие бы подслушали. — Он подошел поближе и снизу вверх посмотрел на Конана.

Киммериец мгновенно пожалел, что теперь их не разделяет длина его доброго меча. От человечка сильно несло парфюмерией. Впрочем, отвращение Конана было немедленно смыто следующими словами незнакомца:

— Что до платы, то обижен ты не будешь.

— Продолжай, — прорычал Конан. Ему приходилось наниматься на службу к куда большим ублюдкам, нежели тот, что стоял сейчас перед ним. Какая разница! Золото не пахнет. И совершенно не важно, какие лапы его перед этим мусолили.

— Не здесь. Даже здесь могут найтись любопытные уши. Кроме того, — незнакомец поежился, — ночь становится холодной.

Конан, который был одет куда легче и скромнее, чем его собеседник, казалось, не обращал внимания на холодный ветер.

— Не знаю, по мне, так самое то. Ладно, уж если так нужно, я знаю подходящее местечко недалеко отсюда. Пошли.

Не сочтя за труд даже оглянуться, киммериец шагнул вперед. Удивленный его неожиданным уходом, коротышка несколько секунд стоял неподвижно, а потом припустил за ним. Прошло несколько мгновений, и какая-то тень в плаще появилась в дверном проеме харчевни и бесшумно последовала за ними.

Конан свернул в короткую аллею. Он слышал, что коротышка все еще следует за ним. Киммериец остановился возле факела, горящего в нише рядом с дверьми. Широкие и высокие двери свидетельствовали о том, что это конюшня. Даже отсюда слышно было фырканье лошадей.

В больших воротах была сделана еще одна маленькая дверь — для людей. К ней был приколочен ящик. Из этого ящика Конан извлек свечу и зажег ее от факела.

— Пошли, — сказал он, входя внутрь. Он поднялся на один лестничный пролет. Ступеньки скрипели под его весом. Киммериец вошел в крохотную конурку. В свете свечи можно было разглядеть скудную обстановку: кровать, стул и маленький стол.

Коротышка вошел и сморщился от отвращения:

— Ну и воняет же здесь! — Из рукава он извлек носовой платок и приложил его к носу и рту.

— Любая конюшня пахнет лучше, чем та смердящая дрянь, которой ты себя поливаешь, — проговорил Конан. Он открыл ставни единственного окна каморки: — На, наслаждайся. Вот тебе свежий воздух, коли не можешь тут дышать. — Конан отцепил

ножны от пояса и уселся на кровати, положив меч на колени. — Ну ладно, а теперь давай рассказывай свою историю.

Человечек присел на колченогий табурет, сперва обтерев его платком.

— Хорошо. Меня зовут Пирис. Я прибыл сюда из Шадизара, что в Заморе. Я ищу... одну вещь, которую у меня украли.

— Что за вещь? — спросил Конан.

— Всему свое время, мой друг. Я уже давно ищу эту вещь. Кроме того, найдется еще немало охотников, желающих прибрать ее к рукам. Первый, кто похитил ее, давно уже мертв. С тех пор эта вещь много раз меняла хозяев.

— И ты думаешь, что эта штука здесь, в Бельверусе?

— Она здесь была, и у меня сильное подозрение, что в настоящее время она на пути в Шикас в Аквилонии, если уже не там.

— Ни разу не слышал о таком месте, — сказал Конан.

— Это небольшой город, но, говорят, богатый. И пользуется очень дурной славой. Он находится в нескольких милях в сторону от королевской высокогорной дороги между Тарантией и Шамаром, у слияния двух рек, Оссара и Фури. Своим богатством город главным образом обязан находящимся неподалеку серебряным рудникам. Однако это же богатство притягивает в город и довольно свирепых типов. Хотя они — королевские чиновники, они... как бы это сказать?

— Взятки берут, что ли? — Конан знал эту породу людей.

— Я не хотел бы судить на основании одних лишь слухов, — запротестовал Пирис, — однако похоже, что дело обстоит именно так. По крайней мере, у меня возникло такое впечатление. Как ты понимаешь, я не хотел бы искать свою... вещь... в таком месте, кишащем хищными, алчными и злобными людьми, не имея сильного и искушенного в ратном деле помощника.

— Резонно, — согласился Конан. — Ладно, а теперь выкладывай, что это за штуковина, которую ты ищешь?

Пирис заколебался:

— Ах, мой друг... Конан — ведь так тебя зовут? Да, Конан. Эта вещь — именно то, что я хотел бы...

— Слушай, человечек, ты мог бы выражаться пояснее? — рыкнул Конан.

— Понимаешь, я хотел бы, чтобы ты отправился вперед меня в Шикас и кое-что разузнал об этом городе. А я последовал бы за тобой и появился там через день или два. У меня здесь есть еще кое-какие дела, которые я должен уладить. В Шикасе я скажу все, что тебе нужно знать.

— Эй, ты. Не нравятся мне эти тайны. У меня появилось желание спустить тебя вниз по лестнице. А может быть, и нет. Может быть, окно куда лучше. — Конан оценивающе поглядел на

окно, как бы примериваясь, достаточно ли оно велико, чтобы выбросить в него коротышку.

— И за эту работу я заплачу тебе тысячу золотых. Эта сумма будет выплачена сразу же после того, как мы найдем мою собственность.

Конан мгновенно смягчился:

— Тогда гони задаток. Мне надо будет снарядиться в дорогу.

Пирис улыбнулся, обнажив маленькие, правильной формы белые зубы:

— Конечно. — Он извлек из-под своих одеяний толстый кошелек и протянул его Конану: — Для дорожных расходов ста золотых хватит?

Конан вытряхнул содержимое кошелька на стол. На монетах отчеканен профиль короля Кофа. Монеты были одного достоинства — золотые десятки. Конан быстро отделил двадцать штук, остальное сгреб, сунул в кошель и швырнул обратно Пирису.

— Скажем так: на мои дорожные расходы двухсот золотых, пожалуй, хватит. А теперь скажи, как ты найдешь меня в Шикасе?

Пирис подкинул на ладони кошель, который стал теперь куда легче, чем прежде. Грустно глянув на него, он сунул кошель под одежду.

— Очень просто. Мне почему-то думается, что тебя будет не трудно найти. Даже в том городе, где, как говорят, кишмя кишат разбойники. Просто остановись в гостинице возле главных городских ворот. Там я тебя найду.

— Как я понимаю, разговор окончен, — сказал Конан.

— Да, продолжим, когда встретимся в Шикасе. — Пирис кивнул, прикоснувшись пальцами к обтянутой фиолетовым шелком груди. И ушел, оставив после себя облако омерзительных цветочных духов.

Конан захлопнул за ним дверь и закрыл ее на засов. Фортуна снова повернулась к нему лицом. Сначала у киммерийца возникло желание немедленно вернуться в «Меч и Посох» и попытаться отыграться, благо было чем, но он поборол искушение. Здесь, в Бельверусе, удача в игре покинула его, и вряд ли стоило ожидать, что она вернется. Конан подошел к окну, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Пириса в аллее он не увидел, но на мгновение ему показалось, что он заметил какую-то тень, двигающуюся среди еще более густых теней. Он вгляделся повнимательнее, однако его острые глаза не отметили больше никакого движения. Конан решил, что, видимо, виной тому накопившаяся за день усталость и выпитое вино. Киммериец закрыл ставни и заложил их на засов. Задув свечу, он лег на узкое жесткое ложе и стал размышлять, почему так случилось, что он ни разу не слышал о Шикасе. Конан вполне справедливо считал, что знает все нанеречет города с

дурной репутацией. Ну ладно. Вне всякого сомнения, он все выяснит, когда окажется там. Судя по всему, этот город должен Конану понравиться.

Следующий день Конан посвятил обходу рынков и базаров Бельверуса, чтобы купить себе все необходимое. Первым делом он посетил квартал оружейников, чтобы подобрать себе подходящее оружие. В одной из лавок он нашел кинжал, который, на его взгляд, мог бы заменить проигранный. У кинжала была деревянная рукоять и лезвие длиной в ступню ноги, а шириной у основания — в три пальца. Лезвие было острым как бритва.

Потом Конан долго шатался среди оружейных магазинов и лавок, пялясь на длинные копья и крепкие, тугие луки. Затем с сожалением ему пришлось уйти из этого места. В конце концов, он собирался в путешествие, а не на поле боя. Именно поэтому он прошел мимо лавок, где продавались щиты. Под большим постаментом, возведенным на маленькой площади, он обнаружил базар, где продавали солдатские доспехи. Именно здесь наемники, вернувшиеся из походов, продавали то, что им было больше не нужно, а те, кто только готовился к очередной заварухе, закупали себе необходимое.

Конан долго присматривался к кольчуге из вороненой стали, длиной доходящей ему до колена, но потом решил, что она все-таки слишком тяжелая. Наемник пытался всучить ему аквилонский доспех для конника. Конану он был ни к чему. А в городе, в узких улочках, мог стать даже опасным для своего владельца. В конце концов на столе, где были разложены легкие кирасы, Конан и обнаружил то, что ему нужно.

Это была бригандина из твердой кожи с матерчатой подкладкой. Между кожей и материей проложены сотни маленьких, заходящих друг за друга пластинок, крепящихся к коже заклепками. Головки заклепок торчали наружу и были отполированы, ослепительно сверкая на фоне черной кожи. Для защиты трудно придумать что-нибудь лучше. Кираса легче кольчуги, но почти столь же гибкая. А коли случится серьезная битва, Конан мог ее надеть как дополнительный доспех на кольчугу. Да и самой по себе кирасы вполне достаточно, чтобы уберечь своего владельца от кинжалов и мечей. А именно на них скорее всего и можно наткнуться в городах, пользующихся дурной репутацией. Кроме того, кираса выглядела куда роскошнее, нежели простая кольчуга, плотно прилегала к телу, обтягивая грудь и поясницу и придавая чертовски мужественный вид. Она показывала всем и каждому, что владелец этой кирасы — отнюдь не тот, с кем стоит связываться.

После этого Конан отправился на поиски шлема. Он перебрал огромное множество, пытаясь найти подходящий. На базаре имелись аквилонские и пуантенские шлемы с забралом, остроко-

нечные туранские шлемы, гребенчатые немедийские, даже неведомо откуда попавший сюда рогатый шлем из далекого Асгарда. В конце концов Конан остановил свой выбор на стальной каске, обтянутой изнутри бархатом. Многослойной войлочной подкладки у этого шлема не было. Он плотно сидел на голове и был меньше и легче, нежели боевые шлемы. Впрочем, этот шлем мог защитить от удара мечом, а также сохранить своего владельца от удара деревянной дубиной, хотя отсутствие войлочной прокладки и обещало головную боль на протяжении всего следующего дня после такого удара.

Покончив с подбором оружия и доспехов, Конан отправился к тем рядам, где торговали одеждой. Год шел на убыль. Дни становились все короче, а устойчивые северные ветры свидетельствовали о скором наступлении зимы. Конечно, Конан привык к морозам, но не видел никакого смысла в том, чтобы страдать от них попусту. Поэтому он купил себе зимнюю одежду, теплые сапоги и перчатки. Он нашел себе отличный плащ из тонкой шемитской шерсти, который мог бы служить во время путешествия одновременно и одеждой, и одеялом. Плащ был широкий, полукруглой формы, цвета запекшейся крови.

Закончив экипировку, Конан отправился туда, где торговали лошадьми. Здесь он пересмотрел уйму лошадей, начиная со скромных трудяг, способных безропотно волочить тяжелый плуг, и заканчивая горячими скакунами — столь горячими, что только опытные конюхи могли управляться с ними. И то на каждого коня их требовалось двое. Были здесь и кони для охоты, беговые кони, используемые для скачек, а также пони для благородных дам. Наконец киммериец остановил свой выбор на сильном, крепко сложенном жеребце. Наверное, дюжину раз варвар вскакивал в седло и слезал обратно, проверяя коня. Скакун был удивительно грациозен. Похоже, он способен развивать, если нужно, большую скорость, а также отличался выносливостью. Жеребец неплохо выезжен и прекрасно слушался узды. Конан потратил добрую часть утра, отчаянно торгуясь, чтобы сбить цену за превосходное животное. После чего повел коня к кузнецу, чтобы подковать его, и внимательно наблюдал за всей процедурой. Он хотел удостовериться лично, что все будет сделано так, как надо. Плохие подковы сгубили уже не одного прекрасного коня и его хозяина. Потерявший подкову или плохо подкованный конь был еще менее полезен в быстрой скачке, нежели собака.

Убедившись, что подковы выдержат долгое путешествие, Конан повел коня в ряды седельщиков, где приобрел британское седло. Разошедшийся седельщик, после того как они с Конаном ударили по рукам, приложил в придачу к седлу пару седельных сумок и сбрую.

После этого Конан прикупил еще несколько мелочей, необходимых в путешествии: кремень и кресало, веревки и колышки, а также бурдюк. Все это он уложил в седельные сумки. Затем занялся поисками лавки, где мог бы приобрести карту местности.

Он остановился на лавке, которая находилась в районе, населенном школярами и мастерами тайных искусств. Кроме них, здесь было множество торговцев книгами. Из лавок, где продавали пергаменты, доносился постоянный скребущий звук. И внутри, и прямо на улицах трудилось множество писцов, начиная с самых простых, сидящих за складными столиками, до искусных копировщиков, трудолюбиво переписывающих манускрипты, и каллиграфов, изготовляющих богато украшенные пергаменты для сильных мира сего. Были здесь и художники, которые тратили целые дни, вырисовывая и украшая одну-единственную заглавную буквицу.

Конан больше привык к местам, населенным такими же искателями приключений, как он сам, поэтому, оказавшись здесь, он невольно почувствовал некоторый интерес. Киммериец остановился перед магазином, торгующим колдовскими принадлежностями, разглядывая единственное окно, которое одновременно служило и витриной. Внутри виднелась картинка странного урода, нечто вроде крошечного демона. Существо приплясывало на тонких птичьих лапках среди посохов, мечей с выгравированными на лезвиях рунами, одеяний, расписанных звездами, и хрустальных сфер. В широкой части яйцеобразного туловища демона находился клыкастый рот, над которым виднелись три красных глаза на коротких стебельках. Нижняя часть «яйца» украшена длинной бородой. Конан заметил, что, когда эта тварь прыгала с места на место, она время от времени исчезала, а порой становилась прозрачной, из чего Конан заключил, что она — чистой воды иллюзия.

Время от времени расспрашивая торговцев, Конан в конце концов дошел до небольшого тупика, где примостилась лавка торговца картами. Единственное, что указывало на характер заведения, была пара позолоченных циркулей, приколоченных к стене над низкой дверью. Пригнувшись под низкой притолокой, Конан вошел внутрь.

Внутри оказалось светлее, чем можно было бы предположить при взгляде на этот неказистый магазинчик. Свет вливался через окно наверху. Было исключительно чисто, ни соринки. Вокруг лежало множество карт, но при этом царил полный порядок — ни малейшего признака хаоса. Скрученные в рулон карты хранились в кожаных трубках. Тубусы были закрыты и на каждом имелись надписи. В задней части помещения находился невысокий прилавок, за которым восседал старец, склонившийся над картой, которая лежала перед ним. Когда вошел Конан, он поднял голову от своей работы:

— Чем могу служить, мой господин?

Конан подошел к прилавку и оглядел карты, развешанные по стене, — а их было множество.

— Мне нужно найти одно место. Город, именуемый Шикас, в Аквилонии. Я должен поехать туда и хотел бы отправиться так скоро, как только будет возможно.

— Шикас, — проговорил старик. — Погоди-ка, погоди... Мне знакомо это название. Хотя эта метрополия является уже чуть ли не легендой.

Он встал и прошел к полкам, где лежали карты. Порывшись, он извлек одну трубку. Вытащив оттуда свернутый пергамент, он разгладил его на столе. Пока хозяин магазина суетился, Конан рассматривал другие карты, развешанные по стенам. Тут имелись работы старых мастеров. На них были обозначены народы, которых давно уже не существовало. Внимание киммерийца привлекла одна особенно древняя, изрядно потемневшая карта. Язык пояснительных надписей был Конану незнаком, а очертания побережий выглядели столь же загадочно.

— Это что, какая-нибудь земля по ту сторону Западного Моря? — спросил Конан.

— Вообще-то нет. Хотя лежит так далеко, что можно считать, будто она и в самом деле находится за Западным Морем, — ответствовал старый географ. — На самом деле континент, который изображен здесь, — тот самый, где ты сейчас стоишь, господин. Но он был таким столь давно, что даже океаны с тех пор изменили свои очертания. Я думаю, что это одна из самых старых карт, какие только существуют. А ведь это — копия с куда более древней карты. Надписи выполнены на языке, умолкнувшем давным-давно. По моему мнению, здесь изображен западный мир, каким он был тогда, когда народы Валузии и Коммории правили землей, а земли пиктов были лишь цепочкой островов в Западном Море.

— Валузия и Коммория, — пробормотал Конан. — Эти названия из легенды. Хотя с пиктами я знаком. Я был еще совсем пацаном, когда понял, что такое — воевать с ними. Даже ваниры не были таким бедствием для нас, каким были пикты.

— Стало быть, ты — киммериец? — спросил географ. — Я так и подумал, когда увидел тебя. За всю свою жизнь мне довелось увидеть меньше полудюжины твоих соотечественников.

— Мои соотечественники не очень-то любят бродить по миру, — ответил Конан. — Это я исключение.

— Подойди, посмотри вот сюда.

Конан подошел к столу. Иссохшей рукой, похожей на паучью лапу, старец указывал на карту, разложенную перед ним на столе.

— Вот карта юго-восточной Аквилонии. Ты умеешь читать по-немедийски?

Конан кивнул:

— Могу и довольно свободно, хотя это умение для меня внове. Эти имена достаточно просты, чтобы их разобрать. — Он указал на змеящуюся голубую линию возле пятнышка в форме крошечного стилизованного изображения форта. — Это река Тайбор, а это — Шамарская переправа.

— Совершенно верно. А вон там, — географ указал на небольшую точку на полпути между Тарантией и Шамаром, — находится Шикас. Отсюда до Шикаса есть два пути. Южная дорога приведет в северо-западный Офир, а затем повернет на север и пересечет Тайбор возле Шамара. Оттуда можно двигаться по королевской дороге к Тарантии. На полпути к Тарантии от дороги отходит отвилка на юго-запад. Шикас лежит всего лишь в нескольких милях по этой отвилке. Однако в Офире сейчас идет гражданская война и пограничные переправы тщательно охраняются.

Аккуратно наманикюренный указательный палец повел по другой линии:

— Я бы посоветовал тебе двигаться северной дорогой. Большак между Бельверусом и Тарантией считается хорошим. Там много городов, деревень и придорожных таверн на всем пути. Эта дорога пересекается с Аквилонской на юг от Тарантии, а оттуда ты можешь, двигаясь в южном направлении, добраться до Шикаса.

— Раз так, то я, стало быть, этим путем и отправлюсь, — заявил Конан.

— Сделать тебе дорожную карту? Это потребует всего лишь нескольких минут. Я выпишу названия основных городов, которые встретятся тебе на пути, и расстояния между ними.

— Идет, — сказал Конан.

Старик открыл письменный прибор и вынул оттуда тонкий листок. Материал не был тонким пергаментом, который использовался для подробных карт, создаваемых на века. Это была обычная бумага. Географ начал с величайшим умением набрасывать на этой бумаге линии и надписи, время от времени обмакивая кисточку в чернильницу.

— А тебе не приходилось слышать что-нибудь о Шикасе? — спросил Конан.

— Место это малоизвестное, так что вряд ли удастся много чего узнать, — сказал географ. — Но я посмотрю, может быть, что-нибудь и найду.

Старик помыл кисточку в воде и отложил ее на полку. Затем вытащил рог, украшенный серебром, откуда рассыпал по листку бумаги тонкий порошок, чтобы промокнуть свой рисунок.

— Ладно, посмотрим, что у нас есть насчет Шикаса. — Он подошел к высокому шкафу, полному книг и свитков, некоторые из которых были столь же древними, как и карты, висящие на стенах. Географ выбрал тяжелый том и вынул его из шкафа. Переплет был кожаный, офирской выделки. Создавалось впечатление, что книга эта относительно новая. Старик положил ее на стол и начал листать.

— Это последнее издание анналов Аквилонского королевства, — проговорил он. — Каждый король в Аквилонии за время своего правления издает очередной том анналов, в котором отражены сведения на момент его вступления на престол. Если случается так, что король правит долго, то при его жизни появляется несколько таких анналов, один за другим. Хотя в первую очередь эти анналы используются сборщиками налогов, также они являются бесценным подспорьем и для картографов. Том, который лежит перед тобой, — десятилетней давности.

Конан был заинтригован. «Так вот, стало быть, как король умудряется помнить о том, кто и что ему должен!»

— Да, таково главное предназначение этих книг. Кроме того, в них содержатся сведения о населении, о местных ремеслах, о поголовье скота, а главным образом — о том, какой вассал на какую часть земли имеет право. Издание каждого тома анналов каждый раз является предметом нескончаемых споров.

— Еще бы. — Конану самому приходилось много раз участвовать в подобных спорах.

— Ага, вот. Нашел. Шикас. Сперва описывается его местоположение. Он стоит на слиянии двух рек, Фури и Оссар. Отсюда Оссар течет, чтобы впасть в нескольких сотнях лиг на северо-запад в Хорот.

Население Шикаса — около десяти тысяч человек. Вокруг города расположено несколько мелких селений. Там разводят коров, овец, свиней и прочую живность. Большинство земель вокруг города распахано. Доход приносит также рыболовство. Впрочем, основной источник богатства города — большой серебряный рудник, находящийся рядом с городом на противоположном берегу Оссара. Серебряное месторождение здесь очень обширное. Было открыто триста лет тому назад. Уже вскоре после открытия Шикас становится широко известным как «Город Серебра». Конечно, спустя десятилетия шахты сильно выработали. Но несмотря на это, Шикас дает заметный вклад в ежегодную добычу серебра в Аквилонии.

...А это может тоже представлять определенный интерес. Будучи источником драгоценного металла, Шикас не подпал под владения какого-либо феодала. Он является собственностью Короны. Поэтому местным представителем власти является город-

ской голова, который следит здесь за законностью и является командиром городского гарнизона. Будучи командиром, он имеет под своим началом до ста человек.

— Стало быть, это не местный лорд? — спросил Конан.

— На первый взгляд может так показаться. А вот еще. Помимо серебра, Шикас производит для внутреннего рынка в некоторых количествах ткани и валяную шерсть. Также здесь представлены все традиционные ремесла. Каких-либо древних или широко известных общественных структур в городе нет, хотя несколько довольно красивых строений были возведены в городе в годы наивысшего процветания, когда запасы серебра еще не были истощены. Имеются храмы для государственных культов, включая довольно роскошный храм Митры.

— Да, выходит, скучноватое местечко, — пробормотал Конан.

— А ты чего ожидал? — удивился географ.

Конан поблагодарил старика и оплатил дорожную карту. Выйдя из лавки, он отвязал свою лошадь от небольшой статуи, посмотрел, высоко ли стоит солнце. Судя по всему, было чуть за полдень. До конца дня оставалось немало времени. Конан решил, что ничего больше в Бельверусе его не удерживает. Узкими улицами он проехал к западным воротам города — изощренному сооружению, украшенному пурпурным мрамором. Высотой ворота были в сорок футов. Наверху, как и над всеми городскими воротами, сиял, подобно солнцу, гигантский бронзовый гонг.

Конан выехал из городских ворот и поехал мимо складов и караван-сараев, где прибывающие ночью караваны дожидались утра, когда открывались ворота. Видя, как скрываются у него за спиной сияющие башни Бельверуса, Конан надеялся, что невезение, вцепившееся в него, мало-помалу исчезнет вместе с опостылевшим городом.

Глава вторая

ГОСПОЖА В БЕДЕ

«Приятно вновь скакать по хорошей дороге на добром коне и с полным кошельком», — думал Конан. Затем мысленно одернул себя. Его кошелек, увы, уже весил куда меньше, чем тогда, когда в нем было двести золотых. На подготовку к путешествию пришлось потратить примерно половину всех денег. Поэтому Конан останавливался на ночлег лишь в дешевых придорожных тавернах. Судя по карте, вдоль этой дороги он встретит много городов и деревень,

так что не требовалось тащить с собой большое количество припасов. И проводить ночи под открытым небом не придется. Конан был не из тех, у кого залеживаются деньги. Вот и на этот раз он щедро тратил их по пути. Вместе с тем Конан был достаточно осмотрителен, чтобы избегать азартных игр, хотя возможностей для этого выпадало предостаточно. Еще успеется. Сейчас он спешил. Потом, когда по завершении дела он получит остальные причитающиеся ему восемьсот золотых, он сможет тратить деньги в свое удовольствие. А пока необходимо быстро двигаться.

На пути встречалось немало женщин, которые бросали на рослого киммерийца оценивающие взгляды и дарили ему завлекающие улыбки. Немедия издревле славилась своими красотками. Но Конан лишь ухмылялся в ответ и ехал себе дальше. Немедийские мужики, мужья этих женщин, отличались прямо-таки безумной ревностью, а также готовностью кинуться в драку с любым, чье поведение они сочтут оскорбляющим честь. И не то чтобы Конан боялся какого-нибудь там немедийского ревнивца. Просто если он будет драться с каждым безмозглым дурнем, то никогда не доберется до Шикаса.

Время от времени ему попадались патрули немедийских солдат, с подозрением провожающих его глазами. Этот покрытый шрамами варвар с черной гривой волос и голубыми глазами, в черной кирасе с блестящими заклепками и стальной шапке, не внушал им ни малейшего доверия. Но тем не менее они предпочитали не связываться с ним, и каждый ехал своей дорогой. Предостережением для солдат служил мрачный взгляд киммерийца и совершенно очевидное умение владеть оружием. В конце концов, ни в каких злодействах он замечен не был.

Прежде чем киммериец добрался до аквилонской границы, с севера через горные перевалы уже начал дуть холодный ветер, а небо заволокло свинцовыми тучами. Здесь, вблизи от границы, селений попадалось гораздо меньше, а путешественники старались собираться в большие группы, чтобы чувствовать себя в безопасности. В Немедии, как и везде, чем дальше от центра, тем больше шансов нарваться на нежелательную стычку с бандитами.

Немедия всегда отличалась суровостью, даже жестокостью своих законов и наказаний для преступников. Кроме того, в своих владениях местные властители имели обыкновение каленым железом выжигать малейшие попытки бунта. И в результате многие из тех, кто лишился жилья, бежали в горы и становились изгоями. Иногда они объединялись в большие банды и нападали на караваны или группы путешественников, оставляя за собой лишь изуродованные трупы, с которых были сорваны все ценности и даже окровавленные одежды. Краткие расспросы в деревнях — и Конан узнал, что минуло уже немало лет с тех пор, как королевские вой-

ска в последний раз сделали попытку очистить эту область от разбойников. Поэтому Конан внимательно осматривался по сторонам. В любой момент он готов был выхватить меч из ножен.

До границы оставалось полдня пути. Однако ночь застала Конана прежде, чем он успел добраться до ближайшей деревни. Он уже было приготовился к беспокойной ночевке под открытым небом, но тут заметил невдалеке свет нескольких костров. Конан осторожно приблизился, готовый в любую секунду повернуть коня обратно. Уже много раз на своем кратком веку ему доводилось приближаться к таким вот кострам, на первый взгляд дружелюбным, только для того, чтобы выяснить, что костры эти — не что иное, как ловушка, расставленная бандитами для неосторожных путешественников.

Когда Конан приблизился к костру, навстречу ему показался человек, настороженно держащий обеими руками копье.

— Ты кто? — хмуро спросил незнакомец.

— Друг, кто же еще. Не будь это так, ты бы уже пытался слепить заново ошметки собственного черепа, — ответствовал Конан. — И вот тебе мой совет, болван: когда столь хамски спрашиваешь человека, кто он такой, то держи, по крайней мере, острие копья наставленным на него. Не стой как новобранец на смотре.

Говоря это, Конан видел, что парень нервничал. Возможно, у него были на то причины.

— Я воин, — заявил Конан. — Надеюсь, воину ты не откажешь в гостеприимстве на эту ночь.

К ним подошел еще один человек, постарше:

— Конечно. Иди к нам, воин, раздели с нами тепло костра.

Конан выехал на открытое место, где вокруг костров стояли несколько небольших палаток. К огню жалась пестрая группа путешественников. Кто сидел, кто устроил себе лежанку прямо у огня. Большинство из них были, на первый взгляд, бедными торговцами, из тех, кто еле-еле сводит концы с концами. Однако было среди путников несколько человек побогаче. Была также и пара-другая семейств с детьми. Тут и там среди путешественников виднелись оборванные пилигримы, каких можно встретить в любом караване. Безумные странники без конца таскаются от одного святого места к другому в поисках озарения. Чаще всего, впрочем, они вместо озарения свыше находили себе могилу где-нибудь на обочине дороги.

Конан отыскал место, где трава была повыше и погуще, и вбил там в землю колышек, к которому привязал коня, после чего расседлал животное и оставил его пастись. Держа в руках седло и сумки, Конан подошел к костру, где сидел пригласивший его человек. Тот подал ему широкий лист, на котором лежало полломтя хлеба, политого соусом.

— Подозрительное здесь место, — пробормотал Конан с набитым ртом.

— Ходят слухи, что здесь в округе рыщет банда разбойников, недавно перешедшая границу Аквилонии. Они уже шуровали здесь в прошлом году, а затем перебрались на запад в поисках более богатой добычи. Говорят, совсем недавно аквилонцы снова вытеснили их сюда, в Немедию. Так что они где-то поблизости.

Конан принял бурдюк вина, переданный ему какой-то женщиной, а затем отдал его старику.

— Большая банда? — спросил он.

— Разное говорят. Кто говорит, что их всего лишь пятеро или шестеро, а кто — что их человек сорок. Впрочем, может быть, тут одновременно действуют несколько маленьких банд, которые время от времени собираются вместе для больших набегов. Любые пограничные земли кишат такими бандами, всегда готовыми удрать за границу, как только власти той или иной страны теряют терпение.

— Судя по всему, дело дрянь, — заметил Конан. — Выходит, я здесь единственный, кто способен держать в руках оружие?

Собеседник кивнул в сторону небольшого костерка, где расположились двое в ржавых кольчугах. На поясах у них были короткие мечи. Из рук в руки они передавали бурдюк с вином.

— Вон те двое. Утверждают, что они солдаты.

Конан фыркнул:

— Я бы таких не поставил и ночной горшок охранять. Стоит бандитам ударить — и можете быть уверены, что увидите, как замелькают пятки у этой парочки. Если только они не нажрутся раньше времени.

— Да ты, я погляжу, настоящий боец, — сказал старик. — Меня зовут Решта из Асгулуна. Я торговец пряностями. — Он протянул руку, и Конан пожал ее.

— Я Конан из Киммерии. Мое ремесло тебе уже известно. Я направляюсь в местечко, именуемое Шикас. Ты когда-нибудь слышал о таком?

— Я знаю только, что за последние несколько лет у этого места репутация стала хуже некуда. Мне приходилось бывать в этом городе много раз по делам, но никогда у меня не возникало горячего желания вернуться туда снова. Тебе-то что там делать? Я что-то не слышал, чтобы в Шикасе шла война.

— Возможно, скоро начнется, — проговорил Конан.

Вскоре все, кроме тех, кто был назначен сторожить, отправились ко сну. Становилось все холоднее и холоднее. Конан устроился поближе к огню и расшнуровал свою кирасу. Несколько жалких бандитов — не такая уж страшная угроза. Во всяком случае, ее явно недостаточно, чтобы заставить Конана спать в доспехе. Он улегся, завернувшись в свой плащ и пристроив голову на

седло. Последнее, что он сделал, — положил под плащ рядом с собой меч в ножнах. Держась за рукоять меча, он заснул.

— Бандиты!

Крик мгновенно вырвал Конана из объятий сна. Не до конца еще сообразив, что произошло, киммериец уже стоял на ногах в боевой стойке. Обнаженный меч сверкнул у него в руке. Времени надевать кирасу не было. Однако он проворно схватил свой стальной шлем и нахлобучил на голову. Он заметил, как в полумраке крадутся какие-то тени. Кто-то бросил охапку сухих сучьев в огонь. Пламя разгорелось, высветив нападающих. Единственное, что на мгновение увидел Конан, были глаза, расширившиеся от ужаса, и сверкнувшие белые зубы. В следующий миг послышались отвратительные звуки врубающейся в тела стали, звон скрестившихся клинков, крики женщин.

И вот уже Конан вытеснил все это из своего сознания и сконцентрировал внимание на нападающих. Один из них заметил Конана и с воплем бросился на него. Держа обеими руками перед собой копье, бандит бежал вперед, пытаясь всем весом насадить Конана на острие. Почти с ленцой Конан перехватил копье сразу под наконечником и рванул его в сторону. Затем меч его блеснул в свете костра, отрубив нападающему запястья обеих рук. Бандит с воем сгинул в темноте.

Конан бросился к одному из костров. В круге света киммериец увидел разбойника, готового уже обрушить топор на лежащую ничком жертву. Конан полоснул бандита клинком по ребрам. Костер ярко пылал. Конан повернулся так, чтобы огонь оставался у него за спиной. Теперь любой, кто сунется к киммерийцу, будет хорошо освещен. Вряд ли кто-нибудь решился бы атаковать его через пламя костра.

— Вон он, там! — выкрикнул кто-то, и внезапно Конану показалось, будто вся банда разом ринулась на него. Конан отбил летящий топор и развалил надвое вражескую башку. Прежде чем тот упал, Конан схватил его за куртку и притянул труп к себе, использовав этот страшный щит, чтобы принять на него рубящий удар двуручного меча. Длинное тяжелое лезвие с хрустом врубилось в позвоночник убитого. Через мгновение Конан выпустил труп из рук. Падая, тело увлекло за собой застрявшее в нем лезвие. Обладатель меча потерял несколько драгоценных мгновений, пытаясь освободить оружие, но не успел. Меч Конана, разрубив ключицу, рассек легкое и сердце нападавшего.

Теперь на Конана одновременно с обеих сторон набросились двое. Тот, что слева, был вооружен мечом, а противник справа — копьем. Резко развернувшись, Конан чуть отклонился, пропуская удар копья мимо себя, и схватил копьеносца за руку. Потом рывком швырнул его на меченосца. Обалдевшие от столь виртуозной

защиты, разбойники столкнулись лбами. Не теряя времени, киммериец одним могучим ударом разрубил обоих пополам на уровне поясницы.

— Достаточно! — крикнул кто-то, находящийся за пределами светового круга. — Назад! Уходим отсюда!

Громкий топот свидетельствовал о том, что бандиты спешно уносят ноги. Тренированный слух варвара отметил, что в шайке осталось в живых не более четырех человек.

Во внезапно наступившей тишине слышался только треск костров. Затем раздались рыдания женщин, стоны раненых, плач детей. К Конану приблизился Решта и пристально посмотрел на него. В этом взгляде было уважение, граничащее со священным ужасом.

— Клянусь Баалом! — воскликнул шемит. — Ты и вправду не хвастался, когда заявил, что владеешь воинским ремеслом!

— Убитых подсчитали? — поинтересовался Конан и наклонился, чтобы оторвать полоску ткани от туники поверженного разбойника. — Я имею в виду, сколько погибло твоих людей, не считая этих ночных шакалов?

Куском ткани киммериец тщательно вытер лезвие меча, в то время как торговец пряностями пошел считать потери.

— Из наших убито пятеро, — сообщил Решта, вернувшись.

— А где те два ублюдка в ржавых кольчугах?

— Как ты и предсказывал, они напились до бесчувствия. У обоих перерезано горло. Они так и не проснулись. Трое из моих парней пытались сражаться в темноте, но потерпели поражение.

— Да уж, глупая идея, ничего не скажешь, — заметил Конан. — Когда сражаешься в темноте, приходится целиком полагаться на везение. Немало отличных воинов погибло от руки куда менее достойных только потому, что сражались в темноте.

— Несомненно, этим несчастным не хватало твоего опыта, — отозвался Решта. Он помедлил, прежде чем заговорить снова. — Я думаю, что все здесь, кроме тебя, и я в том числе, в первое мгновение атаки перепугались и впали в панику. Однако же вот что я скажу тебе. Мне кажется, что эти бродяги искали именно тебя.

— Что-то не пойму, с чего бы им меня искать, — ответил киммериец. — Никому не известно, что я тут. Сундуков с золотом я не таскаю, врагами в здешних краях еще не обзавелся. Однако вне всякого сомнения, эти ублюдки сразу поняли, что я лучший боец в этом биваке. Поэтому они первым делом постарались убить меня. Я бы на их месте поступил именно так.

— Ну не знаю, не знаю, — вздохнул Решта. В его голосе слышалось сомнение. — Возможно, оно и так.

С тем он и отошел от Конана, отправившись присмотреть за погребением убитых.

Несмотря на слова, только что сказанные Конаном Реште, киммериец сам не был уверен в своей правоте. Из головы у него не шел тот голос, что донесся из темноты: *«Вон он, там!»*

На следующее утро Конан расстался с путешественниками. Ему абсолютно не хотелось заставлять своего прекрасного коня плестись шагом, вслед за медленно ползущим караваном. Но прежде чем Конан успел уехать, к нему подошел шемитский торговец пряностями:

— Удачной дороги тебе, киммериец, и благодарю тебя за помощь! Даже если эти бандиты и искали тебя, я уверен, они все равно напали бы на нас прошлой ночью, независимо от того, был ты с нами или нет. Они находились поблизости, а мы представляли для них соблазнительную добычу. Я думаю, что, когда ты доберешься до Шикаса, в этом мрачном городе станет повеселее.

Итак, Конан опять ехал один. Он вполне допускал, что бандиты, возможно, поджидают его где-нибудь поблизости. Однако он на коне, в добром доспехе, да и на меч жаловаться не приходилось. При таком раскладе Конан не считал нужным опасаться четырех или пяти жалких разбойников, да еще среди бела дня. Солнце еще не добралось до зенита, когда Конану стало ясно, что уж от этой-то четверки ему вообще никаких беспокойств испытать не доведется.

На расстоянии не больше мили от границы глазам Конана предстало мрачное, страшное, но в общем-то достаточно обычное зрелище. Под большим деревом сидело несколько немедийских солдат, прихлебывающих из чашек дымящийся травяной настой. Над их головами висело четыре повешенных. Поравнявшись с солдатами, Конан придержал коня. Человек с зелеными перьями сержанта на головном уборе встал и подошел к нему.

— Отличная картинка, а, чужеземец? — заговорил сержант.

— Это те самые бандиты, которые за последнее время всем успели осточертеть? — спросил Конан.

— Ага. — На темном лице сержанта блеснула белозубая улыбка. — Мы набрели на эту милую четверку сегодня утром. Изловили их и, не теряя времени, вздернули. Вон видишь того ублюдка в бархатной куртке? — Он указал на тело мужчины средних лет с седоватой бородой. — Его звали Фабирио. Когда-то он был хорошим солдатом королевской армии. А когда я был новобранцем, он был надо мной капитаном. Так что с кем с кем, а с ним-то я знаком. — Сержант сплюнул на землю. — А на дурную дорожку он ступил с тех пор, как убил приятеля из-за игорного долга. Затем последние восемь лет он со своей бандой пакостил по обеим сторонам границы. Теперь уже все, отпрыгался.

Конан одобрительно посмотрел на дерево:

— Хорошая работа. Я был с группой путешественников, когда эти ублюдки ночью напали на нас. Пятерых мы прикончили, остальные сбежали. Другие путники из каравана будут здесь через несколько часов и подтвердят сказанное мною.

— Восхитительно! — вскричал сержант. — Возможно, им все равно суждено было умереть.

— Вам удалось допросить их? — спросил Конан. — Сказали они что-нибудь?

— А мы и не пытались, — ответствовал сержант. — Да и что могли эти твари сообщить из того, что нас бы заинтересовало? Мы изловили их, обезоружили и вздернули. А почему ты спрашиваешь?

Сержант бросил на Конана подозрительный взгляд. С такими взглядами Конан был хорошо знаком.

— Да так просто, — пожал плечами киммериец. — А за их головы награда полагается?

— О, конечно, — сказал сержант. — Единственная неприятность: для этого тебе придется задержаться в Немедии еще на несколько месяцев, пока канцелярские крысы не переправят все бумаги главному сановнику. Тогда, если тебе удастся собрать достаточное количество свидетелей, может быть, тебе и выплатят награду. Однако ты вроде бы смахиваешь на парня, у которого зуд в пятках — двигаться дальше. Так что я не советовал бы тебе лелеять надежды насчет получения обещанной награды за бандитов.

— А я и не буду, — фыркнул Конан. — Оставшись здесь, я больше потеряю.

— Ну так скачи себе вперед, и да пребудет с тобой благословение богов, чужестранец! — сказал сержант.

Конан тронулся в путь, прочь от дерева с его чудовищными «плодами», размышляя о странной закономерности: попадающиеся ему офицеры, как правило, всячески подчеркивали свое желание видеть Конана как можно дальше от вверенных им территорий. Вот и в этот раз Конан мог поручиться, что сержант с зелеными перьями — не последний такой офицер из встреченных им.

Вскоре после полудня он пересек границу с Аквилонией. Граница была обозначена двумя небольшими фортами по обе стороны дороги. Форты были воздвигнуты потому, что в данной местности не было никакой естественной границы, такой, как река или горный перевал. В течение некоторого времени между Немедией и Аквилонией сохранялся мир. Поэтому пограничные чиновники ограничились тем, что записали имя Конана и выдали ему восковую табличку, на которой были проставлены дата и место пересечения границы. Табличку эту полагалось предъявлять королевским офицерам по первому требованию и сдать пограничным чиновникам при выезде из страны. Конан заставил себя

пройти всю эту глупую процедуру, хотя считал ее совершеннейшей чушью.

Пограничные территории Аквилонии были похожи на подобные же земли в Немедии. Разве что власть чувствовалась здесь куда сильнее и было больше порядка. Деревни, как правило, были чище и богаче, нежели те, что стояли по ту сторону границы. Хотя до этого Конану не было никакого дела. Покой, царящий здесь, мало привлекал его. Конан любил бурное многообразие жизни, полной приключений. Если бы он стремился к спокойному прозябанию, то остался бы у себя на родине, в Киммерии. Жизнь там, возможно, тяжела, нравы — суровы, но уж чего-чего, а скуки и покоя там хоть отбавляй. Именно от беспросветной скуки Конан и бежал.

Королевская дорога была вымощена каменными плитами, однако Конан замечал тут и там выбоины, сквозь которые прорастала трава. Местами камни выветрились от непогоды и явно нуждались в замене. Этим местам явно не хватало хозяйской руки. За время своих бесконечных странствий Конан научился безошибочно определять признаки запустения. В лесистых долинах Киммерии сломанный сук и несколько черных жестких волосков на обломке скалы лучше всяких слов говорили Конану о том, что дикий бык, живший где-то неподалеку, состарился и плохо видит. Точно так же и здесь: отличная дорога со следами плохого ухода означала явные приметы того, что король этой земли начинает терять власть.

Но несмотря на все это, дорога действительно была хороша. Конану потребовалось всего несколько дней, чтобы добраться до тракта, ведущего в Тарантию. Будь его воля, он, конечно, поехал бы на север, чтобы полюбоваться столицей. Но киммериец повернул на юг, в сторону Шамара.

Дорога связывала два главных города Аквилонии. В те времена года, когда движение особенно интенсивно, она была практически запружена путешественниками. Теперь же, ввиду приближающейся зимы, количество путников заметно сократилось. Земли по обеим сторонам дороги были возделаны. На обширных полях трудились селяне. На далеком расстоянии зоркий глаз киммерийца мог различить изящные виллы местных богачей. Повсюду вдоль дороги были воздвигнуты почтовые станции.

Время от времени встречались капища местных богов. Кое-где были остатки подношений — цветы, выпечка, благовония. Проезжая мимо одного из капищ, Конан услышал странные звуки, доносящиеся из-за деревьев, росших сразу за капищем, — хриплые голоса мужчин, а затем резкий высокий вскрик женщины. Не размышляя больше, Конан пришпорил коня, съехал с дороги и поскакал к деревьям.

Милая картинка открылась сразу же за деревьями. Оторванные от своего занятия, трое амбалов подняли головы, глядя на подъезжающего киммерийца. Это были свирепого вида мордовороты с мечами на поясах и длинными кинжалами. Они склонялись над связанной женщиной, которая сопротивлялась изо всех сил, не позволяя сорвать с себя одежду. Конан увидел, как сверкнула ее белая кожа, и ухмыльнулся. Хоть какое-то разнообразие в унылой размеренности сегодняшнего утра.

— Пошел прочь, болван! — прорычал один из негодяев. Его щербатый рот обрамляли тонкие черные усы. Жирные черные волосы разделял зигзагообразный шрам, проходивший по центру башки. — Катись отсюда! Никто тебя сюда не звал! Найди себе другую забаву!

— Забаву? — проговорил Конан. — Так ты называешь забавой, когда трое мужиков нападают на одну женщину?

Конан вытащил меч и попробовал ногтем остроту лезвия.

— А вот эта забава по мне! Три ублюдка на одного воина, который знает, как управляться с такой штукой. Ну что, позабавимся?

И, пришпорив коня, Конан двинулся прямо на бродяг. Негодяи переглянулись, а затем все, как один, пустились наутек. Трое на одного — это соотношение все равно не оставляло бродягам шансов, ведь противник на коне и в доспехе. С радостными воплями Конан понесся за своими незадачливыми врагами, которые, как зайцы, петляли между деревьями. Конану было не привыкать гнать коня через лес. Он ехал, низко пригнувшись, чтобы ветки не били по голове. Беглецы выскочили из леса в том месте, где у них были привязаны лошади. И киммериец подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как бандиты улепетывают что есть мочи.

Улюлюкая, как охотник, гонящий оленя, Конан ринулся следом, вращая мечом над головой. К удивлению киммерийца, три разбойничьих скакуна оказались быстрее его жеребца, и всадники скоро исчезли вдали. Конан понял, что догонять их бесполезно. Он натянул поводья, повернул коня, а затем неспешной рысью отправился назад, к капищу.

Женщину киммериец обнаружил на том же месте, несчастная спешно приводила в порядок одежду. Лицо ее раскраснелось от злости. Однако, когда появился богатырь-варвар, она улыбнулась ему, Улыбка ее была ослепительной.

— О господин, я не знаю, как благодарить тебя! Кто знает, какова была бы моя участь, если бы ты не появился столь вовремя!

— Чего гадать! Ясное дело — какая, — сказал Конан. — Но больше тебе незачем бояться. Об этих недоносках могу сказать одно: они самые быстрые трусы в Аквилонии. Точнее, их кони. Неслись как ветер, поэтому мне не удалось принести тебе головы этих негодяев.

— Если это мошенники, то почему бы им не увести самых быстрых коней, — проговорила женщина. — Для любого мало-мальски сообразительного бандита всегда важно вовремя удрать. Тут без быстроногих коней нельзя...

— Наверное, — согласился Конан. — Ну а тебя-то как угораздило напороться на них?

— Я ехала по этой дороге и остановилась в капище передохнуть и совершить небольшое подношение. Когда я вышла, они уже ждали меня. Они, должно быть, давно уже прятались в здешней рощице, подкарауливая одиноких путешественников. Они отняли у меня все драгоценности, а затем потащили сюда, чтобы воспользоваться тем, что у меня еще осталось. Я уверена, что после этого они перерезали бы мне горло. — Она вздрогнула, затем снова улыбнулась: — Но тут появился ты, подобно герою легенд. Я вечно буду благодарна тебе за это.

Пока она говорила, Конан внимательно рассматривал ее. Она ему определенно нравилась. Она была стройной, даже хрупкой, с длинными изящными ногами и тонкой талией. У нее была высокая полная грудь. В обрамлении волны несколько растрепанных каштановых волос виднелось круглое лицо с приятными чертами — пухлые губы, широко расставленные голубые глаза.

— Так говоришь, они забрали все твои сбережения? — спросил Конан, возвращаясь к практической стороне дела.

— Погоди, я посмотрю. — Она огляделась по сторонам. — Мне кажется, они сунули мои вещи куда-то, когда собирались...

— Изнасиловать тебя, — закончил Конан за нее.

«„Изнасиловать" — такое простое, понятное слово, — подумал Конан. — Почему женщинам так трудно бывает выговорить его?»

— Да. Точно. Вот они! Эти негодяи не успели забрать их с собой. — Она наклонилась и подняла что-то, завернутое в шаль. — Да вряд ли назовешь эту добычу богатой.

Конан заметил, что в узелке что-то позвякивало. Такие звуки всегда привлекали особенное внимание Конана.

— Куда ты направляешься? — спросил он.

— В город под названием Шикас, — ответила она. — Это недалеко отсюда. В нескольких милях к югу от этой дороги будет отворотка на Шикас.

— Шикас! Так и мне туда же.

— В самом деле? — Она потупилась, снова зардевшись. — Мой господин, ты уже столько сделал для меня... Я чувствую, что не имею права просить тебя еще об одном одолжении. Но скажи, во имя твоей доброты и милосердия, не мог бы ты позволить мне ехать рядом с тобой, пока мы не доберемся до Шикаса? Мне кажется, я настолько перепугана, что не в состоянии теперь буду ехать по этой дороге одна...

— Конечно, — сказал Конан, мысли которого с первого же взгляда на незнакомку приняли совершенно определенное направление. — Конь мой, конечно, не из тех, что берет призы на скачках, но он достаточно силен и вынослив и спокойно снесет нас двоих.

— О, благодарю тебя, мой господин! Если мне будет позволено взять тебя за руку, я смогла бы воспользоваться твоим стременем и сесть позади тебя.

— Не нужно, — сказал Конан. Он наклонился, обхватил ее вокруг тонкой талии и легко вскинул в седло.

Она вздохнула:

— Никогда прежде не доводилось мне видеть столь сильного мужчину! А ты к тому же не только отважен, но и благороден. Не знаю, как выразить благодарность...

— Ничего, что-нибудь придумаем, — успокоил ее Конан. И, пустив коня рысью, он выехал обратно на большак и повернул к югу.

— Ты говоришь со странным акцентом, — сказала она. — Из каких ты краев?

— Конан из Киммерии, — ответил он. — Вольный воитель.

— Киммерия! Это почти что легенда! Я была еще совсем девочкой, когда твои соотечественники разграбили Венариум, но помню, какая паника поднялась при этом известии. Аквилония столь долго была непобедимой и победоносной, что казалось совершенно невозможным, чтобы простые варвары... — Она хлопнула рукой себя по губам. — О, прости меня! Я не имела в виду...

— Не важно, — сказал Конан. — Я навидался достаточно цивилизованных стран, чтобы понять, какая это отличная штука — быть варваром. Да, я был в Венариуме. Это была моя первая настоящая битва. Славная битва. Те сражения, которые мы выигрываем, всегда славные. — Он обернулся и ухмыльнулся своей спутнице. Макушка ее головы едва доставала ему до подбородка. — Ну ладно, а теперь расскажи, как тебя угораздило пуститься в путь в одиночку, да еще пешком, да еще в такое место, как Шикас?

Она глубоко вздохнула:

— Это нерадостная история. Зовут меня Брита из Тарантии. Отец мой был мастером гильдии ковроделов. Родители умерли во время чумы, которая опустошила этот город пять лет тому назад. Я осталась с моей младшей сестрой Иллой.

У нас остался дом и небольшая пенсия, которую выплачивала нам гильдия. Мне много раз предлагали выйти замуж, но я обещала матери на ее смертном одре, что я не выйду замуж, пока моя младшая сестра не подрастет. В течение некоторого времени нам приходилось довольно трудно, но тем не менее мы выжили.

По мере того как Илла взрослела и вступала в девический возраст, она становилась все более дикой. Вскоре я уже не могла

управляться с нею. Почти все время она проводила в городе, в самых непотребных кварталах. Водилась со всяким отребьем. И каждый ее новый дружок был еще хуже предыдущего. Наконец она привела в дом парня по имени Асдрас, отпетого проходимца.

Брита буквально выплюнула это имя.

— Он был довольно смазлив, ничего не скажешь, но игрок и мошенник, хотя из тех мошенников, какие умеют складно болтать. Родом он был из добропорядочной семьи, однако быстро сбился на кривую дорожку. Как мне кажется, он воображал себя носителем утонченной аристократичности. Держался так, будто скверный образ жизни, который он вел, и его постыдное ремесло — всего лишь развлечение, не более.

Он потребовал — не попросил, а именно потребовал! — руки моей сестры. Конечно, я прогнала его из нашего дома. На следующий день мы с сестрой ужасно повздорили. Она кричала, что я разрушаю ее жизнь, что я сплю и вижу, как бы отвадить от нее людей, которых она любит. — Брита смахнула слезинки, выступившие на глазах. — Как будто такой, как Асдрас, может кого-либо любить, кроме себя самого. — Она снова глубоко вздохнула. — Как ты понимаешь, это не могло длиться вечно. В один прекрасный день Илла решила уйти из дома, заявив, что убежит с Асдрасом. Поначалу я подумала, что это одна из ее ребяческих угроз, и ждала, когда она вернется. Она не вернулась, ни к ночи, ни на следующий день. Я пошла разыскивать ее. Но единственное, что мне удалось выяснить, — она и в самом деле бежала с этим негодяем. Кое-кто из его дружков поведал мне, что Асдрас, мол, слышал, будто город Шикас для таких, как он, Асдрас, — настоящий рай. Он захотел увидеть это собственными глазами. И прихватил с собой Иллу.

Я думала, мое сердце разорвется от горя. Я все равно люблю свою сестру. Кроме того, я дала клятву матери! Потому-то я и решилась отправиться в этот гнусный город, разыскать сестру и вернуть ее назад. Я продала все, что у меня было, чтобы набрать денег на путешествие. И отправилась пешком, поскольку лошадь купить не удалось. У меня нет ни малейшего представления о том, как долго мне придется разыскивать сестру в Шикасе, какие взятки и кому нужно для этого дать.

— Я думаю, тебе лучше вернуться назад, в Тарантию, — сказал Конан. — Такой город, как Шикас, — неподходящее место для славной крошки вроде тебя. Отправляйся домой и жди. Я знавал немало девчонок вроде твоей сестрицы. А еще больше — парней вроде вашего Асдраса. Рано или поздно ей надоест такая жизнь и она вернется домой. Просто дай ей время, пусть перебесится.

На самом деле Конан сказал это лишь для того, чтобы успокоить свою спутницу. Уж кто-кто, а он-то знал, что единственная

дорога, которая уготована девчонкам вроде Иллы, — дорога шлюхи. Часто же негодяи, сманившие их, прогоняют их сами. А то и продают куда-нибудь. Домой же они почти никогда не возвращаются.

— Да, но я не могу вернуться! — Брита подняла к нему свое залитое слезами лицо. — Я люблю мою сестру и уверена, что ее ошибки — это просто юношеская горячность. Если бы я могла вернуть ее домой, я уверена, со временем она бы успокоилась и удачно вышла замуж.

Конан сильно в этом сомневался. Вряд ли девица, известная своими связями с самым отъявленным тарантийским сбродом, вообще когда-либо сумеет выйти замуж за порядочного человека. Но он решил оставить свои сомнения при себе.

Утерев слезы и все еще всхлипывая, Брита снова заговорила:

— Я даже не знаю, как попросить об этом, но ведь ты так добр... Пожалуйста, когда мы доберемся до Шикаса, помоги мне найти мою сестру! — И, увидев, что Конан нахмурился, торопливо добавила: — О, я знаю, что злоупотребляю твоей добротой, но ты понимаешь, я совершенно беспомощна! Я не знаю, что делать! У меня есть немного денег, и я могла бы заплатить за твои труды...

Самое последнее, чего желал бы себе Конан, — это быть телохранителем женщины в таком разбойничьем логове, как Шикас. Вместе с тем ему не хотелось брать от нее жалкие медяки. Однако же и лишать ее надежды Конану не улыбалось. Поэтому он изо всех сил старался говорить уклончиво.

— Ладно. У меня есть одно дельце, которое я должен провернуть в Шикасе. И я уже получил за него задаток. Так что то поручение — в первую очередь. Но как только мы окажемся в городе, я погляжу, смогу ли я и тебе помочь. Я присмотрю, чтобы ты устроилась там в приличной гостинице. А может, потолкую кое с кем из чиновников.

Она просияла:

— Благодарю тебя!

Она обняла могучую шею варвара и поцеловала в немного колючую щеку (уже несколько дней Конан не брился).

Теперь была очередь Конана глубоко вздыхать. Он всегда считал глупым и бесполезным занятием подбирать раненых пташек. По крайней мере, на этот раз пташка хотя бы хорошенькая.

На отвилке к Шикасу располагался небольшой придорожный рынок. Брита отправилась прикупить овощей и зелени, а Конан перебросился парой слов с торговцем одеждой, расспрашивая, правильно ли они едут.

— Ага. Точно. Это дорога на Шикас, — сказал Конану торговец. — И будь я на вашем месте, я не сворачивал бы на нее, а ехал прямо до Шамара. Шикас — плохое место.

— Я обожаю плохие места, — сказал ему Конан.

— Я тоже. И не без оснований. Но Шикас — это не просто плохое место. Это ОЧЕНЬ плохое место. Это ужасное место.

— И чем же оно столь ужасно? — спросил Конан.

— Я мог бы потратить целый день, рассказывая тебе об этом. Только когда ты туда приедешь, ты очень быстро сам все поймешь и узнаешь. Удачи тебе!

Конан вскочил на коня, вскоре и Брита присоединилась к нему. В ее узелке были теперь свежие фрукты, и он стал тяжелым. Конан усадил ее в седло перед собой и, свернув с большака, направился к Шикасу. Глаза Бриты сияли. Она казалась возбужденной и будто бы даже веселой.

— Что ж это ты так развеселилась? — спросил он.

— Я поговорила кое с кем из торговцев, — ответила она. — Они сказали, что несколько дней назад со стороны Тарантии к Шикасу проехали двое. Я попросила их описать этих путников. Судя по всему, это не кто иной, как Асдрас и Илла.

— Ну, это уже кое-что, — пробормотал Конан. Впрочем, он не слишком тешил себя надеждами касательно успеха того дела, что затеяла Брита.

Уже под вечер они остановились на вершине холма, откуда открывался вид на Шикас. Для города со столь дурной репутацией открывшийся с холма вид был слишком уж благообразен. Очертания города имели треугольную форму. Две реки сливались, образуя вершину треугольника. Основанием треугольника служила стена, построенная между двух сливающихся рек. Перед стеной был выкопан ров, соединяющий реку Фури, текшую на востоке, с Оссаром на западе. К северу от стены каменный арочный мост соединял оба берега Фури. В удалении, на противоположном берегу Оссара, Конан мог различить какие-то строения. Должно быть, это серебряные рудники, подумал он.

— Ладно, нет смысла ждать, — сказал он и направил коня вниз по склону холма.

Глава третья
ГОРОД НЕГОДЯЕВ

Подковы гулко простучали по каменному мосту. За мостом дорога сворачивала вправо. Примерно через четверть лиги она упиралась в ворота в городской стене. Перед воротами Конану пришлось остановить коня. Стражник — необыкновенно неряшливый и грязный мужичонка пристально уставился на путников.

Кирасу этого вояки, похоже, не чистили ни разу с того дня, как она создана; шлем измят. Стражник опирался на алебарду — почтенную старушку, которой на вид было лет сто, не меньше.

— Кто такие? — спросил стражник.

— Конан из Киммерии и Брита из Тарантии, — отвечал Конан. — Мы прибыли в Шикас по личным делам и ничего противозаконного не замышляем.

— Ты что, думаешь, это кого-нибудь волнует — законны твои дела или нет? Через эти ворота мимо меня проходили негодяи любого сорта и пошиба, каких только можно себе представить. Кое-кто из них уносит свою задницу через эти же ворота. Но большинство покидает наш гостеприимный городок по реке, кверху брюхом.

Даже с высоты седла Конан легко улавливал кислый винный перегар, исходящий от стражника.

— Нам-то что до этого, — отозвался киммериец. — Слушай, ты так и будешь стоять тут столбом или все-таки посторонишься и дашь нам проехать?

— Въездная плата — две серебряных марки, — буркнул стражник.

— Марка в пользу города и марка в пользу тебя, приятель, а? — поинтересовался Конан.

— Тебе-то что до того? Каждый выкручивается как умеет.

— Я заплачу ему, — спокойно предложила Брита. — Нам вовсе не нужны неприятности со здешними властями.

— Нет уж, только не ты, — проворчал Конан. Он полез в кошель и вытащил четыре серебряных марки, которые и бросил стражнику. — Получи свою плату, приятель, и дай нам наконец проехать.

Стражник отступил в сторону и поклонился с театральной вежливостью:

— Добро пожаловать в наш славный город, о чужеземцы! Скоро вы начнете платить чистым золотом, чтобы только убраться отсюда.

Конан с Бритой въехали в город.

— Мне кажется, этот город уже вполне оправдал свою поганую репутацию, — пробормотал Конан себе под нос.

— Ничего удивительного, что это место так привлекало Асдраса, — откликнулась Брита.

В центр города вела от ворот одна-единственная широкая улица. Она же была единственной относительно прямой. Все прочие боковые улочки, отходящие от нее, были, как на подбор, узкими и кривыми — настоящий лабиринт. Конан с Бритой не успели проехать и два квартала, как им уже было суждено испытать первое потрясение.

— Попался! — послышался крик.

Конан инстинктивно сжал левой рукой ножны, а правую положил на рукоять меча, слегка вытащив его из ножен. Но окрик адресовался вовсе не ему. Три юнца, разодетых в красные кожаные куртки, приперли к стене четвертого. Их жертвой был чернобородый молодчик со шрамом, пересекавшим лицо, и повязкой на одном глазу. Этот человек вдруг выбросил вперед тесак с длинной рукоятью. Трое в кожаных одеждах выхватили хорасанские сабли с длинными искривленными лезвиями и рукоятями такой длины, что их можно было держать обеими руками.

— Трусы! — выкрикнул чернобородый. Он ударил тесаком по одному из юнцов, который со смешком отпрыгнул назад. На его месте тут же оказался второй, который полоснул саблей незащищенный бок чернобородого. Тот шумно выдохнул и зажал рану рукой, одновременно повернувшись, чтобы встретить атакующего врага. В этот момент он, сам того не желая, подставил свою спину третьему, который рубанул его наискосок, от плеча до бедра.

Вскрикнув, раненый отступил назад, тщетно пытаясь удержать тесак между собой и нападающими. Один из одетых в красное убийц выбил тесак у него из рук, в то время как другой вонзил саблю в живот чернобородому. Чернобородый согнулся и, корчась, повалился на камни мостовой. Он прижимал руки к животу и содрогался. Смеющиеся юнцы нанесли ему еще несколько ударов, а затем отправились восвояси, на ходу вытирая сабли. Вскоре их жертва затихла в луже крови, которая натекла из ран.

Задрожав, Брита уткнулась лицом в обтянутую черной кирасой широкую грудь Конана:

— Митра! Что за ужасное место!

— Насколько я могу предположить, — заметил Конан, — законом в этом городе и не пахнет. Иначе вряд ли кто-нибудь посмел бы выпустить недругу кишки прямо на улице, посреди бела дня.

Один из юнцов поймал на себе взгляд киммерийца и остановился, пристально его разглядывая:

— Чего уставился, чужеземец?

— Всегда приятно посмотреть на мастера за работой, — отозвался Конан.

Вмешался еще один юнец:

— Похоже, этого черноволосого варвара что-то не устраивает. Ведь это так, а, парень?

— Я насчитал три вещи, которые меня действительно не устраивают. Ну да не важно. Я дерусь только за плату, так что связываться с вами мне недосуг.

— Вот и иди своей дорогой, дикарь, — вызывающе произнес первый юнец. — И учти, что ежели нам кто не нравится, то он долго не живет.

Бравая троица сунула сабли в ножны и вразвалку, не спеша пошла прочь. Люди, встречающиеся на улице, быстро отходили к стенам домов, освобождая им дорогу. На труп же никто не обращал внимания. Разве что старались не вступить в лужу крови. Конь киммерийца тоже брезгливо обошел труп стороной, явно встревоженный запахом свежей крови.

Проехав два квартала от места стычки, Конан заметил вывеску гостиницы. Гостиница стояла на перекрестке главной улицы с другой, более узкой. Конан свернул к гостинице, прошел по проезду, который тянулся шагов на десять, после чего выходил на широкий двор. Трехэтажное здание с галереями на каждом этаже окружало этот двор со всех сторон. С одной стороны двора имелись стойла для лошадей. С другой размещалась таверна. Подбежавший слуга взял повод, Конан же соскочил с седла и принял на руки Брису. Спешившись, киммериец обратился к слуге:

— Эй ты, держи коня. Я сперва хочу осмотреть здешний гадюшник, а потом поглядеть, как вы устроите тут моего коня.

Они с Бритой вошли в таверну. Навстречу им уже шел хозяин, седовласый человек, на лице которого играла профессиональная улыбка, а глаза скептически ощупывали нового постояльца. Мрачный и свирепый облик киммерийца заставил хозяина насторожиться, хотя улыбка, как приклеенная, еще держалась на его лице.

— Добро пожаловать, господин и госпожа. Вы хотите снять у меня комнату?

— Хотим, — сказал Конан. — Нам нужно две комнаты.

— У вас есть две комнаты рядом? — быстро поинтересовалась Брита.

— Разумеется. Серебряная марка за каждую комнату на одну ночь. Четверть марки каждый день за место для лошади и за корм для нее. Комнаты, о которых вы просите, находятся на верхнем этаже.

— Идем посмотрим, — сказал Конан.

Они последовали за хозяином и поднялись по лестнице галереи на третий этаж. Хозяин показал им две комнаты, соединенные между собой маленькой дверкой. Помещение было достаточно просторным, да и выглядело сносно. Киммериец подошел к ложу и резко сдернул одеяло.

— Клопов нет, господин, — заверил хозяин.

— Да, вроде не видно. А то мне приходилось останавливаться в таких клоповниках, где ночью приходилось отбивать атаки кровососов двуручным мечом.

Он бросил взгляд наверх. В потолке имелось дополнительное окошко.

— Мы не позволяем постояльцам приносить и топить жаровни в комнатах, — заявил хозяин. — Если желаете, можете взять у

меня запасное одеяло. Кроме того, по вашему заказу повар нагреет камни, которые можно класть в ногах. В остальном же, за исключением свечей, открытый огонь в номерах не допускается.

— Ладно. Берем эти комнаты, — решил Конан.

— Купальня у вас есть? — спросила Брита.

— Да, сразу за кухней.

— Отлично, — проговорил Конан, протягивая хозяину деньги. — А теперь давай беги, скажи слуге, чтобы коня поставил в конюшню и принес сюда мое седло, попону и сумки.

— Будет исполнено. В общем зале первая кружка эля за счет заведения. Надеюсь, вам понравится здесь. Если что понадобится, то я к вашим услугам.

Хозяин гостиницы поклонился и вышел.

Конан расшнуровал кирасу и швырнул ее на кровать.

— Ладно, пойду посмотрю, где там у них этот бесплатный эль.

— А я пойду поищу купальню, — сказала Брита. — Сегодня вечером я хотела бы поговорить с тобой. — Она бросила взгляд на окошко в потолке. — Думаю, у меня будет еще достаточно времени, чтобы побродить вокруг гостиницы и начать поиски моей сестры еще до темноты.

— Ладно. Только будь осторожна, — предостерег Конан.

Дождавшись, пока слуга принесет ему седло и сумки, Конан сложил свои вещи, а затем спустился по наружной лестнице вниз, в таверну. Не то чтобы Конана мучила жажда. Просто он знал, что нет лучшего места, чем общий зал таверны, чтобы быстро разузнать последние городские новости. В таверне мужчины и женщины сидели за длинными деревянными столами и ели, либо же стояли возле стойки, выпивая. В одном торце помещения над открытым очагом поворачивались вертела, с которых с шипением капал на угли жир. Пахло жареным. Конан прошел через всю таверну к стойке. За прилавком лысый человек в фартуке протирал кубки и сосуды.

— Новый постоялец? — осведомился он.

— Ага.

— Какой тебе эль — светлый или темный? Или предпочитаешь вино?

— Темный, — отозвался Конан.

Человек за стойкой поставил перед Конаном высокую деревянную кружку, увенчанную шапкой пены. Конан взял кружку и сделал мощный глоток. Эль был необычайно хорош. Конан осмотрел таверну и посетителей, отметив про себя, что все мужчины были при оружии. То же самое он видел и на улицах Шикаса. Даже те, о ком с первого взгляда можно уверенно сказать, что это не бойцы, были вооружены. А на некоторых были легкие дос-

пехи. Даже находясь в таверне, посетители вели себя настороженно, оглядываясь на малейший шум.

— Пуганый здесь народ, как я погляжу, — заметил Конан.

— Да и есть с чего, — отозвался лысый в фартуке. — А ты, видать, только что приехал в Шикас.

— Точно. Никогда здесь прежде не бывал.

Дверь открылась, и все разом еще больше напряглись. Пальцы сжались на рукоятях мечей. Вошедший был дороден и на первый взгляд выглядел довольно безобидным. Посетители расслабились, и разговоры возобновились. Конан обернулся к служителю в фартуке.

— Что означает красная кожаная одежда? — спросил Конан.

— Куча проблем. А почему ты спрашиваешь? — Лысый сделал вид, что ужасно занят рогом для питья, который натирал до блеска.

— Сегодня, как только я въехал в город, так первое, что увидел, — трех сопляков в красной коже, которые напали на одного и зарубили его. С первого же взгляда было видно, что у того нет против них никаких шансов. Убивая его, сопляки смеялись. Они даже позволили ему вытащить оружие, но любому было бы ясно, что произошло чистой воды убийство.

— Тот, кого они убили... Как он выглядел? — спросил слуга в фартуке.

— Чернобородый, с повязкой на одном глазу. Шрам через все лицо.

— Это был один из людей Лисипа. Я не знаю его имени, но видел его как-то с другими из людей Лисипа. Те, в красных кожанках, — ребятки Ингаса. Шайка юных пуантенских негодяев. Они появились здесь, в городе, примерно год тому назад. Мой тебе совет — обходи их стороной. Они просто помешаны на двуручных хорасанских саблях. Все их носят.

— А Лисип — что за птица? — спросил Конан. Он допил свой эль и толкнул кружку по прилавку, чтобы ему налили еще. Лысый подставил кружку под кран бочонка и наполнил ее.

— Он вроде как верховодит всей городской швалью. Кроме того, ему принадлежит большинство притонов в трущобах. Впрочем, сейчас для него настали трудные времена.

— А с этим вашим Ингасом Лисип, стало быть, на ножах? — поинтересовался Конан.

— Еще вчера между ними был мир. Впрочем, с тех пор все могло измениться.

— Выходит, эти две банды дерутся за власть над городским дном? — спросил Конан.

— Две банды, говоришь? — Слуга в фартуке хмыкнул. — Чужеземец, здесь по крайней мере четыре больших шайки. А еще на-

берется, наверное, с дюжину банд поменьше. И все они сегодня с одним хозяином, а завтра с другим. Большие банды тоже время от времени вступают друг с другом в союз. Впрочем, и распадаются эти союзы столь же быстро.

Для Конана все это прозвучало интригующе.

— Ну, и чем же они занимаются, эти шайки?

— Иногда просто грабят. Главным же образом взимают со всего и вся дань. Им платят шлюхи часть от своих заработков, им должны отстегивать игроки с выигрыша. Каждый торговец в городе — если он хочет, чтобы его добро оставалось в сохранности, — тоже обязан платить. Иногда банду нанимают для тех или иных дел. Например, крупные заправилы, чтобы устранить своих недругов.

— А закон в этом городе есть? — спросил Конан.

Лысый слуга за стойкой фыркнул:

— Закон? Здесь есть городской голова, поставленный королем. Бомбас его имя. Он давным-давно куплен бандюгами. И прекрасно понимает, что если хочет и дальше оставаться здесь городским головой, то не стоит тревожить богатеев и их подручных.

— Но ведь город находится под рукой короля. Неужто никто никогда не осмелился пожаловаться?

Слуга огляделся, чтобы убедиться, что никто не прислушивается к их разговору.

— Нет. Но многие подохли только за то, что имели глупость заикнуться об этом.

Конан поблагодарил слугу, повернулся и с кружкой пошел к столу. Он выбрал уголок с краю, откуда прекрасно просматривалась вся таверна. Прислуга принесла хлеб и сыр, а также блюдо жареной дичи. Конан с жадностью принялся за еду.

Не переставая жевать, киммериец размышлял над странными словами слуги. Варвару приходилось бывать во многих городах с репутацией неблагополучных и даже опасных, где местные власти, находящиеся на откупе, закрывали глаза на чинимые преступления. Но даже и в тех городах обычно в обмен за свои услуги местные авторитеты требовали, чтобы преступные элементы ограничивали свои разборки определенными кварталами. За пределы этих кварталов, как правило, ничего не выходило. При этом обычно все оставались довольны: и респектабельные жители города, и темные дельцы, которым в их районах никто не мешал жить так, как они считают нужным.

Обычно такой район контролировался заместителем градоправителя. Иногда набирала силу та или иная банда, и тогда начиналась борьба за власть. Но нигде и никогда не приходилось Конану встречать такой дикой анархии, какая царила здесь, в Шикасе. Похоже, в таком городе и в самом деле делаются большие деньги.

Конан уже покончил с трапезой и наслаждался новой кружкой эля, когда дверь снова открылась. На этот раз посетители напряглись еще больше. На всех лицах застыло настороженное выражение. Все руки легли на рукояти мечей и кинжалов; все беседы разом оборвались. Три типа вразвалку вошли через дверь. На них были красные кожаные куртки. Быстро и небрежно пришельцы осмотрели помещение таверны.

Хозяин гостиницы, уже кланяясь, спешил к ним.

— Я ожидал вас только завтра, — заговорил он торопливо. — Я еще не...

— В этом месяце плата взимается раньше, — сказал самый высокий из троих вошедших, даже не потрудившись посмотреть на домохозяина. — Кстати, плата возросла. Вместо десяти золотых роялей — пятнадцать.

— Пятнадцать? — машинально повторил домохозяин. — Вместо десяти? И раньше обычного? Но я не могу заплатить столько!

Один из юнцов с пробивающейся белокурой бородкой притворился, что не замечает домохозяина, и неожиданно подпрыгнул и с размаху ударил кулаком в тяжелую поперечную балку над головой.

— Добротное дерево. Хорошо просушенное, — заметил он. — Гореть будет что надо. Возможно, и весь квартал запылает от этого факела. Как ты думаешь, понравится твоим соседям, если их дома сгорят из-за тебя?

Хозяин застонал. Видимо, этот аргумент возымел действие.

— Хорошо, я заплачу. Но сегодня заплатить я не могу. Я даже еще не набрал обычных десяти золотых.

Третий юнец похлопал хозяина по плечу:

— Не переживай, папаша, а то удар хватит. У менял всегда найдутся деньги, если ты сможешь их заинтересовать. Мы придем завтра и пораньше.

— Приготовив факелы, — добавил юнец с пробивающейся бородкой.

Самый высокий из юнцов толкнул двух других. Они посмотрели на него, он же кивнул туда, где сидел Конан. Положив руки на длинные рукояти своих кривых хорасанских сабель, трое в красных кожаных куртках нарочито расхлябанной походкой двинулись навстречу киммерийцу.

— Эй, варвар! Смотри-ка ты, уже второй раз за сегодняшний день с тобой встречаемся! Ты, я гляжу, здесь новенький? К какому лагерю собираешься примкнуть?

— Здесь я ни на кого не работаю. — Конан положил руки на стол, чтобы бандиты могли видеть их. Киммериец понимал, что эти болваны сочтут его куда менее опасным, если он будет поначалу вести себя смирно.

— Но ты говорил, что сражаешься за деньги, — не отставал тот, который был с бородкой.

— Покамест мне еще никто не заплатил, — был ответ киммерийца.

— Так какого черта ты здесь отираешься? — спросил юнец.

— Это, видишь ли, мое личное дело, — сказал Конан.

— Нам не нравятся те, кто отказывается отвечать на наши вопросы, — вмешался третий юнец. Он был чуть-чуть постарше, чем двое других. У него были бегающие карие глаза. Конан мысленно выделил его из троицы как наиболее опасного. Если дело сейчас дойдет до драки, то этот умрет первым.

— Я, знаешь ли, многим не нравлюсь, — сказал Конан. — Честно говоря, я стараюсь не очень горевать из-за этого.

— Знаешь что? Нам не нравится твой тон, — сказал высокий. — Почему бы нам не выйти отсюда во двор и не обсудить это?

Конан понимал, почему они хотели, чтобы он вышел наружу. Угол, где сидел киммериец, столы, низкие балки потолка — все это создавало большие неудобства для длинных хорасанских сабель. Эти юнцы уже начинали раздражать Конана своей назойливостью и наглостью. Но тут он мысленно одернул себя, вспомнив, что ему еще нужно в этом городе заработать восемьсот золотых. Если он будет влезать во все здешние разборки, то это здорово усложнит его задачу.

— Я же сказал тебе, что сражаюсь только за деньги. Если найдешь кого-нибудь, кто пожелает выложить золото, чтобы полюбоваться тем, как ты умрешь, — то приходи. Я к твоим услугам.

Двое юнцов, те, что были пониже ростом, судорожно вцепились в рукояти своих сабель, но высокий сделал им знак и велел остановиться.

— Ба, а варвар-то, похоже, в штаны наложил! Ладно, братья мои, пошли. Поговорим о нем с Ингасом. Об этом, как его... эй, варвар, ты какого племени?

— Киммериец.

— Да, об этом киммерийце. И если наш вождь захочет голову этого ублюдка, то мы вернемся и снимем ее с плеч. Слышишь, варвар? Счастливо оставаться!

Вояки развернулись и вышли.

Конан заметил, что большинство посетителей таверны малопомалу, пока на них не глядели, отошли к стенам, в тень. Сейчас, когда стало ясно, что боя не будет, они возвращались на свои места.

Кроме одного. Это был суровый на вид мужчина. Он поднялся со своего места, где оставался все это время, и подошел к Конану. Ростом он был немного ниже среднего, но очень кряжист.

На нем была кольчужная безрукавка, старая, но хорошо начищенная и смазанная. Из-под повидавшего, похоже, немало сражений шлема на плечи падала грива седеющих волос. Широкие кожаные браслеты с металлическими заклепками охватывали оба запястья. Когда он подошел к Конану, то нарочитым жестом убрал руки подальше от короткой абордажной сабли и кинжала. С первого взгляда Конан определил, что перед ним опытный воин.

— Недурно ты отбрил этих троих, киммериец. Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

Конан жестом предложил ему сесть:

— Здесь не занято.

Незнакомец уселся.

— Следующая кружка за мой счет. Не возражаешь? — Он подозвал слугу, и через несколько мгновений на столе оказались две большие деревянные кружки. Конан и незнакомец сделали по доброму глотку. Незнакомец обтер рот тыльной стороной ладони:

— Меня зовут Невус. Я из Танасула. Откуда ты родом, я уже знаю. Как тебя зовут?

— Конан.

— Ты сказал этим красным воробушкам, что ни на кого здесь не работаешь. Как это понимать? Может быть, ты просто не хочешь?

Конан пожал плечами:

— В *общем-то, я поджидаю одного человека, который нанял* меня. Работа, которую он мне предлагает, будет недолгой. А после этого — кто знает?

— Ну ладно. Ежели после этого тебе будет нечего делать, почему бы тебе не присоединиться к банде Ермака? Нас немного, но мы здесь лучшие. Ермак берет к себе только настоящих бойцов, а не всякий сброд. Я не умею разбирать буквы, но на тебе написано, что опыт у тебя немалый.

— Спасибо за предложение. Я подумаю над ним. Я заметил, что эти сопляки в красных кожаных куртках тебя не беспокоили.

— Ермак и Ингас сейчас живут в мире. В этом городе столько возможностей делать большие деньги, что нам вовсе не нужно все время воевать между собой. Тут на всех хватит.

— Да, я уже слышал. А какую работу Ермак предлагает своим людям?

— Ну, главным образом мечом махать. Все шайки знают, что бойцов, равных нам, в городе нет. Когда здесь случается междоусобица, та банда, которая заключает с нами союз, побеждает. После чего в обмен на эту любезность она отстегивает нам процент со всего.

— Звучит соблазнительно, — заметил Конан. — А где торчит этот Ермак?

— К юго-западу от Площади находится большой склад, пристроенный к городской стене, что тянется вдоль Оссара. Склад двухэтажный. Мы занимаем второй этаж. Обычно там находится примерно человек двадцать, хотя люди часто приходят и уходят.

— Ты говоришь, что Ермак сейчас в мире с Ингасом. А с кем он сейчас воюет?

— Лисип в последнее время стал несносен. По всему видать, скоро быть у нас стычке с его людьми. Но только людишки у него — тьфу да растереть. Сброд. В общем, гнилой народишко. — Собеседник Конана осушил до дна свою кружку и встал. — Подумай над моими словами, Конан. Если ты присоединишься к Ермаку, то загребешь куда больше, нежели с любым другим вожаком. И жить веселее, и компания куда как приятна.

— Я подумаю, — сказал Конан. — Счастливо.

Киммериец допил свой эль, вышел из таверны и по наружной лестнице поднялся на третий этаж. Оказавшись у себя в комнате, он зажег свечу, ибо уже стемнело. Он постучал в маленькую дверпу, соединяющую обе комнаты, но никто не отозвался. Решив, что Брита спит, он разулся и растянулся на кровати. И сам не заметил, как заснул.

Он проснулся оттого, что кто-то колотил в дверь. Бросив взгляд на свечу, он определил, что проспал два или три часа. Он бесшумно поднялся и взял свой пояс. Вытащив кинжал, Конан подобрался к двери. В дверь снова заколотили. Киммериец резко распахнул дверь и вдернул в комнату того, кто стоял за ней, после чего захлопнул створку.

— Конан! — вскричал женский голос.

— Брита? Что ты делала? Я думал, ты мирно спишь в соседней комнате.

— Когда я пошла в купальню, то разговорилась со служанками, пытаясь разузнать об этом городе. Конан, это чудовищное место! — Она уселась на стул и обхватила себя руками.

— Что до меня, то я нахожу это место интересным. Впрочем, ты же женщина. Так что эти сплетницы тебе наговорили?

Он уселся на кровать.

— Они сказали, что в этом городе правят банды дикарей, чудовищ в человеческом обличье, которые...

— Я уже разузнал обо всем этом сегодня, — прервал ее Конан. — Как вышло, что сейчас середина ночи, а ты еще не у себя?

— Так вот. Служанки в купальне сказали, что если мне нужен совершенно НЕВЕРОЯТНЫЙ злодей, то, чтобы его найти, нужно поспрашивать на Площади. Там находится городской рынок. Там же вершатся все дела по управлению городом. Мне не терпелось найти мою сестру. Было еще светло, так что я отправилась туда.

— Тебе следовало предупредить об этом меня, — проворчал Конан. — Ну, и что ты разузнала?

— Я поговорила с несколькими лавочниками. Они сказали: если меня интересует судьба женщины, то спрашивать лучше в южной колоннаде. Я отправилась туда. Там действительно были одни женщины. Я поговорила с ними. — Брита потупила взгляд и сделала вид, что всецело погружена созерцанием своих сцепленных пальцев. — Мне показалось, что эти женщины... весьма сомнительной репутации.

— Могу побиться об заклад, что так оно и есть, — подтвердил Конан со знанием дела. — И что сказали тебе эти многомудрые дамы, пользующиеся незаслуженно дурной репутацией?

Брита подняла голову. На ее лице читалось возбуждение.

— Одна из них видела Асдраса сегодня. Сегодня! Она сказала, что он остановился в доме, называемом Химера. Этот дом находится в трущобах, в районе, называемом Дыра.

— Дыра? Мне приходилось слышать сегодня это название. По-моему, так называют здесь городское дно. Да уж, одно название чего стоит! И та женщина — она сказала тебе, где это?

— Это самая южная оконечность города. Там, где две реки сливаются в один поток. В городе это место широко известно. Там живут самые гнусные — городское отребье.

— В этом городе если уж что-то пользуется известностью, то оно и в самом деле должно быть чем-то замечательным, — заметил Конан.

— Я знаю. Все так ужасно! Так ужасно, что мне было страшно идти туда одной.

— Идти туда! — взорвался Конан. — Ты что, хочешь сказать мне, что собиралась отправиться в Дыру В ОДИНОЧКУ? ПОСЛЕ НАСТУПЛЕНИЯ ТЕМНОТЫ?

— Ну... когда я ушла с Площади, было еще не совсем темно. Ты пойми меня, Конан, я действительно очень боюсь за мою сестру. Я чувствовала, что обязана пойти и убедиться во всем своими глазами. В конце концов, Шикас — город маленький. Так что до Дыры не очень далеко. К тому времени, когда я была уже рядом с домом «Химера», совсем стемнело. Хоть глаз выколи. И я испугалась. В общем... я не могла заставить себя идти дальше. Поэтому я пошла назад, прижимаясь к стенам и ныряя в ниши и подворотни всякий раз, как слышала приближающиеся шаги.

— Молодец. На самом деле это единственная толковая вещь, которую ты сотворила сегодня. Ну ладно. Иди к себе и поспи. Утром мы...

— Но я не могу ждать до утра! — воскликнула Брита. — Ведь теперь я знаю, где находится Асдрас. Я должна увидеть его сегодня! Ведь кто знает, что он выкинет, если узнает, что я здесь и

ищу Иллу! Он может удрать из города и спрятаться где-нибудь в другом месте.

— Брита, говорю тебе, это дело подождет до завтра, — сказал Конан. — Даже опытный воин подвергает себя страшному риску, шляясь по этому городу после наступления темноты. А для женщины это куда опаснее, даже если ее и сопровождают. В Дыре, если это место и в самом деле заслуживает такого названия, риск возрастает стократ.

Она встала:

— Ладно, если ты не хочешь идти со мной, я отправлюсь туда одна. Найду факел или фонарь и пойду.

— Ну а ежели тебя убьют? Как после этого ты рассчитываешь найти сестру и исполнить клятву, данную матери? — спросил Конан.

— Я знаю одно: я должна идти, — сказала Брита.

Конан начал натягивать сапоги:

— Похоже, поспать мне не дадут. — Он встал и стал надевать кирасу.

— О, я с самого начала знала, что ты мне поможешь! — воскликнула она.

— Тогда ты знаешь меня лучше, чем я сам, крошка. И должна знать, что я никогда не держал себя за дурака. — Он застегнул пояс с мечом и кинжалом и нахлобучил на голову стальной шлем. — Ладно, будем считать, что я готов. Пошли.

Они спустились по ступенькам. Во дворе Конан разжился фонарем, сняв его с крючка. Держа фонарь в поднятой руке, Конан вывел Бриту на улицу. Ночь была холодной, но Конан не взял с собой плаща. Сегодня, вероятно, придется сражаться или бегать. А может быть, и то и другое. Плащ будет только мешать.

На главной улице было спокойно и тихо. Дома, возвышающиеся с обеих сторон улицы, заслоняли бледный лунный свет. Поэтому Конан с Бритой шли по середине улицы, чтобы избежать неприятных сюрпризов. Даже если бы эта пара идущих по улице людей привлекла бы внимание таящихся в темноте негодяев, то отблески света на кирасе могучего киммерийца быстро бы вразумили слишком уж ретивых разбойников.

Улица пересекала Площадь с восточной стороны. Обширная Площадь была залита лунным светом. В серебряном сиянии слабо мерцала колоннада. Высвечивались изящные силуэты зданий, обступивших Площадь. В полумраке тонули все детали.

За Площадью улица сужалась. Прямой ее тоже трудно было назвать, она начала вихлять, будто повторяя безумную походку пьяницы. Должно быть, предположил Конан, они с Бритой находятся сейчас в самой старой части города. Возможно, этот район появился еще до того, как серебряные рудники заложили основы

процветания города. А Площадь и прилегающие к ней зажиточные кварталы, находящиеся в северной части города, возникли уже во времена серебряного бума.

— «Химера» находится где-то там, — сказала Брита, вглядываясь в темноту и поворачиваясь из стороны в сторону. Слабый свет фонаря не в силах был разогнать густой мрак. — Да. Это вон там!

Конан поднял фонарь, чтобы осветить дорогу в том направлении, которое указывала Брита. Они увидели низкую дверь и столб над ней. Столб был украшен бронзовой фигурой химеры. Химера кривила пасть в сардонической усмешке, шипастый ее хвост, свернутый в несколько колец, острым шипом указывал на дверь.

— Нет никакого смысла торчать здесь, на холоде, и ждать, — заметил Конан. — Пошли.

Таверна была расположена ниже уровня мостовой, поэтому для того, чтобы войти, они спустились на три ступеньки вниз. Толкнув дверь, Конан пригнул голову, чтобы не зацепиться о низкую притолоку, и вошел. Следом за ним, прижимаясь к своему защитнику, вошла и Брита. Они оказались в небольшом зальчике, откуда еще ниже несколько ступенек вели в общий зал. Но Конан не спешил проделать этот короткий путь, разглядывая внезапно открывшуюся его взору сцену. Человек двадцать посетителей толпились вокруг столов. В основном здесь слышался лишь стук выбрасываемых костей и хлопанье кожаных игорных стаканчиков о столы.

Услышав, как хлопнула дверь, все, будто по команде, повернулись и уставились на вошедших. Почти на всех лицах лежал неповторимый отпечаток: отрезанные уши, вырванные ноздри. Не было ни одного, которое не было бы чем-то обезображено. При этом все шрамы и увечья были нанесены обладателям лиц не в битвах, а оставлены рукой публичного палача. Между столами бродили полуголые женщины, представительницы самого древнего в мире ремесла. Они с интересом поглядывали на киммерийца. Однако их интерес угас, как только они увидели выступившую из-за его спины Брита.

— Держи! — Конан протянул Брите фонарь. Он наклонился вперед, уперевшись обеими руками в деревянные перила.

— Мы ищем человека по имени Асдрас! — заревел он. — Он недавно прибыл в этот город. С ним молодая женщина по имени Илла. Кто-нибудь видел его или женщину?

Игроки несколько секунд рассматривали чужеземца, а затем вернулись к своему занятию — игре. Никто не проронил ни слова. Брита прижалась к Конану и прошептала:

— Может быть, если бы я предложила им денег...

Подняв руку, он велел ей замолчать.

Киммериец спустился в общий зал и пошел между столами. Брита неотступно шла за ним. Конан остановился возле одного стола, за которым сидели трое. Четвертое место было свободно, однако пара перчаток и полупустой кубок указывали на то, что сидевший здесь просто вышел на время. Подойдя поближе, Конан ткнул пальцем в перчатки:

— Куда он отправился?

Один из сидевших за столом поднял глаза, посмотрел на киммерийца и хмыкнул. Про себя Конан отметил, что разбойные дела завели этого типа довольно далеко от тех мест, где тот появился на свет. На лице у игрока была татуировка — алый кхитайский иероглиф.

— А кто ты такой, чтобы разевать тут пасть, собака? — Он презрительно сплюнул на грязный пол, почти попав на сапоги Конана. Зловеще ухмыляясь, киммериец перегнулся через стол, протянул руку и скрутил в кулаке кожаную тунику игрока. Вытащив татуированного кхитайца с места, Конан протащил его через стол и с размаху ударил об стену. Когда тот сполз по стене на пол, придержал его в лежачем положении ногой. Разбойник лежал уткнувшись лицом в грязный пол; нога киммерийца покоилась на его шее. Конан вытащил у него кинжал и прижал острие к яремной вене на шее кхитайца.

— Ты скажешь мне, — проговорил Конан, — потому что хочешь жить.

— Спокойно, спокойно, друг мой. Мир! — вскричал татуированный. — Я не хотел тебя обидеть! Асдрас был здесь, но ушел больше часа назад. Он просидел тут весь вечер, но мальчишка, который прибирает грязную посуду, принес ему записку. Асдрас прочитал ее и сказал, что должен отлучиться, повидать кое-кого, но скоро вернется. Он не вернулся. Это мне кажется странным, потому что сегодня он выигрывал.

Конан нехотя отпустил татуированного:

— Где этот мальчишка, слуга?

Татуированный молча, не в силах вымолвить ни слова, указал на стойку, где немытый юнец с отсутствующим видом развозил тряпкой грязь. Бросив татуированного, Конан направился к нему.

— Кто передал тебе записку для Асдраса?

Тот тупо смотрел на киммерийца, полуоткрыв рот и безмолвно болтая языком. Через минуту до мальчишки дошло, и он заговорил. Это была характерная замедленная речь слабоумного.

— Я вышел наружу отжать тряпку. Кто-то дал мне бумажку. Сказал, отдай ее Асдрасу.

— Кто это был? Мужчина или женщина? — спросила Брита.

Парень задумался. По всему было видно, что думать — процесс для него мучительный.

— Не знаю. Темно было.

— Бесполезно, — сказал Конан. — Асдрас смылся.

— Слушай, давай уйдем отсюда, — проговорила Брита.

— Если тебе станет от этого легче... — неохотно пробурчал Конан. — Ладно, приятель, показывай.

Они проследовали за придурком за занавес, отделяющий зал от подсобного помещения. Подсобка была забита посудой и битыми черепками. Парень указал на дверь в стене, и Конан открыл ее. Аллея, на которую выходил черный ход таверны, смердела так, как может смердеть только мусор, который копится веками. Как только Конан с Бритой вышли на улицу, крысы с визгом начали разбегаться у них из-под ног. Острый, как у зверя, слух Конана тут же уловил тихое похрюкивание свиней, рывшихся неподалеку в отбросах.

— Тут никого, — сообщил Конан. — Ладно, пошли, возвращаемся в гостиницу.

— Погоди, — сказала она, поднимая фонарь повыше и показывая Конану что-то. — А это что?

Придерживая свои юбки, чтобы не пачкать подол в грязи, она сделала несколько брезгливых шагов по направлению к кишащей крысами куче, видневшейся неподалеку от двери. Недовольно морщась, Конан подошел поближе и пнул кучу ногой, сдвинув ее с места. Крысы с визгом бросились наутек. Брита ахнула, прижав руку ко рту. Перед ней лежал мертвец. Глаза его смотрели невидяще перед собой. Рот застыл в удивленной гримасе. Крысы только начали трудиться над ним, так что, несмотря на гримасу, искажавшую мертвое лицо, видно было, что некогда этот человек был хорош собой. У него были светлые волосы.

— Асдрас! — вскрикнула Брита.

Из груди парня торчал кинжал, всаженный точно в сердце.

Глава четвертая
ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА

Конан встал поздно и плотно позавтракал. Прежде чем покинуть комнату, он заглянул к соседке. В комнате Бриты было пусто. Однако Конан решил, что солнце светит ярко и за Брету беспокоиться не стоит. Отвратительная привычка уходить, не предупредив своего спутника о том, куда собираешься! Конан выругался про себя. В конце концов, что ему до этой взбалмошной бабенки! С другой стороны, он уже много ей помогал и теперь не-

вольно чувствовал некоторую ответственность за нее. Злясь на себя за дурацкую сентиментальность, он зашнуровал свою кирасу и спустился вниз.

В таверне никого не было, за исключением служанки. Конан заказал себе большое блюдо мяса, яйца и горячий хлеб. Умяв все это, он пришел в более благодушное расположение духа и отправился на улицу, решив разузнать об этом городе еще что-нибудь интересное. Первым делом он двинулся к городским воротам. Дежурил другой стражник, не тот, что позавчера приветствовал их при въезде. Однако своей неряшливостью и расхлябанностью он отнюдь не уступал первому. Это был толстый, немолодой уже мужчина, который к тому же прихрамывал.

— Эй, не въезжал ли сегодня в город человек, который... — На мгновение Конан призадумался, как бы описать Пириса. — Ну, такой... Видом как баба и в одежках как у придворного.

— Нет. Сегодня въехало в город несколько странных типов, но ни один из них не был похож на того, которого ты мне тут расписываешь.

Конан швырнул стражнику монету, которую тот ловко поймал.

— Если он въедет в город, пока ты будешь тут на страже, скажи ему, что Конан из Киммерии остановился в первой же гостинице по этой улице.

Стражник посмотрел на Конана, будто недоумевая, какое же, интересно, дело может связывать этого неотесанного варвара с надушенным женоподобным человеком, похожим на придворного? Впрочем, стражник счел за лучшее не задавать вопросов.

— Хорошо, господин, я скажу ему.

Конан поблагодарил стражника и побрел назад, в город. У Конана это была первая возможность не спеша полюбоваться красотами Шикаса при свете дня. То, что предстало взору киммерийца, выглядело весьма неплохо. Местный архитектурный стиль был в точности такой же, какой и везде в здешних областях Аквилонии. У большинства домов нижние этажи были облицованы необработанным камнем; верхние же были деревянными.

Одна из улиц была застроена цеховыми домами различных гильдий. Это были внушительные здания. Одно из них сразу бросалось в глаза. Оно напоминало гнилой зуб в здоровой челюсти. Среди опрятных зданий оно выделялось почерневшим фасадом, как будто там недавно был пожар. Над дверью имелись две скрещенные кирки, по которым это здание можно было определить как цеховое здание гильдии шахтеров. Из стоящего рядом большого дома до Конана донеслась знакомая «музыка» — звон мечей. Ритмичность ударов говорила о том, что проходил урок, а не поединок. Конан вошел и увидел примерно сотню человек, ра-

зучивающих приемы под руководством мастера и его помощников. Ученики стояли парами друг перед другом, атакуя и защищаясь определенным образом, повинуясь мастеру, который выкрикивал названия приемов. На всех были плотные войлочные куртки и прочные шлемы. Их мечи были затупленными, а на рукояти были надеты глубокие гарды в форме плетеных корзин, чтобы защищать руки.

На стенах было развешано всевозможное оружие — по всей видимости, то оружие, владению которым здесь обучали. Судя по всему, излюбленным был короткий меч. Оно и правильно: для сражения на узких городских улицах лучшего не придумаешь. Разбойничьи лица учеников были мрачны и исполнены решимости, но Конан тут же заметил, что почти ни у кого из учеников не было ни опыта, ни боевых навыков. Мастер, подвижный человек лет сорока с лишним, приказал остановиться, после чего заметил киммерийца. Подойдя к Конану, он окинул его быстрым оценивающим взглядом.

— Ты не похож на человека, которого я могу чему-нибудь научить, — произнес он вместо приветствия.

— Я услышал звон оружия и решил зайти поглядеть, — ответил Конан. — Ни разу не видел фехтовальной школы, где училось бы так много обозленных на жизнь мошенников.

На темном лице мастера подобно вспышке мелькнула белозубая улыбка.

— Я услышал об этом городе с год тому назад и приехал сюда. Мне казалось, что напуганный город — это подходящее место для моей профессии. И я был прав. У оружейников здесь тоже дела идут превосходно. Горожане носят так много железа под одеждой, что улицы имеют привкус металла.

— Ты обучаешь и бандитов, и добропорядочных горожан? — спросил Конан.

Снова быстрая улыбка.

— Братишек я обучаю по вечерам.

— Ну и как у них успехи?

— Хороших бойцов мало. Одни убийцы.

— Правду говорят про парней Ермака?

Конан понимал, что старого фехтовальщика нетрудно будет разговорить на такую тему.

— Опытные бойцы. Хотя по уровню мастерства — не ах! Солдаты-наемники редко бывают истинными виртуозами в искусстве боя один на один. Это правда, что люди Ермака куда лучше прочих. Но то, в чем они действительно мастера, — так это во владении пикой и алебардой.

— А как насчет парней Ингаса? Ну, тех, которые носят красные кожанки?

— Сюда они никогда не приходят. Умением не блещут. Берут жестокостью и хитростью. Обожают эти хорасанские сабли. И знаешь почему? Такой саблей ты можешь нанести страшную рану, почти не обладая никаким умением. Но хорасанский двуручник плох для обороны. Так что если не хочешь, чтобы тебя угробили в свалке, ты должен быть очень подвижным, иметь хороший доспех или никогда не вступать в единоборство. Парни Ингаса предпочитают последнее.

— Да, я это уже заметил.

— А ты что, хочешь предложить свои услуги Ермаку? — спросил учитель фехтования.

— В настоящее время таких планов у меня нет.

— Тогда подумай, может быть, поработаешь на пару со мной? Сам видишь, у меня слишком много учеников. Я с моими тремя помощниками не управляюсь. У меня три класса, я занимаюсь с ними каждый день. Один класс — ты только не удивляйся — женский.

— Я подумаю. Но ты ведь прекрасно понимаешь, что если человек не боец в душе, то никакие уроки ему не помогут?

Мастер пожал плечами:

— По крайней мере, мои уроки позволяют им чувствовать себя более уверенно. Кроме того, за учение они мне платят.

Конан пожелал мастеру удачи и вышел. За спиной у него возобновился ритмичный звон мечей.

Через пару минут быстрого шага Конан оказался уже на Площади. Для такого маленького городка центральная Площадь была необычайно большой. Она была окружена роскошными зданиями, украшена большим количеством изящных статуй. Некоторые из строений, окружавших Площадь, были храмами; другие — дворцами. Над главными воротами одного из дворцов Конан увидел королевских аквилонских львов. Киммериец решил, что это, должно быть, и есть резиденция городского головы.

Оказавшись на Площади, Конан начал бродить по многочисленным торговым рядам. Хотя у киммерийца не было конкретного плана, куда идти, тем не менее его прогулки по Площади нельзя было назвать совершенно бесцельными. Ибо сейчас он был подобен зверю, исследующему новую территорию. Он запоминал город, составляя в голове точный его план, чтобы в случае бегства не пришлось плутать. Конан понимал, что бежать неведомо куда, не зная местности, особенно если за тобой гонится большое количество вооруженных людей, равносильно самоубийству.

Под сенью колоннады, о которой рассказывала Брита, нашло себе пристанище множество нищих. Однако для зажиточных горожанок, которые щедро подают попрошайкам, час был слишком ранний. Эти дамы появятся попозже. Конан как раз проходил

мимо статуи аквилонского короля, умершего лет сто тому назад, когда внезапно до него донеслись звуки столкнувшихся мечей. Сражались где-то поблизости. Люди, бывшие неподалеку, начали разбегаться, бросая через плечо боязливые взгляды.

С легкостью горного барса Конан вспрыгнул на пьедестал статуи. Со своего места он видел, как толпа начала расступаться, освобождая широкий полукруг на западной стороне Площади. И там, на западной оконечности, на освобожденном участке, кричали друг на друга две группы людей. Их разделяла дюжина шагов. Солнце сверкало на обнаженной стали. У Конана создалось впечатление, что вот-вот должна была начаться добрая схватка.

— Эй ты, там! — Голос был женский. — Да, ты, чужеземец! Черноволосый! Помоги-ка мне подняться к тебе! Я хочу хорошенько это увидеть!

Конан бросил взгляд с пьедестала и увидел красивую женщину с каштановыми волосами. На плечах у нее был широкий плащ, призванный, похоже, скрыть от жадных и недоброжелательных взоров ее роскошную фигуру. Конан наклонился, схватил женщину за руку и могучим рывком, сделавшим бы честь тигру, втащил ее на пьедестал рядом с собой.

— Сильный ты, ничего не скажешь! — Незнакомка широко улыбнулась киммерийцу. — А я уж думала, что знаю наперечет всех здоровяков в этом городе. Кто ты такой?

— Конан из Киммерии. Слушай, если ты знаешь их всех наперечет, то скажи, кто такие вон те, что так страшно орут друг на друга?

Женщина бросила взгляд на представшую перед ней сцену:

— Та шайка, что побольше, — люди Лисипа. Те, которых поменьше, — ребята Ермака.

Теперь и Конан заметил Невуса, своего вчерашнего собутыльника. Невус стоял с пятнадцатью сотоварищами, все они были похожи друг на друга — кряжистые, суровые мужики. Большинство бойцов носили легкие доспехи. В руках сжимали обнаженные короткие мечи или тесаки. Хотя Конан заметил у одного прямой двуручный меч, а у другого — меч «в полторы руки». Несмотря на то что люди Лисипа численностью намного превышали их, люди Ермака стояли, не выказывая ни малейшего страха. Напротив, они были веселы и наперебой выкрикивали оскорбления.

Против них стояли по меньшей мере тридцать человек, одетых пестро и кричаще, в невообразимое рванье. Большинство сильно напоминало Конану виденных вчера завсегдатаев «Химеры». Столь же гротескным было и оружие, которым они грозили своим противникам. С первого взгляда Конан заметил двухлезвийный топор из Шема, боссонский арбалет, восемь различных типов мечей и железный цеп. На одном из людей Лисипа были

железные перчатки с трехдюймовыми шипами между костяшками пальцев.

— Который из них Лисип? — спросил Конан.

— Ну уж кого-кого, а его ты здесь не увидишь, — ответила женщина. — Он редко вылезает из Дыры. Да и в любом случае, он слишком стар и жирен, чтобы сражаться.

Конану не требовалось лишних вопросов, чтобы понять, кто из стоявших в полукруге был Ермак. Высокий человек с волосами цвета соломы стоял немного впереди и сбоку от своих соратников. На нем был превосходный полудоспех. Конан отметил, что позиция, которую занимал Ермак, была оптимальной для того, чтобы управлять небольшим отрядом. У Ермака была выправка старого унтер-офицера. В руке он непринужденно держал меч, лезвие которого было у рукояти в два дюйма шириной, постепенно сужающееся к острию. Это клинок для истинного мастера фехтования. Руку прикрывала сложная витая стальная чашка.

— На это стоит посмотреть, — сказала женщина. — Только придется подождать немного, пока они раскачаются. Впрочем, мы можем устроиться тут со всеми удобствами.

Она уселась на пьедестал, свесив ноги. Конан сел рядом с ней и стал с восхищением ее осматривать. Даже если его спутница и заметила этот пристальный взгляд, она ничуть не смутилась. Собеседница Конана была довольно крупной женщиной, но такого хорошего сложения, что казалась очень грациозной. Столь же крупными были и черты ее лица. Тонкость форм скрадывала тяжесть этих черт.

— Кто ты? — спросил Конан. — И откуда ты так хорошо знаешь этих людей?

— Я женщина Максио. Меня зовут Делия. — Она вложила два пальца в рот и издала резкий свист. Один из торговцев поднял голову и начал озираться. Делия махнула ему с пьедестала и кинула монетку. Он подал ей широкий лист, который был искусно свернут в кулек. Делия вытащила из этого кулька несколько орехов и отправила их в рот. Затем протянула Конану. Он тоже взял несколько орехов. Те были еще горячими.

— Ну а кто этот Максио? — поинтересовался Конан.

— Ты, должно быть, здесь совсем новичок. У Максио своя собственная небольшая банда. В основном он действует самостоятельно, но время от времени присоединяется к одной из шаек. Банда Максио специализируется на кражах со взломом.

— Этот Максио — что, твой муж?

Она весело рассмеялась:

— Муж? На кой мне муж? Я же говорю тебе, я его женщина. Улавливаешь разницу, варвар? Сегодня — его, завтра — не его. — Она окинула Конана оценивающим взглядом. — Все может изме-

ниться очень скоро, если подвернется кто-нибудь БОЛЕЕ СТОЯЩИЙ. — Она еще раз искоса метнула взгляд на Конана.

Люди Лисипа приблизились к Ермаку и его товарищам, которые оставались пока на месте. Они все еще были вне досягаемости мечей. На ступенях резиденции городского головы теперь выстроилась цепочка стражников. Но не похоже было, что они собираются вмешаться в разборку между двумя бандами, дабы предотвратить кровопролитие.

— Они собираются что-нибудь сделать? — спросил Конан, кивая в сторону стражников.

На этот раз Делия расхохоталась еще громче:

— Это сборище хлюпиков, бывших нищих, ублюдков? Будь у них лошади, они ускакали бы куда глаза глядят. А вон видишь жирную рожу, что маячит за ними? Прячется. Можно подумать, эти стражники защитят его.

— Вижу, — кивнул Конан.

— Это Бомбас, городской голова, один из двоих, кто заявляет, что имеет власть над городом. Он будет плясать под дудку любого, кто ему получше заплатит. Он отдал город на откуп головорезам, которые чувствуют себя здесь как рыбы в воде. Но моего Максио он ненавидит. Потому-то моему мужчине и приходится все время скрываться, не высовываться лишний раз.

— Королевские стражники не очень-то устрашающе выглядят. Вряд ли им удастся нагнать хоть малейший страх на того, в ком есть хоть немного отваги, — заметил Конан.

— У Бомбаса есть три действительно стоящих рубаки. Их он держит возле себя как личных телохранителей. Один из них — наш, местный. Его зовут Юлус. Когда-то он был заместителем Лисипа, но Лисип выгнал его за то, что тот слишком во многое влезал. Пара других — зингарцы, их имен я не знаю. У них есть приказ при первой же возможности убить Максио. — Рассказывая все это, Делия продолжала грызть орехи, будто разговор шел о весьма обыденных вещах и опасность смерти, нависшая над ее любовником, ничего для нее не значила.

— Знаешь, я хотела бы, чтобы они уже побыстрее начали. А то солнце уж слишком припекает.

Люди Ермака сформировали теперь двойную линию. Между ними было расстояние достаточное для того, чтобы свободно орудовать мечом, не боясь поранить соседа, но достаточно близкое, чтобы не возникла опасность сражаться сразу с двумя противниками. Основная нагрузка при таком строе падает на тех, кто стоит на флангах. Конан с одобрением заметил, что именно наиболее сильные, на его взгляд, бойцы и были поставлены на эти позиции. Люди Лисипа стояли беспорядочной толпой, главным образом надсаживая себе глотки бессмысленными криками.

— А почему на Максио так наезжают? — спросил Конан.

— Бомбас думает, что именно Максио месяц назад убил его брата. Известно, что брат Бомбаса учинил с кем-то ссору в верхних залах «Химеры». Немного позднее он был найден с кинжалом в брюхе. Тот самый кинжал, что последнее время носил Максио, и все это видели. У кинжала была очень характерная рукоятка из слоновой кости.

— В «Химере»? — воскликнул Конан. В его голосе слышалось удивление. — А что брат городского головы делал в таком месте?

— А, ты небось не знаешь. Бурдо — так звали его — был сам не свой до женщин того сорта, что отираются в «Химере» и подобных же заведениях. — В голосе Делии слышалось презрение хорошо пристроенной куртизанки по отношению к ее менее удачливым сестрам. — Результатом этого увлечения было то, что он страдал от нескольких неприятных болезней. Предполагалось, что наверху он должен был встретиться с кем-то, кто обещал его магически исцелить, а вместо этого убил.

— Так это был Максио или нет? — спросил Конан.

Она пожала плечами:

— Не знаю. А мне-то что до того, даже если и Максио убил этого Бурдо? Лично я не вижу никаких причин, зачем бы ему понадобилось это делать. Но Максио не обсуждает со мной всех своих дел. — Она бросила на Конана еще один восхищенно-лукавый взгляд. — Точно так же, как и я ему рассказываю далеко не все.

В этот момент толпа людей Лисипа наконец решилась. Подбадривая себя нестройными воплями, они бросились на отряд наемников, который был куда меньше. Мгновенно воздух наполнился звоном мечей, ударяющихся друг о друга. Яростные крики мешались с болезненными вскриками. Начали падать убитые и раненые. Наемники удерживали строй, в то время как бандиты Лисипа в давке могли только бесцельно размахивать руками. Каждый раз, когда кто-нибудь из людей Лисипа пытался пробиться сквозь переднюю шеренгу, он тут же натыкался на меч наемника, стоящего во втором ряду.

— Черт возьми! Их так много, — заметил Конан, взяв из кулька еще пригоршню орехов. — Они ведь легко могут ударить с фланга. Они настолько превосходят в численности, что это может компенсировать даже их неумение. Не будь они такими трусами, они бы именно так и поступили.

— Это уж точно, — согласилась женщина. — Репутация Ермака известна по всему городу. Его боятся. С тех пор как он появился в Шикасе, он один собственноручно в личных единоборствах убил десятерых. А кто считал, скольких он уложил в таких потасовках?

Тут в первый раз подал голос Ермак.

— Вперед! — крикнул он.

Повинуясь его команде, вторая шеренга прошла через интервалы первой. Эти люди не успели еще растратить своих сил и яростно вступили в бой. Каждый их удар наносил противнику рану, сами же бойцы при этом, за немногими исключениями, оставались невредимыми.

— Конец уже не за горами, — предрекла Делия. — Стойкостью сброд Лисипа не отличался никогда.

Конан заметил, что часть людей Лисипа, находящихся сзади, уже медленно начала отступать от сражающихся. Видно было, что они не хотят показаться трусами и броситься в бегство, но вместе с тем потеряли всякое желание сражаться дальше.

— Всем вперед! — крикнул Ермак.

Та линия, что была в начале сражения передовой, а теперь стала задней, пришла в движение, и теперь все бойцы Ермака образовали единую шеренгу. Наемники мерно и неуклонно пошли вперед, держа строй. Каждый короткий шаг смертоносной фаланги сопровождался ударами мечей. Для сброда банды Лисипа это было уж слишком. После короткой отчаянной попытки обороняться они стали пятиться. Первыми стали отступать те, кто стоял сзади. Это отступление очень быстро превратилось в беспорядочное бегство.

Профессионалы Ермака преследовали своих противников до края Площади, а затем по команде своего предводителя остановились. Со смехом они развернулись и пошли назад, через Площадь, на ходу вытирая свои окровавленные мечи. Кое-кто в толпе разразился приветственными криками. На мостовой остались лежать семеро мертвецов. Еще несколько бандюг Лисипы ползли прочь, бережно придерживая распоротые бока и животы. Кое-кто из людей Ермака получил незначительные раны, но не было ни одного, кто не мог идти самостоятельно и нуждался в помощи товарищей.

— Хорошо, да мало, — заметила Делия. — Мне приходилось видать и более впечатляющие сражения. Одно было просто великолепно. Не меньше сорока трупов на Площади и на улицах.

Конан был удовлетворен увиденным. Мало того что его приятно развлекли, так еще и немало узнал о повадках и сравнительных достоинствах двух городских шаек.

— Слушай, Делия, ты сказала, что Бомбас — один из тех, кто заправляет в городе. А другой-то кто?

Она указала на большой дворец, высящийся в северной части Площади за высокой, утыканной шипами стеной:

— А второй — человек, который живет в этом доме. Его зовут Ксантус. Он — арендатор серебряного рудника. Арендует его у Короны. Никто в Шикасе не может сравниться с ним в богатстве. Но и подобно всякому богачу, он никак не может остановиться.

Все гребет и гребет под себя. Собственно, его разногласия с гильдией шахтеров и вызвали резню между шайками.

Наконец-то, подумал Конан, становится понятным, какие причины обусловили эту ожесточенную грызню, которая со стороны выглядит столь чудовищной.

— Шахтеры, говоришь? А чем им не угодил Ксантус?

— Шахтеры долго препирались с Ксантусом и много раз таскались сюда, на Площадь, потрясая своими кирками и молотами. Кончилось тем, что они отказались выходить на работу.

— А чем они были так недовольны? — поинтересовался Конан.

Делия пожала плечами:

— Не знаю. Заработок, каторжный труд на шахтах. Может быть, что-нибудь еще. Никогда в жизни не буду иметь дел с человеком, который зарабатывает себе на пропитание честным трудом. Если жить таким образом, то помрешь в нищете и жалкой старости.

— Если рудник — собственность Короны, почему же Ксантус не обратится за помощью к королю?

— Не могу тебе сказать, киммериец. Знаю только, что он не обратился, вот и все. Вместо этого он отправился в Офир, где уже несколько лет длится гражданская война, а оттуда вернулся с Ермаком и его людьми. Тогда у Ермака было куда больше солдат, чем сейчас. Наемники Ермака вправили шахтерам мозги и погнали их на работу. Тогда-то и сгорело цеховое здание гильдии шахтеров.

Конан начинал мало-помалу понимать, что к чему.

— Ну хорошо. А когда наемники восстановили контроль Ксантуса над рудником, они что — не захотели уйти отсюда?

— Нет. Особенно после того, как до них дошло, какую приятную жизнь они могут вести в Шикасе. Я думаю, что Ермак, их предводитель, устал воевать и скитаться и решил удалиться на покой, осесть где-нибудь зажиточным господином.

Лисипу, ясное дело, все это не понравилось. Он контролировал теневую экономику в городе еще до того, как я появилась на свет. Однако сам он всегда остается в пределах Дыры, на свет не выползает. Когда в городе воцарились наемники Ермака, Лисип начал действовать. Рассылал повсюду своих людей, вербовал головорезов. По всей стране прошел слух, что Шикас — такой город, где можно все, были бы только деньги. Мол, разбогатеть здесь пара пустяков, а разбогатев — становишься как бог и царь. Теперь не проходит и дня, чтобы через городские ворота не въехал какой-нибудь новый головорез. — И снова она одарила Конана откровенным взором: — Вроде тебя.

— Я благодарю тебя за то, что ты поделилась со мной такими бесценными сведениями, — сказал Конан.

— Уверена, что ты сумеешь ими правильно распорядиться, — ответила она ему в тон, явно забавляясь.

Конан легко спрыгнул с пьедестала. Подняв руки, он поймал Делию, которая спрыгнула вслед за ним. Ее талия была необычайно тонка для такой хрупкой женщины. Она вскинула руки на его широкие плечи и простояла так несколько дольше, чем диктовалось простой необходимостью.

— Счастливо тебе, киммериец, — сказала она. — Надеюсь вскоре услышать о тебе. Кстати, если пожелаешь со мной увидеться, то меня всегда легко найти.

— Эй, пока ты еще не ушла, — окликнул он ее.

— Да.

— Что тебе известно о человеке по имени Асдрас?

На лице Делии появилась гримаса разочарования.

— Это тот, кого нашли сегодня утром мертвым на заднем дворе «Химеры», да? Знаю только, что он был игроком и прибыл сюда несколько дней тому назад. А касательно того, что был мертв, так в этом городе редкое утро проходит без того, чтобы не обнаружился один-два трупа.

— Не слыхала ли ты чего-нибудь о женщине, которая прибыла с ним? Ее зовут Илла, хотя, возможно, здесь она взяла себе другое имя. Она очень молода.

— Не слышала я ни о какой женщине! Ловцы удачи вроде Асдраса часто держат своих девчонок где-нибудь под замком, спрятав их подальше. Теперь, когда она осталась без защитника, она, вероятно, всплывет вон там, под колоннадой. — Делия показала на колоннаду, где попрошайки уже приступили к своему обычному ежедневному занятию. — Нищие трутся здесь с утра, а постельные труженицы появляются, когда солнце клонится к закату. — Она улыбнулась Конану: — Эй, парень, а тебе самому-то случайно подружка не нужна?

— Нет. Еще раз благодарю тебя и всего тебе хорошего, Делия.

Все еще улыбаясь, она повернулась и быстро пошла прочь. Даже ее уход выглядел откровенным приглашением.

— Кто эта женщина? — прошипели сзади него.

Он обернулся и заметил возле себя невысокую женскую фигурку. Голова женщины была закутана шарфом, лицо скрывала вуаль.

— Брита?

— Конечно, я. Кто еще? Я пришла сюда утром, пока ты там дрых. С самого восхода я бегаю по городу в поисках моей сестры. Я заметила, как ты пришел на Площадь некоторое время тому назад, но потом увидела, что вот-вот начнется сражение. Я испу-

галась и убежала. Теперь, услышав, что битва окончена, вернулась. Кто была эта потаскуха?

— А тебе-то что? — спросил он, раздраженный тем, что она, похоже, стала смотреть на него как на свою собственность.

— Ну... — замялась она. — Я... я... Надеюсь, ты не хочешь сказать, что собрался спать с подобной девкой, когда мы заняты столь серьезным делом?

— Тебя, наверное, беспокоит, собрался ли я залезть к ней под одеяло? — буркнул Конан. — По-моему, я не нанимался тебе в слуги. Единственное, что я обещал, — помочь чем смогу, пока дожидаюсь прибытия своего хозяина.

Несколько мгновений она молчала, затем проговорила совсем тихо:

— Прости. Я слишком много себе позволила. Больше я не стану тебя беспокоить.

Она повернулась и пошла было прочь.

— Погоди, — сказал Конан ей вслед.

Она остановилась.

— К твоему сведению, эта женщина рассказывала мне о том, как обстоят дела в Шикасе. И я спрашивал ее об Асдрасе и твоей сестре.

— И что она сказала? — спросила Брита. В ее голосе звучала пробуждающаяся надежда.

— Немногое, — признался Конан. — Об Асдрасе она слышала, но о твоей сестре ничего не знает.

— О! Зато я слышала от нескольких людей, что они видели мою сестру... В общем, есть один запах, который она обожает. Я пошла к торговцам благовониями и начала расспрашивать их. Ходила от одного к другому, пока не нашла лавочку, в которую сестра моя действительно заходила несколько дней тому назад. Кроме того, есть и другие торговцы, которые уверяют, будто видели ее. Понимаешь, здесь, в этом городе, не так много хорошо воспитанных девушек с тарантийским, столичным выговором.

— Да, пожалуй, такая пташка должна выделяться среди прочих, — согласился Конан. Он было разозлился на себя, что начал оправдываться перед этой женщиной, как будто он обязан ей чем-то. Но в ее беззащитности было нечто, что трогало его, равно как и в ее мужественном стремлении во что бы то ни стало отыскать свою младшую сестру в этом адском городе. Тут Конан неожиданно бросил взгляд через ее плечо и заметил троих мужчин, которые не спеша вразвалку направлялись к ним через Площадь.

— Иди в гостиницу, — велел он Брите. — Поговорим вечером.

— Что это?

Увидев, что Конан смотрит через ее плечо, она повернулась и проследила за его взглядом.

— Похоже, я заинтересовал здешние власти, — проговорил Конан. — Будет лучше, если ты не станешь привлекать их внимание к своей персоне.

— Ясно. Тогда закончим разговор позже.

Она повернулась и быстро пошла прочь, успев уйти прежде, чем те трое могли бы расслышать ее слова. Один из подходивших был громадным мужчиной с гривой черных волос, ниспадающих на его кольчугу, с грубым и жестоким лицом. Двое других казались поменьше, одетые в зингарское платье. У рослого за пояс была заткнута громадная деревянная дубина с набалдашником, окованным железом. Зингарцы носили кольчуги без рукавов и были вооружены широкими изогнутыми мечами. У всех троих был вид людей, отлично умеющих управляться с оружием.

— Идем с нами, — сказал рослый. — Городской голова желает поговорить с тобой.

— Почему я обязан идти с вами? — поинтересовался Конан. — Кажется, в этом городе я ничем противозаконным не занимался.

— Если ты не идешь с нами, — сказал рослый стражник, — стало быть, ты не подчиняешься приказам городского головы. А это само по себе противозаконно.

— Я что, арестован? — спросил Конан, и рука его потянулась к рукояти меча.

— Он просто хочет поговорить с тобой, — произнес верзила усталым голосом. — Послушай, не создавай трудностей нам и себе.

— Тогда пошли, — сказал Конан.

Верзила повернулся, и Конан последовал за ним. Двое зингарцев замыкали шествие. Они пересекли Площадь, где парасхиты уже грузили тела погибших в стычке на телеги, а уборщики терли тряпками мостовую, счищая кровь. Мародеры успели растащить оружие павших.

Вслед за верзилой Конан поднялся по ступенькам к дверям резиденции городского головы. Наверху стояли два стражника, опирающиеся на свои пики, как на костыли. У одного из стражников была кривая нога. Другой был одноглазым и щурил свой единственный глаз так, будто и последнее око видело из рук вон плохо. За исключением сопровождающей его троицы, заметил Конан, всякий человек на королевской службе, который встречался ему в Шикасе, был толст и стар или физически убог, искалечен или немощен. Конану подобные стандарты набора рекрутов казались довольно странными. Однако не было сомнений — это так или иначе связано с прочими странностями, царившими в этом городе. Припомнилось Конану удручающее

состояние королевских дорог, по которым он совсем недавно проезжал. Отсутствие твердой руки в городе, подчиненном непосредственно Короне, служило лишним доказательством того, что король Аквилонии постепенно выпускает бразды правления из ослабевших рук.

Конана привели в приемную, которая размерами не уступала бальной зале дворца. В приемной стоял письменный стол титанических размеров. За столом сидел человек. При появлении Конана человек этот поднял голову и поглядел на киммерийца. Он был невероятно толстым. Жирная плоть собиралась складками, в которые немилосердно врезался тесный воротничок. Огромный живот перетянут поясом. Лицо у толстяка было нездорового бледно-серого цвета. Из-под выступающих надбровных дуг, как из амбразур, на Конана уставились маленькие карие глазки.

— Вот этот чужеземец, ваше превосходительство! — доложил верзила.

— Хорошо, Юлус. Эй ты, варвар, подойди сюда. — Городской голова поманил Конана пальцем. Толстые руки городского головы были в перчатках. Поверх перчаток на каждый палец надето кольцо. Даже на больших пальцах сверкали массивные кольца-печатки.

Конан сделал шаг вперед:

— Да?

— Я заметил, как ты любовался сражением, — проговорил городской голова.

— Я тоже заметил, как ты им любовался.

Бледно-серое лицо городского головы окрасилось легким румянцем.

— Я отвечаю за порядок в этом городе. Мне ли не радоваться, когда одни головорезы истребляют других? Что я могу им сказать, если им охота пролить кровь друг друга? Только одно: валяйте, ребята! Но в мои обязанности входит также собирать сведения о каждом новом головорезе, который появляется здесь с тем, чтобы осквернять своим присутствием вверенный мне город. Как только я увидел тебя, так сразу понял, что ты киммериец. Много лет тому назад я был в Гандерланде младшим офицером. Там я и познакомился с вашей породой. Все вы головорезы и смутьяны. Кроме того, среди нас остались еще те, кто не забыл Венариума.

— Я не увеличиваю беспорядка в вашем городе, — проговорил Конан. — Хотя с тех пор, как я въехал сюда, кроме беспорядка, я почти ничего и не видел.

— Зачем ты сюда явился? — спросил городской голова.

Конан почел за благо ничего не рассказывать о Пирисе.

— Когда я ехал по королевской дороге, я случайно набрел на нескольких бандитов, которые собирались изнасиловать женщину. Респектабельную аквилонскую даму, замечу я вам. Она направлялась сюда, чтобы разыскать свою сестру, сбежавшую из дома. Я согласился помочь ей.

На лице городского головы застыло недоверчивое выражение.

— Рыцарство пристало аристократам, а не простым наемникам вроде тебя.

Конан пожал плечами, решив не разыгрывать оскорбленного благородства:

— Она мне платит.

— Ладно. С этого момента я не буду спускать с тебя глаз. Это мой город. Я стремлюсь отслеживать появление и исчезновение любого мошенника вроде тебя. Утрясай свои дела с дамочкой и уматывай. Такие, как ты, мне здесь не нужны.

Конану хотелось плюнуть в рыло этому самодовольному борову, который претендовал на то, что ситуация в городе находится под его контролем, а на самом деле боялся даже выйти из дворца.

— И вот еще что, — сказал Бомбас. — Есть тут один человек, общества которого я настоятельно советую тебе избегать. Зовут его Максио. Он убил моего брата. В тот момент, когда я подоспел, брат мой уже испускал дух. — Тон городского головы стал еще более начальственным и суровым. — В общем, так. Покуда твоя деятельность будет держаться в рамках законности... если пребывание твое здесь не затянется... только в этом случае я не стану тебя беспокоить. Ты предупрежден. Однако, — теперь голос Бомбаса зазвучал почти дружески, — помни: я плачу за информацию о том, где скрывается Максио. Не забудь об этом, если случайно как-нибудь разузнаешь, где его нора. А теперь ступай.

Конан повернулся и пошел к двери. На пороге он обернулся:

— Ваше превосходительство?

Городской голова оторвал взгляд от бумаг:

— Да?

— Как уполномоченный королем городской голова ты имеешь право держать под своим началом сто солдат, причем конных, не так ли?

— Ну так, и что с того?

— А то, что я видел всего лишь человек двадцать. И все, как один, пешие. Это как понимать?

Городской голова холодно посмотрел на него:

— Когда мне понадобится посоветоваться с нищим варваром по вопросам градоуправления, обещаю, что немедленно пошлю за тобой. Ну а пока что проваливай.

Ухмыляясь, Конан вышел.

Глава пятая

ТОЛСТЯК

Покинув резиденцию городского головы, Конан двинулся к южной окраине города. И чем дальше удалялся киммериец от Площади, тем более старыми и убогими становились дома. Когда он добрался до Дыры, каменные строения полностью исчезли. Улицы были почти пустынны. Те немногие человеческие существа, что попадались на улицах, являли собою печальное зрелище — живые символы нищеты и пьянства. Это был район хищников и мародеров, спящих днем и охотящихся ночью.

Судя по всему, мусорщики и чистильщики улиц ни разу не удостоили своим вниманием удаленные от Площади южные районы города, ибо все здесь утопало в грязи. Огромные наглые крысы кишели ночью и днем. Постоянно приходилось смотреть, куда ступаешь, чтобы не поскользнуться. Наконец Конан добрался до «Химеры». В столь ранний час заведение было еще закрыто.

Конан побрел к месту слияния двух рек. Туда он прибыл как раз вовремя, чтобы лишний раз полюбоваться проплывавшими мимо него по течению телами. Судя по всему, это были трупы тех, кто был убит в сегодняшнем сражении. Вся одежда с трупов была сорвана, и речные рыбы уже успели потрудиться над ними. Сейчас тела убитых представляли собою омерзительную массу, за которой по воде плыли внутренние органы, выпавшие из распоротых животов.

Сочтя первичное знакомство с городом законченным, Конан пошел назад, на север, в сторону Площади. На этот раз он избрал другую дорогу, ведущую через более зажиточные и совсем новые кварталы. По пути он сделал одно важное наблюдение. Под улицами здесь была проложена система канализационных труб. На собственном опыте Конан уже знал, сколь полезны бывают эти трубы во время отчаянного бегства. Он постарался также запомнить расположение каждого люка, через который можно было попасть в систему канализации. В тот момент, когда Конан остановился у лотка торговца одеждой, мимо него по улице прошла процессия. Двадцать мужчин и женщин, большинство из которых были совсем юными, двигались за человеком, несущим изображение какого-то женского божества с огромными грудями, на вид вендийского. Все эти люди, не попадая в тон, извлекали звуки из разных музыкальных инструментов, и нестройно распевали какие-то гимны. Конан поинтересовался у торговца, что это за люди. Торговец презрительно скривился:

— Последователи Матери Дурги. Их предводитель — жрец, который явился сюда пару лет тому назад. Он обосновался в ста-

ром храме Митры на Площади. Секта довольно шумная, но почти безвредная.

— Разве она разрешена? — спросил Конан. — Я думал, что в королевских городах и бургах дозволены только государственные культы.

Торговец с сожалением посмотрел на киммерийца:

— Похоже, у этой богини водятся денежки. А в Шикасе большего и не требуется.

Конан пошел дальше. У городских ворот он перекинулся парой слов со стражником. Выяснилось, что никто похожий на Пириса не появлялся. Куда же запропастился этот тип? Ожидание уже начало раздражать Конана, он терял терпение. В конце концов, Шикас был городом, где человек, обладающий мужеством, силой и предприимчивостью, может чертовски разбогатеть, не прилагая к этому сверхъестественных усилий. Киммериец наметил уже несколько способов получить целое состояние. Те же восемьсот золотых, которые он должен был получить от Пириса и которые еще несколько дней назад казались ему сказочным богатством, выглядели теперь в его глазах довольно незначительной суммой. Поэтому Конан решил подождать Пириса еще один день, а ежели тот не появится — начать собственное дело.

До заката оставалось еще часа два. Конан вернулся в гостиницу и оседлал свою лошадь. И сам он, и благородное животное нуждались в разминке. Конан хотел, чтобы его конь постоянно находился в хорошей форме на тот случай, если понадобится спешно бежать из Шикаса.

Оказавшись за пределами города, Конан пустил лошадь сперва рысью, потом перешел в галоп, затем поехал шагом, чтобы не спеша вернуться к городским воротам. Очутившись снова в гостинице, он проследил, чтобы животное было накормлено как следует, после чего дал конюшему специальные указания, как следует выхаживать и кормить боевого скакуна. Каждую свою реплику он сопровождал похлопыванием по плечу — на взгляд Конана, легким, а для конюшего довольно-таки ощутимым. Киммериец хотел быть уверенным в том, что его указания поняты правильно.

Когда киммериец вышел из конюшни, он вдруг понял, что после завтрака ничего не ел. День же между тем выдался довольно утомительным. Конан буквально умирал от голода. Он уже стремительно шел к таверне, когда какой-то человек преградил ему дорогу.

— Прошу прощения, господин, — проговорил незнакомец. Конан увидел, что перед ним еще юноша, почти отрок с хорошеньким, утонченным, но слабовольным лицом. Чтобы уравновесить это инфантильное выражение лица, юноша надел кирасу из плотной коричневой ткани с нашитыми на нее металлическими

пластинами. При движении плащ распахнулся, открыв Конану, что юнец носит не один, а целых два меча.

— Да? — пробурчал Конан. Голод всегда приводил его в дурное настроение.

— Мой хозяин хотел бы поговорить с тобой.

— Мальчик, — сказал Конан, — я не знаю твоего хозяина. И тебя не знаю. Но хочу тебе заметить, что ты стоишь между мной и моим обедом. Так что посторонись, а ежели твой хозяин хочет со мной говорить, пусть приходит сюда и спросит меня в таверне.

— Сожалею, господин, но я вынужден настаивать. Мой хозяин крайне нуждается в том, чтобы поговорить с тобой. Кроме того, он приглашает тебя разделить с ним трапезу.

— Ага, это уже лучше. Правда, еще не совсем хорошо. Посторонись.

Он оттолкнул юнца и зашагал в сторону таверны.

— Господин!

На этот раз Конан обернулся:

— Будь ты проклят, что... — Он осекся, когда увидел, что юнец наставил на него небольшой арбалет. Должно быть, арбалет висел на петле под плащом уже взведенным, с заложенной стрелой.

— Ну что, господин, теперь ты пойдешь со мной?

— Настолько ли ты хорош, как воображаешь о себе? Хреновина, что у тебя в руках вряд ли сможет пробить эту кирасу. Что до меня, то я прикончил немало ублюдков, даже будучи тяжело раненным.

И рука Конана поползла к рукояти меча.

Юнец рассмеялся:

— Может быть, оно и так. Но скажи мне, господин, ты и в самом деле ХОЧЕШЬ заполучить арбалетную стрелу в ногу или в руку или даже в глаз? Не слишком ли большая плата за отказ пообедать с моим хозяином?

— Твой хозяин, должно быть, чертовски щедрый человек, — проговорил Конан. — Ладно, пошли.

Юнец шел позади Конана и указывал ему, куда сворачивать. От гостиницы они прошли совсем немного, а затем завернули за угол красивого каменного особняка. Как и большинство зданий в этом районе, особняк имел каменный первый этаж и деревянный второй. Юнец сказал Конану, чтобы тот поднимался по наружной лестнице на второй этаж. Конан подчинился и остановился на площадке перед тяжелой дверью.

— Нам сюда, — сказал юнец, — давай стучи.

Конан постучал. Затем резко обернулся, выхватил арбалет из рук юнца и швырнул оружие вниз. С проклятиями парень потянулся за своими мечами. Но вместо рукоятей его ладони сжали

запястья Конана. Варвар опередил противника и первым схватил оружие. Киммериец широко ухмыльнулся:

— Те, кто не искушен в искусстве владения мечом, нередко считают, что два меча делают их вдвойне опасными.

Резким движением киммериец вырвал мечи юнца из ножен, и прежде, чем тот успел осознать, что происходит, — не то что двинуться с места, — Конан уже оказался у него за спиной, прижимая скрещенные лезвия ему под подбородком.

— Но это мнение ошибочно, — продолжал Конан.

В этот момент дверь скрипнула, и киммериец резко двинулся вперед, толкая юнца перед собой. Человек, открывший дверь, отпрыгнул назад. Конан отвесил юнцу солидный пинок под зад.

— Не советую давать соплякам такие опасные игрушки, — проговорил Конан, швырнув оба меча к ногам человека, открывшего дверь.

Юнец бесформенной кучей шевелился в углу, держась за голову, которой ощутимо припечатался о стену.

Тот, к кому обратился Конан, был человеком необъятной толщины. Самая настоящая громадина. Благодаря не только своему росту, но и чудовищной дородности. Если Бомбас напоминал груду бледной плоти, то этот человек являл собою величественный монумент выпирающего во все стороны жира. Казалось, он был составлен из сфер, выходящих одна из другой. Вся эта громадная туша, опирающаяся на непропорционально маленькие ноги, будто невесомо плыла, когда человек двигался. Разодет он был в богато разукрашенные одежды и носил множество драгоценностей. У него было розовое и пухлое младенческое лицо, однако глаза на этом лице глядели остро и колюче. Он подплыл к юнцу и грустно посмотрел на него сверху вниз.

— Гилма, Гилма, — вздохнул он. — Что мне с тобой делать? Я ведь сказал: «Иди и попроси, уважительно попроси — я напомнил тебе об уважении! — нижайше попроси киммерийского господина прийти и встретиться со мной, дабы мы могли разделить трапезу и побеседовать». Но разве ты сделал так, как я сказал тебе? Нет, тысячу раз нет! Вместо этого ты возомнил, что можешь сравниться с опытным воином. Простой вежливости показалось тебе недостаточно. Что ж, Гилма, этот господин великодушно преподал тебе достойный урок. И ты еще должен быть благодарен, что он тебя не изувечил. А теперь, Гилма, я требую, чтобы ты извинился перед господином.

Юнец яростно вскинул голову, но в лице толстяка он прочел нечто, что заставило его буквально сжаться. Он повернулся к Конану и поклонился:

— Нижайше прошу: прости меня, господин.

Конан застыл столбом, решительно не зная, как понимать это странное представление, разыгравшееся сейчас перед ним.

— Ты сам напросился, — сказал он.

— И получил урок, — добавил толстяк. — А теперь давайте помиримся, будем друзьями, сядем и отобедаем как цивилизованные люди.

— Я не цивилизованный человек, — заметил Конан.

— И все же, — проговорил тот, — именно ты проявил истинное, внутреннее... как бы это сказать... духовное... качество цивилизованности и благородства. Я не в силах выразить тебе, господин, сколь я восхищен человеком, который обладает не только отвагой и мужеством, но и волей, способной держать в узде эти истинно мужские добродетели, и имеет к тому же такие ценнейшие качества, как сострадание и объективность суждения, а также способность к тонкому счету. О, меня восхищает человек, знающий, в каких количествах требуется прикладывать силу, дабы достигать желаемого, не расходуя лишнего. Воистину, я восхищаюсь этим, господин!

Конан равнодушно пропустил мимо ушей этот поток слов.

— Давай-ка к делу.

— К делу? Но что есть дело, что есть смысл? Вот обед — разве он не есть высший смысл существования? Разве может день без обеда считаться совершенным? Или завершенным? А можно ли сказать, что незавершенный день прожит славно? Так давай же, господин мой, перейдем к обеду, а затем поговорим и о других делах.

— Ну что ж, обед не помешал бы, — согласился Конан.

— Гилма, уведоми нашего хозяина, что можно подавать на стол уже прямо сейчас.

Толстяк повернулся к Конану:

— Ну, а покамест, господин, давай, чтобы между нами не было никакой напряженности, чтобы вся враждебность исчезла и мир снизошел на нас, давай — я умоляю тебя! — давай присядем. Позволь налить тебе кубок этого восхитительного пуантенского вина, заложенного в погреба за много лет до того, как оба мы, и я и ты, в первый раз огласили слух наших родителей своими младенческими воплями. Это нежнейшее, тончайшее красное альтуга. Этот сорт выращивают на южных склонах здешних виноградников. Тщательно дожидаются полного созревания ягод, после чего кряжистые крестьяне срезают сии грозди. Прелестнейшие ножки милых девушек топчут сии плоды лозы, выжимая из них сок, орошающий здешнюю счастливую землю. О, эти дивные ножки, что топтали этот виноград! Иные обратились уже в прах, другие покрылись мозолями и трещинами, представляя собою отвратительную картину кривых старушечьих ног. Но обаяние девичьих

ножек, вне всякого сомнения, передалось тому дивному напитку, коим я ныне наполняю этот кубок.

Толстяк налил до краев два кубка, протянул один из них Конану. Конан подождал, пока его собутыльник осушит свой кубок до дна, и только после этого сделал то же самое. «А вино и в самом деле превосходно, — отметил про себя Конан. — Превосходно, невзирая на всю брехню толстяка». Киммериец протянул толстяку свой кубок, и тот вновь наполнил сосуд.

— Теперь, господин, — сказал незнакомец, — я знаю, что ты киммериец и зовут тебя Конан.

— Ты неплохо информирован, как я погляжу, — пробурчал Конан. — Чего нельзя сказать обо мне. Я ничего о тебе не знаю.

— Ну так давай же с самого начала исправим эту маленькую досадную оплошность. Твоего нижайшего слугу, что стоит здесь перед тобою и мечтает оказать тебе большее гостеприимство, чем в состоянии, зовут Касперус. Я младший — я даже, скорее, наимладший, незначительнейший — колдун из Нумалии, что в Немедии. Ты знаешь об этом городе?

— Бывал там, — кивнул Конан.

— Восхитительный город! Волшебный город! Город мудрецов и художников! Город, где даже такой тупица, как я, может снискать себе репутацию мага, пусть даже скромную. И обучиться этому ремеслу. Магические искусства, конечно, ужасны и загадочны. И требуют, увы, чтобы тот, кто хочет стать истинным мастером, начинал обучение с детства, претерпевая все страдания и ограничения аскетизма. Увы, у меня не было возможности пройти этот путь до конца. Жизнь сложилась так, что я начал изучать Мистерии, уже достигнув зрелости, что ты, вне всякого сомнения, уже успел заметить. — Он обвел рукой свои округлые формы с несколько виноватым видом. — И нужных для настоящего мага качеств у меня, к сожалению, не было. Не получил я и соответствующей подготовки. Нет, другому учили меня. Большую часть своей жизни я провел торговцем предметами искусства — раритетами, стоимость которых большинство людей не в состоянии себе даже представить.

Киммериец кивнул, изобразив вежливый интерес. Он прислушивался вполуха к неиссякаемому потоку слов, куда больше внимания уделяя выражению лица и жестам собеседника. Еще с юности, оказавшись в диком мире городов-государств и империй, варвар научился более доверять жестам и выражению лица, нежели словам, которые часто оказывались всего лишь пустой оболочкой. В больших городах словам веры нет. Уже давным-давно Конан научился узнавать о собеседниках куда больше, чем те хотели бы высказать. Хотя это подчас здорово мешало ему в тех случаях, когда он имел дело с женщинами.

Вот и этот человек, что сейчас разглагольствовал перед ним, изо всех сил старался показаться эксцентричным и довольно глупым толстяком, который всего лишь балуется магическим Искусством. На самом деле из всего, что он пытался показать, единственной правдой была его неправдоподобная тучность. Все остальное — фальшивка. За напускной мягкостью и словоохотливостью Конан различал жестокий и блестящий ум; волю, столь сильную, с какой киммерийцу еще ни разу в жизни не приходилось сталкиваться.

Впрочем, Конан не подал и виду, что раскусил толстяка. Этот урок он тоже усвоил с юности, причем заплатив некогда за него довольно большую цену.

— Несмотря на то что магией я начал заниматься довольно поздно, — продолжал тем временем журчать Касперус, — я, должен тебе признаться, сумел-таки достигнуть определенного мастерства в искусстве тавматургии, чтобы получить возможность отыскать, когда потребуется, человека, сочетающего в себе множество редких качеств. Как раз таких, какие мне необходимы. К тому же находящегося поблизости от моего местопребывания. Позволь мне провести небольшой опыт, господин.

Он подошел к низкому столику, знаком пригласив Конана приблизиться. Киммериец подошел. Конан терпеть не мог колдовства, но чувствовал, что здесь скрывается нечто куда более значительное, чем простое колдовство. Нечто куда более приятное, куда более соответствующее его, Конана, вкусам. А именно: киммериец ощутил запах денег. И больших денег.

На столе покоился деревянный предмет, напоминающий раскрытую книгу. Крышка, крепящаяся на петлях, была откинута, открывая странные знаки, вырезанные на внутренней поверхности «книги». На оборотной стороне «обложки» имелось зеркало, сделанное из черного стекла — во всяком случае, этот предмет очень напоминал черное стекло.

— Знаешь ли ты, что это такое? — спросил Касперус, проявляя изумительную для него лаконичность.

— Магическое зеркало, — ответил Конан. Это было обычное устройство, используемое колдунами для того, чтобы следить за удаленным или скрытым.

— Верно, господин, совершенно верно! Элементарная штука, но абсолютно необходимая. Единственное, что мне нужно сделать, — сконцентрироваться на требуемом, произнести одно-два заклятия — и пожалуйста! И что же мне открыло мое магическое зеркало? А открыло оно мне, о господин мой, что в этом самом городе находится в точности тот самый человек, который мне необходим. А именно: киммерийский воин, сын могучего и сурового народа, самого могучего и самого сурового в мире.

И прежде чем Конан успел вставить хоть слово, появились слуги. Работали они ловко и расторопно. Споро установили стол, покрыв его снежно-белой скатертью, быстренько расставили обеденные приборы и блюда. Когда последняя тарелка была поставлена и свечи зажжены, стол, казалось, готов был вот-вот надломиться под тяжестью яств. Каких только деликатесов здесь не было! Однако вершиной этого кулинарного апофеоза был зажаренный целиком поросенок. Вместо глаз поросенку были вставлены вишни, а во рту лежало яблоко.

— Остальные где? — спросил Конан.

— Кого ты имеешь в виду, господин? — поинтересовался Касперус, усаживаясь за этот великолепный стол.

— Других едоков, кого же еще. — Конан тоже сел. — Уж не хочешь ли ты сказать, что вся эта гора жратвы только для нас двоих?

— А почему бы и нет, господин? — спросил в свою очередь маг.

Конан считал себя довольно-таки прожорливым парнем. Но даже для него, с его варварским аппетитом, делающим честь истинному киммерийцу, трудненько было бы и за неделю расправиться со всем тем, что громоздилось сейчас на столе.

— Как я уже говорил тебе, господин, я в лучшем случае являюсь третьеразрядным колдунишкой. А до этого был скромным и ничтожным торговцем произведениями искусства и редкими безделушками. Конечно, рядом с настоящим воителем я не иду ни в какое сравнение. Кроме того — к величайшему моему сожалению, должен сознаться, что и в торговле предметами искусства мои достижения попросту смехотворны. Однако же, о мой господин, в том, что касается пиршеств и застолий, равного мне в мире нет. Вот и получается, что ты, мой господин, да я — мы, каждый, только каждый по-своему, обладаем качествами, которые граничат с героическим, с божественным. Я спрашиваю: отчего мы должны сковывать свой героизм, надевая личины людишек ничтожных, не способных совершать великие дела? Ведь, господин мой, неужели ты станешь сражаться с неопытным юнцом, у которого нет ни малейших шансов одолеть тебя, — с твоей-то силой, с твоим-то умением? То же самое можно сказать и обо мне. Неужто я с моим ничтожным, но по-своему уникальным даром довольствуюсь количеством пищи, способным утолить аппетит зауряднейшего работяги? Конечно же, нет! Посему, о господин мой, приступим!

И с этими словами толстяк взял кривой нож с костяной ручкой и отхватил от жареного поросенка здоровенный кусок, способный утолить голод целого семейства. Конан почувствовал, что не в силах более выносить дразнящие ароматы, исходящие от пищи, и тоже начал наваливать еду себе на блюдо. В безмолвии оба — Конан и его сотрапезник — приступили к обеду, время от

времени наполняя свои кубки из графинов, которыми был густо уставлен весь стол.

Киммериец нанес значительный ущерб стоящим перед ним яствам. Когда он наконец откинулся назад и сыто рыгнул, толстяк все еще яростно вгрызался в окорока. Казалось, у него во рту не было ни крошки уже несколько недель. Он опустошал блюда, обгладывал кости, высасывал из них мозг, десятками поглощал пирожки, тут же заталкивая себе в рот огромные ломти хлеба, густо намазанные маслом. Поскольку Конан уже утолил голод, зрелище это показалось ему отвратительным. Чтобы не смотреть на обжирающегося Касперуса, он принялся исследовать взором помещение, в котором находился.

Сотрапезники пировали в необыкновенно длинной комнате. Похоже, маг-торговец занимал целый верхний этаж здания. Мебели немного, но она сплошь богатой отделки: громадная кровать, несколько кресел, обеденный стол. По углам распиханы большие узлы, напоминающие о том, что маг был путешественником. Но самое удивительное, что из всего чародейского арсенала у толстяка имелось лишь одно магическое зеркало. Обычно берлоги колдунов просто заставлены астролябиями, древними манускриптами, сосудами со странными жидкостями и порошками, булькающими ретортами. Впрочем, Касперус сам признавался, что путешествует, можно сказать, налегке, а в магии является дилетантом.

Наконец Касперус оторвался от трапезы и густо рыгнул. На столе ничего не осталось, кроме обглоданных костей и скорлупы. Касперус аккуратно обтер губы шелковым платочком, а затем погрузил пальцы в сосуд с пахучей водой, на поверхности которой плавали розовые лепестки.

— Потрясающе, превосходно, господин, великолепно! — воскликнул толстяк. — Именно трапезы наподобие этой придают жизни истинный смысл! Только это и имеет ценность. А также поиски древнего, скрытого и истинно драгоценного. Кстати, об этом-то мы и должны поговорить, господин. Если ты не возражаешь, давай обсудим наши дела.

Касперус поднялся из-за стола, двигаясь легко и непринужденно, как пуантенский танцор. И это — несмотря на горы пищи, которые только что уместились в его необъятном брюхе! Он подошел к одному из кресел, подвинул его поудобнее и уселся. Затем громко хлопнул в ладоши. Появились слуги и унесли остатки трапезы.

Конан сел в кресло напротив. Пока прислуга суетилась, очищая объедки и вытаскивая стол, киммериец и Касперус безмолвно наслаждались вином.

— Ну, — проговорил Конан, когда слуги наконец исчезли. — Выкладывай, что там у тебя.

— Это длинная история, о мой господин. Соблаговоли выслушать ее, ибо она стоит того. То, что скрыто за ней, сулит большую выгоду. Великую выгоду. — Касперус подался вперед, к Конану, и заговорил почти шепотом: — Итак, о мой господин, что тебе известно о Селхет?

Конан покачал головой:

— В первый раз слышу это слово.

— И то верно. За пределами Стигии мало кто слыхивал о Селхете. Это не слово, мой господин, как ты изволил выразиться, а имя. Это имя одной из богинь стигийского пантеона.

Конан поерзал в кресле, почувствовав себя неуютно. Не любил киммериец Стигии. Даже не то чтоб не любил, а просто ненавидел. Ненавидел страну, ее жрецов, царей, ее колдунов, ненавидел дикое сборище стигийских богов и божков.

Касперус тем временем продолжал:

— В течение многих столетий Селхет была младшим божеством, всего-навсего охранительницей могил. Бедные вырезали ее изображение на надгробиях, а богатые устанавливали на могилах ее статуи. Подобно всем стигийским божествам, она изображалась в виде животного. А именно — в виде скорпиона, ибо такова была ипостась Селхет. Кстати, много ли ты знаешь о магии, господин?

— Не более, чем необходимо для моей безопасности, — заявил Конан. — Мой бог Кром. Любому человеку достаточно одного бога.

— Ах да, Кром. Бог северян. Противник Имира. Весьма интересное божество. Впрочем, в магии с ним мало что связано. Ну да ладно. Итак, мой господин, несомненно: путешествуя, ты понял, что религиозные представления большинства людей существенно отличаются от твоих. Большинство предпочитают плетору, то есть многобожие, пантеон, состоящий из множества богов. Но ни у одного народа на земле нет такого сонмища божеств, как у стигийцев. — Касперус откинулся назад и рассмеялся. — Я говорил уже тебе, господин, что я — маг, хоть и не мастер, а всего лишь любитель. Но это вовсе не означает, что я суеверен. Работа магии и дела божеств сочетаются между собой по определенным законам, для человеческой речи невыразимым. Только высшим магам понятны эти законы. Для обывателя божество — это просто нечто вроде исключительно могущественного, но вполне человеческого существа. Но боги совсем не таковы, уверяю тебя.

Взять хотя бы Селхет. Грабители могил занимаются своим нечестивым ремеслом по ночам. Шаря в темноте в разрытых могилах, они встречаются с двумя видами животных, которые волей-неволей представляют для них опасность, а именно: со змеями и скорпионами. Но змеи ночью вялы и редко кусают людей. Скорпионы же, наоборот, активны в темное время суток. Любой

мародер подвергается опасности. Некоторые стигийские скорпионы таковы, что один-единственный их укус несет с собой смерть. Вот и получается, что для вульгарного ума скорпионы — священное животное Селхет, охранительницы могил. Ты следишь за моей мыслью, о господин?

— Покамест да, — проговорил Конан.

— Замечательно, господин мой. Однако же продолжим. Селхет — это немыслимо могущественное существо с неведомой далекой звезды. Невозможно представить себе, как далека она от нас. Но в Стигии она изображается, как правило, в одной из трех своих ипостасей: в образе прекрасной женщины с головным убором, увенчанным изображением скорпиона, в образе скорпиона с женской головой или же просто в виде скорпиона. Ну а теперь скажи мне, что ты знаешь о Пифоне?

Касперус сцепил пальцы на обширном брюхе. Перстни, унизавшие его жирные пальцы, красновато поблескивали в свете свечей.

— Это город из древних легенд. Столица давным-давно исчезнувшего Ахерона, — буркнул киммериец.

— Превосходно! Кстати, ахеронцы — близкие родичи сегодняшних стигийцев. Оба народа ведут свое происхождение от жителей еще более древней Лемурии. Ахерон был северным лемурийским царством, а Стигия — южным. Ах, господин! Если бы только ты мог видеть пурпурнобашенный Пифон! Я в моих мистических путешествиях удостоен был лицезреть его. И уверяю тебя: самые богатые города нынешних времен по сравнению с Пифоном просто жалкие трущобы. Башни его были столь высоки, что казалось, доставали до Луны. Что до могущества его магов, то оно было таково... никогда в мире не появлялось ничего более великого. — В голосе Касперуса зазвучала грусть. Это была неподдельная печаль прирожденного рассказчика.

— По мере того как одно тысячелетие сменялось другим в бесконечном вращении колеса времен, Ахерон все больше и больше дряхлел. Со временем почти все из сокровищниц его магического знания были забыты. Варвары Хайбории обрушились на выродившихся потомков некогда великой империи и разбросали их по миру, подобно тому как ураган срывает гребни волн и несет перед собой клочья пены. Многие из ахеронцев бежали на юг, в поисках убежища у родственного им народа — у стигийцев. Стигия, в отличие от Ахерона, находилась в то время на вершине своего могущества. На реке Стикс остановила она полчища хайборийцев. С тех пор минули тысячелетия. Но хайборийцам так и не удалось перейти Стикс. Итак, мой господин, мы подбираемся к самой сути нашего дела.

— Да уж пора бы, — проворчал Конан.

Толстяк между тем продолжил, пропустив мимо ушей грубое замечание киммерийца:

— Первая часть истории, которую я только что рассказывал, в общих чертах излагается в Книге Скелоса. Но тебе, мой господин, наверное, хорошо известно, что форма изложения материала в этом величайшем труде внешне напоминает горячечный бред и поэтому вызывает законное сомнение касательно последовательности излагаемых событий. Но для воистину великого мага, владеющего ключами к Книге Скелоса, изложенное там внятно и понятно. Однако я уже не раз подчеркивал в разговоре с тобой, что лично я таким магом не являюсь.

Конан подавил невольный стон. Неужто все рассказанное — только ПЕРВАЯ ЧАСТЬ истории?

— Среди пифонских беженцев оказались и жрецы Селхет. Эта некогда богатая и могущественная каста ко времени бегства в Стигию была на грани полного краха. Их храмы и сокровища были захвачены дикими хайборийцами, так что жрецы принесли с собой только то, что сумели унести. А именно — книги. Однако им удалось найти себе покровителя в лице тогдашнего бога-царя Хоншефа Сто Семьдесят Третьего. Он подарил им город, ныне известный как Хет, Город Скорпионов. Отдал вместе с обширными землями, что тянутся от реки далеко в пустыню. Конечно, в Стигии богиня Селхет вынуждена была примириться с второстепенной ролью, ей отведенной, ибо в этой стране уже тогда главенствовал культ Сэта, древнего змея, и жрецы этого культа не терпели соперников.

В благодарность за явленную щедрость жрецы Селхет изготовили статую своей богини и преподнесли ее в дар богу-царю. Это была не простая статуя. Во-первых, ради нее жрецы нашли самого великого ваятеля тогдашних времен. Звали его Экба. Он был подданным короля Будры, правившего в одном из королевств тех времен. Ныне о том королевстве ничего не известно, кроме имени самого властелина. Скульптор Экба был совершенно безумен и поэтому жрецы Селхет остановили на нем свой выбор. Жрецы приказали ему изготовить статую богини в виде скорпиона с головой женщины. Над скульптором они сотворили множество заклинаний, дабы привести его в состояние должного вдохновения. Экба мог потребовать любые материалы, невзирая на редкость или ценность.

А материалы, которые нужны были скульптору, и в самом деле оказались удивительными. Два года ушло только на то, чтобы собрать их. Многие герои тех дней, мужи, с которыми я и не мечтаю сравниться, о мой господин, отправились на поиски этих материалов. И большинство из этих героев нашли свою смерть на трудном пути. Экба потребовал кость живой принцессы, детородный орган дракона, жемчужину разновидности, известной

лишь в Кхитае, и так далее. Все эти субстанции были истолчены в порошок и смешаны с металлом, из которого был создан идол. После чего Экба целых десять лет работал над созданием статуи. Он проводил много времени за молитвами и ритуалами, ибо стремился обрести истинное видение. Много раз пытался он отлить фигуру, но всякий раз попытки его оканчивались неудачей. Жрецам приходилось постоянно находиться при нем, ибо он часто пытался покончить с собой.

В конце концов Экба, окончательно впавший в отчаяние, потребовал, чтобы ему была дана гигантская доза черного лотоса. Такие дозы употребляли лишь величайшие маги при произнесении наиболее могущественных заклятий. С огромной неохотой жрецы согласились на это и подготовили для ваятеля зелье. Экба выпил его и впал в транс, который длился десять дней и десять ночей. Все, кроме самых опытных магов, считали его мертвым.

Очнулся скульптор уже полностью одержимый безумием. Экба приказал, чтобы все материалы перенесли из мастерской в самое сердце святилища богини. Там он заперся и забаррикадировал двери, после чего приступил к работе. В течение двадцати дней он трудился без еды и питья. Из храма то и дело доносились какие-то зловещие звуки, но что делал там скульптор — неизвестно. Наконец в полночь, когда луна стояла в зените над храмом, из-за запертых дверей послышался ужасающий вопль. Жрецы с трудом расчистили проход и ворвались внутрь. На пьедестале они обнаружили великолепное изображение своей богини. У подножия лежало тело Экбы; черты его лица исказило выражение невыразимого ужаса. Тело Экбы было столь сильно накачано ядом, что через несколько минут после того, как рядом оказались жрецы, оно буквально лопнуло и разлетелось на куски.

Рассказывая все эти мерзкие подробности, толстяк, похоже, испытывал невыразимое удовольствие.

— Я думаю, незачем упоминать о том, что бог-царь нашел статую воистину достойным подарком и выстроил во дворце святилище, где и поместил ее. К слову сказать, статуя, которую в конце концов отлил мастер, уже не являлась столь ценной из-за материала, ибо была создана в обыкновенной бронзе. Во всяком случае, такой она казалась внешне. Конечно, в эту бронзу были добавлены многие драгоценные субстанции, но прежде, чем влить их в сплав, мастер истер их в невероятно тонкий порошок. Но не материал делал статую столь драгоценной. О нет, мой господин! Не материал, а чудовищная магическая мощь, которую буквально излучала статуя. В течение многих веков стигийские боги-цари использовали это изображение скорпиона в наиболее экзотических таинствах. Что до жрецов Селхет, то время от времени они переживали периоды особого благоволения со стороны царей.

Однако даже в этом проклятом царстве все подвластно времени и ничто не остается неизменным. Сила Сэта росла. Все реже и реже использовалась статуя Селхет в обрядах, а жрецы Селхет утратили былую власть. Затем пришли Годы Распада. Три столетия Стигия была разбита на воюющие между собой провинции, и глава каждой из этих провинций заявлял свои права на титул бога-царя. И на земле, и на магическом плане происходили великие битвы.

Те немногие жрецы, которые поддерживали жизнь в святилище, не хотели, чтобы статуя была захвачена одной из противоборствующих сторон. Поэтому они перенесли ее в королевскую усыпальницу. Затем для того, чтобы скрыть истинную природу этой волшебной статуи и отвратить глаза грабителей от этой величайшей ценности, они покрыли ее толстым слоем черного лака. Отныне она напоминала обычное изваяние из черного камня. С тем жрецы и оставили ее в гробнице.

В ходе междоусобиц дворец много раз переходил из рук в руки. Предполагается, что жрецы Селхет были убиты в самом начале смут. Поэтому истинная природа изваяния Селхет была прочно забыта. Со временем дворец был покинут и его покрыли пески пустыни.

Толстяк осушил свой кубок. Впрочем, он быстро налил себе еще, затем предложил еще вина Конану, который, несмотря на все свое отвращение к колдовству, слушал историю с искренним интересом.

— Рано или поздно, — продолжал Касперус, — грабители должны были проникнуть во дворец и обобрать усыпальницу. В Стигии имеются целые деревни, живущие исключительно за счет мародерства. Жители этих деревень — великие мастера во всем, что касается охранительных заклинаний, необходимых для того, чтобы защититься от магии, которую обычно накладывают на места захоронений. Доподлинно известно, что примерно пятьсот лет тому назад черный скорпион попал в руки колдуна Аштаке из Кешана. Аштаке не подозревал об истинных силах, кроющихся в статуе. Но понимал, что это какой-то чрезвычайно важный талисман. После того как Аштаке умер, статуя перешла к одному из его учеников, а затем более чем на столетие исчезла из поля зрения магов. Новое упоминание о ней мы находим в Анналах Семьи Ашбаал. В течение многих лет статуя, похоже, хранилась среди сокровищ членов этой семьи, наследственных купцов-принцев Шема. Они ничего не знали об истории статуи и об ее магических свойствах, но это и не важно. Даже покрытая лаком, потускневшим от времени, статуя являла собой замечательное произведение искусства. В течение жизни нескольких поколений статуя числится в их сокровищнице.

Ценность этого произведения была понятна с первого взгляда, поэтому статуя разжигала страсти среди коллекционеров предметов искусства.

Анналы сообщают, что Скорпион наряду с многими другими сокровищами был похищен, когда аргосийцы вторглись в Шем. Это произошло триста лет тому назад. Следующее упоминание о Скорпионе встречается в мемуарах Эльсина Атаро, первого советника зингарского короля Гитаро Третьего. Этот человек, Атаро, так же как и я, одновременно подвизался на нивах искусства и магии. Он знал, что Черный Скорпион — это нечто куда большее, нежели просто раритет. Более того, он крайне заинтересовался тайной силой магии Скорпиона. Изучив множество древних и редких книг, он начал подозревать истинную природу прекрасной скульптуры. Он пришел к выводу, что перед ним — древняя статуя Селхет, принадлежавшая когда-то богам-царям, хотя о происхождении статуи и об истории ее создания он мало что знал. Когда Атаро умер, среди оставшихся после него сокровищ Черного Скорпиона не было.

Восемьдесят лет тому назад эта статуя снова возникает среди вещей, принадлежащих знаменитому колдуну Шамта из Шадизара. Как Скорпион попал в Замору — неизвестно. Так или иначе, маг Шамта заполучил ее в свою собственность, а затем много лет пытался разгадать ее тайну. Он проделал с ней множество магических экспериментов и оставил после себя совершенно уникальный манускрипт, содержащий описание этих экспериментов. Несколько лет назад случилось так, что этот манускрипт попал ко мне. Однажды вечером, когда луна была на ущербе, Шамта предпринял последний опыт, о котором ничего не известно, поскольку сам маг не пережил его, дабы поведать миру о своих открытиях. Известно только, что башня, стоявшая на возвышении недалеко от его жилища, — та башня, в которой он и проводил свои магические опыты, взорвалась, будто извергающийся вулкан, разбросав камни по всему Шадизару. Однако среди обломков не было обнаружено ни малейших следов ни самого колдуна, ни Черного Скорпиона.

К счастью, Шамта держал свои записи не в башне, а в своем жилище, которое при взрыве лишь слегка пострадало. Его наследники решили, что имеет смысл размножить уникальный документ, а затем продавать копии любому, кто учится магии либо практикует ее. Брали они за эти копии кругленькую сумму. Поэтому в последующие годы об экспериментах Шамты узнали многие, но отнеслись к этому просто как к очередной диковине. Ибо общепринятым было мнение, что статуя Селхет погибла во время взрыва, разрушившего башню Шамты.

— А что, это было не так? — спросил Конан.

— Отнюдь. Примерно лет сорок тому назад эта статуя оказалась в руках Мельхаруса из Нумалии, торговца древностями и предметами искусства. — Упираясь кулаками в колени, Касперус наклонился вперед. Речь его зазвучала лихорадочно. — Этот человек, Мельхарус из Нумалии, был моим отцом. Будучи еще мальчишкой, я собственными глазами видел легендарную статую в кладовой его магазина, которую он оборудовал специальными замками! Даже тогда, хотя я еще ничего не знал, статуя поразила меня. Было в ней нечто, что завораживало. Статуя притягивала к себе мои мысли и желания, будто она была живая и наделена некоей неведомой силой. — Глаза толстяка горели, а на его пухлых губах начала собираться слюна. Перед Конаном сидел человек, который говорил о своей самой потаенной, самой заветной страсти. — Я пользовался любой возможностью, чтобы зайти в кладовую. Едва появлялась надобность, я вызывался вытирать пыль и чистить предметы, хранившиеся там. Мой отец приписывал это моей исполнительности и старательности. На самом же деле мне нужен был только предлог, чтобы оказаться там и прикоснуться к статуе, гладить ее гладкие бока, ласкать черное прекрасное лицо богини, смотреть на нее. Или... — Глаза Касперуса пылали, он мотнул головой, будто пытаясь пробудиться ото сна. — Однажды вечером, — продолжал он, — в магазин пробрались воры. Они проникли в кладовую. Там было много сокровищ, но унесено было лишь одно — Черный Скорпион. Мой отец обрадовался, узнав, что пропала одна только статуя. Он решил, что грабителей что-то напугало и они бежали, не успев схватить ничего, кроме этой статуи. Однако я чувствовал, что эти воры знали, за чем пришли. Я же горевал над потерей. Но несмотря на горе, я взял себя в руки. Я поставил себе цель: узнать все, что только возможно, о Черном Скорпионе.

Кончилось тем, что я начал изучать магические науки, хотя, как я уже говорил тебе, для того, чтобы стать великим магом, мне не хватает амбиций. Нет, я не хотел становиться великим магом. Я пытался найти статую. По всему свету я рассылал своих соглядатаев. О, я разослал их множество. Еще больше я раздал взяток. Я платил за любую крупицу информации, которая, как мне казалось, могла быть связана с этой статуей. Я понимал, что с тех пор, как грабители похитили ее из магазина моего отца, статуя, должно быть, прошла уже через многие руки. Да, я знал это. Статуя постоянно меняет обладателей. Это потому, что есть у нее одно любопытное свойство. Она ведет к гибели любого неопытного волшебника, который пытается использовать ее.

— Тогда почему, — спросил Конан, — почему ты так хочешь заполучить эту вещь? Ведь ты сам говоришь, что она была причиной гибели многих великих колдунов.

Касперус откинулся в своем кресле и оглушительно рассмеялся. Он хохотал так, что жир заходил ходуном по всему телу.

— Потому что, достопочтенный господин, когда я описывал тебе чувства, которые я испытывал по отношению к этой статуе, я описывал чувства мальчишки! В то время я находился под воздействием ее чар. Тогда она казалась мне прекрасной и загадочной. Тогда она казалась мне самой желанной вещью в мире. Но с тех пор, господин, я многое узнал о ней! Верь мне, теперь я знаю ее куда лучше. Когда я достиг зрелости, то понял, что никогда не быть мне великим волшебником. Но к тому времени я узнал, что есть в мире одна вещь, которая лучше даже власти, о какой бы власти мы ни говорили — о власти царя или же мага. И эта вещь даже лучше богатства! Я торговал предметами искусства, и мне приходилось иметь дело с многими богатейшими людьми мира. И я узнал, что законы написаны не для них; они сами находятся над законом. Их с почетом принимают короли, эти люди являются покровителями магов, которые есть не что иное, как их слуги. И, — тут Касперус снова наклонился вперед и вновь перешел на шепот, — я понял, что древняя статуя Селхет в образе Скорпиона — самая дорогая вещь, какая только существует на земле! Завладев ею, я стану самым богатым из ныне живущих.

Конан открыл было рот, чтобы заговорить, но маг опередил его:

— Подумай об этом, господин. Черный Скорпион соединяет в себе одном три вещи. — Он вытянул вперед пухлую руку и загнул один палец: — Это невероятно древний артефакт давным-давно исчезнувшей империи. — Он загнул второй унизанный перстнями палец: — Это величайшее произведение искусства, какое когда-либо знал мир. — И наконец третий палец: — Это, возможно, наиболее могущественный магический талисман из существующих. Я говорю об этом в последнюю очередь, потому что многие считают, что самым могущественным талисманом является легендарный драгоценный камень, именуемый Сердцем Аримана. Но я не верю, что Сердце Аримана могущественнее Черного Скорпиона. Да и в любом случае, за последние три тысячи лет никто не слышал о местонахождении Сердца Аримана. Теперь же, когда статуя считай что в моих руках, я собираюсь устроить невиданный прежде аукцион. Аукцион одновременно для колдунов и собирателей предметов искусства, а также для немногих, кто, подобно мне, подвизается на обеих нивах. Я разошлю повсюду письма, в которых перечислю книги и трактаты, где так или иначе затронута тема Скорпиона. Кроме того, на аукционе я предложу не только одного Скорпиона. О нет, куда большее! У меня имеется громадная библиотека, которую я собирал все эти годы. Там хранится все касательно статуи. Без этой библиотеки даже великий маг

рискует потратить всю свою жизнь, пытаясь разгадать тайны этой дивной статуи. Среди документов, что будут выставлены на аукционе, имеется ОРИГИНАЛЬНЫЙ манускрипт, описывающий эксперименты Шамты, а не те убогие и несовершенные копии, какими наводнили мир его наследники.

Я разошлю приглашения всем великим волшебникам нашего времени — времени упадка. Я отправлю приглашения в орден Белого Фазана в Кхитае, я отправлю приглашение Тот-Амону, а также другим. Уже сейчас я предполагаю, что лучшую цену даст нынешний царь-жрец Стигии. Конечно, он не идет ни в какое сравнение со своими давними предшественниками, богами-царями, но тем не менее он по-прежнему является самым богатым человеком в мире. Кроме того, он известен своим интересом к магии и обширными познаниями в этой сфере.

— В таком случае, почему бы просто не продать статую этому жрецу-царю, — спросил Конан, — и забыть обо всех остальных?

— Потому что, мой господин, все волшебники стремятся к власти и ради этой власти могут предлагать предметы совершенно уникальной стоимости. Так что я не исключаю, что человек, подобный Тот-Амону, который покамест вовсе не король, в качестве мага значительно более превосходит жреца-царя Стигии. Он может предложить куда большую цену, чем стигийский жрец-король. Вероятность этого тем более возрастает, что земные богатства мало интересуют Тот-Амона. Все, что ему нужно, — это власть. Магическая власть.

Каспе́рус хлопнул жирными ладонями по пухлым коленям:

— Если коротко, мой господин, я намереваюсь превратить Черного Скорпиона в неисчислимое богатство. Да, мой господин, в неисчислимое богатство, в огромную гору золота.

— Ну а мне, — нетерпеливо перебил Конан, — мне-то что до всего этого?

— Я как раз и подхожу к этой теме, мой господин.

— Желательно побыстрее, — пробурчал киммериец.

— В течение последних лет я проследил прихотливые пути Скорпиона, МОЕГО Скорпиона, из рук одних мошенников или торговцев в руки других. Отслеживая перемещения моей драгоценной статуи, я, скромный торговец произведениями искусства и твой скромный слуга, установил множество полезных контактов. Несколько раз дивная статуя почти оказывалась у меня в руках, но всякий раз она бывала украдена или продана буквально за несколько дней до моего появления. В прошлом месяце в Бельверусе я узнал, что она находится в доме одного богатого дилетанта, собирающего коллекцию магических предметов. Он не позволил мне даже взглянуть на статую и с презрением отверг мои деньги, хотя я давал ему воистину царскую цену. А ведь человек этот не имел ни

малейшего представления о ее истинной стоимости. Любые попытки с его стороны использовать статую в магических целях неминуемо привели бы его к самому печальному концу. Согласись, о мой господин, что мое предложение выкупить у него эту статую было истинным актом благотворительности и милосердия. Когда же мне не удалось приобрести у него статую, я нанял одного... э-э... скажем так, агента, чтобы он добыл ее для меня.

— Ну и что? Удалось вашему вору ее стащить? — спросил Конан.

— Господин! — воскликнул Касперус протестующе. — Какое грубое слово ты употребил!

Конан пожал плечами:

— В свое время я и сам был вором, поэтому не нахожу это слово постыдным или грубым.

— Ладно, я отвечу на твой вопрос. Нанятый мной агент не только преуспел, но, с моей точки зрения, слишком преуспел. Да, ему удалось завладеть Скорпионом. Более того, он бежал со статуей... В общем, у меня есть основания предполагать, что в настоящее время он находится в этом городе. Либо окажется здесь в ближайшие дни!

— И ты хочешь, чтобы я нашел для тебя эту штуку? — спросил Конан.

— Именно так, мой господин.

— Так почему ты не сказал мне этого с самого начала?

На мгновение Конану показалось, что его вопрос искренне расстроил толстяка.

— Ну, мой господин, подумай сам. Разве можно подходить к обсуждению столь щекотливой темы, не подготовив сперва для этого почву? Даже простая беседа о столь удивительном сокровище с человеком, не посвященным предварительно в историю его происхождения, дабы собеседник мог оценить по достоинству всю непередаваемую дивность этого творения и всю магическую мощь, заключенную в этой статуе, кажется мне настоящим святотатством. Да, да, господин мой, именно так, святотатством!

Конан решил сменить тему, сочтя своего собеседника одержимым.

— Кто этот вор? Как я могу его найти?

Касперус развел пухлыми руками:

— Увы, это уже не важно. За этот кратчайший промежуток времени драгоценный идол сменил по крайней мере двух хозяев. У моего агента были партнеры. Их приходится тоже брать в расчет. Однако в этом городе есть единственный возможный покупатель для статуи. Этот человек сам себя называет Андолла и утверждает, что он — колдун. На самом деле я подозреваю, что он просто шарлатан. Впрочем, богатый шарлатан. Что до меня, то я вынужден

скрываться и не могу показываться на улицах. В противном случае тот, у кого сейчас находится статуя, и близко не подойдет ни к какому Андолле, а просто убежит. В общем, мне нужен человек, который, с одной стороны, был бы умен, с другой — силен и умел владеть оружием, а с третьей — знал меры предосторожности в обращении с магическими предметами. Если же коротко, мой господин, я намереваюсь предложить эту работу тебе.

— Теперь мы подходим к самому важному пункту нашей содержательной беседы, — заявил Конан. — Сколько?

— Я бы осмелился предложить 50 тысяч золотых аквилонских марок после того, как статуя будет у меня в руках.

Это была царская сумма, но Конан напустил на себя вид глубокого разочарования:

— Если это столь ценная вещь, как ты тут рассказывал, то предложенная тобой сумма просто смехотворна.

— Но, мой господин, у этой статуи не будет других покупателей, кроме меня. Ты никому не сможешь ее перепродать. Если же ты попытаешься продать ее личности вроде Тот-Амона, то он попросту отберет ее у тебя силой или с помощью магии. Со мной же ему так просто не справиться. Что-что, а охранные чары я изучил хорошо. И не забывай, мой господин, что этот идол стал причиной смерти множества людей за минувшие тысячелетия. Нет, господин мой, не за статую буду я тебе платить, ибо эта статуя — уже моя и только моя. И всегда была моей. Платить я тебе буду за работу, которая займет у тебя всего лишь несколько дней. Согласись, мой господин, что 50 тысяч золотых марок — более чем удовлетворительная плата за такую работу. Для такого человека, как ты, с твоим мужеством, с твоей силой и умением, с твоей мудростью, выполнить мое поручение — пара пустяков. В конце концов, тебе придется иметь дело не с великими волшебниками, а с простыми ворами. Нисколько не сомневаюсь, что для своей охраны эти воры наняли людей, умеющих владеть мечом. Поэтому-то мне и нужен такой мастер, как ты. Что касается моего телохранителя Гилмы, то максимум, на что он способен, — это охранять меня от обычного сброда, которому не дает покоя мое богатство. Да что говорить о Гилме! Ты ведь уже имел возможность убедиться в его неопытности.

— Отлично, — сказал Конан. — Я согласен на такие комиссионные. Пять тысяч вперед, прямо сейчас. Потому что, как я погляжу, в этом городе все чертовски дорого и взяточники дерут немало.

Касперус кивнул:

— Идет. Позволено ли будет мне сказать, мой господин, что ты полностью оправдал мои надежды встретить в тебе человека решительного и мудрого?

Толстяк поднялся и подошел к горе вещей, что была свалена в углу на полу. Он повозился над крышкой большого сундука, открывая его ключом, который висел у него на шее на золотой цепочке. Из сундука Касперус извлек пять позвякивающих мешочков из мягкой кожи. Тщательно заперев сундук, Касперус вернулся к своему креслу.

— В каждом из этих мешочков находится десять золотых аквилонских империалов. Каждый — стоимостью в сто марок.

Конан взял из рук толстяка увесистые мешочки и запихал их в свой кошель, висящий у него на поясе.

— А теперь давай-ка объясни, что я должен делать. Я уже знаю, что это Скорпион с женской головой, но какого он размера? Понадобится ли мне помощь, чтобы доставить его сюда? Или же он столь велик, что мне придется нанять телегу, запряженную волами?

Касперус хмыкнул:

— Да нет, мой господин, нет. Что ты! Вся ценность этой вещи заключается в ее красоте и магических чарах. Длиной она примерно такова, — толстяк развел руки на фут, — а высотой... — Он показал полфута.

— Такая кроха? — удивился Конан.

— В том-то и беда. Из-за ее небольших размеров ее легко перевозить с места на место и скрывать. Будь она величиной с гигантского стигийского сфинкса, ее бы никто никогда не украл. Цвет ее, как я уже говорил, черный. Должен заметить, что лаковое покрытие, хотя оно и было наложено для маскировки, придает ей своеобразную красоту. На первый взгляд может показаться, что Скорпион изваян из обсидиана, но это до тех пор, пока ты не попробуешь его поднять. Для своих размеров он весьма увесист. Это, конечно, не просто вес металла, из которого он сделан. Он столь тяжел за счет заключенной в нем колдовской силы и груза множества проклятий, обрушенных на него.

Конан ощутил дрожь, невольно пробежавшую по телу.

— Не говори так много о его колдовских свойствах.

— Тогда просто рассматривай его, мой господин, как ценный предмет. И доставь его мне.

Конан поднялся:

— Когда эта штука будет у меня, я вернусь. Доброго тебе вечера!

Касперус тоже встал с кресла и поклонился:

— И тебе, мой господин, наилучшие пожелания. НАИЛУЧШИЕ, мой господин.

Покинув жилище Касперуса, Конан по наружной лестнице спустился на улицу. Настроение у него было преотличное в то время, как он бодро шагал по направлению к гостинице. Увесис-

тые мешочки приятно оттягивали пояс. Воистину, фортуна повернулась к нему лицом с тех пор, как он покинул Бельверус!

Оказавшись у себя в комнате, Конан ощутил вдруг, что что-то не так, и насторожился. Подняв свечу повыше, он осмотрел помещение. Скудная мебель стояла на своих местах. Затем киммериец приметил, что одна из седельных сумок лежит чуточку в стороне от трещины в стене. А Конан отчетливо помнил, что не далее как прошлой ночью сам заткнул ею щель, чтобы не дуло. Киммериец был уверен, что с тех пор не прикасался к сумке. Он подошел к сумке и осмотрел ее. Ничего не пропало, все было на месте. Впрочем, ничего ценного в ней и не было. Конан слишком хорошо знал жизнь, чтобы просто так оставлять ценные вещи в гостиничной комнате. Он пожал плечами. Наверняка какой-нибудь вороватый гостиничный слуга рылся в его пожитках в поисках чего-нибудь, что можно было бы спереть. В двери, которая вела в комнату Бриты, кто-то заскребся. Конан положил руку на рукоять меча, не снимая ладонь до тех пор, пока не убедился, что за дверью находилась сама Брита.

— А, это ты! — сказала она. — Наконец-то. А то я уже начала беспокоиться, что тебя так долго нет. Где ты был?

— Прежде всего скажи-ка мне, чем ты сегодня занималась? — поинтересовался Конан.

Она села на кровати. Вид у нее был понурый.

— После того как мне повезло у торговцев благовониями, удача отвернулась от меня. Впечатление такое, будто бы Илла просто исчезла, растворилась в воздухе.

— Ну ладно, не отчаивайся. Шикас, конечно, город небольшой, но даже и здесь найдется достаточно мест, где девчонка может спрятаться на время. Что до меня, то я получил приглашение отобедать и принял его. — Конан начал расшнуровывать свою кирасу, стаскивая ее с плеч. — Приглашение исходило от странного человека, — продолжал он. — От невероятно жирного типа по имени Касперус.

Конан вновь повернулся к ней и увидел, что ее лицо смертельно побледнело.

— Что стряслось, крошка?

Она вздрогнула, сгоняя с лица выражение испуга:

— О, ничего. Просто на мгновение вспомнился один толстяк, которого я ненавидела, когда была девчонкой. — Странное выражение ее глаз исчезло столь быстро, что Конан невольно подумал, а не привиделось ли ему это в неверном свете свечи. Брита улыбнулась Конану: — Пожалуйста, не обращай внимания на мое настроение. Оно постоянно меняется. Я не хотела бы, чтобы ты считал меня легкомысленной девицей, которая не ценит все то, что ты делаешь.

Она встала и, улыбаясь, подошла к Конану поближе.

— На самом деле я уже не девчонка, а вполне взрослая женщина, которая к тому же ОЧЕНЬ тебе признательна.

Внезапно с ее лица исчезло обычное для нее выражение невинности, и Конан вдруг увидел, будто во вспышке озарения, ее зрелую красоту — ту самую, которая так восхитила его при первой встрече.

— Кроме того, — продолжала Брита, — я же говорила тебе, что найду какой-нибудь способ отблагодарить тебя.

Она подошла к нему совсем близко, и он обхватил ее руками с той же страстью, с какой ее губы прижались к его рту.

Глава шестая

САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК В ШИКАСЕ

Прошел еще один день, проведенный в Шикасе. Ни малейшего намека на Пириса. Конан решил, что ждал достаточно долго. Если у странного маленького человечка все еще не пропало желание воспользоваться услугами Конана, то ему придется теперь подождать своей очереди.

Оставив Бриту безмятежно спать, Конан спустился вниз, чтобы, по своему обыкновению, обстоятельно позавтракать. Затем отправился к городским воротам и все ради того, чтобы узнать, что Пирис все еще не приезжал. После этого Конан пошел на Площадь. Теперь он неплохо знал город и не терялся, если ему требовалось что-либо разузнать. Все утро он шатался среди лотков и торговых рядов, отмахиваясь от назойливых нищих. Наконец он увидел того, кто был ему нужен. Она стояла перед лавкой портного.

При появлении Конана Делия повернулась и радостно улыбнулась:

— Я так и знала, что ты меня разыщешь.

Что и говорить, женщина она была роскошная. Но после ночи с Бритой Конану требовалось от Делии только одно — информация. Для девушки, выросшей в скромном строгом доме, Брита оказалась чрезвычайно страстной. К тому же она обожала экспериментировать. Конан жестом показал в сторону ближайшей таверны.

— Ты уже перекусила? — спросил он.

Она откинула назад голову и плотоядно расхохоталась:

— Я только что встала! Но если уж тебе так неймется, я позволю тебе заплатить за мой завтрак. Пошли.

С этими словами Делия двинулась вперед, раскачивая бедрами так, будто у нее в хребте позвонков было больше, чем у змеи. Войдя в таверну, она выбрала стол, вплотную приставленный к низкой стене, и окликнула слугу. День выдался прохладный, однако посреди стола стояла бронзовая жаровня с горящими углями. Слуга принес подогретое вино, ушел и через несколько минут вернулся, нагруженный яствами.

Делия взяла птичью ножку и впилась в нее зубами, опираясь локтями на стол. Проглотив здоровенный кусок, она заговорила:

— Ну, давай выкладывай, киммериец, зачем я тебе понадобилась. Тебе приглянулось мое лицо или мое тело? Сразу скажу, что ни тому ни другому в этом городе равных нету.

— Расскажи о человеке по имени Андолла, — сказал Конан.

Она чуть не подавилась, а затем посмотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами:

— Эй, что это ты задумал?

— Есть одно дело, — сказал он.

— Дело, говоришь? В таком случае, неплохо бы получить плату за услуги.

Киммериец высыпал перед ней на стол пригоршню серебряных монет. Делия проворно сгребла их в горсть, а потом опустила за свое обширное декольте. Все еще держа птичью ножку, она показала свободной рукой:

— Видишь храм?

Конан взглянул туда, куда она показывала. Храм был внушительным зданием. Перед портиком была устроена широкая терраса, а затем начиналась широкая церемониальная лестница. Колонны храма были из черного и красного мрамора. Через отверстие в крыше курился дым от алтарного огня.

— Это старинный храм Митры. Здешний народ так мало интересуется государственными богами, что жрецы несколько лет тому назад были вынуждены закрыть храм. Вскоре после этого в город явился этот человек, Андолла. Он взял на себя заботу об этом здании. Он посвятил храм Матери Дурге, вендийской богине, груди которой почти столь же роскошны, как и мои. — Будто бы желая доказать справедливость своих слов, она повела плечами.

— Я видел вчера эту богиню. Процессию, где несли ее изображение, — сказал Конан. — Слушай, за те деньги, что я тебе выложил, я рассчитывал на более подробный рассказ.

— Не спеши, — усмехнулась Делия. — Неужели ты не видишь, что в сравнении с этой богиней я выигрываю?

Конан ухмыльнулся в ответ:

— Давай об этом попозже. А сейчас — о деле. На чем этот Андолла зашибает деньгу в вашем городе мошенников? На Матери Дурге?

Она передернула плечами:

— Ну ладно, слушай. Та процессия, которую ты видел, состояла сплошь из юнцов, ведь так?

Киммериец кивнул.

— Может быть, кроме этого, ты заметил еще, что все они были хорошо одеты? Это потому, что Андолла ищет себе сторонников среди тех, кто удовлетворяет трем качествам: молодость, богатство, глупость. Похоже, в этом городе он нашел таких немало. Стоит им попасть к Андолле и пройти через его ритуалы, как они тотчас же начинают вести себя так, будто они рабы. Частенько они передают ему свои права наследства. Некоторые грабят своих родителей, чтобы только осчастливить Андоллу деньгами. Иные даже прибегают ради этого к насилию.

— И что, родители этих болванов сидят и не чешутся?

Она вытерла рот краем скатерти.

— Те, кто воспитывают подобных деток, как правило, и сами являются полными ничтожествами. Нет, конечно, были случаи. Некоторые шли в храм и затевали скандал с Андоллой. Правда, это не давало желаемого результата, потому что охранники Андоллы выгоняли их взашей. Один или двое из тех, кто поссорился с ним, умерли, потому что Андолла их проклял, как он сам утверждает.

Конан поскреб подбородок, в задумчивости созерцая храм:

— И этот мошенник стал со временем очень богатым, ведь так?

— Крайне богатым. — Она понимающе улыбнулась. — А что ты задумал, можешь мне сказать?

Она состроила умоляющую гримаску невинной девочки, отчего Конан поневоле захохотал:

— Делия, если я задумаю что-нибудь, что предпочту хранить в секрете, уверяю тебя, ты будешь последним человеком, которому я это сообщу.

Она расхохоталась так же оглушительно, как он несколько секунд назад:

— Но будь с ним поосторожнее, Конан! Он чертовски подозрителен в отношении тех, кто кажется ему одновременно сильными и умными, а вдобавок еще не обладают богатством, которое у них можно было бы вымогать.

— Знаешь ли ты какой-нибудь способ попасть туда? — Он кивнул в сторону храма.

Она взяла небольшое яблоко и с хрустом откусила сразу половину, медленно пережевывая его вместе с семечками.

— Живет в этом городе один богач, зовут его Риста Даан, торговец пряностями. У него есть дочь, Риетта. Она подпала под влияние Андоллы и бежала в храм, прихватив с собой значитель-

ную сумму денег. Отец хочет вернуть ее назад. Он уже пытался нанять головорезов, чтобы те пошли в храм и забрали ее. Но вожаки шаек находятся у Андоллы на откупе и отказываются его беспокоить. Я не знаю, что у тебя на уме, но, по-моему, это хороший способ.

— Ну-ну, — послышался голос, киммерийцу уже знакомый. — Полюбуйтесь-ка, кто, оказывается, спит с подстилкой Максио!

Конан слегка повернулся и увидел троих негодяев в красных кожанках, с которыми столкнулся в самый свой первый день в Шикасе, — верзилой, коротышкой и светлобородым. От имени всей троицы говорил верзила.

— Все еще в нашем городе отираешься, а, киммериец?

— Бессмысленно было бы это отрицать, — отозвался Конан.

— Варвар, не пытайся строить из себя умного. Варварам это не к лицу, — заметил светлобородый.

— А я вот думаю, что мальчикам-полудуркам с соплями до колен не к лицу изображать из себя взрослых дядей, даже если для этого они навесили на себя длинные мечи, — вернул им Конан любезность.

Тут он почувствовал, что Делия дергает его за рукав.

— Оставь нас в покое, — сказала Делия. — Мы не хотим с вами ссориться.

— Да мы-то что, мы бы с радостью оставили, — сказал коротышка, — но только теперь не получится. Этот дикарь нас оскорбил. Подобного хамства мы стерпеть никак не можем.

Конан повернулся к Делии:

— Эта троица остохренела мне сразу, стоило мне появиться в городе. Я думаю, любому по горло хватило бы и трех раз, чтобы перестать выносить их присутствие. — Тон Конана был небрежно-развязным, на лице появилась притворно придурковатое выражение.

— Не глупи, — дернула его за рукав Делия. — Их трое.

Он пожал плечами:

— Какая разница? — Конан глядел сквозь троицу в красных кожанках так, будто их и не было. На противоположной стороне Площади высился храм. Недалеко от храма стояло жилище богача по имени Ксантус. Конан сделал знак слуге, который не подошел, а буквально подбежал к киммерийцу. На лице у слуги был страх. Киммериец указал на блюдо с горячими хлебцами и мясом, стоящее перед ним: — Эй, парень, накрой-ка это крышкой. Я совершенно не хочу, чтобы мой обед простыл, пока я утрясу тут одно дельце. — Он встал. — Я скоро вернусь, — бросил он Делии, которая смотрела на него с недоверием.

Киммериец легко перепрыгнул через низенький прилавок, отгораживающий заведение от улицы, и показал на центр Площади.

— Пошли туда, сразимся, — предложил он троим в красных кожаных одеждах.

Головорезы в изумлении уставились на него. Они уже немного порастеряли своей наглости. Высокий пожал плечами:

— Ты вправе выбрать себе место для смерти, чужеземец.

Конан двигался легкой пружинистой походкой. За ним без особой охоты плелись трое в красном. Славного боя Конан и не ожидал. Он уже имел возможность видеть, как орудуют эти парни. Не ожидал он от них и честности. Однако сомневался, что у них хватит сноровки убить его в спину. Тем не менее он старался держаться от них на достаточном расстоянии, чтобы чувствовать себя в безопасности. В данной ситуации звук вынимаемого из ножен меча послужил бы ему предупреждением.

Конан остановился в декоративном круге, образованном разноцветными камнями мостовой. Сейчас он был хорошо виден и со стороны храма, и от штаб-квартиры городского головы, и от дворца Ксантуса. Слухи о предстоящей схватке распространились с невероятной быстротой. Люди уже начали собираться на ступеньках, балконах, коньках крыш, чтобы полюбоваться зрелищем.

— Ну вот, это, кажется, подходящее место, — заявил киммериец. — Достаточно пространства, чтобы всласть помахать мечами.

— Тебе решать, варвар, где и как подохнуть, — сказал ему в спину тот, что был с бороденкой.

Конан обернулся и посмотрел на своих противников. Трое бандитов медленно надвигались на него. Коротышка и тот, что с бородкой, двинулись вправо и влево от верзилы, стоящего в центре. Каждый одной рукой взялся за ножны, установив длинные рукояти хорасанских мечей почти вертикально. Конан понимал, что следующим движением их будет — вырвать меч из ножен вверх, а затем обрушить его вниз. При подобном оружии это был самый быстрый способ атаковать. Для троих же бойцов, стоящих так близко друг к другу, — наиболее эффективный. Горизонтальный или косой удар мог привести к тому, что меч зацепится за клинок товарища.

— И как вы собираетесь драться со мной? — спросил Конан. — По очереди или все сразу?

Среди быстро собравшейся толпы он заметил отблеск доспеха. Это Ермак, вожак наемников, пришел оценить по достоинству новый талант.

Бравая троица не знала, что ответить. Долговязый нахмурился.

— Мне кажется, ты говорил, что дерешься ради дела, — пробормотал он.

— Ну, а вот теперь оно и есть — дело, — заявил Конан. — Ну что, так и будем здесь торчать весь день? У меня там обед стынет.

Однако бандиты ничего на это не ответили. Ясно было, что их смущает внешняя беззаботность варвара.

— Ну что, когда же вы засмеетесь, как смеялись тогда, когда убивали того... помните? Надеюсь, вы засмеетесь. Это истинная доблесть — умирать с улыбкой на губах.

Со сдавленным проклятьем тот бандит, что был с бородкой, рванул меч из ножен. Молниеносным движением, так, что глазом не уследишь, Конан выхватил свой меч и рубанул по запястью нападавшего. Рука светлобородого поднялась вверх, совершая то самое движение, какого Конан и ожидал, однако лезвие не двинулось из ножен. И кисть осталась держаться за рукоять меча.

Долговязый показал приличную скорость, отпрыгнув назад, чтобы выиграть одновременно во времени и в дистанции. Однако Конан опередил его. Киммериец прыгнул за спину только что потерявшего руку бандита и ударил снизу вверх долговязому под подбородок. Острие меча вонзилось в мозг.

Коротышка мертвенно побелел. Но было поздно. Меч был уже выхвачен из ножен. Свободной рукой киммериец перехватил его запястье в тот самый момент, когда сам выдергивал клинок из черепа долговязого. Глаза коротышки в ужасе расширились, когда он почувствовал свою руку в железных тисках. Но на размышление об этом у него было лишь мгновение. В следующую секунду меч вошел ему меж ребер, пронзив легкую кольчугу, которую тот носил под одеждой.

Конан отступил на шаг назад. Его меч остался в теле противника. Киммериец глядел настороженно. Высокий рухнул на мостовую. Коротышка покачался, все еще сжимая в руках меч Конана. Затем его собственное оружие со звоном ударилось о камни. Бандит еще раз пошатнулся и упал. Третий стискивал обрубок руки, с ненавистью глядя на киммерийца.

— Пойди и найди какого-нибудь кузнеца с раскаленным железом, может быть, тогда ты и выживешь, — с отвращением бросил ему Конан. — Впрочем, наплевать! Никто из вас не в состоянии достойно умереть.

Однако светлобородый оказался более крепким орешком, нежели Конан мог предположить. Левой рукой он занес вверх свой меч, а потом резко повернулся, пытаясь полоснуть Конана острием с правой стороны. Это был хитрый прием, трудный даже для мастера фехтования. Однако светлобородый мастером вовсе не был. Конан просто сделал шаг вперед и повернулся вместе с этим человеком, будто в танце. Оказавшись за спиной у своего противника, Конан протянул руку и схватил его за подбородок. Другой рукой он взял его за затылок, а затем сильно и резко повернул его голову. Шейные позвонки хрустнули. Бандит рухнул на тела двух своих приятелей.

Не позволяя себе расслабиться, Конан быстро огляделся. Глупо было предполагать, что, раз он убил своих непосредственных врагов, поблизости не могло оказаться их дружков. Над толпой повисло гробовое молчание.

Никто не сделал ни одного угрожающего движения. Конан угрюмо кивнул, наклонился и вытер лезвие об одежду светлобородого, с удовольствием измазав в крови красную кожаную куртку, после чего, не глядя, бросил меч в ножны и неспешно двинулся назад, к таверне.

Делия пыталась было встретить его приветственными речами, когда он сел на свое место, но не нашла слов. Он снял крышку с блюда и приступил к еде, с удовлетворением отметив, что пища была все еще горячей.

— Я поняла, что ты сильный, — выдавила наконец Делия, — когда вчера ты поднял меня на пьедестал. Я понимала, что ты безумен, когда ты с такой легкостью принял вызов этих троих убийц. Но я никогда не думала, что человек может быть столь молниеносным!

Конан налил себе в кубок подогретого вина с пряностями.

— Человек, чье ремесло — война, бродящий по миру в одиночку, как я, и должен быть быстрым. Редко когда мне выпадала роскошь иметь верного товарища, которому я доверял стоять у себя за спиной или биться рядом со мной плечом к плечу. Поэтому я давным-давно научился бить быстро и не размышляя. Первым никого обычно не трогаю, но если кто нападает на меня, то, как правило, умирает.

— Однако же с последним ты расправился голыми руками, — сказала Делия.

— Один и к тому же лишившись руки, он уже был не опасен. Надо заметить, что, не будучи воином, он под конец все-таки проявил доблесть.

— Ого, — сказала Делия, — сюда идет Ермак. Что это ему нужно?

— Поговорить со мной, — ответил Конан, спокойно откусывая хлеб.

Человек в полудоспехе остановился возле стола. Левая рука его замерла возле рукояти меча. Он не поклонился, не поздоровался. Он просто стоял и в упор рассматривал Конана своими холодными серыми глазами — глазами профессионального убийцы.

— Недурное представление, киммериец, — сказал он.

Конан пожал плечами:

— Иным оно и не могло быть. Ведь они заставили меня обнажить меч.

Его собеседник мрачно ухмыльнулся:

— Да брось ты! Ведь не хочешь же ты сказать, что это был бой? На мой взгляд, просто истребление червей. И только настоящий воин мог проделать это с такой ловкостью. Мой человек Невус говорил мне о тебе. Скажи, ты ищешь работу? Если да, то предлагаю тебе место в моей банде.

— В настоящее время у меня есть работа, — ответил Конан. — Но все может измениться.

— Если будет желание, разыщи меня. Сделать это легко. — Он повернулся к Делии: — Где сейчас скрывается Максио?

Она закинула голову и опустила веки, глядя не то на Ермака, не то на кончик собственного носа.

— Где находится мой мужчина — его дело. Если он захочет, чтобы я сказала это тебе, он мне об этом сообщит.

— Ну раз так, то счастливо вам обоим оставаться, — сказал Ермак.

Делия слегка поежилась, глядя на его удаляющуюся фигуру:

— Это тебе не какой-нибудь растяпа в доспехах и с мечом, которым он не умеет пользоваться.

— Я и сам вижу, — сказал Конан.

Она улыбнулась:

— И вправду. Это ты, наверное, и без меня понял. Такой воин, как ты, узнает другого воина с первого взгляда.

— Слушай, есть одна штука, о которой ты мне можешь рассказать, — сменил тему Конан.

Она одарила его взглядом, который, видимо, должен был изображать лукавство:

— Да? А что это за штука?

— А ты не беспокоишься о том, что может подумать твой мужчина, Максио, когда узнает, что тебя так часто видят в моей компании?

— Я ему не жена и не рабыня, — горделиво заявила Делия. — Он мне не указывает, куда ходить и на что смотреть. Я женщина свободная.

— Я вот думаю, с чего это, интересно, Бомбас посылал своих легавых за мной? — обронил Конан.

Она презрительно фыркнула:

— В самом деле? Не будь наивным. Он боится тебя, потому что боится всего и вся. Кроме того, он не знает, кто ты такой на самом деле. Смотри, как бы он не принял тебя за королевского шпиона, присланного следить за ним и выяснить, что же здесь происходит.

Конан опустошил свой кубок и поставил его на стол.

— Не думаю. Убивать того, кто ведет расследование, глупо. На его место пришлют другого, только и всего. Кроме того, если бы он подозревал во мне королевского шпиона, он, скорее всего, предложил бы мне взятку.

— А если он и вправду предложит тебе взятку?

— Ну что же, я, конечно, ее приму.

Делия снова громко расхохоталась, а затем встала:

— Ну ладно, мне пора. Если понадоблюсь, найдешь меня. Обычно в это время суток я здесь, на Площади. Ну а если захочешь встретиться со мной в другой обстановке, — она оперлась руками о стол и наклонилась вперед, позволив Конану заглянуть за вырез ее платья, — меня можно найти на улице Столяров. Мои окна выходят прямо на фасад. Над ними нарисован знак солнца с расходящимися лучами. Если я буду одна, из того окна, что прямо над знаком, будет свисать белый платок. — Она выпрямилась и добавила: — Ночью, в темноте, белое легко разглядеть.

С этими словами она повернулась и вышла.

Конан был приятно удивлен этим страстным приглашением. Однако жизнь приучила его к осторожности. Прежде чем принять приглашение такой женщины, стоило поглядеть на этого Максио. Конан подозревал, что Максио собирается оставить свою подругу, поэтому-то она и ищет ему замену. Если так, то хорошо. В противном же случае могут возникнуть осложнения.

Конан поднялся с места и покинул таверну. На Площади он увидел, как несколько унылых рабов городского управления тащили телегу по направлению к трем неподвижным телам, лежавшим в растекающейся луже крови. На спине у каждого из рабов была корзина, а с руки свисала тряпка. Когда киммериец появился на Площади, из резиденции городского головы никто не вышел, из чего Конан заключил, что, по крайней мере, в настоящее время власти решили не вмешиваться в его дела.

Он свернул на аллею, зажатую с одной стороны храмом, с другой — стеной, окружающей дом и сад Ксантуса. Через ворота в стене Конан услышал, как кто-то окликнул его свистящим шепотом. Киммерийца это вовсе не удивило.

— Эй, чужеземец! Воин! Иди сюда.

Это был пожилой раб в потрепанной ливрее.

— Что тебе? — спросил Конан.

Раб высунулся из ворот и первым делом боязливо оглядел аллею, чтобы удостовериться, что никто за ними не следит. Затем повернулся к Конану:

— Иди сюда. Мой хозяин хочет поговорить с тобой.

Конан не мог припомнить, чтобы за столь короткое время с ним желало бы поговорить такое количество людей, наперебой приглашающих его к себе. Впрочем, этот старый раб по крайней мере не угрожал ему оружием. Пригнувшись, Конан скользнул в низенькие ворота и оказался во внутреннем дворике, который когда-то был, должно быть, просто очаровательным. Сейчас же здесь царило запустение. Кусты разрослись, не подстриженные

садовником; все поросло травой, деревья роняли сухие листья на выщербленные плитки, которыми некогда был вымощен дворик. С одной из олив с глухим звуком шлепнулся переспелый плод.

Раб закрыл за Конаном ворота и заложил их на засов.

— Идем, — сказал он и, шаркая, двинулся вперед.

Вслед за рабом Конан вошел в дверь с задней стороны здания. Дверь открывалась прямо на кухню, где несколько рабынь хлопотали над очагом. Когда киммериец вслед за своим провожатым прошел через кухню, женщины даже не повернули в его сторону головы. Миновав лестницу и спустившись в холл, Конан в конце концов оказался в просторной комнате, вдоль стен которой с пола до потолка тянулись полки. Там стояли книги и лежали свитки. В каменном очаге горел огонь.

— Подожди здесь, — сказал раб. — Мой хозяин вот-вот должен подойти.

Он исчез за раздвижной дверью. Конан подошел к окну. За окном был расположен небольшой балкон, с которого открывался вид на Площадь. От того места, где Конан сразил трех убийц, до балкона было самое большее пятьдесят шагов. Кто бы ни стоял на этом балкончике во время сражения, подумалось киммерийцу, сражение было видно ему как на ладони.

— Приветствую тебя, воин, — послышался голос сзади.

Киммериец обернулся и увидел пожилого человека, кутающегося в плотные шерстяные одеяния. На плечах у него была мантия из редкого белого меха, поверх мантии покоилась массивная золотая цепь, украшенная вдобавок громадными драгоценными камнями. Лицо у незнакомца было худое. Время наложило на него уже свой отпечаток. Однако голос был еще сильным и звучным.

Конан ограничился коротким кивком:

— Господин, что ты хочешь от меня?

Хозяин дома подошел к окну и посмотрел вниз, на общественных рабов, которые мыли тряпками окровавленные камни мостовой. Трупы уже убрали.

— Я работал, когда мой мажордом сказал мне, что там, внизу, на Площади, вот-вот начнется забавное представление. В прошлом здешние городские головорезы предпочитали сводить друг с другом счеты в узких улочках Дыры и под покровом темноты. Теперь они устраивают свои разборки прямо на Площади, среди бела дня. Знаешь, со временем я научился ценить эти маленькие драмы. Ведь я уже стар, у меня так мало радостей в жизни. Вот и сегодня я стал свидетелем того, как ты убил тех троих в красных кожанках. Ничего не скажешь, впечатляюще. Тем более что в городе люди Ингаса считаются опасными и с ними стараются не связываться.

— Если я что-то делаю, то делаю это хорошо, — лаконично отозвался Конан.

— Вот об этом-то я и хотел с тобой поговорить. Согласился бы ты поработать на меня?

Конан усилием воли подавил улыбку. Прямая и деловитая манера изъясняться, присущая этому человеку, определенно понравилась киммерийцу. Никаких там тебе «приглашений на обед», никаких длинных запутанных историй. Даже кубка вина не предложил. Только работу.

— И что за работа? — спросил Конан.

— Когда-то, когда я еще заправлял здесь всеми делами, это был довольно-таки миленький город. Сейчас это клоака беззакония, где ворочает делами сброд и отребье, набежавшее со всех окрестных земель. Город нуждается в хорошей чистке. Как мне кажется, совершить ее под силу такому человеку, как ты.

— Что, в одиночку? — спросил Конан. — В одиночку против целой своры громил?

— Я щедро заплачу. Если хочешь, можешь нанять себе помощников. Труд наемного убийцы в этом городе очень дешев. Впрочем, тебе не потребуется истреблять всех бандитов. Нужно уничтожить лишь нескольких лидеров. Убей волков — с оставшимися без вожаков собаками будет легко управиться.

— Я слышал, — проговорил киммериец, — что это ты пригласил в город Ермака.

— Ну и что с того? Шахтерская гильдия мутила воду, требовалось осадить наглецов. Ну а после головорезы Ермака отказались покинуть город.

— Но ведь это же королевский город, — заметил Конан. — Почему нельзя было обратиться за помощью к Короне? Король бы помог разобраться с шахтерами. Или потом, когда требовалось вытеснить из города наемников. — Конан пристально посмотрел в глаза хозяину дома, но не увидел там ничего, кроме самоуверенности и гордыни.

— Мои дела с его величеством королем Нумедидесом — это мое личное дело. И уж всяк оно не касается какого-то варвара, продающего свой меч.

— Мне-то что, — сказал Конан. — В общем, я могу сделать то, что ты просишь. Это будет тебе стоить двадцать тысяч золотых аквилонских марок. Половину сейчас, в задаток.

К удивлению Конана, его собеседник кивнул:

— Идет. — Ксантус потянул за шнур, и несколько мгновений спустя появился давешний старый слуга. Хозяин прошептал ему что-то на ухо и вручил массивный ключ. Затем повернулся к Конану: — Сейчас тебе принесут твои деньги. Можешь не трудиться, сообщая мне о своих достижениях. Когда все будет сделано, явишься ко мне за остальными. Ну что, думаю, наша сделка состоялась.

— Не совсем, — сказал Конан. Он снова подошел к окну и встал спиной к Ксантусу, глядя через Площадь на резиденцию городского головы. — Я хотел бы, чтобы ты поговорил с городским головой, дабы тот не чинил мне препятствий.

На стене рядом с окном висело небольшое зеркало. Конан видел в зеркале, как Ксантус при этих словах слегка поморщился. В первый раз за все время беседы самодовольство старика изменило ему.

— Ты должен держаться от него подальше. Я ни в коем случае не хочу, чтобы он каким-то образом узнал о нашей сделке. По этой причине я и не могу ходатайствовать за тебя перед ним.

— А мне казалось, что именно ты — самый богатый человек здесь, в Шикасе, — сказал Конан. — Кроме того, мне известно, что городской голова берет взятки.

— Ну так и подкупай его сам, если возникнет необходимость! — Ксантус сплюнул. — Клянусь Митрой! Я дал тебе столько, что с этой суммы ты вполне можешь выделить малую толику на взятки. Между мной и Бомбасом затесались кое-какие давние темные делишки. Я не стану иметь с ним никакого дела, ни за что. Ну а теперь можешь приступать к своей работе, воин. Надеюсь, в ближайшее время услышу о тебе добрые вести.

С этими словами старик повернулся и вышел из комнаты. Конан смотрел ему вслед, на спину, облаченную в белую мантию, и холодно усмехался.

Несколько мгновений спустя снова появился старый слуга, сгибающийся под тяжестью кожаного мешка, длиною с руку Конана и толщиной в две. Золотые монеты были набиты в мешок так плотно, что даже не звенели. Не проронив ни слова, киммериец взвалил мешок на плечо и покинул дом Ксантуса. С веселым сердцем пружинистым шагом Конан направился на улицу Столяров. В одной руке он нес увесистый мешок — с такой же легкостью, с какой обычный человек несет подушку. Конан был достаточно осторожен, чтобы не показывать истинный вес своей ноши, дабы ни один из многочисленных мошенников и головорезов, которыми кишел этот город, не заподозрил, что он несет золото.

Вскоре на одном из фасадов он увидел знак солнца. Расходящиеся позолоченные лучи ослепительно сверкали в полуденном свете. Но не Делия интересовала сейчас Конана. Он отправился в скобяную лавку, где приобрел крепкий деревянный сундук, обитый толстыми полосами железа. Затем, с мешком в одной руке и сундуком в другой, двинулся на улицу Замочных дел мастеров. Там он купил самый прочный замок, какой только подходил под ушки сундука.

Возвращаясь в гостиницу, он нес сундук на плече. Мешок золота теперь находился в сундуке и был надежно заперт. Помимо де-

нег, полученных от Ксантуса, он добавил туда большую часть суммы, взятой у Касперуса. У Конана уже было больше денег, чем он рассчитывал увезти с собой из этого города. Можно было уже спокойно уезжать. Осталось только одно дело. Конан понимал, что его манера сорить деньгами не осталась незамеченной в гостинице. Сундук же позволит ему до времени скрывать от чужих взглядов истинные размеры богатства. Повернув ключ в замке, Конан свистнул. Когда он уже вынул ключ, дверь открылась и вошла Брита.

— Ну что, пока никаких успехов? — спросил он, заметив, что у нее был кислый вид.

— Да. Нет, конечно, несколько человек видели девушек, по описанию похожих на Иллу. Но кто может поручиться, что это и в самом деле была Илла? Я собственными глазами видела здесь несколько десятков девиц ее возраста с такими же светлыми волосами. — Брита села на единственный имеющийся в комнате стул, обхватив руками колени. И снова перед Конаном была неопытная и невинная девушка из хорошего дома, получившая хорошее воспитание, какой она предстала перед Конаном в первый раз. Но только теперь Конан знал, что это лишь внешняя оболочка. Он знал, какой она может быть в минуты страсти. Знал, но не подавал виду. Ведь не дурак же он, в конце концов. Опустив ключ в карман, он взял сундук за ручки и перенес его в изножье кровати. Конан сделал вид, что ноша его легка, однако вздувшиеся могучие мускулы вызвали взгляд восхищения Бриты. Заметив это, Конан растянулся на кровати, положив ноги на сундук, а руки закинув за голову.

— Уф! Однако недурной сегодня был денек, — заметил он удовлетворенно.

— Я рада слышать это. Расскажи, что сегодня было.

Он рассказал ей в нескольких словах. Когда он дошел до повествования о своем завтраке с Делией, на лице Бриты явственно проступило выражение ревности, которое затем сменилось ужасом, когда он перешел к рассказу о том, как бросил вызов трем убийцам из банды Ингаса. Узнав, что он сразил всех троих, она зажала ладонью раскрытый в изумлении рот. После этого Конан поведал ей о том, как его пригласили в дом Ксантуса.

— И ты вызвал этих троих только для того, чтобы обратить его внимание? — прошептала она, недоверчиво округлив глаза.

— Так или иначе, рано или поздно я все равно разделался бы с ними. Они сами на это нарывались и по-хорошему бы не отстали. Вот я и рассудил, что пусть эта троица лучше стоит у меня перед носом при дневном свете, нежели допустить, чтобы все трое зашли мне за спину в ночной темноте. Кроме того, я был уверен, что меня увидят и у Ксантуса, и в храме. Вопрос был только в том, кто попытается купить меня первым. Ксантус оказался быстрее.

Затем он вкратце передал ей свой разговор с Ксантусом.

— Но ведь ты не собираешься всерьез?.. — сказала она, когда он закончил. — Истребить весь сброд, что кишит в этом чудовищном городе! В одиночку!

— Посмотрим, как дела пойдут, — уклончиво проговорил он. — Куда больше меня беспокоила готовность, с которой старый бандит выложил денежки. Я потребовал половину вперед. Я надеялся, что он рассмеется мне в лицо и предложит мне самое большее одну пятую. Я с удовольствием взял бы и одну пятую, на большее я и не рассчитывал. Вместо этого он, не пикнув, согласился на половину.

— Видать, он находится в безвыходном положении.

Конан покачал головой:

— Нет, не похоже. Что-то во всем этом не так. Мне говорили, что он — самый богатый человек в Шикасе. Но кроме старого раба и двух зачуханных баб на кухне, я не видел в доме никаких слуг. Да и сам дом. Когда-то там был, судя по всему, очень миленький внутренний дворик. Но сейчас все страшно запущено. А Ксантус при своем богатстве почему-то не возьмет садовника, чтобы привести там все в порядок. Единственное, что там по-настоящему роскошно, — так это одеяния Ксантуса и его драгоценности, да и те сидели на нем, как на корове седло. Нет, говорю тебе, этого человека кто-то крепко держит за жабры. И притом он выдает мне десять тысяч золотых, даже не поморщившись.

— Ну и как ты думаешь, с чего бы ему так поступать? — спросила она.

Конан мрачно ухмыльнулся:

— Да потому, что он рассчитывает получить свои деньги назад. Он ошибается. Я спущу мои денежки, или проиграю, или раздам, или просто выброшу. Но никто в мире не в силах забрать у меня плату за выполненную мною работу.

— А ты будешь делать эту работу? — спросила Брита боязливо.

— Ну да. В конце концов, я же взял залог, — гордо произнес Конан. А затем улыбнулся: — Конечно, все может пойти не совсем так, как он рассчитывает. Но такое случается частенько, когда одни мошенники пытаются надуть других. Признаться, меня вот что интересует. Любопытно, что за темная история стоит между ним и городским головой? Душа Бомбаса живет в кошельке любого, кто ему заплатит. Так почему она отказывает в своей любезности самому толстому кошелю Шикаса?

— Судя по тому, как ты их описываешь, — сказала Брита, — они не похожи на тех людей, которые считаются со своими эмоциями и амбициями в тех случаях, когда речь заходит о деньгах.

— Именно, — сказал Конан. — Нет, здесь что-то другое. Что-то спрятанное более глубоко. Будь уверена, я до этого докопаюсь.

— Но послушай, — запротестовала она, — ты же взял уже задаток от этого человека из Бельверуса... Пириса, да? Затем от толстя-

ка Касперуса. А теперь еще от этого воротилы Ксантуса. Ты что, и в самом деле всерьез собираешься отработать эти задатки?

— Взять задаток и сбежать — это не в моих привычках, — заверил он ее. — Не бойся. Возможно, все эти дела, и Пирис, и Касперус, и Ксантус, каким-то образом связаны между собой. А ежели так, то, думаю, сумею провернуть все таким образом, что довольны окажутся все. Хотя не исключено, что потом им придется вечно сожалеть об этом.

— Ты очень самоуверен.

— Ага. Слушай, девочка, скажи мне, каким богам ты поклоняешься?

Внезапная перемена темы вызвала у нее явное удивление.

— Ну... Я, как и большинство тарантийцев, посещаю храм Митры. Кроме того, я приношу жертвы мелким божествам гильдии моего отца. Хотя в последнее время я была с ними довольно небрежна. А почему ты спрашиваешь?

— Понимаешь ли, мой бог — это Кром. И он бог моего народа. Он старый, мрачный и упрямый. Когда мы рождаемся, он наделяет нас сердцами свирепых воинов, а также большой силой, выдержкой и упорством. Подобные качества отличают любого киммерийца. Но вместе с тем это и не избалованный бог. В отличие от здешних южных божеств, Крому плевать на жертвоприношения. Он не помогает нам, да и мы его ни о чем не просим, потому что знаем, что никакой помощи не последует.

— Ну так и что? — спросила она, нахмурившись. Брита не понимала, куда клонит ее собеседник.

— А вот что. Ежели бы он был богом, которому можно было молиться, я послал бы ему прямо сейчас горячую благодарность за то, что он направил меня сюда, в Шикас. — Лежа на кровати с закинутыми за голову руками, Конан ухмыльнулся, глядя на облупившуюся штукатурку потолка. — По-моему, КАЖДЫЙ в этом городе твердо вознамерился сделать меня богачом!

Глава седьмая

СЕРЕБРЯНЫЙ РУДНИК

Утром следующего дня Конан выехал верхом со двора гостиницы. Позади него к седлу был привязан сундучок. В гнезде, к которому он обычно крепил копье, Конан пристроил лопату, позаимствованную на конюшне. Копыта коня звонко цокали по мостовой, когда киммериец ехал по безлюдным улицам. Если верх-

няя часть города только-только просыпалась, пока Конан проезжал мимо, в Дыре все еще спали беспробудным сном. Хотя на улицах не было видно ни единой души, в боковых проулках Конан приметил несколько еще не остывших трупов, которым скоро предстояло отправиться в реку.

Возле места слияния двух рек Конан миновал Оссарские ворота, где охранник, удовольствовавшись брошенной ему монетой, не стал беспокоить Конана глупыми формальностями, такими как имя путешественника, место его назначения и возможное время возвращения. Конан проехал крепкий каменный мост. Дальше дорога поднималась в гору, по террасам, сперва мимо виноградников, затем по дикой местности. Съехав с дороги, Конан направил коня к холмам.

В лесистой низинке киммериец спешился и отпустил коня пастись. Несколько минут Конан стоял совершенно неподвижно, не издавая ни звука. Однако вокруг него не было ни малейшего движения. Конан медленно осматривался, напрягая зрение и слух в попытках уловить какой-либо звук, но ничего, кроме естественных природных звуков, не услышал.

Оставив лошадь с сундуком, Конан стал подниматься на ближайший холм. Его упругая поступь горца позволяла двигаться по бездорожью столь же непринужденно, как по городской мостовой. На вершине холма Конан обнаружил засохшее дерево, в которое много лет назад ударила молния. Сучьев на дереве уже не было, остался только иссохший ствол. С ловкостью обезьяны Конан взобрался по стволу. С вершины ему открылся широкий обзор окрестностей. Примерно с час Конан сидел на дереве. Его острые глаза ничего не упускали. Наконец Конан уверился, что никто за ним не следит и что поблизости не шляются подозрительные личности. Только удостоверившись в этом, Конан слез с дерева и вернулся к коню.

Конан снял доспех, поднял с седла сундучок, взял лопату и приступил к работе. Место, которое он выбрал, было достаточно далеко от деревьев, так что маловероятно, чтобы возникли трудности из-за толстых узловатых корней. Конан тщательно прикинул на глаз размеры ямы, затем расстелил рядом с этим местом на земле одеяло. Встав на колени, Конан вытащил кинжал и тщательно очертил прямоугольник. Работая кинжалом, Конан снял дерн, после чего осторожно скатал его. Когда дерн был отделен, Конан аккуратно поднял его и положил на одеяло. Затем взялся за лопату. Копал он энергично, но осторожно, аккуратно поднимая каждый раз лопату с землей и высыпая ее на одеяло. Он тщательно следил за тем, чтобы земля не сыпалась на траву.

Когда яма была примерно глубиною в ярд, Конан опустил туда сундучок. После этого он начал засыпать его землей, тща-

тельно утаптывая почву после каждой лопаты. Он делал это для того, чтобы земля через несколько дней не просела, оставив заметное углубление. В конце концов яма стала около трех дюймов глубиной. Конан осторожно вернул на место дерн, разгладив его руками, чтобы не осталось никаких следов.

На одеяле оставалось еще некоторое количество земли — той, которую вытеснил сундучок. Осторожно свернув одеяло узлом, Конан укрепил его на седле, убрал лопату, а затем возвратился полюбоваться на свою работу. С расстояния нескольких шагов место, где был закопан сундучок, было совершенно неотличимо от других. Конан знал, что через несколько дней даже он не сможет разглядеть это место. Удовлетворенно хмыкнув, киммериец вскочил на коня. Он не стал затруднять себя и отмечать место клада. Его врожденная способность к ориентации была безупречной. Даже спустя десять лет он способен был отыскать место, где когда-то закопал свое золото.

С одним делом было покончено. Пора было приниматься за другое. Конан отъехал от холмов, все еще настороженно поглядывая по сторонам: не видел ли его кто-нибудь. Недалеко от дороги он вытряхнул землю из узелка, а затем, свернув тяжелое шерстяное одеяло, привязал его к луке седла. И направился назад, в сторону города. Но прежде чем Конан оказался в пределах видимости городской стены, выходящей на реку, он заметил ответвляющуюся от большака боковую дорогу, по которой он проезжал однажды. Отворотка отмечалась серой каменной стелой, на которой были вырезаны королевские аквилонские львы. Это означало, что находящаяся за стелой дорога является королевской собственностью. Конан свернул на эту дорогу.

Впереди он заметил поднимающиеся к небу столбы дыма. По мере того как он подъезжал ближе, все громче были слышны постоянные грохочущие удары и треск, будто бы где-то неподалеку ломали камни. Конан въехал на край плато, и перед ним открылась мрачная картина. На краю обширного открытого карьера сотни людей били тяжелыми молотами, дробя большие камни. Другие работники вращали длинные деревянные рычаги, приводя в бесконечное движение огромное каменное колесо. Оно перетирало каменные обломки в песок.

Женщины и дети таскали корзины с песком, опорожняя их в большие металлические тигли, которые затем помещались в домны, напоминающие ульи. Оттуда-то и поднимался дым. Другие подсобные работяги стояли в ряд у огромных ручек, монотонно поднимая их и таким образом приводя в действие гигантские мехи.

Конан знал, что где-то здесь, возможно под землей, должны находиться люди, отбивающие кирками и молотами руду, подобно муравьям, объедающим кости земли. На всю разворачивающу-

юся перед ним сцену Конан взирал с отвращением. Киммерийцу было непонятно, как свободнорожденные люди могут так бездарно тратить собственную жизнь. Сам киммериец любил свирепое буйство битвы. И даже если это означало быстрый и кровавый конец — что ж, тем лучше. Ну а то, что видел он теперь, было ему тем более непонятно, что эта изнуряющая работа не обещала людям ни безопасности, ни долгой жизни. Конан-то отлично знал, что ранения и ранняя смерть среди горных рабочих были столь же обыденными и частыми явлениями, как у наемных солдат. Солдату, по крайней мере, дана радость битвы, возможность набить кошелек. Этим же людям и такой радости не было дано.

— Эй, ты! — Конан обернулся и увидел человека, выходящего из деревянной будки, что стояла возле дороги. — Кто послал тебя сюда?

Киммериец молча глядел на него. На человеке из будки была кожаная куртка, усеянная бронзовыми заклепками, на запястьях он носил кожаные клепаные браслеты. На голове у него был стальной шлем, а вместо меча на поясе висели два длинных, немного изогнутых ножа. Он смотрел на Конана угрюмо, с подозрением.

— Да так просто, заехал посмотреть, — сказал Конан. Видно было, что такой ответ встревожил сторожа. Следуя внезапному наитию, Конан добавил: — По приказу.

Лицо сторожа прояснилось.

— А, стало быть, тебя послал сюда Лисип. Я не узнал тебя. Должно быть, ты новичок. Ладно, скажи хозяину, что здесь все в порядке. Эти шелудивые псы ведут себя прилично и работают как обычно. Хотя ленятся.

— Тогда почему ты не используешь кнут, чтобы погонять их? — спросил Конан.

— Да ты, видать, в самом деле новичок. Ведь так? Я бы с удовольствием воспользовался кнутом, если бы мог. Эти полудикие ублюдки сильно отличаются от тех, кто рожден в рабстве. Приходится прибегать к другим средствам, если ты понимаешь меня. — Человек из будки хмыкнул, мгновенно сделавшись отвратительно фамильярным.

— А, понял, — сказал Конан, хотя не имел ни малейшего представления, о чем идет речь. — Я, наверное, покатаюсь тут немного да огляжусь. Мне сказали, чтобы я подробно ознакомился со всеми операциями.

Надсмотрщик подозрительно посмотрел на него:

— Ума не приложу, зачем тебе это нужно. Но раз Лисип этого хочет, пусть. — И он широким жестом обвел весь карьер, как бы предлагая его киммерийцу, который молча направил лошадь вниз по склону.

По мере того как Конан подъезжал все ближе, он начал различать детали, которых прежде не замечал. Люди, орудовавшие молотами, отбивая породу, носили легкие наколенники, чтобы защищать ноги от острых осколков. Многие из тех, кто толкал жернов или работал возле мехов, были слепы. Пыль и каменные осколки очень быстро лишали здесь человека зрения. Носили шахтеры грубую тяжелую одежду. Большинство из них были кряжистыми, коряво и плотно сбитыми людьми с тяжелыми, массивными руками. Когда Конан проезжал мимо, они поднимали головы и, щуря глаза, с подозрением смотрели на него.

Недалеко от карьера виднелось скопление хижин. Конан спешился возле колодца и кожаным ведром набрал воды, вылив ее в колоду для коня. Пока животное утоляло жажду, вокруг Конана собралось несколько человек. Они молча недобро смотрели на Конана, сжимая в руках инструменты, будто это было оружие. Наконец один из них сделал несколько шагов вперед. Это был приземистый человек с почти квадратной фигурой. Его тело, казалось, состояло из сплошных мускулов, а глаза покраснели от пыли. Пыль серым слоем покрывала его одежду и волосы. В руках он сжимал кирку. Его руки были обмотаны тряпками для того, чтобы предохранить пальцы от травм.

— Что тебе здесь нужно? — проворчал он. Голос его напоминал хриплое карканье. Это все из-за проклятой пыли, подумал Конан.

— Все эти дни, начиная с новолуния, мы выполняли нашу ежедневную норму. Была же договоренность: пока мы выполняем норму, нас оставят в покое.

Вытащив из колодца последнее ведро, Конан отпил через край. Людей вокруг него становилось все больше и больше. Это были мужчины и мальчики всех возрастов; было даже несколько женщин, чья молодость давно миновала. Однако Конан не заметил ни одной молодой женщины, равно как не было здесь и ни одного ребенка. Седовласая женщина протолкалась вперед и ткнула пальцем в его забранную кирасой грудь:

— Это он! Он, тот самый, о котором я говорила! Вчера, когда я пошла на Площадь за продуктами, я видела, как этот сразил трех убийц из банды Ингаса!

— Хорошо, — сказал человек, который заговорил первым. — Эй, чужеземец, разве между бандами Лисипа и Ингаса сейчас война? А даже если и война, нам-то до этого что за дело?

— Почему ты думаешь, что я работаю на Лисипа? — спросил Конан.

Глаза человека сузились еще больше.

— А на кого же еще? Лисипу дана власть... Слушай, а в самом деле, кто ты такой, чужеземец?

— Меня зовут Конан. Ни на одного из главарей шаек в Шикасе я не работаю. Кстати, может быть, поэтому я смогу вам помочь.

— Не верьте ему! — вскричал человек с лицом, напоминающим дно русла пересохшего потока. — Это один из людей Лисипа! Он послан шпионить за нами! Чтобы наблюдать, как мы выполняем нашу часть сделки! — Говоривший сплюнул. — Можно подумать, у нас есть выбор отказаться.

Конан кивнул в сторону склона, по которому он спустился:

— Тот тип, в деревянной халупе, — это что, ваш единственный надсмотрщик? Неужели вы такие черви, что позволяете контролировать себя одному-единственному ублюдку?

При этих словах толпа зарычала.

— Он не охраняет нас! — сказал тот, кто заговорил первым. — Он просто следит и сообщает боссу, как тебе хорошо известно. Лисипу нет необходимости держать здесь надсмотрщиков. А теперь говори, зачем явился?

Конан ясно видел, что эти люди вряд ли станут с ним разговаривать. Нужно было что-то предпринять, чтобы разбить лед их недоверия. Конану всегда везло, особенно с тех пор, как он оказался в Шикасе. Вот и на этот раз судьба преподнесла ему подарок. К толпе приблизился давешний надсмотрщик из деревянной будки. Шел он с угрожающим видом. Протолкавшись через толпу рудокопов, он остановился перед киммерийцем.

— Если ты прислан сюда наблюдать за тем, как идет работа, — рявкнул он, — то зачем треплешься с этими шелудивыми псами? Или ты не понимаешь, что они все равно ничего не скажут чужаку, такому, как ты. Кстати, а в самом ли деле ты человек Лисипа?

— Я этого не говорил, — заметил Конан. — Ты сам так решил.

Лицо охранника покраснело от ярости.

— Тогда убирайся, или я убью тебя!

Конан поставил ведро на край колодца.

— Попробуй, — сказал он спокойно.

Движением, стремительным, будто бросок змеи, охранник выхватил один из своих ножей и ударил Конана в живот под нижний край кирасы. Но движения киммерийца были еще более стремительными. Перехватив запястье надсмотрщика, Конан остановил лезвие в дюйме от своего живота. Затем медленно сжал руку. Под его мощной хваткой задубленная, утыканная заклепками кожа браслета начала вдавливаться в руку. Кости запястья сперва сопротивлялись, затем захрустели. Внезапно Конан резко вывернул руку. Кинжал выпал. С громким проклятием негодяй схватил левой рукой свой второй нож и попытался было полоснуть им киммерийца по горлу. Свободной рукой Конан перехва-

тил и левое запястье противника и повторил рывок. Надсмотрщик упал на колени. Лицо его мертвенно побледнело и покрылось потом. Видно было, что он вне себя от боли и шока.

Схватив противника за грудки, Конан вздернул его на ноги:

— Передай Лисипу, что Конан из Киммерии терпеть не может, когда на него нападают. Особенно когда это делают безмозглые ублюдки, вроде тебя. А теперь проваливай, покамест я в хорошем настроении!

Он с силой толкнул надсмотрщика. Еле удержавшись на ногах, тот сперва попятился, а затем повернулся и побежал к будке.

Рудокопы с удивлением смотрели на Конана. Тот, что заговорил с ним первым, теперь пристально рассматривал киммерийца. Обрамленные запыленной бородой губы изогнулись в слабом подобии улыбки.

— Сперва Ингас, теперь Лисип... Ты, как я погляжу, из тех, кто не боится заводить себе новых врагов.

Конан пожал плечами:

— До сих пор мне встретился лишь один человек, достойный скрестить со мной меч.

Шахтер кивнул:

— Стало быть, с Ермаком ты уже встречался. — Он указал рукой на длинное низкое строение неподалеку. — Пошли, киммериец, потолкуем.

Конан последовал за рудокопом. Внутри строение представляло собой общественную столовую. Вдоль всей длины барака тянулись два стола. В дальнем конце на огне побулькивало варево в громадном котле, от которого исходил вкусный запах. По периметру вдоль стен тянулись пустые полки. Около стен виднелось несколько корзин с овощами и кореньями. Рудокоп знаком предложил Конану сесть. Конан уселся. Его собеседник сел напротив него.

— Меня зовут Беллас, — сказал рудокоп. — Я старшина гильдии шахтеров. Теперь говори, кто ты такой и что ты здесь делаешь.

— Я воин, — сказал Конан. — Что до моих дел, то я собираюсь стать источником всеобщего беспокойства.

Рудокоп скептически оглядел киммерийца:

— До сих пор Шикас не страдал отсутствием возмутителей спокойствия.

— Ваш городской голова и Ксантус, да и другие — им всем еще предстоит узнать, что такое настоящее беспокойство. Я заставлю их проклясть тот день, когда я, Конан из Киммерии, явился в их гадюшник.

— Если ты собираешься усложнить им жизнь, то мы можем тебе сказать только одно: добро пожаловать! — сказал Беллас. — Я бы предложил тебе эля, но нынче мы пьем только воду.

— Да, я вижу, что у вас тяжелые времена, — проговорил Конан, оглядывая пустые полки. — Собственно, об этом я и хотел разузнать. Расскажи, как это произошло. В чем причина?

— Это долгая история. Началась она много лет тому назад. Всю ее тебе знать не обязательно, достаточно будет лишь последних событий, не так ли? А когда-то жизнь здесь была хорошей.

— Убей не пойму, как у рудокопов вообще может быть хорошая жизнь, — заметил Конан.

— Когда здесь было впервые открыто серебро, — рассказывал Беллас, — жилы были богатыми и лежали близко к поверхности. В те дни рудник представлял собой большой открытый карьер. Рудокопы тогда могли работать под солнечными лучами, на свету. Добыча руды всегда была трудным делом, но тогда, по крайней мере, мы получали хорошие деньги. А наша гильдия высоко ценилась королем. Наш цеховой дом был самым красивым зданием в Шикасе. Прошли годы. Самые богатые жилы были выбраны. Нам пришлось рыть шахты, чтобы добраться до тех, что залегали более глубоко. Работать стало куда хуже, чем это было в старые добрые времена. Но тем не менее мы по-прежнему неплохо зарабатывали. Кроме того, мы пользовались доброй славой. Ведь мы выполняем самую тяжелую и опасную работу, какую только можно себе представить, — ведем шахты. Мы не рабы и трудимся не подневольно. Мы свободные гордые люди.

— Однако, как я погляжу, вас здесь не очень-то ценят и держат почитай что за рабов, — заметил Конан. — Как это случилось?

— Это все Ксантус! — В голосе рудокопа зазвучала ярость. — Он поднял норму до безумного предела! Ты пойми, он хотел, чтобы мы работали быстрее и добывали больше руды. Но если работать под землей быстрее, как он требовал, будет больше несчастных случаев. И так слишком много людей погибло ради этого серебра. В конце концов терпение наше лопнуло. Мы отправились в город и все выложили Ксантусу. Он заупрямился и перестал нам платить. Тогда мы бросили работу.

— Но ведь рудник — это королевская собственность, не так ли? — спросил Конан. — Почему же вы не обратились к королю?

— Наша гильдия послала к королю просителей, — сказал Беллас. — Однажды утром мы пришли сюда и на этом самом столе обнаружили мокрый от крови мешок. — Беллас с размаху ударил корявым задубевшим кулаком по столу. — В мешке оказались головы наших посланников. Тех самых, кого мы посылали с жалобами к королю. Тогда мы взяли наши инструменты и направились в город. Там мы обнаружили, что наше цеховое здание сгорело, а у дома Ксантуса выставлено оцепление из наемников Ермака. Сражаться с ними бесполезно. У нас не было оружия. Но

мы не трусы. Здесь у нас имеются добрые кузнецы, поэтому мы вернулись в наш поселок, чтобы перековать молоты и кайла в копья, мечи и тесаки. Люди Ермака, возможно, и в самом деле опытные воины, но каждого из нас боги тоже силушкой не обидели. Кроме того, нас куда больше, чем наемников.

— Однако вы предпочли не связываться с ними? — проговорил Конан.

— Не совсем так. Когда мы пришли сюда, в наш поселок, мы обнаружили, что всадники Ермака обогнали нас. Пока мы, мужчины, были в Шикасе, они угнали наших жен и детей. Мы не знаем, куда они их увели. Знаем только, что их где-то прячут. Стоит одному из нас совершить необдуманный поступок, как негодяи тотчас же присылают нам голову убитой женщины, чтобы напомнить, в чьих руках кнут.

— Нечто в этом роде я и подозревал. — Несколько мгновений киммериец размышлял. — Слушай, скажи мне, как на все это смотрит городской голова?

— Этот жирный боров! Ему капают денежки с любой разборки в Шикасе. Ксантус ему тоже отстегнул за наемников. — Рудокоп наклонился вперед, скрестив перед собой на столе руки. — Понимаешь ли, существует еще старинный договор с Короной, согласно которому лицо, ответственное в этом городе за добычу серебра, — а эту должность сейчас занимает Ксантус, — получает одну пятую от годовой выработки рудника. В последние же годы Ксантус забирает себе больше половины. С одной стороны, он отписывает во дворец, жалуясь на истощение рудника и уменьшение выработок, с другой же — увеличивает наши нормы, так чтобы король ничего не заподозрил. Вне всяких сомнений, Бомбас имеет от этого свою выгоду. Кроме того, имеется королевский надзирающий за рудниками. Он находится в Тарантии. Благородный господин по имени Корейдес. Мы предполагаем, что они с Ксантусом заодно. Знай мы это с самого начала, мы никогда не стали бы посылать своих товарищей во дворец. И даже если бы мы могли обойти Корейдеса... — он горько пожал плечами и еще раз грохнул кулаком по столу, — ...разве стал бы король слушать честных рабочих, когда три его чиновника вливают яд ему в уши?

Конан откинулся к стене, запустив большие пальцы рук за пояс.

— Когда я прибыл сюда, — начал киммериец, — меня интересовало только одно — информация. Я не думал, что найду здесь что-либо, кроме жернова, который вращают волы, и плавильной печи. Теперь у меня появилась какая-никакая надежда. Скажи мне, если бы я, к примеру, расшевелил здешний муравейник и устроил бы такой хаос, что королевским властям ничего бы не оставалось, кроме как вмешаться, — вы бы стали мне помогать?

— Чужеземец, — сказал Беллас, — если бы ты хотя бы отыскал тайник, где они прячут наших женщин и детей, мы бы костьми легли за тебя. Ксантус нанял людей Лисипа, чтобы надзирать за нами, потому что люди Ермака считают себя выше подобных поручений. Но в этом старый скряга просчитался. Псы Лисипа слишком ленивы и глупы. Главным образом они отсиживаются там, в будке надсмотрщика. И почти все время мертвецки пьяны. Ни разу за все это время они не удосужились как следует ознакомиться с поселком или с тем, как идут работы на руднике. А мы между тем зря не теряли времени. Каждую унцию железа, какая у нас оказывалась, мы превращали в оружие. И теперь у нас его столько, что мы можем вооружить здесь всех.

— Ну а воспользоваться-то им вы сумеете? — спросил Конан.

Вместо ответа Беллас сунул руку в корзину, стоящую за ним, и вытащил оттуда что-то круглое. Этот предмет он бросил Конану:

— Полюбуйся, чем мы питаемся.

Конан поймал предмет и рассмотрел его. Это была кормовая свекла, большая и твердая, как камень. Конан швырнул ее назад, Белласу:

— Для людей, которые работают на такой тяжелой работе, это скудновато. Но ты не ответил на мой вопрос.

— Однако же на этой пище мы не ослабли, — сказал Беллас, вертя свеклу в руке. Внезапно его рука сжалась в кулак. Почти жидкая масса брызнула между его пальцев, забрызгав стол почти на несколько футов. Конан моргнул. Киммериец отнюдь не считал себя слабаком, но то, что показал Беллас, произвело на варвара впечатление.

— Когда придет время, — сказал Беллас, — мы не подкачаем.

— Прекрасно, — заявил Конан. — Я постараюсь, прежде чем катавасия начнется по-настоящему, послать вам весточку. Но если мне это не удастся, то как только здесь повсюду поднимется суматоха — приходите. И приходите вооруженными. У вас есть возможность узнать, что в Шикасе началась заваруха, если до этого дойдет?

— Кое-кто из наших стариков каждый день ходит в город на рынок. От их глаз мало что укроется. Ты мне скажи другое, чужеземец...

— Что, например?

— Тебе-то какой интерес во всем этом? Ведь ты не здешний. Ты не член гильдии, не королевский чиновник, однако рвешься помогать нам. Почему?

Конан встал.

— Этот город пришелся мне по душе, — сказал он. — Хочу здесь немного разжиться деньгами.

Беллас ухмыльнулся, однако ухмылка получилась невеселая.

— Скорее всего, тебя здесь убьют. Впрочем, бедный умирает так же легко, как богатый. А если ты разберешься с Ксантусом и Бомбасом, то боги вознаградят тебя.

— Мне нет дела до богов, — сказал Конан. — А те двое, которых ты назвал, — просто мошенники.

Насвистывая себе под нос, Конан поехал назад, в город. Все обернулось куда лучше, чем он надеялся. Итак, самый богатый человек в городе и городской голова на пару обворовывают короля.

Воровать у короля — рискованная игра. Даже если король — безвольный болван, как Нумедидес. Конечно, могут обнаружиться дополнительные факторы, которые тоже нужно будет брать в расчет. Теперь, когда он знал, что Бомбас и Ксантус — партнеры по мошеннической сделке, вопрос об их вражде все больше и больше начинал занимать его.

Солнце уже почти село, когда он вернулся в гостиницу. Поставив коня в стойло, Конан направился в таверну, где жадно набросился на пищу, поскольку не ел весь день. Остальные посетители держались на почтительном расстоянии от стола Конана, пока он насыщался, ибо по городу уже прошел слух, что киммериец — человек опасный и с ним лучше не связываться.

Поднявшись к себе в комнату, он тщательно осмотрел помещение и свои пожитки, но не заметил, чтобы за время его отсутствия кто-нибудь в них рылся. Бриты не было. Конан про себя обругал ее черными словами — за ее почти фанатичную решимость во что бы то ни стало обнаружить местопребывание сестры, невзирая ни на темное время суток, ни на грозящие опасности. Как бы то ни было, в настоящий момент он в любом случае ничего не мог для нее сделать. Однако не в правилах Конана было оставлять вопросы нерешенными и откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Поэтому он покинул комнату и по лестнице спустился на улицу. На этот раз он направился на улицу Столяров.

Над знаком солнца на фасаде из окна свисал белый платок. Конан поднялся по лестнице и постучал в крепкую дверь.

— Кто там? — донесся голос изнутри.

— Конан, — ответил он.

Открылся глазок. Голубой глаз внимательно посмотрел на Конана. Глазок закрылся, послышался звук отодвигаемой задвижки. Делия отступила в сторону и знаком пригласила его войти:

— Входи, киммериец. Я все думала, когда же ты наконец соберешься навестить меня.

Конан вошел в комнату. В комнате был беспорядок, однако обстановка была богатая. Горели дюжина свечей и полдюжины

масляных ламп. На столе, заставленном немытыми тарелками, из серебряного кубка лакал молоко черно-белый кот.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище, Конан.

Делия сняла с кресла еще одного кота, полосатого:

— Садись, чувствуй себя как дома. Немногие удостаиваются чести быть моими гостями.

Конан сильно сомневался, что эта женщина столь разборчива при раздаче знаков внимания, как она утверждала. Однако плюхнулся в кресло, которое до него занимала полосатая тварь.

— Я польщен, — сказал он с непроницаемым выражением лица.

Она принесла пару серебряных кубков и мятый серебряный кувшин. Из кувшина она налила вина в кубки, пролив несколько капель мимо. По всему было видно, что она уже успела приложиться к дивной влаге. Конан взял протянутый кубок и отпил. Вино было превосходным. Подвыпившая Делия была столь же прелестна, сколь Делия трезвая, которую он видел днем. Невольно подумалось: интересно, что думает Максио о привычках и времяпрепровождении своей возлюбленной?

— Я знала, что ты так скоро посетишь меня, — сказала Делия слегка заплетающимся языком. — Стоит мне положить глаз на мужчину, и он быстро приходит.

— Не в моих привычках отбивать возлюбленных у других мужчин, — сказал Конан. — Кстати, как там твой Максио?

— Максио! — с вызовом сказала она. — Он меня не ценит. Для таких, как он, я слишком хороша. Ведь я красива, не так ли?

— Не стану отрицать, — уверил ее Конан.

— Однако он относится ко мне, как к какой-нибудь дешевой уличной потаскушке, раскрашенной косметикой, с накладными волосами, которые когда-то принадлежали какой-нибудь варварской красотке, продавшей свои золотые косы. — Она лихорадочно хлебнула из кубка, будто пытаясь погасить огонь, сжигавший ее изнутри. — Почему же я должна отдавать свое время и свое достоинство такому человеку? — Вторым глотком она опорожнила кубок и налила себе еще. Затем предложила вина Конану, но он покачал головой.

— Ты говорила мне, что между Бомбасом и Максио вражда, — сказал Конан. — Между городским головой и Ксантусом тоже что-то есть. Какие-то отношения, которые они предпочитают скрывать. Тебе что-нибудь известно об этом?

— Послушай, что ты за человек! — сердито сказала она. — Ну скажи, почему ты желаешь говорить об этих ужасных людях? Поговорим лучше обо мне.

— Сперва о городском голове и Ксантусе, — заявил Конан. — Затем, может быть, мы поговорим обо мне и о тебе.

— Ну ладно. — Она провела пальцами по своим роскошным волосам. Затем обнаружила, что ее кубок снова пуст. Делия тут же исправила этот недочет. — Я мало что знаю об их взаимоотношениях и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме них самих, это знал. В общем, так. Много лет назад, когда они оба были юнцами, — считались друзьями и партнерами. А затем они поссорились из-за женщины.

— Из-за женщины! — Конан засмеялся. — Что, эти двое?

— Каждый старик был когда-то молодым, — заметила Делия. — А молодые больше всего ценят женщин. И правильно. В общем, история такова: эти двое домогались симпатий одной и той же красавицы. Оба были слишком трусливы, чтобы драться из-за нее. Так или иначе, а красотка возьми да и умри. Может быть, она покончила с собой. Каждый обвинял другого в ее смерти. С тех пор между ними поселилась черная вражда.

— Ну и парочка! — сказал Конан. — Разделенные старинной враждой, однако же связанные общей виной и общими грязными делишками!

Некоторое время он размышлял над словами Делии.

— Скажи мне, Делия, кто в городе главный скупщик краденого? Такое количество воров автоматически предполагает, что должен быть тот, кому можно сбывать украденное добро. Или скупщики здесь тоже воюют друг с другом, как все остальные?

На колени Делии вспрыгнул кот. Она его погладила.

— В Дыре имеется старинный храм Беса, офирского божества. Здесь у Беса мало поклонников, но некогда это был самый богатый храм в Шикасе, потому что жрец Беса — самый преуспевающий из скупщиков краденого в нашем городе. Раньше, находясь под защитой Лисипа, он был единственным, но теперь работают и другие.

— Этот храм находится недалеко от реки? — спросил Конан.

— Да. Он пристроен прямо к стене, которая на Фури. А почему ты спрашиваешь?

— Просто хотелось про это узнать, — сказал Конан.

— Что, никак на дело собрался? — спросила она и попыталась пристально посмотреть на Конана, но глаза у нее прямотаки разъезжались. — Я подумала, если тебе нужны деньги, то есть тут одно дело, где ты тоже мог бы поучаствовать и получить долю. Выручка хорошая, а риска не много.

— Ну-ну, я слушаю, — сказал Конан.

— Максио и его ребята задумали тут забраться в королевскую казну. Она находится недалеко от северной оконечности города, неподалеку от стены. Там сокровищница и доля короля с добычи серебра. Максио предполагал взять там гигантскую добычу и уйти из города.

— Если он грабанет королевскую казну, то ему придется навсегда покинуть Аквилонию, — заметил Конан. — А кстати, казна сильно охраняется?

Делия рассмеялась:

— О да. Людьми Бомбаса. Как ты думаешь, много с ними будет проблем?

— Ясно. Кстати, когда Максио думает провернуть это дело и как он рассчитывает вынести добычу из города?

Она широко зевнула, чуть не вывихнув себе челюсть.

— Что ты сказал? Ах да. Не знаю в точности, когда они задумали это провернуть. В ближайшие дни. А про то, как он собирается покидать город, он мне не говорил. Чертов крысиный ублюдок, мне кажется, что он больше не доверяет мне!

— Он тебя недостоин, — сказал Конан.

— О, тут ты безусловно прав!

— Предупредишь меня, когда Максио отправится на дело?

Делия все-таки была не настолько пьяна, чтобы забыть о своей выгоде.

— Слушай, за подобную услугу надо платить. В конце концов, ты сможешь там здорово поживиться. А Максио, сволочь, никогда ничего мне не давал!

— Обещаю, что буду щедр с тобой, — успокоил ее Конан.

— Ну тогда все хорошо... — Голова Делии медленно опустилась на грудь, глаза закрылись, и она начала посапывать. Киммериец встал. Прежде чем уйти, он затушил все свечи и лампы, кроме одной. Теперь, зная о привычках Делии, Конан только диву давался — и как это весь квартал еще не сгорел до основания?

Глава восьмая

ЗАПАХ ЛИЛИЙ

Когда киммериец вернулся в гостиницу, все было тихо. Последние завсегдатаи покинули таверну, так что, когда Конан вошел во двор, его тень была единственной, скользившей в серебристом лунном свете. Быстро и легко Конан поднялся на лестнице наверх. Несмотря на довольно внушительный вес его могучего тела, двигался он бесшумнее привидения.

Перед своей дверью Конан замер. Другой не заметил бы ничего подозрительного. Другой — но никак не Конан с его звериным чутьем. Он явственно ощутил запах лилий. Брита же, насколько знал ее Конан, ни разу не пользовалась никакими благовониями.

Вытащив кинжал, Конан легонько толкнул дверь. В комнате царила кромешная тьма.

— Выходи, Пирис! — скомандовал Конан.

— Как ты узнал, что я здесь? — раздался из темноты дрожащий слабый голос.

Киммериец рассмеялся:

— Твое присутствие можно учуять даже сквозь закрытую дверь. — Затем голос варвара зазвучал сурово: — А теперь выкладывай, почему ты прячешься в темноте в моей комнате, вместо того чтобы прийти днем, как порядочному человеку?

Человечек выступил на балкон. Даже в слабом лунном свете его роскошные одежды сверкали и переливались.

— Я приехал уже после заката солнца. Стражник у ворот сказал мне, где ты остановился, так что я немедленно отправился сюда. Теперь скажи, разве это моя вина, что тебя не было дома, когда я прибыл?

— Кто позволил тебе зайти сюда?

Пирис сунул руку в складки своих одежд. Затем рука вновь появилась на свет, показывая связку крошечных инструментов — отмычек.

— Вот это. Замки в этой гостинице такие, что их шутя откроет и ребенок.

Конан не удержался от улыбки при столь откровенном и бесстыдном признании.

— Ты решил, что нет смысла торчать под дверью в темноте, не так ли?

— Ну, я же знаю, что ты разумный человек и поймешь меня.

— Ладно. Раздобудь-ка свечу. Потом зайдем в комнату и поговорим.

Пирис нырнул обратно в комнату Конана и вернулся с горящей свечой.

Шагнув за порог, киммериец стоял несколько минут неподвижно. Из смежной комнаты не доносилось ни звука. То ли Брита снова ушла, то ли еще не возвращалась. Возможно, подумал Конан, эта упрямая дура шляется сейчас по Дыре, протяжно завывая, будто ночной сторож.

Пирис вернулся со свечой и поставил ее в подсвечник. Конан сбросил доспех, освободился от оружия и растянулся на кровати. Пирис уселся на единственный в комнате стул.

— Ну а теперь рассказывай, — сказал Конан, — где ты был?

— Я бы приехал раньше, — начал маленький человечек, — но меня угораздило оказаться в донжоне, в Бельверусе! — Его голос задрожал от обиды при воспоминании о подобной несправедливости.

— А как тебя угораздило? — поинтересовался Конан.

— Когда я выезжал из города, меня задержали и препроводили в кордегардию. Мой багаж обыскали. Ясное дело, кто-то нашептал стражникам насчет меня. В моем багаже они обнаружили изысканнейшее янтарное ожерелье, принадлежавшее одной из жриц в Бельверусе. Понятно лишь одно: ожерелье подложил мне мой враг, и он же донес на меня страже!

— А ты уверен, что его и в самом деле тебе подсунули? — скептически спросил Конан.

— Господин! — произнес Пирис с видом оскорбленного достоинства. — Поверь, мозгов у меня достаточно, чтобы не совершать таких глупостей. И уж коли мне пришлось бы покидать город с украденными драгоценностями, я никак не поперся бы через главные ворота.

— Ну а все-таки, что это за враг такой, который так гнусно тебя подставил? — не отставал Конан.

— Я не уверен, но думаю, что это женщина. Ее зовут Альтаира. Я имел с ней дела... Эта девка — законченная мошенница и воровка. Она вполне способна на подобные подлости. Между нами возник... э-э... небольшой спор. Вот она и искала случая свести со мной счеты.

— Опиши-ка мне ее внешность, — сказал Конан.

— Черноволосая потаскушка, красит губы и ногти таким ядреным красным цветом, какой у нормальной женщины вызывает дрожь отвращения и ужаса. Манеры у нее как у волчицы. И репутация соответствующая. Известно, что на ее совести жизнь нескольких человек, которые стояли у нее на пути. Эй, а здесь ты случаем не замечал похожей дамы? — При мысли о том, что Альтаира может быть где-то рядом, маленький человечек содрогнулся.

— Да нет, — сказал Конан. — А как ты сумел выбраться из донжона?

— Ну, когда меня бросили в темницу, у меня все отобрали, даже одежду. Но я ведь не дурак. Поэтому я сумел спрятать несколько драгоценных камней в... ну, скажем... в очень укромном месте моей персоны. С помощью маленького камешка я подкупил сторожа. Он вернул мне мою одежду, потому что я жаловался на холод и сырость. Этот болван вернул мне платье. Он не подозревал, что в поясе у меня зашит мой верный маленький наборчик отмычек. С помощью отмычки я, собственно, и покинул темницу. Это случилось перед рассветом, когда вся стража беспробудно дрыхла. Забрав свои вещи, я выбрался через окно с помощью веревки. Увы, я не смог найти свою лошадь, поэтому пришлось взять чужую.

— Что ж, неплохо, — подытожил Конан, который за свою жизнь имел возможность ознакомиться со многими темницами, включая и донжон в Бельверусе.

— Ну а как ты здесь устроился? — спросил Пирис.

— Ты не соврал, говоря о том, что этот город заслуженно пользуется жуткой репутацией, — сказал Конан. — Шикас поделен между десятком грызущихся между собой шаек. Основная власть в городе оспаривается продажным городским головой по имени Бомбас и старым мошенником по имени Ксантус. Основное прибежище здешнего отребья — район, называемый Дыра, на южной оконечности города. Впрочем, это только номинально, потому что сейчас сброд хозяйничает уже по всему городу. Главный скупщик краденого — жрец божества Беса, храм которого находится как раз в Дыре. — Конан не видел смысла рассказывать Пирису о своих похождениях в Шикасе, которых было немало с момента его прибытия в город.

Маленький человечек потер руки:

— Судя по твоим словам, это место, где можно ворочать большими делами.

— Кстати, о делах, — сказал Конан. — Ты должен объяснить мне все-таки, ради какого дела ты меня нанял. Ты говорил, что расскажешь, когда мы встретимся здесь. Ну так валяй, рассказывай, да побыстрее, а то у меня был трудный день, и я хочу спать.

— Хорошо. Знай, я происхожу из очень древнего и славного шадизарского рода. В течение сотен поколений мы были советниками шадизарских владык и содержали за свой счет основные храмы. Семья у нас жреческая. Сам я являюсь одним из Слуг Асура, посвященным Третьей Степени.

Если Пирис и рассчитывал произвести на Конана впечатление этим своим откровением, то он просчитался. Киммериец зевнул.

— Ладно, неважно, — продолжал Пирис. — В общем, результатом многолетней жреческой службы и высокого положения в государстве стало то обстоятельство, что моя семья сделалась в конце концов обладателем множества драгоценностей. Глубоко в подземельях нашего дворца в Шадизаре хранится ваза, изваянная из цельного гигантского рубина; в вазе этой содержится священное масло, с помощью которого совершается помазание каждого зингарского монарха во время коронации. В нашей пограничной крепости, в Кезанкийских горах, содержится гигантский идол Сутры, который обладает целебными свойствами и излечивает любые хвори благочестивого паломника, как духовные, так и физические. Для этого паломнику нужно только подняться по девяти тысячам ступенек на склон горы и взойти на колени Сутры. Многие просители с кровоточащими коленями нашли утешение у ног этого благосклонного божества, единственными жрецами которого являются члены моей семьи.

— Ладно, парень, давай-ка ближе к делу, — нетерпеливо бросил Конан.

— Хорошо. В моем особняке в Шадизаре имеется небольшой храм, посвященный божеству столь древнему, что никто уже не помнит его имени. Храм расположен глубоко под землей. В храмовой крипте оборудована одна из сокровищниц нашей семьи. Несколько лет назад грабители проникли в сокровищницу и выкрали одну из бесценных реликвий. С тех пор я разыскиваю ее повсюду. Мне стыдно вернуться в лоно моей семьи. Лишь вернув потерю, я смогу вновь обрести подобающий моему происхождению статус.

— Ну и что же это за реликвия такая? — спросил Конан, уже заранее предчувствуя, к чему клонится дело.

Пирис глубоко вздохнул, будто готовясь расстаться с чем-то тайным и жизненно важным для него:

— Это изображение Скорпиона из черного камня, подобного обсидиану, с головой прекрасной женщины.

Хорошо, что в помещении горела сейчас одна-единственная свеча, отбрасывая неверный свет. В противном случае Пирис с легкостью бы разглядел на роже киммерийца выражение предельного удовольствия.

— Ну и чем же это украденное каменное насекомое столь ценно? — поинтересовался Конан.

— Для моей семьи, для моего рода ценность его не измеряется деньгами. Оно бесценно. Все благополучие, все благоденствие нашего рода заключается в нем. И давно уже известно, что, если мы утратим его, наш древний род падет. Я содрогаюсь при одной только мысли о том, что в настоящий момент могут претерпевать мои родичи из-за этой потери. Но я знаю, что если мне удастся вернуть его на пьедестал в храмовой крипте в подземельях под моим особняком, то удача, что столь долго сопутствовала нашему роду, вернется вновь.

— В таком случае, что же в этой статуе может быть столь ценного для другого? Что могло заставить вора украсть ее? — спросил Конан.

— Великая загадка и великая магия сокрыты в этой вещице, — произнес Пирис. Он понизил голос и теперь говорил почти шепотом. — Безгранично будет могущество мага, овладевшего статуей! Кроме того, совершенно уникально само вещество, из которого изваяна статуя. Камень — не обсидиан, хотя внешне очень на него похож. Она вырезана из гигантского черного алмаза, упавшего с небес на землю древних атлантов. Известно, что тайное жречество Атлантиды в течение жизни многих поколений вытачивало это изображение из алмаза странной формы, который к тому же был куда тверже обычных алмазов, порождений земных недр. Когда работа уже близилась к концу и оставалось самое большее сто лет неустанных трудов, начал воздвигаться храм, до-

стойный быть хранилищем этой статуи. В тот миг, когда полировщик в последний раз провел инструментом по поверхности статуи, было закончено и строительство. После чего статуя была помещена в храм.

Десять дней и ночей длились чудовищные церемонии освящения этого храма. И вот на десятую ночь, в полночь, когда луна светила в отверстие в крыше храма и свет ее сверкнул в последней струе крови, пролившейся на пьедестал идола, вся Атлантида содрогнулась от извержения тысячи вулканов, и начала опускаться, и канула в океанскую пучину со всеми своими блистающими городами, и воды океана сомкнулись над ней. — Голос Пириса дрожал от ужаса.

— Но, как я понимаю, этот твой Скорпион, похоже, благополучно пережил купание в океанских водах? — заметил Конан.

— Не говори столь кощунственно о столь священном предмете! — воскликнул Пирис. — Ибо сказано, что статуя Скорпиона САМА ВЫШЛА из затонувшего храма и пришла в Стигию, где находилась многие столетия до тех пор, пока не была отдана на сохранение моему роду. Теперь ты понимаешь? Страшные космические последствия может вызвать эта кража!

— Ясно, — проговорил Конан. — А почему ты решил, что Скорпион здесь, в Шикасе?

— Может быть, и не здесь. Но в Бельверусе мой информатор сообщил мне, что Скорпион находится у какого-то караванщика, какого-то Мульвикса. Что Мульвикс этот идет с караваном в Шикас. Потому-то я и сказал тебе, чтобы ты ехал сюда.

— И ты думаешь, что этот твой Мульвикс попытается втюхать твоего Скорпиона кому-нибудь здесь?

— Очень вероятно. Я думаю, этот человек просто перекупщик. А раз так, то очень скоро ему станет неуютно в обществе этого идола. Это вообще свойство любых магических предметов. Непосвященные не могут долго выдерживать их присутствие. Так что теперь, я думаю, Мульвикс только и думает, как от него избавиться. Возможно, он попытается сбыть его просто как драгоценность или же как ценный предмет искусства. Но вероятнее всего, он начнет искать здесь мага, причем очень богатого, если только в этом благословенном городе может найтись подходящая кандидатура.

— Да, такой здесь имеется, — заметил Конан. — И я знаю, как выйти на него.

— Превосходно! Если мы вдвоем будем следить за этим колдуном и за скупщиком краденого, о котором ты говорил, то наверняка в самое ближайшее время мы отыщем Скорпиона.

— Ладно, об этом позаботимся завтра. А теперь, Пирис, скажи-ка мне вот что: где ты намерен спать?

Глаза маленького человечка расширились.

— Спать? Ну... Ты же понимаешь, что сейчас слишком поздно, чтобы я мог куда-то пойти искать себе крышу над головой. Да и кроме того, здесь-то всяко сыщется местечко для меня. Я согласен даже спать на полу, если ты найдешь подходящую циновку. — И Пирис широким жестом обвел вокруг себя, будто желая показать, сколь обширна комната, занимаемая Конаном.

— Пирис, — проворчал Конан, — ни при каких обстоятельствах нам с тобой нельзя спать в одной комнате. Слушай, здесь, внизу, есть прекрасная конюшня. Солома там чистая, я проверял.

— Конюшня! — Пирис едва не завизжал. — Я не вынесу этого!

— Да брось ты! Прекрасно вынесешь. Кроме того, ты благоухаешь как раз под стать обитателям стойла.

— Но я не могу...

— Спокойной ночи, Пирис, — твердо сказал Конан.

Направившись к двери, Пирис скорчил душераздирающую гримасу:

— Мне надо было с самого начала, когда я еще нанимал тебя, учесть, что ты жестокий человек.

И он вышел, захлопнув за собой дверь.

Конан ухмыльнулся в потолок. Хотя большую часть своей жизни он провел среди всевозможного сброда, никогда ему не приходилось встречаться за столь короткое время с такой уймищей бандитов и мошенников. Наемники, воры, продажные чиновники, религиозные фанатики, псевдоколдуны и просто обычные убийцы. Было такое впечатление, что их как магнитом притянуло в этот город. Что ж, теперь Конан знал, что нельзя доверять ни одному слову ни одного из своих нанимателей. Решено, с этого момента он доверяет только своему золоту.

Конан встал рано и обнаружил Пириса в таверне. Человечек уже успел снять себе номер на первом этаже, но совершенно очевидно было, что ночь ему пришлось-таки провести в конюшне. Поглощая свой обильный завтрак, киммериец изо всех сил старался не обращать внимания на пришибленную видуху Пириса.

— Я собираюсь посетить храм Беса, — заявил Конан, покончив с едой. — Хочешь отправиться со мной? Это в Дыре.

— Что ж, я думаю, этот визит будет полезен. Я бы хотел... — Пирис осекся при звуке открывающейся двери. На лице у него мелькнула тревога. Конан обернулся и посмотрел на вошедшего. Тот был чудовищно толст. Жирные, будто сардельки, ноги с трудом волочили на себе гигантское брюхо. Жирные черные волосы обрамляли физиономию с толстым двойным подбородком.

Конан повернулся к Пирису.

— Что-нибудь не так? — спросил он.

— Да нет, ничего. Просто на мгновение я принял этого человека за другого. Не обращай внимания.

Конан что-то буркнул себе под нос, будто удовлетворившись ответом.

Они вышли из гостиницы и направились на юг. Проходя по Площади, Конан показал Пирису храм Андоллы и вкратце изложил маленькому человечку все, что удалось ему разведать о делишках этого религиозного шарлатана.

— Если он и в самом деле очень богат и, как ты говоришь, балуется магией, — проговорил заморием, — то логично предположить, что он будет вероятным покупателем Скорпиона. — У Пириса был довольный вид. — Слушай, Конан, с тех пор как ты здесь, не приходилось ли тебе встречать очень высокого и очень красивого человека с длинными светлыми волосами и светскими манерами?

— Да нет, не замечал такого. Почему ты спрашиваешь?

— Ну, как-то раз приходилось иметь с ним дело. Был кем-то вроде моего партнера. Вот я и решил, что мог бы его здесь встретить. Понимаешь, этот город — как раз то место, которое могло бы его привлечь. Он игрок и бабник. — Последнее качество, похоже, особенно не нравилось Пирису.

— Нет, никого похожего я здесь не встречал, — заверил его Конан. А про себя подумал, что это не совсем правда. Под это описание сильно подпадал Асдрас, чей объеденный крысами труп он видел уже в аллейке на заднем дворе «Химеры». Кстати, а куда все-таки подевалась Брита?

Изрядно поплутав по кривым улочкам и тупикам, они в конце концов вышли к храму Беса. Это было старое, ветхое строение с облупленными стенами. У входа стояли две статуи этого гротескного божества, у которого было туловище кривоногого гнома и львиноподобная морда. Из комически растянутого рта высовывался длинный язык. Бес был богом веселья и удачи, защитник от злых духов и вдобавок (что довольно странно!) — хранитель маленьких девочек. Как большинство богов, Бес тоже имел темную сторону, будучи также богом пьяниц и воров.

Киммериец и заморием вошли в храм. Навстречу им с приветствием заторопился жрец. На жреце были офирское одеяние, офирский головной убор и туфли, также по офирской моде. На груди он носил золотую пластину с изображением божества.

— Чем могу быть полезен? — Хотя одет жрец был по-офирски, произношение у него было чисто местным. — Может быть, вы хотите принести жертву? Или чья-нибудь жена рожает? — Жрец окинул Пириса скептическим взглядом. — Впрочем, навряд ли. Вы, наверное, ко мне по делу.

— По делу, — сказал Конан. — Мы ищем...

Тут Пирис неожиданно сильно двинул его локтем в ребра, да так, что Конан ощутил удар даже через кирасу.

— Мы, собственно, по поводу предметов искусства, — спокойно проговорил Пирис. — Мы слышали, что ты интересуешься предметами искусства.

— Ну так... понемногу, — сказал жрец скромно. — А что за предметы искусства? Картины? Резьба по кости? Ювелирные изделия?

— А мы можем взглянуть на те, что у тебя есть? — спросил Пирис.

— Да, конечно! Если вы, господа, соблаговолите пройти со мной, я покажу вам наш ассортимент. — Жрец провел их за алтарь, где оказалась дверь, выходящая на лестницу. Вслед за жрецом Конан и Пирис спустились в помещение, где имелась тяжелая дверь, охраняемая с обеих сторон парой рабов. Рабы явно выходцы из Шема, могучие люди с крючковатыми носами. Их черные бороды почти полностью скрывали утыканные шипами ошейники.

Из связки ключей, висящей на поясе, жрец выбрал тяжелый ключ и вставил его в замок. Массивная, будто портал, дверь бесшумно открылась на хорошо смазанных петлях.

— Принесите лампу! — приказал жрец.

Рабы повиновались. Несколько мгновений спустя перед Конаном и его компаньоном предстала настоящая сокровищница: украшенные драгоценными камнями мечи, изящные картины, статуэтки, вырезанные из драгоценных материалов, всевозможные ювелирные изделия. В дальнем конце подземелья виднелась вторая дверь. Собственно, ее-то Конан и ожидал увидеть. Именно это и была основная причина, по которой он хотел посетить храм.

— А что за той дверью? — спросил киммериец.

— Река, — ответил жрец. — Подчас приходится вносить и выносить добро, не беспокоя власть имеющих, если вы меня понимаете. Ну-с, господа, не желаете ли что-нибудь приобрести?

Пирис ласкал пальцами статуэтку рычащего льва с рубинами вместо глаз:

— О, вот это, как мне кажется, самая прекрасная вещь! — И повернувшись к жрецу, он сказал: — Ты убедил меня в том, что с тобой можно иметь дело. В ближайшее время, думаю, мы заключим кое-какие сделки. Однако в настоящее время мы ищем вполне определенную вещицу. Это должна быть маленькая статуэтка, выполненная из довольно странного черного камня. Ты не ошибешься, когда увидишь ее. Она совершенно не похожа на все то, что тебе приходилось видеть прежде. Если эта уникальная статуэтка попадет к тебе — а я думаю, что так и случится в ближай-

шие несколько дней, — то, уверяю тебя, ты не пожалеешь, сообщив об этом мне.

— А, мы ищем кое-что конкретное! — доверительным тоном сказал жрец. — Ну, для меня это дело обычное. Меня часто просят отслеживать передвижения какого-либо конкретного предмета, который кто-либо очень желает заполучить в свою собственность. В настоящее время ничего похожего на описанную статуэтку мне не попадалось. Но будь уверен, как только я ее увижу, я тут же сообщу тебе об этом. Рано или поздно предмет, коль скоро он окажется в городе, попадется мне на глаза. Но увы, увы! Сейчас, когда город наводнен дилетантами, дела пошли из рук вон плохо. Вы меня понимаете, дилетанты наносят такой вред нашему делу! А как мне с вами связаться, уважаемые господа?

Пирис сказал жрецу, в какой гостинице они остановились. Затем в течение некоторого времени они со жрецом со знанием дела обсуждали причудливые пути старинных безделушек, которые путешествуют не вполне законным образом. Пока они беседовали, киммериец изучал подземелье. Стены сложены из кирпича. Кирпичным был и свод. Конан отметил, что кирпич сухой — подземелье находилось выше уровня воды.

Еще когда Конан в первый раз услышал о том, что храм Беса пристроен к стене, выходящей к реке, он с самого начала предположил, что оттуда должен существовать потайной вход в храм. Наверное, раньше, когда среди градоправителей Шикаса попадались люди более честные, не в пример Бомбасу, жрецы храма Беса немало наживались, переправляя краденое.

Уже давным-давно Конан взял себе за правило: входя в любой дом, первым делом отметить для себя все возможные выходы. То же самое касалось и городов. Полезно знать, что есть способ выбраться из города помимо городских ворот. Это может пригодиться в критической ситуации.

Завершив дела в храме, Конан с Пирисом вышли на улицу. Они представляли странную парочку: огромный богатырь-варвар и маленький, женоподобный замориец. Впрочем, здесь, в Дыре, никого этим не удивишь. Да и не в обычаях жителей Дыры интересоваться тем, кто как выглядит.

Они шли по извилистой улочке, когда Конан заметил, что за ними кто-то следит. Киммериец понимал, что в Дыре о честном поединке и мечтать нечего! Поэтому совершенно неожиданно Конан резким движением обернулся, и меч его со свистом вылетел из ножен. Люди, которые шли за ним, остановились, испуганные его внезапным движением. Однако, к удивлению Конана, Пирис не стал паниковать и не ударился в бегство. Напротив, маленький человечек резко повернулся, повторяя движение Конана, и выхватил длинный стилет с тонким лезвием.

— Эй, псы шелудивые! Кто ваш хозяин? — рявкнул киммериец.

На одном из преследователей была кожаная куртка, какую носили люди Ингаса, остальные на вид были самым обычным отребьем Дыры. Всего шестеро бандюг, каждый с обнаженным мечом. Однако острый взгляд варвара приметил еще одного: парень забрался на крышу и собирался, видимо, понаблюдать за схваткой издалека. Что ж, заниматься этим наблюдателем сейчас некогда...

— А тебе-то что? — грубо спросил человек, напяливший на башку глухой шерстяной колпак с прорезями для глаз. — Все равно и ты, и твой смазливый приятель еще до наступления темноты пойдете на корм рыбам.

— Эй, киммериец! Собственно, я тебя и нанял, чтобы ты разбирался с подобной швалью, — напомнил Пирис. — Вот и приступай к своим обязанностям.

— Ну! Вы слышали, что он сказал! — гаркнул Конан шестерым преследователям. — Либо проваливайте, либо нападайте! Я на службе! Я не собираюсь торчать тут вечно, на этой вонючей улице.

Все шестеро бросились в атаку одновременно. Киммериец встретил их на полпути. Уклонившись от неуклюжего выпада, Конан поразил одного из своих противников в незащищенное бедро. В следующее мгновение он ударил плечом в грудь какого-то бородатого, заставив того врезаться в стену. Длинный меч бандита в красной кожаной куртке полоснул Конана по боку, но лезвие скользнуло по стальным пластинам, вшитым в кирасу. Левый кулак Конана врезался бандиту в челюсть. Послышался звук ломающихся костей, и противник упал. К лицу киммерийца метнулся чей-то тесак. Однако Конан отразил удар своим мечом. Зазвенела сталь. Отбив удар тесака, Конан перехватил запястье своего нового противника и вслед за тем ударил рукоятью своего меча тому в переносицу, раздробив ее. Негодяй упал. Тотчас же следующий бандит с коротким мечом перепрыгнул через тело упавшего, метя Конану в бок. Киммериец отклонился, пропуская меч мимо себя, а затем ловко зажал предплечье атакующего у себя под мышкой и рукоятью своего меча раздробил ему локтевой сустав. Отшвырнув воющего бандита в сторону, Конан прижался к стене, обводя глазами аллею в поисках новых врагов. Киммериец успел заметить, что наблюдатель на крыше смылся. Хотя Конан видел незнакомца лишь несколько мгновений, у него создалось впечатление, что это женщина. Бабенка с черными волосами и ярко размалеванными губами.

Конан оглядел своих поверженных противников. Одни лежали неподвижно, другие стонали и корчились на грязных плитках мостовой. Тот, кого Конан впечатал в стену, а также еще один бандит,

внешностью похожий на стигийца, содрогались в конвульсиях. Рты их были страшно оскалены. Конан бросил взгляд на Пириса.

— Я их всего лишь слегка царапнул, — сказал этот мошенник, демонстрируя Конану свой стилет. Конец стилета был слегка испачкан кровью. Его покрывала какая-то зеленая жидкость. С этими словами Пирис спрятал свое оружие.

— А ну, стоять, негодяи!

Они обернулись и увидели Бомбаса. Его туша почти загромоздила проход по узкой улочке. Сжатые в кулаки руки Бомбаса упирались в бока. За ним высились фигуры троих его телохранителей и с полдюжины горе-солдат из городской стражи.

— Далеко же тебе пришлось топать от резиденции, городской голова, — сказал ему Конан. По жирному лицу толстяка зазмеилась злобная ухмылка.

— Я исполняю свой долг. Вы арестованы. Вы преступили закон. Сдавайте оружие.

Конан готов был взорваться, но Пирис опередил его:

— Подчинись, друг мой. Не все еще наши дела улажены в этом городе.

Киммериец неохотно подчинился приказу, сняв пояс с мечом и кинжалом и отдав его городскому голове. После чего настала очередь стилета Пириса. Городской голова взял стилет и осмотрел его. Затем перевел взгляд на двоих убитых Пирисом. Поверженные бандиты уже перестали биться в конвульсиях и затихли. Городской голова зловеще хмыкнул:

— Тебе разве неизвестно, что обладание отравленным оружием — нарушение королевского закона?

Глаза заморийца расширились, будто он пытался изобразить оскорбленную невинность.

— Как? Он отравлен? А я-то приобрел это оружие, думая, что это самый обычный кинжал! Я же не специалист. Откуда мне знать, что лезвие отравлено.

Бомбас не удосужился ответить. Он с отвращением оглядел лежащие на улице трупы и повернулся к своим телохранителям:

— Оттащите эту падаль к реке.

— Но некоторые из них еще живы, — проговорил охранник с алебардой на плече.

— Так и что с того? — рявкнул Бомбас. — Перережь им глотки!

Пожав плечами, охранники вытащили кинжалы.

— А вы пойдете со мной! — приказал Бомбас.

В сопровождении Юлуса и двух зингарцев Конан и Пирис отправились в сторону Площади. Конан не стал ничего говорить своему компаньону о черноволосой женщине. Он не был даже уверен в том, что и в самом деле ее видел. Слишком уж мимолетным было видение. Когда они шли через Площадь, многие прово-

жали их глазами. Слышались смешки. Конан решил, что смеются над непривычным зрелищем Бомбаса, наконец-то решившегося вылезти из своей резиденции.

Киммериец понимал, что жирный городской голова не случайно оказался поблизости от того места, где на них с Пирисом было совершено нападение, тем более что это случилось в той части города, которую Бомбас, по всей вероятности, не навещал уже много лет. Впрочем, это была одна из тех загадок, которые буквально со всех сторон окружали Конана. Киммериец не сомневался, что с течением времени и эта тайна для него откроется.

Арестованных ввели в резиденцию городского головы, провели вниз по лестнице и втолкнули в тюремную камеру с дверью, забранной решетками. Дверь за узниками захлопнулась. Стражник, здоровенный, как бык, мужичина с лысой головой, дважды повернул в замке тяжелый ключ.

— Оставьте нас, — сказал Бомбас, обращаясь к стражнику и своим трем телохранителям.

— Сколько ты собираешься нас здесь продержать? — спросил Конан.

Бомбас пожал плечами:

— Возможно, недолго. Возможно, весь остаток ваших дней. Все зависит от обстоятельств.

— Сколько нужно обстоятельств, чтобы ты выпустил нас отсюда? — спросил киммериец.

— Обычно пятидесяти марок обстоятельств достаточно. Но вас двое. Я не уверен, что этого стечения обстоятельств хватит.

— Это неслыханное самоуправство! — взвился Пирис. — Я направлю жалобу послу Заморы! Он мой личный друг!

Услышав это, Бомбас захохотал, и все жиры его тела затряслись.

— Слушай ты, человечек! Во-первых, посол Заморы находится в Тарантии, до которой тебе еще надо добраться. Ты не похож на колдуна, так что я сомневаюсь, чтобы тебе удалось связаться с послом из этой темницы. Мне каждый день приходится иметь дело с отребьем, вроде тебя. И я думаю, что меньше всего тебе хочется привлекать внимание заморийских властей к собственной персоне.

— Нас будут судить? — спросил Конан.

— Если я захочу. Ближайшее судебное заседание еще не скоро. Впрочем... — Тут городской голова подошел вплотную к решетке. — ...Вам вовсе не обязательно торчать здесь все это время. Скажите мне, что за дела у вас здесь, в Шикасе? Если ты убедишь меня в том, что я смогу получить от них какую-то выгоду, возможно, мы сумеем прийти к обоюдному согласию. И помните, что вы оба здесь чужаки и никаких прав у вас здесь нет. Кстати,

я могу держать вас здесь и без суда. Ну так что у вас за делишки в городе?

Ни один из заключенных не проронил ни слова. Бомбас отступил назад от решетки и нахмурился:

— Ну что ж, хорошо. Я могу освободить вас по уплате пятисот золотых марок. Каждый!

— Где мы найдем такую сумму? — взвыл Пирис.

— Меня это не касается, — сказал Бомбас. Он повернулся и начал подниматься по лестнице.

— Интересно, кто натравил на нас эту жирную свинью? — спросил Пирис.

Конан пожал своими массивными плечами:

— Я думаю, его подкупили, чтобы он убил нас, если это не удастся сделать наемным убийцам. Когда те вошли в аллею с одной стороны, Бомбас со своими людьми ждал нас с другой стороны. Однако наемные убийцы сами оказались на месте жертв. Что до городского головы, то он побоялся драться со мной. Кроме того, он чует, что ему может отломиться пожива в том случае, если мы останемся живы. Ну а касательно твоего вопроса, кто его подкупил, — то здесь кандидатур пруд пруди. Кстати, мне кажется, я заметил твою черноволосую потаскуху. Она наблюдала за схваткой с крыши. Впрочем, я не очень в этом уверен.

— Как? Эта тварь! Если она выследила меня здесь...

— Она что, тоже охотится за Черным Скорпионом? — спросил Конан.

— Киммериец, ты задаешь слишком много вопросов. Мои дела — это мои ЛИЧНЫЕ дела. Не забудь, ты не мой партнер. Я просто нанял тебя, чтобы ты мне помогал.

Маленький человечек буквально кипел от возмущения. Лишь через несколько минут он остыл.

— Кстати, мой друг, — сказал Пирис, — не найдется ли у тебя достаточного количества золота, чтобы отворить нам дверь этой темницы?

Услышав это, Конан заржал:

— Эй, ты помнишь мои денежные обстоятельства в тот день, когда мы повстречались? Ты дал мне задаток в двести золотых, большую часть которых я потратил на снаряжение и дорожные расходы.

Замориец уселся на жесткую скамью, подвешенную к стене на цепях. Все в его фигуре выражало крайнее отчаяние.

— А... А я-то было надеялся, что к тебе вернулась удача в игре. Или же, пока ты отирался здесь, тебе удалось скопить кое-каких деньжат, в то время как я мыкался в Бельверусе.

Конан подошел вплотную к Пирису и сверху вниз посмотрел на него. Во взгляде у него была угроза.

— Эй, а как насчет остальных восьмисот золотых, которые ты мне обещал?

— Я же говорил тебе, что мой отъезд из Бельверуса был... э-э... внезапным. Мне не удалось взять с собой почти ничего. — Пирис бросил взгляд на Конана снизу вверх и обнадеживающе улыбнулся: — Но послушай, киммериец, если мы даже просто найдем Скорпиона, удача улыбнется нам!

Киммериец глянул сквозь решетку на лестницу. Тюремщик, похожий на быка, еще не вернулся.

— А твои отмычки при тебе? — спросил он.

— Да, — тихо сказал Пирис, — но я предпочел бы не прибегать к ним. Нам нужно хотя бы несколько дней сохранять легальное положение в этом городе. Кто знает, когда здесь объявится человек со Скорпионом?

Конан подошел к двери и взялся за решетки. Много раз приходилось ему сиживать в темницах, но он так и не привык к заключению. Ум Конана лихорадочно работал, взвешивая все возможные пути к освобождению.

— Ладно. Глядишь, что-нибудь и изменится, — сказал он.

Тут неожиданно Пирис захихикал.

— Эй ты, что тебя так рассмешило? — с подозрением спросил Конан.

— Не ты ли говорил, что ни при КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ не будешь спать в одном помещении со мной?

Конан схватился руками за прутья решетки и застонал:

— Кром оставил меня!

Глава девятая

ХРАМ ДУРГИ

Конан лежал на жестком ложе, заложив руки за голову, и, глядя в потолок, размышлял о пятистах марках. У него не было ни малейшего желания открывать кому бы то ни было, где он спрятал свое золото. Не хотел он обращаться за помощью ни к кому из своих нынешних работодателей. Что до Пириса, то тот был неплатежеспособен. Во всяком случае, заявлял, что является таковым. Ксантус не желал иметь никаких дел с Бомбасом. Что до Касперуса, то тот явно хотел остаться в тени и настаивал на анонимности. Кроме того, если бы Конан обратился к любому из них, то наверняка они потеряли бы веру в него, случись им вытаскивать своего непобедимого киммерийца из тюряги. В конце

концов, Конан пришел к выводу, что необходимо найти еще одного работодателя, который согласится вложить пятьсот марок, чтобы заручиться поддержкой великого мастера меча.

Бросив взгляд на соседнюю койку, он увидел, что Пирис спит. От маленького человечка расходилось облако аромата лилий. Быкоподобный стражник исчез, его сменил более молодой, явно изнывающий от скуки. Киммериец встал и подошел к зарешеченной двери:

— Ш-Ш-Ш! Эй, ты не хочешь зашибить деньгу?

Стражник поднял голову от стола, где вырезал модель речной баржи.

— Я не выпущу тебя, — обронил он, а затем добавил: — Даже за тысячу марок.

— Да нет, я тебя об этом и не прошу. Я просто хочу, чтобы ты передал записку. Ты знаешь, где находится дом Риста Даана?

— Кто же его не знает? — сказал стражник.

— Когда сменишься, пойди к нему и скажи вот что: «Если хочешь вырвать свою дочь из рук Андоллы, отправляйся в резиденцию городского головы и выкупи Конана из Киммерии». Запомнил? Получишь пять марок.

Стражник повторил послание.

— Ну а где же мои пять марок?

— Я по-твоему похож на человека с деньгами? — нетерпеливо сказал Конан. — Тебе заплатит Даан.

Час спустя на пост снова заступил лысый тюремщик. Киммериец понимал, что сейчас ни в коем случае нельзя показывать своего нетерпения. Пирис выклянчил у стражника доску для игры, и заключенные убивали время, играя в «Король мертв», причем Пирис постоянно выигрывал. Конан проигрывал уже третью партию, когда появился Юлус, сопровождаемый человеком, одетым в чулки и роскошную тунику, поверх которой был наброшен теплый плащ, опушенный великолепным белым мехом.

— Который из вас киммериец? — спросил этот человек.

— Вы что, хотите сказать, что не в состоянии отличить меня от дикаря? — обидчиво вскинулся Пирис.

— Я Конан. — Киммериец встал и подошел к решетке, напустив на себя грозный вид и демонстрируя свои внушительные габариты.

Разодетый в плащ человек оглядел его с ног до головы, а затем повернулся к Юлусу:

— Я хотел бы поговорить с ним наедине.

Юлус кивнул тюремщику, который отпер дверь.

Когда Конан уже начал подниматься по лестнице вслед за остальными, Пирис жалобно позвал его:

— Конан, вытащи и меня отсюда!

Юлус привел их в небольшое помещение, находящееся рядом с главным залом.

— Мой господин! — сказал он. — Позволь мне лучше остаться здесь, с тобой! Этот тип — сущий дикарь. За то время, что он провел в городе, он убил уже нескольких человек.

— Плевать, — проговорил человек в роскошном плаще. — Город от этого ничуть не утратил своей привлекательности. Оставь нас.

— Ну, как хочешь. — Юлус поклонился и вышел, захлопнув за собой дверь.

— А теперь давай, киммериец, объясни, что ты хотел сказать своим посланием. Почему ты считаешь, что я соглашусь выложить пятьсот марок ради того, чтобы вытащить тебя отсюда?

— Слушай, во сколько тысяч тебе стал на сегодняшний день Андолла? — вопросом на вопрос ответил Конан. — Да разве ты не Риста Даан?

— Именно Риста Даан. А что тебе известно обо мне?

— Мне сказали, что твоя дочь — одна из тех, кто подпал под пагубную власть Андоллы и теперь пребывает в храме Матери Дурги.

— А ты-то здесь при чем? — спросил Риста Даан. У него было жесткое худощавое лицо с резкими чертами лица и седые волосы. Если бы не холеные руки, его можно было бы принять за солдата.

— Мне приходилось уже прежде заниматься подобной работенкой, — сказал ему Конан. — Мошенники, вроде Андоллы, по всему миру охотятся за неразумными отпрысками богатых родителей. Обычно они держат юнцов, пока не выкачивают из родителей все их деньги, а после выбрасывают их на улицу.

— Да знаю я это все, знаю. Так ты говоришь, что можешь отправиться в храм и притащить ее ко мне?

Конан покачал головой:

— Ты же понимаешь, что ничего путного из этого не выйдет. Она просто удерет и вернется к Андолле. Так всегда бывает. Нет, я хочу предложить кое-что иное. Я могу уничтожить его власть над ней.

— Ой ли? Не слишком ли много ты на себя берешь? — Несмотря на иронию, прозвучавшую в голосе Риста Даана, неприязнь его исчезла.

— Я бы обстряпал это за несколько дней.

Даан наконец принял решение. Он коротко кивнул:

— Отлично. Если бы ты заявил, что можешь вернуть ее мне буквально через час, я бы, наверное, посоветовал этому жирному болвану, городскому голове, запихать тебя назад в каменный мешок. Честно тебе скажу: поначалу ты мне не понравился.

На выходе Конан получил назад оружие и доспехи. Риста Даан внес за него выкуп, после чего вдвоем они вышли на Площадь.

— Подумать только, пять сотен! — бормотал Риста Даан, пока они шли через Площадь к его дому, который стоял прямо напротив дома Ксантуса. — А почему это Бомбас так высоко оценил тебя?

Конан пожал плечами:

— Этот жирный боров играет сразу в такое количество игр, что, как мне кажется, уже давно запутался в них. Ясно одно: никто в этом городе не попадает за решетку только из-за того, что убил несколько человек. Кроме того, я защищался. Да и не так уж много народу я убил. Мог бы куда больше. Между прочим, ваш городской голова приказал добить тех, кого я только поранил.

— Бомбас просто хочет получать долю от всех делишек, какие только затеваются в городе, — сказал Даан. — Впрочем, это не мое дело. Мне плевать, чем ты там еще занимаешься. Пока ты работаешь на меня, я не буду чинить тебе препятствий.

Они вошли в обширный внутренний двор, тщательно ухоженный. Несмотря на то что уже был не сезон, здесь все еще цвели розы. Войдя в помещение, Конан подивился роскошной обстановке, драгоценным коврам. Ливреи у слуг были в порядке; судя по их виду, никак не скажешь, чтобы им плохо жилось.

— Тебя кормили в темнице? — спросил Даан.

— Черствой коркой и глотком воды, — проворчал Конан.

— Этот боров наживается даже на содержании заключенных, — проговорил Даан. — Впрочем, я не удивлен.

Он хлопнул в ладоши. Появился слуга.

— Этот человек отведет тебя в купальню, в которой, по-моему, ты чертовски нуждаешься. Затем, когда ты вернешься, мы пообедаем и поговорим о наших делах.

Киммериец последовал за слугой и вскоре уже нежился в громадной ванне горячей мыльной воды, в то время как прислуга натирала ему спину и умащала его кожу. Потом он уселся перед большим зеркалом, пока цирюльник брил его и занимался его густой черной гривой. Конану принесли чистые одежды, в которые он и облачился, заметив, что прореха в кирасе была аккуратно схвачена пятью стежками, а стальной шлем надраен до блеска. Даже если Риста Даан окажется таким же мерзавцем, как и все остальные, то уж в гостеприимстве ему не откажешь.

Слуга отвел Конана в столовую, где Риста Даан сидел за столом, буквально ломившимся от яств. По жесту хозяина Конан уселся. Слуга наполнил его кубок и начал накладывать еду на блюдо, стоявшее перед Конаном. В течение некоторого времени хозяин и гость в молчании поглощали пищу. Впрочем, Риста Даан еле притрагивался к трапезе, зато киммериец жадно набрасывался на все.

Когда Конан наконец насытился, он откинулся назад. Хозяин протянул ему маленькую плоскую деревянную коробочку. В цент-

ре ее находился миниатюрный портрет, сделанный с изумительным тщанием. На портрете была изображена молодая девушка с прямыми светлыми волосами и огромными голубыми глазами.

— Это моя дочь, Риетта. Мой единственный ребенок. Я показываю тебе, чтобы ты мог ее узнать, потому что в этом гнусном храме она живет под другим именем. Андолла дает каждому из своих последователей новое имя, когда они присоединяются к нему. Это помогает рвать их связи с семьями.

— Кроме тех связей, по которым текут деньги.

— Точно. Молодые болваны, находящиеся в его власти, постоянно шлют письма своим семьям, выпрашивая денег. Иногда они даже возвращаются домой, заявляя, что навсегда порвали с Андоллой, а затем обчищают семейные сундуки и уходят обратно в храм.

— Как твою дочь угораздило попасть в сети к Андолле? — спросил Конан.

Лицо безутешного отца исказилось гримасой боли.

— Я торговец пряностями. Большую часть своей жизни я вынужден был провести вне дома — дела. В результате моя дочь находилась полностью на попечении матери. Но моя жена... В общем, у нее что-то случилось с мозгами. Поначалу, когда мы только поженились, это было незаметно, но мало-помалу стало проявляться все более сильно. Проводи я больше времени дома, я, конечно, давным-давно заметил бы и что-нибудь предпринял. — С минуту, наверное, Риста Даан сидел в молчании. — Ладно, все это в прошлом и я уже ничего здесь не могу изменить. — Он уставился в свой кубок.

— Мать Риетты находила наших привычных богов очень скучными. И больше тяготела к чужеземным культам. Свою странную привязанность она передала и дочери. По мере того как шли годы, моя жена все плотнее вбивала себе в голову, что стала жертвой древнего проклятия, тяготеющего над женщинами ее рода. Тогда же она начала устраивать всевозможные ритуалы, чтобы защитить Риетту от этого воображаемого «проклятия». Я узнал обо всем позднее, от слуг, — признал он. — Когда я находился дома, жена моя вела себя почти нормально. Со временем, однако, ее недуг стал очевиден даже для меня. Я поместил ее под постоянное наблюдение доверенных лиц. Увы, все было бесполезно. Однажды ночью, когда разразился ужасающий ураган, она выбралась из своей комнаты и забралась на крышу угловой башенки. Оттуда она бросилась вниз, на мостовую.

Некоторое время Даан молчал, затем встряхнул головой и продолжил:

— Риетта была не только убита горем, но и напугана. Мать то и дело говорила ей о проклятии. И вот теперь это проклятие от

матери перешло на нее. К тому времени в нашем старом храме уже обосновался Андолла, переделав его под святилище своей грязной и гнусной вендийской богини. Кто-то из глупых, безмозглых дружков Риетты рассказал ей про Андоллу. Какой, мол, чудесный это человек. С какой легкостью с помощью сверхъестественных сил он может разрешить любую проблему. И вот Риетта пошла посмотреть на Андоллу.

Как ты понимаешь, этот шарлатан собирает все городские слухи. Поэтому когда Риетта пришла к нему, мошенник прекрасно знал, какие речи вливать ей в уши. Он сказал, что способен защитить ее от страшного проклятия, но при условии, что она останется в его храме. Она осталась и с тех пор пребывает там. Я пытался было нанять молодчиков, чтобы вырвать ее из рук Андоллы, но этот негодяй платит главарям всех шаек и поэтому находится под их защитой.

— Ему и тебя удалось подоить? — грубо спросил Конан.

— Прежде чем убежать в храм, Риетта обчистила меня, забрав десять тысяч марок золотом и еще куда больше — драгоценностями. Андолла, должно быть, подучил ее, как сделать слепок с ключа. У Риетты слишком мало сил, чтобы вскрыть мои сундуки, поэтому Андолла наверняка послал кого-то вместе с ней, чтобы помочь.

— Ясно, — сказал Конан. — Теперь о его брехне насчет магической силы. За этим действительно что-то стоит или же он шарлатан?

— Трудно сказать. Он заявляет, что может убить одним только проклятием. Кое-кто, с кем у него были проблемы, умерли загадочной смертью. Но, как ты понимаешь, это можно было сделать и с помощью яда. С тех пор я крайне осторожен в отношении всего, что я ем и пью. Кроме того, он действует не в одиночку. У него есть подруга по имени Оппия. И эту стерву, на мой взгляд, следует опасаться еще больше.

— Да, все чертовски запутано! — проговорил Конан. — Однако думаю, что смогу уладить это дело.

— Сколько ты возьмешь за работу? — спросил Риста Даан.

— Моя обычная расценка за подобную операцию — тысяча марок, — сказал Конан. — Поскольку ты уже заплатил пятьсот за мое освобождение...

— Пятьсот десять, — поправил торговец пряностями. — С учетом того, что я заплатил тюремщику за передачу твоего послания.

— Десять! Я же сказал ему — пять!

— В этом городе обитают не только крупные мошенники. Встречаются и мелкие.

При этом оба рассмеялись.

— Как только Риетта окажется у меня, ты получишь причитающиеся тебе деньги. И учти, я пользуюсь некоторым влиянием, не только здесь, но и в столице. Если на тебе висят какие-то обвинения, то знай, что их легко можно будет снять. Ты мне определенно нравишься, киммериец. Я думаю, ты честно отработаешь свои деньги.

Киммериец встал:

— Ну так я пошел. Обнимешь свою дочь через несколько дней. И не бойся, после этого Андолла не будет тебя больше беспокоить.

Площадь уже погружалась в сумеречную темноту, когда киммериец вышел от Риста Даана. Поначалу он думал прямиком направиться в храм, но затем решил вернуться в гостиницу. Надо было посмотреть, в порядке ли Брита. По пути Конан завернул в конюшню и проверил, как содержат его коня. Затем поднялся по наружной лестнице к себе в комнату. Как только он вошел, из смежной комнаты к нему ворвалась Брита:

— Конан! Где ты был?

— За решеткой. А ты где болталась?

Несмотря ни на что, Конан почувствовал облегчение, увидев женщину целой и невредимой.

— Спроси лучше, где я НЕ была. Мне кажется, я облазила все здешние гадюшники, разыскивая сестру. Да, ее здесь видели, но информация довольно старая. Вряд ли она может пригодиться. Я уже опасаюсь того, что сестра, может быть, покинула этот город.

— Может быть, она вернулась в Тарантию, — предположил Конан. — Тебе тоже лучше вернуться.

— Я не сделаю этого, пока не узнаю наверняка, что в Шикасе ее нет. А как ты угодил за решетку?

— Я думаю, что в этом городе я — единственный, кто был арестован за драку. Это было вчера утром. А где тебя носило две ночи назад?

— Я пришла сюда, как обычно, — сказала она, — и начала было подниматься по лестнице, но тут заметила, что возле наших дверей на балконе отирается какой-то человек. Маленький такой человечек в ОЧЕНЬ странных одеждах. Я испугалась и провела остаток ночи в каретном сарае, внизу.

Конан коротко хмыкнул:

— Это был всего-навсего... А, неважно. Слушай меня, девочка. Я буду отсутствовать день или два. Если смогу, то свяжусь с тобой. Но дела требуют, чтобы я на некоторое время отлучился.

— Ты что, хочешь сказать, что покинешь город? — беспокойно спросила она.

— Нет, я буду в Шикасе. Гостиница оплачена. Не делай глупостей. Сейчас уже все и каждый в городе знает, зачем ты сюда

приехала. Если твоя сестра до сих пор хочет скрываться от тебя, то ты ее не найдешь. Если она передумала, то пусть она тебя ищет. Постарайся не рисковать по-пустому, потому что в ближайшие дни я не смогу помочь тебе. Ты поняла?

Она уставилась в пол и сцепила руки:

— Да.

Он откинул ее голову назад и поцеловал.

— Ну ладно, веди себя тихо, — посоветовал он ей.

Она улыбнулась. Он ушел. На душе у него было неспокойно.

Портик храма был ярко освещен огнями, горящими в бронзовых чашах. Жгли здесь также и благовония — дым был благоуханным. Изнутри доносились звуки бесконечного монотонного пения. Два здоровенных юнца охраняли вход, скрестив на груди руки.

— Я хотел бы поговорить с Андоллой, — сказал Конан, остановившись перед ними.

— Наш мастер не разговаривает с кем попало, — важно произнес один из юнцов. — Он святой человек. Почти все время проводит в медитации.

— Кроме того, нечистые люди не могут общаться с ним непосредственно, — заметил другой.

— Я только что из ванной, — сообщил Конан. — Если твой хозяин так недоступен, то, возможно, его супруга поговорит со мной?

— СВЯТАЯ МАТЬ ОППИЯ также занята делами духовными, — произнес первый.

Тут Конан почувствовал, что исчерпал скудные запасы своего терпения. Он схватился за рукоять меча.

— Они отзовутся на крики боли, доносящиеся от ворот? — прорычал он.

— Что такое? — Это был женский голос. Оба стража мгновенно повернулись и поклонились, в то время как говорящая появилась из дверей и прошла между ними. Она была невысока ростом и хорошо сложена. У нее были длинные черные волосы и смуглая кожа. Крылья изящного носа были украшены блестящим бриллиантом, а над бровями каким-то образом закреплен гладкий круглый красный камень.

Стражи начали монотонно бить в ладоши и петь:

— СВЯТАЯ МАТЬ ОППИЯ! СВЯТАЯ МАТЬ ОППИЯ!

Она сделала знак рукой, и они замолчали.

— Меня зовут Конан из Киммерии. Нам надо кое-что обсудить.

— Ума не приложу, что мне с тобой обсуждать. Но не в наших обычаях отворачиваться от тех, кто умоляет о помощи. Пожалуйста, входи.

Стражи у входа не производили впечатления гостеприимных хозяев. Тем не менее Конану показалось, что женщине просто не хотелось, чтобы с Площади видели, как она разговаривает с варваром. Внутри храм был освещен свечами и жертвенными огнями, пылавшими перед идолами. Суровый храм Митры, лишенный всяческих украшений, превратился в роскошное святилище в вычурном вендийском стиле. Каждый свободный дюйм поверхности был расписан изображениями вендийских божеств, каждый из которых был занят своим обычным делом. На многих стенах изображены кровавые сцены; иные казались отвратительными и тошнотворными. Смысл многих картин был просто недоступен Конану. Изображений животных было не меньше, чем человеческих фигур. Маленькие мартышки были нарисованы с таким искусством, что, казалось, вот-вот убегут из храма.

Храм являл собой обширное помещение, где человек сорок почитателей богини что-то бесконечно пели, похлопывая ладонями по глухо звучащим барабанчикам. Шум, который они производили, был, с точки зрения Конана, дьявольской какофонией. Объектом поклонения служил идол женского божества с чудовищными сиськами. Богиня сидела, скрестив ноги и положив ступни на бедра. У нее на коленях в точно такой же позе застыл мужчина. Глаза его закрыты.

Женщина провела Конана по лестнице на галерею, опоясывающую по второму этажу весь храм. Сквозь отверстие в крыше храма были видны луна и звезды. Одежда Оппии состояла из одного-единственного куска небесно-голубого шелка, плотно обернутого вокруг плеч и спускающегося до лодыжек. Ноги ее были босы, а подошвы выкрашены красной краской.

Пройдя по галерее, она ввела Конана в небольшую комнату со скудной деловой обстановкой. Большой стол, заваленный пергаментами, и два кресла. Украшений почти не было, хотя в руках у миниатюрных идолов курились дорогие благовония. Женщина села за стол и ледяным голосом обратилась к Конану.

— Ты — человек, несущий насилие, воин, — сказала она. — Я слышала о тебе. Мы отрицаем все формы насилия. Зачем ты сюда явился?

— Если вы такие праведники, — проговорил Конан, — то наймите какого-нибудь парня, умеющего обращаться с оружием.

— У нас есть своя охрана, — заметила она.

— Та парочка у входа, что ли? — Конан презрительно фыркнул. — Проку от них никакого, и ты понимаешь это. Подумай, что произойдет, если семьи послушников наймут головорезов, чтобы вернуть домой своих детей.

Она слегка откинулась назад, изучая Конана из-под полуопущенных век:

— Заблудшие, погрязшие в грехах люди иногда пытаются похитить наших последователей. Однако у нас есть договоренности с теми, кто контролирует людей, несущих в душе насилие.

— Тогда вскоре произойдет вот что. Опечаленные родители отправятся за пределы города и там наберут себе сильных бойцов. — Конан заметил, что слова его попали точно в цель. — И разве не может случиться так, что кто-то из ваших последователей начнет колебаться, не вернуться ли ему домой.

— Иногда, правда очень редко, злой дух, враг Матери Дурги, заражает одного из аколитов бессмысленным стремлением покинуть нас. Но с терпением и доброжелательностью мы успокаиваем мятущиеся души и побеждаем кощунственные происки врага Матери Дурги.

Конан осклабился:

— Я мог бы одолеть происки этого — как там его? — вашего врага очень быстро. Поверь, я умею делать подобную работу. Кроме того, хотя я и уверен, что вы всецело заняты лишь духовными делами, вы, должно быть, слышали, что шайки в этом городе все больше и больше ввязываются в междоусобную войну. Так что ваши соглашения с ними уже сейчас гроша ломаного не стоят. Что до меня, то я не связан ни с одной из банд.

В первый раз она посмотрела на Конана пристально и совершенно открыто.

— Возможно, что мы... То есть что Матерь Дурга и захочет воспользоваться услугами такого человека, как ты. Если ты останешься здесь на некоторое время — кто знает? — может быть, нам удастся направить тебя на путь доброты и света. — Еле заметная улыбка искривила уголки ее рта. — Идем. Я покажу тебе царство Матери Дурги здесь, на благословенном западе.

Она поднялась из-за стола и пошла на галерею. Конан последовал за ней.

— Здесь мы совершаем дневные богослужения, — сказала она, указывая на храм внизу.

— И сколько там их? — спросил Конан. — Я имею в виду верующих, а не богослужения.

— Сейчас — больше ста, — сказала она. — Мы предлагаем благодать Матери Дурги всем, но здесь находятся лишь те, чья вера и решимость не вызывает сомнений.

«Только те, — подумал Конан, — от кого текут денежки».

— Великий душою Андолла, мой супруг, является посредником, через которого к нам нисходит слово Матери Дурги.

Она ввела Конана в боковой притвор. Здесь стояло еще одно изваяние богини. На эта статуя была черной. Обнаженное тело покрыто зловещими кровавыми пятнами. С шеи богини свисало ожерелье из человеческих черепов. В руках она держала меч. Сама

богиня при этом плясала на горе внутренностей и отрезанных рук и ног.

— А это Матерь Богиня в ее ипостаси Пьющей Кровь и Пожирающей Потроха. Все вендийские боги имеют как созидающие, так и разрушающие ипостаси. Главным образом мы поклоняемся Матери Дурге в ее созидающей, дающей рождение ипостаси. — Оппия холодно улыбнулась, глядя на Конана. — Но мы не должны забывать и о ее темной стороне.

— Да, забывать про это, — Конан кивнул на статую, — было бы неосмотрительно.

Восточных богов Конан не любил почти так же сильно, как и божеств Стигии. Будучи истинным сыном свободнного, сильного народа, киммериец искренне презирал тупоголовых фанатиков различных бредовых богов — таких, как Матерь Дурга. Как правило, любым экзотическим пантеоном верховодил какой-нибудь кровожадный, злобный монстр. Или же слабосильный, припадочный уродец.

— А здесь, — вещала Оппия, когда они вошли в другое помещение, — тех, чья вера пошатнулась, стараются вернуть на истинный путь.

На стенах здесь висели кандалы, а в центре помещения находилась икс-образная рама, снабженная ручными и ножными кандалами. С одной из перекладин рамы свисала многохвостая плетка, каждый ремень которой был усеян бронзовыми крючьями.

— Да, — заметил Конан, — это действительно радикальное средство укреплять пошатнувшуюся веру.

— Я уже заметила, что ты из маловеров, — фыркнула женщина. — Впрочем, чего ожидать от варвара. Однако Матерь Дурга никого не отвергает, сколь бы низкорожденным ни был человек. Идем.

Она показала Конану сады, мастерские, кухни, прачечные. Рабы в храме отсутствовали. Впрочем, думал Конан, здешние аколиты — самые настоящие невольники. Всю грязную работу делали именно они. Прелесть данной системы заключалась в том, что за рабов не надо платить — люди сами платили за то, чтобы их сделали рабами.

Позади самого храма имелось большое здание в четыре этажа с многочисленными комнатами. Оппия показала Конану обширные помещения — спальни аколитов. За исключением циновок, сейчас аккуратно свернутых и лежащих у стены, здесь не было вообще ничего. Оппия описала Конану распорядок дня аколитов. Конан узнал, что юные и богатые послушники содержались в условиях куда более строгих, чем солдаты-новобранцы. Богослужения проводились днем и ночью. Аколиты никогда не спали больше двух часов подряд. Если они не молились, значит, работали.

На кухне Конан заметил, что жратва состоит главным образом из каши. Поскольку они находились в состоянии вечного голода и изнурения, с их сознанием и волей можно было делать что угодно. В душе Конан кипел от гнева, хотя изо всех сил старался скрывать свои чувства. Обычное рабство по сравнению с этим казалось делом неземной чистоты. Кроме того, Конан был уверен, что самого худшего ему еще не показали.

Наконец она привела его в обширное помещение на третьем этаже.

— Жить будешь здесь, — сказала она. — Не сомневаюсь, что тебе здесь будет комфортабельнее, чем в тех условиях, в каких ты до этого дня проводил свою жизнь.

— Пожалуй, — согласился Конан. — А ты где живешь?

Она смерила его ледяным взором:

— Зачем тебе это знать?

— Времена сейчас неспокойные. Половина аквилонского отребья, по которому виселица плачет, находится сейчас здесь, в Шикасе. А вокруг людей загадочных всегда бродят слухи. Человеку, не знакомому с вашим благочестивым образом жизни, может показаться, что в этом храме хранится гигантское богатство. Если сюда ворвутся грабители и поднимется тревога, я должен знать, куда бежать, чтобы спасти вас.

— Да, ты прав, — сказала она. — На этом этаже. Повернешь налево, в зал за этой дверью, затем направо, до конца. Выйдешь к красной двери. За этой дверью наши апартаменты. Без моего приказа или приказа моего мужа в эти помещения никто не ходит.

— Я понял, — сказал Конан, в душе решив при первой же возможности обшарить эти комнаты.

— Очень хорошо. Теперь остается одно — оплата.

— Ну, тут-то вопроса никакого нет, — сказал Конан. — Моя плата — тысяча золотых марок. Половину можешь отдать прямо сейчас. В скором времени ваши дела здесь так или иначе решатся, и тогда заплатите остаток.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она.

Конан пожал плечами:

— Либо война между бандами закончится и власть в городе перейдет в одни руки, либо же тебе с твоим мужем придется покинуть город.

— Покинуть город? — Ее глаза блеснули. — С чего бы это нам покидать город?

Конан усмехнулся:

— Знаешь, мне почему-то кажется, что Матерь Дурга может позвать вас куда-нибудь в другое место нести ее слово людям. Подозреваю, что подобное происходило уже не раз до того, как вы прибыли в Шикас. Кроме того, думаю, что ваш отъезд будет вне-

запным и случится глубокой ночью. Только будь уверена: я замечу его и приду за причитающимися мне деньгами.

Несколько мгновений она яростно смотрела на него, а затем неожиданно хихикнула. Протянув руку, длинным заостренным ногтем указательного пальца она провела по его подбородку:

— Киммериец, я думаю, что мы с тобой найдем общий язык.

— Вот именно. Мне кажется, стоит заплатить мне прямо сейчас эти пятьсот марок.

— Подожди здесь, — приказала она. И со странным для ее возраста девчоночьим хихиканьем она выбежала из комнаты.

Киммериец заметил, что, оказавшись за дверью, женщина повернула налево. Значит, направилась в свои апартаменты... Несколько секунд он ждал, затем высунулся из дверей. Ее нигде не было видно, но за углом он услышал, как в замке поворачивается ключ. Стало быть, она носит ключ при себе.

Услышав, что дверь захлопнулась, Конан бесшумно пробежал по залу, свернул направо и обнаружил тяжелую красную дверь, окованную железом. Замок, конечно, внушительных размеров, но опытный взгляд бывшего взломщика моментально распознал всю его нехитрую премудрость. Если потребуется, замок можно открыть и шпилькой.

Потолок был низким, освещенным лишь масляными лампами, горящими в нишах. Конан поднял потускневшую бронзовую крышку одной из ламп и увидел, что резервуар до половины полон. Значит, масло заливают один раз в день, утром. В другое время можно не беспокоиться, что встретишь ненароком аколита, подливающего масло в лампы.

Конан прислушивался, не раздастся ли звук открываемой сокровищницы, но дверь была слишком толстой, чтобы пропускать такие звуки. Решив, что не стоит задерживаться у двери надолго, Конан вернулся назад. Потом вытащил кинжал и с отсутствующим видом принялся острить лезвие. За этим делом и застала его возвратившаяся Оппия.

В руках она держала кожаный мешочек. Однако внимательный взгляд киммерийца отметил, что бабенка ходила не только за деньгами. Кое-что она изменила и в своем одеянии... Теперь платье открывало узкую полоску смуглой плоти от подмышек почти до лодыжек. Оппия протянула киммерийцу мешочек. Сунув кинжал в ножны, Конан взял деньги. Мешочек был из тонкой, на диво добротно выделанной кожи и весьма увесист. Киммериец чувствовал, что женщина прямо-таки трясется от похоти. Да, бабы куда опаснее золота!

— Возможно, мне удастся обратить тебя в веру Матери Дурги, — проговорила она, подходя к киммерийцу поближе.

— Это богиня не по моему вкусу, — сказал Конан.

— Откуда тебе это знать? Я же говорила тебе, что у Матери Дурги не одна ипостась. Некоторые из них не для простых аколитов. Когда к ней обращаются как к владычице женской зрелости и соединительнице плоти, ритуалы поклонения таковы, что ты наверняка найдешь их восхитительными. Кстати, в этих ритуалах я — высшая наставница.

— А великий духом Андолла? — полюбопытствовал киммериец. — Он принимает участие в этих церемониях?

Оппия провела кончиками пальцев по щеке Конана:

— Мой муж всецело погружен в свои магические изыскания. Мы мало времени проводим вместе, за исключением тех случаев, когда церемония Высокочтимой требует присутствия нас обоих.

— Неужели благочинный Андолла является мастером магических Искусств? — спросил киммериец.

— Когда он не занят поклонением Матери Дурге, он стремится к более глубокому постижению мира сверхъестественного. — В тоне ее проскользнуло легкое презрение. — Поэтому он собирает сочинения по магии, а также прочее магическое барахло. За своими занятиями он долгие часы проводит в одиночестве.

— Должно быть, поэтому ты чувствуешь себя одинокой, — заметил Конан.

— Иногда, — согласилась она, — утешения Матери Дурги недостаточно. А мужчины-аколиты могут быть так утомительны!.. — Оппия вознамерилась было прильнуть к широченной груди киммерийца, но вдруг откуда-то сверху послышался дикий крик. Кричала женщина. В голосе звучал предельный ужас.

— Кром! — воскликнул Конан, хватаясь за рукоять меча. — Кого-то убивают!

— Матерь проклинает ее! — фыркнула Оппия. Затем успокаивающим жестом положила Конану ладонь на плечо: — Успокойся. Это одна из наших послушниц. Самая беспокойная. С ней такое часто бывает. Идем, возможно, она нуждается в успокоении.

Конан последовал за ней в большой зал, а затем по лестнице, по которой они сюда поднялись. На этот раз Оппия провела киммерийца узким проходом на четвертый этаж. Конан заметил, что здесь большинство дверей распахнуты, а комнаты пустуют. Впрочем, нет... Одна дверь закрыта снаружи на крепкий засов. На уровне глаз имеется небольшое окошечко, прямо как в тюрьме. Оппия открыла глазок и заглянула внутрь. Затем отодвинула засов. Конан вслед за Оппией вошел в помещение. Острым чутьем варвар уловил странный запах — здесь жгли какую-то ядовитую дрянь. Запах едва-едва уловимый, но Конан был готов поклясться, что ему не почудилось. Затем внимание киммерийца привлекла жалкая фигура, скорчившаяся в уголке комнаты.

Это была Риетта, дочь Риста Даана. Впрочем, Конан не сразу узнал девчонку, хотя ее портрет накрепко засел у него в памяти. Миловидное личико теперь осунулось, прелестные ручки высохли, некогда роскошные волосы свалялись и потускнели. Видно было, что в течение многих месяцев девушка ни разу не гуляла на солнце. Глаза ее были широко раскрыты от ужаса и смотрели, не отрываясь, в противоположный угол комнаты. Девчонка в отчаянии закусила зубами кулачок, а другой рукой, тоненькой, как ивовый прутик, указывала в угол.

— Оно там! Оно снова появилось! Вы обещали, что оно больше не появится! Вы обещали!

Оппия нагнулась и взяла девушку за плечи:

— Я же говорила тебе, что Матерь Дурга защитит тебя от проклятия. Если вера твоя сильна, то, что ты видишь, не сможет причинить тебе вреда. Лишь твое маловерие позволяет этой твари возвращаться каждую ночь. Почему ты разуверилась в Матери Дурге?

— Но ведь я пыталась понравиться богине! — рыдала девушка. — Я производила все необходимые ритуалы! Я молилась днем и ночью! Я ела только разрешенную пищу и голодала, когда мне было велено голодать! Почему же эта тварь возвращается?

В голосе Оппии появились презрительные нотки:

— Матерь Дурга смотрит в твое сердце. Смотрит и видит, что вера твоя не есть истинная вера. Матерь Дурга требует неоспоримого доказательства твоей преданности ей.

— Так что же мне еще остается делать? — в голос рыдала девушка. — Все, что у меня было, я отдала ее храму! Я же не виновата, что у моего отца сердце из камня и он отказывается давать мне деньги!

— Если ты тверда в вере, — холодно проговорила Оппия, — ты должна найти способ и заставить отца выдать тебе еще денег.

Покуда две женщины разговаривали, Конан осматривал помещение. Комната в точности походила на ту, которую отвели ему. Однако здесь единственной мебелью была жесткая узкая кровать, состоящая из деревянной рамы и натянутых на нее кожаных полос. Единственное окно было забрано шестью вертикальными толстыми бронзовыми прутьями. Сейчас комната освещалась лишь светом масляной лампы, горящей за толстым стеклянным колпаком. Лампа находилась в соседнем помещении.

Оппия кивнула Конану, показывая на девушку:

— Отнеси-ка ее на кровать.

Киммериец поднял девчонку, поразившись, до чего же она легкая, уложил ее на сплетение кожаных полос и накрыл тонким одеялом. Девушка смотрела на великана варвара полными страха глазами и дрожала.

— Ты должна упражняться в молитвах третьего уровня, — приказала Оппия, — и медитировать на Божественное Ничто. Если это покажется тебе слишком сложным, размышляй о том, как ты можешь убедить своего отца послать дары в наш храм. Матери Дурге нет дела до богатств мира сего, но в своем бесконечном сострадании она примет тебя к себе, если ты докажешь ей свою преданность. Думай обо всем этом.

Они вышли из комнаты. Оппия снова закрыла дверь на засов.

— Кто это? — спросил Конан.

— Среди нас имя ее Амата. Отец ее — один из самых богатых людей в городе. Она — жертва древнего семейного проклятия. Стремясь избавиться от проклятия, она пришла сюда, к нам, чтобы мы ее защитили.

— Там, похоже, защищать-то уже особо нечего, — заметил Конан. — Девица скоро помрет от истощения.

Оппия пожала своими роскошными плечами:

— Ну и что с того? Все в руках Матери Дурги.

— Она что, опасна? — поинтересовался Конан. — Вы ведь держите ее взаперти.

— Опасна только для самой себя. Именно поэтому окно у нее забрано решеткой. В отчаянии она может броситься на мостовую, точно так же, как в свое время бросилась ее мать. Именно поэтому мы не даем ей огня, даже свечи, чтобы она не сожгла себя. Скажу прямо, для нас она — сплошная обуза, однако мы не оставляем надежды получить от нее чего-нибудь. — Оппия тонко улыбнулась. — Я имею в виду, конечно, не мирские богатства, а внемирную благодать от сохранения еще одной благословенной души для Матери Дурги.

Конан улыбнулся в ответ, но удержался от объяснений — почему он улыбается. А улыбался он приятной мысли о том, как уничтожит это дьявольское гнездо. И о том, как он это сделает. Когда они оказались в храмовом зале внизу, к ним подбежал аколит и бухнулся на колени.

— Святая мать Оппия! Возлюбленный Отец срочно требует твоего присутствия на церемонии Блаженного Поклонения.

Оппия вздохнула:

— Ну ладно, киммериец. В следующий раз. Увы, я нужна там. Помни, что я тебе говорила о наиболее экзотических ритуалах Всеблагой. Я знаю, тебе они понравятся.

— Не забуду, — обещал Конан.

Она удалилась. Аколит полз за ней, пытаясь поцеловать ее выкрашенные хной подошвы. Киммериец с удовлетворением заметил, что она привела в порядок свою одежду, так что соблазнительная полоска плоти исчезла. Он вернулся в свою комнату и

принялся тщательно ее осматривать. На стенах висели ковры, на полу лежали толстые офирские циновки. В лампах горело душистое масло. Конан припомнил тот странный запах, который почуял в комнате несчастной пленницы. Нет, это явно не простой дым! Конану приходилось уже сталкиваться с этим запахом. Он знал, что так пахнут горящие сушеные корешки и лепестки Черного Лотоса. Гнусное зелье обычно использовали чародеи, чтобы одурманить себе мозги и вызвать видения всевозможных мерзких гадов. Вдыхать эту отраву — дело крайне опасное. Можно запросто спятить и до конца дней остаться слабоумным идиотом...

Конан подошел к окну и распахнул ставни. Высунувшись наружу, он осмотрелся. Окно выходило прямо на черепичную крышу храма. От окна в комнате Конана до свинцовых черепиц крыши всего футов пять, не больше. Конан сильнее подался из окна и бросил взгляд наверх. Зарешеченное окно, за которым томилась несчастная девушка, находилось прямо над его окном. Теперь понятно, почему девчонку так стерегут. Разбиться о мостовую она бы никак не смогла, а вот сбежать — запросто.

За храмом виднелась Площадь. Сейчас она была залита светом луны, тихая и безлюдная. Справа узенькая аллея отделяла храм от роскошного особняка Ксантуса. Слева еще более узкая аллейка разделяла крышу храма и крышу соседнего здания — общественного театра, вспомнил Конан. Здесь тоже царила тишина, очевидно, все представления уже закончились. Театр являл собой еще одну громадину, возведенную в недолгий период процветания города. Легко, как кошка, Конан выпрыгнул из своего окна на крышу храма. Из находящихся неподалеку отверстий в крыше доносилось монотонное пение послушников. Оттуда же поднимался дымок благовонных курений, заставляя Конана морщиться, пока он пробирался по покатой крыше. Передвигался он уверенно, будто горный барс по скалам его родной Киммерии.

Аллея, отделяющая храм от театра, была совсем узенькой, поэтому Конан с легкостью перескочил с крыши на крышу, оказавшись на широкой галерее, опоясывающей третий этаж театра. Фасад театра, выходящий на Площадь, был украшен барельефами. Отдав должное искусству архитектора, позаботившемуся о таком удобстве, киммериец принялся карабкаться вверх, пока не добрался до плоской крыши здания. Оказавшись там, он осмотрелся. Если как следует разбежаться, то можно перепрыгнуть главную городскую улицу, перескочив с крыши театра на крышу соседнего здания. Более того, Конан отметил, что, за исключением широкого открытого пространства самой Площади, можно попасть практически в любую часть города, перепрыгивая с крыши на крышу, так близко друг к другу стояли здесь дома. Передвигаться таким способом для киммерийца было так

же легко, как ходить по мостовой. Да и крыши были не в пример чище улиц.

Удовлетворившись своими исследованиями, Конан вернулся на крышу храма. Посмотрев вверх, он обнаружил, что окно, находящееся прямо над его собственным, было единственным с этой стороны здания забранным решетками. Под окном Конана, как и под зарешеченным окном наверху, тянулись два узких карниза, которые заворачивали за угол здания. Встав на карниз и плотно прижавшись к стене, Конан начал продвигаться в сторону западного угла. Проклятье, карниз такой узкий, что ступня еле-еле помещается! Кроме того, стены храма лишены украшений, за которые можно ухватиться. Один лишь грубо обработанный камень. Мало кто из людей отважился бы на то, что сейчас проделывал Конан.

На углу киммериец чуть замешкался. В этом месте невозможно было плотно прижиматься к стене. Чтобы обогнуть угол, Конан слегка отклонился назад, для подстраховки ухватившись за дождевой желоб, что тянулся вдоль фасада. Тонкая бронза угрожающе затрещала под мощной хваткой киммерийца.

Конан двигался по карнизу до тех пор, пока не подобрался к высокому окну. Киммериец вычислил, что окно ведет в комнату с красной дверью — в апартаменты Оппии и Андоллы. Конан осторожно толкнул деревянный ставень. Ставень закрыт на задвижку, но в случае необходимости с этой преградой больших проблем не будет.

Изнутри послышался какой-то звук. Конан отдернул руку и затаил дыхание. Кто-то поворачивал ключ в замке. Затем открылась дверь и донеслись шаги, будто в комнату вошло сразу несколько человек. Между створок ставней затеплился свет — видимо, внутри зажгли лампу или свечу.

— Можете идти, — послышался голос Оппии. В ответ прозвучало набожное бормотание, потом хлопнула дверь. Должно быть, жрица отпустила своих слуг-аколитов.

— Эта штука здесь! — раздался незнакомый Конану голос. — Она в городе! Я чувствую ее! — Голос был мужской, глубокий и сочный, похожий на голос тренированного герольда или актера. Его интонации выражали восторг, почти мальчишеский.

— Откуда ты знаешь? — нетерпеливо спросила Оппия.

— Когда занимаешься Тайными Искусствами, когда ты всего себя посвящаешь тайным и запретным вещам, как я, то трудно не ощутить присутствие древнего источника великих магических сил.

— О Андолла, муж мой! — произнесла Оппия. — Ну зачем тебе все эти глупости? Ведь мы богаты и могущественны. У нас есть деньги, у нас есть рабы, которые исполнят любое наше желание. Никого еще древняя магия не доводила до добра.

— Так ли уж велика та высота, на которую мы поднялись? — спросил он. — Чем мы занимаемся? Морочим голову юным болванам, обещая им спасение от всякой ответственности? Это ты называешь великим? Нет, я имею в виду истинное величие.

— Но муж мой, — твердила Оппия, — подумай сам, где мы найдем еще такой город, как этот? Ведь где мы еще сможем спокойно жить, не оглядываясь постоянно, нет ли поблизости людей короля?

— То, что ты называешь нашей безопасностью, куплено дорогой ценой, — заметил он. — Не забывай, что треть всего, что мы получаем, уходит одному только городскому голове.

— Одна треть от нашего ЗАЯВЛЕННОГО дохода, — поправила она. — И несколько сотен золотых каждый месяц главарю каждой шайки. Но ведь остальное-то наше! Говорю тебе, муж мой, что золотое дно, которое мы с тобой здесь открыли, куда богаче серебряного рудника, что находится за городом. Ты же, если будешь и дальше упорствовать в своих безумных магических экспериментах, можешь погубить все. Магия слишком заметна. Кроме того, если ты обретешь ЭТО... эту ВЕЩЬ... то проклятый городишко вызовет на себя внимание действительно великих магов. Или ты и в самом деле хочешь привлечь к нам внимание Тот-Амона и ему подобных?

— Имея эту вещь в руках, — сказал он упрямо, — я буду равен им!

— Неужели ты в это веришь? — вскричала она. — Ты что, думаешь, что несколько лет позанимавшись кое-как магическими искусствами, прочитав пару магических книжонок, — ты что, думаешь, после этого можешь стать вровень с теми, кто провел всю свою жизнь, совершенствуясь в великих и тайных искусствах, — жизнь, которая длиннее обычной человеческой жизни в несколько раз?

— Тем не менее я должен завладеть священным талисманом!

Голоса спорящих стихли. Конан понял, что двое мошенников перешли в соседнюю комнату. Впрочем, он и так услышал достаточно. Осторожно и бесшумно Конан пробрался назад за угол и влез в свое окно.

Раздевшись, он растянулся на роскошном мягком ложе. Но прежде чем лечь спать, он приставил кресло поближе к кровати и вынул меч. Оружие он положил рукоятью к себе, так чтобы в случае опасности мгновенно схватить клинок. Это была одна из тех мер предосторожности, которыми Конан никогда не пренебрегал в тех случаях, когда ему приходилось спать среди возможных врагов или же таких «друзей», с которыми жизнь свела его сейчас.

Глава десятая

КОРОЛЕВСКАЯ КАЗНА

Конан покинул храм утром. Он не мог больше выносить бесконечные заунывные песнопения, тошнотворный запах благовоний и общество безмозглых послушников. Киммериец только диву давался, как это люди позволяют делать из себя тупоголовый скот, да еще и радоваться этому. Одной лишь непроходимой глупостью объяснить это невозможно. Тут дело явно не обошлось без наркотиков. Если уж мошенники используют Черный Лотос для того, чтобы привести в повиновение одну из своих «овечек», то почему бы не накачать зельем и остальных?

На сегодняшний день у Конана была особая задача. Он уже неплохо запомнил расположение городских улиц и аллей. Но оставались еще «верхние» пути — по крышам. Они нуждались еще в исследовании, но — увы! — для этого нужно было ждать ночи. Большинство цивилизованных городов имело и третью систему сообщения, обычно невидимую и неизвестную даже горожанам. И Конан знал, как изучить ее и где добыть нужную информацию.

Дыра, как обычно, в ранние утренние часы безлюдна. Однако по собственному опыту Конан знал, что имеется здесь одна прослойка жителей, работа которых начинается ночью, а заканчивается как раз ранним утром.

Возле храма Беса Конан отыскал себе укромный темный уголок, затаился там и терпеливо принялся ждать. В течение следующего часа в храм вошло не меньше пяти человек, каждый из которых сгибался под тяжестью большого мешка. Обратно эти типы возвращались налегке. Однако киммериец знал, что под одеждой у каждого приятно оттягивает пояс увесистый кошель.

Шестой оказался как раз тем, кого дожидался Конан. Это был маленький человечек. Он шел, оставляя за собой влажные следы. Мешок, который он тащил на плече, слегка позвякивал. От него доносился запах — спутать этот аромат было невозможно. Когда человек вновь показался из храма, ухмыляясь и заталкивая пустой мешок за пазуху, он неожиданно для себя обнаружил, что путь ему преграждает огромный варвар.

— Что тебе надо, чужеземец? — выдавил человечек.

Конан заметил, что незнакомец — совсем еще мальчишка.

— Кое-какие сведения, — заявил Конан.

При этих словах сопляк выпрямился и гордо выпятил грудь:

— Ты что, из людей короля? Я — не стукач! Я не продаюсь! — Поскольку парнишка не назвал при этом цену, за которую он согласен был продаться, мнение Конана в отношении его слегка поднялось.

— Похоже, в этом чертовом городе ты один такой щепетильный, — пробурчал киммериец. — Ладно, парень, мне просто нужен проводник. Я здесь, в Шикасе, совсем недавно. Как ты понимаешь, в жизни каждого порядочного человека периодически наступают времена, когда он вынужден заниматься делами, которые лучше не демонстрировать обывателям. Всякий уважающий себя мужчина то и дело берется за тайные делишки, тут уж ничего не поделаешь. Так вот, я думаю, что здесь должна быть система труб и подземных каналов, по которым уплывает городское дерьмо. Расскажи-ка мне о ней, и ты не пожалеешь, что зря потратил время.

Теперь парнишка заговорщически улыбался:

— Слушай, чужеземец. Ты нашел того, кто тебе нужен. Никто в этом городе не знает нижние тропы лучше Ульфа Невидимого. — Он ударил себя кулаком в грудь. Затем задумчиво смерил взглядом здоровенного киммерийца. — Я покажу тебе основные проходы. Некоторые из боковых туннелей могут быть для тебя слишком узкими.

— Основных проходов будет достаточно, — успокоил его Конан. — Мне просто нужно знать, как быстро и невидимо попасть из одного района города в другой. — Вынув из кошелька большую золотую монету, он кинул ее Ульфу. — Ну давай веди, показывай.

— Идем, — сказал парнишка. — Начнем с выходов к реке.

Они дошли до места слияния рек, благо от храма идти было совсем недалеко. Низкие стены, выходящие к воде, образовывали здесь острый угол. В самом углу виднелась каменная плита, вмонтированная в мостовую. Схватившись за бронзовое кольцо, ввинченное в плиту, Ульф потянул его наверх. Несмотря на весьма внушительные габариты, каменная плита легко поддалась усилиям хрупкого юнца.

— Для того, кто не знает этой хитрости, — подмигнул Ульф, — плита неимоверно тяжела. Но если ты повернешь кольцо вот так, — он показал киммерийцу, как именно нужно поворачивать бронзовое кольцо, — то оно освобождает противовес, находящийся внутри. Он-то и делает за тебя большую часть работы. Установлена плита лет триста тому назад легендарным взломщиком Мопсусом Кузнецом. С тех пор это тайна гильдии взломщиков.

— Слушай, а тебе не влетит за то, что ты раскрыл мне тайну? Насколько я знаю, в других городах у гильдий законы суровые, а наказания жестокие.

Ульф пренебрежительно пожал плечами:

— Времена благородной гильдии давным-давно минули в этом городе, чужеземец. Большая часть гильдий пала, когда к нам при-

шли шайки из других городов. А в прошлом году люди Максио перебили всех мастеров нашей гильдии. Те из нас, кому удалось ускользнуть, сохранили, конечно, кое-что из наших секретов, но сейчас от этого проку мало.

— И что, никто никогда не пытался выколотить из тебя эту информацию? — спросил Конан.

— А кому это нужно? Максио и его банда мнят себя высоко и считают слишком зазорным для себя ползать в дерьме под землей. Зачем им прятаться, когда они могут давать взятки?

С этими словами Ульф легко проскользнул в открытый люк.

С такой же легкостью вслед за ним пролез и массивный Конан.

— Мне еще ни разу не приходилось встречаться с Максио. Каков он?

— Остерегайся его, — посоветовал Ульф. — На первый взгляд маленький скользкий интриган, но вероломный и кровожадный, второго такого не сыщешь. Законы нашей гильдии запрещают нам выходить на дело с оружием. Наши законы требуют, чтобы мы немедленно уходили по первому знаку того, кто стоит на стреме, сколь бы богатой ни обещала быть добыча. Однако шайка Максио этим законам не подчиняется. Они не только перебили взломщиков из нашей гильдии. Нет, они отважились и на большее зло — стали убивать случайных свидетелей их краж. Отвратительно, правда?

Конан осматривал помещение, в котором они находились. Сводчатые кирпичные стены образовывали над головой арку. Здесь было достаточно высоко даже для Конана, чтобы он, с его огромным ростом, мог стоять не сгибаясь. В южной части помещения сквозь ржавую решетку, прикрывавшую квадратное отверстие со стороной примерно в фут, пробивался утренний свет. У ног Конана бежал узкий поток, который выливался через зарешеченное отверстие.

— Это Большая Клоака, — объяснил Ульф. — Она тянется под главной улицей во всю ее длину. Если ты когда-нибудь заблудишься в подземном лабиринте, тебе просто достаточно определить, в какую сторону понижается уровень. Иди в сторону понижения, и ты всегда выйдешь в Большую Клоаку.

Конан смотрел на зарешеченное отверстие:

— А бывает так, что уровень реки поднимается и вода заливает подземелья?

— Да, такое случается каждые несколько лет, — сказал Ульф. — Я не пожелал бы тебе оказаться здесь в такое время. Впрочем, это никогда не начинается внезапно. Такое происходит только после обильных дождей в гористой местности к северу отсюда.

— Сквозь это зарешеченное отверстие можно выбраться наружу? — спросил Конан.

— А это не нужно, — сказал Ульф. Он подошел к отверстию. Конан последовал за ним. — Отверстие выходит за пределы городской стены. Смотри.

Он наклонился вперед и толкнул кирпич, который слегка выступал из стены. Секция кирпичного потолка мягко ушла вниз. Верхняя часть была сделана из цемента, в точности напоминающего огромный булыжник.

Конан подпрыгнул и ухватился за края отверстия кончиками пальцев, затем подтянулся, чтобы посмотреть наружу. Он увидел каменистый склон, уходящий к реке. За его спиной острым углом сходились городские стены. Конан спрыгнул назад, на влажный пол туннеля.

— Снова Мопсус Кузнец?

Ульф кивнул:

— Ты еще не раз услышишь о нем, пока я вожу тебя по канализации.

Ульф достал из-за пояса завернутый в кожу предмет и, сняв обертку, вытащил небольшую лампу, сделанную с изумительным мастерством. С помощью трута и кресала он добыл искру и зажег лампу, после чего закрыл хрустальное окошко. Для своих маленьких размеров лампа давала на удивление сильный свет. Ульф с гордостью показал, как силу луча можно регулировать с помощью хитроумной шторки.

— Эту лампу дед передал моему отцу, а отец — мне, — заявил он. — Мои предки были старшинами гильдии.

Свернув на север, они начали «экскурсию». Ульф вел Конана по тем местам, где богатырь киммериец мог протиснуться. Мимоходом Ульф называл улицы и главные здания, которые находились сейчас у них над головой. Время от времени они проходили под зарешеченными отверстиями, находящимися посреди улицы. В этот момент Ульф предусмотрительно закрывал шторки своей лампы, хотя возможность того, что за ними наблюдают сверху, была ничтожной.

— Правило гильдии, — лаконично заметил он по этому поводу. — Старые привычки трудно ломаются.

Один раз Конан остановился и попросил, чтобы парнишка направил луч света своей чудо-лампы на странный знак, вырезанный в стене под деревянной квадратной решеткой.

— Это похоже на тайнопись гильдии Пуантенских Воров.

— Ты, я погляжу, в жизни кое-чему учился, — уважительно произнес Ульф. — Да, у нас в Аквилонии эта тайнопись также имеет хождение. Этот знак сообщает, что решетка, которую ты видишь перед собой, — вход в подвал «Химеры».

Двигаясь на север по Большой Клоаке, они миновали какую-то мощную каменную кладку.

— Это старая городская стена, — сказал Ульф. — Ее снесли двести лет тому назад, когда город расширился. На поверхности ничего не осталось, только фундамент. Да, кстати, Большая Клоака — единственный подземный проход через кладку старой стены. Ты должен помнить это.

За старой городской стеной стены туннеля были выложены уже не кирпичом, а камнем. Сам туннель стал несколько шире. Запах, однако, не изменился к лучшему. Вскоре они с Ульфом вышли в туннель, почти столь же широкий, как Большая Клоака. Большая решетка на потолке пропускала солнечный свет.

— Это туннель, который проходит под Площадью, — сказал Ульф. — А вон та решетка, через которую проникает свет, — это дренажный люк в середине Площади. — Он слегка поежился. — В последние два года по утрам мне нередко приходилось наблюдать, как из-за этой решетки капает кровь.

— Да, шайки здесь живут весело, не скучают, — согласился Конан. — Скажи-ка, этот туннель, случаем, не проходит под резиденцией городского головы?

Ульф покачал головой:

— В свое время решено было не вести его в ту сторону. Понимаешь, слишком большая вероятность была случайно пересечься с подкопами, которые рыли заключенные, стремящиеся выбраться из темниц. Сам подумай, к чему нам открывать всяким малопочтенным личностям наши тайные ходы? Кроме того, — добавил он, — ты же понимаешь, что если ты хочешь оказаться в темнице, то это можно сделать куда проще. Не обязательно для этого рыть туннель.

Все еще двигаясь под главной улицей, они шли по Большой Клоаке, которая здесь, в старом городе, была более прямой. Конан указал на туннель, отходящий влево.

— Эй, послушай, вот эта труба проходит под театром, большим храмом и домом Ксантуса, так?

— Ты хорошо чувствуешь направление, — похвалил его Ульф. — Да, это так.

— А в эти здания можно попасть отсюда?

Ульф покачал головой:

— Под театр попасть можно, под остальные — нет. Подземелье театра — одно из мест, где мы собирались. У храма имеется сливная труба, которая ведет из-под алтаря вниз, через подвал. Через нее сливается кровь приносимых в жертву животных, а также масло и вино подношений. Такими сливными трубами оборудованы почти все храмы. Но шириной она всего в фут. Для человека слишком узкая, чтобы пролезть.

— А дом Ксантуса? — спросил Конан.

— Дом Ксантуса для нас табу. Это семейство в течение множества поколений имело дела с нашей гильдией, поэтому туда доступа нет.

Что ж, это было разумно, на взгляд Конана.

— Ладно, покажи мне, как пробраться в подземелье театра, — сказал он.

Ульф повел его в боковой проход. Они шли, пока не оказались под таким же люком, что и за стенами города, у места слияния двух рек. Толкнув, Ульф открыл крышку. Она отошла со страшным скрипом.

— Вся беда с этой новой частью города, — сказал Ульф, — в том, что здесь уже не Мопсус Кузнец ставил системы. — Он покачал головой и вздохнул. — Увы, вряд ли когда-нибудь боги дадут нам еще такого же мастера, каким был Мопсус.

— Я хотел бы осмотреть тут кое-что, — сказал Конан, вылезая в люк. Ульф выбрался вслед за ним. Лампа осветила низкое сводчатое помещение, похожее на пещеру. Оно было битком забито театральным барахлом: маски, задники, старые скамьи, веревки, противовесы для занавесов, театральные лампы и прочий хлам, какой найдешь в любом театре.

— Слушай, а что тебе здесь нужно? — спросил Ульф. — Здесь, в театре, все равно ничего стоящего не украдешь. Кроме того, работники театра и воры часто заодно. И тем и другим это выгодно.

— Меня больше интересует расположение комнат. Ты хорошо знаешь это здание?

— Как свои пять пальцев, — с гордостью сказал парнишка. — Я ребенком еще здесь все облазил, пока мои родственнички выясняли тут свои дела на тайных сходках.

— Покажешь мне, как выбраться на крышу? — спросил киммериец.

Они поднялись по лестнице и оказались за кулисами. Деревянный настил поскрипывал под их шагами. Конан успел заметить в щель между занавесами, что сцена была усыпана гнилыми фруктами, из чего он заключил, что последнее представление не пользовалось большим успехом и актерам пришлось срочно убираться, не успев навести порядок.

Вслед за Ульфом Конан поднялся по деревянной лесенке, которая зигзагами вывела их в небольшое помещение наверху, откуда велось управление занавесом. Другая лесенка привела их в купол, возвышающийся над крышей. Ульф открыл дверцу купола и жестом пригласил Конана наружу. После темноты подземелья и театра в глаза ударил яркий солнечный свет, отраженный свинцовыми черепицами крыш. И киммериец, и Ульф невольно прищурились. Конан увидел парапет и за ним — крышу храма.

— Именно это меня и интересовало, — заявил он, захлопывая дверцу. — Пошли назад.

Они возобновили осмотр, продолжая двигаться по Большой Клоаке, время от времени сворачивая в боковые туннели, и Ульф объяснял, какие городские районы находятся сейчас над ними. Большинство выходов были помечены загадочными знаками гильдии Пуантенских Воров. Наконец Большая Клоака закончилась. Они уперлись в тупик.

— Сейчас мы находимся прямо под главными воротами в городской стене, — сказал Ульф.

— А что, отсюда нельзя выйти сразу за городскую стену? — спросил Конан.

— Нет. Я не думаю, что в намерения нашей гильдии входило бегство из города. Ну а если кому-то и нужно было это сделать, то выход у реки, что я тебе показывал, куда более удобен. Редко когда на городской стене в том конце города стоит часовой.

— Ну все, достаточно, — сказал Конан. — Могу сказать, ты превосходный проводник.

Они вернулись назад, туда, где острым углом сходились две городские стены. Весь город они пересекли всего за несколько минут. Когда они выбрались на улицу, Конан бросил Ульфу еще одну монету:

— Держи. Ты помог мне больше, нежели я рассчитывал. Всего тебе хорошего. Я думаю, что в скором времени все в этом городе будет опять как в старые добрые времена, и твоя гильдия снова займет подобающее ей место и сможет восстановить все свои обычаи и ритуалы. И не переживай, что тебе пришлось мне открыть тайны ваших подземных ходов. Я здесь не задержусь.

Поймав монету, Ульф широко улыбнулся.

— Ты и в самом деле похож на парня, который может устроить большую заваруху. Но все-таки не очень верится, чтобы кто-нибудь в одиночку поправил дела целого города.

— Не бойся, — сказал Конан. — Когда дойдет до дела, я буду не один. И вот что, в ближайшие несколько дней лучше тебе отсидеться у себя в подземельях, не маячить наверху. Держись подальше от храма Беса и от людей Максио.

Парнишка опять ухмыльнулся:

— Ты все спланировал, ведь так?

— Не совсем, — сказал Конан. — Но все складывается как нельзя лучше. С таким сбродом, как тот, что наводнил город, заваруху устроить нетрудно. Главное, чтобы все разом сильно забеспокоились. Я постараюсь это обеспечить.

Ульф покачал головой:

— Все-таки убей не пойму, как ты собираешься сварганить такое.

— Предоставь уж решать мне. Кстати, я слыхал, что люди Ермака увели семьи рудокопов и где-то держат их в заложниках. Ты не знаешь, где их могут держать?

— Нет. Вся эта история весьма темная. Только слухи, ничего, кроме слухов. Рудокопы предпочитают помалкивать. Они и без того не особо разговорчивый народ. Тем более что нынче мало осталось тех, кто начинал работу на шахте. Вряд ли кто-нибудь станет об этом болтать.

— Я это выясню, — заявил Конан.

— Да, — проговорил Ульф, кивая. — Думаю, что такой, как ты, и вправду может это выяснить. Ладно, чужеземец, удачи тебе. У меня был тяжкий трудовой день, и я хотел бы вздремнуть. Кроме того, я учту все твои советы. Просплю-ка я ближайшие десять дней.

Они расстались. Конан пошел назад, к центру города. По дороге он завернул на улицу Башмачников, чтобы купить новую пару сапог. Та обувь, что была у него на ногах, явно не пережила экскурсию по дерьмостокам. Люди шарахались от Конана в стороны, и это, как ничто иное, дало ему понять, что лучше сперва посетить общественную баню и смыть с себя последствия подземного путешествия, прежде чем возвращаться в храм. Поэтому он отправился на поиски бани.

Сдав одежду в прачечную, он с наслаждением погрузился в глубокую деревянную ванну, наполненную почти кипящей водой, обдумывая следующие свои шаги. Для начала ему хотелось посмотреть на Максио. Еще необходимо было встретиться с Лисипом или с Ингасом, хотя, судя по их людям, и тот и другой — отпетые негодяи. Вообще, если говорить о шайках, то поначалу Конану больше всего понравились люди Ермака. Они хоть, по крайней мере, настоящие бойцы! Впрочем, узнав о том, что они похитили женщин и детей горняков, Конан был склонен изменить свое мнение.

В деревянную стенку, к которой почти вплотную примыкала ванна, постучали. Рука Конана непроизвольно легла на рукоять меча. Оружие, как всегда, было под рукой. Затем деревянная панель отъехала в сторону. Такие панели разделяли женские и мужские отделения бани. Как и в большинстве подобных заведений, необходимость отделять мужчин от женщин была чисто условной, поэтому панели легко раздвигались.

Показалось знакомое лицо.

— Добрый день, киммериец, — проговорила Делия. Свои мокрые волосы она собрала в узел на голове. Она сидела на ступеньке ванны, опираясь на локти; вода доходила ей только до пупа, в который, к удивлению Конана, была вставлена исключительной красоты сапфировая звездочка.

— И тебе привет, Делия, — сказал он. — Как по-твоему, мы случайно с тобой выбрали для посещения одну и ту же баню в одно и то же время?

— Не смеши меня, — сказала она. — Я увидела, как ты входил сюда, и решила, что мне тоже не мешало бы принять ванну.

На шее у нее виднелось жемчужное ожерелье с рубиновой подвеской, покоящейся в глубокой ложбине между ее грудей, которые и в самом деле оказались столь же впечатляющими, как груди Матери Дурги, — Делия не солгала, утверждая это.

— В конце концов, — продолжала она, — мы ведь оба не хотим, чтобы нас слишком часто видели вместе.

— А мы что, и вправду не хотим? — спросил он.

— Ну, это было бы неразумно... пока. — В ее голосе появились заговорщические нотки. Конан за последнее время уже устал от подобных интонаций.

— Что значит «пока»? А потом? — поинтересовался киммериец.

— Это зависит от того, как ты отнесешься к моим словам, — заявила она, с невинным видом созерцая потолок.

— Ладно, не тяни, — буркнул Конан нетерпеливо. — Будь уверена, ты уже полностью завоевала мое внимание.

— Это так просто — привлечь внимание мужчины, — сказала она сладострастно, проводя руками по своему роскошному телу. — Куда сложнее удержать это внимание.

— Что, проблемы с Максио? — спросил киммериец.

— Я ему надоела, — отозвалась Делия. — Сейчас его глаза прикованы к женщинам, которые и в подметки мне не годятся. Ему, видите ли, со мной скучно. Нет, ты можешь себе представить, чтобы со МНОЙ было скучно?! — спросила она, и ее красивые глаза загадочно блеснули.

— Не могу, — пробормотал Конан. В самом деле, на такую женщину трудно не обратить внимания.

— Ты куда лучше, чем Максио, — сказала она. — Ты умеешь ценить таких женщин, как я. И поэтому я скажу тебе еще кое-что — о том, про что мы толковали прошлой ночью.

Конан был удивлен, что в ее памяти хоть что-то сохранилось из событий прошлой ночи.

— Ты имеешь в виду то дело, на которое собрался Максио?

— Именно. Теперь я знаю, когда они отправляются туда.

— Ну, говори!

— Не спеши, — хихикнула она. — Женщине нужно позаботиться и о себе тоже. Как мужчина, ты неотразим. Я думаю, у нас с тобой могло бы быть большое будущее. Но представь себе, вдруг вы с Максио убьете друг друга? Что тогда я буду делать?

— Сколько? — спросил Конан.

— Двести марок. Золотом.

Он засмеялся:

— Я думаю, двадцати будет больше чем достаточно.

— Ты что, держишь меня за дешевую шлюху? — взвилась она, яростно ударив ладонями по воде. — Сто пятьдесят и ни маркой меньше.

— Семьдесят пять, — сказал он. — И за это ты выложишь мне в деталях все, что знаешь.

— Сто двадцать пять. И помни, что я соглашаюсь на такую смехотворную сумму лишь потому, что ты красавчик.

— Сто, — настаивал Конан.

Она вздохнула:

— Ладно. Но это только потому, что я вся горю с тех пор, как ты коснулся меня. Это произойдет сегодня ночью.

— А точнее?

— В три часа пополуночи. Ты знаешь, где находится королевская казна?

— Да, — ответил Конан. — Видел.

— Там два этажа, на первом окон нет, на втором только маленькие зарешеченные окошки. Крыша плоская, сложена из тяжелых деревянных плашек, сверху покрытых свинцовой черепицей. Стены очень толстые. — Казалось, Делия позабыла о том, что только что флиртовала, и говорила теперь сухим деловым тоном.

— Как Максио собирается туда проникнуть?

— Уже несколько месяцев люди Максио ходят туда, на крышу. Они сняли часть свинцовых черепиц и специальным, очень тонким лезвием выпилили отверстие в деревянных плашках. Пока один пилит, другой отсасывает опилки с помощью специальной медной трубки. Им осталось пройти последние полдюйма. Сегодня ночью они войдут внутрь.

— Сколько их будет?

— Внутрь войдут пятеро, считая Максио. Трое будут грузить добычу на тележку, один — с тележкой.

— А как они попадут на крышу королевской казны? — спросил Конан.

— За зданием, где находится казна, проходит узенькая улочка, а за ней расположен храм Ану. Люди Максио подкупили жреца храма, который позволил им пользоваться верхним помещением. Он считает, что люди Максио укрываются там от других шаек. Так они ему сказали. На самом деле из этого помещения можно попасть на крышу. В том же помещении они сейчас хранят деревянный мосток, который перекидывают через улочку на крышу здания казны. Сегодня ночью в боковом дворике рядом с храмом они спрячут свою тележку. Добыча будет накрыта холстом, а на холст будет навалена гора навоза. Когда город-

ские ворота утром откроются, они рассчитывают выйти из города как обычные торговцы навозом, которые развозят его по окрестным фермам.

Делия откинулась в ванне и, набрав в пригоршню воды, плеснула себе на роскошную грудь.

— Максио утверждает, что после этого дела он завяжет. Но я не верю ему. Я думаю, что сегодня же ночью он вместе с добычей покинет город и бросит меня здесь.

— Однако же редкостная мразь этот твой Максио, — заметил Конан.

— Вот именно. Как ты думаешь, стоит ли то, что я тебе сообщила, ста марок?

— Я думаю, тебе понятно, что Максио не станет меня брать в долю в деле, к которому он готовился несколько месяцев? — сказал Конан.

Она с хитрым видом улыбнулась:

— Человек с такими мозгами, как у тебя, наверняка найдет способ обратить эти сведения себе на пользу.

— Будь спокойна, — отозвался Конан. Взяв свой пояс с мечом, где находился и кошель, киммериец отсчитал требуемую сумму и вложил деньги во влажную ладонь Делии.

Женщина скользнула взглядом по своему обнаженному телу.

— Ну а это куда мне девать, когда Максио исчезнет? — кокетливо спросила она.

— Это твои проблемы, — отозвался Конан и задвинул панель обратно.

Из-за перегородки донесся раскатистый смех.

«Продажная тварь!» — подумал киммериец. Но почему-то обнаружил, что не в состоянии сердиться на нее. Да и кто она была на самом деле? Одинокая женщина среди мужчин-хищников. Кто обвинит ее за то, что она продается то одному, то другому, особенно если ее нынешний «кавалер» вот-вот сбежит? Что ж, Конан не сомневался, что ведет она себя сейчас наилучшим образом.

В помещение, где находился Конан, вошла прачка. Она принесла его одежду, отстиранную от последствий прогулок по канализации и высушенную в банной печи, где нагревалась вода. Вслед за прачкой явился и цирюльник. Конан побрился, затем облачился в кирасу, застегнул пояс с оружием и вышел в поисках новых сюрпризов, которыми, кажется, был столь богат этот день.

В лавочке напротив он увидел пожилую женщину, торгующую шелковыми шарфами. Подчиняясь какому-то неожиданному импульсу он спросил, не видала ли она Бриту. Старая карга одарила его скорбным взглядом:

— Это что, та бедная сумасшедшая, которая бегает по всему городу в поисках своей сестры? В последнее время я встречаю ее почти каждый день. Если она твоя женщина — то вот тебе мой совет: лучше запри ее, покуда кто-нибудь не убил ее или не сделал над ней что-нибудь похуже. Ума не приложу, как она до сих пор осталась живой и свободной в этом городе негодяев. Она ведь и по ночам здесь бродит. Не иначе, находится под особым покровительством какого-нибудь из богов.

— А насчет ее сестры ничего не слышно? — спросил киммериец.

— Кто ж ее знает? Девиц тут много. — В глазах старухи появился хитрый блеск. — Слушай, может быть, твоя девка просто зла на тебя и поэтому бегает от тебя днями и ночами? Э, будь ты настоящим мужчиной, то наверняка бы быстренько завоевал ее благосклонность. Скажем, подарив ей шелковый шарфик.

Конан покачал головой и пошел прочь от старухи, которая продолжала вслед ему что-то бубнить. Киммериец опросил еще несколько охочих до слухов торговцев. Те подтвердили: да, Брита все бегает по городу и разыскивает свою сестру. Рассудительный варвар уже готов был согласиться со старухой: и вправду, все ли в порядке у Бриты с головой? Иметь на руках безумную — это все равно что связать себя женой. А Конан — человек свободный!

Напялив теплый плащ и низко надвинув капюшон, киммериец в таком виде заявился в резиденцию городского головы. Была уже полночь. Горе-охранники, «караулившие» вход, тут же преградили ему путь.

— Я должен переговорить с городским головой, — заявил киммериец.

— Но он все еще ужинает, — сказал один из охранников.

— Тогда пусть пригласит меня разделить с ним ужин, — сказал Конан. — У меня есть информация, весьма важная для него. Передайте ему, что это связано с тем делом, о котором мы уже говорили.

Покачивая головой и что-то недовольно бормоча, один из охранников скрылся в здании. Конан от души надеялся, что старый маразматик не порастеряет слов Конана, покуда доковыляет до городского головы. Через несколько минут в проходе показалась могучая фигура Юлуса:

— Мой хозяин не примет тебя. Не трать впустую время.

Конан даже не удосужился ответить. Он просто пошел следом за Юлусом и в конце концов очутился в просторной комнате, где за столом восседал Бомбас. Стол ломился от яств, но стул перед ним стоял лишь один — для городского головы. Широкая столешница была завалена обглоданными костями и прочими огрызками. Когда Конан вошел, городской голова как раз обгрызал

здоровенный мосол. При звуке шагов он поднял на киммерийца осоловевшие глаза.

— Что тебе нужно? — пробормотал он с набитым ртом.

— Ты приказывал сообщить, когда у меня будут кое-какие важные сведения.

За спиной Конана прислонился к стене Юлус, сложив руки на могучей груди.

— Говори. — Бомбас отложил мосол и вытер жирные пальцы о скатерть.

— Ты все еще желаешь встретиться с Максио? — спросил Конан. — Я могу сдать тебе его сегодня ночью.

В налитых кровью глазах Бомбаса появилось осмысленное выражение. Городской голова почти улыбнулся. Он рявкнул, чтобы принесли еще один стул. Когда стул тотчас же внесли, Бомбас кивнул Конану:

— Садись, чужеземец, поешь.

— Я уже ел, — сказал Конан, усаживаясь.

Городской голова щелкнул пальцами, и тут же юная рабыня наполнила кубок, который подала киммерийцу.

— Ну так давай, говори, что ты узнал.

В нескольких словах Конан передал Бомбасу все, что рассказала ему в бане Делия. Городской голова жевал и кивал. Несколько раз он прикладывался к кубку, делая огромные глотки, но глаза его смотрели на киммерийца настороженно, не отрываясь. Когда Конан закончил короткий рассказ, городской голова вытер свои жирные губы.

— Очень хорошо, очень хорошо, друг мой. Ты будешь щедро награжден. — Он наклонился вперед. — ЕСЛИ то, что ты рассказываешь, окажется правдой.

— Что ты имеешь в виду? — возмущено спросил Конан. — Думаешь, я стал бы тебе лгать?

— Полегче, парень. Укороти язык, — остерег его городской голова. — На вид то, что ты говоришь, и в самом деле похоже на правду. Но я должен быть осторожен. Откуда у тебя эти сведения?

— Я завел себе друзей в Дыре, — сказал Конан. — Слушай, ты же понимаешь, я бы никогда ничего не узнал, если бы всем и каждому рассказывал о своих осведомителях.

— Хм... Я вижу, ты понимаешь правила этой игры. Ладно, не важно. Главное, что убийца моего брата у меня в руках. — Он сжал мясистый кулак, будто желая выжать из чего-то сок. — Сегодня ночью я повеселюсь.

— Прекрасно, — сказал Конан. — А моя награда?

— Не все сразу, — хмыкнул Бомбас. — Награду ты получишь только после того, как у меня в руках окажется Максио.

Конан пожал плечами:

— Это меня устраивает. Значит, я приду за ней утром.

И он сделал вид, что собирается уходить, хотя исчезновение не входило в его планы.

— Или... погоди-ка. — В голосе Бомбаса появились металлические нотки. — Сядь. Я хочу, чтобы ты пошел сегодня с нами.

— Куда?

— Ты еще не доказал мне свою преданность. Вот я и хочу, чтобы ты находился рядом со мной, пока мы не схватим Максио. А теперь, варвар, давай рассказывай, почему такой человек, как Риста Даан, с легкостью согласился выкупить тебя из моей темницы?

— Это наше с ним дело, — ответил Конан. — Если так приспичило, можешь сам его расспросить.

Бомбас поерзал на стуле:

— Да ладно, я не думаю, чтобы это было важно. — Он повернулся к Юлусу. — Собери людей, — приказал он.

Верзила телохранитель презрительно сморщился при слове «людей», но молча пошел исполнять приказ. Когда Юлус вышел, городской голова вновь посмотрел в глаза киммерийцу.

— Слушай, Конан, что все-таки ты за человек? — спросил он. — Прекрасно умеешь обращаться с оружием, однако же до сих пор не примкнул ни к одной из шаек. Ты меня заинтриговал.

— Я работаю сам на себя, — сказал Конан, не доверяясь внезапно дружественному тону городского головы. — Время от времени меня нанимают для каких-нибудь особых услуг. Я предпочитаю краткосрочные сделки постоянной службе.

— Ага. Стало быть, наемник. Главное — плати, а остальное меня не касается. Так?

— Вроде того, — признал Конан.

— Ладно, может быть, после сегодняшней ночи ты надумаешь поработать на меня. Я щедрый хозяин. Не веришь? Спроси любого из моих людей. — И городской голова хихикнул. По всему было видно, что он находится в наилучшем расположении духа.

— То-то я погляжу, у тебя здесь одни инвалиды, — сказал Конан, от души забавляясь при виде того, как жирное лицо стало багрово-красным.

— Хорошему человеку я всегда могу найти применение, — сказал Бомбас. — Это так же верно, как и то, что я умею укорачивать длинные языки.

После этого несколько минут протекли в полном молчании. Затем вернулся Юлус и доложил, что все готово. Из трапезной они отправились в оружейную, где собралась «армия» городского головы. Конан заметил, что всем инвалидам были розданы арбалеты — единственное оружие, с помощью которого они мог-

ли представлять хоть какую-то угрозу для опытных бойцов. Были здесь и двое молчаливых зингарцев. Вместе с Юлусом они были единственными, с кем, по мнению Конана, следовало считаться.

Выйдя через черный ход из резиденции городского головы, они тихо пробрались задними улочками. Здесь, в зажиточном районе города, спать ложились рано. Все двери уже на засовах, а окна закрыты ставнями. Честные горожане предпочитали не связываться с группой вооруженных людей, бродящих по городу после наступления темноты. На мгновение Конану подумалось, что при дневном свете «отряд», в рядах которого он сейчас шел, вызвал бы скорее смех, нежели страх. Приблизившись к зданию, где находилась королевская казна, Бомбас расставил своих людей с трех сторон здания в подворотнях и темных аллеях, за исключением той стороны, что выходила на храм Ану. Сам он укрылся в маленькой нише, где находился идол какого-то низшего божества. С этой позиции был виден как храм, так и здание казны. В узкой полоске неба между двумя зданиями тускло светила луна. Если верить Делии, эта полоска неба в самом ближайшем времени должна быть пересечена деревянным мостком, заготовленным взломщиками.

— Теперь будем ждать, — объявил Бомбас. Толстый городской голова, верзила Юлус и два хрупких, но смертельно опасных зингарца и с ними киммериец еле уместились в укрытии.

Прошел час. Все молчали. Киммериец изо всех сил призывал себя к терпению, однако задача эта была не из легких. От городского головы несло кислым винным перегаром. От остальным разило крепким мужским потом. В конце концов нервы Бомбаса начали сдавать.

— Варвар! — прошипел он. — Ты что, привел нас сюда, чтобы...

— Тсс! — прошептал Конан. — Вот!

Он указал на сереющую полоску неба. Что-то высунулось из окна храма, будто язык дракона. Мосток!

Через несколько мгновений все увидели, как по мостку бесшумно прокралось несколько фигур. Внутри укрытия царила темнота, но все-таки просачивающегося сюда лунного света было для Конана достаточно, чтобы разглядеть блеснувшие в торжествующем оскале зубы городского головы.

— Ты не соврал, чужеземец! — сказал Бомбас. — Теперь мы подождем. Пусть себе спокойно трудятся там, внутри. Действуем только по моему сигналу.

Прошло еще несколько минут. До слуха доносилось слабое потрескивание, исходившее с крыши. Похоже, взломщики заканчивали работу.

— Ну вот, теперь скоро, — прошептал городской голова. Затем, когда наступила полная тишина, он повернулся к Конану: — Варвар, я хочу, чтобы ты отправился туда. Поднимись на крышу и залезь в проделанное ворами отверстие. Скажи им, чтобы они сдавались, и только в этом случае я их помилую.

— Почему именно я? — спросил Конан.

— Потому что я тебе приказываю, — сказал городской голова. А затем почти умоляющим тоном добавил: — Не бойся, там не опасно. Ведь ты воин, вооружен до зубов, а они всего-навсего взломщики. Наверняка они даже не взяли с собой оружия.

— Но у тебя же есть ключ от входа, — возразил Конан. — Почему бы попросту не войти и не подняться по лестнице?

— В таком случае они смогут убежать. Если бы ты был там, ты бы заблокировал им выход, а мы бы в это время, как ты говоришь, вошли бы в дверь.

— Почему бы тебе для этих целей не послать кого-нибудь из своих людей? — спросил Конан.

— Они наверняка нашумят и спугнут разбойников. А я слышал, что киммерийцы умеют лазить, как горные козлы. Ты в состоянии пробраться на крышу легко и бесшумно. Ну давай, иди. Говорю тебе, это не опасно. А я за это увеличу твою награду. Как насчет тысячи золотых марок?

— Вот если бы две тысячи... — сказал Конан.

— Хорошо, две тысячи, — сердито фыркнул Бомбас. — А теперь иди.

Киммериец вышел из укрытия и направился ко входу в храм Ану. Он шел легкой пружинистой походкой, наслаждаясь тем, что избавился от острых запахов пота и перегара, источаемых городским головой. Конан от души веселился, пока вел торг с Бомбасом. Ведь тот был уверен, что платить ему не придется. Вот гад! Посылает человека на верную смерть — и нет бы показать себя великодушным! Все равно торгуется!

Фасад храма был украшен орнаментом, некоторые из камней выступали на несколько дюймов, давая опору ногам и пальцам рук. Киммериец с легкостью взобрался по стене. Добравшись до парапета, он начал осторожно подниматься. Крыша была пуста. Конан перебросил свое могучее тело через парапет и быстро перебежал по крыше. Деревянный мосток был еще на месте. Прежде чем перебраться на противоположную сторону, он подошел к краю крыши — туда, где здание выходило на тот самый боковой дворик, о котором упомянула Делия. Повозка, еле заметная отсюда, и в самом деле находилась на месте. Виднелся и одетый в черное возчик. Вол, запряженный в тележку, стоял совершенно спокойно.

Киммериец свернул к мостку и перешел по нему так быстро и уверенно, будто гулял по мостовой площади. Крыша казны была

не совсем плоской. Имелся скат для дождевой воды. Свинцовые черепицы почти полностью поглощали лунный свет. Тем не менее Конану удалось разглядеть слабое мерцание, сочащееся из неровной дыры в нескольких шагах впереди. Варвар бесшумно подкрался к отверстию и заглянул внутрь. Внизу тихо переговаривались люди. Конану показалось, что они о чем-то спорят. Ухватившись за край отверстия, Конан сполз вниз и несколько секунд висел на руках. Затем он разжал пальцы и пролетел несколько футов до пола. Люди Максио обернулись и в изумлении воззрились на него.

— Ты кто такой? — спросил один из них.

— Не важно, это потом, — ответил Конан. — Вас предали. Снаружи Бомбас и его люди. Они хотят перебить вас всех. Если хотите остаться в живых, лучше вам убираться отсюда. Кто из вас Максио?

Жилистый подвижный человек среднего роста вышел вперед. На нем были темная одежда и капюшон с длинным хвостом, свисающим на спину. Как и остальные, он сжимал кинжал, выхваченный при внезапном появлении гиганта варвара.

— Я Максио, а ты-то кто таков? — Лезвие кинжала было угрожающе направлено в горло киммерийца.

— Об этом позже, — повторил Конан. — В любой момент они могут ворваться через главный вход, а у Бомбаса зуб на тебя.

Один из сообщников Максио, человек с тощим лицом, сплюнул на солому, в которой тонули ноги по щиколотку.

— С чего это нам бояться Бомбаса и его людей? Я с удовольствием собственноручно прирежу эту жирную жабу.

— С ним люди Ермака, — соврал Конан.

Мгновенно взломщики побледнели и расширенными глазами уставились на него.

— Ермак! — воскликнул Максио. Имя главаря наемников прозвучало в его устах как ругательство. — Этот ублюдок отнимет добычу у любого!

Снизу донесся громкий скрежет, потом грохот. Это большая дверь главного входа распахнулась и ударилась о стену.

— Перебить всех! — раздался голос внизу. — Никого не щадить!

Это надрывался Бомбас.

— Ну что, теперь вы верите мне? — спросил Конан.

На лестнице, ведущей вниз, появился силуэт. Это был один из зингарцев. В руках у него был арбалет, нацеленный прямо Конану в грудь. Арбалет был мощным оружием, которому ничего не стоило пробить кирасу. Звук спускаемой тетивы и молниеносный бросок киммерийца в сторону — все это произошло одновременно. Арбалетная стрела просвистела мимо и с чмокающим зву-

ком ударила стоящего за Конаном взломщика. Прежде чем тот успел упасть, Конан вырвал у него из рук кинжал, стремительно развернулся и метнул оружие. Лезвие вонзилось зингарцу в горло и, раздробив позвонки, вышло из шеи на длину ладони. Разбрызгивая кровь, тело покатилось вниз по лестнице. Между звуком спущенной тетивы и хрустом вонзившегося в горло кинжала минули лишь две секунды.

Максио тихо присвистнул в знак уважения:

— Да, воин, ты свое дело знаешь туго. — Затем, повернувшись к своим людям, выдохнул: — Уходим!

Подхватив узлы, они начали выбираться наружу. Первый же, кто оказался на крыше, упал с арбалетной стрелой в груди.

— Там засада! — рявкнул Конан. Со стороны лестницы никого больше не появлялось, но возникла опасность еще более страшная — дым.

— Казна горит! — в панике закричал один из взломщиков.

— Нарочно ведь подожгли, чтобы скрыть размеры своих хищений, — заметил Конан. — Эй вы, хватайте узлы и держите их наподобие щитов! Может, и укроетесь от стрел!

Однако люди Максио медлили в нерешительности. Снизу донеслось характерное потрескиванье пламени. Этот звук словно подстегнул взломщиков. Похватав награбленное, они устремились вверх по импровизированной лестнице. Прошло несколько секунд — и за исключением киммерийца и Максио вылезли наружу. Потом с крыши послышался лязг скрестившихся клинков.

— Пол начал нагреваться, — проговорил Конан. — Пора уходить.

Он швырнул оставшиеся узлы с награбленным в пролом, выбрался сам, а затем, протянув руку, вытащил Максио.

— Послушай, ты небось знаешь здешние крыши лучше меня, — спросил киммериец. — Как нам отсюда уйти?

Рядом валялось несколько трупов. Схватка кипела уже на крыше храма. Деревянный мосток исчез — его сбросили. В киммерийца и Максио никто не стрелял. Кто-то внизу орал: «Горим!» В отверстии, проделанном разбойниками в крыше, показалось красноватое мерцание. Видно, внутри разгоралось пламя.

— Сюда, — позвал Максио.

Они побежали в сторону, противоположную той, где укрывался Бомбас со своим воинством. Здесь к городской казне примыкало более низкое здание. Максио и Конан спрыгнули на его крышу. Пробежав по крыше на противоположный конец, Максио спрыгнул на балкон. Киммериец последовал за ним. С этого балкона они перепрыгнули на другой, отделенный от первого лишь узенькой улочкой. После этого понеслись по верхнему этажу ка-

кого-то здания, похоже нежилого. Спустившись на первый этаж, они выскочили на пустую улицу.

— Старый район города для подобных прогулок куда удобнее, — заметил Максио. — Можешь попасть в любое место, даже не спускаясь с крыши. Давай, еще немного — и мы будем в безопасности. Здесь нам не стоит задерживаться. Я чувствую себя куда увереннее в нижнем городе.

— Тогда двигаем в «Химеру», — предложил Конан. Они побежали по пустынным улицам, держась в тени домов. Наконец добрались до старого города. Темно, хоть глаз выколи, а редким встречным прохожим не было до них никакого дела, так что прятаться было совершенно незачем.

Добравшись до «Химеры», они спустились по лестнице, вошли и остановились на галерее, осматривая зал. В таверне, как всегда, сидели завсегдатаи. Все настороженно повернулись навстречу вошедшим. Впрочем, внимание их было лишь мимолетным; Максио и Конан не стали ждать на галерее, а тут же спустились в зал и заняли свободный стол в углу. Большое пятно крови на стене за одним из стульев говорило о том, что нынче вечером, еще совсем недавно, сидящие за этим столом явно не смогли прийти к согласию. Над их головами в резном настенном подсвечнике в виде обнаженной стигийской танцовщицы мерцала свеча.

Появился слуга, который принес вино для Максио и эль для Конана. Они сдвинули свои кубки и опорожнили их. Первым нарушил молчание Максио:

— Я не припомню, чтобы мы с тобой встречались. А ты вроде не из тех, кого легко забывают. Кто ты такой, чужеземец?

— Я Конан из Киммерии. — Варвар еще отхлебнул превосходно сваренного эля.

— Да, я наслышан о тебе. За короткое время ты умудрился создать себе в этом городе недурную репутацию. Ладно, вот что ты мне скажи. Как тебя угораздило влезть в нашу дыру как раз в тот момент, когда мы были на деле? Неужто только для того, чтобы предупредить нас о засаде?

— Твоя женщина, Делия ее зовут, разузнала об этом и попросила меня предупредить тебя, прежде чем ты попадешь в руки жирного говнюка Бомбаса.

— Делия! — Видно было, что Максио изумлен. — Хм. Похоже, эта потаскушка куда умнее, чем я предполагал. Она смазлива, ничего не скажешь. Только вот пьет, как лошадь, и слишком много треплется. И знаешь, что я тебе скажу? Знаешь, от чего меня тошнит больше всего? От ее котов. Я был наполовину уверен, что это она продала меня Бомбасу. А иначе как она могла узнать, что Бомбас собирается нас взять?

Конан пожал плечами:

— Понятия не имею. — Он решил не усложнять дело, выдумывая еще и легенду для Делии. Несомненно, что у Делии уже припасена своя история.

— А почему она выбрала тебя в качестве посланника? — спросил Максио.

— Ей довелось увидеть, как я убил тех трех людей Ингаса. А сегодня ей нужен был человек смелый и умеющий владеть мечом. Поэтому она разыскала меня. К тому же она знает, что я не работаю ни на одну из шаек. Кстати, все, что я делаю, я делаю не бесплатно и надеюсь получить причитающееся мне.

— Об этом не беспокойся, — заверил его Максио. — Подобную услугу я не оставлю неоплаченной. — Он заглянул в свой пустой кубок. — Я заплачу тебе... В общем, я заплачу тебе, как только снова приподнимусь.

— Ты хочешь сказать, что ушел из королевской казны с пустыми руками? — спросил Конан.

— Ты не поверишь, но оттуда нечего было переть. — В голосе Максио звучало обиженное недоумение. — Так, просто разное барахлишко взяли, ни тебе золота, ни драгоценных камней.

— Прежде чем я спрыгнул в дыру в крыше, мне показалось, что я слышу, как вы спорите, — обронил Конан.

— Точно. Мои люди пытались сделать из меня козла отпущения. Понимаешь, в это время года королевская казна должна быть полной под завязку. Королевскую долю увозят в Тарантию в первых числах нового года, который уже не за горами.

Конан усмехнулся про себя. Еще одна часть головоломки встала на свое место.

— Слушай, скажи-ка мне, почему в королевской казне нет сторожа?

— Потому что к тому времени, как ты заявился, он уже давным-давно свалил, — ответил Максио. — Сторож-то один из бомбасовских пьяных и колченогих ублюдков. Несколько месяцев я кормил его, поил и всячески ублажал. Сегодня же я с ним расплатился окончательно. Так что, думаю, он уже за пределами города. По крайней мере, он собирался дать деру сразу после того, как мы очистим казну. — Максио кивнул каким-то своим мыслям и поскреб подбородок. — Скорее всего, эта старая тварь и настучала Бомбасу.

— Возможно, — проговорил Конан. — Но тебе не кажется странным, что городской голова для того, чтобы выкурить несколько взломщиков, решается — ни больше ни меньше! — сжечь королевскую казну?

— Ах, чтоб тебя, варвар! А ведь ты прав. Я об этом не подумал, времени не было! — воскликнул Максио. — Когда мы уходи-

ли, там все уже пылало. Сейчас, должно быть, остались лишь угли.

— А теперь попробуй докажи, что там было до пожара, а чего не было, — добавил Конан.

По лицу Максио было видно — дошло.

— Грязная жирная тварь! Нет, ты только подумай, ведь этот говнюк сам обчистил казну еще до нас! А теперь небось будет доказывать, что явился туда ловить воров и что это не он, а воры подожгли казну, чтобы прикрыть свое бегство. — Максио весь кипел от негодования. Щелкнув пальцами, он велел слуге принести еще вина. — И стоило вкалывать-то несколько месяцев только для того, чтобы прикрыть жирную задницу Бомбаса. Кто бы мог подумать, что этот курдюк с глазами окажется столь хитрым!

— Никогда не следует недооценивать людей только потому, что они кажутся глупыми, — назидательно сказал Конан.

Максио сделал большой глоток вина и с яростью ударил кружкой по изрезанному и грязному столу.

— А Ермак! Он ведь меня ненавидит! Он и согласился-то работать с Бомбасом только для того, чтобы поймать меня! Так-то вот. Ну все. Теперь между нами смерть. Кто-то из нас станет трупом — или я, или Ермак!

— Хорошо сказано, — заметил Конан, — отважно сказано. Только не забудь: Ермак — воин. И в отряде у него все как один опытные бойцы. Я думаю, что сегодня ночью ты потерял половину своих людей. Да и кто эти люди? Простые второразрядные взломщики. Как ты рассчитываешь разобраться с Ермаком?

— Что-нибудь придумаю, — обронил Максио. Он окунул пальцы в вино и стряхнул несколько капель на пол в знак своей клятвы. — Думаю, в этом городе найдется немало таких, кто согласится помочь мне вымести отсюда Ермака с его сволочью... Они ведь бандиты, ей-ей, бандиты, а еще называют себя солдатами!..

— Ладно, желаю удачи, — сказал Конан. — И не забудь насчет платы. — Киммериец поднялся было, но затем вспомнил кое-что и снова сел. — Кстати, тебе ничего не известно о человеке по имени Асдрас?

Брови Максио слегка приподнялись:

— Ты имеешь в виду того типа, которого зарезали здесь, на заднем дворе, несколько ночей тому назад? Я играл с ним несколько раз в кости, впрочем, как и все остальные в «Химере». Так, жалкий авантюрист. Ничего толком не умел, надеялся просто на удачу. А почему ты спросил?

— Да нет, на него-то самого мне наплевать, — сказал Конан. — Но он вроде бы появился в городе в сопровождении моло-

дой женщины, скорее, девчонки, по имени Илла. Она небольшого роста, у нее красивые волосы. Тебе не приходилось видеть такую?

Максио покачал головой:

— И не видел, и не слышал. — Несколько секунд он напряженно думал. — Вообще-то Асдрас не очень распространялся о себе. Но из его слов — из того, что он счел нужным сказать, — у меня создалось впечатление, будто он ЖДАЛ какую-то женщину, которая вот-вот должна была приехать. Один раз я слышал, как он сказал, что это чертовски красивая черноволосая потаскушка и вдобавок опасная, как ядовитая змея.

— А имени ее он не упоминал? — спросил Конан.

— Альта? Альтена? Что-то вроде этого. Тогда я не придал этому ни малейшего значения. — Из всех этих разборок между мужчинами и женщинами выгоды не извлечь. Мне-то до них что? У меня своих трудностей хватает.

— Да уж, — заметил Конан. Он поднялся, попрощался с Максио и вышел из «Химеры». Зевая и потягиваясь, он шел по пустынным улицам ночного Шикаса. На Площади свет луны заливал серебром мраморные монументы. Красноватое зарево на севере говорило о том, что пожар еще не догорел.

Войдя в храм, Конан прошел в отведенное ему помещение. Внизу небольшая группа аколитов продолжала свои монотонные песнопения перед статуей Матери Дурги. Когда Конан входил в свою комнату, ему вдруг подумалось, что скоро, хвала богам, это проклятое песнопение наконец-то прекратится.

Глава одиннадцатая

ТАВЕРНА «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕРЕП»

Конан проснулся. Через единственное окошко в его комнате лился свет. Однако это был свет уже отгорающего дня. Конан поднялся и потянулся, подошел к миске с водой, стоящей в углу. Он ополоснул лицо и крепко растерся. Через окно была видна большая часть Площади, расстилающейся перед храмом. Торговцы уже убирали свои столы и лотки. Вдалеке раздался удар большого колокола, висящего над городскими воротами. Конан знал, что колокол бьет трижды с интервалом примерно в полчаса. После третьего удара ворота закрываются на ночь.

Конан не сожалел о том, что проспал весь день. Будет разумно, если в течение некоторого времени он не будет разгуливать

днем по этому городу. Слишком уж стремительно он наживает себе здесь врагов. Вооружившись, киммериец вышел из комнаты. Проходя по верхней галерее, он обратил внимание на службу, которая шла в храме Матери Дурги.

Народу было больше, чем обычно. Кроме того, Конан заметил, что на этот раз отнюдь не на всех присутствующих были одежды аколитов. Примерно двадцать человек были новенькими. Это были как юноши, так и девушки, все до единого богато разодетые в шелка и бархат. На некоторых Конан заметил дорогие меха.

В воздухе висел густой запах благовоний. Несколько послушников наяривали на флейтах и цимбалах, лупили в барабаны. Эта «музыка» создавала сущую какофонию. Перед идолом стоял Андолла. У его ног была установлена золотая плошка, в которой горело зеленое пламя. Воздев руки, Андолла запел высоким завывающим голосом на языке, который Конану был незнаком. Когда жрец обернулся, чтобы оглядеть собравшихся, лицо его, на котором застыло выражение экстаза, блестело от пота.

Стоящая у самого подножия статуи Оппия ритмично хлопала в ладоши, задавая ритм поющим аколитам и новичкам. Вот Андолла повернулся, взял с колен богини большую чашу с двумя ручками и высоко поднял ее над головой. Тотчас же «музыка», хлопанье и песнопения прекратились. Андолла наклонился и погрузил массивную серебряную чашу в зеленое пламя. Когда он снова поднял ее, белые капли падали из чаши обратно, в пламя.

— Узрите молоко Матери Дурги, которым она вскармливает своих детей! Испейте ее молока, и да придет к вам озарение!

Андолла отпил из чаши. Затем на возвышение поднялась Оппия и приняла чашу из рук мужа. Отпив, она передала тяжелый сосуд стоящим внизу поклоняющимся. Аколиты, также прикладывающиеся к питью, возвращали ей чашу. Но Конан заметил, что прежде всего она давала «молоко Дурги» новичкам. Когда чаша начала ходить из рук в руки, какофония возобновилась. Но теперь эта «музыка» была более тихой и исполнялась в более медленном темпе. Дважды Оппия возвращалась на возвышение и вновь наполняла чашу. Андолла, обернувшись к идолу, возобновил свое странное завывающее пение. Конан обратил внимание на то, что новички пригубляют «молоко Дурги» с некоторой нерешительностью, морща лицо, в то время как аколиты припадают к чаше с жадностью, будто люди, умирающие от жажды, рвущие друг у друга сосуд со спасительной водой. Вероятно, именно поэтому Оппии приходилось порой буквально силой вырывать чашу у очередного посвященного.

Когда все испили «молока Дурги», снова возобновилось пение. Конан прислонился к стене, стоя в тени, и ждал. Прошел час. Ничего интересного не произошло. Однако терпеливый вар-

вар не утрачивал надежды. У него было ощущение, что вот-вот он увидит нечто очень важное.

Монотонное песнопение внезапно прорезал вопль. Киммериец увидел, как одна из новеньких, молодая женщина, указывала рукой вперед, на лицо идола. Тут киммериец почувствовал, как волосы у него на голове зашевелились. Опущенные веки богини поднялись, глаза загорелись, будто были полны внутреннего огня. На самом деле, приглядевшись, Конан понял, что это был за «внутренний огонь». В голове идола за стеклянными глазами и в самом деле горело пламя. Где-то в храме в специально выбранном месте горели огни, свет которых был направлен на лицо богини, так что тени, пробегающие по неживому лицу идола, создавали впечатление, будто у этого лица меняются выражения.

Конан снова перевел взгляд на поклоняющихся идолу. Они в экстазе смотрели в лицо богини, возведя глаза кверху; по щекам их текли слезы. Легкое поскрипывание возвестило явление нового «чуда». Руки статуи начали медленно подниматься и вытягиваться вперед, будто бы благословляя всех собравшихся. С возвышения, с верхней галереи, где стоял Конан, было видно, что в нишах под ногами Андоллы установлены лампы. Эти лампы, невидимые для молящихся, то притухали, то разгорались, создавая эффект подрагивания гигантских грудей в такт дыханию.

Фокус, что и говорить, отменный! Однако с помощью такой штуки не проведешь и дитя. Даже тех болванов, что столпились здесь, в храме, вряд ли можно было бы обмануть, если... если только им не дать перед этим наркотики. Конан знал, что имеется множество зелий, вызывающих иллюзии. Опытный маг с помощью какой-нибудь хитрой отравы легко может управлять мыслями своей паствы и в конечном счете убедить людей в том, что они и в самом деле видели небывалые чудеса.

Либо Андолла и его жена нечувствительны к снадобью, либо они просто притворялись, что пили из чаши. Как бы то ни было, у них был осмысленный взгляд, разительно отличающийся от остекленевших глаз остальных.

Прошло еще несколько минут этого чудовищного представления. Наконец идол вернулся в свое нормальное положение и освещение снова стало нормальным.

— Матерь Дурга благословляет вас, ее детей! — вскричал Андолла. — Для Матери Дурги нет ничего невозможного. Нет в этом мире задачи, которой она не могла бы разрешить. Лишь принесите к ней свои печали, и она избавит вас от них. Возносите хвалы Матери Дурге, поклоняйтесь ей. Отдайте ей никчемные материальные блага этого эфемерного преходящего мира. Отдайте ей их, а она взамен...

Конан решил не терять больше времени, прислушиваясь к бессмысленным воплям жреца. Он отправился на кухню. Там никого не было. Все аколиты собрались внизу. Конан не обратил никакого внимания на огромные таганы с пшенной кашей, предназначенные для верных последователей Матери Дурги. Ясно было, что Оппия и Андолла питаются чем-то совсем другим. Наконец он обнаружил отдельную каморку, в которой содержались припасы совершенно иного рода. Каморка не была заперта. Было очевидно, что аколиты и не осмелились бы войти в столь святое место. На разделочном столе обнаружилось несколько тушек жареной птицы и окорок. Конан удовольствовался одной жареной уткой, кроме того, срезал для себя здоровенный кусок окорока. Под чистой тряпицей он увидел свежеиспеченный белый хлеб, еще теплый, и позаимствовал один каравай. Все это он запил флягой превосходного золотого пуантенского вина.

Насытившись и пребывая в превосходном расположении духа, Конан отправился назад, на галерею. Андолла все еще вел свое стадо сквозь бесконечную череду молитв. Супругу же его Конан обнаружил в прихожей; она беседовала с одним из новичков, который печалился, покидая столь «святое место». Холеное, накрашенное лицо молодого человека было омрачено скорбью, он буквально заставлял себя отрываться от «святой матери» Оппии, глядя на нее с почти молитвенным благоговением. Когда богатый юнец наконец ушел, она обернулась и увидела киммерийца.

— Чем ты тут занят? — спросила она. — Тебя не было всю ночь, а потом ты спал весь день.

— Старался для вашей же пользы, — ответил киммериец. — И надо заметить — не напрасно. Вчера ночью в Дыре я слышал разговоры о вашем храме.

— О, — произнесла Оппия, — и что это были за разговоры?

— Похоже, Риста Даан набирает людей, чтобы устроить набег на храм и заполучить назад свою дочь.

— Я ведь говорила тебе, мы уже приняли надлежащие меры. Вожаки шаек у нас на откупе. Хвала богам, мы платим им достаточно, чтобы нас не тревожили.

— Похоже, один из них считает, что вы платите ему недостаточно, — сообщил Конан.

— Кто?

— Ингас.

— Что?! Я рассчиталась с ним всего лишь неделю назад! О, как я ненавижу этого ублюдка! Ладно! Если то, о чем ты говоришь, не пустые сплетни... я знаю, как разделаться с человеком, который, получив свои денежки, все-таки не собирается оставить нас в покое. Я надеялась, мне удастся избежать подобных затруд-

нений. Но ничего. В жизни немало упрямцев заступало мне дорогу только для того, чтобы потом горько пожалеть об этом.

— Ваш храм — сущий лабиринт, — сказал Конан. — Трудно быстро перебираться с одного места на другое. Я думаю, тебе лучше выделить мне комнату на том самом этаже, где сидит эта буйная девица. Тогда она постоянно будет у меня под присмотром.

— Нет, — торопливо отрезала Оппия. — Не хочу, чтобы там еще кто-нибудь находился. Злые духи особенно сильны возле девчонки. Тебе не удастся там заснуть. Более того, это может даже тебе повредить.

— Как хочешь, — отозвался Конан. — Только я, к сожалению, не волшебник, чтобы приглядывать за девицей сквозь стены... Ладно, я отправляюсь в Дыру. Глядишь, еще что-нибудь разузнаю.

— Хорошо, только долго не задерживайся, — приказала она. — Ты и так слишком много времени проводишь вне храма. Ведь пока ты шляешься, проку от тебя никакого. Как от охранника... или в любом другом качестве.

— Будь уверена, ты не пожалеешь, что наняла меня.

С этими словами Конан повернулся и пошел к выходу из храма.

В этот поздний час широкая Площадь была почти безлюдна. Но под сенью портика с колоннадой все еще продолжалась торговля. Дамочки определенного сорта занимались своим древним ремеслом. Установленные над их головами факелы давали достаточно света. Женщины прогуливались взад-вперед, демонстрируя свои прелести. Среди них вились мелкие торговцы, предлагая наперебой товар, каким обычно торгуют в подобных местах: вино, безделушки и всевозможные чудодейственные снадобья, расхваливаемые изо всех сил, которые позволяли резко увеличивать мужскую силу. Несколько танцоров и танцовщиц выделывали немыслимые пируэты ради нескольких монет. Предсказатели будущего предлагали свои услуги прохожим.

Чувствуя необходимость слегка развеяться, прежде чем отправиться по своим смертельно опасным ночным делам, киммериец направился через Площадь к колоннаде. Здесь он заметил знакомую фигуру на ступеньках портика. Человек беседовал с двумя женщинами в кричаще ярких одеждах. Ба, да это же Невус! Парень из шайки Ермака. Завидев приближающегося киммерийца, Невус ухмыльнулся:

— Конан! Давай, присоединяйся ко мне! Эти две девочки очень даже не прочь составить нам компанию на ночь. Признаюсь тебе, что я уже в том возрасте, когда две женщины для одного — многовато. Но для двух таких крутых мужиков, как мы с тобой, — в самый раз. Давай присоединяйся к нам.

— Увы, друг мой, нынче ночью я занят, — проговорил Конан. — Дела, дела. Может быть, в следующий раз. Но я хотел бы перекинуться с тобой парой слов.

Невус обернулся к девицам:

— Я мигом вернусь, мои крошки. Так что договорились, сегодня ночью вы со мной. И чтоб без фокусов.

С этими словами он пошел прочь, сопровождаемый тихими смешками женщин.

— Благодарю тебя, что ты согласился поговорить со мной, — сказал Конан, когда они вдвоем вошли в затененную нишу с каменной скамьей, где горожане могли найти избавление от солнца в жаркий летний день. — Скажи мне, Невус, где я сегодня вечером могу найти людей Ингаса?

Невус даже рот разинул от удивления:

— Послушай, держись от их территории подальше! После того как ты сразил троих из них вон там, на Площади, любовь красных пташек к тебе, прямо скажем, невелика. Проклятье, жаль, мне не удалось полюбоваться, как ты их уделал. Ермак говорил об этом с восхищением, а Ермака удивить трудно.

— Но тем не менее, — настаивал Конан, — где их территория? Я бы хотел поговорить с ними.

— Хочешь найти приключений себе на задницу? — хмыкнул Невус. — Что ж... Почти каждую ночь их можно обнаружить в грязном притоне под названием «Железный Череп». Это в Дыре.

Конан кивнул:

— Да, я видел знак этого кабака. Слушай, Невус, скажи мне, что ты знаешь о делах Ермака с Ксантусом? Я слышал, что в свое время именно он оказал Ксантусу любезность, а именно — напал на деревню рудокопов и увел их женщин и детей.

Невус отвел глаза:

— Я мало что знаю об этом. Все произошло еще до того, как я пришел сюда и присоединился к банде. А другие никогда ничего не расскажут.

— Ничего удивительного, — заметил Конан. — Подобные дела недостойны настоящего воина. Это работа для работорговцев.

— Говорю тебе, меня при этом не было! — гнул свое Невус.

— Рад слышать это, — сказал Конан. — Спасибо, что помог.

Он повернулся и уже собрался было уходить, когда Невус заговорил:

— Конан, тебе не следует идти в «Череп» одному. Может быть, мне пойти с тобой?

— Нет. Спасибо за предложение, Невус. Похоже, ты и в самом деле честный воин. Хочешь совет? Рви с Ермаком и уходи из города. Мне кажется, что в самое ближайшее время здесь все пойдет из рук вон плохо.

— Не пойму, что ты хочешь этим сказать, киммериец. Для нас, воинов, плохие времена — самые лучшие. Мы при этом процветаем. Кроме того, когда я нанимаюсь к кому-нибудь на службу, я остаюсь рядом с ним до тех пор, пока он либо не умрет, либо не нарушит слова. Не было еще ни одного случая, чтобы Ермак кому-нибудь не заплатил вовремя.

Для наемника — это высшая похвала и оспорить ее трудно.

— Ладно, Невус, счастливо оставаться. — Киммериец повернулся, чтобы уйти.

— Желаю удачи. Поосторожнее там, в «Черепе», — бросил наемник.

— И тебе удачи с подружками, — откликнулся Конан, — она тебе нужнее, чем мне.

По темным улицам Конан направился в нижний город. Он припомнил, что в своих блужданиях здесь он пару раз проходил под вывеской в виде человеческого черепа, искусно сработанного из полос вороненого железа. От «Химеры» до «Железного Черепа» было всего несколько кварталов. Когда Конан добрался до указанного Невусом места, он увидел, что глазницы черепа тускло мерцают. Это был единственный источник света на темной улице. В огонь, очевидно, добавляли медный купорос, поэтому пламя отливало зловеще-зеленым.

Внутри «Железный Череп» оказался куда меньше, чем «Химера» — всего лишь один ряд столов. За исключением нескольких потаскушек, в зале сидели одни мужики, одетые в красную кожу. Когда Конан появился на пороге, они уставились на него так, будто увидели привидение. А потом, все как один, начали подниматься со скамеек. Руки их потянулись к рукоятям длинных мечей.

— Спокойно! — рявкнул голос, донесшийся из задней части помещения.

Не обращая ни на кого внимания, Конан прошел от входной двери к прилавку. Он передвигался нарочито пошатываясь, будто был пьян. Навалившись на стойку бара, Конан вытянул руку с растопыренными пальцами, направляя ее к женщине, что стояла за стойкой.

— Вина! — потребовал киммериец.

Вино тут же появилось. Сделав большой глоток, Конан прислушался — за спиной у него пока что никто не двинулся с места. Наполовину опустошив кружку, киммериец повернулся и оперся локтями о стойку бара. Все находящиеся в таверне смотрели на него. В задней, наиболее затемненной части помещения за столиком сидел один человек. Он был явно старше всех остальных. Конан безошибочно определил в нем бывшего пуантенского аристократа. Как и его люди, Ингас был одет в красную

кожу, но, в отличие от остальных, одежды его изящного покроя и богато украшены серебряным и золотым шитьем. Слева на груди вышит крест — герб знатного пуантенского рода. Однако эмблему наискось пересекала молния. Значит, носитель ее был когда-то лишен наследства.

— Ты храбрый малый, коли решился наведаться в наш гадюшник, — заметил Ингас.

— Отважному охотнику не пристало бояться львов, — фыркнул Конан. — Так чего же бояться шакалов?

Среди бандитов опять началось шевеление, но резкий жест предводителя вновь осадил их.

— Кто ты такой, киммериец? — спросил Ингас. — Кто нанял тебя, чтобы ты явился сюда? Кто заплатил тебе за убийство моих людей?

— Ни на одного из твоих противников я не работаю, — сказал Конан. — Что до тех трех болванов, так ссору затеял не я. Они вели себя со мной неподобающим образом с того самого момента, как я приехал в этот город. Кончилось тем, что они публично бросили мне вызов, когда я тихо сидел и обедал. Мог ли я это вытерпеть?

— Я бы не вытерпел, — заметил Ингас. — Впрочем, они действовали по собственной инициативе, а не по моему приказу. Кстати, именно поэтому я спустил тебе это убийство и не послал за твоей головой моих людей. И все бы у нас было тихо-мирно. Но ты нарушаешь мою территорию, заявляешься ко мне — и только с тем, чтобы бросить мне вызов? Ты же понимаешь, что этого я никак не могу стерпеть.

— Ты считаешь, что меня испугают угрозы пуантенского изгоя? — поинтересовался Конан нарочито громким голосом. Все это время он краем глаза не переставал следить за двумя громилами, что сидели ближе всех к Ингасу. Один — высокий мрачный человек с перебитым носом. Другой — настоящая груда мускулов с гигантскими ручищами и бочкообразной грудью.

Улыбнувшись, Ингас откинулся на спинку стула.

— Нет, человече, этим ты меня не проймешь. Даже пьяный, киммериец не поперся бы сюда и не вел бы себя так, как ты, не имея на это оснований. Кто-то нанял тебя, чужеземец. Но кто? Ермак? Лисип? Этот жирный мошенник Бомбас? Что, их люди ждут снаружи? — При этих словах все бойцы в зале настороженно покосились на дверь.

Конан презрительно фыркнул:

— Я так и думал, что ты трус. — Он допил свое вино и стукнул кружкой о стойку. — И ты, и твои женоподобные красные птички — вы просто дерьмо. Мне захотелось дерьма, и я пришел сюда. А теперь — всего хорошего, пуантенец. Я думал, здесь меня ждет славная схватка, но ты разочаровал меня.

Слегка покачиваясь, он вышел из «Черепа». Как только он оказался снаружи, пьяная поступь исчезла, и Конан уверенным шагом устремился в верхний город. За спиной он слышал, как открылась и снова захлопнулась дверь «Черепа». Тотчас же Конан снова двинулся походкой пьяного, раскачиваясь даже сильнее прежнего. Так, шатаясь и бормоча что-то себе под нос, он добрался до новых районов города. Впрочем, киммериец был достаточно осторожным, чтобы не переусердствовать в своем представлении, ибо стоило людям Ингаса что-либо заподозрить, они стали бы еще более подозрительными. Кроме того, Конан держался середины улицы.

Киммериец был уверен, что убийцы не станут нападать на него в нижнем городе. Сейчас Ингас был убежден, что киммериец действовал по заказу одного из его, Ингаса, соперников. По всей видимости, они послали человека проследить за киммерийцем, чтобы выяснить, куда он направится. Только после этого вышлют убийц.

Дойдя до Площади, Конан остановился у фонтана и брызнул водой себе в лицо, будто пытаясь освободиться от винных паров. Пока он проделывал это, он успел осмотреть Площадь. Она была совершенно безлюдна. Потаскухи исчезли из-под портика. Из гнезда в стене перед входом в портик Конан вытащил факел и понес его, освещая себе дорогу. В храм он идти не собирался. Вместо того он направился к театру.

Поднявшись по ступеням, он прошел между двумя массивными колоннами. Не обращая внимания на большие двери главного входа, Конан отправился к маленькому окошку со ставнями сбоку от входа, там, где продавались обычно билеты на представления. Взявшись за замок покрепче, Конан поднапрягся и сорвал задвижку со ставней. Светя перед собой факелом, он пробрался внутрь.

Из прихожей Конан прошел в главный зал театра, где ряды скамей выстроены перед сценой. Над залом нависали ложи для наиболее уважаемой части публики. По бокам зала тянулись роскошные приватные ложи богачей.

Двигаясь не спеша, так, чтобы те, кто шел по следу, не испытывали никаких трудностей, Конан по приставной лесенке поднялся на сцену.

Захватив лесенку с собой, киммериец забрался в каморку, откуда управляли занавесом. Глянув вниз через перила, Конан заметил два силуэта, которые как раз крались по сцене, следуя за светом его факела. Когда Конан услышал, что преследователи поднимаются в ту же каморку, он полез прямиком в купол. Оттуда варвар выбрался на крышу и подтащил лестницу к парапету, — на тот случай, если бандиты испугаются высоты и не ре-

шатся прыгать. Сам же киммериец спокойно перемахнул на другую сторону и настороженно замер прямо перед своим собственным окном.

Долго ждать не пришлось. Двое преследователей вылезли из дверцы купола. Конан слышал, как они тихим шепотом переговариваются. В свете луны он различил, что один был высокий и тощий, другой широкоплечий и приземистый. Именно этого Конан и ожидал. Ингас посылал за ним опытных убийц, а не вспыльчивых молокососов.

Один из бандитов заметил лестницу. Почти на цыпочках они подбежали к парапету и осмотрели крышу здания, находившегося напротив. Конан вжался в нишу, скрываясь в глубокой тени. После короткого совещания преследователи, осторожно ступая, перебрались по лестнице. Затем они повернулись и стали осматривать крышу храма.

Конан выступил из тени:

— Вы меня ищете?

Две длинные хорасанские сабли со свистом вылетели из ножен.

— Долго же за тобой бегать пришлось, варвар, — сказал тот, что пониже. — Сперва театр, теперь храм... Уж не хочешь ли ты сказать, что здешний мошенник и его баба наняли тебя оскорбить нашего предводителя?

Вместо ответа Конан выхватил свой собственный меч:

— Нет. У меня на вас другие виды.

— Что-то ты не выглядишь таким пьяным, каким был недавно, — заметил высокий. В речи его слышался резкий акцент пуантенских горцев.

— Зачем вы ползете за мной? — спросил Конан.

— Наш предводитель решил, что ты слишком часто беспокоишь его. Он хочет, чтобы ты умер, чужеземец. Но прежде желает узнать, кто из его соперников тебе платит.

— Вот об этом теперь и придется ему гадать, — заметил Конан, — поскольку ни один из вас не вернется обратно.

— Довольно, — вымолвил высокий, двинувшись к Конану скользящими шагами опытного фехтовальщика.

Внезапно Конан заорал во всю глотку:

— Бандиты! Что вам здесь нужно?

На мгновение убийцы оторопели. Затем коротышка рванулся вперед, нанося горизонтальный удар. Киммериец ловко блокировал атаку, затем отбил косой удар высокого. После этого сделал два выпада, широко и размашисто действуя мечом, хотя несколько замедленно, так, чтобы у атакующих была возможность защищаться. Конану нужно было, чтобы в храме хорошо расслышали звон мечей.

Когда Конан убедился в том, что внизу все проснулись и поднялся переполох, он принялся за дело уже всерьез. Глупо затягивать смертельно опасную игру. В темноте, на скользкой поверхности крыши, сражаться действительно трудно. К тому же Ингас послал на самом деле умелых бойцов.

Легко и плавно двигаясь, Конан сделал так, что коротышка оказался между ним и более высоким. Затем он чуть опустил клинок, приглашая долговязого нанести удар сверху вниз. Тот немедленно воспользовался брешью в обороне Конана, со свистом обрушив меч на шею киммерийца. Конан отпрянул, почувствовав, как клинок долговязого слегка скользнул по шлему. И тут же стремительным выпадом пронзил коротышке грудь. Вырвав меч из тела, Конан отступил на шаг назад и ударом ноги толкнул труп на длинного. Тот невольно попятился, пытаясь удержать равновесие. Руки его мелькнули в воздухе.

Однако киммериец не терял времени даром, нанеся сверху и наискосок страшный рубящий удар. На долговязом была легкая кольчуга под кожаным дублетом, но она не спасла его. Меч Конана с легкостью прошел сквозь кольчугу, плоть и кости. В тот момент, когда долговязый упал, Конан метнулся к парапету, схватил лестницу и швырнул ее через крышу, точно под окно его собственной комнаты.

— Что там происходит? — раздался голос.

Замерцал свет. Киммериец смог различить несколько темных силуэтов. Голос принадлежал Оппии.

— Идите сюда и посмотрите, — крикнул Конан. — Они пришли за ней, как я вам и говорил.

С помощью одного из аколитов Оппия вылезла из окна. Следом за ней показались несколько послушников с лампами и факелами. Оппия наклонилась и осмотрела два трупа, затем выпрямилась и взглянула Конану в глаза:

— Ингас! Он заплатит за это! Как все произошло?

— Я отправился в Дыру. От тамошних обитателей узнал, что девочку попытаются выкрасть сегодня ночью. Поэтому я бросился назад и устроил засаду. Ведь похитителям куда проще добраться до девицы по крышам, нежели пытаться проникнуть снизу, через храм. Как только они втащили лестницу, я вызвал их на бой.

Оппия еще раз оглядела трупы:

— Интересно, как они рассчитывали проникнуть сквозь решетку?

Конан мысленно обругал себя. Следовало об этом подумать и принести пилочки или какие-нибудь другие инструменты и бросить их поблизости. Тут его осенило. Он указал на тело коротышки:

— Вот этот, говорят, был самым сильным человеком в Шикасе. Погляди на его ручищи. Должно быть, он рассчитывал вырвать бронзовые прутья из гнезд, расшатав их.

— Да, несомненно, — согласилась Оппия. Затем повернулась к аколитам, которые смотрели на происходящее широко раскрытыми глазами, и показала на двоих плотно сбитых юнцов, охраняющих входные двери. — Отнесите эту падаль к реке. И постарайтесь избавиться от них, пока еще не рассвело.

Подхватив трупы, аколиты потащили их к окну.

— Да нет, идиоты! Я не хочу, чтобы у меня остались кровавые следы. Сбросьте их на улицу, а потом спуститесь и подберите.

Подчиняясь приказу, юнцы подтащили трупы к парапету, подняли их и сбросили вниз. Через секунду до Конана донеслись два глухих удара.

— Что происходит? — раздался мужской голос. Через окно выбрался Андолла собственной персоной.

— Ингас нарушил свой договор с нами, о муж мой, — ответила Оппия. — Он послал двух своих людей, чтобы они украли Амату и вернули ее отцу. Но им не удалось это сделать. Против них вышел вот этот воин-киммериец, которого я наняла и который уже доказал, что я правильно поступила. Он сразил похитителей прежде, чем они добрались до ее окна.

Жрец пристально посмотрел на Конана:

— Ну хорошо. Ингас, говоришь? Я приготовлю для него могучее заклинание. Он пожалеет о сегодняшнем дне.

— О муж мой, сделай же так, — промурлыкала она.

Конан внимательно рассматривал жреца. Впервые он видел Андоллу вблизи. Андолла оказался высоким мужчиной средних лет с величественной наружностью. От его величия не убыло даже сейчас, когда он стоял на скользкой черепице храмовой крыши. Как и в его хорошо поставленном голосе, в наружности его сквозило нечто театральное, будто это был не жрец, а скорее хороший актер, играющий роль жреца.

— Как ты думаешь, — спросил он Конана, — эта схватка привлекла чье-либо внимание?

— Площадь сейчас безлюдна, как и всегда в это время ночи, — ответил Конан. — Если стражники у резиденции городского головы что-нибудь и заметили, я думаю, они достаточно осторожны, чтобы держать свое любопытство при себе.

— Хорошо, коли так, — сказал Андолла. — Однако же я должен вернуться к моим тавматургическим трудам. Присмотри здесь, моя дорогая, чтобы все шло как положено.

— Я уже распорядилась, о муж мой, — проворковала Оппия. Она обернулась к двум девицам с мертвенно-белыми лицами,

что стояли рядом с ней. — Возьмите тряпки и ведра и вымойте здесь все, — приказала она, указывая на большую лужу крови, тускло поблескивающую в свете луны. От лужи к краю крыши тянулись два кровавых следа, указывая путь, которым трупы волокли к парапету. — Когда вымоете здесь, отправляйтесь на улицу, вниз, и отмойте мостовую. Я хочу, чтобы, когда встанет солнце, не осталось никаких следов сегодняшнего печального происшествия. — Девушки сложили ладони и согнулись в ритуальном поклоне. Следом за Андоллой они направились к окну. Прошло несколько минут, и на крыше остались лишь Конан и Оппия.

— Блестящая работа, киммериец, — сказала она. — Как ты думаешь, он попытается еще раз?

— Вероятнее всего, — ответствовал Конан. — Либо же произойдет нечто другое. Разочаровавшись в Ингасе, Риста Даан попытается перекупить кого-либо из других вожаков. Сама посуди, моя госпожа: если Ингас продал тебя ради золота, почему бы не попробовать другим? В следующий раз, возможно, посетителей будет не двое, а значительно больше.

— Будь они все прокляты! — воскликнула она. — Чувствую, и впрямь недолго нам здесь оставаться. О, сколь тучной была сия нива, но ныне — о вижу я, вижу! — некий свирепый зверь здесь рыщет в безумии своем. Все эти толпы хищников доселе дружно и согласно глодали тушу этого города, а теперь в них будто демон вселился. Теперь им этого мало. — Она подняла глаза на могучего киммерийца. — Но ты не такой, как они. Ты подобен льву среди гиен.

— Я такой же, как они, жрица. Просто я лучше сражаюсь.

— Я думаю, ты недооцениваешь себя. Продолжай мне верно служить, и ты удостоишься лучшего, равно как были удостоены святой Андолла и я.

В комнате Конана послышались шаги. Девушки-послушницы с тряпками и ведрами вылезали наружу через окно.

— Я должна проследить за их работой, — сказала Оппия киммерийцу. — Хотя наши последователи и тверды в своей вере, однако же не могут сделать даже таких простых вещей, как смыть кровь или избавиться от трупов без надежного присмотра. — Она помолчала. — Ты был прав, киммериец. Завтра я распоряжусь, чтобы тебе подготовили другое помещение. На том этаже, где мы содержим Амату.

Конан удовлетворенно кивнул:

— Очень хорошо, жрица. Думаю, что в этом случае я смогу сделать куда больше. — Он посмотрел на зарешеченное окно, где прятали дочь Риста Даана. Интересно, заметила она что-нибудь или нет?

Глава двенадцатая

ДЕМОН И ПРОКЛЯТИЕ

День выдался пасмурный. Надев широкий плотный плащ и накинув на голову капюшон, чтобы защитить себя от ветра и дождя, Конан вышел из храма. Просторное одеяние почти полностью скрывало киммерийца. В глаза бросались разве что рост и походка. Впрочем, в городе обитало немало людей высокого роста, двигавшихся столь же стремительно. Конан чувствовал, что взрыв, который он подготавливал, вот-вот должен прогреметь. Сидя в храме, он ничего не добьется. Нужно узнать, что делается в городе. Поэтому Конан направился в Дыру. Это было одно из немногих мест в нижнем городе, где появление Конана не привело бы к серьезной потасовке.

Сразу за тем местом, где когда-то стояла старая городская стена, располагалась небольшая таверна, называемая «Медведь и Арфа». Конан слышал, что таверну облюбовали сказители и менестрели. Жизнь этих мужчин и женщин зависела от того, насколько они знают происходящее вокруг. Поэтому найти лучшего места для того, чтобы ознакомиться с ситуацией в городе, найти невозможно.

В прихожей киммериец снял плащ, стряхнул с него капли дождя и повесил на крюк. Потом прошел в общий зал. Завсегдатаи торопливо обернулись, чтобы посмотреть на нового посетителя. Все были при оружии. В нынешние смутные времена даже менестрели вынуждены соблюдать предельную осторожность.

Конан потребовал подогретый эль. Слуга взял большой кувшин, стоящий рядом с очагом, где с хрустом горели хорошо высушенные дрова, распространяя вокруг приятное тепло. Пока киммериец сидел, прихлебывая из видавшей виды кожаной кружки, подал голос один из сказителей. Он принялся рассказывать о событиях, имевших место в дальних провинциях этого края. Судя по всему, Аквилония распадалась на отдельные княжества, поскольку князья-феодалы, недовольные королем Нумедидесом, вернулись к старому, превратившись в независимых сюзеренов. Они отказывались отправлять ежегодную дань в Тарантию. Некоторые осмеливались в открытую выступать против короля; другие придерживались более осторожной политики, испытывая прочность трона исподволь. Только провинции, граничащие с Боссонией и Гандерландом, оставались пока верными королю. Именно там жили самые лучшие бойцы.

Конан слушал рассказ с интересом. Для солдата удачи весть о надвигающейся гражданской войне — сладчайшая музыка. Гражданская война в Офире длилась уже много лет. Земля пре-

вратилась в обглоданный скелет. Аквилония несравненно богаче Офира. Кроме того, в течение нескольких десятилетий в Аквилонии царил мир. В Тарантии можно взять хорошую добычу... А ведь Тарантия — это просто один из наиболее богатых аквилонских городов, пусть и самый большой по величине. Даже воюя в малых, незначительных провинциях Аквилонии, опытный наемник мог скопить достаточно средств, чтобы уйти на покой и жить безбедно. Впрочем, Конан пока что на покой не собирался.

— Дозволь поставить тебе следующую кружку за мой счет, — проговорил мужчина, сидящий рядом с Конаном. Это был человек невысокого роста, одетый в пестрые одежды. На голове — длинная бархатная шапка с пучком перьев в качестве украшения. Через плечо переброшена небольшая арфа в красивом кожаном футляре.

— С удовольствием, — отозвался киммериец.

Арфист сделал знак слуге.

— Я так понял, ты тот самый северянин, который заставил самых крутых парней в этом городе удирать, поджав хвосты. Наверняка у тебя найдется пара-другая потрясающих историй, которыми ты мог бы со мной поделиться.

— Я просто скромный воин. Занимаюсь своим делом, — объявил Конан не без торжественности.

Арфист фыркнул:

— Ха! А я — кхитайский принц в изгнании. Собираюсь вернуться домой и заявить о своих правах на трон. Слушай, я все же надеюсь, что кружка этого превосходного подогретого эля ублажит твою душу не хуже экзотических пряностей востока.

— Ну ладно, тогда историю за историю, — предложил Конан.

— По рукам. Что ты хочешь услышать? — спросил арфист. Глаза его горели от любопытства.

— Я не показывался на улице целый день. Что происходило между шайками в течение последних нескольких часов?

— Ну... — Арфист наклонился поближе к Конану. — Максио дал всем понять, что вышел на тропу войны против Ермака и намерен убить его. Любыми средствами. Даже прибегнув к яду, если потребуется. Городской голова орет, что именно Максио сжег королевскую казну, предварительно обчистив ее, чтобы под прикрытием пожара убежать с добычей. Бойцы Ингаса вообще не выпускают мечи из рук и готовы рубить все, что движется. Ермак говорит, что с радостью выйдет против любого, кто заявляет, будто его людям следует убраться из города. Лисип обеспокоен. Он считает, что весь этот хаос устроен специально, чтобы появился повод ввести королевские войска в город. Сейчас он призывает всех главарей собраться вместе и уладить дела, прежде чем переходить к открытой войне на улицах.

— А что, действительно ходят слухи, будто королевские войска на пути к городу?

— Слухи — они слухи и есть. Кто знает? Вполне возможно, в этом городе действуют королевские шпионы. Кстати, некоторые считают таким шпионом тебя. — Арфист поднял брови и повернулся к Конану ухом, будто желая услышать конфиденциальную информацию и приглашая его подтвердить или отрицать услышанное. Впрочем, у киммерийца на уме было иное. Он промолчал.

— Как бы то ни было, — продолжал арфист, — я — всего лишь простой менестрель. Власть короля сейчас настолько слаба, что, возможно, пройдет еще много времени, прежде чем его величество соизволит вспомнить об этом маленьком уголке своих владений. А теперь выкладывай свою историю.

Конан наклонился к арфисту поближе:

— Узнаешь историю и тут же забудь, от кого ты ее слышал.

Арфист сунул руку за пазуху и вытащил крохотную статуэтку, которая висела у него на шее на цепочке. Статуэтка изображала божество с арфой. Арфист поцеловал ее:

— Клянусь Иласом Златоперстым, божеством всех арфистов! — И он спрятал статуэтку обратно.

— Хорошо. Я тебе скажу. Меня сюда послал тот, чье имя я не имею права открывать никому. Вообще никому. Тот, кто послал меня, хочет узнать, какие ветры тут дуют.

Арфист кивнул, жадно ловя каждое слово чужеземца.

— Тому, кто меня послал, стало известно, что Бомбас присваивает себе королевскую долю от налогов и от доходов с рудника. Он занимался этим в течение нескольких лет. Тому, кто меня послал, также известно, что Бомбас действует заодно с Ксантусом. Чтобы сокрушить сопротивление гильдии рудокопов, Ксантус нанял солдат Ермака. Наемники похитили женщин и детей рудокопов из деревни и сейчас держат их где-то в заложниках. Сделано это для того, чтобы добиться повиновения. Королевскую казну поджег не кто иной, как сам городской голова Бомбас. Чтобы скрыть следы своих краж.

Челюсть у арфиста отвисла.

— А я-то думал, что я мастер по части собирания новостей.

Конан хлопнул его по плечу:

— Ты, парень, собираешь новости ушами, а я — мечом. Мой способ быстрее. Кроме того, он открывает мне многие факты, которые в простой беседе обычному человеку не узнать.

— Такие сведения, — сказал арфист, — стоят куда больше одной кружки эля. Позволь мне поставить тебе еще одну.

Конан позволил. Прихлебывая эль, некоторое время они сидели и толковали о том о сем. Однако киммериец заметил, что ар-

фист явно о чем-то задумывается, а губы его время от времени шевелятся. Киммериец понял, что сейчас арфист перекладывает полученные сведения в песню. Вскоре арфист откланялся и ушел. Теперь уж новости быстро разлетятся по всей Аквилонии. Они обгонят даже гонца на резвой лошади. Отлично! Подброшено еще одно полено в готовый уже разгореться костер под названием «Шикас».

Дождь лишь накрапывал к тому времени, когда Конан вышел из «Медведя и Арфы». Ветер, напротив, усилился. Было сумрачно и пасмурно. Похоже, погода сильно охладила воинственный пыл бандитов. Увы! Конан понимал, что это ненадолго. Очень скоро они наконец сцепятся, и тогда уже кровь польется рекой.

— Конан! — прозвучал чей-то тревожный шепот. Обернувшись, Конан увидел в дверном проеме фигуру, закутанную в плащ с опущенным капюшоном. Сперва Конану показалось, что это Брита, но затем он увидел, что окликнувшая его женщина была куда выше ростом.

— Иди сюда.

— Привет, Делия, — улыбнулся киммериец.

Женщина буквально втащила его в дверь, после чего откинула капюшон. Конан оказался в парфюмерной лавке. Делия требовательно взглянула на пожилого торговца. Тот без слов удалился в подсобное помещение, оставив Делию с киммерийцем наедине.

— Ты подлая тварь! Что ты наделал! Максио жив и на свободе. Сейчас он прячется от Бомбаса и Ермака, но это ненадолго. Скоро он появится!

— Да? Ну и что с того? Уж я надеюсь, ты не хочешь, чтобы я убил его для тебя?

Она осмотрелась, будто опасаясь, что их подслушивают.

— Я думала, что мы с тобой уже договорились! — злобно прошипела она. На ее лице застыл ужас.

— Так оно и было, — сказал Конан. — Мы договорились. Я согласился заплатить тебе за информацию. А уж как я планировал использовать эту информацию — мое дело.

— Но теперь он убьет меня за то, что я предала его! — скулила она.

— Ничего подобного, — успокоил ее Конан. — Максио считает, что это дело рук Ермака. Что Ермак узнал о готовящейся краже и продал его. Я сказал Максио, что ты, едва услыхав об этом, сразу же послала меня с предупреждением.

Делия закрыла глаза и, похоже, сразу ослабла от облегчения. Сделав несколько глубоких вздохов, она снова выпрямилась, а затем так глянула на рослого киммерийца, будто хотела прожечь его своими прекрасными глазами.

— Какую игру ты затеял, хитрая варварская бестия? Я разве что в ногах у тебя не валялась, а ты использовал меня как очередную ступеньку в твоих грязных планах.

— А чего ты ожидала? — возразил он. — Ты ведь продала мне своего любовника.

— Конечно, — прорычала она. — Но я отдала его тебе в руки, потому что хотела очутиться в твоих объятиях. Как ты понимаешь, это несколько иное, нежели бы я сдала его властям за вознаграждение. До такого я бы никогда не опустилась! — Она выглядела так, будто действительно была оскорблена до глубины души.

— Я не хотел задевать твоей чести, — сказал Конан.

— Но ведь ты, в конце концов, мог бы меня предупредить, — сказала она. Гнев ее, сменившись облегчением, быстро рассеялся.

— Я был очень занят. И кроме того, старался не показываться в городе.

— Я охотно верю тому, что ты был занят. Стоило тебе появиться здесь, в городе, как начался сущий бардак. Раньше было как? Между шайками существовали основные соглашения, и все шло как надо. Лишь изредка случались отдельные ссоры и убийства. Теперь никто никому не верит, все друг друга подозревают. Ты соображаешь, что творишь?

— Успокойся. Тебе не грозит никакая опасность, если ты будешь осторожна, — утешил он ее.

— Ну хорошо, хорошо, я верю тебе, — сказала она, вдруг смягчаясь.

Тут Конану на ум пришел еще один вопрос:

— Делия, тебе известно что-нибудь о черноволосой женщине, которая недавно появилась в городе и разыскивает кого-то или что-то? Возможно, она называет себя Альтаира.

— Эта тварь! — воскликнула Делия. — Я видела ее в Дыре. Она расхаживала там после наступления темноты так же безбоязненно, как целый отряд вооруженных до зубов солдат, и при этом никто не осмеливался подойти к ней. Никогда мне не приходилось видеть мужчину, который выглядел бы и вполовину столь смертоносным, как эта женщина. Тебе-то она зачем?

— Да просто так. Хотел узнать, чем она занимается. Мне кажется, что она кого-то ищет. Или что-то. Возможно, это каким-то образом связано с тем делом, которым я занимаюсь.

— Я слышала, она ожидает здесь Мульвикса, — сказала Делия.

— А кто он такой, этот Мульвикс? — спросил Конан. Он пытался припомнить, где слышал это имя.

— Это караванщик, который навещает Шикас раз или два в год. Как и большинство караванщиков, он, в частности, занима-

ется контрабандой и перепродажей. Я не сомневаюсь, что и он, и эта женщина связаны какими-то грязными делишками. — К Делии вернулся ее обычный вид откровенного кокетства. — Ты хочешь, чтобы я узнала о ней все, что смогу? Я могу подобраться к ней куда ближе, чем любой из мужчин в этом городе. Уж не знаю, что у нее на уме, но вряд ли она станет смотреть на меня как на свою конкурентку.

— Нет! — сказал Конан. — Держись от нее подальше и даже не задавай о ней вопросов. Она исключительно ловко умеет устранять любого, кто вызывает хоть малейшее ее подозрение.

Делия взвилась, как ужаленная.

— Ах, ну ладно. Если моя помощь для тебя — тьфу... — Она выдержала паузу, будто ожидая, что Конан начнет протестовать. Однако он не стал этого делать.

— И вот мой тебе совет. Уладь поскорее дела с Максио, — сказал он.

Она топнула ногой в ярости:

— Я совершенно тебя не понимаю!

И Делия выскочила из лавки.

Запах благовоний напомнил Конану о том, что он находится в парфюмерном магазине. Оставшись один, он окликнул хозяина, который скрывался в задних помещениях. Когда тот появился, он спросил старика, не видел ли он Бриту.

— Почти каждый день приходит, — сказал он. — Да что далеко ходить. Еще сегодня утром заглядывала. Опять расспрашивала о своей сестре. На вид нормальная благовоспитанная девушка, хотя я подозреваю, что у нее не все дома. Спятила из-за сестры. — И он со значением постучал себя по голове костлявым пальцем.

Конан кивнул. Он был доволен. Присутствие в городе черноволосой женщины, Альтаиры, и ожидаемое прибытие в скором времени караванщика Мульвикса отлично увязывалось со всем тем, что говорил Пирис. Все остальное в истории маленького человечка выглядело более чем сомнительным. То, что головоломка начала складываться, навело Конана на новые мысли.

— У тебя есть благовония с запахом лилий? — спросил киммериец торговца.

— Конечно, мой господин.

Он подошел к полке и взял небольшой флакончик:

— Вот. Урожай этого хода в Кеми, где, как всем известно, растут лучшие в мире лилии. Это для... э... той дамы, которая только что здесь была?

— Нет, — сказал Конан. — Это для другой подружки. Я хочу, чтобы ты доставил это по адресу.

— Нет проблем, — заверил его торговец, беря со стола пергамент и перо. — Кто получатель?

— Пирис из Шадизара, — сказал Конан.

— Не соблаговолишь ли ты сказать мне адрес этого господина?

— Городская тюрьма, — ответил киммериец.

Перо дрогнуло в руке у торговца, уронив на пергамент каплю чернил.

— А? Я правильно понял тебя, достойный господин? А то мне показалось, будто ты сказал «городская тюрьма».

— Именно это я и сказал, — подтвердил Конан.

Старик философски пожал плечами:

— Как угодно. Желаешь ли присовокупить какое-нибудь послание к подарку?

— Просто скажи вот что: «Конан тебя не забыл. Пока это все, что я могу для тебя сделать. ОНО почти у меня в руках».

— Что почти у тебя в руках?

— Он поймет, что я имею в виду. — Затем Конан заплатил цену — на его взгляд, чудовищную за такое дерьмо — и вышел из лавки.

Пересекая мокрую от дождя Площадь, киммериец едва не налетел на какого-то толстяка, вперевалку спешащего в противоположном направлении. Это был городской голова. Когда он рассмотрел под капюшоном лицо Конана, у него даже челюсть отвалилась.

— Киммериец! Ты жив!

— Да, но отнюдь не благодаря тебе!

Рука Конана непроизвольно легла на рукоять меча. На мгновение ему больше всего на свете захотелось зарубить городского голову прямо здесь, на месте. К удивлению Конана, на жирной морде Бомбаса выражение, которое можно было истолковать однозначно: радость.

— Я думал, что Максио и его люди убили тебя! Мы видели, как ты перебрался через мосток на крышу, после чего исчез. Мы не слышали ничего — ни криков, ни звуков сражения. Мы были уверены, что кто-нибудь — Максио или кто-то из его людей — вонзил тебе кинжал в спину в тот самый миг, как ты спустился в лаз. Именно поэтому я и решил не щадить этих негодяев. Я так рад узнать, что ты жив!

— Стало быть, — начал Конан, — ты признаешь, что поджег городскую казну, пока я находился там, внутри?

Бомбас огляделся, будто боясь, чтобы кто-нибудь ненароком не подслушал их разговор.

— Это вышло по случайности. Один из моих болванов-инвалидов уронил горящую масляную лампу. Масло разлилось и попало на большую кучу пакли, которую мы набиваем в ящики, когда перевозим хрупкие вещи. Все запылало мгновенно. Пожар

был таким, что ничего нельзя было сделать. Конечно, в официальном рапорте я написал, что взломщики подожгли казну, чтобы прикрыть свой отход. Кто-кто, а ты-то должен понимать такие вещи! Как бы то ни было, они все равно виновны. Кстати, друг мой, удалось ли Максио бежать?

Киммериец ухмыльнулся:

— Когда я в последний раз видел его, он был в самом добром здравии.

— Да падет проклятье богов на голову этого человека! Конан, нам надо обсудить немало вещей. Идем в мою резиденцию, поговорим.

— Боюсь, что не смогу, — сказал Конан, не желая совать голову в ловушку. — Давай потолкуем здесь. — Он вошел в небольшую лавчонку, пристроенную к статуе какого-то давным-давно уже умершего городского благодетеля.

Бомбас вошел следом за ним.

— Конан, друг мой, ситуация в Шикасе выходит из-под контроля. Возможно, ты слышал, что Лисип созывает всех главарей на переговоры, в надежде уладить спорные вопросы прежде, чем весь город охватит огонь.

— Слышал, — подтвердил Конан.

— Я дал согласие на проведение этой встречи. Я буду присутствовать там. Не согласишься ли ты пойти туда в качестве моего телохранителя?

— У тебя же есть телохранители, — заметил Конан.

— Я не вполне доверяю им и поэтому не хотел бы от них зависеть, — сказал Бомбас. — Кроме того, на сегодняшний день ты — боец номер один в Шикасе. Тебя почти все боятся. Твое присутствие заставит этих мошенников вести себя уважительно по отношению ко мне. А уж я щедро оплачу тебе труды.

— Ну ладно, — сказал Конан. — Хорошо. Денег мне не надо, просто освободи Пириса.

— Согласен. Я освобожу его, как только мы вернемся с переговоров.

— Нет, освободи его, когда мы отправимся на эту встречу. Кто знает, вернемся ли мы оттуда живыми.

Бомбас пожал плечами:

— Ладно, пусть будет по-твоему. По большому счету этот человек не очень-то мне нужен.

— Когда и где назначена встреча? — спросил Конан.

— Насчет времени и места договоренности пока что нет. В настоящий момент Ермак и Ингас еще не дали своего согласия присутствовать. Кроме того, неизвестно, что выкинет Максио. Встреча, по всей видимости, состоится в «Химере», которая находится на нейтральной для большинства территории. Я со-

общу тебе, как только все будет улажено. Где тебя можно найти?

— Я сам тебя найду. Если у тебя все, то мне пора идти.

С этими словами Конан повернулся и вышел. Поскольку киммериец не хотел, чтобы Бомбас видел, как он входит в храм, пришлось пройти по главной улице на север.

Для начала Конан решил заглянуть в гостиницу и выяснить, как дела у Бриты. Но ее в комнате не оказалось. Хозяин гостиницы подтвердил, что она то и дело приходит и уходит. Кроме того, сообщил, что какой-то молодой человек с двумя мечами спрашивал о Конане. Касперус! Однако встреча с ним не входила в ближайшие планы киммерийца. Успеется еще!

Когда Конан вернулся в храм, было уже совсем темно. Аколит провел его в новую комнату. Комната была расположена напротив помещения, где содержалась взаперти Риетта. Окно со ставнями в отведенной Конану комнате выходило на мощеный двор. Конан знал, что кухня также выходит на этот двор. Пока он стоял и смотрел в окно, какая-то послушница выплеснула из задней двери таз горячей воды, намочив и без того уже мокрые камни.

Под окном имелся узкий карниз. Высунувшись из окна и посмотрев вверх, Конан увидел, что по этому карнизу несложно будет добраться до крыши. Неожиданно для себя Конан отметил, что все дороги по этому городу он мысленно прокладывает либо по крышам, либо по сточным трубам, но отнюдь не по улицам и мостовым, как обычные горожане.

Кроме киммерийца и молодой узницы, на этом этаже больше никто не жил. Подкравшись к двери Риетты, Конан заглянул в глазок. Риетта лежала, неестественно бледная и неподвижная. Только еле заметное колыхание одеяла на груди, вздымающейся и опускающейся при дыхании, указывало на то, что девушка еще жива.

Конан сунулся в соседнюю комнату. Здесь тоже пусто, только голые стены. Еще одно помещение соединялось с комнатой Риетты небольшим окошком с необычайно толстым стеклом. На подоконнике мерцала масляная лампа. Разделяющее две комнаты стекло имело неровную поверхность, но тем не менее сквозь него можно было довольно неплохо рассмотреть все то, что делалось у соседа. Конан выбрался на крышу и перебежал на другой конец здания. Свесив ноги, он мгновение держался лишь на пальцах рук, а затем спрыгнул на парапет и оказался прямо перед своим окном. Варвар вновь залез в комнату, с удовольствием отметив, что теперь может передвигаться по храму, минуя нижний зал. Поскольку никаких других дел на этот вечер у него не было, Конан завалился спать.

Проснулся он с дикой головной болью. Это было нечто новенькое! Обычно киммериец просыпался полный сил, бодрый, готовый действовать. Сейчас же голова у него раскалывалась так, будто накануне он получил приличный удар дубиной. Затем Конан почувствовал еще кое-что. Очень слабый запах. Дымок. Тот самый запашок, что варвар обнаружил в комнате Риетты.

Конан быстро вскочил и кинулся к окну. Невзирая на легкое головокружение, он выбрался на карниз, а оттуда на крышу. Там он несколько раз глубоко вдохнул холодный ночной воздух. Звезды над головой на мгновение стали необычайно яркими. Казалось, они меняют свой цвет и месторасположение. Наваждение длилось несколько секунд, а затем все встало на свои прежние места.

Очевидно, дым черного лотоса действовал куда быстрее, чем зелье, которое давали простым аколитам. Однако и проходил дурман быстрее. Он исчезал, как только рассеивался ядовитый дым и жертва вдыхала чистый воздух. Конан не знал, с помощью какого устройства дым направлялся в комнату Риетты. Ясно одно — малая толика отравы попала в зал и оттуда — в комнату киммерийца.

Конан бросился в соседнюю с комнатой Риетты каморку и обнаружил, что лампа горит теперь слабее, пламя стало неровным, колеблющимся. Однако ни один из аколитов в последние несколько часов не входил сюда. За стеклом Конан заметил слабое сияние. Прежде чем заглянуть в окошко, он усилил огонь в лампе — во-первых, чтобы яснее видеть, а во-вторых, чтобы отсвет ненароком не упал на лицо. В углу кельи Риетты копошилась какая-то погань. Конан ощутил, как волосы на затылке становятся дыбом. К горлу подступила тошнота. Ибо варвар увидел действие истинной магии, а не глупые фокусы, что двое мошенников проделывали перед статуей Матери Дурги. Верхняя часть туловища у гадины непропорционально вытянута, огромная тыквообразная башка почти касается потолка. Монстр был зеленоватого цвета и слабо светился, но свечение исходило не от него самого — будто бы солнце иного мира озаряло чудовище. Вместо глаз на морде зияли глубокие дыры. Рот усеян сотнями иглоподобных зубов. Даже видавший виды киммериец немного оторопел. Можно только гадать, сколь ужасным представлялся этот монстр бедной, одурманенной зельем девчонке.

Чудовище вытянуло вперед длинную, как у обезьяны, руку и ткнуло когтистым пальцем в угол, где, как предположил Конан, сейчас сжалась в комок Риетта. Загремел гнусный голос:

— Я пришел за тобой, дева! — Голос звучал громко, однако слова произносил крайне невнятно. К тому же в голосе демона сквозило нечто неуловимо знакомое. — Я пришел за тобой! Про-

клятие твоей матери отныне пало на тебя. Охранная магия слабеет! Я смогу пробиться сквозь нее, и тогда ты станешь моей! — Демон двинулся вперед, и девчонка истошно закричала. Пронзительный вопль, будто бритва, полоснул по напряженным нервам киммерийца.

Конан услышал на лестнице торопливые шаги и решил, что насмотрелся достаточно. Он быстро перебрался через крышу и залез в окно своей собственной комнаты. Конан собрался уже бежать в нижний зал, но вдруг сообразил, что полностью одет. Это может вызвать подозрение. Поэтому он сорвал с себя куртку и штаны, схватил меч и выскочил в одной лишь набедренной повязке.

При появлении великана варвара пара послушников обернулась. Глаза их округлились от страха.

— Откройте! — приказал Конан.

— Лишь Святая Мать Оппия или Великий-Духом Андолла имеют право... — Послушник осекся и сдавленно захрипел, когда острие меча уперлось ему под подбородок, заставив откинуть голову так, что макушка уперлась в дверь. Другой послушник со всех ног бросился отодвигать задвижку.

Оттолкнув двух трясущихся стражей, Конан ворвался в келью Риетты. Вонь от черного лотоса все еще чувствовалась. Кроме того, Конан услышал свист, будто кто-то огромный с силой втягивал в себя воздух. Так было и в тот раз, когда киммериец впервые вошел сюда. В углу дрожащим комочком сжалась девушка. Положив меч на пол, Конан присел и осторожно взял ее за руки:

— Призрак исчез, крошка. Посмотри на меня.

Сначала казалось, девчонка с трудом понимает киммерийца, так широко распахнулись ее глаза. Но вот на лице появилось выражение крайнего удивления. Конан понял, что сам он представляет для нее зрелище не менее ужасающее, чем демон. Но все-таки варвар был человеком, а не порождением преисподней.

— Ты кто? — пролепетала Риетта. Голос ее дрожал, однако в нем отсутствовали интонации, свойственные безумцам.

— Ты что здесь делаешь? — раздался резкий возглас со стороны двери.

— То, для чего меня наняли, — ответил киммериец, поднимаясь. Меч вновь очутился у него в руке. Он обернулся и увидел Андоллу. Конан бросил взгляд за плечо Андоллы, в угол, откуда появлялся демон. Взору предстало небольшое квадратное отверстие в стене, затянутое тканью. Тут Конан сообразил, что голос демона точь-в-точь напоминает голос Андоллы, пусть даже и искаженный. Выходит, отверстие в стене — самый обыкновенный

капкан переговорной трубы. В зажиточных домах такие трубы использовали, чтоб вызывать слуг.

— Тебе нечего здесь делать! — бросил жрец. — Тебя наняли, чтобы ты охранял девушку от бандитов. А дела астрального мира оставь мне и Святой Оппии. Ступай вон!

— Я уйду лишь тогда, когда увижу, что девчонка в безопасности, — рявкнул Конан. Потом глянул на разинувших рот послушников. — Принесите свет! — приказал он.

— Для чего? — удивился Андолла, когда послушники побежали за лампами и свечами.

Конан подошел к окну.

— Хочу убедиться, цела ли решетка. Может, девушка заметила лица за окном и перепугалась.

— Глупец! — фыркнул Андолла. — Ты что, не видишь, что ставни закрыты изнутри?

И правда, закрыты! Но Конан не собирался так просто отступать.

— Неужели ты не понимаешь, — проворчал он, — что опытные взломщики с легкостью могут открыть любую задвижку.

— Ну что там еще, о муж мой? — послышался голос Оппии.

Конан даже не обернулся. Держа в руке свечу, он тщательно осмотрел бронзовую решетку. Здесь он обнаружил одно странное отверстие. Наклонившись пониже и сделав вид, что исследует, прочно ли сидят прутья в гнездах, Конан ощутил знакомый запах. Так вот как нагнетается дым черного лотоса в помещение! Конан выпрямился и повернулся к остальным:

— Да, решетка цела. Я так понимаю, это опять демон?

— Слишком уж ты любопытен для простого охранника, — возмутился Андолла. — В нашем храме нет места для грубого дикаря, к тому же напрочь лишенного веры.

— Великий-Духом, позволь мне все ему объяснить, — встряла в разговор Оппия. — Это слишком незначительные дела для того, на чьих плечах лежит тяжелая обязанность изучения великих ритуалов. Прошу тебя, муж мой, возвращайся к своим возвышенным изысканиям и позволь мне уладить ничтожные земные дела.

Жрец вновь обрел свою пошатнувшуюся было величавость.

— Как скажешь, дорогая. Но прошу тебя, подумай еще раз об этом неверующем варваре. Одно его присутствие оскорбляет Матерь Дургу.

— Матерь Дурга находит применение для любого живого существа, — напомнила она ему.

Что-то ворча себе под нос, жрец удалился. Оппия бросила аколитам:

— Вы можете идти.

Когда послушники убрались, Оппия взяла Риетту за плечи. В глазах девушки вновь вспыхнул панический ужас. Оппия влепила ей несколько пощечин, при каждом ударе оставляя красные следы на бледных щеках.

— Это ты позволила ему снова прийти! — кричала она. — Слабостью своей телесной и слабоверием ты допустила, чтобы он появился! Великий-Духом Андолла и я — мы из сил выбиваемся, предаваясь ритуалам и заклинаниям денно и нощно, дабы оградить тебя от мира духов! О, сколь же ты эгоистична! Дитя мое, я огорчена! Ты расстроила меня. Я отступаюсь от тебя. Скоро и Матерь Дурга отступится от тебя тоже. Ты должна доказать ей свою преданность и силу веры, иначе наша охранная магия будет бессильна. Ибо лишь любовь к тебе Матери Дурги дает нам силу защищать тебя. Забудь о себе, покажи Матери Дурге, сколь велика твоя любовь к ней! Только жертва золотом и драгоценными камнями тронет ее сердце, ибо эти вещества священны для Матери Дурги. Для нас на этом ничтожном земном плане, в этой временной земной обители, в коей мы заключены, они — просто бесполезный хлам, но в высших мирах и более высоких планах, где обитают боги, они имеют магическое значение. Принеси же нам эти вещи, чтобы мы, в свою очередь, отдали их Матери Дурге, и тогда, может быть, тебе еще удастся спастись! Тогда, может быть, Матерь Дурга сжалится над тобой и разрушит проклятье, что тяготело над женщинами твоего рода в течение многих поколений!

Оппия отпустила плечи Риетты и замерла. Лицо жрицы исказила гримаса отвращения при виде того, что девушка вот-вот вновь истерично разрыдается.

Конан оттолкнул Оппию и подхватил девушку на руки. Несчастная пленница была не тяжелее перышка. Конан осторожно уложил девушку на кровать и накрыл тонким одеялом.

— Хватит, — сказал киммериец Оппии. — Выйдем, поговорим.

Оказавшись снаружи, Конан закрыл дверь в келью узницы и задвинул глазок. Пока он проделывал все это, Оппия с большим интересом рассматривала варвара. Обнаженное тело Конана бугрилось узлами мышц. На бронзовой коже хорошо были видны старые боевые шрамы. Вражеские клинки и когти диких зверей оставили множество отметин. Двигался варвар, подобно тигру. На свете, конечно, много найдется сильных мужчин, но именно неукротимая сила в соединении с удивительной стремительностью ставила Конана на голову выше всех остальных бойцов. Оппия превосходно все понимала, и это читалось в ее откровенно интимном восхищенном взгляде, с которым Конан встретился, когда обернулся.

— Этак она долго не протянет, — предупредил варвар.

— Никто прежде так не сопротивлялся, — призналась Оппия. — Я не понимаю, она упряма или попросту глупа. Почему, будучи столь напуганной, она не может найти способ вытащить из отца деньги?

В ответ Конан зловеще ухмыльнулся:

— Оставь ее мне. Она сделает все, что нужно.

— Мой муж никогда не согласится, — сказала Оппия.

— Не верти. Ты единственная, кто заправляет здесь всеми делами. Предоставь девчонку мне, и скоро ее папаша запляшет под нашу дудку, как миленький.

— Ну хорошо, — Оппия пожала плечами. — Ты меня убедил. Сможешь управиться с этим побыстрее?

— В любом случае придется поторопиться, — проговорил рассудительно Конан. — В городе вот-вот прольется кровь. Либо он выгорит до основания, либо сюда войдут королевские войска и наведут порядок. И то и другое для вас плохо. Но пока еще есть время. Вы успеете забрать все, что наворовали, прихватить своего дурацкого идола и свалить.

Оппия доверительно улыбнулась:

— У нас есть чертежи идола. Мы всегда сможем сделать нового. Однако же быстро ты раскусил нашу игрушку.

— Для того, кто не одурманен, это ясно, как день. Кстати, чем вы глушите мозги этим болванам?

— Особая вытяжка из корня голубого лотоса. Я привезла ее из Стигии. Стоит чертовски дорого, но, впрочем, давным-давно окупилась. — Жрица подошла к Конану вплотную и оценивающе похлопала по широченной груди киммерийца, будто выбирая себе подходящего жеребца.

— А демон, которого эта девица только что видела? — спросил Конан. — Он настоящий?

— Да. Мой муж сумел вызвать его посредством магии. Однако же это безмозглая и безгласная тварь, подобная дыму. Андолла убежден, что с помощью более сильной магии он сможет сделать демона абсолютно реальным. Ну ладно, поговорим о другом, более приятном. — Оппия подступила вплотную и призывно подставила киммерийцу губы.

Да, бабенка она, конечно, соблазнительная! Однако киммериец понимал, что стоит ей оказаться в его объятиях, как он тут же сожмет ее прекрасную лебединую шею и будет сжимать до тех пор, пока не задушит. Он отступил.

— Что беспокоит тебя, киммериец? — выдохнула она.

— Если твой муж умеет вызывать демона, — проворчал Конан, — он может насылать их на тех, кто ему неугоден. Скажем, на того, кто крутит шашни с его женой.

Оппия презрительно улыбнулась:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что столь отважный боец испугается фантомов?

— Людей я не боюсь и страха пред огнем и сталью не ведаю. Но любой человек может бояться сверхъестественного. В этом нет бесчестия.

— Ты меня разочаровываешь. Я думала, ты умный человек, а на самом деле оказалось — суеверный варвар.

— Я действительно варвар. Кроме того, я достаточно повидал, чтобы у меня пропало любое желание иметь дела с миром духов. Что сможет сделать сталь против фантома, проходящего сквозь стены и броню?

— А если, скажем, награда за риск — это я? — спросила Оппия.

— Ты красивая женщина, — признал Конан. — И воля у тебя сильная. Если бы ты могла положить конец магическим изысканиям муженька...

Жрица отступила на шаг:

— Поглядим. Я обдумаю твое предложение. Но ты должен доказать мне свою абсолютную преданность. — Она бросила взгляд на дверь, за которой находилась Риетта. — Впрочем, думаю, ты знаешь, как это сделать. — Оппия повернулась и пошла к лестнице. — Спокойной ночи, киммериец.

Размышляя о том, что жизнь в этом храме имеет много общего с жизнью среди утесов родной Киммерии, Конан снова вылез в окно. На этот раз он начал спускаться с карниза на карниз, пока не оказался на пустынном дворе. Через заднюю дверь он вошел на кухню. Там никого не было. Слабо тлеющие угли в очаге давали достаточно света для острых глаз киммерийца. Конан набрал мяса, сыра, фруктов, хлеба и все это завернул в скатерть. В свою флягу он налил молока из кувшина и закрыл флягу крышкой. После этого тем же путем, каким выбрался во двор, вернулся к себе в комнату. Из ящика стола он вынул две свечи: одну — для освещения, для другой же — у него была припасена иная цель.

Оказавшись у двери Риетты, Конан постучал, затем открыл. Девушка села, с тревогой глядя на почти голого дикаря, вдруг оказавшегося в ее комнате, освещенного дрожащим светом одной-единственной свечи. Она прижалась к стене, подтянув колени к подбородку и охватив их руками.

— Кто ты и зачем пришел?

— Я Конан из Киммерии. — Варвар поставил свечу на пол, прихваченный из кухни узел положил на ее кровать, а затем вышел. Через несколько секунд он вернулся со стулом. Сев, он развязал скатерть.

— Я здесь для того, чтобы помочь тебе. Вот, возьми!

— Что это? — с тревогой спросила девушка.

— Старое киммерийское целительное средство. Называется жратва. Давай ешь.

— Но Святые и Всеблагие Андолла и Оппия приказали мне...

— Оппия доверила мне твое лечение, — сообщил Конан, не обращая внимания на протест. — Тебе надо съесть все это. Только ешь очень медленно, а иначе тебе будет еще хуже, чем сейчас. Начни с фруктов, затем попробуй съесть немного мяса или сыра. Хлеб смочи молоком, иначе не сможешь его проглотить. Если в течение нескольких недель ты не видела ничего, кроме здешнего месива, твой желудок забыл, как управляться с пищей. Так-то вот.

Риетта была озадачена. Однако столь привыкла подчиняться, что подчинилась и Конану. Пока девушка ела, киммериец взял незажженную свечу и подошел к окну. Свечу он забил в отверстие, а затем, чтобы ее не было видно, утрамбовал рукоятью кинжала. Тщательно осмотрев свою работу и удалив следы воска, он вернулся и подсел к девушке на кровать.

— Погоди, остановись, — велел Конан. — Сперва посмотрим, сможешь ли ты удержать съеденное. Если сможешь, то съешь остальное. Ну а теперь выкладывай мне насчет этого проклятия, которого ты так боишься.

— Это проклятие нашего рода, переходит от матери к дочери по женской линии, — неохотно проговорила она. — Несколько поколений тому назад мы были прокляты за кощунство. Боги послали демонов, чтобы те мучили нас до тех пор, пока либо демоны не унесут нас, либо мы не отдадим наши жизни, чтобы избежать мучений. Моя мать отдала свою жизнь, чтобы вырваться от демона, который преследовал ее. Теперь то же самое происходит и со мной.

— Это твоя мать тебе рассказала? — спросил Конан.

— Кое-что рассказала она. Остальное разъяснили мне Святые и Всеблагие Андолла и Оппия. А кроме того, они объяснили мне, что я должна делать, дабы очистить свою душу от проклятия.

— Дитя, у твоей матери было не все в порядке с головой, а проклятие, о котором она тебе говорила, существовало только в ее воображении.

— А демон! — запротестовала было Риетта.

— А ты когда-нибудь видела его прежде, чем оказалась здесь, в храме? Точнее, прежде чем тебя поместили в эту комнату?

— Э-э... нет. — На ее лице появилось странное выражение. Казалось, она вот-вот снова устроит истерику. Киммериец понял, что слишком давит на девчонку.

— Риетта. — Она выглядела удивленной, услышав свое имя. — Риетта, — повторил он. — Я клянусь тебе, что начиная с этой ночи ты будешь поправляться и что демон больше не придет к

тебе. Пойми, этот демон — просто нематериальная мразь. Тебе она в любом случае ничем не может повредить. Впрочем, больше она беспокойств тебе не причинит. Ну как, если все, что я тебе сказал, окажется правдой, ты будешь мне доверять?

Она медленно кивнула. Конан надеялся, что этот кивок и вправду означал утверждение, а не привычное согласие с любым, что бы ей ни сказали.

Когда Риетта доела все, что принес Конан, он собрал остатки трапезы — девчонке она наверняка показалась роскошным пиршеством — и унес скатерть с крошками в свою комнату. После этого Конан растянулся на кровати, решив отдохнуть. Поначалу он собирался просто вернуть девушку отцу, как и договаривался, однако теперь планы его изменились. Теперь Конану хотелось сравнять этот вертеп с землей. На меньшее он был не согласен.

Глава тринадцатая
КАРАВАНЩИК

Когда киммериец вошел в «Химеру», все разговоры оборвались. Покрытые шрамами, раскрашенные, татуированные лица повернулись к галерее, где стоял варвар, стряхивая капли дождя со своего плаща. Невообразимые рожи — одноглазые, безухие, с перебитыми носами — с пристальным интересом наблюдали, как Конан складывает плащ. Вешать его на крюк в галерее Конан не стал. Не то место. Едва отвернешься — и плащ сопрут.

Конан спустился с галереи в общий зал и стал осматриваться в поисках свободного столика. Наконец он заметил подходящий, расположенный в углу. Там можно было сесть спиной к стене и к тому же иметь хороший обзор всего помещения. Трое, которые уже облюбовали этот стол, выглядели не более зловещими, чем вся прочая публика. Конан подошел к столу и сверху вниз глянул на троих сидящих, которые тут же прервали игру в кости.

— Вы не возражаете, если я к вам присоединюсь? — спросил он.

Даже гигант киммериец не захотел бы нарушать неписаные правила, которые царствовали здесь, где любой промах легко мог окончиться смертью. Хотя, конечно, в глубине души Конану страшно хотелось затеять драку. Человек с вытатуированным на лбу изображением черного паука и другой его напарник, с медным носом, привязанным к тому месту, где когда-то был настоя-

щий, подняли на Конана глаза, а затем перевели взгляд на третьего своего соседа.

Этот третий был еще более живописным уродом, нежели двое других. Одна его нога стояла неподвижно, вывернутая под странным углом, — колено было некогда раздроблено и срослось неправильно. Вместо одной руки — обрубок, кисть отсутствовала. Конан рассудил, что, должно быть, он оставил ее где-нибудь в тех краях, где такой способ наказания за кражу был общепринят. Шея у человека была кривой, голова скособочена и постоянно наклонена вбок, так что правое ухо почти касалось плеча.

— Присоединяйся к нам, воин, — сказал он удивительно баситым и звучным голосом. — Мы почтем за честь видеть за нашим столом новый кошмар, сошедший на Шикас, — в твоем лице. Эй, хозяин! Эль для киммерийца! — Он хихикнул. — Я слышал, ты любишь крепкие напитки? Когда-то в Боссонии мне приходилось встречаться с несколькими киммерийцами. Впрочем, они оказались на редкость занудными ребятами. Пили только воду и вечно ходили с мрачными рожами, будто на похороны собрались.

— Я мало похож на моих соплеменников, — ответствовал Конан. — В противном случае я до сих пор жил бы в Киммерии.

Он взял кружку эля, принесенную слугой, и, повернувшись к кривошеему, поднял ее:

— Благодарю тебя.

Человек с татуировкой в виде паука постучал костями в стаканчике.

— Мы играем в «смерть шемита», — коротко сказал он. — Ты как?

«Смерть шемита» — игра довольно быстрая. Человек проигрывает или выигрывает при первом же броске. Киммериец положил на стол несколько монет:

— Играю!

Кожаный стаканчик пошел из рук в руки. Каждый из сидящих разок перевернул его и встряхнул, выбрасывая кости. У Конана выпали три «звезды» и «кинжал». Так себе. Впрочем, у других броски были еще хуже. Конан подгреб к себе выигрыш, оставив несколько монет для следующей ставки.

— Это Паук, — представил кривошеий, неуклюже накренясь в сторону татуированного. — А это Медный Нос, — показал он на другого. — А меня зовут Фалькс Счастливчик.

Конан посмотрел на него скептически:

— На мой взгляд, тебе не очень-то улыбалось в жизни счастье.

Тот ухмыльнулся и покрутил кривой шеей:

— Если бы тебя повесили, но ты после этого остался в живых, — наверняка счел бы себя счастливчиком.

— Да, пожалуй, — согласился Конан. Он встряхнул стаканчик и выбросил кости. На этот раз выпало четыре «орла» — лучший из возможных бросков. Остальные застонали.

— «Богиня»! — торжествующе воскликнул Конан. Таково было традиционное название этого броска. Конан решил, что не зря ноги сами привели его в «Химеру» — не иначе, это было к удаче.

— Скажите мне, друзья, если человек хочет потолковать с Лисипом, как на него выйти?

Бандиты вылупились на Конана.

— Ну, например, можно привлечь к себе внимание, — проговорил Фалькс Счастливчик. — Ну уж кто-кто, а ты со времени своего прибытия сюда внимания привлек предостаточно. Я думаю, что старый Лисип не отказался бы встретиться с тобой.

— А ты мог бы это устроить? — спросил киммериец, пока Паук тряс костями в стаканчике.

— Думаю, да. Погодите-ка немного, не играйте без меня. — Фалькс встал и поковылял куда-то прочь. Остальные послушно прекратили игру, хотя, судя по всему, не особенно стремились вовлечь своего нового знакомого в разговоры. Конана это устраивало. Он пришел сюда не для того, чтобы вести задушевные беседы с отребьем и висельниками. Откинувшись на спинку стула, Конан спокойно сидел, прихлебывая эль, засунув большой палец левой руки за пояс.

Остальные посетители «Химеры» после первой вспышки удивления скоро перестали обращать на киммерийца внимание. Людей Ингаса в красных кожанках тоже здесь заметно не было. Не было никого и из парей Максио, что ходили вместе с ним на крышу королевской казны.

Через пару минут вернулся Фалькс Счастливчик.

— Лисип наверху, — сообщил он Конану. — Он встретится с тобой прямо сейчас.

Конан встал. Когда варвар шел по залу, а потом начал подниматься по лестнице вслед за Фальксом, медленно тащившимся впереди, все взгляды были прикованы к киммерийцу. Конечно, это небезопасно, но Конан не сомневался, что сможет в случае чего вырваться из «Химеры» наружу, изрубив в капусту слабосильных бойцов Лисипа.

Счастливчик подвел Конана к обитой железом двери, в которой имелось небольшое окошко, забранное железной решеткой. С внутренней стороны окошко открылось, и Конан увидел чей-то подозрительный глаз. И киммериец, и Счастливчик отступили, чтобы наблюдатель мог убедиться, что с ними больше никого нет. Наконец дверь открылась, и они вошли внутрь.

— Входи, — сказал человек, открывший дверь, здоровенный детина с длинными спутанными волосами, одетый в куртку из выделанной кожи, усеянной остроконечными бронзовыми заклепками. За поясом у детины была палица с шипами. Над поясом колыхалось волосатое брюхо. Когда Конан и Счастливчик вошли, детина захлопнул за ними дверь и задвинул засов. В комнате царил полумрак.

— Что тебе от меня нужно? — послышался голос из задней части комнаты.

Конан осмотрелся. За широким столом сидел громадный человечище, дородный, но вместе с тем обладающий могучими мускулами. Массивная лысая голова, казалось, сидела прямо на покатых плечах, такой толстой и короткой была шея. Старые шрамы испещрили обветренное лицо и лысину. Огромные руки, лежавшие на столешнице, были узловатыми и заскорузлыми. Если бы не сплошная сеть морщин, покрывавшая его лицо, о возрасте этого человека было бы очень трудно судить. Он был похож на древнюю черепаху. Его черные глаза были лишены всякого выражения, точно глаза рептилии. Безгубый рот напоминал горизонтальную прорезь, сделанную ножом.

— Несколько слов с глазу на глаз, — сказал ему Конан.

— Ты можешь идти, — бросил Лисип Фальксу. — Умрук, останься, — приказал он охраннику. — Он не сможет подслушать.

Фалькс с неуклюжим поклоном вышел, а Конан сел на стул против старой черепахи, повернувшись так, чтобы Умрук не мог видеть движения его губ.

— Ты оскорбил моих людей на руднике, — начал Лисип без всякого предисловия. — Что ты там делал?

— Меня нанял Ксантус, — объяснил Конан. — На руднике я оказался просто так, ради любопытства. Твой человек грубо говорил со мной. И я бы мог его убить. Так что нечего ему жаловаться.

— Что за дела у тебя с Ксантусом? — спросил Лисип.

— Это останется между Ксантусом и мной.

— С тех пор как ты появился здесь, в городе только и разговоров, что о тебе, — заметил лисип. — Ты убил троих людей Ингаса на Площади. Две ночи тому назад из «Черепа» еще двое были посланы проследить за тобой, и больше их не видели. Ради которого тебя нанял Ксантус?

Конан пожал плечами:

— Тебе-то что до людей Ингаса?

— Мне на них наплевать. Однако в городе хватает неприятностей и без всяких там дикарей-киммерийцев. Я привык к тому, что все здешние головорезы работали на меня. Я следил за тем,

чтобы респектабельных граждан никто и ничем не беспокоил, ну разве что кражами. Воры никогда никого не убивали. Теперь все изменилось.

— Здесь все изменилось задолго до моего появления, — ответствовал Конан. — Впрочем, я думаю, можно вернуть старые порядки...

— Как? — изумился Лисип. Его глаза — глаза старой рептилии — слегка сузились.

— Ермак и Максио сейчас на ножах. Так или иначе, но скоро один из них убьет другого. И сразу станет легче дышать. Если умрет Максио, Бомбас перестанет ловить его и выбросит наконец из башки убийцу своего брата, а вместо этого займется делами ко всеобщей выгоде. Если погибнет Ермак, его люди либо уйдут из города, либо разбредутся по другим шайкам. Без Ермака они ничто. В любом случае, у тебя есть возможность контролировать того, кто останется в живых.

— Пожалуй, — согласился Лисип. — Но я не думаю, что у Максио много шансов. А если выживет Ермак...

— Именно, — сказал Конан. — А в этом городе я — единственный, кто может победить Ермака в открытом поединке.

— Как я понимаю, ты намекаешь, что хочешь поработать на меня? — спросил Лисип.

Конан откинулся на спинку стула:

— Я просто хочу сказать, что не являюсь твоим врагом. В настоящий момент я не собираюсь работать ни на тебя, ни на кого-нибудь другого. У меня свои дела. А в дальнейшем — кто знает? Скажем, так. Если выйдет, что в городе останутся лишь ты и Ермак, тогда мой меч к твоим услугам. За определенную плату, конечно.

— А до тех пор ты остаешься в стороне? — Черепашье лицо стало жестким, как камень.

— Если удастся не вляпаться в здешние разборки... Задержусь в Шикасе еще на несколько дней. Возможно, мне понадобится какое-нибудь укрытие, чтобы не маячить в городе.

— И это все? Укрытие я могу предложить тебе хоть сейчас. Скажем, подвал в «Химере»...

Конан покачал головой:

— Твой бывший боец, Юлус, сейчас работает на городского голову. Я могу поклясться, что он знает наперечет все твои норы. Нет, мне надо что-нибудь более надежное. Я слышал, что у тебя имеется одно подходящее местечко где-то недалеко от города. То самое, где ты держишь сопляков и баб, чтобы камнегрызы не выпендривались.

— Да, пожалуй, там ты был бы в безопасности. Но ты должен молчать об этом как рыба. Представляешь, какую глупость могут

выкинуть камнегрызы, коли узнают, где содержатся их подстилки и гаденыши.

— Могила, — заверил Конан. — В конце концов, мне жить тоже охота.

— Ладно. К югу отсюда, на берегу реки, находится древний форт. Когда-то это был пограничный форпост — еще до того, как начались офирские войны. В течение многих столетий форт пустует, но до сих пор еще в приличном состоянии. Вот там заложники и сидят под надежной охраной.

— Если мне понадобится туда отправиться, то как твои охранники узнают, что ты разрешил мне укрыться в этом форте? У меня вряд ли будет время послать вперед весточку.

Лисип открыл ящик стола и вынул плоский свинцовый медальон, на котором была выбита фигура химеры.

— Это моя печать. Покажешь ее человеку, охраняющему ворота, и он пропустит тебя.

— Как? Всего лишь один человек, охраняющий ворота? — спросил Конан. — Неужели на подступах не расставлены засады?

— Что? Засады? — удивился Лисип. — Ты это серьезно?

Конану только это и нужно было знать. Взяв печать, Конан сунул ее себе в кошель.

— Очень хорошо. До тех пор, пока твои головорезы не попытаются убить меня, я не выступлю против тебя. Когда же ситуация в городе изменится, мы еще поговорим.

Конан поднялся, затем опять повернулся к Лисипу:

— Да, я слышал, что намечается встреча вожаков.

— Откуда ты знаешь? — спросил Лисип, почти не разжимая губ.

— Бомбас сказал. Он не верит своим псам, считая, что они не смогут обеспечить его безопасность. Поэтому хочет, чтобы в качестве его телохранителя на эту встречу отправился я.

— Хм. В самом деле, такая встреча намечается. Если мне только удастся договориться с остальными паханами. Стало быть, ты на ней будешь?

— Мне за это заплатят, — сказал киммериец. — Но это работенка всего на одну ночь. Это не значит, что я принял сторону жирной свиньи.

— Хорошо. Со мной у тебя проблем не будет. Впрочем, толстяк, похоже, совсем спятил. В городе еще никто не свихнулся в достаточной мере, чтобы нападать на городского голову. Хотя честно тебе скажу, очень хочется.

— Кстати, Максио и в самом деле убил брата Бомбаса? Я слышал, что это произошло здесь, в «Химере».

Массивные плечи слегка колыхнулись. Видимо, это должно было означать недоумение.

— Кинжал и в самом деле принадлежал Максио. Ну а кому какое дело до того, чья рука всадила его? Бурдо был такой же скотиной, как и его братец Бомбас. Вообразил, что, поскольку у нас договоренность с городским головой, ему, Бурдо, позволено вытворять здесь все что угодно и никому не платить. И что при этом даже здесь, в Дыре, он будет в безопасности. И в том и в другом он заблуждался, особенно касательно последнего.

— Ладно, я это учту, — сказал Конан. — В самом деле, здесь никто не находится в безопасности.

— Никто, — подтвердил Лисип.

С тем киммериец и ушел, оставив главаря шайки ломать голову над только что услышанным.

Вернувшись в гостиницу, Конан направился к стойке, заказал себе эля. Вместе с кружкой бармен подал ему и сложенный листок бумаги:

— Попросили отдать тебе сегодня после полудня. Принес тюремщик.

От бумаги слегка пахло лавандой.

Конан развернул листок и прочел. Тонкой заморийской вязью было написано: «*Воистину, твой дар был щедрым. Большего от тебя я и просить не вправе. Но все-таки скажи, когда ты меня отсюда вытащишь?*» Усмехнувшись, киммериец скомкал листок и бросил его в очаг.

Допив пиво, Конан вышел во двор, где взял факел и зажег его от другого, уже горевшего. Поднимаясь по лестнице, он заметил, что там что-то изменилось. Наклонившись и поднеся факел к ступенькам, Конан убедился, что был прав. На ступеньках расплывались пятна только что пролитой крови. Конан замер, потом вновь осторожно двинулся вперед. Кровавый след тянулся по галерее, а перед дверью его комнаты натекла целая лужа.

Киммериец бесшумно обнажил меч. Резким рывком он распахнул дверь и сунул туда факел, отведя руку для удара. Однако же внутри все было тихо и спокойно. На кровати он разглядел Бриту с пепельно-серым лицом и широко раскрытыми глазами. На мгновение он решил, что женщина мертва и что это ее кровь. Затем киммериец увидел распростертый на полу труп мужчины.

— Есть тут кто-нибудь? — спросил он, все еще держа наготове меч.

Брита подняла голову и удивленно посмотрела на киммерийца, будто в первый раз увидела. Конан вложил меч в ножны и притворил за собой дверь.

— Ты ранена? — спросил он. Она снова молча покачала головой. — В таком случае, что с тобой? Это же просто труп. В отличие от живых, с трупами не бывает проблем.

Конан перевернул тело на спину. У убитого было длинное костистое лицо. Длину лица еще более подчеркивала острая козлиная бородка. На мертвеце были тяжелый халат и высокие сапоги из тех, что любят носить караванщики.

— Как он здесь оказался? — спросил Конан.

— Совсем недавно, незадолго до тебя... — начала она. Потом замолчала и, наконец снова набравшись сил, продолжила: — В дверь кто-то постучал. Я думала, что это ты, и открыла. В дверях стоял этот тип. У него уже тогда было лицо трупа. Его одежда казалась буквально пропитанной кровью. О, Конан! Он был такой страшный! Он качнулся и сделал шаг вперед, прижимая к себе какой-то сверток. Выговорил только: «Для киммерийца...» А потом упал и лежит здесь до сих пор. Я попыталась перевернуть его, но он слишком тяжелый. Он мертв. А я сижу здесь, перепугана до смерти, боясь пошевелиться. Я не знала, что делать. Думала, что убийца, возможно, где-то снаружи.

Конан наклонился и осмотрел убитого. Кто-то вспорол ему живот кинжалом, выпустив кишки. Самого кинжала в теле не было.

— Должно быть, у этого человека было здоровье как у быка, коли с такой раной он смог подняться сюда, по лестнице, — проговорил Конан. — А где тот сверток, о котором ты говорила?

— Вон он. — Она указала в угол, где лежало что-то, завернутое в запятнанную кровью ткань. — Когда он упал, оно откатилось туда. Я побоялась его трогать.

Конан выпрямился:

— Не хотелось бы, чтобы тело обнаружили здесь. Внизу все тихо. Я отнесу его в аллею около Площади и оставлю там. Утром его найдут. Может быть, его товарищи захотят похоронить его как полагается. А ты тем временем вымой здесь. Ведро и воду возьмешь на кухне. Справишься?

Она молча кивнула.

— За дверью тоже кровь. И на ступеньках. Даже если ты пятно-другое не заметишь, все ж будет лучше. По крайней мере, не будет так бросаться в глаза, что тут кто-то умер. Если кто-нибудь завтра спросит тебя, откуда кровь, скажешь, что я пьяный сюда возвращался, оступился и расшиб голову.

— Как ты умудряешься думать обо всем сразу? — спросила она.

— Я скоро вернусь.

Конан поднял труп и взвалил его на плечо, не обращая внимания на кровь, которая пачкала одежду.

Когда киммериец тащил свою неподвижную ношу вниз по лестнице, никто в гостинице не подавал признаков жизни. Тихо было и на улице. К тому же даже если кто-нибудь и не спал, то

было слишком темно, чтобы что-либо разглядеть. Конан безо всяких препятствий донес труп до центра города. Он оставил его в боковой аллее, затем подошел к одному из фонтанов и по возможности смыл с себя кровь. С промасленной кожи кирасы кровь смывалась легко, а что до одежды, то всегда можно купить новую.

Вернувшись в гостиницу, Конан увидел, что Брита старательно скребет пол. Сейчас она выглядела обычной домохозяйкой. Похоже, знакомая работа успокоила ее и излечила от истерики.

— Я уже вычистила галерею и лестницу. Не думаю, что пропустила много пятен.

— В этом городе пролитой кровью никого особо не удивишь, — заметил Конан. — Но пока ситуация не станет для меня ясной, я не хотел бы, чтобы этот труп связывали именно со мной.

Конан пересек комнату и поднял лежащий в углу сверток, завернутый в окровавленную ткань. Для своего небольшого размера пакет был удивительно тяжелым. Конан вертел его в руках, рассматривая обертку. Грубая мешковина заляпана кровью, видны следы чьих-то грязных пальцев, однако сверток вроде бы никто пока не вскрывал.

— Но как он мог догадаться, что пакет нужно принести мне? — вслух удивился Конан.

— Что ты сказал, Конан? — переспросила Брита, отжимая в ведро розоватую воду.

— Ничего. Нужно решить, что с ним делать.

— А что это? — Она выпрямилась и подошла поближе. Однако Конан не позволил ей даже прикоснуться к свертку. Чем меньше она знает, тем лучше.

— Чем меньше ты будешь знать, тем лучше. Между прочим, из-за этой штуки, как ты сама могла убедиться, готовы пойти на убийство. Поэтому до тех пор, пока я не решу, что мне предпринять дальше, я должен ее спрятать.

— А где ты собираешься ее спрятать?

— Тебя не касается, — грубо бросил варвар. И, заметив обиженное выражение ее лица, добавил: — Ради твоего собственного блага! В этой маленькой вещи сокрыто большое зло. Чем меньше ты будешь с ней связана, тем лучше.

— Ах так!.. — разъярилась женщина.

— Я должен уйти. Скоро светает. Я быстро вернусь. У тебя есть все, что нужно?

— Да. Мне и нужно-то немногое. Я хотела бы, чтобы ты побольше бывал со мной. Или я тебе разонравилась?

— Нет. Но как я могу почаще бывать с тобой, если ты целыми днями шастаешь невесть где? А у меня появилось слишком много врагов. Женщина мне была бы обузой.

— Обуза! — яростно воскликнула Брита. — Стало быть, вот кем я теперь для тебя являюсь! Обузой! Ну хорошо. Я сама о себе позабочусь!

— Ладно. Некогда мне тут с тобой языком молоть. Увидимся позже. — И Конан ушел, ворча себе под нос о женщинах и их излишней обидчивости.

На главной улице Конан остановился. То, что он собирался сделать, требовало абсолютной секретности. Киммериец отыскал крышку люка. Потом сбегал во двор гостиницы и вернулся с факелом. Тут он неподвижно замер, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, и долго ждал, стоя в неподвижности, вслушиваясь и всматриваясь в темноту. Вокруг все было тихо. Наконец он быстро спустился в люк и оказался в хорошо знакомой ему уже Большой Клоаке. Подняв рукн, он задвинул крышку, поставив ее на место.

Недавно прошедший дождь хорошо промыл дренажную систему. В воздухе, конечно, ощутимо попахивало, но вонь была все-таки терпимой. Конан отошел на несколько шагов от люка, а затем положил тяжелый сверток на мокрые камни. Сев на сверток, он вытащил из своего кошеля, висевшего на поясе, кресало, кремень и трут. Добыть огонь, работая на ощупь, было сложным делом, но Конан был терпелив. Несколько минут он стучал в вонючей темноте кресалом по кремню, пока наконец на трут не попала искра. Конан осторожно подул. Красноватая точка начала разгораться. Над ней показался язычок пламени. Конан поднес ее к пропитанной маслом ткани, которой был обернут конец факела, не переставая дуть. Вскоре факел загорелся. Теперь у Конана был свет, и можно было двигаться дальше по Большой Клоаке.

По дерьмостоку Конан пробрался в подвалы театра, откуда поднялся на крышу. С крыши театра он перепрыгнул на крышу храма. Правда, ему пришлось употребить для этого всю свою ловкость, поскольку сверток был довольно-таки увесист. Оказавшись в храме, Конан не пошел в отведенные ему помещения, а вместо этого спустился по задней стене, предварительно привязав свою ношу за спину с помощью пояса. Войдя в безлюдную кухню, Конан спустился по лесенке в подвал. Здесь хранились дрова для жертвенников и очагов, старая мебель и куча другого хлама. Кроме того, здесь были установлены печи, которые использовались для нагревания воды при ритуальных купаниях и для обогрева всего храма при помощи системы труб. В одной из печей огонь горел постоянно. Конан первым делом убедился, что возле печи не сидит дежурный аколит. Только после этого киммериец раскрыл дверцу печи, при свете пламени развернул сверток и, скомкав, бросил в огонь окровавленную ткань. После чего взял в

руки злополучный талисман. Из-за него пролито столько крови, накручено столько хитроумных интриг.

Несмотря на яркие отблески огня, вещица казалась чернее ночи. Она сверкала, как бриллиант, и в то же время создавалось впечатление, будто она поглощает весь падающий на нее свет. Скорпион был выполнен с такими реалистическими подробностями, что, казалось, вот-вот он поползет на своих шести ногах, угрожающе выставив перед собой клещи. Конец его жала по-особому влажно поблескивал.

Тело насекомого венчала женская головка. Лицо у женщины черное. Широко раскрытые глаза подобны сгусткам тьмы. Глаза не имели ни зрачков, ни белков, но они явно не были слепыми. Они видели. На мгновение Конан почувствовал себя неуютно при мысли о том, что жуткий взгляд нелепого существа сейчас изучает его. Каким бы ни было истинное происхождение статуэтки, она действительно обладает великой магической силой. Варвар это нутром чуял. Даже вес у фигурки необычный. Будь она из чистого золота, все равно весила бы меньше.

Тут Конану пришла в голову блестящая идея — спрятать статуэтку прямо здесь, в храме. В углу большого помещения под главным залом имелась высокая каменная кладка — пьедестал, на котором покоилось некогда колоссальное изваяние Митры. Сейчас эта кладка поддерживала пьедестал с уродливым идолом Матери Дурги.

Однажды, много лет тому назад, Конану случилось исполнять рискованное поручение одного жреца-изгоя. В благодарность этот человек открыл Конану древнюю тайну своего клана. В каждом храме Митры, сообщил жрец, имеется камера внутри пьедестала, на котором стоит статуя божества. В этой камере в момент крайней опасности могут быть спрятаны сокровища или даже люди. Жрец-изгой поведал Конану, как можно попасть в такой тайник.

Конан направился к задней части пьедестала. Аккуратно отсчитав нужное расстояние от пола, Конан надавил на несколько камней, каждый из которых сдвинулся на долю дюйма. С виду камни полностью похожи на остальные, из которых сложен пьедестал. Только посвященные в тайну могли открыть тайник. Когда Конан нажал на последний из камней, целая каменная секция почти в рост человека плавно и бесшумно ушла внутрь.

Конан нагнулся и прошмыгнул в тайник. Оказавшись внутри, он принялся ощупывать стену справа от входа до тех пор, пока не обнаружил нишу, на которой до сих пор сохранились заготовленные заранее свечи. Взяв одну, Конан вышел, подошел к печи, зажег свечу и вернулся к тайнику. В центре камеры находился небольшой каменный пьедестал, доходящий Конану до по-

яса. В стародавние дни на таком пьедестале стояла маленькая статуя Митры, полностью повторяющая колосс, громоздящийся наверху. Теперь вместо Митры Конан водрузил на пьедестал Черного Скорпиона. В свете свечи поверхность статуэтки влажно поблескивала. Конан задул свечу, положил ее в нишу и выбрался из камеры. Затем, повернувшись, он нажал на особый камень у входа. Каменная дверь бесшумно вернулась на прежнее место. Прошло мгновение, и ее было не отличить от прочей каменной кладки. В первый раз с того момента, как обнаружил в гостинице труп, Конан вздохнул свободно. Когда удастся сбыть это сокровище с рук, он будет невероятно счастлив.

Он вышел из подвала. Возвращаясь назад через кухню, Конан не забыл прихватить мяса для Риетты.

Глава четырнадцатая

СХОДКА ГЛАВАРЕЙ

Итак, к настоящему моменту Конан заключил соглашение с Лисипом. Бомбас хотел, чтобы Конан стал его телохранителем на переговорах, если таковые будут иметь место; Максио пока не опасен — как и Ермак. Из явных противников у Конана оставался лишь Ингас. Обдумав и взвесив все это, Конан решил, что может теперь ходить по городу и днем, не рискуя получить нож в спину.

Ветреная дождливая погода вроде немного прояснилась, даже выглянуло солнце. На Площади было не протолкнуться, поскольку большинство горожан в ненастные дни не выходили из домов, теперь им нужно было пополнить запасы продовольствия, равно как и обменяться последними сплетнями. Когда Конан вышел на Площадь, здесь только и говорили, что о целой череде убийств, случившихся прошлой ночью. Остановившись у одного из лоточников, Конан стал расспрашивать о подробностях.

— Около полуночи Максио со своими людьми совершил набег на логово Ермака и убил троих. Впрочем, самого Ермака им достать не удалось.

— Максио? — переспросил Конан. — Но ведь его люди взломщики, а не воины.

— Они напали внезапно, когда все спали. Взломщики — большие мастера до подобных дел. Убили нескольких человек и исчезли. А позднее бандиты Ингаса подстерегли пятерых бойцов Лисипа в одной из улочек Дыры и зарубили их. Сегодня утром неда-

леко отсюда был найден мертвым караванщик. Правда, никто не знает, является ли это убийство результатом разборок между шайками.

Услышав новости, киммериец вернулся в гостиницу и вывел своего коня из стойла. Конан проехался до городских ворот, чтобы дать животному возможность размяться, а заодно и убедиться, что за ним хорошо ухаживали, что он способен на быструю скачку и не хромает. По прикидкам Конана, конь ему понадобится через день или два. Прежде чем возвращаться в город, Конан остановился возле луга, на котором расположился недавно прибывший караван. Здесь паслись животные, здесь же распаковывались товары для местных оптовиков. Конан приметил нескольких караванщиков, которые сидели вокруг костра. Подъехав поближе, он спрыгнул с седла.

— Это караван Мульвикса? — спросил он.

— Да, — откликнулся один, поглядев снизу вверх на верзилу чужестранца. — Но сам Мульвикс мертв. Его похоронили сегодня утром.

— Как это случилось? — спросил Конан.

Караванщик пожал плечами. На голове у него была наверчена грязная тряпка-чалма, через которую он поскреб макушку.

— Мульвиксу частенько приходилось возить опасный груз. Думаю, на этот раз удача изменила ему. Поздно ночью он отправился с какой-то драгоценностью, которую вез, в город, но не вернулся. Вероятнее всего, кто-то решил прикончить его, вместо того чтобы заплатить.

— И что же он нес?

Караванщик покачал головой:

— Мульвикс никогда не распространялся по поводу своего груза. А мы, хорошо зная его, предпочитали не спрашивать.

— Жаль, конечно, что Мульвикс погиб. Он был хорошим человеком, — вмешался в разговор другой караванщик. — Но вместе с тем хорошо, что эта штука, которую он вез, исчезла. Я думаю, это было что-то, с чем честному контрабандисту не подобает иметь дело.

— А почему? — поинтересовался Конан.

— Как только мы вышли из Бельверуса, — продолжал караванщик, — удача нас тотчас же оставила. Всевозможные несчастные случаи. Много животных пало. Кроме того, все мы страдали бессонницей, а если удавалось заснуть, то мучили кошмары.

— Это правда, — подтвердил первый, с грязной тряпкой на голове. — И животные все будто взбесились. Кусались, лягались, убегали. Каждое утро, когда мы их вьючили и седлали, начиналось сущее мучение. Ну а после сегодняшней ночи, когда Мульвикс со своей вещицей сгинул, — полюбуйтесь, какие ла-

пушки. — И караванщик указал на нескольких мулов, мирно пощипывающих травку. — Не скотина, а загляденье. Кстати, именно такими они и были до того, как мы сделали остановку в Бельверусе.

— Мульвикс связался с чем-то, с чем ему никогда не следовало бы связываться, — заметил седобородый погонщик мулов.

— Он ничего не говорил насчет того, кому он должен был передать эту штуку? — спросил киммериец.

— Ни слова, — сказал первый караванщик. — Мульвикс о таких вещах никогда не говорил. — Он бросил на Конана подозрительный взгляд: — А почему ты спрашиваешь?

— Я работаю на городского голову, — сказал Конан. Это было почти правдой.

— С каких пор этот жирный ублюдок начал печься о чем-либо, кроме своей выгоды? — спросил седобородый погонщик. — Мы всегда выплачивали ему королевскую долю, а кроме того, давали ему в лапу отдельно, чтобы только с ним не связываться. Что ему еще от нас нужно? Или же в этом проклятом городе появился новый налог на убитых?

— А коли так, — добавил караванщик с повязкой на голове, — пусть-ка жирный боров попытается вытрясти эти деньги из Мульвикса или с того, кто его убил. А от нас он больше ни гроша не получит. Не нравится — можем больше сюда не приходить. На этом городе лежит проклятье почище, чем на той хреновине, на которой погорел Мульвикс.

Конан улыбнулся:

— В следующий раз, когда пути ваши будут пролегать поблизости, приходите сюда снова, — посоветовал он. — Я думаю, что к тому времени здесь все совершенно изменится. Да и город станет поприличнее.

— Ну-ну, — отозвался седобородый. Он хотел еще что-то добавить, но Конан уже вскочил в седло и поскакал назад к городским воротам. Возле городских стен он смешался с толпой человек в сорок, шедших в том же направлении. Все они имели вид отборных головорезов. Конан, придержав поводья, поехал бок о бок с человеком, одетым как обычный горожанин, однако имеющим вид человека, хорошо знакомого с мечом и кинжалом.

— В Шикас, гляжу, направляетесь? — начал разговор киммериец. — А кто вы такие и почему вас так много?

— Из Шамара мы. Прослышали, что Шикас — отличное место и что любой, кто умеет орудовать мечом, найдет здесь себе работу по душе. Все здешние вожаки нанимают себе людей и щедро платят им.

Конан обернулся к небольшой группе наемников:

— Вы что, к Ермаку едете?

— Ага, — откликнулся один. — Мы тут не впервой. Мы уехали отсюда в прошлом году, когда здесь стало слишком тихо и спокойно. Тогда большая надобность в хороших бойцах отпала, и многие из нас покинули город. Отсюда мы отправились воевать в Офир, но теперь Ермак позвал нас снова.

— А как дела в Офире? — с профессиональным интересом спросил Конан.

— Плохо, — ответил один из наемников с зингарским гребенчатым шлемом на голове. — Слишком уж там затянулась война. Если хочешь сражаться — пожалуйста! А вот насчет добычи... грабить там, почитай, уже нечего.

Конан про себя решил, что, когда закончит все свои дела в Шикасе, в Офир он, пожалуй, не поедет. Пока вновь прибывшие остались платить в воротах въездную пошлину, Конан поскакал в город.

Похоже, что лихорадка прошлой ночи сегодня усилилась, ибо перед гостиницей, куда направлялся Конан, на улице кипела схватка. Две банды выясняли отношения. Дрались яростно, свирепо. В воротах, ведущих во двор, работники и слуги стояли с оружием в руках, чтобы драка не перекинулась и в гостиницу.

Конан заметил Бриту. Девушка в страхе прижималась к стене, — бандиты рубились всего в нескольких шагах от нее. Киммериец выругался и пришпорил коня. Почему эта дура вечно лезет в самую гущу событий? Конан вырвал у одного из конюхов здоровенную шипастую дубину длиной фута в три и взмахнул ею столь же легко и непринужденно, как обычный человек машет ивовым прутиком. С этим чудовищным оружием киммериец набросился на сражающихся бандитов.

Дубина поднималась и опускалась, разбивала шлемы так же легко, как и непокрытые головы. Бандиты замертво валились на камни мостовой. Уцелевшие пятились, устрашенные столь неожиданной яростью варвара.

— Выясняйте отношения где-нибудь в другом месте! — заорал им вслед киммериец. — Эта харчевня находится под защитой Конана из Киммерии! Я ясно выразился? Может быть, кто-нибудь со мной не согласен?

С ревом Конан швырнул в бандитов дубину и выхватил меч:

— Говорите, собаки! Полдня прошло, а я еще никого не убил! Мой меч мучается от жажды!

Из толпы бандитов донеслось невнятное бормотание, затем мечи опустились в ножны. Люди из обеих враждующих банд собрали своих раненых и молча, будто между ними не было только что яростной битвы, потащились по главной улице.

— О, господин! — проговорил хозяин гостиницы. — Я так благодарен тебе за это!

Конан соскочил с седла:

— Возможно, этот сброд проклинает меня за то, что я испортил потеху. В конце концов, в этом городе должно быть хоть одно тихое и спокойное место, где человек может отдохнуть. — Он подошел к Брите: — Ну, ты как, красавица?

— Я невредима, — проговорила женщина, отирая с одежды капли крови. — Это кровь не моя. Она летела с их мечей. Если бы не ты, они, наверное, убили бы меня. Я никогда не видела, чтобы один человек мог вот так закончить настоящую битву! — Ее глаза сияли восхищением. — И снова я должна поблагодарить тебя за то, что ты спас мне жизнь.

— В ближайшее время дела пойдут еще хуже, — заметил Конан и кивнул в сторону городских ворот, откуда, направляясь к гостинице, ехали те новички, с которыми он повстречался возле стены.

— Митра, помоги нам! — простонал хозяин. — Мало было нам старых бандитов, так теперь еще новые! — Он приказал одному из рабов: — Отправляйся на Площадь и купи еще несколько ведер на случай пожара. Отныне и до моего особого распоряжения вы все будете спать по очереди. Кто-то постоянно должен сторожить, если начнется пожар или сражение.

Конан с Бритой вошли во двор. Конан передал коня слугам. Он повернулся было, чтобы зайти в таверну:

— Идем, Брита. Расскажи мне о твоих... — Но женщина отпрянула от двери.

— Поговорим позднее, — пробормотала она. — Я узнала еще об одном месте, где, возможно, скрывается моя сестра. Сейчас я должна пойти туда. Скоро вернусь. Удачи тебе и спасибо за то, что снова спас меня.

Конан собрался было окликнуть ее, когда его самого кто-то позвал по имени. В полумраке Конан различил фигуру молодого мужчины в кирасе. На поясе у него красовалась пара мечей. Ага, Гилма заявился!

— Мне надо тебе кое-что сказать, киммериец.

— Давай покороче, — бросил Конан. — Мне некогда.

— Да. За последние дни ты тут буквально горы своротил. Но только это мало имеет отношения к той работе, на которую тебя нанял мой хозяин.

— Я сегодня не ел и только что был на волосок от смерти, — заявил Конан. — Если нам надо поговорить, то давай потолкуем за трапезой. Я так хочу жрать, что даже вид твоей рожи не способен сейчас испортить мне аппетит.

Конан заметил, что лицо юнца потемнело.

— Нет, на драку ты меня не вызовешь, — сказал Гилма, — и не надейся.

— Скажи-ка ты! Я смотрю, у тебя в голове есть чуток мозгов. А я думал, их у тебя совсем нет, — сказал Конан, садясь. — Ладно, выкладывай, что у тебя за дело.

Гилма уселся напротив него:

— Прошло уже столько дней, а ты еще ни разу не давал о себе знать моему хозяину.

— Мне пока нечего ему сообщить, — сказал Конан.

— Но мой хозяин ЗНАЕТ, что тот предмет, о котором вы говорили, уже в городе! С помощью своей магии он может определить его присутствие или отсутствие в стенах города.

— Что же тогда его магическое зеркало не показало ему, где этот предмет находится? — спросил Конан.

— Если бы мой хозяин мог сам это сделать, то как ты думаешь, какой смысл был нанимать грубого варвара, чтобы найти его? — злобно спросил Гилма. — Колдовская природа этого предмета делает невозможным обнаружение его с помощью магического зеркала.

— Вот ведь какая беда, — посочувствовал Конан, принимаясь за принесенное слугой мясо. — Ну что ж, Касперусу придется теперь только ждать до тех пор, пока у меня не появится нечто, что я смогу ему сообщить.

— Мой хозяин начинает терять терпение, — сказал Гилма. — Ты целыми днями шляешься здесь по городу, встреваешь в драки. Стал уже ходячей легендой. Однако же нам, которые тебя наняли, от этого никакой пользы. То ты целыми днями дрыхнешь в этой гостинице. То исчезаешь. Где ты прячешься, киммериец?

— Да брось ты. Разве я прячусь? Даже ты вон нашел. — И Конан глотнул эля, тем не менее настороженно глядя на юнца сквозь стеклянное дно кружки. Он чувствовал, что еще немного — и как бы не перегнуть палку с этим юнцом. Поэтому он решил сменить кнут на пряник.

Конан поставил кружку на стол:

— Слушай меня, Гилма. Вскоре здесь будет встреча главарей шаек. Городской голова просит, чтобы я сопровождал его туда в качестве телохранителя. Никто, даже я, не в состоянии ничего толком разыскать в этом городе до тех пор, пока здесь все не утрясется. Сейчас искать эту вещь бесполезно. Сейчас все очень встревожены, никто никому не доверяет. Передай своему хозяину, что я уже договорился со жрецом Беса, главным скупщиком краденого в городе, и одновременно с этим я проник в храм Матери Дурги, жрец которой воображает себя магом. Если любой из этих двух мошенников завладеет идолом, я об этом узнаю.

— Вот это уже кое-что, — сказал Гилма, смягчаясь.

— Ну ладно, я тебе все сказал. Теперь говори ты, — заявил Конан.

— И что же ты хочешь узнать? — спросил Гилма.

— Что вам известно о черноволосой потаскухе, которая, возможно, зовет себя Альтаира? — Говоря это, Конан пристально следил за лицом своего собеседника.

— Я ничего не знаю об этой женщине! — проговорил Гилма с излишней поспешностью.

— Врешь, парень, — заметил Конан. — Тебе еще много лет учиться и учиться, прежде чем ты сможешь обвести меня вокруг пальца. А теперь выкладывай, что тебе известно о странном маленьком человечке, который одевается как шадизарская шлюха и смердит лилиями?

К удивлению Конана, лицо Гилмы сделалось вдруг пунцовым и он вскочил со скамьи, будто ужаленный:

— Лучше займись своими делами, ты, варвар!

— Скажи своему хозяину, что у него мало шансов узнать что-нибудь об этом идоле, о котором он так печется, пока я не получу дополнительных сведений об этих двух типах. Передай ему также, что караванщик Мульвикс сегодня утром был найден мертвым. Известно, что караванщик вошел в город с небольшим свертком. Кто-то всадил в него нож, свертка при нем не нашли. А теперь ноги в руки, беги сообщи об этом Касперусу. Добавь также, что я не хочу, чтобы кто-либо вмешивался в мою работу. Пусть не вздумает играть со мной.

Гилма резко развернулся и пошел прочь. Конан с удовлетворением подумал, что только что подбавил еще немного огоньку в кипящее городское варево. Он снова принялся за еду. Однако похоже было, что сегодня спокойно поесть ему не суждено. Другой человек вошел в таверну и подошел к столу Конана. Подняв глаза, киммериец увидел верзилу Юлуса, телохранителя городского головы. Детина хамски, не дожидаясь приглашения, плюхнулся напротив.

— Городской голова хочет говорить с тобой, — сказал Юлус.

— О чем? — спросил Конан.

— Это он сам тебе скажет, — отрезал Юлус.

— Слушай, ты ведь его цепной пес. Ты должен знать все о его делах, — заметил Конан. — Это что, касается встречи главарей шаек?

Юлус сверлил его своими маленькими злобными глазками:

— Да. Встреча назначена на сегодняшнюю ночь. Убей не пойму, зачем ему понадобился ты. Я бы мог обеспечить ему всю необходимую защиту.

Конан ухмыльнулся. Ухмылка была похожа на волчий оскал.

— Возможно, он не доверяет тебе. Как, скажем, я тебе не доверяю. Скажи-ка мне, Юлус, вот что: той ночью, на королевской

казне, кто приказал зингарцу застрелить меня из арбалета — Бомбас или ты?

Лицо Юлуса сделалось непроницаемым.

— К тому времени мы думали, что ты уже мертв. Если зингарец выстрелил в тебя, должно быть, он не имел представления, в кого целится. Было ведь темно.

— Да. Там было темновато до тех пор, пока не подбавили огоньку. Кстати, поджог — чьих рук дело?

— Растяпы охранника, — сказал Юлус все с тем же неподвижным лицом.

— Ага, вот и городской голова говорил мне то же самое, — заметил Конан. — А я думал, может быть, у каждого из вас припасена своя история.

— С чего бы?

Киммериец понял, что этим он ничего не добьется.

— Почему вдруг решили устроить сходку сегодня ночью? Или недавняя вспышка убийств встревожила даже отцов ЭТОГО города?

— Отчасти, — признал Юлус. — Впрочем, были и другие причины. Кто-то пустил грязные сплетни о последних событиях. О них теперь распевают все менестрели и сказители в округе. Эти бродяги утверждают, что наш городской голова занимался казнокрадством, обворовывая своего короля, что он собственноручно поджег королевскую казну. — Глубоко посаженные глазки Юлуса были холодны, как сталь. — Как, по-твоему, кто их надоумил?

— А ты их спроси, — посоветовал Конан. — Впрочем, что ты так об этом печешься? Ведь ты сам утверждал, что все это ложь.

— По лживым наветам вздернули куда больше людей, нежели по справедливым обвинениям, — заметил Юлус.

— Так-то оно так, — согласился Конан. — Послушай, мне кажется, что для тебя наступило время подыскать себе нового хозяина.

Юлус поднялся:

— Будь в полночь в резиденции городского головы, киммериец. — Он повернулся и вышел.

Киммериец отпустил рукоять кинжала, которую непроизвольно сжимал в течение всей этой беседы. Он было думал, что Ермак — единственный по-настоящему опасный человек в этом городе. Однако он заблуждался. Надо же, позволил себе обмануться обезьяноподобным обликом Юлуса и его жлобскими манерами! Теперь выясняется, что Юлус хитер и опасен. И, как почти все в Шикасе, ведет свою собственную игру.

Покончив с едой, Конан вышел на Площадь, где лениво расхаживал от лавочки к лавочке, пока не заметил Делию, совершавшую свой обычный обход торговцев. Завидев приближающегося

гиганта киммерийца, она улыбнулась, но Конану показалось, что даже эта женщина, которую вроде бы ничем не проймешь, стала нервной и настороженной.

— Конан! Где ты пропадаешь? — спросила она.

— Занимался своими делами. Причем главным образом в темное время суток, — сказал он.

Вдвоем они отошли в затененный уголок портика, чтобы потолковать.

— Делия, — продолжал Конан, — сегодня ночью будет сходка главарей шаек. Я тоже буду там, в роли телохранителя городского головы. Бомбас больше не доверяет Юлусу. Меня интересует, придет ли Максио?

— Не знаю! Он так странно ведет себя в последнее время. То говорит, что здесь должен воцариться мир, ибо все зашло слишком уж далеко, то через пять минут клянется, что убьет Ермака, как только увидит его, или же зарубит Бомбаса. Только за сегодняшний день он дважды сказал, что будет на встрече вместе с остальными, и дважды сообщил, что на встречу не собирается. Не знаю, что тебе сказать.

— Передай ему вот что. Сделай это для меня. Скажи Максио так: я буду сегодня там, но я нанялся охранять Бомбаса только на время встречи. До тех пор, пока Максио не будет угрожать городскому голове, мне не будет никакого дела до иных его затей. И скажи ему еще, что я пока не присоединился ни к одной из шаек.

— Передам, — проговорила Делия, — а теперь ступай. Я начинаю думать, что это и вправду плохо, когда меня видят в компании с тобой. Оставь меня, я поброжу здесь еще немного.

Простившись с ней, Конан вышел из ниши. У него оставалось еще одно дело. Он долго ходил среди торговцев, предлагающих свои товары на Площади, до тех пор, пока не нашел то, что искал. На отшибе, там, где сидели самые нищие и убогие торговцы, прямо на мостовой пристроилась старуха, прислонив большую спину к каменной стене. Перед ней было расстелено одеяло, где была расставлена для продажи глиняная посуда. Это была старуха из деревни рудокопов. Та самая, что видела, как Конан сразил трех людей Ингаса. Будто бы случайно, Конан подошел к ней поближе, а затем остановился и сделал вид, что изучает тот убогий товар, который она продает.

— Будь здорова, матушка, — сказал он тихо.

— Будь здоров, киммериец. — Ее острые глаза метнулись вправо и влево — не подслушивает ли кто.

— У меня есть сообщение для Белласа. Ты сможешь передать в точности?

— Говори! — Теперь в ее глазах загорелась надежда.

— Скажи ему вот что: пусть перед рассветом все, кто в деревне рудокопов может носить оружие, вооружаются и идут на юг вниз по течению реки. Пусть идут до тех пор, пока город не скроется из виду. Я узнал, где прячут женщин и детей рудокопов. Если Беллас будет следовать тем указаниям, которые я сейчас тебе передам, вы сможете завтра обнять своих родных еще до заката солнца.

— Я сообщу ему! — прошептала старуха. На ее глазах выступили слезы. И она слово в слово повторила все, что услышала от Конана.

— Очень хорошо, — похвалил ее Конан. — Теперь вот что. Примерно в полудневном переходе вниз по течению реки все должны переправиться на восточный берег. Там есть какой-нибудь мост или брод?

— Да. Милях в пяти к югу есть небольшой мост. Нормальной дороги там нет, а сам мостик используют лишь пастухи, перегоняющие скот с одного пастбища на другое.

— Великолепно! — воскликнул Конан. — А мост каменный или деревянный?

— Деревянный, на каменных опорах. Возможно, сейчас он в плохом состоянии, потому что вот уже несколько лет им никто не пользуется.

— Тогда скажи Белласу, чтобы взяли с собой инструменты на тот случай, если понадобится починить мост.

— Скажу, — сказала она, — ступай, и да пребудут с тобой благословения всех богов, киммериец!

— Тогда будешь меня благодарить, матушка, когда ваши женщины и дети вернутся, — остерег ее Конан. — Всякое может случиться. Возможно, ты будешь проклинать мое имя.

— Человек, который уже просто попытался помочь нам, в любом случае заслужил мою благодарность, — сказала старуха.

Конан отправился обратно к храму. Там он наткнулся на раздосадованную, мрачную Оппию. На этот раз причина ее плохого настроения была не в не долгих отлучках Конана.

— Идем, полюбуешься. — Жрица взяла Конана за руку и потащила в большой зал. Внутри находились аколиты и кое-кто из тех новичков, кого Конан видел той ночью, когда Андолла устраивал свой балаган с «ожившей» статуей. Храм сотрясался от громкого пения. Музыканты извлекали из своих инструментов обычную какофонию. Но кое-что разительно изменилось.

Над головой Матери Дурги теперь виднелось плотное темно-багровое сияние. Андолла простирал руки вверх и вперед и пел. Он, как обычно, сидел, скрестив ноги, но на этот раз не на коленях богини, как всегда, — жрец-маг висел в двух или трех футах НАД коленями, в воздухе.

— Как он это делает? — поинтересовался Конан. — Подвешивает себя за веревочки?

— Болван! Нет, — прошипела она. — Сияние появилось во время утреннего богослужения. Сегодня в полдень мой супруг снова попробовал левитационные заклинания. На этот раз сработало! Магические силы моего мужа увеличились раз в десять!

— Может, это Матерь Дурга решила подшутить над своим слугой? — сострил Конан.

Оппия наградила его ледяным взглядом.

— Возможно, то, что происходит, достаточно безопасно, — проговорила она, — но боюсь, что этот успех может навести моего дражайшего супруга на мысль, не попробовать ли ему какие-нибудь НА САМОМ ДЕЛЕ ОПАСНЫЕ магические фокусы.

— А разве то, что происходит, не привлечет в ваше стадо новых овечек? Ведь для вас это означает новые пожертвования, куда более щедрые.

— Слишком большой риск. Я боюсь, что мой муж не вполне осознает, с какими силами сейчас начал заигрывать. Опасаюсь, что все это чревато чем-то ужасным.

— Да, жаль будет, если все так кончится, — сказал Конан. — Оппия, сегодня ночью на несколько часов я должен отлучиться.

— Так. Ну а НА ЭТОТ РАЗ что ты надумал? — проговорила она. Тон ее стал угрожающим.

— У меня важное дело, — невозмутимо продолжал он. — Сегодня ночью состоится встреча главарей всех шаек. Будет там и Бомбас. Он просил меня отправиться туда с ним в качестве его телохранителя. Своим собственным солдатам он уже больше не доверяет.

— А с какой это стати ему доверять тебе? — спросила она.

— Всем в мире известно, что мы, киммерийцы, всегда держим слово, — сказал Конан.

— Кого ни встретишь, все так утверждают, — горько сказала она. — Но что-то не приходилось мне общаться с людьми, которые действительно держат свое слово.

— Как бы то ни было, но эта встреча затрагивает и ваши интересы, — заметил Конан.

Она задумалась:

— Да, ты прав. В самом деле, небесполезно было бы узнать, установится здесь в конце концов мир или нет, теперь, когда вот-вот разразится кровавый хаос. Ладно, иди, а когда вернешься, расскажешь, что там происходило.

— Когда я вернусь, госпожа, ты, возможно, будешь спать.

— В последнее время я почти не сплю, — сказала она. Оппия созерцала странное зрелище, разворачивающееся в храме. — И судя по всему, в ближайшее время спать мне не придется вовсе.

Конан отправился на верхний этаж и, проходя мимо, заглянул в глазок в комнату Риетты. Она крепко спала. Судя по всему, сон ее был спокойным. Теперь она уже не была тем бледным привидением, каким предстала поначалу перед Конаном. Кроме того, мало-помалу начала исчезать и ее ужасающая худоба. Хорошо, подумал Конан. Судя по всему, в самом скором времени девчонка достаточно окрепнет, чтобы ее можно было увести отсюда.

Когда киммериец пришел в резиденцию городского головы, Юлус и оставшийся в живых зингарец глянули на варвара безо всякой симпатии. Столь же неприязненным был и ответный взгляд Конана. Оба телохранителя вооружились до зубов. Колченогих охранников-инвалидов нигде не было видно. Через несколько минут из внутренних комнат показался Бомбас. На плечах у него лежал теплый тяжелый плащ.

— Мы идем в «Химеру»? — спросил Конан.

— Нет, — ответил Бомбас. — Ингас считает это место территорией Лисипа. В конце концов мы пришли к соглашению и назначили местом встречи дом гильдии златокузнецов. Это к югу от Площади. Здание небольшое, всего лишь в два этажа. Стоит отдельно от других домов. Мы встретимся на верхнем этаже. Каждый из нас имеет право взять не более трех сопровождающих. На второй этаж с каждым из вожаков поднимется лишь один человек. Другие могут ждать внизу или — по желанию — на улице.

— Мне приходилось видеть мирные переговоры между воюющими государствами, они и то проводились с меньшими мерами предосторожности, — заметил Конан.

— А здесь та же самая война! — фыркнул Бомбас. — Попадешь в ловушку неподготовленным — смерть.

Они вышли из особняка и двинулись через Площадь. Как обычно, вечером здесь довольно много народу. Собралась обыкновенная ночная публика. Впрочем, на четверку людей с надвинутыми капюшонами, позвякивающих оружием, никто не обратил внимания. За Площадью маленький отряд нырнул в лабиринт улочек и через несколько минут уже стоял перед домом гильдии златокузнецов. С виду — самое обычное здание, окруженное ухоженным садом. Сейчас садик был наводнен вооруженными людьми. Юлус что-то шепнул зингарцу, и тот присоединился к публике, толкавшейся в саду.

— Если внизу что-нибудь начнется, он нас предупредит, — сказал Юлус.

— Идем, — приказал Бомбас. Втроем они вошли в здание.

На первом этаже в роскошных креслах расселись сопровождающие главарей бойцы, небрежно взгромоздив ноги на изящные

обеденные столы. Некоторые, забыв о вражде, мирно играли в кости.

— Жди меня здесь! — велел Бомбас Юлусу. Обратившись к Конану, он добавил: — Ты пойдешь со мной, киммериец.

Конан последовал за городским головой по широкой изгибающейся лестнице на второй этаж. Они вошли в просторную комнату. Комната украшена богатой лепниной и хорошо обставлена. Вокруг длинного стола стояли массивные кресла. Сейчас в них расположились те, кто реально вершил дела в Шикасе.

— Смотри-ка, часу не прошло, а ты уже здесь, — лениво заметил Ингас. В свете множества свечей его расшитые золотом одежды из красной кожи богато поблескивали.

— Не забывай, что я — городской голова. И я не вижу причин спешить ради тех, кто ниже меня рангом. А равных мне здесь нет.

— А этот жлоб что здесь делает? — поинтересовался Ингас, ткнув пальцем в сторону Конана.

— Он сопровождает меня, — заявил Бомбас. — Каждый из нас имеет право привести с собой одного телохранителя. Это мой телохранитель. У кого-нибудь есть возражения?

И с горделивым видом, подбоченившись, он уставился на собравшихся.

— Мне все равно, — сказал Лисип.

Ермак пожал плечами:

— По мне, ты хоть пляшущего медведя с собой притащи. Мне-то что?

Эта троица была Конану знакома. Но были здесь и другие — главари более мелких шаек. Но в присутствии паханов они помалкивали.

Киммериец обошел комнату, выглянув поочередно в каждое окно.

— А Максио где? — спросил он, закончив свой обход.

— Еще не появлялся, — сказал Лисип. — Сомневаюсь, что он вообще покажется. В последнее время он что-то не в себе. Ведет себя так, будто спятил.

— Убить его — и дело с концом! — рявкнул Ермак и с грохотом обрушил на столешницу кулак в боевой перчатке. — Он верховодит только взломщиками. Нам с них мало проку. — Он повернулся к Бомбасу. И ухмыльнулся: — Я не говорю, конечно, о том, что они отчисляют его превосходительству.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы планировать убийства. Наша задача — решить, как покончить с кровопролитием, — откликнулся Бомбас. Он поднял руки, словно призывая остальных к молчанию и благоразумию. — Как бывало раньше? Кровь проливалась только в Дыре, и убивали немного. Ну там одному-

двум перережут горло. Хоть стыд какой-то в людях был, тела относили к реке, не дожидаясь рассвета... И все было нормально. Подумаешь, мелочи. Никто на такие дела внимания не обращал. А теперь что? Разборки происходят среди бела дня прямо на центральной площади. Такие вещи неминуемо привлекут к себе внимание королевских шпионов.

— Что уж точно привлечет к себе внимание короля, — проговорил громкий голос у двери, — так это твое казнокрадство!

— А я уж думал, ты вообще не решишься здесь появиться, Максио! — осклабился Ингас. — Кстати, вы с Ермаком можете решить свой спор прямо за этим столом.

— Я бы с удовольствием перерезал глотку этому жирному борову, — проворчал Максио, указывая на Бомбаса.

— Любой, кто угрожает городскому голове, — покойник, — заметил Конан. — Такова работа, на которую меня наняли. Как вы с Ермаком разберетесь — не мое дело.

Бомбас с раздражением бросил взгляд на киммерийца:

— Не провоцируй их. — И снова повернулся к столу: — И все-таки, как мы это дело уладим? Первое. Я требую немедленно прекратить резню. Эти набеги, засады — не просто разрушительны. Они — разорительны! Кому это выгодно?

— Тебе, — бросил Максио. Он занял свое место и небрежно взгромоздил ноги на стол. Тощий, с глубоко посаженными глазами человек, вооруженный кинжалом, встал за креслом Максио. — Каждое сражение ослабляет нас и прибавляет денег у тебя в кошельке. И чем больше ты напуган, тем сильнее твоя жадность. Когда-то мы отстегивали тебе десять процентов. Затем десять процентов превратились в пятнадцать. А теперь ты столь устрашен, что меньше чем двадцатью пятью никак не можешь обойтись! Что же дальше? Я уже вижу, как из твоих пор при мысли, что король узнает обо всем, начинает от страха вытекать жир! Во сколько же теперь нам обойдется твой страх?

— Это все? — спросил Бомбас. После паузы он добавил: — Очень хорошо. Теперь слушай меня. Ради восстановления мира в моем городе я согласен снизить ставку до десяти процентов. А теперь разреши мне задать тебе вопрос. Что я получу взамен?

— Так я и думал! — От двери послышался еще один голос. Все обернулись и увидели, что в дверях стоит Ксантус. — Что, мошенники, сговорились втайне от меня встретиться и поделить между собой мой город?

— ТВОЙ ГОРОД! — вскричал Бомбас. Лицо его налилось краской от гнева. — Я ЗДЕСЬ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА, а не ты! Ты просто грязный торгаш, работорговец! Здесь-то что ты позабыл, ты, ИНСПЕКТОР РУДНИКА?

— Мучаешься своим плебейским происхождением? Ты, жирная тварь, рожденная в трущобах! — презрительно бросил Ксантус. — Титула ты добился с помощью предательства и жлобства. Усердно вылизывал задницы вышестоящим. Так что передо мной-то хоть не выпендривайся, Бомбас! Просто из здешних ворюг ты самый богатый.

— Э, нет, Ксантус, так не пойдет! — проговорил Ермак. — Я поднес тебе рудокопов, что называется, на блюдечке. Думал, что у тебя на плечах голова. А у тебя на плечах задница. Мало того что ты сосешь из рудокопов кровь. Так ты еще и крадешь королевскую долю серебра. Не обольщайся. Вор всегда останется вором.

— Мы все здесь воры, — послышался скучающий голос Лисипа. — Так что давайте-ка вернемся к нашим делам. Ну а если нет, то разойдемся. У меня есть возможность куда приятнее провести время, нежели любоваться на ваши рожи.

— Вот и я о том же, — буркнул Ермак. — Утрясем все и разойдемся.

— Хорошо. Вы все согласны, — заговорил Бомбас, — что пора немедленно положить конец вражде?

На несколько мгновений воцарилась тишина. Потом послышались со всех сторон утвердительные возгласы. Один лишь Максио молчал.

— Эй, Максио, ты еще, кажется, не высказался? — обратился к нему с издевательской улыбочкой Ермак.

Указав на покрытую броней грудь Ермака, Максио обратился ко всем собравшимся:

— Я не верю этому головорезу. Я не могу поверить мародеру и убийце, который корчит из себя честного солдата.

— Итак, Максио, — прорычал Бомбас. На лбу у него вздулись вены. Видно было, с каким усилием ему удается говорить спокойно. — Стало быть, ты продолжаешь упорствовать в своей вражде по отношению к Ермаку.

— Возможно, — заметил Конан, — это потому, что Ермак вызвал из Офира подкрепление.

— Киммериец! — прошипел Бомбас. — Ты угомонишься когда-нибудь?

— А кому уж, как не городскому голове, знать, кто приезжает в город! — завелся Ксантус. — Кажется, это твои псы охраняют городские ворота? Хотя с твоими инвалидами, пожалуй, только ребенок не справится.

— Ты бы хоть попробовал пошевелить теми мозгами, которые у тебя еще остались, Максио, — лениво заметил Лисип. — Ведь если Ермак и посылал за бойцами, так посылал давным-давно, еще задолго до того, как здесь стали говорить о перемирии.

Максио, как ужаленный, повернулся к Лисипу:

— Ты заодно с ним! Теперь я это вижу! Вы вдвоем сговорились выжить нас из города и заправлять тут вдвоем!

Поднялся страшный гвалт. Воспользовавшись суматохой, Ксантус подошел поближе к киммерийцу и зашептал ему на ухо:

— Убей Бомбаса, варвар! Убей его — и ты сразу же получишь причитающийся тебе остаток денег. После этого считай, что ты выполнил все, для чего я тебя нанял!

— Если убийство городского чиновника такое легкое и безопасное дело, — ответил ему Конан, — то ты сто раз мог это сделать. Кроме того, не боишься ли ты, что после того, как Бомбас умрет, твои собственные грешки станут всем известны?

Зашипев, как рассерженная змея, Ксантус отпрянул.

— Я ухожу! — вскричал Максио. — И пусть никто не пытается преследовать меня. Весь остаток ночи это место будет под наблюдением моих людей, а с завтрашнего дня — берегитесь!

И в сопровождении своего тощего телохранителя главарь взломщиков выскочил из комнаты.

— Все стало бы куда проще, — сказал Лисип, — если Максио выйдет из игры.

— Я не возражаю, — со скучающим видом обронил Ингас.

— Вы все знаете, что я «за», — проговорил Ермак.

— Очень хорошо, — подытожил Бомбас. — Отныне любой из вас вправе убить Максио, не боясь последствий. Это бешеный пес. Он убил моего брата. И согласитесь, я явил вам исключительный пример миролюбия уже тем, что столь вежливо разговаривал с ним сегодня.

Обсуждение заняло еще примерно час. Все были согласны с тем, что с враждой нужно покончить. Однако киммериец прекрасно видел, что тут собрались трусливые хищники, наподобие шакалов или гиен, всегда готовые атаковать того, кто послабее.

— Как я понимаю, мы пришли к общему соглашению? — спросил Бомбас, поднимаясь. — Надеюсь, что в городе теперь станет поспокойнее. Как только Максио будет устранен, причина для конфликта исчезнет. Тогда вы все поймете, как выгодно иметь дело со мной. Теперь понятно, что резервные бойцы уже не нужны. Пусть уезжают. Я даже не стану взимать с них выездную плату у городских ворот.

— Бомбас, ты жадный болван! — крикнул Ксантус. — Твоя алчность и слепота погубят нас всех. — И вышел. Выражение лица у него было такое, будто он съел что-то неимоверно кислое.

— По-моему, Ксантус не вполне хорошо тебя понял, — заметил Конан Бомбасу, сопровождая городского голову вниз по лестнице.

— Не обращай внимания, — отмахнулся городской голова, — он не осмелится пойти против меня. Слишком много королевского серебра осело в его сундуках.

Внизу к Конану и Бомбасу присоединились Юлус и зингарец. Вчетвером они пошли назад, к резиденции городского головы.

— Ладно, киммериец, ступай. Счастливо, — сказал Бомбас. — Ты хорошо и честно послужил мне сегодня. Возможно, ты мне еще понадобишься.

— В следующий раз, — сообщил Конан, — я буду требовать оплату золотом.

— Да, да, всегда вот так, именно золото покупает верность людей, — со вздохом проговорил Бомбас. — Только какая она, эта верность? Ладно, киммериец, ступай.

Киммериец покинул резиденцию городского головы. Обезьяноподобный Юлус проводил его до выхода, злобно сверкая своими маленькими глазками. Конан уже был на полпути к храму, когда вечерний ветерок донес до него запах лилий. Конан остановился у фонтана.

— Почему ты так долго не вытаскивал меня из тюрьмы? — спросил Пирис.

— Отвечу вопросом на вопрос, — сказал Конан. — Как ты думаешь, почему я не оставил тебя гнить там на всю оставшуюся жизнь?

— Потому что ты поступил ко мне на службу, а киммерийцы известны как люди, умеющие держать слово.

— Не припомню, чтобы мы оговаривали мою обязанность вытаскивать тебя из каталажки. Кажется, я обещал только одно: найти твою богиню Скорпиона.

— Ты нашел ее? — жарко выдохнул Пирис.

— Да.

— Где она? — Пирис почти кричал.

— Слушай, вместо того чтобы спрашивать меня, спроси сначала себя: где ты раздобудешь причитающиеся мне за работу восемьсот золотых?

— Но... но... — смешался Пирис. — Если бы только статуя оказалась у меня в руках, я бы, конечно, смог тебе заплатить.

— Рассчитаешься со мной, а потом получишь своего Скорпиона, — твердо сказал Конан. — А если статуя тебе не нужна, то здесь имеется куча других желающих.

Глаза Пириса округлились.

— Что? О чем ты говоришь? Кто еще хочет моего Скорпиона?

— Я тебе больше ничего не скажу до тех пор, пока ты не явишься ко мне с деньгами. — Конан обвел рукой вокруг себя. — Здесь золотое дно. Человек с твоей пронырливостью и умениями

без труда раздобудет кучу монет. Желаю тебе доброго вечера, Пирис!

Конан развернулся и ушел. Маленький человечек что-то говорил ему вслед. Киммериец не хотел, чтобы Пирис видел, как он входит в храм. Он свернул в улочку рядом с театром. Поравнявшись с невысокой каменной оградой, Конан быстро взобрался на нее и растянулся наверху. Через несколько мгновений в проулке появился Пирис, осматриваясь в поисках Конана. Наверх он так и не догадался посмотреть. Когда Пирис исчез, киммериец спрыгнул в храмовый дворик и направился к двери кухни.

Внезапно дверь распахнулась, и оттуда неверными шагами вывалился человек. В глазах его читался смертельный ужас, рот был распахнут в беззвучном крике. Это был один из послушников, здоровенный неуклюжий юнец, в чьи обязанности входила охрана входа. Прежде чем аколит протопал мимо, Конан схватил его за грудки.

— В чем дело? — спросил киммериец.

— Демоны! — завопил юнец. — Твари с крыльями и когтями! Они напали на меня! Пусти!

Но даже невзирая на внушительные габариты юнца, вырваться из железной хватки варвара ему не удалось. Конан ощутил знакомый запах, которым пропахла вся одежда аколита. Это не «молоко» Матери Дурги.

— Эй, парень, давай-ка дыши поглубже, — скомандовал Конан. — Это быстро проходит.

Чтобы привести юнца в чувство, он несколько раз хлопнул его по щекам. Через несколько секунд выражение ужаса начало исчезать с лица послушника.

— Теперь рассказывай, парень, — проворчал Конан, напустив на себя такой свирепый вид, что мог бы показаться вдвое страшнее любого демона. — Рассказывай, что там стряслось. Наверное, какая-нибудь пакость с кузнечными мехами? — Конан специально подчеркнул голосом последнюю фразу и при этом так встряхнул аколита, что у того все кости стукнулись друг об друга.

— Да! — почти что выкрикнул юнец. — Святой Андолла принес из своего кабинета курильницу. Я присоединил мехи к трубке в стене и начал качать. Я постоянно это делаю каждые три или четыре вечера по приказу Святого Андоллы. Но на этот раз что-то сломалось и пошло не так. Дым понесло назад из стенной трубки, а затем... затем... — При воспоминании о пережитом ужасе глаза юнца расширились еще больше.

Конан указал на ворота в стене в задней части храма:

— Иди! И помни: ежели когда-нибудь вернешься сюда, демоны заберут тебя!

Со сдавленным криком юнец бросился к воротам и сильным рывком распахнул их. Он так спешил убраться отсюда, что даже не позаботился закрыть ворота.

— Что здесь случилось? — У двери храма, выходящей на задний двор, стояла Оппия. На лице ее застыло встревоженное выражение, волосы были растрепаны.

Конан поскреб макушку, глядя на распахнутые ворота:

— Я как раз входил сюда, когда один из ваших аколитов промчался мимо меня. Он вопил так, будто все демоны преисподней гнались за ним.

— Несомненно, ему так и казалось, — проговорила она. Затем резко сказала: — А ты что здесь делаешь? Зачем тебе понадобилось идти через задний ход?

— Я всего лишь несколько минут назад расстался с Бомбасом, — ответил киммериец. — Я не хотел, чтобы он видел, как я вхожу в храм.

— Да, ты прав, — кивнула Оппия. — Ты поступил мудро. — Успокоенная, она уже было повернулась, чтобы войти внутрь.

— Ты не хочешь услышать о том, что происходило на встрече главарей? — спросил Конан.

— Позднее, — сказала она. — Может быть, завтра. Здесь произошел несчастный случай. Я должна присмотреть, чтобы все было исправлено.

— Андолла, похоже, нечаянно вызвал злобных духов, — торжественно возгласил Конан. — Если он не сможет держать их под своим контролем, они разрушат здесь все.

— Да, похоже, это правда, — проговорила жрица. Голос у нее был усталый. — Ступай к себе в покои, киммериец. Если ты будешь нужен, я тебя позову.

Весело ухмыляясь, киммериец направился к себе.

Глава пятнадцатая

СТАРЫЙ ФОРТ

С первыми лучами солнца Конан уже стоял возле городских ворот, выходящих к реке.

— Имя? — буркнул тощий стражник и поднял голову. Его выцветшие глаза приняли осмысленное выражение при виде золотой монеты, сверкнувшей в пальцах здоровенного варвара.

— Ты любишь золото? — спросил Конан.

— Кто же его не любит? — отозвался стражник.

— Если пропустишь меня, ничего не записывая, монета будет твоя.

Стражник схватил монету.

— Я никого не видел. А если поедешь быстро, так и никто другой не увидит. — И он распахнул ворота.

Проехав по мосту, Конан свернул на юг и двинулся по узкой немощеной дороге, которая вилась параллельно реке. Прежде чем лучи восходящего солнца рассеяли предрассветные сумерки, город уже скрылся вдали. Утро было прекрасным. Пение птиц сопровождало киммерийца во время его путешествия. Низкий берег реки густо порос лесом. Это вполне устраивало Конана. Здесь могло пройти незаметно большое количество людей.

Рудокопов Конан обнаружил на опушке, немного в стороне от дороги. Их было около сотни — сильных, жилистых. На их лицах читалась решимость. Все они были вооружены. Из оружия преобладали окованные железом дубины. Все как один сильные люди, привычные к кирке и молоту, рудокопы превращали дубины в страшное оружие. У некоторых были грубо сделанные щиты. Если бы рудокопы выступили против бойцов Ермака, то отсутствие доспехов, опыта и дисциплины могло бы сыграть роковую роль. Но с бандюгами Лисипа трудностей возникнуть не должно.

Беллас вышел вперед.

— Веди нас, киммериец, — сказал он. Железный наконечник его дубины был утыкан шипами. Страшное оружие имело длину четыре фута.

— К югу отсюда, на другом берегу реки, находится старый пограничный форт, — сказал Конан. — Кто-нибудь знает его?

Все молчали. Впрочем, нечто в этом роде и ожидал киммериец.

— В таком случае, когда мы окажемся там, я должен буду поехать вперед и все разведать, — сказал Конан. — Ладно, пошли. Не будем терять времени.

Рудокопы поднялись на ноги и пошли за Конаном. Они не были испуганы, по крайней мере на вид; но все были молчаливы и угрюмы. Даже среди молодых не слышно было обычных шуток и разговоров, какие всегда доносятся из рядов наемников-новобранцев, идущих в бой. Жизнь этих людей была тяжелой, жестокой и, увы, не давала повода для оптимизма. Ясно было, что до тех пор, пока битва не останется позади и женщины и дети не вернутся назад, в свои дома, вряд ли эти люди смогут веселиться.

Через час отряд вышел к мосту. Конан слез с коня и осмотрел каждый дюйм переправы. Основание моста было древним, но сделанным на славу, добротно и крепко, чего не скажешь о настиле. Сложено оно было из горбыля и сейчас местами сгнило.

— Рубите деревья и латайте дыры, — приказал Конан.

— Зачем? Ведь можно перейти и так, просто нужно глядеть, куда ступаешь, — начал было возражать Беллас, которому явно не терпелось поскорее добраться до форта.

— Когда мы будем возвращаться, — ответил Конан, — за нами может быть погоня. Или будет темно. Возможно, придется нести раненых или ваших женщин и детей.

— Да, об этом я не подумал, — признал Беллас. Выбрав нескольких человек, вооруженных топорами и пилами, он отправился с ними в лес. Вскоре звуки ударов топоров по деревьям и визг пил разорвали утреннюю тишину. Затем рудокопы вернулись, неся с собой бревна. Эти люди привыкли устанавливать шахтные опоры, поэтому и ремонт моста был закончен на диво быстро. Вскоре сгнившие бревна были заменены, и люди переправились на восточный берег. Здесь шла узкая грунтовая дорога, повторявшая все изгибы русла реки.

— Я поеду вперед и разыщу форт, — сказал Конан Белласу. — Вы же идите следом, идите как можно быстрее, только не бегите. И смотрите в оба. Если кто-нибудь мимо вас поедет на юг или на север, не пропускайте его. Не пропускайте никого, чтобы никто не донес ни слова о вашем приближении.

— Будь спокоен, — сказал Беллас.

Киммериец поехал вперед. Вскоре он выбрался на развилку дорог. По всему видно, северо-восточной тропой часто пользуются. Поэтому Конан решил, что именно по ней можно попасть в форт.

Когда своим звериным нюхом киммериец ощутил запах дыма, он соскочил с коня. Привязав коня в роще, Конан пошел кустами, держась в стороне от дороги и осторожно подбираясь к источнику дыма. Через несколько минут он подобрался к кромке обрыва и лег на живот. Внизу, в излучине реки, находился старый форт. Насколько мог судить Конан, стратегической роли он не играл. Очевидно, это был опорный пункт для отрядов, охранявших в свое время старую границу. Когда граница переместилась на юго-восток, форт был покинут.

Форт был небольшим. Имел грубо прямоугольную форму. Наружные стены находились в хорошем состоянии, однако внутренние укрепления уже разрушились. Впрочем, для планов Конана это не играло никакой роли. По обе стороны от ворот были возведены две каменные башни. Дым поднимался из одной из них. Другим источником дыма служили костры, разложенные во дворе, окруженном стенами. За этими стенами на территории форта было на скорую руку выстроено несколько хижин. Конан предположил, что головорезы Лисипа расположились в башнях, тогда как заложники ютились в этих хижинах.

Опытным глазом бывалого солдата Конан отметил все сильные и слабые стороны форта, прокрутив в голове различные способы штурма этого укрепления. В настоящее время стены потеряли добрых шесть или семь футов своей первоначальной высоты. У рудокопов были с собой инструменты. Кроме того, поблизости рос в изобилии лес, так что было из чего сделать штурмовые лестницы. Будь под началом Конана опытные, хорошо тренированные воины, он бы взял эту смехотворную крепость простым штурмом с помощью лестниц, атаковав одновременно с двух или трех сторон.

Между двух башен располагались ворота. Каждая из башен возвышалась над стеной примерно на десять футов. Над башнями, видно, недавно возвели конические крыши, а раньше тут, должно быть, находились укрепления. В башнях имелись амбразуры для лучников и арбалетчиков, но киммериец сомневался, что кто-нибудь из бандитов вооружен арбалетом. В конце концов, это место использовали в качестве тюрьмы для содержания заложников, а не в качестве замка, призванного выдерживать осады.

Сами ворота сделаны из массивных бревен. Их выстроили кое-как, и они не слишком совпадали по форме с каменной аркой. Кроме того, к неподдельному изумлению Конана, они, похоже, запирались снаружи. Впрочем, скоро Конан сообразил, что это имело смысл. Ведь крепость предназначалась не для того, чтобы охранять ее изнутри, а для того, чтобы не выпускать тех, кто в ней находился. Итак, решено. Эту крепость нужно штурмовать через ворота.

За стенами, на внутреннем крепостном дворе, бродили какие-то люди. С такого расстояния Конан мог разглядеть только то, что это были женщины и дети. По верхней кромке стен расхаживали взад-вперед несколько человек. Расстояние скрадывало подробности, однако Конан не заметил, чтобы на них были доспехи, иначе они отблескивали бы на солнце. Затем его внимание привлекло нечто другое. Из одной башни вышел человек. Он спешил. Явно было, что он торопится куда-то с определенной целью. Солнце блестело на его доспехах. Человек этот пошел вдоль стены, и видно было, как он подгоняет остальных стражников. Конан выругался про себя. Как он и опасался, среди бандитов Лисипа были и воины Ермака. Интересно, сколько их там?

Не важно. Он, Конан, со своим отрядом должен сразиться с тем, кто скрывается в старом форте, пользуясь теми силами, какие имеются в их распоряжении. Рудокопы хотят вернуть своих жен и детей и ради этого согласны пожертвовать даже своими жизнями.

Затем Конан принялся изучать окрестности форта, чтобы понять, насколько близко могут подобраться рудокопы к воротам

прежде, чем их обнаружат. Дорога здесь огибала невысокий холм, расположенный перед воротами шагах в трехстах. Ближе незаметно подойти не удастся. Про себя Конан решил, что он сможет открыть эти ворота. Вопрос был в том, сумеет ли он удержать ворота открытыми в течение достаточно долгого времени, чтобы рудокопы успели ворваться внутрь.

Рудокопы подошли примерно через час. Конан ждал их у дороги.

— Форт расположен немного дальше, впереди, — сказал он им. — Заложники внутри. Я видел их сверху. Охраняет их сброд из банды Лисипа, но, кроме того, я заметил одного из людей Ермака. Возможно, есть и другие. У меня есть пропуск от Лисипа, так что я смогу пройти внутрь. — И он показал свинцовую печать, которую дал ему старый разбойник.

— Как только я войду, — продолжал киммериец, — вы должны немедленно атаковать. Изнутри ворота открыть нельзя. Охранникам придется выйти и отпереть их снаружи. Так что вам надо будет поторопиться.

Про себя Конан подумал мрачно, что, сколь бы сильны и решительны эти люди ни были, бегуны из них плохие.

— Ты, главное, ворота открой, — сказал Беллас, — а после этого мы уж доделаем все остальное.

— Не обольщайся, — остерег его Конан. — Я не знаю, сколько там бойцов Ермака.

— Сколько бы ни было, они умрут вместе с остальными, — сказал Беллас.

— Умрут-то они умрут, только унесут с собой много ваших жизней, — проворчал Конан. — Не пытайтесь сражаться с ними один на один. Как только увидите одного из парней Ермака, атакуйте его сразу вдвоем или втроем. Двигайтесь как можно быстрее, нападайте со всех сторон. И главное, когда завяжется схватка, не мешайте друг другу, не толкайтесь.

Рудокопы с серьезным видом кивали. Конану оставалось надеяться, что они не забудут его наставлений в пылу битвы.

— Ну я пошел, — сказал он им. — Будьте готовы бежать к воротам, как только увидите, что они откроются.

Конан отвязал коня, вскочил на него и пустил легкой рысью. На боку у киммерийца покачивался меч в ножнах. Седло под тяжестью Конана поскрипывало. Ярко светило полуденное солнце. Пели пташки. Все вокруг навевало покой. Но тем не менее киммериец был готов нанести внезапный яростный удар. Он — воин, и битва — его стихия. А то, что грядущее сражение предстоит трудным, лишь добавляло в кровь огня.

Возле ворот Конан остановил коня. Сверху, с башни, свесилась чья-то растрепанная башка.

Кто ты такой и что тебе здесь нужно?

— Меня прислал Лисип, — крикнул Конан, высоко поднимая над головой свинцовый ярлык.

Человек на башне прищурил свои налитые кровью глаза:

— Давай-ка, бросай сюда эту штуку.

Киммериец кинул ему свинцовый ярлык. Бандит поймал его на лету и еще больше прищурился, разглядывая.

— Вроде и вправду знак Лисипа, — наконец произнес он. — Ладно, въезжай. Ворота открывай сам. Делать мне нечего — взад-вперед таскаться, открывать тут всяким.

Конан слез с коня и начал открывать ворота, делая вид, что он слабее, чем есть на самом деле.

— Странный какой у вас форт. Отчего он у вас запирается снаружи? — спросил Конан.

— А это не форт, — ответил человек с башни. — Это загон для рабов. У нас тоже эта дурацкая конструкция в печенках сидит. Когда нам нужно выйти, одному или двоим из нас приходится спускаться вниз по приставной лестнице и открывать ворота.

— Что тут происходит? — Какой-то бородач в стальной каске перевесился через стену. — Кто этот человек? И кто разрешил ему открывать ворота?

Первый охранник показал ему печать.

— Лисип послал его сюда. Это его пропуск. Я знаю печать моего хозяина.

Пока бородатый изучал печать, Конан тем временем вытащил засов. Держа засов в руках, он отступил назад, будто вес был слишком для него велик. Конан сделал еще один неуклюжий шаг и уронил засов, причем так, что тот рухнул в нескольких шагах от ворот. Наемник сверху пристально, с подозрением, смотрел на Конана.

— Ты, неуклюжий болван! — заорал бандит. — Что, с таким простым делом справиться не можешь?

— С каким? — заорал в ответ Конан, открывая ворота и надеясь на эти несколько наиболее критических секунд отвлечь внимание солдата. — Эй, слушайте, я заведу сейчас лошадь внутрь, а потом спущусь по вашей лестнице. Я снова закрою ворота, поднимусь по лестнице обратно на стену и втащу лестницу за собой. Правильно?

— Эй, ты... — Тут солдат осекся, бросив взгляд в сторону дороги. Челюсть у него отвалилась, когда он увидел бегущих к форту рудокопов. В следующее мгновение он скрылся из поля зрения Конана, и в форте тревожно затрезвонил колокол.

Конан торопливо отворил тяжелые створки ворот во всю ширь. Он услышал крики внутри форта. К тому времени, когда

защитники форта появились в воротах, в руке у Конана уже был обнаженный меч.

Внезапно перед ним оказались четверо мужчин, стоящие в проходе плечом к плечу. Это бандиты Лисипа. Они бросились на киммерийца. Несколько секунд Конан был занят тем, что отражал четыре свистящих лезвия, не имея возможности перейти в наступление. Наконец ему удалось поразить одного из атакующих в руку, держащую меч, и через секунду ранить другого в бедро. Раненые тут же уползли, а их место заняли другие бандюги.

Киммериец начал отступать от ворот, будто поддаваясь их натиску. Как он и предполагал, среди атакующих нашелся один неосторожный, который вырвался вперед. Почти не имея места маневрировать в тесном проходе, Конан отбил меч противника в сторону и в следующее мгновение поразил его в грудь. Падая, бандит чуть было не сбил с ног стоящего за ним, и, прежде чем тот успел обрести равновесие, меч Конана развалил его надвое.

Быстро перешагнув через упавших, Конан атаковал защитников ворот, одновременно отходя в сторону. Еще через несколько секунд в ворота ворвались рудокопы, круша все своими страшными дубинами. Похоже, они даже не беспокоились о том, что их могут ранить. Их ничто не волновало, пока они сами могли нести смерть похитителям их жен и детей. Еще несколько мгновений — и ворота были заняты. Сражение перенеслось во двор форта.

Хотя работа была закончена, киммериец не смог удержаться и принял участие в столь удачно начатой битве. За воротами уже кипела схватка. Будто дух войны среди звенящего оружия, рева и стонов, Конан скользнул в ворота и оказался во дворе. Тут он увидел давешнего бородатого наемника в шлеме, который бежал ему навстречу, спускаясь с лестницы.

Со страшной звериной ухмылкой, с окровавленным мечом наготове киммериец встретил наемника на нижней ступеньке. Отбив рубящий удар сверху вниз, который вот-вот должен был обрушиться ему на голову, и парировав быстрый выпад, направленный ему в горло, Конан перешел в атаку, сделав серию стремительных выпадов. Наемник парировал удары, однако под напором Конана он начал подниматься по лестнице, отступая, видимо желая воспользоваться преимуществом верхней позиции, чтобы в удобный момент рубануть Конана по голове или по плечам. Отбив один из таких рубящих ударов, Конан быстро нагнулся вперед и, схватив противника за лодыжку, рванул ее на себя. Наемник качнулся, и в следующий же момент Конан вонзил острие меча ему в глотку. С пронзительным воплем, который захлебнулся в крови, враг покатился с лестницы.

Киммериец побежал вверх по лестнице, на стену. Его атаковали двое громил Лисипа, однако Конан просто столкнул их со стены на головы сражающихся.

Сверху открывался отличный обзор. Быстро охватив взглядом поле битвы, Конан остался удовлетворенным. Видно было, что рудокопы уже берут верх. Трое или четверо воинов Ермака все еще продолжали сражаться, но ясно было, что шансов у них нет. Женщины и дети кричали, радуясь появлению мужей и отцов и приветствуя их победу.

Все еще с мечом в руке, Конан бросился в ближайшую башню.

Внутри стоял тяжелый дух. Смердело. Здесь жили люди Лисипа. Конан быстро осмотрел все три этажа башни, однако не обнаружил ни врагов, ни чего-либо, что могло представлять интерес.

Вернувшись на стену, Конан быстро перебежал над воротами в другую башню. Эта башня использовалась людьми Ермака. На первом этаже был склад оружия и продовольствия. На втором — жили наемники. Конан вбежал по лестнице на третий этаж. Все помещение было заставлено сундуками. Сзади послышались какие-то звуки. Конан резко обернулся и тут же опомнился.

Он увидел Белласа, державшего в одной руке ребенка, а другой обнимавшего хорошенькую молодую женщину. Непривычная на мрачном лице ухмылка показалась в бороде рудокопа.

— Как я понимаю, сражение закончено? — спросил киммериец, бросая меч в ножны.

— Покончено со всеми, — подтвердил Беллас. — Ни одной из собак не удалось ускользнуть, чтобы сообщить своим в Шикасе.

В помещение вошли еще несколько шахтеров, присоединяясь к своему вожаку.

— Отлично, — сказал Конан. — Эй, есть тут кто-нибудь с киркой? Взломайте-ка эти сундуки. Интересно посмотреть, что здесь прячет Бомбас.

Сундуки были взломаны. Рудокопы находились в превосходном настроении. К своему облегчению, Конан узнал, что потери в этой короткой, но яростной схватке у рудокопов были незначительны.

— Когда шахта обваливается, мы теряем больше народу, — прокомментировал Беллас.

Как Конан и подозревал, в большинстве сундуков хранилось серебро, частью в виде монет, частью в слитках. Впрочем, были в сундуках и другие ценности.

— Вы можете все это прихватить с собой в деревню и там спрятать? — спросил Конан.

— Мы не грабить сюда пришли, — отозвался Беллас и взял за руку жену, как бы желая показать, за чем он в действительности пришел в этот заброшенный форт.

— Я не заставляю вас грабить, — сказал киммериец. — Если я не заблуждаюсь, большая часть этого добра по закону принадлежит королю. Я думаю, что король будет куда как признателен, если вы сохраните это для него.

Конан не слишком верил в благодарность королей, но рудокопам нужно было хоть как-то оправдаться, когда королевские войска в конце концов явятся в Шикас. Вдруг Конан приметил в углу шкаф.

— А это что такое? — спросил он, указывая в угол.

Один из шахтеров обернулся и легко, будто играючи, киркой сорвал замок. После этого он открыл дверцу и заглянул внутрь.

— Только книги, — сказал он, пожимая плечами.

Заинтригованный, Конан подошел и вытащил наугад один из больших тяжелых томов, переплетенных в тонкую шемитскую кожу. Он открыл первую страницу и увидел рукописные строчки, выписанные изящным почерком, и колонки цифр.

— Я не писец, — сказал Конан. — Но мне частенько приходилось получать денежки. Готов биться об заклад, что это — амбарные книги Бомбаса. Тут, должно быть, записано, сколько он забирал и сколько выплачивал, а также кому выплачивал и для чего. И еще, готов поспорить, что точно такие же книги находятся в резиденции городского головы. Так вот, именно те книги, что находятся в резиденции, он предъявляет королевскому казначею. В тех книгах, что в резиденции, доход куда меньше, а выплаты намного больше. Вы должны обязательно взять с собой эти книги и спрятать их как можно лучше. Если в нужный момент вы сможете предъявить королевским инспекторам эти книги, то можете быть уверены: Бомбаса вздернут на самой высокой виселице.

— Мы будем хранить их как зеницу ока, — поклялся Беллас.

— В этих книгах, — сказал Конан, — должны быть записаны и его военные расходы. Он получает от короля зарплату и продовольствие для сотни человек, а также корм для коней, оплату конюшен и прочие расходы. Ибо городской гарнизон оплачивает королевская казна. Вместо этого, как вы прекрасно знаете, он содержит пару десятков инвалидов. Вряд ли они получают больше половины из того, что полагается на содержание нормальных солдат городской стражи. Впрочем, это ничто по сравнению с тем, сколько он имеет с рудников. Такие люди, как Бомбас, совершая большие кражи, не брезгуют и малым.

— Что ты собираешься теперь делать, киммериец? — спросил его Беллас.

— Вернуться в Шикас. У меня там сейчас куча дел.

— Ты затеял опасную игру, мой друг, — сказал шахтер.

— А другие игры не стоят того, чтобы в них играть, — отозвался Конан. — Кроме того, в опасных играх выигрыши всегда больше.

— Почему бы тебе не отправиться с нами в деревню? — спросил Беллас. — Когда придет время, ты смог бы возглавить наш поход в Шикас, где мы бы навели порядок.

Конан покачал головой:

— Нет. Мне слишком много еще надо сделать в городе. Там пахнет большим выигрышем. Зачем отдавать его Бомбасу?

— Я думаю, ты с ума сошел. Но как бы то ни было, знай: за то, что ты сделал для нас сегодня, ты — наш друг отныне и навсегда. Когда понадобимся — позови нас.

Конан вместе с рудокопами закончил работу в старом форте. Сундуки взвалили на спину наиболее сильные. Они и пошли вперед. Остальные в это время поджигали форт. Обломки мебели, деревянная обшивка башен — все это было вытащено во двор и свалено в громадную кучу, куда бросили и трупы убитых противников. Затем кучу подожгли. Своих павших братьев шахтеры понесли с собой, собираясь похоронить их в деревне после надлежащих ритуалов.

Покончив с делами в форте, Конан двинулся на север. Вскоре огромный столб дыма, поднимающийся к небесам над старым фортом, скрылся из виду. Конан ехал не спеша. Хотя солнце уже садилось, было еще не темно. Оказавшись около города, Конан проехал по лугу, где разбивали лагерь караванщики — ставили палатки и разводили костры. В это время в Шикас приходило не много караванов. Конан обнаружил, что караван, с которым прибывал Мульвикс, уже ушел.

Конан въехал через городские ворота, дав обычную взятку, и отправился к гостинице. Когда киммериец, держа в поводу коня, входил в темную конюшню, конюх как-то странно глянул на него. Киммериец уже собрался было спросить конюха, не случилось ли чего, когда что-то ударило его по затылку.

Конан упал, еще не вполне потеряв сознание, но совершенно не способный двигаться. Он чувствовал, как вокруг лодыжек и локтей обвились веревки. Он ничего не мог против этого поделать. Затем его завернули в тяжелое одеяло. Последнее, что киммериец слышал, прежде чем уплыть в небытие, был голос Юлуса:

— В темницу его!

Глава шестнадцатая

ХАОС ОПУСКАЕТСЯ НА ГОРОД

Конан пробудился от ощущения, будто в голове у него начал извергаться вулкан. Только дикарский инстинкт удержал Конана от громкого стона. Звуки, свидетельствующие о боли и беспомощности, могут привлечь хищников. Конан шевельнулся. Под ним зашуршала солома. Уже не в первый раз Конану доводилось приходить в себя вот так, на холодном каменном полу, покрытом соломой, с разламывающейся от боли головой.

Он медленно поднял руку и ощупал затылок. Пальцы коснулись запекшейся крови. Конан мрачно, стоически провел пальцами по голове, а затем надавил так сильно, как только мог. Боль копьями пронзила все тело. Перед глазами заплясали круги. Конан решил не обращать внимания на боль. Хвала Крому, череп вроде не проломили! Стальной шлем и плотная копна черных волос погасили силу удара.

Конан попытался сесть. На несколько мгновений тошнота подкатила к горлу, голова закружилась, но усилием воли киммериец отогнал эти ощущения. В свое время варвару приходилось попадать и в более тяжелые передряги. Кроме того, Конан прекрасно понимал, что у тех, кто бросил его сюда, намерения относительно него были куда хуже. Конан услышал приближающиеся шаги.

— Итак, наша ненаглядная добыча осталась в живых.

Конан поднял глаза и за решетками увидел могучую фигуру Юлуса. На миг фигура Юлуса раздвоилась, потом снова приобрела прежние очертания, и наконец Конану удалось сфокусировать взгляд.

— А ты надеялся, что я подохну? — спросил Конан.

— Честно говоря, я и не собирался тебя убивать, — ответил Юлус. — Атхази было строго-настрого приказано не убивать тебя. Но уж больно он зол на тебя, поэтому ударил куда сильнее, чем требовалось. Сам подумай, какая нам радость от того, чтобы ты умер. Все веселье пошло бы насмарку.

— Стало быть, это зингарец? — проговорил Конан. — А он сильный парень...

— Скоро сам испытаешь его силу в полной мере, — был ответ.

— Зачем ты притащил меня сюда? — спросил киммериец.

Юлус разразился грубым смехом:

— Не прикидывайся дурачком, чужеземец! Я вытрясу из тебя всё! Ты расскажешь о всех своих подлых кознях!

— Так это работенка для настоящего мужчины. А я что-то, кроме самого себя, настоящих мужчин здесь не вижу, — хмыкнул

Конан. Похоже, они и не подозревают о том, что произошло в форте.

— Эй вы, бездельники! Закуйте его в цепи! — приказал Юлус.

Несколько человек выволокли киммерийца наружу. Он попытался было сопротивляться, однако простая попытка занять сидячее положение потребовала невероятных усилий. Даже ублюдки-тюремщики сейчас легко могли управиться с киммерийцем.

Между связанными запястьями Конана была продета веревка, которую пропустили через кольцо, вделанное в каменный потолок. Несколько человек, схватившись за веревку, начали тянуть. Вскоре тело киммерийца повисло, только кончики пальцев ног касались пола. Юлус приблизился к нему. На лице у него играла злобная усмешка. В руке была короткая деревянная дубина.

— Понимаешь ли, — объяснил Конану Юлус, — мы подвесили тебя для того, чтобы не поднимать всякий раз, как ты будешь падать.

Дубина мелькнула в воздухе, и боль пронзила бок Конана. В следующее мгновение кулак врезался ему в челюсть. Даже в тумане мучений Конан ясно сознавал, что должен выжить, и поэтому теперь собрал все свои силы для того, чтобы пережить пытку. Каждый удар, казалось, должен был раздробить его кости, однако Юлус бил мастерски, соизмеряя силу удара. Видно было, что он не собирается забивать пленника до смерти.

— Зачем ты здесь, варвар? — спросил Юлус.

Вопрос сопровождался несколькими ударами дубины по коленям, локтям, почкам и подмышкам. Телохранитель Бомбаса отлично знал, где проходят нервы и куда нужно нанести удар, чтобы вызвать самую сильную боль.

— Кто послал тебя? Ты человек короля? — кричал Юлус.

Варвар молчал, хотя боль становилась все более невыносимой. Очередной удар пришелся по переносице. Кровь залила лицо и грудь киммерийца. Конан ощутил соленый привкус во рту. По крайней мере, палач боялся повредить челюсть или горло — он хотел, чтобы пленник мог говорить. Серия сокрушительных ударов по почкам наконец заставила Конана хрипло выдохнуть:

— Я хотел разбогатеть, как и все прочие в этом городе, будьте вы прокляты!

— Не верю! — рычал Юлус. Однако удары слегка ослабли. — Что за сделку ты заключил с Лисипом? И что за игру ты ведешь с Максио? Вроде ты спишь с его женщиной! Это что-то не похоже на дружеские отношения. Где ты прячешься ночами, когда тебя нет в гостинице?

— Я шляюсь в Дыре, — прохрипел Конан, сплевывая кровь на пол. — Выискиваю, как бы половчее урвать жирный кусок! Ты ведь это делаешь, пес!

Нос у Конана распух, под глазами обозначились черные круги. Киммериец от души надеялся, что со зрением все будет в порядке. У слепого мало шансов сбежать.

Юлус ловко ударил его по икроножной мышце. Мускулы свело судорогой.

— Правду говори, киммериец! — орал Юлус. — Правду! Я из тебя выбью правду!

На Конана обрушился град ударов. Он то терял сознание, то снова приходил в себя. Время от времени что-то бормотал, всегда повторяя одно и то же: «Работаю сам на себя, чтоб вам всем обгадиться...»

— Мне кажется, вот это тебе, киммериец, нравится больше всего, — проговорил Юлус, опять нанося удар по ребрам. С Юлуса от напряжения градом катил пот. — Признайся, киммериец, ведь тебе это нравится не меньше, чем мне? Разве не высшее милосердие богов в том, что они столкнули нас с тобой на одном пути? Разве это не их милость?

Какой-то звук за спиной заставил Юлуса обернуться. В камеру вбежал человек.

— Что такое? — резко спросил Юлус. — Моли богов, чтобы причина, по которой ты оторвал меня от столь восхитительного занятия, была уважительной!

— Городской голова требует, чтобы ты срочно явился к нему! — выдохнул вестник. — Мы должны срочно седлать коней и выезжать! Поспеши!

— Что у них там такое стряслось? — пробормотал Юлус. — Ладно, киммериец, ты пока поскучай без меня. Я быстро вернусь.

И виртуозным, внешне совершенно небрежным движением Юлус обрушил дубину Конану на висок. Перед глазами у Конана вспыхнули багровые молнии, а затем наступила тьма.

Конан пришел в себя. Своих онемевших рук киммериец не чувствовал. Он все еще висел в том положении, в каком его оставил Юлус, — подвешенный на веревке, он едва касался пола пальцами ног. Все тело страшно ныло. Однако, насколько Конан мог определить, серьезных повреждений не было. Не было рубленых ран или сломанных костей. Значит, есть шанс оправиться в течение нескольких дней. Но прежде всего нужно позаботиться о том, чтобы выбраться отсюда прежде, чем вернется Юлус.

Медленно, с трудом поворачивая затекшую шею, Конан поднял голову, оторвав подбородок от груди, — он прилип к засохшей

крови. На мгновение Конану показалось, что он ослеп. Он чувствовал запах горящего в лампе масла, однако не видел света. Постепенно до него дошло, что веки у него тоже слиплись от крови. После серии страшнейших гримас Конану удалось частично разлепить один глаз и увидеть горящую в нише лампу. В кресле возле стены дремал тюремщик. Это был наголо бритый человек с внушительным брюхом. В тот раз, когда Конан был здесь впервые, он его не видел. На поясе у тюремщика висели на кольце ключи. За пояс был заткнут нож.

Конан громко застонал. Глаза тюремщика слегка приоткрылись.

— Воды! — вскричал Конан. — Во имя милосердия Митры, принеси мне воды!

— С чего это я должен таскать тебе воду, ты, сволочь? — спросил тюремщик. — Плевал я на тебя и твоего Митру.

— Я умираю от жажды!

— Не бойся, не умрешь. Ты умрешь от другого и достаточно скоро, — утешил его тюремщик. — Юлус вернется, и тогда уж мы возобновим нашу молодецкую потеху, от которой ты, конечно же, умрешь, потому как ты варвар, ублюдок.

— Я тебе заплачу, — сказал киммериец.

— Чем? Своим дерьмом? — Тюремщик кивнул на груду одежды и оружия в углу. — Все, что у тебя было, мы уже забрали. Монеты, которые были у тебя в кошельке, мы уже давным-давно поделили. Но если честно, мне не досталось ничего. — В тоне тюремщика проскользнула горечь.

Конан понял: вот куда надо бить.

— У меня есть еще деньги. Много денег, — сказал он.

— Где? — спросил тюремщик. Его лицо оживилось от жадности.

— Скажу, но сперва принеси мне воды.

Ворча, тюремщик ушел. Через несколько минут он вернулся с ведром и ковшом. Набрав в ковш воды, он поднес ее ко рту киммерийца. Конан жадно начал пить. Удовлетворился он лишь после того, как выхлебал два ковша.

— Теперь вылей остаток мне на голову, — велел он.

Пожав плечами, тюремщик исполнил его просьбу. Вода смочила гриву черных волос и смыла часть крови с глаз киммерийца, слегка освежив его.

— Ну? — спросил тюремщик. — Деньги где?

— Сделай еще вот что, — сказал киммериец, — спусти-ка меня на пол. А то я просто умираю от боли в руках.

— Ты сказал, что заплатишь мне за воду. Советую тебе не шутить со мной.

— Либо ты меня спустишь, либо останешься с носом.

— Ладно, даю тебе последний шанс, — угрожающе проговорил тюремщик. Он зашел куда-то Конану за спину. Прошло несколько секунд, и веревка начала подаваться. Конан упал на каменный пол. Лежа на полу, он начал корчиться, почти крича от пронзившей все тело боли. Тюремщик пнул его обутой в башмак ногой, а затем, захватив в кулак горсть черных волос киммерийца, повернул голову Конана к себе:

— Ну, пес, деньги где? Имей в виду, Юлус тут не единственный, кто может заставить тебя кричать.

— Кричать он меня не заставил! Не заставишь и ты!

Внезапно связанными ногами киммериец ударил тюремщика под колени. Тот с воплем упал. Потом попытался было встать, но следующий удар пришелся по голове. Конан повернулся и сжал горло тюремщика коленями, после чего начал медленно сдавливать. Тюремщик открывал и закрывал рот, будто выброшенная на берег рыба, но не мог ни освободиться, ни крикнуть. Наконец он оставил бесполезные попытки оторвать железные ноги варвара от своего горла и потянулся за ножом. Прежде чем он смог нанести удар, Конан резко развернулся вместе с зажатой между колен головой тюремщика. Нож отлетел в сторону.

Тюремщик дернулся и затих. На всякий случай, действуя наверняка, Конан еще сильнее сжал ноги и держал их так в течение нескольких минут. Затем он отпустил шею тюремщика. Некоторое время киммериец лежал не шевелясь. Борьба отняла почти все силы. Но Конан понимал, что сейчас не время медлить. Он стал шарить по полу камеры в поисках ножа.

Наконец он нащупал нож, но ему никак было не схватить рукоять — онемевшие пальцы не слушались. Тогда, извернувшись, Конан зажал рукоятку ножа между зубов и упер острие в пол. Он начал перепиливать веревки, связывающие его запястья. Несколько минут — и вот уже руки Конана свободны. Скрипя зубами от боли, Конан начал размахивать руками, совершая круговые движения, чтобы вернуть нормальное кровообращение. Перед глазами плыли круги, его мутило. Но Конан терпел. Челюсти ныли, так сильно он стискивал зубы. Казалось, боль будет длиться вечно, но вот она начала отступать. Теперь, когда руки снова действовали, киммериец быстро справился с веревкой, связывающей лодыжки, и встал. От слабости его шатало, однако так или иначе, но он мог стоять.

Конан оделся, поверх одежды натянул кирасу, шлем, нацепил пояс с мечом. Проделав все это, он почувствовал себя куда лучше, хотя понимал, что сейчас ему необходимо хорошенько отдохнуть, прийти в себя.

Медленно он начал подниматься по лестнице, то и дело прислоняясь к стене, когда волны дурноты накатывали на него. У входа в резиденцию городского головы Конан остановился и начал прислушиваться. Все было тихо. Двери никто не охранял. Судя по всему, даже бесполезных городских стражников Бомбас забрал с собой. Конан ни на минуту не усомнился в том, что они срочно отправились в форт – вернее, к руинам, что от него остались. К тому времени, когда Бомбас со своими людьми вернутся, Конан должен спрятаться где-нибудь в безопасном месте.

Судя по вопросам, которые задавал ему во время пытки Юлус, Конан понял, что в резиденции городского головы ничего не знают о его связи с храмом Матери Дурги. Он также предположил, что Риста Даан был слишком значительным лицом в Шикасе, чтобы так просто допросить торговца пряностями. Потому-то Юлусу и не было ничего известно о той работе, которую выполнял Конан по спасению дочери Риста Даана. Даже сейчас, когда боль заполняла каждую клетку его тела и ему грозила смертельная опасность, Конан вдруг ощутил тревогу – как там Риетта? Слишком долго он отсутствовал.

Шатаясь, Конан выбрался из резиденции городского головы и замер в тени здания. Ночь была темной, на Площади никого не было. Конан решил, что все-таки не стоит идти прямо через Площадь, а вместо этого двинулся кругом, прячась в тени зданий. Пройдя мимо особняка Ксантуса, Конан вышел на аллею, отделяющую этот дом от храма Матери Дурги. Ворота черного хода храма были открыты, поэтому Конан вошел во двор. Пройдя через кухню, он вошел в храм. В храме, как обычно, пели аколиты. Однако пение их изменилось. Оно стало более громким, более звучным, резонирующим. Казалось, все здание вибрировало от этих песнопений. Конан решил, что ему это просто кажется, потому что у него в голове звенит. Преодолевая головокружение, он в конце концов нашел лестницу, по которой стал подниматься. Выйдя на галерею второго этажа, Конан остановился перед дверью.

– Конан!

Варвар обернулся. За спиной стояла Оппия. На ней было прозрачное ночное одеяние. Лицо ее выглядело недовольным.

– Где ты шля... Что с тобой случилось?

Тут до киммерийца дошло, что он машинально притопал к своей прежней комнате. Она располагалась на том же этаже, что и покои Андоллы и Оппии. Жрица быстро подошла к Конану, разглядывая его в свете лампы.

– Ты выглядишь как оживший мертвец! Кто с тобой такое сотворил? Это не похоже на следы от драки!

— Телохранители Бомбаса, — выговорил киммериец. Он буквально изнасиловал свой отказывающийся подчиняться мозг, на ходу изобретая историю, чтобы убедить Оппию предоставить ему, Конану, укрытие. — Городской голова хочет знать, что творится в этом храме. Он думает, что вы здесь прячете сокровища. Только я ему ничего не сказал. У них там поднялась какая-то тревога, и они все поспешно убрались, а мне удалось сбежать.

— Идем, надо промыть твои раны и перевязать их. — Голос Оппии тоже изменился. Он стал более низким и более вибрирующим. Конан решил, что все дело в том ударе по голове и что у него что-то со слухом.

— Мне просто нужно где-нибудь прилечь и проваляться день или два.

— Чушь! — отрезала она настойчиво. — Даже если твои раны не требуют исцеления, я в любом случае не хочу, чтобы ты перемазал кровью весь храм. Идем со мной.

Схватив Конана за руку, она потащила его за угол, к красной двери. Он послушно пошел за ней. Теперь Конан отметил, что не только со слухом у него что-то случилось. Похоже, и зрение его подводит, ибо в облике Оппии он заметил перемены. Она и раньше была соблазнительной женщиной, но теперь ее красота просто била в глаза. Она шла перед ним, и ее бедра изумительно округлились и покачивались просто совращающе. И без того тонкая талия стала осиной. Конан помотал головой. Ловко ударил его зингарец. Вот и со зрением стало неладно.

Она отперла дверь и ввела его внутрь. В прихожей стояли статуи Матери Дурги, украшенные драгоценностями. На полу лежали дорогие ковры. Столь же дорогие ковры висели на стенах. Горящие лампы являли собой настоящие произведения искусства. Никакого магического оборудования Конан не заметил. Очевидно, Андолла держал его у себя в кабинете, внизу. Конан проследовал за Оппией в небольшую комнату, пол которой был выложен зеленой плиткой. Там находилась глубокая ванна из пурпурного мрамора. Горячая вода лилась из пасти золотого дельфина в одном конце ванной и втекала в пасть другого дельфина на противоположном конце.

— Забирайся туда! — приказала Оппия. И принялась стаскивать с Конана одежду. Киммериец слишком устал, чтобы сопротивляться. Он покорно дал себя раздеть и залез в ванну. С блаженным стоном он погрузился в горячую, курящуюся паром воду, доходившую ему до плеч.

— Окунись с головой!

Конан послушно нырнул. Когда он вынырнул на поверхность, жрица принялась тереть его голову грубой губкой. Конан морщился, когда женщина ненароком проводила по ранам. Одна-

ко понимал, что если раны промыть, то они заживут куда быстрее. Присев на край мраморной ванны, Оппия деловито принялась обрабатывать его плечи.

— Только не обольщайся, — предупредила она. — Я тебе не банная прислужница. Я бы послала к тебе кого-нибудь из аколитов на помощь, но не хочу, чтобы тебя видели в таком состоянии. Мне не нужно, чтобы тут мололи языками. Вообще-то ты нравишься мне как мужчина, но сейчас ты больше похож на послушного ребенка. Все-таки здорово тебя отделали. От синяков и порезов тело черное, как у кушита. А лицо так распухло, что, если бы не твоя черная грива да еще знакомая кираса, я бы тебя ни за что не узнала.

Она наклонилась вперед, чтобы обмыть губкой грудь Конана. Пока она была занята этим, он рассматривал ее. От пара тонкое ночное платье промокло и облепило ее, подчеркивая все детали ее фигуры, будто она была обнажена. Теперь ее груди выглядели куда более полными, нежели прежде, а живот, несмотря на тонкую талию, был красиво округлен. И что казалось абсолютно невозможным, лицо ее стало более широким, хотя при этом не потеряло красоты. Лицо Оппии смутно что-то напомнило Конану. Только он не мог понять, что именно.

— Я хочу, чтобы ты как можно скорее поправился, — сказала она. — Странные вещи здесь происходят, я начинаю бояться. Заклинания моего мужа вдруг обрели огромную силу. Я не знаю почему. Что-то во всем этом не то. Поэтому я хотела бы, чтобы рядом был сильный человек, на которого в случае чего можно было бы положиться. Даже я... — Тут она оборвала себя, возможно, боясь проговориться.

— Слушай, госпожа, спрятала бы ты меня на денек или два, — сказал Конан. — И я буду как новенький. Тогда тебе не надо будет никого бояться.

— Подожди здесь, — сказала она, поднимаясь на ноги. И с этими словами Оппия вышла из ванной.

Конан расслабился в горячей воде, чувствуя, как боль оставляет тело. Через несколько минут Оппия вернулась, держа в руках большой кубок.

— Выпей, — приказала жрица. — Это разведенное вино с травами.

Конан взял кубок и выпил его содержимое. В первый раз он не боялся, что здесь ему поднесут наркотик или отраву. Оппия помогла киммерийцу досуха вытереться, после чего стала втирать какую-то мазь в его порезы и ссадины.

— Вот, — проговорила она, — все, что в настоящий момент нужно сделать. Теперь одевайся и возвращайся в комнату. Ты как, сможешь подняться по лестнице?

— Смогу, — сказал он. — Порой меня били куда сильнее.

— Время от времени я буду посылать послушников, чтобы проверить твое самочувствие. Если тебе что-нибудь потребуется, передашь через них.

— Благодарю тебя, — сказал Конан. — Кстати, Андолле может не понравиться, что ты купаешь в его собственной ванне простого наемника?

— Мой муж, — сказала она, — в последнее время слишком увлечен своими делами, чтобы обращать внимание на то, чем я занимаюсь. Теперь ступай. Утром я навещу тебя.

Одетый лишь в набедренную повязку, остальные вещи сунув под мышку, Конан вышел из господских апартаментов и направился к лестнице. Поднявшись на третий этаж, он вошел в отведенное ему помещение. Здесь ничего не изменилось. Он бросил около кровати одежду и оружие и снова вышел, пересек прихожую и вошел в комнату Риетты. Девушка мирно и безмятежно спала. Выглядела она куда лучше, чем прежде. Запаха черного лотоса в ее комнате не ощущалось.

Похоже, в связи с последними событиями Андолле и Оппии было не до Риетты. Конан подошел к окну и проверил, на месте ли его восковая затычка. Затем отправился к себе, упал на кровать и мгновенно заснул.

Когда Конан проснулся, ему показалось, что тело у него задубело. Оно затекло и отказывалось повиноваться. С героическим усилием Конан поднялся, свесив ноги с кровати. Затем он заставил себя встать, после чего начал разминаться до тех пор, пока не почувствовал, что суставы и мускулы мало-мальски начали слушаться. Стиснув зубы, Конан терпел боль. Так надо! Сейчас нельзя давать телу поблажку. Послышался стук в дверь. Конан привычно положил руку на рукоять меча.

— Войдите, — сказал он.

Вошел аколит. При виде почти обнаженного, массивного, покрытого синяками и царапинами воина глаза аколита округлились.

— Госпожа прислала меня узнать, проснулся ли ты и не нужно ли тебе чего, господин, — сказал юнец, складывая руки у груди и кланяясь.

Сам киммериец сейчас хотел одного: спать, спать и еще раз спать. Однако в храме был еще один человек, о котором стоило подумать.

— Принеси мне еды, — попросил он. — Хлеба, мяса, чего-нибудь покрепче и фруктов, какие найдешь на кухне.

Аколит еще раз поклонился и вышел. На самом деле Конан не был голоден, однако знал, что Риетта ничего не ела самое ма-

лое два дня. Когда Конану принесли еду, он отпустил аколита и отправился прямо к девушке.

— Конан! — Риетта сидела на кровати. Глаза, которые при виде Конана расширились, в первый раз были яркими и незамутненными. — Где ты... Что с тобой случилось?

— Знаешь ли, я устал от расспросов, — проворчал киммериец, ставя блюдо с едой на кровать. — Вот, поешь-ка лучше!

— Вчера мне забыли принести даже баланду, — проговорила она, жадно принимаясь за еду.

— Меня здесь вчера не было. Вчерашний день я провел в тюрьме. — Конан наблюдал за ней, пока она ела. Аппетит вернулся к девушке. Риетта быстро поглощала пищу. Удовлетворенный, Конан кивнул. — А теперь, — сказал он, — ну-ка встань и попробуй пройтись по комнате.

Она повиновалась. Он внимательно смотрел, как она двигалась. Хотя во всех отношениях она еще не вполне пришла в себя, тем не менее походка у нее была твердой и уверенной. Конан понимал, что ждать, пока она полностью восстановит свои силы, нельзя. Странные вещи происходят здесь, в храме. У Конана было сильное подозрение, что в ближайшее время эти вещи станут еще более странными.

— Больше ты оставаться здесь не можешь, — сказал он девушке. — Сегодня ночью я переправлю тебя к отцу. Будь готова.

— Сегодня ночью? — Улыбка, которой осветилось ее лицо, была первым искренним выражением радости, какое Конан видел в этом храме. Затем улыбка потускнела. — Но как я смогу посмотреть ему в глаза? Я ведь обокрала его, а вдобавок позволила этим ужасным людям превратить меня в марионетку. Как только я могла позволить им проделывать со мной такие вещи!

Ее лицо залила краска стыда.

— Они воспользовались твоим горем после смерти матери, — сказал он ей. — А затем стали накачивать своим проклятым зельем, пока ты не лишилась собственной воли. Тот факт, что они изолировали тебя, морили голодом, дурманили всякой дрянью, говорит о многом: ты куда сильнее, чем прочие бедолаги, попавшие в сети этих негодяев. Твой отец простит тебя, девочка.

— Надеюсь, ты прав, — вздохнула она. — Хорошо, я буду готова.

Киммериец вернулся к себе и завалился на кровать. Когда он снова проснулся, уже смеркалось. Кряхтя и постанывая, Конан поднялся и принялся за разминку. К своему удовлетворению, он почувствовал, что начинает выздоравливать. Он ощупал лицо и обнаружил, что опухоль почти спала. Такова уж киммерийская порода — все заживает как на собаке.

Конан подумал о Юлусе и зловеще улыбнулся. Хотя в хитрости Юлусу не откажешь, вперед смотреть он не умел. В противном случае ему стоило бы позаботиться о том, чтобы изувечить киммерийцу руку, которой тот владел мечом. Впрочем, теперь у Юлуса будут все основания пожалеть об этом.

Одевшись, вооружившись и закутавшись в плащ, Конан вышел из храма. С наступлением сумерек люди начали расходиться с Площади, будто боясь, как бы темнота не застигла их вне дома. Конан достаточно прожил в Шикасе, чтобы это показалось ему необычным. Он подошел к лоточнику, который собирал свой товар, и спросил, что стряслось.

— А ты разве не слыхал? — сказал тот. — В городе теперь настоящая война! Сегодня утром громилы Лисипа атаковали берлогу Ингаса в «Железном Черепе». Ингас и все, кто был с ним, убиты! С наступлением ночи на улицах начнутся сражения!

— Отлично! — сказал Конан.

— Что ты сказал? — Торговец недоуменно поднял глаза, но обнаружил, что чужеземец уже исчез.

Конан прошел несколькими извилистыми улицами. Наконец он добрался до внушительного особняка. Здесь он поднялся по наружной лестнице на второй этаж и постучал. Дверь открыл Гилма. Руки телохранителя уже лежали на рукоятях обоих мечей. Не обращая на него внимания, Конан шагнул внутрь.

— Где Касперус? — спросил он.

— Киммериец! — закричал толстяк, появляясь из комнаты. — Я уж не чаял увидеть тебя снова! Я погружен в меланхолию, да, господин, в меланхолию! В скорбь! Поэтому ты должен тотчас же рассказать мне все, обо всех твоих делах, связанных со Скорпионом! Надеюсь, ты понимаешь, что я не требую от тебя отчета во ВСЕХ твоих деяниях, ибо боюсь я, господин, что остатка моих дней не хватит, дабы выслушать сию пространную повесть!

— Ты говорил, тебе нужен Скорпион? — сказал Конан.

— О господин, конечно же, я это говорил.

— Он у меня.

— Восхитительно! Но господин, как я понимаю, при тебе его нет. Где же он?

— Я спрятал его в очень надежном месте. Для своих размеров он неимоверно тяжел. В настоящее время, согласись, было бы глупо тащиться с ним по ночным улицам. Времена-то нынче какие. В каждый момент ожидаешь схватки...

— Да, господин, конечно, — проговорил Касперус. Маска дружелюбия сползала с его лица, сквозь нее проступили неприкрытая жадность и тщательно скрываемая ярость. — Ты был ОЧЕНЬ занят, ведь так? И наверняка все твое время занимали эти проклятые стычки между уличными бандами, а?

Конан пожал плечами:

— Они прекрасно обходятся и без меня, убивая друг друга.

— Кроме того, по городу ходят слухи о том, что в форте, недалеко отсюда, случилось сущее побоище. Кто-то взял его штурмом. Ошибусь ли я, сказав, что вряд ли без твоего бесценного опыта там обошлось?

— К нашим делам это не относится, — оборвал его Конан.

— О да, господин, конечно же, конечно! Этот город, в котором не было порядка, когда ты прибыл сюда, мой господин, — ныне этот город обуян хаосом. Теперь никто не может чувствовать себя в безопасности. Разве что такой опытный воин, как ты. У меня не остается выбора, кроме как поверить тебе на слово, господин, ибо не могу же я выйти на улицу и убедиться во всем своими глазами.

— Слову киммерийца всегда можно доверять, — прорычал Конан.

— О да, господин, конечно же, конечно! Признаюсь, я ожидал от тебя цельности, мужества, возможно, некоей варварской хитрости, но поверь, поверь, мой господин, никогда я не ожидал встретить в киммерийце такую щепетильность!

— Все-таки я советую тебе быть поосторожнее со словами. В ближайшие два дня я пришлю за тобой и скажу, когда я смогу отвести тебя туда, где спрятан Скорпион. Захватишь с собой те деньги, которые мне еще причитаются за работу.

— Господин! Ты бесстыдный мошенник! — воскликнул Касперус.

— Ну, до момента своей смерти я успею заработать себе еще кучу подобных характеристик, а может быть, и похуже. — И Конан повернулся, чтобы уйти, но обнаружил, что дорогу ему загородила Гилма.

— В самом ближайшем времени мы с тобой рассчитаемся, варвар, — заявил юнец.

— Вот именно, — сказал Конан, отодвигая его в сторону. — И молись, парень, чтобы не пришлось платить тебе.

Глава семнадцатая

В ХРАМЕ

Луна уже зашла, когда Конан возвратился в храм. Большую часть ночи он провел, бродя по городским тавернам и собирая слухи. Крики, вопли, стоны, звон мечей, казалось, доносились из каждой аллеи, из каждой улочки. Над Дырой поднималось крас-

новатое зарево — горело множество костров. О мире никто больше не заикался. Каждая шайка теперь находилась в состоянии войны со всеми остальными. Что до городского головы, то тот забаррикадировался в резиденции, вне себя от страха. Это имело свои плюсы. Подручные Бомбаса не обшаривали город в поисках киммерийца. Конан ощутил даже некоторое разочарование. Ему так хотелось повстречаться еще раз с Юлусом. Ермак и его бойцы будто сквозь землю провалились. Конан рассудил, что, должно быть, они где-то отсиживаются, пережидая хаос. Будучи настоящими солдатами, парни Ермака, как всякие наемники, терпеть не могли уличных свар и чувствовали себя не в своей тарелке во время подобных заварушек. Бриты также нигде не было. Конан доказывал сам себе, что ее проблемы никакого отношения к нему не имеют. Он не раз предупреждал ее, чтобы она бросила свои безумные затеи и отправилась домой.

Пирис, похоже, тоже решил где-то переждать беспорядки. Это киммерийца более чем устраивало. Вне всяких сомнений, маленький человечек сейчас изо всех сил пытается раздобыть где-нибудь денег, чтобы расплатиться за Скорпиона. Столь же уверен был Конан и в том, что добывает Пирис деньги какими-то противозаконными путями. С другой стороны, что в этом городе творилось законного?!

Оказавшись у храма, Конан замедлил шаг. Он осторожно приблизился к входу. Изнутри доносились действительно весьма странные звуки. Сквозь открытые двери были видны разноцветные вспышки света. До слуха киммерийца донеслось монотонное пение. Конан уже так привык к этому нытью, что почти не обращал на него внимания, однако сейчас в пении аколитов появилась какая-то новая, незнакомая интонация. Из храма долетали низкие, рычащие звуки. Вряд ли человеческое горло в состоянии испускать такой рык. Низкое нечеловеческое рычание время от времени прорезал высокий вой, казалось, тоже нечеловеческого происхождения. Завывание становилось все выше и выше и затихало где-то на той грани, какую способно улавливать человеческое ухо. Свет переливался от зеленого к красному, от красного к пурпурному. Время от времени мелькали такие сочетания красок, для каких Конан не находил названия.

Когда он уже входил в храм, что-то заставило его остановиться и внимательнее посмотреть под ноги. Мимо вышагивала процессия... скорпионов. Скорпионы двигались ровными рядами, величаво и торжественно, выступая, будто жрецы в парадном шествии. Разве кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы скорпионы разгуливали зимой? Кроме того, скорпионы, что топали сейчас рядом с киммерийцем, были огромными черными тварями, а вовсе не теми маленькими коричневатыми скорпончика-

ми, какие встречаются в Аквилонии – да и то только в летнее время.

Осторожно и брезгливо Конан переступил через ядовитую процессию и вошел в храм, положив руку на рукоять меча и крепко стиснув зубы. Конан чувствовал, как волосы у него встают дыбом, как шерсть на загривке приготовившегося к драке кота.

Мимо прошел послушник, одарив киммерийца идиотской улыбкой. Лицо аколита каким-то образом неимоверно вытянулось и стало походить на морду слона с хоботом. Вытянулись и руки. Покрытые бурой шерстью, они почти достигали колен. Из-под одежд аколита высовывался и волочился за ним по полу толстый хвост. На мгновение Конан подумал, что аколит теперь исключительно похож на одну из тех мартышек, что высечены на стенах вендийских храмов.

– Где Андолла и Оппия? – спросил киммериец.

Несмотря на странную трансформацию, аколит не выглядел угрожающим. Подняв волосатую руку, аколит указал в глубину храма. Конан побежал в указанном направлении, но на пороге главного зала остановился. Затаив дыхание, он уставился на картину, что развернулась перед его взором.

Толпа аколитов пела в экстазе. Каждый из них претерпел некую трансформацию. Многие приобрели сходство с мартышками. Другие – с какими-то чудовищными насекомыми. Самый рослый и кряжистый из аколитов имел теперь гигантские уши и длинный хобот. Конан рассматривал их всего несколько мгновений, после чего поднял глаза к пьедесталу.

Андолла сидел, скрестив ноги, как обычно, но только теперь он парил в воздухе на высоте двадцати футов. Его окружала багровая аура. Цвет, казалось, каплями стекал с его пальцев. Голос его грохотал, перекрывая пение остальных, мощный, как рев пробудившегося вулкана.

Под ним на колоссальных коленях богини стояла Оппия. Глаза ее были закрыты. Пронзительным высоким голосом она тянула молитву. Одежды ее были спущены с плеч. Она стояла обнаженной по пояс, на ней были только драгоценности. Оппия тоже не избежала жуткой трансформации. Груди ее стали поистине чудовищными, будто бы презирая законы тяготения, они сохраняли совершенную полусферическую форму. Над чрезвычайно раздавшимися, хотя и не потерявшими округлости, бедрами ее поясница казалась столь узкой, что ее можно было охватить двумя пальцами. И лицо Оппии изменилось. Теперь оно стало полностью идентичным лицу статуи Матери Дурги.

Конан обнаружил, что изменилась и сама статуя. Теперь она была почти черного цвета, а лицо идола перестало быть лицом Матери Дурги. Исчезли и все вендийские черты. Что-то

холодное и орлиное теперь ощущалось в нем, которое по красоте несравненно превосходило то, прежнее, лицо. С ужасом Конан осознал вдруг, что перед ним лицо богини-Скорпиона.

Конан подбежал к ближайшей лестнице и стал подниматься наверх. Чем выше он поднимался, тем более привычным становилось все вокруг, хотя со светом по-прежнему творилось нечто странное, а углы помещений были искривлены. Когда Конан добрался до третьего этажа, вокруг все, казалось, пришло в норму. Взбираясь по последнему лестничному пролету, Конан вдруг, к своему изумлению, обнаружил, что кто-то поднимается впереди него.

— Прочь с дороги! — прорычал он, хватая того за плечо.

Тот, кто поднимался по ступеням, обернул к Конану свое лицо.

— Борода Крома! — вскричал Конан, отступая назад на две ступени и выхватывая меч. Знакомый уже зеленоватый монстр пялился на киммерийца черными зенками. Из разинутой пасти текла липкая слюна. Значит, безумец Андолла использовал магические возможности богини-Скорпиона, что нынче находилась в крипте, под колоссальной статуей Матери Дурги, и даровал чудовищу реальную жизнь.

Тварь зашипела и бросилась на киммерийца. Инстинктивно Конан метнулся вперед, приподняв одно плечо и нанося удар. Клинок вонзился в тело монстра. Раздался скрежещущий вопль. С молниеносной быстротой киммериец вырвал лезвие и ударил вновь. Раз за разом втыкая добрую сталь в гнусную плоть, Конан пытался поразить какой-нибудь жизненно важный орган демона. Кровь, обильно вытекавшая из ран, была частью зеленой, частью красной. Когда к горлу Конана потянулись когтистые лапы, киммериец понял, что перед ним аколит, трансформированный до неузнаваемости магией Андоллы. Жрец не мог сотворить нечто из ничего, но был в состоянии с помощью своей воли придать аколиту форму того несуществующего демона, с помощью которого он терроризировал Риетту. Поэтому теперь безмозглая тварь, в которую был превращен аколит, и поднималась на третий этаж, к покоям Риетты, дабы исполнить волю своего хозяина.

Сообразив, что у этого существа должны сохраниться остатки мозга, Конан перестал наносить колющие удары, а вместо этого обрушил меч на череп страшилища, разрубив его почти до плеч. За первым ударом последовал второй. Третий удар практически напрочь снес уродливую башку. Некоторое время тварь слепо тыкалась туда-сюда, а затем медленно опустилась на ступеньки, продолжая дергаться и извиваться, пока остатки противоестественной жизни, которую вдохнул в нее Андолла, еще теплились

в ней. Конан устало прислонился к стене, глядя, как чудовище издыхает.

Убедившись, что демон подох окончательно и бесповоротно, киммериец перепрыгнул через чудовищный труп и бросился вверх по ступенькам. Он старался не думать о том, что, быть может, опоздал. Если чудовище уже побывало наверху, то Риетта в лучшем случае окончательно потеряла рассудок при виде монстра — и это после того, как он, Конан, убедил ее в том, что демон — всего лишь призрачное создание дешевой магии, наркотиков и ее собственного воображения.

Сперва Конан бросился в свои покои, схватил полотенце, аккуратно вытер кровь и зеленоватую жидкость со своего меча и одежды.

В помещении не было ничего такого, что стоило бы захватить с собой, поэтому Конан все бросил и побежал в комнату Риетты. Он обнаружил девушку сидящей на кровати, в уголке, сжавшейся в комок. Когда варвар влетел в комнату, Риетта подняла к нему испуганное лицо. Узнав киммерийца, она с облегчением вздохнула:

— Конан! О, как я рада тебя видеть! Как только наступила ночь, звуки, которые доносятся снизу, стали просто чудовищными! А когда одна послушница пришла проверить, как я тут... она... она казалась мне не вполне человеком.

— Да, странные вещи здесь происходят, — подтвердил Конан. — Мы должны убираться. Ты готова?

— Более чем готова. — Она встала, одетая только в свою сорочку. — Мне нечего собирать, у меня нет вещей. Пошли!

— Ладно, отсюда до дома твоего отца рукой подать. Ты не замерзнешь, девочка. Идем.

Он взял ее за руку и потащил по галерее в свою комнату. Он не собирался вести ее вниз по лестнице мимо трупа демона, а затем еще через главный зал храма. Конан вылез из окна и уцепился за подоконник.

— Теперь, — приказал он, — вылезай и хватай меня сзади за спину.

— А что, если я сорвусь и упаду? — спросила она. В ее расширенных глазах застыл ужас.

— По крайней мере, грохнуться на землю лучше, чем оставаться здесь. Давай, поторопись.

Глубоко вздохнув, девушка выбралась из окна и полезла вниз, хватаясь за Конана. Затем замерла, обхватив его руками за шею, а ногами вокруг талии. Она старалась изо всех сил не усложнять задачу своему защитнику.

Медленно, находя пальцами ног малейшие выступы и крепко цепляясь за неровную стену пальцами рук, Конан начал спус-

каться по стене. Через несколько минут они уже стояли на каменных плитках двора.

— Теперь можешь отпустить меня, — сказал киммериец. Она нехотя выпустила его. — Идем. Держись поближе ко мне.

Они вышли через ворота черного хода и двинулись вниз по аллее, между театром и храмом. Когда они уже были на полпути от Площади, Риетта стала дышать свободнее.

— Что там происходит? — спросила она. — Ты говорил, что Андолла и Оппия просто мошенники. Но там творится настоящее колдовство.

— Какая-то темная сила неожиданно усилила убогие заклинания Андоллы. Теперь он уже ничего больше не контролирует. Честно говоря, я не ожидал, что так получится. Впрочем, эта парочка, похоже, в самое ближайшее время получит по заслугам.

— А ТЫ что планировал? Ты хочешь сказать, что имеешь ко всему этому какое-то отношение?

— Время от времени случаются странные вещи, — сказал он ей. — Мне нужно было вернуть тебя твоему отцу. Кроме того, мне нужно было на некоторое время спрятаться, чтобы не маячить в городе. Храм Матери Дурги показался мне подходящим местом для такой цели. Затем мне потребовалось сокрыть кое-что, одну штуку, которую я должен был найти, — для этого меня наняли другие люди. Я и спрятал ее в храме, присмотрев подходящее местечко, лучше не придумаешь. Результатом же стало вот ЭТО. — Он повернулся и поглядел назад, в сторону храма. Отсюда храм воспринимался обманчиво безмятежным. Конан покачал головой. — Ладно, надо потолковать с твоим отцом.

Час спустя Конан уже покидал дом Риста Даана. На поясе Конана висел теперь тугой кошелек, приятно оттягивая пояс весом четырехсот девяноста марок. Старый торговец не стал рассыпаться в благодарностях, но то немногое, что он сказал, он сказал от всего сердца.

Ночь раскинула над городом свои нетопыриные крылья. Конан обдумывал следующий шаг. Вернуться в храм он не мог. В гостиницу — тоже. Там, по всей видимости, его караулят люди Бомбаса. Наконец Конан вспомнил, что имеется в городе одно местечко, куда его пригласили заходить в любое время. И Конан направился на улицу Столяров.

Военные действия то ли закончились, то ли временно стихли. По крайней мере, пока Конан настороженно двигался по узким извилистым улицам, он ни разу больше не слышал звона мечей. Дважды ему приходилось перешагивать через трупы, но в остальном все было мирно. Вскоре он уже стоял напротив дома, где красовалась вывеска в виде солнечных лучей. Ставни над вывеской были распахнуты, из окна лился свет.

Жизнь давно уже научила Конана осторожности. Конан долго и терпеливо ждал, с одинаковым вниманием оглядывая как улицу вокруг себя, так и апартаменты наверху. Вряд ли Максио там. Слишком уж умен и хитер, чтобы идти туда, где его могут поджидать враги. Впрочем, у киммерийца выхода не оставалось.

Он наблюдал уже несколько минут, когда до него дошло, что из комнат Делии доносятся какие-то звуки. Жалобно орал кот. Стремительно, как молния, Конан перебежал улицу и понесся вверх по лестнице. Дверь в комнату Делии была слегка приоткрыта, и оттуда лился свет. Держа меч наготове, Конан вошел. Он замер и осмотрел комнату, которая находилась в таком же беспорядке, что и при первом его визите. Многие свечи догорели почти до конца и от них оставались лишь огарки. Душераздирающее кошачье мяуканье доносилось из соседней комнаты. Конан медленно направился туда.

Там, на платяном шкафу, сидел белый котяра, уставясь на что-то, простертое на полу. Проследив за взглядом животного, киммериец пошел за шкаф. Он уже догадывался о том, что увидит.

Делия лежала на спине. Под левой грудью у женщины торчала рукоять кинжала.

Глава восемнадцатая

ЧЕРНОВОЛОСАЯ

Храм Беса в эти утренние часы был безлюден. Над всей Дырой стояла тишина. Когда Конан вошел в храм, из-за импровизированной баррикады шагнули два шемитских охранника. В руках у них были шипастые дубины.

— Позовите жреца! — велел им Конан.

Один из охранников обошел Конана со всех сторон и выглянул на улицу, удостовериться, что варвара никто не сопровождает. Удовлетворенный увиденным, он отправился на поиски жреца, и вскоре тот появился.

— Ах, кого я вижу! Мой новоприобретенный киммерийский друг. Входи, господин, я должен извиниться за эти воинственные приготовления. Но увы, увы, я больше не чувствую себя в безопасности. Такое впечатление, будто все в этом городе сошли с ума и из душ человеческих вылезло все самое черное, что только там таилось.

— Я не виню тебя, — сказал Конан. — Думаю, через день или два все кончится.

Жрец воздел руки в сторону статуи Беса:

— Ежедневно и ежечасно молю я об этом моего бога. Ладно, друг мой, чем я могу быть тебе полезен?

— Не видел ли ты моего компаньона? Мы заходили к тебе с ним несколько дней тому назад.

— Да, и на нем одежды были особенные. И благовония с запахом лилий. Он частенько сюда заглядывает. Последний раз был вчера вечером. Боюсь, что не смогу отблагодарить его за... как бы это выразиться? Приношения.

— Почему? — удивился Конан.

— Если ты, господин мой, соблаговолишь пройти со мной, я покажу тебе. — И жрец повел Конана вниз по ступенькам в крипт, открыл дверь и пригласил войти. Следом вошел и он сам и обвел руками то, что было разложено перед ними.

— Кром! — восхищенно выдохнул Конан. — Ну и пришлось же потрудиться здешнему ворью!

— Я предпочитаю думать о них как о своих прихожанах, которые поклоняются Бесу, — сказал жрец.

Крипт был забит добычей почти до самого потолка. Сундуки и шкатулки, полные драгоценностей, изящные лампы, инкрустированные столы, всевозможные предметы искусства, пряности и благовония — в крипте не оставалось больше свободного места.

— С тех пор, как беды свалились на этот город, — горестно начал жрец, — многие сворачивают здесь свои дела, продают недвижимость и переводят все, что нажили, в драгоценности, которые легко переносить с собой, на случай, если внезапно придется покинуть город. В результате храм битком набит добром бедных горожан, а касса наша пуста. Потому-то я и не смог выплатить твоему другу истинную цену за то, что он принес сюда.

— Учитывая, что это зачтется ему у богов, — заметил Конан, — вряд ли у него есть причины жаловаться. А не оставил ли он мне какого-нибудь послания?

— Увы, господин мой, боюсь, что придется ответить отрицательно.

— Ладно. Да, вот еще о чем я хотел тебя попросить. Я хотел бы иметь свободный доступ к твоим... речным вратам. — И Конан указал в сторону дверцы на дальнем конце крипта. — Мне хотелось бы свободно попасть туда в любой час ночи или дня. Пусть твои охранники пронустят меня без вопросов, а потом молчат как рыбы обо всем, что может случиться. — Из кошеля на поясе Конан вытащил небольшой узелок и подал его жрецу. — Здесь сто серебряных марок.

— Благодарю тебя, друг мой. Бес да осыплет тебя своими щедротами. Нет божества милосерднее Беса. В милосердии своем не любит Бес смотреть, как человек мучается от кнута, от кандалов и рук палача. А эта судьба — увы, боюсь я, неминуемо ожидает этот город. Я вижу, что тебе, мой господин, уже пришлось кое-что претерпеть в преддверии грядущих мук. Бес да хранит тебя, господин!

Киммериец выскользнул из храма и некоторое время обдумывал, как бы добраться до другого конца города. К его услугам был подземный лабиринт дерьмостока, но Конану, честно говоря, надоело прятаться, будто крысе. Если кто-то жаждет его крови, пусть сразится в открытую. Поэтому киммериец гордо зашагал прямо посреди улицы.

Город превратился в настоящий военный лагерь. По мостовым разгуливали вооруженные до зубов громилы. Но стоило им приблизиться к гиганту киммерийцу, его хриплый рык буквально отбрасывал бандюг к ближайшей стене, заставляя бочком обходить свирепого варвара. Поэтому до гостиницы Конан добрался без приключений.

В таверне почти никого не было. Прислуга сидела за столом, разговаривая между собой в ожидании посетителей.

— Женщина, с которой я приехал, возвращалась? — спросил Конан хозяина гостиницы.

— Нет, уже в течение двух дней ее не видно. — Хозяин с укоризной посмотрел на Конана: — Тебе, господин, стоило получше следить за ней. Такая невинная, такая хорошо воспитанная девушка.

— Хотел бы я знать, где она, — пробормотал Конан. — Для меня какие-нибудь послания есть?

Хозяин молча полез под прилавок и вытащил оттуда сложенный листок бумаги, запечатанный восковой печатью и источающий сильный запах лилий. Конан сломал печать и начал читать. «Встретимся в сумерках наверху в «Химере», — бежали завитушками причудливо выписанные строки. — Деньги будут у меня с собой».

Конан подумал, а не ловушка ли это. «Химера» находилась на территории Лисипа. Но откуда главарь шайки мог знать, что именно он, Конан, организовал набег на старый форт? Ведь ни одному из бандитов не удалось бежать. А уж рудокопы — те наверняка его не предали. Вероятнее всего, Пирис просто наладил связи с местными главарями. Точно так же, как Конан выбрал храм в качестве места, где можно спрятаться, Пирис предпочел укрываться в лабиринте комнат «Химеры».

Удовлетворенный, Конан сел за стол и приказал подать завтрак. Он с нетерпением ждал вечера. Пора было собирать причитающиеся деньги и убираться отсюда, пока город не заняли королевские войска. Они появятся и начнут хватать всех без разбору.

Многим суждено будет провести годы по темницам или на королевских каменоломнях, если не гребцами на галерах. Надо держать ухо в остро!

Плотно закусив, Конан отправился на конюшню, тщательно вычистил коня и проверил упряжь. Не хватало еще в один прекрасный момент, когда за спиной погоня, грохнуться неожиданно вместе с седлом только потому, что вовремя не проследил за подпругой. Покончив с упряжью, Конан столь же тщательно проверил конские копыта. Ощупал каждый гвоздь на подкове — крепко ли сидит. Поскольку одна из подков Конану не понравилась, он тут же разыскал кузнеца и заставил перековать коня на все четыре ноги. Потом киммериец произвел такой же смотр своего оружия, вычистив и наточив клинки.

К тому времени, как Конан покончил с делами, было далеко за полдень. Пообедав в таверне, киммериец вышел на улицу. Ноги понесли его на юг, в Дыру, туда, где он должен был встретиться с Пирисом. Ему даже пришлось сделать крюк, поскольку в одном квартале на узкой улочке кипела жестокая битва. Бандиты опять выясняли отношения.

В «Химере» народу собралось немного. Конан подошел к стойке бара и потребовал себе эля. Слуга принес и поставил перед ним кожаную кружку с шапкой пены, которая стекала на старый исцарапанный прилавок.

— Пирис все еще здесь? — спросил Конан.

— Он поднялся наверх час тому назад, — ответил слуга.

Конан про себя решил, что спешить не к чему. Пирис может и подождать.

— Смотрю, на твоего знакомого сегодня вечером большой спрос, — заметил слуга в баре.

— С чего это ты так решил?

— Ну как с чего! Как раз перед твоим приходом сюда заявилась какая-то женщина и тоже спрашивала о нем. Я сказал ей, что он наверху, она туда и направилась.

Конан чуть не поперхнулся.

— Какая женщина? — спросил он, со стуком опустив кружку на стойку. — Куда она пошла? В какую комнату?

— Черноволосая такая девица, на вид ядовитая, как змея. Впрочем, какая же другая, по-твоему, могла бы прийти в «Химеру» без сопровождения? Куда пошла, спрашиваешь? На третий этаж. Там на двери нарисован василиск. Это...

Но тут слуга обнаружил, что обращается в пустоту. Варвар уже спешил прочь.

— Эй, господин, ты что, не собираешься допивать свой...

Но было поздно. Киммериец уже бегом устремился вверх по лестнице. Слуга пожал плечами и сам допил эль.

Конан бежал вверх по ступенькам, расталкивая потаскух и их клиентов. На третьем этаже он лихорадочно огляделся.

На ближайших дверях были нарисованы дракон, змея и лев. Ага, вот она. В дальнем конце коридора он заметил желтую дверь, на которой был грубо намалеван красный василиск. Стремительно и бесшумно Конан двинулся к этой двери, взявшись за меч руками и придерживая ножны, чтобы ничего не лязгало. К тому времени, когда он подобрался к двери, он уже шел на цыпочках. Возле двери Конан остановился и прислушался. Изнутри слышались бубнящие голоса, но разобрать, о чем говорили, Конан не смог. Глубоко вздохнув, он рывком распахнул дверь.

Внутри стояли двое, глядя друг на друга. Их разделял стол. В руке у каждого был кинжал, угрожающе направленный на противника. Черноволосая женщина стояла спиной к Конану, Пирис — лицом. Когда киммериец вломился в комнату, маленький человечек поднял на него взгляд, и на его женственном лице появилось выражение облегчения.

— Вот она! — проговорил он своим странным голосом. — Это Альтаира! Та самая вероломная тварь, благодаря которой я очутился в тюрьме Бельверуса! Убей ее! — И он еще больше выставил вперед свой отравленный кинжал, будто бы не вполне веря, что киммериец в состоянии защитить его от этой мегеры.

— Эй ты, женщина, обернись! — рявкнул Конан.

— Пусть сперва этот ублюдок уберет свой кинжал! — прошипела она.

Меч Конана вылетел из ножен.

— Я не позволю ему ударить тебя в спину. Поворачивайся.

Медленно женщина обернулась и взглянула в глаза Конану. У нее было широкое круглое лицо, обрамленное гривой черных волос. Рот был ярко накрашен темно-красной помадой, глаза жирно обведены тенями. Кожа ее была белой как снег. Вид у нее был странный, но что-то в ее чертах казалось знакомым.

— Брита! — Никогда ему не приходилось видеть подобной трансформации. За исключением общей формы лица — ни малейшего сходства с той хорошо воспитанной девушкой из приличного дома, которой он помогал. Даже цвет глаз другой.

— Это, что ли, и есть твоя тарантийская девушка? — хихикнув, спросил Пирис. — Тебя одурачили, мой друг варвар. Но ты не переживай. Этой твари удавалось водить за нос и куда более хитрых и опытных мужиков, чем ты.

— Так, — проговорил Конан. — Теперь многое становится ясным. — Острие меча направилось к горлу черноволосой. Киммериец никогда бы не поднял оружия на женщину, но ему ни разу не приходилось встречать столь подлой, злокозненной мерзавки.

— Не удивительно, что те бандиты, от которых я тебя спас, так ловко удирали! Хитро ты все обставила, дряньl

— Конечно, — проговорила она. Голос ее был холоднее, чем сталь. — Я следила за тобой и Пирисом, начиная с Бельверуса. Я подслушала все, о чем вы говорили под фонарем, когда встретились. Я сразу догадалась, что ты один из тех болванов, что легко сворачивают с прямого пути, чтобы защитить женщину.

Конан громогласно захохотал:

— Можно подумать, тебе когда-либо нужен был защитник! Стало быть, это ты с Пирисом и Асдрасом украли Скорпиона у Касперуса?

— Нет! — закричал Пирис. — Скорпион мой!

— Он принадлежит тому, кто может его удержать, — сказала Альтаира. — Да, это я спланировала похищение Скорпиона у толстяка. Я послала Асдраса в Шикас вперед себя, но Пирис оказался умнее и решил не рисковать собственной шкурой. Поэтому я передала статуэтку Мульвиксу, который шел в Шикас со своим караваном. Мульвикс не знал о том, что везет. Это был честный контрабандист и свято следовал кодексу контрабандистов. Согласно этому кодексу, контрабандиста не интересует, какой груз он передает. Как и было оговорено, здесь он отдал его мне.

— Она состряпала лживый донос, чтобы меня бросили в темницу! — обиженно проговорил Пирис.

— Мне следовало догадаться раньше, — с сожалением произнес Конан. — Всю дорогу до Шикаса здесь, в городе, ты болтала о «сестре». Но на самом деле никогда ее не искала.

— Если бы, киммериец, ты думал головой, а не задницей и поменьше размахивал мечом, — заметила она, — давно бы уже до всего допер.

Конан пожал плечами:

— Где бы ни были замешаны женщины, я вечно оказываюсь в дураках. В конце концов, каждый мужчина должен сам заботиться о себе. Я упустил одно: ты воспользовалась лучшими качествами моей натуры.

— Это ты о чем? — спросила она в явном недоумении.

— Тебе это объяснять бесполезно. Рудокопы, которые живут неподалеку отсюда, куда лучше понимают такие вещи.

— По-моему, ты спятил! — фыркнула женщина.

— Помнишь ту первую ночь, — заговорил Конан, — когда ты притащила меня сюда, в «Химеру»... Ведь ты до этого уже бывала здесь. Именно ты выманила Асдраса наружу и прикончила его. Затем, изображая невинность, ты тащишь меня сюда только затем, чтобы мы могли «обнаружить» труп.

— Когда мы отправились в храм Беса, — подал голос Пирис, — она выследила нас и натравила головорезов. А на тот

случай, если громилы окажутся бессильны, напустила еще и Бомбаса.

— Но одного ты не могла учесть, — сказал киммериец, — что богатый торговец пряностями выкупит меня для того, чтобы я спас его дочь из храма Матери Дурги.

— Стало быть, вот каким образом все вышло, — прошептала женщина. — Да, в самом деле, я не смогла учесть всего.

— Ты странно повела себя, — продолжал Конан, — когда я рассказал тебе о моей встрече с Касперусом. Тогда в первый раз ты показала на мгновение свое истинное лицо. А потом поспешила успокоить меня и отвлечь.

— Успокоить тебя! Разве кобыла успокаивает жеребца?

— Уж со мной бы такой номер не прошел, — фыркнул Пирис.

— Не сомневаюсь, — отрезал Конан. И снова обратился к Альтаире: — А когда в нашу комнату пришел Мульвикс, его встретил твой кинжал. Затем ты собрала его кровь и разбрызгала по лестнице, так чтобы у меня создалось впечатление, будто караванщика ранили еще по дороге в гостиницу. Но скажи мне, почему ты не захватила Скорпиона тогда?

Женщина пожала своими прекрасными белыми плечами:

— Потому что в городе ошивались Пирис и Касперус. Мне следовало сперва устранить их. Кроме того, я же знала, что ты честен и глуп. Ты бы прятал статуэтку до тех пор, пока она мне не понадобилась бы.

— Ну да, я ее спрятал, — проговорил Конан, ухмыляясь. — Кстати, ты хоть представляешь себе где?

— Скотина! — закричала она. — Куда ты ее дел?

— Я должен это тебе рассказывать? — отозвался Конан.

— Да, — протянула она. Голос ее вдруг изменился. — Вижу, что я ошибалась. Я думала, ты просто безмозглый дикарь. Но теперь вижу, что в этой голове хватает мозгов. Знаешь, мы вдвоем могли бы...

— Поздно, Брита, или Альтаира, или как там тебя на самом деле зовут, — проговорил Конан. — Я слишком многое знаю теперь о тебе. И никому из тех, кто дорожит жизнью, не посоветовал бы приближаться к тебе. Меня теперь вот что интересует: какую ТЫ расскажешь мне сказку про Скорпиона?

— Наверное, этот болван Пирис и толстяк Касперус успели уже прожужжать тебе все уши насчет того, какой это великий магический талисман.

— Ну да, — подтвердил Конан, — только каждый рассказывал по-своему.

— Ну так они оба лгали! Статуэтка была у тебя в руках. Что ты заметил?

— Что она очень тяжелая, — ответил Конан.

— Конечно же она тяжелая. Потому что сделана из белого золота!

— Белое золото! — воскликнул Конан. Металл этот был почти легендой. Сияние белого золота ни с чем не сравнимо. Златокузнецы и ювелиры считали его благороднейшим из металлов. Обычно его стоимость оценивалась в десять раз выше стоимости чистейшего золота.

— Да, — продолжала Альтаира. — Никакой это не древний идол, никакой не черный алмаз, упавший с небес. Статуэтку отлили около пятисот лет назад. Это была дань от короля Кешана королю-жрецу Стигии. В те дни в Стигии богиня Селхет считалась покровительницей правящего дома. Поэтому король Кешана, желая подольститься, собрал все белое золотое, какое у него имелось, повелел отлить из него статую Селхет и послал в Кеми, столицу Стигии.

Вскоре статую украли. Прошло много лет, прежде чем о ней снова узнали. Примерно в это время статуя обрела свой теперешний вид. Ее покрыли черной глазурью, которую изготавливают из толченного в пыль обсидиана.

— Стало быть, это не магический талисман, так? — проговорил Конан, думая при этом о тех чрезвычайно странных событиях, что происходят сейчас в храме Матери Дурги.

— Конечно же нет, — усмехнулась женщина, — но что с того? Ведь это самый ценный предмет на земле. Его цена неисчислима. Если он будет у нас, мы станем такими богатыми, что тебе, варвар, и не снилось в самых горячечных твоих снах.

— Она лжет! — вскричал Пирис. — Статуя принадлежит моей семье, моему роду!

— Эй вы! Давайте-ка успокойтесь, — проговорил Конан.

Киммериец угрожающе качнул мечом, и оба спорщика примолкли.

— Мне плевать, что это за хреновина. Я не желаю иметь с ней никаких дел. Даже если она сделана из белого золота и дает обладателю вечную молодость.

— Но ты обещал добыть Скорпиона для меня! — завизжал Пирис. — Ты же взял задаток!

— Да, я взял, — признал Конан. — Хотя, знай я все заранее, не согласился бы за какую-то жалкую тысячу золотых, — добавил он.

— Но это неслыханно! — не унимался Пирис. — Ты же дал мне слово!

— Дал. К великому моему сожалению, — сказал Конан. — И должен его сдержать. — Он повернулся к Альтаире. — Скажи мне вот что: ты убила Делию?

— Делию? — переспросила женщина недоуменно. — Ты имеешь в виду шлюху Максио? Я даже не знала, что она мертва.

У Конана сложилось впечатление, что сейчас мерзавка не лжет.

— Эй вы, двое, слушайте меня, — рявкнул киммериец. — У меня тут есть кое-какие дела. Я ухожу. Если вам нужен Скорпион, встретимся завтра в полдень на Площади перед театром.

— Ты что же, оставишь меня тут одного с этой демоницей? — оскорбленно спросил Пирис.

— Я тебе в телохранители не нанимался, — ответил Конан. — По мне, так хоть убейте тут друг друга. А пока желаю вам хорошего вечера.

И Конан вышел, хлопнув дверью. Когда дверь закрылась, он услышал, что спорщики снова возобновили свои препирательства.

Пока Конан спускался вниз, в таверну, в голове у него мелькнула одна небольшая догадка. Он подошел к стойке и окликнул слугу:

— Слушай, ты работал здесь месяц назад, когда наверху был убит брат городского головы?

— Да, — сказал тот, вытирая кружку грязной тряпкой. — По-моему, это был единственный случай, когда Бомбас показал свою жирную рожу в Дыре. Он приходил со своими инвалидами, чтобы опознать тело.

— А кто обнаружил труп? — спросил киммериец.

— Юлус, — сказал бармен. — Это было почти сразу после того, как старый Лисип выпер его из своей шайки.

— Ага, я так и думал, — пробормотал Конан.

— Что? — спросил бармен. Но, как и в первый раз, вопрос был обращен в широкую спину варвара.

Из «Химеры» киммериец по темным улицам направился к храму Беса. Когда он назвал свое имя, один из охранников-шемитов провел его в крипт и открыл дверь, ведущую к реке, за городскую стену. Конан вышел на берег и отправился к мосту на месте слияния двух рек. Там он вскарабкался по насыпи на дорогу и дальше пошел более спокойно и непринужденно.

Меньше чем через два часа Конан уже стоял на холме, откуда открывался вид на деревню рудокопов. Несмотря на поздний час, он заметил, что по периметру вокруг деревни было разложено несколько больших костров. Спускаясь с холма, Конан направился к ближайшему из них. Когда он был уже поблизости от костра, навстречу ему вышли трое, вооруженные грубыми копьями.

— Кто идет?.. О боги, да это же киммериец! — И Конана окружили улыбающиеся рудокопы.

— Беллас здесь? — спросил Конан.

— Нет, но скоро придет, — сказал один из рудокопов. — Мы уже послали одного из мальчишек, чтобы тот его разыскал.

Через несколько минут и вправду появился Беллас.

— Говори, что тебе нужно, — просто сказал он.

— Хотите увидеть, как закончится весь этот городской бедлам? — спросил Конан.

— Да каждый из нас только об этом и мечтает!

— Тогда приходите завтра на Площадь сразу после полудня.

— Хорошо, — кивнул Беллас. Все остальные радостно завопили.

— Не веселитесь раньше времени, — осадил рудокопов Конан. — На этот раз бой будет трудным.

— Ладно, — буркнул Беллас. — В форте мы только начали мстить. Теперь наши аппетиты разгорелись.

— Тогда у вас будет чем их утолить, — обещал Конан. — Запомните. Входите в город сразу после полудня. Если нужно, воспользуйтесь воротами, выходящими к реке. Впрочем, если вы будете достаточно расторопны, то тот раззява, что стоит на часах у главных ворот, не успеет захлопнуть и забаррикадировать их.

— Сделаем, как ты скажешь, — заверил Беллас.

— Тогда увидимся завтра, — сказал Конан. И будто призрак, тут же скрылся в темноте.

Киммериец пошел назад, в город. Однако, добравшись до реки, не стал перебираться на противоположный берег. Он не сомневался, что с легкостью одолеет низкую городскую стену, выходящую к реке, однако у него не было желания этого делать. Конечно, сейчас у Конана и в городе имелись места, где он мог спокойно выспаться. Но для этого совершенно не обязательно было туда идти. Поэтому Конан вошел в ближайшую рощицу и там улегся, завернувшись в плащ. Судя по тому, как стояла луна, до рассвета оставалось еще добрых два или три часа. Завтра, похоже, будет тяжелый день, и Конан понимал, что ему нужно как следует отдохнуть. Через несколько минут он уже крепко спал.

Глава девятнадцатая

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Солнечное утро обещало прекрасный безоблачный день. Конан перешел через мост, когда солнце уже встало. Стражник-инвалид был удивлен, обнаружив путешественника, который, не имея при себе никакого багажа, ожидал, пока ворота откроются на скрипучих несмазанных петлях.

— На твоем месте, чужеземец, — посоветовал увечный страж, — я не стал бы ходить сегодня в этот город.

— Почему? — спросил Конан, проходя в ворота и бросая стражнику монету.

— Потому что сегодня здесь намечается большое сражение. Городские шайки готовились всю ночь. Я слышал, что они сегодня собираются раз и навсегда выяснить отношения на центральной Площади.

— Это, должно быть, будет отличное зрелище, — ухмыльнулся Конан. — Пойду заранее подыщу себе местечко получше, чтобы ничего не пропустить.

— Как хочешь, — пожал плечами стражник.

— Разреши, я дам тебе совет, — сказал Конан.

— Какой еще совет? — удивился солдат.

— Начни подыскивать себе новую работу. На этой ты вряд ли задержишься.

Стражник вновь пожал плечами:

— Я всегда могу вернуться к попрошайничеству.

Миновав лабиринт узеньких улочек, киммериец вышел на Площадь. В первый раз никто не вышел с утра и не поставил там своего лотка. Город полнился слухами о том, что нынешний день войдет в анналы Шикаса как день великой битвы. И на этот раз сражения между шайками вряд ли будут для зрителей простой забавой.

Когда Конан вошел в таверну, хозяин сперва разинул рот от удивления, а потом поспешил к нему:

— Киммериец, будь осторожен. Юлус заходил сюда несколько раз. Он искал тебя. Мне кажется, городской голова хочет упрятать тебя в тюрьму.

— Бомбас и его цепные псы будут сегодня слишком заняты, чтобы думать обо мне, — успокоил его Конан. — Сейчас меня волнует не городской голова или его прихвостни, а завтрак.

Хозяин гостиницы покачал головой:

— Ты спятил, как и все в этом городе. Но пусть будет, как ты желаешь. Садись и ешь досыта. Возможно, это твоя последняя трапеза.

Конан направился к столу, где сидели уже караванщики из вновь прибывшего каравана. Они подвинулись, давая ему место за столом.

Конан жадно принялся за основательный завтрак — не потому, что на самом деле думал, что это его последняя трапеза, а потому, что был голоден и понимал: видимо, покидать город придется в срочном порядке и неизвестно, когда он поест в следующий раз. Удовлетворив свой аппетит, он подозвал к себе мальчика-слугу.

— Что тебе угодно, господин? — спросил мальчишка, с завистью глядя на могучую фигуру киммерийца и его сверкающее оружие.

Конан велел ему идти туда, где остановился Касперус.

— Передашь толстяку или молодому гаденышу, который ходит с двумя мечами, — наставил его Конан, — следующее: «У Конана из Киммерии есть то, что вам нужно. Встречайте его на Площади перед театром в полдень, и он отведет вас к этому предмету. Если вы не придете, сделка с вами считается расторгнутой». А теперь, парень, повтори-ка это мне.

Мальчишка дважды повторил послание в точности, слово в слово.

— Хорошо, — сказал Конан, бросая ему монету. — Давай, беги.

Мальчишка убежал. Конан еще некоторое время разговаривал с караванщиками, обмениваясь новостями. Больше всего Конана интересовало, как обстоят дела в других районах Аквилонии, особенно там, где бароны открыто выступили против короля.

Затем Конан поднялся к себе в комнату. Его вещи лежали в точности так, как он их оставил. Он упаковал их, вошел в смежную комнату, где некогда жила Брита. Ни малейших следов мерзавки!

— Одно непонятно, — сказал киммериец сам себе, — как эта потаскушка умудрялась изменять цвет глаз?

Конан спустился в конюшню, где оседлал лошадь и привязал сумки к седлу.

— Собрался уезжать, господин? — спросил конюший.

— Не сейчас, — ответил Конан, — но скоро. Я хочу, чтобы лошадь оставалась оседланной и была привязана прямо возле двери. Проследи за этим.

И он кинул конюху монету.

— Да, господин. Ты не первый из здешних постояльцев, кто желает быть готовым отбыть в любой миг. А что, госпожа с тобой не едет?

— Нет, не едет. Ты уже давал коню корм?

— Да, рано утром.

— Хорошо. Больше не корми его.

От плотно поевшей лошади мало проку, когда нужно удирать как можно быстрее.

Выйдя из конюшни, Конан остановился посреди двора, поглядев на солнце. Был почти полдень. Выйдя на улицу, Конан направился в сторону Площади. На улице никого не было, однако из-за ставен за прохожим следило множество глаз. Люди стояли на балконах и крышах домов. Все молча смотрели на киммерийца. Конан шагал легко и непринужденно. Единственный звук, ко-

торый раздавался, издавал массивный браслет, ударявшийся о рукоять меча или кинжала. Конан не спешил. Раньше уговоренного времени приходить не стоило. Опять-таки не стоило болтаться на Площади в ожидании остальных, поскольку на этом широком пространстве трудно было бы оставаться незамеченным в течение долгого времени.

Завернув за угол театра, Конан поднялся по ступенькам и остановился в тени портика, наблюдая за происходящим на Площади.

На противоположном конце, перед резиденцией городского головы, уже собралось множество людей. Сражение еще не началось, однако собравшиеся разбились на группы, разные по размеру. Они кричали друг на друга и воинственно потрясали оружием.

Прямо перед фасадом резиденции Бомбаса плотным отрядом стояли люди Ермака. Должно быть, городской голова подкупил их, чтобы они выступили на его стороне, подумал Конан. Затем киммериец заметил Касперуса и Гилму в тот момент, когда они вышли на Площадь из боковой аллеи. У обоих был настороженный вид. Однако жадность, излучаемая толстяком, была так сильна, что Конан ощущал ее даже на таком далеком расстоянии. Вскоре они были уже перед театром и начали оглядываться, но никто не догадался посмотреть вверх, в сторону портика, где стоял киммериец.

На крышах зданий, выходящих на Площадь, толпился народ. Никто не смог побороть соблазна и отказаться от столь редкостного зрелища. «Скоро, — подумал Конан, — эти люди пожалеют о своем неудержимом желании полюбоваться на льющуюся кровь. Как только эти здания загорятся».

Конан приметил еще двух человек, идущих через Площадь со стороны Дыры. Черноволосая женщина и маленький человечек в знакомых Конану странных одеждах. Конану прямо отсюда показалось, что он ощущает запах лилий. Первым заметил их Гилма.

— Эй вы, двое! — крикнул он. — Как вы здесь оказались?

— Нас позвал сюда киммериец. — Альтаира презрительно скривила свои ярко накрашенные губы. — Не сомневаюсь, вас он тоже сюда пригласил.

— Ага, — ухмыльнулся Касперус. — Вот мы и снова вместе. Не хватает только нашего бедного дорогого Асдраса, который, как я понимаю, бежал от страданий этого преходящего мира для вечных радостей жизни иной.

— Ничего, скоро у него там будет большая компания, — проговорил Конан, спускаясь по ступенькам. При звуке его голоса все повернулись к нему.

— А, господин, знаешь ты кто? Ты редкостный прохиндей! — сказал Касперус. — Очевидно, ты надеешься, что мы начнем биться друг с другом за обладание статуей, так?

— Нет, — ответствовал Конан. — Как и договаривались, я отведу вас к ней. А как вы будете разбираться между собой — это уж ваше дело.

— Ну так веди нас, господин, веди! — захихикал Касперус.

Конан молча повернулся и пошел в сторону храма Матери Дурги. Остальные последовали за ним. Противоположная сторона Площади вдруг огласилась криками, а затем донесся звон стали.

— Здешние головорезы, похоже, всерьез решили перебить друг друга, — заметил Касперус и вздохнул. — Грустно. Как же мы без них? Нам ведь их так будет не хватать!

Перед ступеньками, ведущими ко входу в храм, Конан остановился.

— Хочу вас предупредить, — сказал Конан, — что там на волю выпущена великая магия. Касперус, если ты, как хвалился, обладаешь кое-какими магическими умениями, знай: тебе они, возможно, пригодятся.

Толстяк заволновался:

— Почему? Что случилось?

— Здешний жрец тоже считает себя магом. Когда я спрятал Скорпиона в храме, заклятия этого мошенника вдруг обрели силу.

— О чем ты тут толкуешь? — спросила Альтаира. — Я же сказала тебе, что никаких магических сил в этой статуе нет!

— Нет? — переспросил, хихикая, Касперус. — Моя дорогоя госпожа! Как же ты заблуждаешься!

Когда они вошли, в уши им ударило жуткое завывание. Они осторожно двинулись по направлению к главному залу, откуда струилось зловещее сверхъестественное сияние.

— Митра, сохрани нас! — воскликнул Касперус. — Что здесь происходит?

Замерев, все уставились на чудовищное зрелище. Собравшиеся вокруг колосса аколиты пели и выли. Они теперь даже отдаленно не напоминали людей. Тела их покрылись чешуей и шерстью; виднелись клыки, жвалы, даже щупальца и клешни. Некоторые превратились в нечто совершенно неописуемое. Статуя тоже претерпела метаморфозы и напоминала гигантского черного скорпиона с лицом женщины.

На спине Скорпиона танцевала Оппия, теперь полностью принявшая вид Матери Дурги — но не ту ипостась, где Матерь Дурга была прекрасна и доброжелательна. Нет, это была Матерь Дурга в своей ипостаси Пьющей Кровь и Поедающей Потроха.

Ногами она попирала чудовищное кровавое месиво человеческой плоти. Это все, что осталось от Андоллы.

— Быстро, — заторопился Касперус. — Быстро проведи меня туда, где он занимался своими колдовскими изысканиями.

Лицо толстяка было бледно и покрыто потом.

— Нет! — завизжал Пирис. — Скорпион! Отведи нас к Скорпиону!

— Да! — встряла тут же и Альтаира. — К Скорпиону! Скорпион не имеет к этому отношения. В нем нет никакой магии.

— Я думаю, Касперус дело говорит, — заметил двум прохиндеям Конан. — Мне не хотелось бы, чтобы вся эта жуть, которая тут творится, выплеснулась на улицы города.

— А она скоро вырвется из храма, — проговорил Касперус. — Если я не положу этому конец, нам отсюда живыми не уйти.

Конан быстро повел своих спутников по лестнице, а потом вдоль галереи, опоясывающей храм, а оттуда в нижние покои. Вскоре он нашел помещение, где Андолла хранил свое колдовское барахло. Быстро и уверенно Касперус осмотрел инструменты и лежащие раскрытыми книги.

— Болван! — проговорил он. — Ему удалось собрать довольно могущественные талисманы и древние книги. Только опытный колдун может прикасаться к подобным вещам! Вот что происходит, когда дилетант влезает не в свое дело и берется за магию высшего порядка. — И уверенными движениями, необычайно быстрыми для человека такого тучного сложения, он начал рвать пергаменты с изображениями странных символов. С величайшими предосторожностями он дополнил геометрические фигуры, нарисованные мелом на полу, после чего бросил несколько странных восковых фигурок в жаровню, где они тут же расплавились.

— Вот, — проговорил Касперус. — Это все, что я могу. Теперь идем отсюда!

— Пошли в подвал, — сказал Конан, беря со стола лампу. — Захватите с собой лампы и свечи и идите за мной.

В подвале храма все было тихо. Ничто здесь не напоминало о том хаосе, который творился наверху. Конан подвел своих спутников к каменному цоколю и принялся нажимать потайные камни.

— Большая статуя находится прямо над нами, — сообщил киммериец. — Я думаю, это каким-то образом усилило заклинания Андоллы.

— Не сомневаюсь, — буркнул Касперус.

— Что вы тут дурью маетесь, — прошипела Альтаира.

— Хозяин, — проговорил Гилма, который явно уже справился с собой после потрясения от зрелища, представшего его взорам

наверху, — почему ты не позволяешь мне убить эту ядовитую тварь?

И он наполовину вытащил из ножен один из своих мечей.

— Никаких разборок, — предупредил Конан, — до тех пор, пока я не отдам вам Скорпиона. Ну а после этого... — Конан пожал плечами: — ...можете перебить и сожрать тут друг друга, мне плевать. Я с вами в расчете.

— Моя дорогая Альтаира, — сказал Касперус. — В тебе нет ничего, кроме жадности, в то время как во мне жадность сочетается с ученостью. Тебе известно, что Скорпион сделан из белого золота, ведь так? Я тоже знаю об этой подробности. Но во всем остальном ты заблуждаешься.

— А разве не так? — проговорила она, бледнея.

— Боюсь, что нет. Это уцелевшая частица бесконечно древних времен. Когда-то велась в Стигии гражданская война. И вот один из претендентов на трон задумал изготовить копию, причем изготовить из того же вещества, что и оригинал. Он думал, что эта копия поможет ему обрести власть. Копию он повелел отлить из белого золота. Однако боюсь, дорогая Альтаира, что наш заботливый друг спрятал под статуей Матери Дурги как раз ОРИГИНАЛ.

— Но... Но... — Она не договорила, потому что дверь в тайник распахнулась. Глаза собравшихся охотников за статуей засверкали от страха и жадности. Перед ними предстал Скорпион. Статуэтка находилась почти у самого входа в тайник.

— Он сдвинулся! — прошептал Конан. Слова застревали у него в горле. — Я поставил его на пьедестал в центре тайника, а он перебрался на пол! — Конан почувствовал, как волосы у него встают дыбом. Положив руку на рукоять меча, он отступил.

— Ах разве статуя не прекрасна? — воскликнул Касперус, пропустив слова киммерийца мимо ушей. — Наконец-то она снова моя!

— Никогда она твоей не была и теперь не будет! — закричала Альтаира, выхватила из рукава кинжал и всадила его в спину толстяка. Жирная туша упала прямо на Скорпиона. Альтаира наклонилась, пытаясь оттащить труп в сторону.

Со сдавленным криком Гилма вытащил клинки, намереваясь рубануть женщину по спине.

Не размышляя ни секунды, действуя почти машинально, Конан выхватил меч и молниеносным взмахом снес юнцу голову. В тот момент, когда тело Гилмы рухнуло, Альтаира вырвала из трупа Касперуса кинжал и одарила Конана злобной улыбочкой.

— Все еще не можешь избавиться от привычки защищать меня, варвар? — Стремительным кошачьим движением она резко

повернулась и вонзила кинжал в глотку Пирису. Глаза маленького человечка закатились, он странно дернулся, потом схватился за горло. Кровь фонтаном брызнула меж его пальцев.

Альтаира замерла, приоткрыв рот, и в ужасе смотрела на глубокий длинный порез, тянувшийся вдоль ее руки. Отравленный стилет Пириса успел сделать свое черное дело.

— Итак, — крикнул Конан, — Скорпион твой! Наслаждайся! Ни разу мне не приходилось видеть четверку типов, которые так подходили бы друг другу!

Конан повернулся и побежал вверх по лестнице. Несколько прыжков — и он оказался наверху, в главном зале храма. Адская какофония прекратилась. Исчезло и сверхъестественное сияние. Свет, который лился через отверстие в потолке, освещал пол, покрытый телами извивающихся, стонущих людей, которые, похоже, снова обретали человеческий облик. Гигантская статуя превратилась в гору обломков. Наверху этой кучи лежала Оппия. Живой была она или мертвой — Конан так и не узнал. Впрочем, его это и не интересовало. После храма с его ужасами яркий дневной свет и радостные сердцу воина звуки битвы показались Конану олицетворением жизни и счастья. Он заметил, что на Площади появились рудокопы. Теперь вся Площадь была заполонена кричащими и сражающимися людьми. Повсюду лежали тела, валялось сломанное оружие. С крыш зеваки подбадривали всех сражающихся без разбору.

Конан принялся прокладывать себе дорогу по краю Площади, пока не оказался перед резиденцией городского головы. Перед ступеньками, ведущими ко входу, стояла сдвоенная шеренга наемников Ермака. Пройдя мимо, Конан двинулся вверх по ступенькам. На третьей сверху ступеньке находился Ермак, руководивший отсюда своими бойцами. Он был слишком занят и не обратил внимания на киммерийца.

Сразу за входом стояли и орали друг на друга два человека. Конан особо не удивился, обнаружив, что это Бомбас и Ксантус.

— Болван! — вопил Ксантус. — Теперь все кончено! Все из-за твоей жадности! Теперь сюда явятся люди короля!

— МОЯ ЖАДНОСТЬ? — орал в ответ Бомбас. Лицо его от натуги стало темно-красным. — Кажется, это была ТВОЯ идея красть королевскую долю выработки с рудников!

Юлус заметил Конана и шагнул ему навстречу.

— Что ты здесь делаешь, варвар?

Бомбас и Ксантус прекратили препирательства и уставились на Конана.

— Я пришел за платой, — ответствовал Конан.

— За какой платой? — обалдел Бомбас.

Конан указал на Ксантуса.

— За той, которую он обещал, если я очищу его город от бандитов. Я сделал это и хочу получить причитающиеся мне деньги.

— Что ты несешь? — вскричал Ксантус.

Конан показал большим пальцем через плечо по направлению к Площади:

— Вся эта заварушка — моих рук дело. К тому времени, как сюда войдут королевские войска, для оставшихся в живых хватит одной-единственной веревки, чтобы их повесить. Заваруха окончится, город вновь будет спокойным и тихим. Давай, гони деньги.

Казалось, Ксантуса вот-вот хватит удар.

— Но я не... я не... — Он не смог закончить.

— Кстати, — напомнил Конан Бомбасу. — Один из тех, кто будет висеть на этой веревке, — ты. Я нашел твои подлинные амбарные книги, когда организовал набег на форт. Сейчас бумаги хранятся в надежном месте и скоро окажутся в руках короля. Думаю, у повелителя хватит сил на то, чтобы вздернуть проворовавшегося чинушу.

Бомбас потянулся пятерней к толстой шее, будто заранее чувствуя, как затягивается петля.

— Стало быть, это все ТВОИХ рук дело? — спросил Юлус, выходя вперед с обнаженным мечом.

— Да! А в настоящий момент я собираюсь рассчитаться с тобой. Теперь я больше не связан. Но сперва ответь мне на такой вопрос: это ты убил Делию?

Юлус осклабился, будто вспомнив что-то очень приятное:

— Точно. А как ты догадался? Эта потаскуха угрожала, что распустит обо мне грязные слухи, если я не заплачу ей. Пришлось ее убрать.

Конан перевел взгляд на Бомбаса:

— А ты знал, что она угрожала ему рассказать правду о твоих телохранителях?

— Не слушай его! — заорал Юлус.

— Она собиралась рассказать, — продолжал Конан, — что твоего брата убил сам Юлус, воспользовавшись кинжалом, украденным у Максио. Лисип выгнал его из своей шайки. Поэтому он убил Бурдо, а затем побежал к тебе, чтобы рассказать, как Максио зарезал твоего брата. Он очень ловко дал тебе понять, что он, Юлус, как раз тот человек, который тебе нужен, дабы заменить твоего брата. Но Делия видела все. — И повернувшись к Юлусу, Конан спросил прямо: — Эй, ты, я тебя спрашиваю: Делия видела?

— Предполагала, — проворчал Юлус. — Но держала свои предположения при себе. Девка рассчитывала использовать это для того, чтобы удержать Максио подле себя. Когда она почувствовала, что Максио ей не удержать, то заявилась ко мне и стала угро-

жать. — Внезапно Юлус развернулся и вонзил свой меч Бомбасу в живот. Движение было стремительным. В следующее мгновение он уже вырвал свой меч из туши и с ухмылкой посмотрел на Конана: — Король не оставит своей благодарностью человека, казнившего проворовавшегося городского голову. Как ты считаешь?

— Этому человеку не предоставится такой возможности! — отозвался Конан. С еще большей стремительностью, чем Юлус, киммериец нанес своему врагу рубящий удар. Спокойно блокировав выпад, Юлус отступил на шаг. Однако через некоторое время во взгляде его появилась тревога, сменившаяся ужасом. Конан наращивал темп. Юлус понял, что долго не выдержит. Он громко завопил, призывая подмогу, но крик его утонул в оглушительном шуме, доносящемся снаружи.

— Это ведь не то что пытать связанного? — говорил Конан, не замедляя смертоносного ритма ударов.

С расширенными от ужаса глазами Юлус резко отпрыгнул в сторону, одновременно делая выпад. Конан ожидал подобного приема и успел пригнуться. Он почувствовал, как лезвие скользнуло по стальному шлему, а в следующее мгновение уже догонял убегающего Юлуса. Три прыжка — и клинок Конана пронзил беглеца насквозь. Ярко-алая кровь струей брызнула из страшной раны.

— Трус всегда умирает как трус, — назидательно заметил Конан. Повернулся и пошел назад, к Ксантусу. Тот удовлетворенно взирал на тушу Бомбаса. Затем он поднял взгляд на приближающегося варвара:

— Я... Я еще не могу сейчас заплатить, Конан. Мне нужно собрать деньги. Но я обещаю тебе, что заплачу.

— Ты уже ничего больше не сделаешь, — прорычал киммериец, — потому что тебе больше не жить. В тех амбарных книгах твое имя также значится.

В дверях появилась фигура в полудоспехе. Ермак! Клинок его был заляпан кровью.

— Конец! Проклятые рудокопы сломали строй моих бойцов!

Ксантус показал на Конана:

— Ермак, прикончи этого варвара! Я сделаю тебя богатым, если ты убьешь его для меня!

— Да, я отрежу яйца этому киммерийскому псу! — крикнул Ермак. — Но не ради твоих денег, ты, глупая старая кочерыжка! Ты-то все равно мертвец. С минуты на минуту здесь будут люди короля.

— Я еще полюбуюсь, как вас обоих вздернут! — завопил Ксантус. Затем он бросил вниз испуганный взгляд. Поднявшаяся с пола рука схватила его за край одежды. Бомбас из последних сил потянул старого скрягу к себе.

— Отпусти меня! Ты ведь уже покойник!

— Из-за тебя, — прохрипел Бомбас, — из-за тебя, тварь, умерла моя Лоринда!

— Это было ТВОИХ рук дело! — взвизгнул Ксантус.

— Кто такая Лоринда? — поинтересовался Ермак.

— Женщина, которую они оба когда-то любили, — ответил Конан. — Давным-давно. Эй, послушай, нам с тобой нечего делить. Тут все кончено.

— Да, это так, но драться все же придется, — угрюмо сказал Ермак. — Ты хоть знаешь, ЧТО погубил? Целый город, отданный на разграбление. И ты все это разрушил. Как только ты здесь появился, все пошло наперекосяк. Так что защищайся!

С этими словами Ермак атаковал киммерийца.

Сражаться с Ермаком совсем не то что сражаться с Юлусом. Ермак силен, быстр, прекрасно владеет мечом. Кроме того, он был лучше защищен. Превосходная сталь его кирасы выдерживала мощные выпады Конана, в то время как кожаная бригандина киммерийца могла быть пробита одним хорошо поставленным ударом.

Первые секунды поединка киммериец полностью сосредоточился на защите, изучая противника и обдумывая свою стратегию. Конану это нравилось. Слишком давно не встречался ему противник, который заставлял полностью погружаться в единоборство. Истинная жизнь для Конана начиналась там, где шла битва не на жизнь, а на смерть. Свирепая радость мало-помалу стала переполнять варвара. Сколь ни силен враг, киммерийский воин одолеет его!

После первой яростной атаки Ермак стал действовать более расчетливо. Дважды клинок киммерийца со звоном отскакивал от шлема противника, но каждый раз удары получались скользящими. Замысловатая чашеобразная гарда меча Ермака надежно предохраняла руку. Мечом Ермак, надо признать, орудовал мастерски.

Конан провел серию атак по верхнему уровню, отвлекая внимание врага, а затем внезапно нанес низкий горизонтальный удар, полоснув мечом по ногам противника. Ермак, не обратив внимания на полученную рану, мгновенно воспользовался тем обстоятельством, что меч варвара низко опущен, и попытался нанести рубящий удар в лицо. Киммериец успел молниеносно отпрянуть назад.

Ермак развил атаку, вынуждая киммерийца перейти к обороне. Старый наемник прекрасно понимал, что, потеряв инициативу в поединке, трудно вернуть ее обратно. Однако рана на ноге начала сказываться. Видно было, что Ермак слабеет. В сапоге у него хлюпала кровь.

— Будь ты проклят, варвар! — прорычал старый вояка. — Зачем?..

Конан не ответил. Вместо этого он чуть-чуть опустил свой меч. Ермак тут же воспользовался тем, что Конан приоткрылся, и нанес колющий выпад в горло. Конан парировал удар, но на этот раз не клинком, а массивным браслетом на своем левом запястье. Лезвие скользнуло высоко над левым плечом киммерийца. Тогда варвар мощным выпадом вонзил меч противнику под скулу. Удар получился косым, снизу вверх. Клинок вонзился в мозг и раздробил череп. Несколько мгновений Ермак продолжал стоять, потом с грохотом рухнул на мраморный пол, как падает подрубленное дерево.

— Вот так должен умирать воин, — проговорил назидательно Конан, вытирая меч о висящий на стене гобелен. — Лицом к врагу. — Он вложил меч в ножны и отправился посмотреть, что там поделывают Ксантус и его дружок Бомбас.

Лицо старого скряги было искажено агонией и посинело. Жирные, унизанные перстнями пальцы мертвого Бомбаса судорожно сжимались на его тощей шее.

— Гляди-ка ты, и эти жирные лапы хоть на что-то полезное да пригодились! — подивился вслух Конан.

Из резиденции городского головы киммериец выбрался на Площадь.

Вокруг все было завалено трупами. Тут и там стояли горожане, с любопытством рассматривая убитых. Над городом висела какая-то неестественная тишина. Конан прошел через Площадь. По дороге ему попался Максио. Он лежал мертвый, сжимая руки на животе. На лице его навек застыло выражение вечного гнева.

Конан не спеша направился к гостинице. Похоже, в спешном бегстве надобности нет. Конан вошел в конюшню и вывел своего коня на улицу. Когда на дворе он вскочил в седло, к нему подбежал хозяин гостиницы.

— Что случилось? — спросил тот.

— Думаю, теперь это будет спокойный город, — ответил киммериец.

Он выехал из ворот гостиницы на улицу, размышляя, в какую сторону двинуться. Можно, конечно, на юг, через Дыру, к воротам, выходящим к реке, переправиться через реку, а затем откопать свои сбережения. Но тогда придется вести большой груз, нуждающийся в хорошей охране. Сейчас же у Конана был при себе тугой кошелек. Что до денег, которые он закопал, то они лежат в надежном месте. И пускай себе лежат. Когда наступят трудные времена, они могут пригодиться. В один прекрасный день вполне может так случиться, что Конану понадобится на-

брать отряд воинов. В таком случае эти деньги можно будет пустить на оплату их услуг. Поэтому Конан повернул коня и направился к главным воротам.

Он не обратил никакого внимания на стражника, сидевшего возле своей будки, понуро глядя в землю. Несомненно, он подумывал о том, как вернуться к своему привычному ремеслу — попрошайничеству. День был прекрасный. Киммериец пустил коня крупной рысью.

Варвар еще не успел далеко отъехать от Шикаса, как мимо него проехал эскадрон королевских войск. Всего киммериец насчитал около сотни всадников. Впереди скакал королевский чиновник, за ним — палач. Про себя Конан подумал, что вряд ли у них будет много хлопот, когда они доберутся до Шикаса.

На перекрестке, где дорога до Шикаса соединялась с большаком, Конану повстречались четыре угрюмых бандита. Конан узнал Невуса и еще трех наемников, с которыми встречался в Шикасе несколько дней тому назад.

— Я вижу, немногие из вас сумели уйти живыми, — заметил киммериец.

— Да, — согласился один из громил. — Мы ждем здесь Ермака.

— Не ждите, — сообщил им Конан. — Ермак мертв.

— Никто, кроме тебя, не мог бы его убить! — прорычал Невус. — А это означает, что мы обязаны отомстить!

И все четверо приготовились к бою. Однако Конан даже не прикоснулся к мечу.

— Это был честный поединок. Тут не за что мстить.

— Ты лишил нас отличной кормушки, — вякнул один из наемников. — Уже за одно это мы должны тебе голову отвернуть.

— Тогда я задам тебе старый вопрос любого наемника, — проговорил Конан, — кто тебе за это заплатит?

Все четверо переглянулись. Затем один за другим вложили мечи в ножны.

— Точно, — согласился Невус, — какой смысл сражаться бесплатно?

— Вот так-то лучше, — ухмыльнулся Конан. — Будем друзьями. — Он посмотрел на тугие кошельки, висевшие на поясе у каждого из четверых. — Я вижу, что вы все уехали из Шикаса не с голой задницей. Впрочем, как и я. Теперь слушайте меня. Я тут поговорил с караванщиками. Судя по всему, Нумедидес уже неустойчиво сидит на своем троне. Скоро тут начнется война. И наверняка в Тарантии объявятся вербовщики. Предлагаю отправиться туда. Ну а к тому времени, когда мы все пропьем, потратим на девок и проиграем, думаю, у нас будет немало поводов выяснить отношения.

— Идет! — дружно прокричали четверо наемников. Они повернули своих коней и поехали по королевской дороге в сторону Тарантии. Через некоторое время Невус обернулся к Конану.

— Киммериец, — заговорил он, — там, в Шикасе... как ты все это устроил?

Конан некоторое время раздумывал. Затем обернулся к своему новому компаньону. На лице его играла жестокая усмешка.

— Мой друг, это же был город негодяев и головорезов. А я ведь сам — еще тот головорез!

Невус восхищенно мотнул головой:

— Да уж, Конан, тут ты попал в точку!

ВЕСТНИК КОНАН КЛУБА

ТОЛЬКО С ТОБОЙ, КОНАН

Сегодняшний день будет записан в Хайборийских летописях отдельной строкой.

У российских поклонников Конана появился свой журнал. Пока это лишь несколько страниц в очередном томе «саги о великом воителе», но мы надеемся, что скоро он выйдет из-под обложки книги, его породившей, и заживет своей собственной жизнью.

Впоследствии этот журнал будет рассылаться членам Конан-клуба по почте. Конан-клуб получает десятки писем ежедневно, все они регистрируются, и через несколько месяцев мы разошлем всем своим корреспондентам устав клуба. Сейчас идет разработка этого устава и переговоры с почтой, потому что главной привилегией членов клуба будет возможность получать книги наложенным платежом, без торговых наценок.

Пишите нам, задавайте вопросы, присылайте стихи, рассказы и рисунки. Лучшие из них будут опубликованы на страницах

«Вестника Конан-клуба» —
твоего журнала настоящей фантастики!
Желаем удачи!

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ!

СТИХИ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ!

БИТВА

Вновь над долиной звенят мечи,
Снова полки сшибаются в лоб.
Ломаются копья, трещат щиты,
Смерть собирает кровавый улов.

Ярость битвы, звон стали о сталь,
Клинок разрубает доспехи и плоть.
С каждым взмахом еще один враг
Повержен могучей рукой.

Кровь киммерийская в жилах кипит,
В гневе король — неукротим!
На горных тропах, в глухой степи
Северный варвар — непобедим!

Кончился бой — долина пуста.
В небе кровавый закат.
Погибли каждые сорок из ста —
Сорок бесстрашных солдат.

Смерть и Бессмертие — встаньте рядом!
Ворон, роняй перо!
Бранное поле задумчивым взглядом
Окинул варвар-король.

Слова благодарности и восхищенья
Слетают с обветренных губ.
У витязей павших он просит прощенья
За все, что свершилось тут...

Игорь Тыщенко
г. Краснодар

ЛЕОН СПРЭГ ДЕ КАМП

ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

В 1899 году близ небольшого испанского городка Альмаден, где расположены крупнейшие в мире месторождения ртутной руды и даже было найдено маленькое озерцо чистой ртути, работали изыскатели, пытавшиеся обнаружить новые залежи. На глубине около сорока метров, под тридцатиметровым слоем осадочных пород, они нашли следы неизвестной древней культуры — руины зданий, черепки керамики и даже несколько мелких предметов из золота. Срочно вызвали археологов. Экспедиция сэра Артура Кармайкла трудилась под Альмаденом пятнадцать лет. В полевой сезон 1913 года, при обследовании фундамента одного из зданий, предположительно храма, была обнаружена огромная библиотека хорошо обожженных глиняных табличек, подобных табличкам Месопотамии. Однако письмена на них не были клинописью. Каждый знак был выдавлен в глине специальным металлическим штампом.

Первая мировая война прервала ход раскопок, возобновленных только в 1921 году, но продолжавшихся всего лишь один сезон, так как стало ясно, что некий древний катаклизм пощадил только уже раскопанную часть древнего города. Ученые многих стран начали попытки дешифровки письменности альмаденских таблиц. Шарль Брантом вскоре доказал, что это слоговое письмо, и составил свой «Альмаденский силлабарий». Однако дальше этого не продвинулся никто.

Никто... Если не считать некоего Г. Ф. Лавкрафта, не археолога даже и не лингвиста, а всего лишь писателя и автора многочисленных фантастических новелл. Поэтому ни один ученый не принял его дешифровку всерьез. О ней вскоре забыли.

Поверил Лавкрафту только Роберт Говард.

Согласно Лавкрафту, альмаденские таблицы хранили язык одной из працивилизаций Земли, эры, которую можно было назвать Хайборийской, по наименованию одного из наиболее распространенных народов того времени. Они были созданы в самом конце этой эры писцами храма Митры в столичном городе королевства Зингары, Кордаве. Помимо храмовых записей и документов, в библиотеке храма были и труды по географии, и записи легенд. Некоторые из них повествовали о временах еще бо-

лее отдаленных, как, например, предания о Кулле, царе Валузии, но большая часть была посвящена великому герою эпохи, киммерийцу Конану.

Воспользовавшись сюжетами этих легенд, Говард в 1929 — 1932 годах создал цикл новелл о Кулле Валузийском, а в декабре 1932 года опубликовал свою первую повесть о Конане — «Феникс на мече». За ней последовали и другие, но ранняя смерть писателя 11 июня 1936 года оборвала его труды, оставив подавляющее большинство преданий альмаденских таблиц необработанными. Дело Говарда продолжили Лин Картер и автор этих строк.

В 1949 году, ровно через полвека после Альмадены, при раскопках под Каррарой в Италии, археологи обнаружили еще одно поселение времен хайборийской эры — руины Ианты, столицы Офира. Была найдена и библиотека царского дворца, а в ней — множество новых преданий о Конане. Немало новых писателей занялись их переводом и обработкой.

Беда была лишь в том, что многие тексты Альмадена, а точнее — Зингары не совпадали или даже противоречили табличкам Каррары, то есть иантийским. В этой статье, представляющей собой попытку восстановить по преданиям хайборийской эры краткое жизнеописание великого киммерийца, автор попробует объяснить и разрешить эти противоречия.

Итак, величайшим героем хайборийской эры, той эпохи, когда на Земле магия встречалась куда чаще, чем в наши дни, был северный варвар, Конан из Киммерии. В его жилах текла кровь атлантов, того древнего народа, чья страна была поглощена океаном за 8000 лет до рождения Конана. Родился же он в клане, считавшем своей родиной крайнюю северо-западную часть Киммерии, вплотную примыкавшую к туманным границам Ванахейма и Дебрям Пиктов. Прадед нашего героя бежал от своего народа, страшась кровной мести, и нашел убежище у северян. Сам же Конан появился на свет на поле битвы, во время набега ваниров.

Еще до того, как он увидел пятнадцать зим, слава о нем как о прекрасном бойце уже была предметом бесед у очага совета племени. В тот год киммерийцы, обычно поглощенные бесконечными междоусобицами, объединили свои силы ради сопротивления воинственным гандерам, которые, намереваясь превратить южную часть Киммерии в свою колонию, пересекли границу Аквилонии и возвели на захваченной территории свой форпост, крепость Венариум. Конан присоединился к ревущей, жаждущей крови орде, хлынувшей с северных гор, перехлестнувшей крепостные стены и выбросившей уцелевших аквилонцев назад, за их прежнюю границу.

У стен Венариума Конан, тогда еще подросток, был шести футов ростом и весил 180 фунтов. Он обладал чутьем и осторож-

ностью прирожденного обитателя лесов, ловкостью и крепостью горца и неимоверной силой своего отца-кузнеца. После разгрома аквилонского форпоста Конан возвратился к своему племени. Но не надолго.

Гонимый жаждой новых приключений, он вскоре присоединился к отряду эзиров, собиравшихся в набег на ваниров и гиперборейцев. Вскоре он выяснил, что некоторые крепости последних управляются кастой вызывающих всеобщий страх волшебников, именуемых колдунами. Эзиры как раз выступили против одной из таких твердынь, замка Халоги, когда Конан узнал, что гиперборейские работорговцы похитили Ранн, дочь Ньяла, вождя отряда.

Конан пробился в крепость и выручил Ранн Ньялсдаттер, но на обратном пути из Гипербореи на отряд Ньяла обрушилось войско живых мертвецов. Конан вместе с другими уцелевшими был угнан в рабство. («Легионы мертвых».)

В плену он оставался недолго. Трудясь по ночам, он перетер звенья своей цепи так, чтобы их было легко порвать. Тогда, в одну бурную ночь, размахивая четырехфутовым куском тяжелой цепи, он вырвался из узилища рабов и скрылся в утреннем тумане.

Эта версия изложена в зингарских текстах. В текстах же Иа́нты мы находим совершенно иной рассказ о юности Конана. Офирскоме предание утверждает, что Конан стал рабом в возрасте десяти-двенадцати лет во время набега ваниров и несколько лет молол зерно на гигантской ручной мельнице, которую вращали несколько рабов, а потом был выкуплен гирканским хозяином труппы гладиаторов, устраивавшим представления для развлечения ваниров и эзиров. Именно в это время Конана обучают владению оружием. Позже он убегает и направляется на юг, в Замору. («Сталь и Змея».)

Из этих двух версий зингарская кажется более правдоподобной. Вероятнее всего, составитель офирского цикла преданий не имел сведений о ранней юности Конана и, чтобы заполнить эту лакуну, подобрал для цикла историю о юности другого героя или сам сочинил подходящую легенду.

Так или иначе, освободившийся из плена юноша оказался в самом сердце вражеского государства, далеко от родины. Он решил бежать в горы южных пределов Гипербореи. Преследуемый стаей волков, он укрылся в пещере. Там он обнаружил восседающую гигантскую мумию древнего вождя с тяжелым бронзовым мечом на коленях. Когда Конан взял меч, мумия поднялась и набросилась на него. С помощью огня Конану удалось справиться с ожившим мертвецом. («Поединок в гробнице».)

Тропами Кезанкийских гор Конан добирается до Заморы, где обосновывается в Аренджуне, знаменитом «городе воров». Именно эту профессию и выбирает для себя Конан.

Новичкам везет. Конан вместе с вором Таурусом из Немедии решает совершить самое дерзкое ограбление в Аренджуне — похитить баснословную драгоценность, именуемую «Сердце Слона», из неприступной башни, обиталища черного мага Яры, которого страшится весь город. Конану удается победить мага и освободить его пленника — внеземное существо Яг-Кошу. («Башня Слона».)

Однако конкуренция в Аренджуне слишком велика. Конан отправляется на запад в столицу Заморы, Шадизар Грешный. Некоторое время его дела процветают, хотя девицы легкого поведения Шадизара быстро избавляют Конана от его доходов. На одном из дел он попадается и его хватают слуги Тарамис, царицы Шадизара, которая посылает его за магическим рогом, необходимым для воскрешения древнего злого божества. Однако это приводит к ее собственной гибели. («Разрушитель».)

В это время Конан знакомится с молодой удачливой воровкой Тамирой. Они решают похитить пару бесценных рубинов, принадлежащих госпоже Йондре, шадизарской аристократке. Тамира устраивается горничной к Йондре, чтобы иметь шанс похитить камни.

За этими же камнями охотится Баскаран Ималла, религиозный фанатик, основавший мрачный культ среди кезанкийских горцев. Рубины нужны ему, чтобы повелевать огнедышащим драконом, которого он вырастил из яйца.

Страстная охотница, Йондра отправляется со всеми своими слугами, чтобы убить Баскаранова дракона. Ималла захватывает в плен обеих женщин и уже готов скормить их чудовищу, когда вмешивается Конан, спасает женщин и побеждает дракона. («Камни Курага».)

Вскоре слухи о древнем сокровище приводят Конана в руины разрушенного города Ларши. Там ему приходится сражаться с гигантским ядовитым слизнем и ожившими трупами воинов-гигантов, сторожащих сокровища. Однако выгоды Конану это приключение не приносит, поскольку зачарованные драгоценности рассыпаются в пыль, а нефритовая змейка превращается в живую змею. («Зал Мертвецов».)

Без гроша в кармане Конан, которому надоели волшебники и магия Востока, бежит на северо-запад, через Коринфию в Немедию, второе по мощи из хайборийских государств. Там он продолжает успешно заниматься своей сомнительной профессией и привлекает внимание Азтриаса Пентаниуса, беспутного племянника правителя. Обремененный карточными долгами, этот повеса нанимает Конана, чтобы тот похитил для него заморийский кубок, высеченный из цельного алмаза, который находится в частном собрании редкостей одного местного богача. Появление Конана в его доме совпадает с загадочной гибелью хозяина и при-

влекает к нашему герою нежелательное внимание Деметрио, члена городского следственного совета. Выясняется, что убийство совершило отродье змеебога Сэта, заключенное чарами стигийского волшебника Тот-Амона в металлическую вазу. Конан убивает чудовище и покидает Немедию. («Бог из чаши».)

Перебравшись на юг, в Коринфию, наш герой вскоре завоевывает репутацию храбрейшего из воров этой страны. Однако, преданный своей подружкой, он попадает в тюрьму. И тут честолюбивый аристократ Мурило, подкупив стражника, освобождает Конана, чтобы тот убил Багряного Жреца, Набонидуса, фактически правящего государством, поскольку король Коринфии — лишь послушная марионетка в руках жреца. Пробравшись во владения Набонидуса, Конан попадает в водоворот загадочных кровавых событий. Ему приходится сражаться с огромной полуразумной обезьяной — слугой Набонидуса, прикончившей пробравшуюся в дом Набонидуса группу заговорщиков. Уничтожив жреца, Конан и Мурило покидают место побоища. («Багряный Жрец».)

Добравшись на деньги Мурило в Аренджун, Конан пытается вести относительно честное существование, похищая у воров их добычу и возвращая украденное законным владельцам за вознаграждение. Ему поручают вернуть магическую драгоценность, Глаз Эрлика, похищенную волшебником Хиссар Зулом у хана Замбулы.

За тем же сокровищем охотится искательница приключений Испарана. Она успевает похитить Глаз Эрлика, и, когда Конан появляется в логовище колдуна, Хиссар Зул захватывает Конана в плен и заключает его душу в зеркало, так что обрести свою душу вновь наш герой может лишь тогда, когда это зеркало разобьет коронованная особа. Так он принуждает Конана последовать за Испараной и вернуть талисман. Но когда киммерийцу это удается, маг пытается убить самого Конана. Тот расправляется с магом и покидает обиталище колдуна, захватив с собой зеркало. («Конан и чародей».)

После этого ему удается наняться телохранителем к хауранской аристократке Хаштрис. Она отправляется в Хауран с Конаном, еще одним охранником, Шубалом, а также несколькими спутниками. Когда слуги сговариваются ограбить и убить свою госпожу, Конан и Шубал спасают ее и провожают до столицы Хаурана. Тут Конан обнаруживает, что любовник вдовствующей царицы Иаламис вовсе не является тем, кем кажется. Иаламис разбивает зеркало и возвращает Конану его душу. («Конан Наемник».)

Вновь обретя цельность, Конан узнает от иранистанца Хассека, что подлинным владельцем Глаза Эрлика является не хан

Замбулы, а повелитель Иранистана. Хан Замбулы жаждет обладать Глазом, поскольку считает, что от этого зависит его удача. В этом убедил Актер Хана его придворный маг Зафра, могучий волшебник, который, следуя указаниям древней магической Книги Скелоса, мог зачаровывать мечи, так что они убивали сами по себе, по приказу. Отправившись в Иранистан с Хассеком, Конан вновь встречается с Испараной. Хассек погибает, а Испарана убеждает Конана доставить амулет не в Иранистан, а Актер Хану. Конан и Испарана достигают Замбулы, но неблагодарный хан по совету Зафры бросает Конана и Испарану в темницу. Конан освобождает Испарану и, несмотря на волшебные мечи, побеждает Зафру. («Меч Скелоса».)

Здесь возникает расхождение взглядов относительно возраста Конана во время этих событий. Зингарский текст утверждает, что нашему герою тогда было семнадцать лет. Однако, учитывая, что в хайборийской письменности 17 изображается двумя кружками и тремя вертикальными штрихами с четвертым штрихом над ними, означающим минус, похоже на то, что этот последний штрих — лишь царапина, сделанная неаккуратным писцом, и истинный возраст Конана — двадцать три года.

Вскоре после своих замбульских приключений Конан перебирается в Туран, где некий неизвестный нанимает его, чтобы похитить шкатулку драгоценностей, присланную в дар королем Заморы шаху Турана. Этот незнакомец — жрец змееголового Сэта — жаждет заполучить один из этих драгоценных камней, поскольку этот камень является магическим оружием против его врага, жреца-ренегата Аманара.

Слуги Аманара, человекообразные рептилии, похищают драгоценности из-под самого носа Конана. Верный своему обязательству, Конан отправляется по следам похитителей. Он попадает в шайку разбойницы Карелы, прозванной Рыжим Ястребом. Карела влюбляется в Конана, но одновременно ненавидит его, ибо горда, как демон, и убеждена, что никто не имеет права быть умнее, сильнее и искуснее в бою, чем она сама. Попав в крепость Аманара, Конан с помощью найденного им похищенного магического камня уничтожает Аманара. Скрепленный магией замок Аманара рушится. Карелу считают погибшей во время штурма замка. («Черный камень Аманара».)

Возвратившись с Кезанкийских гор, Конан пробует свои силы в ремесле контрабандиста. Заезжий вендиец ранит его отравленным кинжалом, и в поисках противоядия нашему герою приходится совершить путешествие в далекую Вендию, где он вступает в схватку с зловещим колдуном, который пытается под-

чинить себе бессмертных неуязвимых воинов, стражей гробницы древнего короля. («Ловушка для демона».)

Вернувшись в Туран, Конан обосновывается в портовом городе Аграпуре, где узнает, что там возник тайный новый культ. Глава этого культа, волшебник Джандар, приносит в жертву несчастных неофитов и воскрешает их в качестве своих верных служителей. Конан отказывается от предложения своего бывшего приятеля-вора Эмилио — проникнуть в твердыню Джандара, чтобы похитить баснословно ценное рубиновое ожерелье. Зато туранскому сержанту Акебе удается убедить Конана проникнуть в эту крепость, чтобы спасти дочь сержанта, примкнувшую к культу. Конану удается уничтожить волшебника. («Сердце Хаоса».)

Вскоре после падения Джандара Акеба убеждает Конана вступить в ряды туранской армии. Первые успехи нашего героя на этом поприще невелики. Он еще неопытен в верховой езде и стрельбе из лука и к тому же не слишком-то любит военную дисциплину.

Однако вскоре положение несколько меняется. Шах Йилдиз посылает войско против мятежного сатрапа. С помощью колдовства сатрап разбивает армию шаха. Чудом спасшийся Конан проникает в город сатрапа Яралет, где встречается с группой заговорщиков, от которых узнает, что сатрап лишен способностей колдуна и своей властью над силами тьмы обязан лишь магическому амулету, Руке Нергала, который превратил владыку города в безумца. С помощью противоборствующего талисмана Конану удается уничтожить сатрапа и Руку Нергала. («Рука Нергала».)

С триумфом вернувшись в Аграпур, Конан удостаивается чести вступить в личную почетную стражу шаха Йилдиза. Вскоре он становится прекрасным наездником и метким стрелком.

Через некоторое время Конана вместе с кушитским наемником Джумой назначают сопровождать дочь шаха Йилдиза Зосару к ее жениху хану Куюле, вождю куйгарских кочевников. В предгорьях хребта Талакмы на отряд нападают коренастые смуглые всадники в лакированных доспехах. Выживают только Конан, Джума и принцесса. Их приводят пленниками в субтропическую долину Меру, в столице которой, Шамбалле, Джуму и Конана приковывают к веслам галеры, совершающей рейсы по внутреннему озеру-морю. Бежав с галеры, Конан и Джума проникают в храм бога Ямы, где совершается бракосочетание Зосары с карликовым царем-богом Меру, и, хотя на помощь царьку приходит ожившая статуя его бога-предка, Конан уничтожает обоих. («Город черепов».)

По возвращении в Аграпур наш герой получает чин капитана. Его начинают считать человеком, способным разрешить любую трудную проблему, и военачальники шаха Йилдиза избирают

варвара для особо опасных поручений. Однажды они посылают Конана сопровождать посланца к вождям хозгарских горцев, надеясь подкупом и угрозами убедить их отказаться от набегов на жителей туранских долин. Хозгарцы, уважая только сиюминутную преобладающую силу, нападают на отряд, убивая эмиссара и всех солдат, кроме Конана и его спутника Джамала.

Чтобы обезопасить свое возвращение к цивилизации, Конан и Джамал берут в заложницы Шанию, дочь хозгарского вождя. Путь ведет их к туманным вершинам. Лошадей убивают, Джамал погибает, а Конану приходится сражаться с ордой безволосых обезьян и вторгнуться в твердыню древней умирающей расы. («Люди Вершины».)

В другой раз Конана отправили на тысячу миль восточней, в баснословный Кхитай, доставить царю Кусана Шу письмо от шаха Йилдиза, предлагающее договор о дружбе и торговле. Мудрый старый кхитайский царь отослал своих гостей с составленным договором. Однако назначенный царем проводник, герцог Фенг, оказался членом оппозиции и попытался уничтожить и договор, и самого Конана. («Проклятие монолита».)

Служба Конана в Туране продолжалась около двух лет. За это время он успел хорошо изучить искусство организованной войны цивилизованных государств. Его карьере положила конец любовная интрига, в которой была замешана супруга его начальника. Конан дезертировал и направился в Замору. В Шадизаре он узнает, что храм Зата, бога-паука замаранского города Йезуд, нанимает солдат. Поспешив в Йезуд, Конан обнаруживает, что бритунийская вольница заняла все свободные места наемников. Тогда он становится городским кузнецом, поскольку в детстве научился от отца этому ремеслу.

Вскоре он узнает от посланца шаха Йилдиза, Владыки Парвеза, что верховный жрец Феридун держит в плену любимую жену Йилдиза Джамилу. Парвез нанимает Конана, чтобы тот освободил женщину. Конан же намеревается похитить восемь огромных драгоценных камней, служащих глазами гигантской статуе бога-паука. В итоге Конану пришлось сразиться с настоящим богом. В этой схватке ему удалось одолеть бога Йезуда. («Конан и бог-паук».)

Выбравшись из этой авантюры, Конан направляется в Шадизар, где ходят слухи о некоем сокровище. Ему достается карта, указывающая местонахождение усыпанного рубинами идола, скрытого в дебрях Кезанкийских гор. Воры похищают карту, Конан начинает преследовать их. На преследователя и преследуемых нападают кезанкийские горцы, и Конану приходится объединиться с теми негодяями, за которыми он гнался. Они находят идола, но тот оживает и начинает уничтожать незадачливых по-

хитителей. С большим трудом Конану удается справиться с живой статуей. («Окровавленный бог».)

Сытый по горло магией, Конан отправляется к себе на родину, в горы Киммерии. Но скоро простая рутинная жизнь его родимой деревни надоедает ему, и он присоединяется к своим старым друзьям эзирам в их набеге на Ванахейм. В смертельной схватке с ванирами не остается ни победителей, ни побежденных. Лишь Конан, уцелев в бою, пробирается на юг по снежной равнине, где происходит его странная встреча с легендарной Атали, дочерью ледяного гиганта Имира. («Дочь ледяного гиганта».)

Продвигаясь далее к югу, Конан пробирается по ущельям Эйглофийских гор. Ему приходится выдержать схватку с каннибалами и сразиться с чудовищем, обитающим в ледниках. («Логово Ледяного Червя».)

Добравшись до Бельверуса, столицы Немедии, Конан встречается с Ордо, одноглазым вором и контрабандистом, бывшим помощником разбойницы Карелы. Конан начинает собирать собственный отряд наемников. В это время честолюбивый лорд Альбанус пытается с помощью магии свергнуть короля Гариана и занять его место. Он подменяет Гариана созданным из глины големом, но Конану удается спасти короля. («Тень Властелина».)

Отряд Конана прибывает в Ианту, столицу Офира. Госпожа Синелла, жрица древнего бога-демона Аль-Киира, пытается освободить свое божество, заточенное древним магом. Она нанимает разбойницу Карелу, обосновавшуюся в Ианте, чтобы выкрасть у Конана случайно попавшую к нему ритуальную статуэтку Аль-Киира, необходимую для обряда.

Карела по-прежнему и любит и ненавидит Конана. Убить его она не может, но выкрасть статуэтку ей удается. Вместо вознаграждения Синелла приказывает схватить разбойницу и принести ее в жертву своему богу. С помощью жезла давно умершего мага Конану удается вновь заточить уже почти освободившегося Аль-Киира и спасти Карелу. («Врата Аль-Киира».)

Конан направляется в Аргос, но в этой мирной стране работы для наемников нет. Столкновение со стражниками принуждает Конана срочно покинуть этот богатый торговый порт на борту купеческого корабля «Аргус», направляющегося в Куш.

«Аргус» становится добычей пиратского корабля «Тигрица», которым командует прекрасная шемитка Бэлит. Конан влюбляется в нее, и она отвечает на его чувство. Так начинается первая настоящая любовь в жизни Конана. («Королева Черного Берега», гл. 1.)

Бэлит просит Конана попытаться освободить ее брата, Джеханана, захваченного за несколько лет до этого стигийскими работорговцами. Конан пробирается в Кеми, главный порт Стигии,

но попадает в плен. Однако ему удается бежать на восток, в провинцию Тайя, где бушует мятеж против стигийского владычества. («Секира света».)

Конан и Бэлит продолжают пиратствовать в прибрежных водах Куша, нападая преимущественно на стигийские суда. В один недобрый час, привлеченные слухами о спрятанном в дебрях сокровище, они подымаются по зловещей реке Зархебе, где сталкиваются с ужасающей магией таинственной древней расы. Бэлит погибает, но даже после смерти ее любящая душа помогает Конану одолеть врага. («Королева Черного Берега», главы 2—5.)

Когда пылающая «Тигрица», ставшая погребальной ладьей Бэлит, уплывает по течению Зархебы в море, Конан надолго прощается с океанским простором. Он углубляется в джунгли и скоро встречается с воинственным племенем бамула, к которому и присоединяется. Через некоторое время ему удается стать вождем бамула. Под его властью военная мощь племени быстро растет, и Конан начинает подумывать о создании собственной черной империи.

Именно в это время, при уничтожении поселения племени бакалах, Конану удается спасти пленницу бакалахов, Ливию из Офира, убежавшую от кровавой резни и попавшую в неведомую долину, где ее чуть не принесли в жертву демону из иного мира. («Долина Пропавших Женщин».)

Однако мечты об империи развеиваются, как дым. Природные катастрофы, обрушившиеся на земли бамула, и интриги враждебных нашему герою жрецов заставляют его бежать. Он направляется на север по девственным лесам Куша. Скоро эти леса сменяются пустынными равнинами, где на киммерийца нападают львы. Укрывшись от них в странных древних руинах, он становится свидетелем уничтожения отряда стигийских работорговцев материализовавшимися призраками и сам с трудом избегает гибели. («Замок Ужаса».)

Пробираясь на север, Конан наконец достигает государства Куш. (Хотя все земли к югу тоже носят это название, но они не входят во владения этого города-государства.) Здесь киммериец, спасший жизнь королевы, юной Тананды, становится ее любовником и начальником стражи. Ему приходится сражаться со свинорылым демоном, а после победы над чудищем бежать из охваченного восстанием города. («Рыло во тьме».)

Что происходит с Конаном после этих событий — нам неизвестно. Тексты из Ианты пытаются заполнить эту лакуну преданием «О смутном времени в Зингаре, колдуне Каллидосе Страшном и доблестном Конане». Вкратце оно сводится к истории переворота в Зингаре, где некий маг, сумевший повелевать каменными во-

инами, возвел на трон главу всех воров и бандитов Кордовы — Мордерми. Тот оказался еще более жестоким правителем, чем убитый король. Конану удалось уничтожить мага и Мордерми. Киммерийцу предложили престол Зингары, но благородный варвар отказался от короны. («Ястребы над Шемом».)

Однако история эта более чем сомнительна. Во-первых, в кордавских текстах она отсутствует, а во-вторых, имена упоминающихся в ней владык Зингары отсутствуют в найденном «Царском списке Кордавы». Вероятнее всего, здесь Конану приписываются подвиги какого-то другого героя.

Намного более вероятны упоминания ряда зингарских и офирских текстов о том, что после своих приключений в Куше Конан некоторое время провел в долинах Шема. В этом случае мы смело можем заполнить лакуну плохо сохранившимся кордавским текстом, повествующим о том, как Конан стал наемником в Аккарии, шемитском городе-государстве. Потом он присоединился к отряду добровольцев, собиравшихся освободить от врага соседний город, но из-за предательства Отбаала, двоюродного брата безумного царя Пелиштии Ахирома, отряд был уничтожен. Конан уцелел и начал преследовать Отбаала. Это привело его в Асгалун, столицу Пелиштии, где он чуть не погиб в развязанной Отбаалом войне за власть, в которой участвовали и сам Отбаал, и безумный царь Ахиром, а также стигийская ведьма и отряд черных наемников. («Ястребы над Шемом».)

Вновь мы встречаем нашего героя наемником в войске под командованием Амальрика из Немедии, военачальника королевы-регентши маленького пограничного королевства Хорайи Ясмелы. Повинуясь оракулу Митры, верховного хайборийского божества, Ясмела делает Конана главным военачальником хорайской армии для борьбы с воинством волшебника Натока — на деле древнего мага Тугра Хотана, пролежавшего мертвым три тысячелетия в руинах города Кутхемеса. Конан разбивает Натока и спасает королеву от мага. («Черный Колосс».)

Ясмела хотела бы женить Конана на себе, но такой брак противоречит хорайским законам и обычаям. Однако, если бы Конан смог спасти ее брата, короля Хоссуса, которого держат пленником в Офире, он мог бы изменить этот закон.

Конан отправляется в Офир вместе с астрологом Разесом и Фронто, вором, который знает проход в темницу, где заключен Хоссус. Они спасают короля, но вскоре попадают в плен к кофийцам, поскольку Страбонус Кофийский также жаждет держать Хоссуса заложником.

Благополучно избежав всех этих опасностей, Конан выясняет, что Хоссус, строптивый молодой осел, и слышать не желает о

браке какого-то чужеземного варвара с его сестрой. Прибыв в Аргос, киммериец покидает корабль Хоссуса с большей частью золота, собранного королем, и навек прощается с правителями Хорайи. («Тени во Тьме».)

Устав от приключений на юге, наш герой вновь навещает свою туманную Киммерию, но привычка к приключениям не позволяет ему долго засиживаться на одном месте. Когда торговцы приносят вести о новой войне, Конан возвращается в хайборийские земли.

Мятежный принц Кофа пытается свергнуть Страбонуса, законного правителя, и Конан вступает в его войско, пока мятежник не примиряется со своим королем. Оставшись без работы, Конан собирает шайку отверженных, Вольницу. («Изменник».)

Отряд Конана уходит в степи на западном берегу моря Вилайет, где присоединяется к большой орде разбойников, известных под названием «козаки». Конан вскоре становится вождем всех козаков и бесчинствует на западных границах Туранской Империи, пока его прежний повелитель, шах Йилдиз, не посылает войско под водительством военачальника Амурата, который заманивает козаков в глубь Турана и разбивает их.

Убив Амурата и освободив туранскую пленницу, принцессу Оливию из Офира, Конан отплывает с ней в море Вилайет на маленькой лодке. Они находят убежище на острове, где среди древних руин стоят странные железные идолы. С восходом луны эти идолы оживают и оказываются не менее опасными, чем обитающая на острове гигантская хищная обезьяна или высадившаяся на остров команда пиратов. («Тени в лунном свете».)

Возглавив остатки пиратской команды, Конан скоро становится вождем всех морских разбойников моря Вилайет. Как глава этого разношерстного Красного Братства, Конан превращается в занозу в Йилдизовой пятке. Йилдиз посылает своего военачальника Артабана разрушить пиратскую твердыню в устье реки Запороска, но тот превращается из охотника в добычу. Отступив в Колхийские горы, Артабан оказывается в окрестностях замка, где томится изгнанный брат Йилдиза Тейяспа, и здесь преследование завершается схваткой отряда Конана, артабановских туранцев и множества вампиров. («Дорога орлов».)

Оставшись без своих пиратов, Конан раздобывает жеребца и направляется в степи, но от козачьей вольницы сохранились лишь жалкие остатки. Ездигерд, сменивший Йилдиза на троне Турана, оказался гораздо более твердым и сильным правителем, чем его предшественник. Поэтому Конан уходит в маленькое пограничное королевство Хауран, где становится начальником стражи королевы Тарамис. У этой королевы была сестра-близнец Саломея, рожденная ведьмой и воспитанная желтыми волшебника-

ми Кхитая. Объединившись с искателем приключений Констанциусом из Кофа, она появляется в Хауране и, пользуясь своим чудовищным сходством с сестрой, заточает Тарамис в темницу и правит вместо нее. Конан подозревает подмену, но Констанциус распинает его на кресте недалеко от города. К счастью, мимо проходит отряд кочевников-зуагиров, и их предводитель Ольгерд Владислав приказывает снять Конана с креста. Исцелившись от своих ран, наш герой вскоре становится помощником Ольгерда, а потом и занимает его место.

Тем временем Саломея и Констанциус превращают Хауран в царство ужаса. Оказавшись во главе зуагиров, Конан бросает их на хауранскую столицу. Тарамис спасена, Саломея уничтожена вместе с чудовищным, похожим на жабу ящером, которого она держала в подземелье храма. Распяв Констанциуса на кресте, на котором тот распинал его самого, Конан покидает Хауран и ведет своих зуагиров в набег на Туран. («И родится ведьма».)

В это время Конану уже около тридцати. Он в расцвете сил. Его отряд превращается в такую угрозу Турану, что шах Ездигерд посылает войско, чтобы захватить Конана. Из-за изменника Варданеса из Заморы туранская засада едва не оказывается роковой для людей Конана. С трудом расправившись с туранцами, отряд Конана начинает преследовать предателя. Когда зуагиры отказываются продолжать преследование, устрашенные ужасающими слухами о той части пустыни, где они оказались, Конан гонится за ними в одиночку, пока не оказывается в затерянном среди пустыни городе Ахлате Проклятом.

Ахлат страждет под властью демона в образе женщины, питающейся жизненной силой людей. Конану удается уничтожить демона, и он продолжает свой путь на юг, в Замбулу. («Черные слезы».)

В Замбуле Конан оказывается втянутым в интригу, плетущуюся вокруг знаменитой волшебной драгоценности, «Звезды Хоралы», за которую королева Офира, по слухам, обещала отдать груду золота. Нашему герою удается завладеть драгоценностью, и он спешит в Офир. («Тени Замбулы».)

Таблицы из Ианты (И—113—115) продолжают это повествование. Достигнув столицы Офира, Конан узнает, что король Морантес II, сам оказавшийся под каблуком у зловещего графа Ригелло, держит свою королеву Маралу в темнице. Киммериец проникает в замок Морантеса и освобождает Маралу. Ригелло преследует беглецов до самой границы с Аквилонией, где Звезда Хоралы проявляет свое могущество совершенно неожиданным образом. («Звезда Хоралы».)

Насытившись по горло магическими драгоценностями, Конан раздумывает, что бы предпринять, когда до него доходит слух, что

козаки снова собирают свежие силы в степях Турана. Конан отправляется к ним, и вскоре вся козачья вольница и пираты Вилайета признают его своим вождем.

Ездигерд посылает Джехангира Агу, чтобы захватить киммерийца на острове Ксапур. С трудом избежав ловушки, Конан вынужден сражаться с древним демоном, магически восстановившим руины своей крепости на Ксапуре и принявшим образ великана из живого металла. («Железный дьявол».)

Вскоре после победы над демоном Конан превращает своих козаков и пиратов в такую мощную силу, что шах Ездигерд посылает против них все свои войска. После сокрушительного разгрома козаки разбегаются по степям, а Конан бежит на юг, где поступает на службу в легкую кавалерию Кобад Шаха, владыки Иранистана. Но служба эта продолжается недолго. Хотя Конан и дослуживается до предводителя отряда, вскоре он попадает в немилость и вынужден бежать в горы. Там он обнаруживает затерянный город Янайдар, где обосновались сектанты, Сыны Джезма, стремящиеся к мировому господству. Конан и его спутники сражаются с джезмитами, но вынуждены бежать из Янайдара от пробудившихся древних владык этого города, серых гулов. («Кинжалы Джезма».)

Мы вновь встречаем Конана в Хималейских горах, на северо-западной границе Вендии, где наш герой становится вождем дикого племени афгулов. Когда нескольких из его помощников захватывают вендийцы, он похищает саму Деви Ясмину, повелительницу Вендии. Брата Ясмины, юного царя Вендии, извели черные волшебники Имша. Конан и его пленница начинают преследовать посланца Имша, мага Хемсу. Властители Имша убивают нарушившего их приказания Хемсу и с помощью магии похищают Ясмину. Конан пробивается в твердыню чародеев, побеждает их и освобождает Ясмину. («Люди Черного Круга».)

Планы киммерийца сплотить племена горцев в единую силу под своей рукой рушатся. Узнав, что Альмурик, кофийский принц, восстал против ненавидимого народом Страбонуса, Конан спешит присоединиться к его войску. Однако союзные государства приходят на помощь Страбонусу. Армия Альмурика вытеснена на юг и разбита объединившимися воинствами Куша и Стигии.

После этого разгрома Конан бежит в южную пустыню, где попадает в древний город Ксутал, чьи обитатели живут в постоянных наркотических грезах, погружаясь в них из страха перед вездесущим чудовищным демоном Тогом, которого считают божеством. Конан побеждает страшилище и покидает Ксутал. («Ползущая тень».)

Добравшись до хайборийских земель, наш герой вступает в отряд наемников, который зингарский принц Запайо да Кова со-

бирает для Аргоса. Предполагается, что Коф вторгнется в Стигию с севера в то время, как аргосийцы доберутся по морю и высадятся на юге. Коф, однако, заключает сепаратный мир со Стигией, бросая наемников на гибель в стигийских пустынях. Конан бежит в Амальриком, юным аквилонским воином. Амальрик освобождает девушку Лиссу, которую хотели принести в жертву божеству ее родного города. Вскоре они попадают в плен к кочевникам-кушитам. Скоро Конану удается стать воином-всадником города Томбалку, а потом и возглавить всю кавалерию города. Томбалку правят два короля — негр Сакумбе и мулат Зехбех. Изгнав Зехбеха, Сакумбе делает Конана своим соправителем. Однако колдун Аския изводит Сакумбе колдовством. Конан, отомстив за своего черного друга, бежит на север с Амальриком и Лиссой. («Барабаны Томбалку».)

Пробившись к побережью, Конан присоединяется к бараханским пиратам. Став вторым помощником на корабле «Ястреб», он высаживается на остров стигийского чародея Сиптаха, который, по слухам, обладает магической драгоценностью великой мощи.

Сиптах обитает в круглой башне без дверей и окон, которую сторожит крылатый демон. Наш герой выкуривает демона, но тот уносит его на вершину башни. В башне Конан обнаруживает труп давно умершего волшебника и с помощью магической драгоценности ухитряется победить демона. («Драгоценность в башне».)

Поссорившись с пиратами, он уплывает с острова на утлой лодчонке по волнам Западного Океана. Его подбирает «Вастрель», корабль корсара Запораво. Вскоре Запораво приводит свой корабль к не нанесенному на карты острову, на котором Конан вынужден сойтись с капитаном в поединке и убить его, после чего киммерийцу приходится сражаться со странными черными существами, поклоняющимися живому источнику. («Источник Черных».)

По возвращении «Вастреля» в Кордаву Конан убеждает власти передать ему приватирскую лицензию Запораво. Около двух лет он проводит в роли полулегального пирата. В самой же Зингаре зреет заговор. Король Фердруго стар и не имеет наследников, кроме своей юной дочери Чабелы. Герцог Виллагро с помощью колдовства стигийского волшебника Тот-Амона пытается сделать Чабелу своей невестой. Та, почуяв действие магии, отправляется на королевской яхте в Аргос, чтобы посоветоваться со своим дядей. Яхту перехватывает корабль пирата Зароно, сообщника Виллагро и Тот-Амона. Конан преследует Зароно, похитившего у него карту безымянного острова, где по легенде хранятся сокровища. Зароно достигает острова, а вслед за ним туда приплывает Конан. Чабела бежит от Зароно и встречается с Кона-

ном. На острове Конан находит пресловутое сокровище — магическую Корону Кобры.

Покинув остров, корабль Конана попадает в шторм и его относит к берегу Куша, где наш герой встречает своего старого друга Джуму, вернувшегося на родину и ставшего вождем союза племен.

После ряда приключений Конан и Чабела добираются до Зингары и разоблачают заговор Виллагро. Зароно скрывается, а Тот-Амон бежит в Стигию. («Корона Кобры».)

Конан продолжает свою карьеру корсара, но вскоре, очевидно в результате кораблекрушения, оказывается без гроша в кармане на побережье Шема. Он вступает в отряд наемников, но вынужден нести со своими товарищами скучную и утомительную службу в забытой всеми богами крепости на границе Стигии. Скоро он дезертирует и, странствуя по джунглям, встречается с другим дезертиром или, точнее, дезертиршей — бывшей пираткой Валерией из Красного Братства. Вместе они проникают в затерянный город Ксухотл, населенный двумя враждующими кланами — людьми рода Ксоталанк и рода Текультли. Текультли правит бессмертная ведьма Тасцела. Уничтожив ее, Конан и Валерия покидают Ксухотл. («Красные гвозди».)

Любовь Конана и прекрасной пиратки длилась недолго. Валерия возвращается в море, а наш герой решает еще раз поискать удачи в Черных Королевствах. Он пытается завладеть сокровищем, скрытым в руинах древнего Алкменона, — «Зубами Гвалура», но это предприятие оканчивается неудачей, и единственной добычей Конана оказывается девушка-коринтианка Муриела. («Сокровища Гвалура».)

Вместе с Муриелой Конан предпринимает еще одну попытку раздобыть денег — на сей раз избавить почитателей некой богини от излишков золота, однако и на этот раз Конану не удается разбогатеть. («Богиня из слоновой кости».)

Из Зембабве — города двух королей — Конан направляется на север с купеческим караваном и прибывает в Шем. Там он узнает, что Аквилония начинает завоевание Дебрей Пиктов. Туда и направляется Конан. Он служит разведчиком в форте Тускелан.

В лесах за рекой колдун Зогар Саг собирает болотных демонов на помощь пиктам. Хотя Конану и не удается предотвратить уничтожение форта, он успевает предупредить поселенцев в окрестностях Велитриума и убить Зогар Сага. («За Черной Рекой».)

Конан быстро продвигается на аквилонской службе. Когда он становится капитаном, его отряд однажды терпит поражение из-за предательства вышестоящего офицера. Узнав, что этот человек, виконт Люциан, собирается продать пиктам всю провинцию, Конан выявляет предателя и прогоняет пиктов. («Кровавая луна».)

Дослужившись до генерала, Конан разбивает пиктов в великой битве при Велитриуме и его отзывают в столицу, Тарантию, наслаждаться заслуженной славой. Однако подозрительный и ревнующий к известности полководца король Нумедидес бросает героя в темницу и приговаривает его к смерти.

С помощью друзей Конану удается бежать. Он пробирается сквозь глухие леса пиктов к морскому берегу. В лесу киммериец находит пещеру, в которой лежит труп и охраняемое демоном сокровище пирата Траникоса. На побережье обосновавшийся там зингарский граф и две шайки пиратов охотятся за тем же сокровищем, а прибывший туда стигийский маг Тот-Амон преследует некогда обманувшего его графа. Тот-Амон освобождает демона пещеры и натравливает его на графа. Пикты убивают пиратов, а аргосийская галера, нанятая друзьями Конана, спасает нашего героя и сокровища. («Сокровище Траникоса».)

Друзья Конана замышляют восстание против Нумедидеса. На деньги, полученные от продажи сокровищ Траникоса, набирается армия наемников, со всей Аквилонии стекаются недовольные, и главнокомандующим армии выбирают Конана. Силы повстанцев движутся на Тарантию.

Об этом времени повествует кордавская табличка (К—72), не относящаяся непосредственно к саге о Конане. Она излагает историю гражданской войны на пиктской границе, точнее, один из ее эпизодов. Рассказывается о предательстве ставленника Нумедидеса, лорда Валериана, о кознях пиктского колдуна. Сам Конан лишь упоминается. («Волки у границы».)

Взяв Тарантию и задушив Нумедидеса прямо на ступенях его трона, Конан был провозглашен королем Аквилонии, крупнейшего и сильнейшего из хайборийских государств. («Конан Освободитель».)

Однако вскоре группа заговорщиков попыталась убить короля. Если бы не вмешательство призрака древнего доброго мага Эпиметреуса, Конан потерял бы и трон, и собственную жизнь, тем более что в событиях оказался замешан его древний враг — стигийский маг Тот-Амон. («Феникс на мече».)

Не успели стихнуть разговоры об этом заговоре, как Конан был предательски захвачен королями Офира и Кофа и брошен в подземную темницу черного мага Тзота-ланти, откуда ему удалось бежать с помощью другого узника, соперника Тзота-ланти в чародейском искусстве, мага Пелиаса. Благодаря магии Пелиаса Конан вовремя возвращается в Тарантию и, собрав войска, наголову разбивает движущиеся на столицу армии своих врагов. («Алая цитадель».)

Конану уже за сорок. Не признававший закона и порядка искатель приключений превратился в мудрого и справедливого пра-

вителя. Уже почти два года Аквилония процветает под его рукой. Но в соседней Немедии зреет новый заговор.

С помощью древнего камня-талисмана, называемого «Сердце Аримана», враги короля Аквилонии воскрешают мумию Ксальтотуна, величайшего из черных магов Ахерона, древней империи зла, павшей более чем за три тысячелетия до времени Конана под натиском тогда еще полудиких хайборийских племен. Своим колдовством Ксальтотун разбивает аквилонское воинство. Конан взят в плен, и на трон Аквилонии восходит дальний родич Нумедидеса Валериус.

Девушка Зенобия помогает Конану бежать из темницы. От жреца бога Асуры киммериец узнает, что справиться с Ксальтотуном можно лишь с помощью вызвавшего его к жизни Сердца Аримана. Конан пускается на поиски талисмана и находит его в мрачной пирамиде среди стигийской пустыни, куда его увезли похитившие камень жрецы. Завладев Сердцем Аримана, Конан возвращается и побеждает своих врагов. («Час Дракона».)

Возвратив себе трон Аквилонии, Конан берет в жены свою спасительницу Зенобию. Но со свадебного праздника ее похищает и уносит крылатый демон. Конан отправляется на поиски любимой. Волшебник Пелиас открывает королю, что демона послал черный маг из далекого Кхитая Ях Ченг. Чтобы справиться с врагом, Пелиас дает Конану магическое кольцо. Конан пересекает Туран, попадает в плен к своему давнему врагу шаху Ездигерду. После дерзкого побега киммериец с помощью пиратов Вилайета заманивает туранский флот в ловушку, уничтожает его и убивает Ездигерда. Добравшись наконец после множества приключений до Пайканга, города пурпурных башен, наш герой побеждает кхитайского чародея магией кольца Пелиаса, освобождает Зенобию и вместе с ней возвращается в Аквилонию. («Мститель».)

Зенобия рождает Конану двух сыновей и дочь. Старший сын назван Конаном в честь отца, но все обычно зовут его Конн. Самому королю уже под пятьдесят, и в его непокорной черной гриве пробивается седина, но его непомерная сила еще не пошла на убыль.

Когда Конну исполняется двенадцать лет, отец берет его с собой на охоту в Гандерланд. Там мальчика похищают колдуны Гипербореи. Конан пускается по следам пропавшего сына и попадает в твердыню чародеев Севера Похьелу, где держат Конна в плену. Там собрались величайшие черные маги мира — владычица колдунов Севера Лоухи, Верховный жрец Сэта Тот-Амон, давно уже ненавидящий киммерийца, а также негр-колдун, повелитель Зембабве, и бог-царь Камбуджи. Конану и его сыну удается расправиться с Лоухи и камбуджийцем, но Тот-Амон и владыка Зембабве исчезают с помощью магии. («Ведьма туманов».)

Вскоре герцог Панто Гуарралидский вторгается в Пуантен, на юге Аквилонии. Разбив захватчиков, Конан узнает, что спровоцировал Панто на эту безумную авантюру не кто иной, как Тот-Амон.

С этого часа начинается долгая погоня за зловещим магом. Войско Конана вторгается в Стигию и выкуривает Тот-Амона из его обиталища в древнем храме Сэта. Чародей бежит на юг, а Конан отправляет домой большую часть своей армии и, оставив при себе только Конна и небольшой отряд самых доблестных воинов, углубляется в джунгли Юга. («Черный сфинкс Небтху».)

Достигнув Зембабве, Конану и Конну удается уничтожить царя-колдуна этого города, но скрывающийся там стигийский маг ускользает снова и по-прежнему стремится к югу, к неведомому южному краю населенного мира. («Красная луна Зембабве».)

Достигнув этого последнего предела, отряд Конана оказывается в крепости, высеченной из огромной скалы и имеющей форму гигантского черепа, — в последнем прибежище остатков гнусного отродья Сэта, расы разумных змей, уничтоженной еще царем древней Валузии Куллом. Эти чудовища, принявшие с помощью магии образ людей, едва не губят отряд, но Конн случайно раскрывает их тайну. Воины Конана убивают змей, а сам киммериец расправляется с Тот-Амоном, нашедшим убежище среди народа своего бога. («Тени в черепе».)

Проходит несколько лет. Лицо Конана испещряют морщины, его черная грива седеет. Зенобия умирает при родах второй дочери.

Новая беда обрушивается на Аквилонию. Таинственные существа, которых называют Красными Тенями, начинают похищать подданных Конана. Тогда королю во сне вновь является призрак Эпиметреуса. Он советует Конану отречься от престола в пользу Конна и искать врагов Аквилонии за Западным Океаном.

Так Конан и поступает. Купив в Аргосе корабль, он набирает команду смельчаков и отправляется в плавание на запад, чего доныне не дерзал совершить ни один хайборийский мореход.

Корабль Конана достигает Антиллии, цепи островов в западной части океана, на которых некогда уцелела часть населения Атлантиды, когда эта страна была поглощена водами. Антильцы топят корабль пришельцев и берут в плен его команду, но Конану удается избежать плена и доплыть до берега.

Жрецы Антиллии, совершающие человеческие жертвоприношения своему кровожадному божеству Ксотли, занимаются этим столь рьяно, что извели почти весь свой народ и начали насылать Красные Тени на другие страны. Появление чужаков явилось нежданным подарком для этих свирепых священнослужителей. Жрецы решают немедля принести в жертву всех людей Конана.

Но Конану удается пробраться в подземелье храма-пирамиды и в последний момент выпустить в город содержащихся там жрецами в глубокой тайне огромных драконов. Жертвоприношение прервано. А найденный Конаном после явления призрака Эпиметреуса у своего ложа странный талисман уничтожает материализовавшегося в небе над жертвенником ужасного бога-демона Ксотли. Начинается землетрясение, и народ, видя поражение жрецов, восстает против своих мучителей. Вскоре Конан и его люди, подружившись с освобожденными антильльцами, отплывают на подаренном им корабле на запад, чтобы исследовать раскинувшийся там огромный неведомый материк. («Тени Ужаса».)

Встретил ли Конан свою смерть на этой новой земле, или он все же вернулся, чтобы помочь своему сыну в последней битве с врагами Аквилонии — это знает лишь тот, кто, подобно царю древней Валузии Куллу, дерзнул заглянуть в манящие глубины таинственных зеркал Тузун Туна.

Как уже говорилось, эта работа представляет собой первую попытку выяснения хронологической последовательности преданий о величайшем герое хайборийской эры, то есть реконструкцию жизненного пути Конана, а также сведение этих преданий в единую сагу с варваре-киммерийце. Предстоит еще большой труд по заполнению многочисленных лакун, поскольку более половины зингарских и офирских текстов еще не переведены, и мы с нетерпением ждем новых преданий, которые дополнят

САГУ О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ.

Вилланова, Пенсильвания
Май, 1984

Братья и Сестры!

Хайборийская викторина завершилась. Сегодня мы публикуем список игроков, давших правильные ответы. Победители получат свои призы по почте. Кроме того, всех тех, кто прислал нам письма, мы поздравляем со вступлением в Конан-клуб. Членские билеты также будут высланы по почте. Подробный обзор писем и варианты правильных ответов будут опубликованы в ближайшем «Вестнике Конан-клуба». Поздравляем победителей.

Абсолютный чемпион викторины:

Дмитрий Попов Санкт-Петербург

Приз: большой бесплатный комплект книг о Конане. Майка. Золотой билет Конан-клуба.

Чемпионы:

Антонеу Денис	Новосибирск-5
Долбак Алексей	Москва
Долбак Ольга	Москва
Лисюченко Виталий	Пыталово
Сальнов Александр	Нижний Новгород
Тихонов Игорь	Уфа

Призы: малый бесплатный комплект книг о Конане. Майка. Серебряный билет Конан-клуба.

Авторы правильных ответов:

Абуева Алла	Сочи
Аваков Александр	Москва
Аверьянов Виталий	Северодвинск
Аксёнов Сергей	Дубна
Александров Е.А.	Краснодар
Александров Юрий	Пушкин
Алтухов С.	Звездный городок
Альбинский Алексей	Санкт-Петербург
Алифанов Кирилл	Санкт-Петербург
Аляутдинов Ш.Э.	Москва
Амельченко Виктор	Краснодар
Ананин Н.	Ижевск
Андреев Андрей	Санкт-Петербург
Анжимов Сергей	Майкоп
Аскеров Фарид	Москва
Бабаев Евгений	Иваново
Барынин Владимир	Москва
Байдалин Артур	Ижевск
Баникевич Владимир	Новокузнецк
Барянов Алексей	Белая Колита

Бардышева Ольга	Ломоносов
Бахвалов Александр	Великие Луки
Бахир Дмитрий	Краснодар
Башмаков Владимир	Армавир-15
Белоусова Анна	Донецк
Белоусов Слава	Донецк
Берестянский Вячеслав	Ростов-на-Дону
Берина Набела	Ростов-на-Дону
Блинов И.В.	Череповец
Богатов Павел	Санкт-Петербург
Болдарев Вадим	Кострома
Большаков Олег	Санкт-Петербург
Борменко Евгений	Орел
Борхонов Николай	Улан-Удэ
Бузов Игорь	Иваново
Бунщев А.	Обнинск
Бухтеев Сергей	Санкт-Петербург
Быстров Виталий	Санкт-Петербург
Васильев Юрий	Полтава
Васин Виталий	Люберцы
Валль Андрей	Санкт-Петербург
Веденеев Арсений	Санкт-Петербург
Ветцель Константин	Красноярск
Виленкин Сергей	Санкт-Петербург
Виленкин Владимир	Санкт-Петербург
Владимирцев Александр	Пушкин
Власов Владимир	пос. Лянгасово
Войтович Дмитрий	Минск
Волощенко О.Е.	Кемерово
Гаврилов Денис	Москва
Гаврилов Дмитрий	Москва
Гагурин Максим	Москва
Галанин Алексей	Муром
Гвоздюк Вадим	Омск
Гейвандов Роман	Ставропольский край
Глебова Татьяна	Санкт-Петербург
Голицкий Алексей	Ярославль
Головченко А.П.	Санкт-Петербург
Горбатов Дмитрий	Казань
Гордиенко Тимур	Москва
Горохов Евгений	Иваново
Горячев Юрий	Пенза
Грачев Александр	Санкт-Петербург
Гришин Г.А.	Подольск
Громов Борис	пос. Березняки
Гудков Владимир	Лысково
Гузель Алексей	Санкт-Петербург

Гусев Евгений	Челябинск
Давлетисин С.В.	Уфа
Дадонов Дмитрий	Жуковский
Данилов А.	Екатеринбург
Данилов Д.	Москва
Деменев Сергей	Казань
Демизов Алексей	Коломна
Детков Александр	Пушкин
Дзюбанова Вера	Армавир
Дик Светлана	Воркута
Дмитриева Екатерина	Тверь
Дмитриев Антон	Санкт-Петербург
Добреньков Денис	Москва
Добрин Дмитрий	Тихвин
Докучаева Л.В.	Москва
Дороднов А.М.	Ульяновск
Дрондина Лена	Иваново
Дронкин Сергей	Пятигорск
Дугон Ефим	Новосибирск
Дунаев А.	Москва
Душечкин Алексей	Санкт-Петербург
Елисеев Сергей	Санкт-Петербург
Еременко Сергей	Кемеровская обл.
Ерохин С.В.	Таганрог
Ермаков А.А.	Белореченск
Ефанов Игорь	Днепропетровск
Ефимов П.	Казань
Жарков В.	пос. Мостовской
Житинок Юрий	Одесса
Зимин Василий	Иваново
Задорин Дмитрий	Верхняя Пышма
Зюзин Максим	Ярославль
Иванова Анна	Белоруссия
Иванов Андрей	Псков
Иванов Михаил	Новокузнецк
Иванов Сергей	Санкт-Петербург
Игнатенко А.	Новосибирск
Изотов Олег	Кольчугино
Исаев Сергей	Саратов
Исайкин Дмитрий	Омск
Калашникова Светлана	Тихорецк
Калистратов Александр	Псков
Каменев Андрей	Кисловодск
Карабинеров Данил	Брянск
Карпов Игорь	Новосибирск
Кирайдт Андрей	Ставрополь
Кирий Сергей	Майкоп

Кириченко Олег	Ростов-на-Дону
Киселев Георгий	Санкт-Петербург
Клеников Иван	Вологда
Кляviньш Виктор	Рига
Князев Сергей	Владимир
Кизяков Игорь	пос. Шангуй
Козлов Ярослав	Калуга
Коковкин Алексей	Кинешма
Колесников Борис	Сыктывкар
Колотиенко Кирилл	Ростов-на-Дону
Коновалов Игорь	Красноярск-26
Коновалов Сергей	Рязань
Коновальчук Сергей	Армавир
Кононов Михаил	Бердск
Констаитинов О.	Москва
Корзин Олег	Москва
Коротков Алексей	Иваново
Костинёв Алексей	ст. Новотитаровская
Костяков Игорь	Москва
Костюкевич Александр	Екатеринбург
Коченков Алексей	Санкт-Петербург
Коченков Юрий	Санкт-Петербург
Кочнев Артур	Владикавказ
Кравченко Сергей	Тамбов
Крайненко Р.	Таганрог
Кривцов Александр	Абдулино-3
Крупнов Д.И.	Москва
Крюков Р.	Санкт-Петербург
Кузнецова Тамара	Прокопьевск
Кузнецов Дмитрий	Пермь
Кузнецов Павел	Краснодар
Кузнецов Эдуард	Тамбовская обл.
Кузьмин Александр	Санкт-Петербург
Кулагина Лена	Москва
Курмаев Михаил	пос. Пагелма
Кутузов А.А.	Санкт-Петербург
Кучеров Александр	Новгород
Кушнаренко Юрий	Барнаул
Кушнирова М.	Череповец
Лапин Руслан	Липецк
Ларионов Юрий	Томск
Лебедев Владимир	Рига
Левченко Максим	Москва
Левченко Олег	Москва
Лёвкин Михаил	Кострома
Ломтадзе Алексей	Иркутск
Лушин Вадим	Кострома

Лысенко С.	Рязань
Мадонов Д.Н.	Саранск
Майборода Павел	Красноярск
Мазнев Александр	Волгоград
Макогонюк Максим	Одесса
Маленюк Александр	Чита
Маликов Дмитрий	Тула
Маркарян Сурен	Сочи
Марков Евгений	Санкт-Петербург
Матиевский Александр	Санкт-Петербург
Мельникова Н.Г.	Изобильный
Метелёв Антон	Новосибирск
Метелица Любовь	Санкт-Петербург
Минаков Алексей	Одинцово
Мингазова Зарема	Уфа
Миренцов В.	Владивосток-3
Митянин И.	Кострома
Михайлов Ю.	Латвия
Михеев Михаил	Мурманск
Мишин Вениамин	Санкт-Петербург
Мишта Николай	Москва
Можайский Александр	Ставрополь
Моисеев Алексей	Москва
Муравьев Игорь	Ейск
Мусохранов И.	Северск-37
Муратов Андрей	Нижний Новгород
Мухортых Даниил	Астрахань
Мясников Денис	Новокузнецк
Наймушин Анатолий	Санкт-Петербург
Насули Иван	Изобильный
Неделевич Олег	Днепропетровск
Ненько Денис	Североморск
Нечанова Ирина	Екатеринбург
Никитин Юрий	Санкт-Петербург
Никифорова Наталья	Таганрог
Николаев Сергей	Молодогвардейск
Новиков Олег	Тверь
Ноженко Д.А.	Одесса
Овод Евгений	Красный Кут
Омельченко Владислав	Львов
Осокин Александр	Москва
Ощенко Игорь	Днепропетровск
Павлов Александр	Рига
Павлов С.Н.	Санкт-Петербург
Павлюкова В.	Махачкала
Парфенов Игорь	Всеволожск
Пелехань Сергей	Украина

Переверзев Сергей	Николаев
Петров Евгений	Санкт-Петербург
Петров Роман	Лермонтов
Петров Сергей	Санкт-Петербург
Плетнева Катя	Краснодар
Плетнев Сергей	Краснодар
Плотникова Юля	Пермь
Поликарпова Елена	Таганрог
Пономарев Ю.Э.	Архангельск
Попов В.А.	Камень-на-Оби
Постников Александр	Иваново
Пось Владимир	Макеевка
Потару Артем	Санкт-Петербург
Прокопенко Н.Г.	Калининград
Прокудин Евгений	Владивосток
Прядилин Руслан	Екатеринбург
Пушкарев Евгений	Новосибирск
Райский Денис	Саратов
Речнев А.	Сосновоборск
Рогулин Николай	Санкт-Петербург
Родин Роман	Москва
Родионов Сергей	Санкт-Петербург
Ручко Дмитрий	Московская обл.
Савченко Роман	Санкт-Петербург
Сафонов А.	Нижний Новгород
Свинарев Дмитрий	Москва
Сегиров Данила	Мурманск
Селина Влада	Волгоград
Семенов Владимир	Санкт-Петербург
Семенов Денис	Екатеринбург
Семенов Игорь	Пятигорск
Сиважелезов Александр	Донецк
Сильман Ирина	Киев
Симоков Валерий	Кореновск
Сичевская Наталья	Ключи
Слатов Владимир	Северск
Смирнов Сергей	Череповец
Соболь Сергей	Темрюк
Соколов М.	Трубчевск
Сотников А.В.	Орел
Спицевич Александр	Москва
Ставцев А.	Орел
Старцев Денис	Ярославль
Степанов Михаил	Кострома
Степанцов Вадим	Геленджик
Столяров Андрей	Тамбов
Ступин Максим	Суоярви

Супрунов Павел	Санкт-Петербург
Суханов Р.	Кострома
Сыч Альберт	Киев
Талантова Екатерина	Санкт-Петербург
Тверской Максим	Санкт-Петербург
Телегин Сергей	Ильичевск
Тылик Ирина	Ростов-на-Дону
Убайдулаев Марат	Гатчина
Удовик Николай	Североморск-3
Удушев Роман	Барнаул
Ушаков И.В.	Кострома
Ушивой Михаил	Санкт-Петербург
Фазипов Дмитрий	Краснодар
Фатеев Дмитрий	Москва
Фатов Владимир	Москва
Федорова Татьяна	Москва
Федотов Михаил	Вольск
Федотов Н.	Петропавловск
Федукин А.	Саратов
Халин В.В.	Липецк
Харитонов Евгений	Москва
Хижуркина Люба	Саранск
Храбров Дмитрий	Новосибирск
Хренков Константин	Ростов-на-Дону
Царев Алексей	Арзамас
Чеботарев А.	Екатеринбург
Чеботков Валерий	Санкт-Петербург
Чекалин В.С.	Новороссийск
Чекирёв Александр	Волхов
Черников Иван	Иваново-13
Черняков Константин	Санкт-Петербург
Черноиванов Александр	Краснодар
Чернов Сергей	Белореченск
Черноскутова Светлана	Ногинск
Чернышева Валя	Санкт-Петербург
Чукуров Дмитрий	Пенза
Чурбакова Алена	Екатеринбург
Чурилов Павел	Киселевск
Чухломин Сергей	Коряжма
Шабанов Витя	Кандалакша
Шадский А.	Москва
Шаиров Сергей	Рыбинск
Шаповалов К.С.	Благодарный
Шелухин Александр	Магадан

Приз: льготный билет Конан-клуба.

Издательство "АЗБУКА" приглашает всех любителей героической фантастики в

КОНАН-КЛУБ

Только членам клуба будут рассылаться бесплатные каталоги, а в дальнейшем — специальный клубный журнал.

Чтобы получить подробную информацию о **КОНАН-КЛУБЕ**, заполните анкету и пришлите ее по адресу: 198013, Санкт-Петербург, а/я 226.

КОНАН-КЛУБ издательства "**АЗБУКА**"

Да, я хочу стать членом КОНАН-КЛУБА.

Меня зовут

Я проживаю по адресу:

Пришлите мне подробную информацию о правах и обязанностях членов КОНАН-КЛУБА.

Дата Подпись

СОДЕРЖАНИЕ

ДИКАЯ ОРДА
Роман
Перевод М. и В. Шубинских
7

ГОРОД НЕГОДЯЕВ
Роман
Перевод Е. Федотовой
193

Вестник Конан-клуба
463

Литературно-художественное издание

Джон Маддокс Робертс

СОЛДАТ УДАЧИ

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троицкого

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Татьяна Виноградова,
Анастасия Келле-Пелле,
Елена Светозарова

Верстка
Александра Балабанова

ЛР № 030129 от 02.10.91

Подписано в печать с оригинал-макета 13.11.95.

Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 40 000 экз. Усл. печ. л. 26.

Изд. № 19. Заказ № 1476.

Издательство «Азбука».
198013, Санкт-Петербург, а/я 226.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ДЕБРИ ПИКТОВ
СТЕПИ
ГИРКАНИЯ
БРИТУНИЯ
ПУСТЫНИ
НЕМЕДИЯ
ЗИНГАРА
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ЗАМОРА
ПУСТЫНИ
КХИТАЙ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
КОФЕ
ШЕМ
АРГОС
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
ИРАНИСТАН
ВЕНДИЯ
Халога
Галлоран
Велитриум
Танасул
Бельверус
Нумалия
Султанапур
Шадизер
Тарантия
Шамар
Иранистан
Аренджун
Карпашские горы
Кордава
Хоршемиш
Акит
Аграпур
Самарра
Шангара
Замбула
Хорайя
Эрук
Асгалун
Мессантия
Бирюзовые острова
Рабирийские горы
Птейон
Кемп
Луксур
Сухмет
Кутхемес
Хорезм
Алкменон
Кассали I
Кешла
Ксутал
Ксухотл
Черный остров
остров Синтаза
остров Железных Идолов
остров Ксапур
р. Стикс
р. Красная
р. Хорот
р. Тайбор
р. Ширка
р. Громова
р. Черная
р. Запорожка
ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
С
З
В
Ю

**История не сохранила имен хайборийских летописцев,
тех, которые положили начало великой саге
о бессмертном воителе по имени КОНАН.**

РОБЕРТ ГОВАРД
**продолжил летопись, начатую тысячи лет назад.
Всего двадцать один эпизод саги принадлежит его перу.
но он стоит больше многих томов,
написанных позднее его друзьями и учениками.**

ЛЕОН СПРЭГ ДЕ КАМП и ЛИН КАРТЕР
**сохранили для нас наследие Говарда.
Это было, безусловно, главной, но не единственной их заслугой.
Они продолжили сагу и воспитали целое поколение писателей,
которые работают над летописью о Конане сегодня.**

**Одного из самых талантливых писателей нового поколения,
того, чьи произведения, при всей их самобытности,
удивительно совпадают с говардовской интонацией, зовут
ДЖОН МАДДОКС РОБЕРТС**

Его книгу вы сейчас держите в руках.

CONAN - зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использование по лицензии.